

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

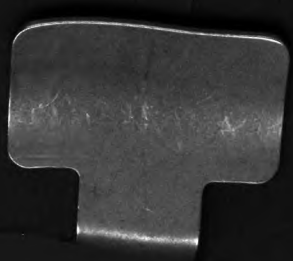
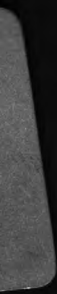
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

POLNOE SOBRANIE SOCHINENII
KONSTANTINA SERGEEVICH
AKSKOVA
Volume 1
K. S. Aksakova

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1974 by microfilm-xerography by Xerox University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

К 5 Аксаков

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

Полное собрание сочинений

СОЧИНЕНИЙ

КОНСТАНТИНА СЕРГЬЕВИЧА

АКСАКОВА.

— DK 5
• A 35
ТОМЪ I. v. 1

изданныи подь редакціей

И. С. АКСАКОВА.

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. БАХМЕТЕВА.

—
1861.

—
K.

К. С. АКСАКОВА

СОЧИНЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

10-16-74

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. БАХМЕТЕВА.

1861.

3281.15

Ремондъ Федоръ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 19-го декабря 1861 года.

Ценсура: *Н. Гилъровъ-Платоновъ.*
А. Петрова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ издаваемомъ нынѣ первомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Константина Сергѣевича Аксакова, помѣщены его «сочиненія историческія.» Мы раздѣлили этотъ томъ на три отдѣла: 1-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статьи по Русской исторіи вообще, статьи излагающія или общій взглядъ автора на Русскую исторію, или же взглядъ на ту или другую историческую эпоху. Ко 2-му отдѣлу мы отнесли изслѣдованія по частнымъ историческимъ вопросамъ. Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщены разныя отдѣльныя замѣтки и небольшія статьи, не подходящія подъ рубрику первыхъ двухъ отдѣловъ.

Историческія убѣжденія автора связывались такими крѣпкими органическими нитями со всеѣмъ ученіемъ, котораго онъ былъ представителемъ и проповѣдникомъ, что въ сочиненіяхъ его чрезвычайно трудно провести рѣзкую грань между сочиненіями историческими и не историческими. Цѣльность его возрѣнія философскаго, нравственнаго, соціальнаго, художественнаго почти не допускаетъ правильнаго раздѣленія его литературной дѣятельности на рубрики или разряды: такъ, на примѣръ, онъ проводилъ свои историческіе взгляды и въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и въ стихахъ, и въ повѣстяхъ, и въ драматическихъ піесахъ, и въ частныхъ письмахъ, и въ нравственно-философскихъ трактатахъ, и въ статьяхъ по живымъ общественнымъ современнымъ задачамъ; на оборотъ— въ его историческихъ трудахъ вы постоянно встрѣчаетесь съ его нравственными и соціальными убѣжденіями, и слышите

отвѣтныи отзывъ его на вопросы нашей эпохи. Прошедшее и будущее, минувшее и современное, все это жило въ немъ цѣльною, живою, настоящею жизнью, которая была непрерывнымъ ключомъ, выражала себя безпрестанно и неутомимо, — еще болѣе въ устной бесѣдѣ, чѣмъ на письмѣ и въ печати. Отъ этого написанныхъ пмѣ, оконченныхъ сочиненій находится мало, сравнительно съ тою массою набросковъ, очерковъ, замѣтокъ, задачъ, темъ для будущихъ статей и трудовъ, которая осталась послѣ его преждевременной кончины. Не одно воззрѣнiе, которое было вполне разработано въ мысли у автора и высказывалось въ видѣ совершенно законченномъ его друзьямъ и знакомымъ, сохранилось на бумагѣ только какъ намѣкъ въ двухъ-трехъ словахъ, записанныхъ для памяти.

Тѣмъ не менѣе мы отдѣлили въ этотъ первый томъ тѣ статьи и замѣтки автора, которыхъ главною, преимущественною задачею — разъясненiе того или другаго вопроса Русской исторiи. Во всей же своей полнотѣ историческое воззрѣнiе К. С. Аксакова раскрывается только по прочтенiи всѣхъ его сочиненiй.

Къ сожалѣнiю, очень многія статьи остались недописанными и сохранились въ черновыхъ рукописяхъ, нерѣдко въ самомъ первоначальномъ необработанномъ видѣ. Мы не считали себя въ правѣ измѣнять текстъ оригинала и напечатали его съ строгою вѣрностью, вставляя только иногда для ясности, отъ себя, нѣкоторыя слова курсивомъ и въ скобкахъ, или прибавляя въ выноскѣ пояснительное примѣчанiе.

Въ составъ этого тома вошли также выписки изъ актовъ и грамотъ, напечатанныхъ въ Собранiи Археографической Экспедицiи и въ другихъ сборникахъ. Такъ какъ каждая выписка сопровождается замѣткою автора, раскрывающею его взглядъ, а совокупность выписокъ и отдѣльныхъ замѣтокъ представляетъ этотъ взглядъ уже въ нѣкоторой полнотѣ, — то мы не сочли нужнымъ исключать самыи текстъ выписокъ, тѣмъ болѣе что, по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ, эти выписки, собранныя вмѣстѣ, въ одно цѣлое, сами по себѣ не из

лиши для нашей исторической литературы. Знакомому съ историческими занятіями—интересенъ будетъ также и самый методъ историческихъ работъ К. С. Аксакова.

Мы надѣемся, со временемъ, издать и слѣдующіе томы сочиненій К. С. Аксакова, именно: 2 томъ, заключающій въ себѣ статьи разнаго содержанія, преимущественно по современнымъ общественнымъ вопросамъ, 3 томъ—который будетъ содержать его художественныя произведенія въ стихахъ и прозѣ; 4 и 5 томы, въ которыхъ будутъ помѣщены его диссертация о Ломоносовѣ и труды по Русской филологіи; 6-й томъ, въ которомъ будутъ собраны его письма и сочиненія, почему либо не вошедшія въ первые пять томовъ.

I.

СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (*).

Земля и Государство со времени призванія Рюрика. — Добровольныя ихъ отноше-
нія. — Опрежденіе Земли — внутренняя правда; Государства — ви́шняя правда. —
Князья и города. — Царь и Земля. — Люди земскіе и служилые. — Государево и
Земское дѣло. — Земля соблюдала договоръ. — Государство въ лицѣ Петра измѣ-
няетъ. — Сельскія общинныя сходки. — Мысль Земли, носящаяся надъ Россією и
постоянно присущая, хотя едва уловимая въ явленіяхъ. — Славяне.

Нравственный подвигъ жизни предлежитъ не только каждому
человѣку, но и народамъ, и каждый человѣкъ и каждый народъ
рѣшаетъ его по своему, выбирая для совершенія его тотъ или
другой путь. И человѣку и народу случается падать на нравствен-
номъ пути, но самое паденіе это есть нравственное же паденіе,
совершается въ нравственной сферѣ. Какъ бы ни рѣшался нрав-
ственный вопросъ, какъ бы ни было возмутительно его рѣше-
ніе, онъ неотразимо предстонтъ человѣческому духу. Всякая
умственная, всякая духовная дѣятельность, вся тѣсно соединена
съ нравственнымъ вопросомъ.

Исторія представляетъ намъ сія многоразличныя пути, сія мно-
готрудныя борьбы противорѣчащихъ стремленій, вѣрованій, убѣж-
деній нравственныхъ. Страшная игра матеріальныхъ силъ пора-
жаетъ съ перваго взгляда; но это одинъ призракъ: внимательный
взоръ упадетъ одну только силу, движущую всѣмъ, мысль, ко-
торая всюду присутствуетъ, но которая медленно совершаетъ ходъ
свой; часто готовая перерядиться въ новый образъ, она сообщаетъ

(*) Неоконченная, черновая рукопись, относящаяся, по всѣмъ соображеніямъ, къ
1849 году: на оберткѣ рукою автора отмѣчено: „для Сборника Колачова“; вѣроятно
для 1-го тома Архива. Взглядъ, здѣсь выраженный, развитъ полнѣе въ позднѣйшихъ
статьяхъ, и здѣсь, кажется, только впервые набросанъ. Слѣдующія строку, въ под-
линникѣ написанныя на заглавномъ листѣ, представляютъ общій планъ всей статьи.

Прим. изд.

еще могущество свое образу прежнему, хранить его, пока вполне не созрѣетъ и съ полнымъ правомъ не явится въ новомъ сіяніи, пересоздавъ все въ новый образъ. Избавиться отъ мысли люди не могутъ: они могутъ загромождать ее матеріальными внѣшними силами, могутъ поставить на поприще насилія; но, обремененная недостойною себя громадою, она тѣмъ не менѣе движетъ ее, и тогда страшно столкновеніе грубыхъ массъ, прильнувшихъ къ это духовной силѣ: страшно разбиваются и разрушаются онѣ другъ объ друга.

Нравственное дѣло должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Вполнѣ достойный путь одинъ для человѣка, путь свободнаго убѣжденія, путь мпра, тотъ путь, который открылъ намъ Божественный Спаситель, и которымъ шли Его Апостолы. Этотъ путь *внутренней правды* смутно могъ чувствоваться и языческими народами. Не силою принужденія, но силою жизни самой истребляется все противорѣчащее истинѣ, дается мѣра и строй всему. Разладъ, который можетъ происходить здѣсь отъ несовершенства человѣческаго, налаживается опять жизнію же. Какъ бы ни падала община, ставшая на этотъ путь, но, вѣруя въ силу жизни, она высока уже этою самою вѣрою,—и всегда возможна для нея высокая гармонія нравственныхъ силъ. Подъ вліяніемъ вѣры въ нравственный подвигъ, возведенный на степень исторической задачи цѣлаго общества, образуется своеобразный бытъ, мпрный и кроткій характеръ; и, конечно, если можемъ найти у кого-нибудь такой нравственный строй жизни (хотя бы и съ набѣгающими диссонансами), то это у племенъ *бытовыхъ*, по преимуществу, у племенъ Славянскихъ.

Но возможенъ ли такой бытъ на землѣ?

Существуетъ другой путь, гораздо, повидимому, болѣе удобный и простой; внутренній строй переносится во внѣ, и духовная свобода понимается только какъ *устройство, порядокъ* (нарядъ); основы, начала жизни понимаются какъ правила и предписанія. Все формулируется. Это путь не внутренней, а внѣшней правды, не совѣсти, а принудительнаго закона. Но такой путь имѣетъ неспаслимые невыгоды. Прежде всего формула, какая бы то ни была, не можетъ объять жизни; потомъ, палагаясь извнѣ и являясь прпудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія и свободнаго ея признанія; потомъ далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, воору-

женный принудительною силою, она усыпляет склонный къ дѣлу духъ человѣческой, легко и безъ труда успокоивая его исполненіемъ наложенныхъ формальныхъ требованій, и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія. Это путь вѣшной правды, путь государства. Этимъ путемъ двинулось Западное человѣчество.

Мы сказали, что Славянскія племена жили подъ условіями быта; община, такъ устроенная, носить простое названіе Земли, которое мы удержимъ: оно оправдывается впоследствии. Но возможно ли было оставаться при этомъ?

Трудно. Первая, прежде всего и главная помѣха—бранные, неугомонные сосѣди, которые налетали на Славянскія земли и покоряли ихъ, возмущая весь ихъ бытъ. Славяне собирались, прогоняли ихъ, — а нашествія снова имъ грозили. Нельзя же было народу стоять, не расходясь, съ оружіемъ въ рукахъ; онъ отказался бы такимъ образомъ отъ самого своего мирнаго земскаго начала. Съ другой стороны, и внутреннія несовершенства, особенно у языческихъ народовъ, возмущали непрестанно мирный ходъ жизни.

Въ Россіи исторія застаётъ Славянъ сѣверныхъ—подъ властію Варяговъ, южныхъ—подъ властію Козаръ. Сѣверные Славяне прогоняютъ Варяговъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе ли ихъ владычества, возникаетъ вражда между ними и ссоры другъ съ другомъ.

Таковы были главныя помѣхи, и Земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, рѣшается призвать на защиту Государство. Но надо замѣтить, Славяне не образуютъ изъ себя Государство, они призываютъ его; они не изъ себя избираютъ князя, а ищутъ его за моремъ; такимъ образомъ, они не смѣшиваютъ Земли съ Государствомъ, прибѣгая къ послѣднему какъ къ необходимости для сохраненія первой. Государство, политическое устройство — не сдѣлаюсь цѣлью ихъ стремленія, — ибо они отдѣляли себя или земскую жизнь отъ Государства, и для сохраненія первой призывали послѣднее (*).

Ничья исторія не начинается такъ. Если спорили о времени су-

(*) „Земля ваша велика и обильна, а наряду въ ней вѣтъ,“ и проч. *Нарядъ*—государственное устройство (распоряженіе).

ществованія этого факта, то здѣсь сила въ его смыслѣ; позднѣйшія частныя призванія подтверждаютъ тотъ же смыслъ.

Призваніе было добровольное. Земля и Государство не смѣшались, а раздѣльно стали въ союзъ другъ съ другомъ. Въ призваніи добровольномъ означились уже отношенія Земли и Государства — взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ, вслѣдствіе добровольнаго призванія.

Такъ начинается Русская исторія. Двѣ силы въ ея основаніи, два двигателя и условія во всей Русской исторіи: Земля и Государство.

Случайности историческія, человѣческія волненія, наконецъ ходъ самихъ этихъ силъ, нравственный путь, которымъ идетъ народъ, видоизмѣняютъ судьбы Русской Земли. Въ какомъ отношеніи были у насъ Земля и Государство? Они существуютъ, какъ отдѣльныя, но дружественныя союзныя силы, сознаваемые въ ихъ раздѣльности и взаимно признающія одна другую. «Земля и Государство» встрѣчается у насъ вездѣ. Такимъ образомъ, не обратившись въ Государство, призвавши его и ставъ сами въ сторонѣ. Славяне Русскіе сохранили вѣру въ жизнь.

Вскорѣ послѣ призванія Рюрика, особенно когда извѣстія становятся полнѣе, отношенія Земли и Государства явственно опредѣляются (*).

Первыя извѣстія очень малочисленны, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ открываютъ многое.

Олегу заключаетъ договоръ съ Греками; посольство правится отъ него, отъ князей подъ рукою его сущихъ и отъ всей Земли Русской. 1) Это опровергаетъ всякую мысль.... (о родовомъ бытѣ?) 2) Это показываетъ намъ, что Земля имѣла свое самостоятельное участіе въ дѣлахъ, касающихся до всего народа, какъ напр., заключеніе мира, и голосъ ея не терялся. (Ясно, что было много князей, также какъ было и позднѣе, но послѣ—все Рюрикова завода.)

Посольство Игоря еще явственнѣе выражаетъ то же самое. Земля вновь выходитъ на сцену очень ясно. *Договоръ.*

(*) Въ рукописи слѣдуютъ здѣсь, поставленныя въ скобкахъ, слова: (Олегу, Игорю, Ольгу, Владимиру.) (Земля и Государство.) (Равнодушіе къ князьямъ, перемѣнявшимся въ городахъ.) (Общинное, но не патриархальное.)

Игорь идетъ къ Древянамъ требовать дани, возобновляетъ свое требованіе, но *Древяне, соумавше со княземъ своимъ Маломъ*, рѣшаются идти противъ Игоря. И такъ, здѣсь дѣйствуютъ Древяне, народъ, совѣщавшійся съ своимъ княземъ: отношеніе, которое встрѣчаемъ мы и позднѣе. Вѣроятно, князь Малъ былъ изъ числа подручныхъ князей, о которыхъ упоминается въ договорахъ. *Древяне* посылаютъ спросить Игоря, для чего пришелъ онъ. Игорь не послушалъ. *Древяне* убиваютъ Игоря и дружинну его. Наконецъ, они же говорятъ: «убили *Русскаго* князя» — это доказываетъ какъ-будто, что себя они Русскими не считали — «возьмемъ Ольгу, его жену, за своего князя Мала; возьмемъ Святослава и сдѣлаемъ съ нимъ, что угодно.» Древяне посылаютъ *лучшихъ* мужей къ Ольгѣ. Посланные говорятъ: *послала насъ Древянская земля.* — Ольга отомщаетъ имъ, какъ извѣстно, и посылаетъ къ Древянамъ, прося новыхъ, зпачтѣйшихъ пословъ. *Древяне* выбираютъ изъ нихъ мужей, *иже держажу Деревьску землю* (*) (т. е. старѣйшихъ, а не князей: упоминается только объ одномъ князѣ, для котораго и посылаютъ посольство). Ольга отомщаетъ имъ, и, наконецъ, идетъ. «Гдѣ суть *дружина* паша, спрашиваютъ *Древяне*, ихъ же послахомъ по тя?»

Когда Ольга побѣдила Древянъ, она устремилась на Изкоростинъ, какъ на настоящихъ виновныхъ. Война была со всей Древянской землей, слѣдовательно и посольство шло отъ всей Древянской земли, и князь Малъ, стало быть, общій князь для всѣхъ Древянъ.

Въ 970 году вновь являются Новгородцы и зовутъ къ себѣ князя. Мы опять видимъ общину земскую, не избирающую, но призывающую къ себѣ князя: отношенія государственныя, очевидно, не сливаются съ общинными, — ибо вотъ вновь такая минута, гдѣ чувствуется ихъ взаимная отдѣльность, ибо Земля вновь зоветъ государственную силу. Но Земля Новгородская и тогда уже видно имѣла славу бурной, ибо Святославъ отвѣчаетъ на ихъ просьбу: если кто пойдетъ къ вамъ. Владимиръ идетъ въ Новгородъ. Святославъ сажаетъ Ярополка въ Кіевъ, а Олега въ землѣ Древянской. (Здѣсь, повидному, первое самовольное распоря-

(*) На поляхъ написано рукою автора: «Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе первоначальная община, подтверждаемая писателями и обнаруживающаяся постоянно, ибо она обезопасила себя и не пропала.»

Прим. изд.

женіе князя; но оно нисколько не самовольное, не нарушается свободы общины: община ни мало не теряетъ своего значенія, самостоятельной свободы; ниже надѣмся это увидать.) Самъ Святославъ идетъ въ Переяславецъ.

Святославъ не любилъ Кіева, по крайней мѣрѣ онъ постоянно любилъ болѣе Югъ, Болгарію, и военное назначеніе князя было для него единственнымъ его призваніемъ....

О ТОМЪ ЖЕ (*).

Россія — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на Европейскія государства и страны. Очень ошибутся тѣ, которые вздумаютъ прилагать къ ней Европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней. Но такъ мало знаетъ Россію наше просвѣщенное общество, что такого рода сужденія слышишь часто. Помпуйте, говорятъ многіе, неужели вы думаете, что Россія идетъ какимъ-то своимъ путемъ? На это отвѣтъ простой: нельзя не думать того, что знаешь, что таково на самомъ дѣлѣ.

Какъ занимателенъ и важенъ самобытный путь Россіи до совращенія ея (хотя отчасти) на путь Западный и до подражанія Западу! Какъ любопытны обстоятельства и послѣдствія этого совращенія, и, наконецъ, какъ занимательно и важно современное состояніе Россіи, вслѣдствіе предыдущаго переворота, и современное ея отношеніе къ Западу!

Исторія нашей родной земли такъ самобытна, что разнится съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути Русскій и Западно-Европейскій до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный крюкъ, кидаетъ родную дорогу и примыкаетъ къ Западной. На это начало прежде всего обратимъ свое вниманіе.

(*) Черновая, неоконченная рукопись, на которой, въ заглавіи, написано: „Переворотъ Петра Великаго.“ Такъ какъ о самомъ переворотѣ нѣтъ почти ни слова, то мы сочли нужнымъ измѣнить заглавіе. Относится, вѣроятно, къ 1850 году.

Прим. изд.

Всѣ Европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ. Власть явилась тамъ неприязненною и вооруженною, и *насилъственно* утвердилась у покоренныхъ народовъ. Одинъ народъ, или, лучше, одна дружина завоевываетъ народъ, и образуется государство, въ основѣ котораго лежатъ вражда, не покидающая его во все теченіе исторіи. (Если тамъ и была тишина, какъ явленіе, — въ основѣ лежала вражда.)

Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а *добровольнымъ призваніемъ* власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась съ согласія народнаго. На Западѣ власть явилась какъ грубая сила, одолѣла и утвердилась безъ воли и убѣжденія покореннаго народа. Въ Россіи народъ созналъ и понялъ необходимость государственной власти на землѣ, и власть явилась, какъ званый гость, по волѣ и убѣжденію народа.

Такимъ образомъ рабское чувство покореннаго легло въ основаніи Западнаго государства; свободное чувство разумно и добровольно Призвавшаго власть легло въ основаніи государства Русскаго. Рабъ бунтуетъ противъ власти, имъ непонимаемой, безъ воли его на него наложенной и его непонимающей. Человѣкъ свободный не бунтуетъ противъ власти, имъ понятой и добровольно призванной.

И такъ, въ основаніи государства Западнаго: *насиліе, рабство и вражда*. Въ основаніи государства Русскаго: *добровольность, свобода и миръ*. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западною Европою, и опредѣляютъ исторію той и другой.

Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могутъ сойтись между собою, и народы, идущіе ими, никогда не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ, изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя признающую ею самую власть, хранитъ ее добровольно, *свободно*, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны, который также унижается передъ во-

вымъ идоломъ бунта, какъ передъ старымъ идоломъ власти; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человекъ не бунтуеть.

Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человечества присоединился къ нимъ: вопросъ Вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная Вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣнiе; но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь Вѣры.— первый Руси, второй Западу.

Ясно стало для Русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, гдѣ же Духъ Господень.

Обратимся собственно къ судьбамъ Россiи, оставимъ въ сторонѣ Западъ. Мы, къ сожалѣнiю, встрѣтимся съ нимъ еще и у себя.

При такихъ началахъ согласiя, которыя легли въ основу Русскаго Государства, Народъ и Власть должны были стать въ совершенно особыя отношенiя, не похожiя на Западныя. При такой основѣ, какъ должно смотрѣть народъ на власть? Такъ, какъ на власть, которая не покорилась, но призвана имъ добровольно, которую потому онъ обязанъ хранить и чтить, ибо онъ самъ пожелалъ ея: народъ въ такомъ случаѣ есть первый стражъ власти. Какъ должна власть смотрѣть на народъ? Какъ на народъ, который не покоренъ ею, но который самъ призвалъ ее, почувствовавъ ея необходимость, который, слѣдовательно, не есть ея униженный рабъ, втайнѣ мечтающiй о бунтѣ, но свободный подданный, благодарный за ея труды и другъ неизмѣнный. Съ обѣихъ же сторонъ, такъ какъ не было принужденiя, а было свободное соглашенiе, должна быть полная довѣренность.

Но нѣтъ никакого обезпеченiя, скажутъ намъ; или народъ, или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантiя нужна! — Гарантiя не нужна! Гарантiя есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушится жизньъ, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощiю зла. Вся сила въ идеалѣ. Да и что значать условiя и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ внутренняго на это желанiя. Вся сила въ нравственномъ убѣжденiи. Это сокровище

есть въ Россіи, потому что она всегда съ нею вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ.

Понявъ съ принятіемъ Христіанской Вѣры, что свобода только въ духѣ, Россія постоянно стояла за свою душу, за свою Вѣру. Съ другой стороны, зная, что совершенство на землѣ невозможно, она не искала земнаго совершенства, и поэтому, выбравъ лучшую (т. е. меньшее изъ золъ) изъ правительственныхъ формъ, она держалась ея постоянно, не считая ея совершенною. Признавая свободно власть, она не возставала противъ нея и не унижалась передъ нею.

Теперь обратимся къ самой Исторіи Русской; прослѣдимъ отношеніе власти къ народу и народа къ власти, и посмотримъ: была ли съ какой-нибудь стороны измѣна.

Народъ призываетъ власть добровольно, призываетъ ее въ лицѣ князя-монарха, какъ въ лучшемъ ея выраженіи, и становится съ нею въ пріязненные отношенія. Это — союзъ народа съ властію. Употребимъ здѣсь слова, которыя такъ часто, постоянно, и съ такой ясной опредѣленностью встрѣчаются въ нашихъ историческихъ свидѣтельствахъ, — слова, которыя выражаютъ народъ и власть, т. е.: Земля и Государство.

Земля, какъ выражаетъ это слово, — неопредѣленное и мирное состояніе народа. Земля призвала себѣ Государство на защиту, огражденіе: прежде всего отъ враговъ вѣшнихъ, потомъ и отъ враговъ внутреннихъ. Отношеніе Земли и Государства легло въ основаніе Русской Исторіи. Въ первыя времена Россія управлялась цѣлымъ родомъ, совокупностью князей въ отдѣльныхъ княжествахъ, и въ каждомъ княжествѣ повторялся тѣ же самыя отношенія. Князей стало много, они сами спорили между собою, и между князьими возможенъ былъ выборъ: поэтому они часто перемѣщались.

Многіе думаютъ о Новгородѣ, какъ о наиболѣе мѣнявшемъ князей, что онъ былъ республика: совершенно ложно! Новгородъ не могъ оставаться безъ князя. Возьмите Новгородскую лѣтопись, прочтите, съ какимъ ужасомъ говоритъ лѣтописецъ о томъ, что они три недѣли были безъ князя. И такъ, не смотря на частыя перемѣщенія князей, даже на изгнаніе ихъ, вы видите, что вся Россія и всѣ города ея и Новгородъ оставались вѣрны

монархическому началу, и никогда не говорили: устроимъ правительство безъ князя.

Наконецъ, время княжихъ междоусобій прошло. Явился Великій князь и потомъ царь Московскій и всяя Руси, наследственный и самодержавный. Отношеніе Земли и Государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность — были основою ихъ отношеній. Подобно тому, какъ князь созывалъ Вѣче, царь созывалъ Земскую Думу или Земскій Соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Кто читалъ эти Думы, тотъ знаетъ, какъ просто излагалось въ нихъ дѣло. Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость Западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Здѣсь не ораторствовали, а говорили, и слово не превышало дѣла.

Іоаннъ IV, вслѣдствіе личной подозрительности своей, неоправданной нисколько во все долгое его царствованіе, вдругъ издумалъ оторвать дѣло государево отъ дѣла земскаго, и по этому вдругъ установилъ Опричнину (отъ слова *опричь*, также какъ и *кромешникъ* отъ слова *кромь*), и раздѣлялъ Россію на Опричнину и Земщину. Начались преслѣдованія народа, но народъ и здѣсь не измѣнилъ власти, имъ призванной. Опричнина длилась семь лѣтъ, и потомъ была уничтожена самимъ Іоанномъ, вѣроятно увидавшимъ ея непухность и испытавшимъ неизмѣнность народа. Государево и земское дѣло вновь соединились при царѣ Феодорѣ и далѣе; но наступили смуты. Явился Лжедмитрій; народъ припалъ его за истиннаго и законнаго наследника и перешелъ къ нему; но Русская земля была жестоко разувѣрена въ своемъ обманѣ. Шуйскій, не избранный, явился самъ на престолѣ. Возникъ новый Лжедмитрій; Шуйскій былъ сведенъ съ престола. Начались страшныя смуты. Наконецъ Земля вооружилась, и, какъ прежде Варяговъ, выслала изъ Москвы враговъ своихъ, и освободилась. Народъ Русскій находился въ томъ же положеніи, въ какомъ при началѣ своей исторіи, и то же явленіе повторилось. Земля была одна, побѣдившая враговъ своихъ; раздался общій голосъ: мы безгосударны, и вновь была призвана правительственная власть,

та же монархическая власть, которая постоянно правила Россіей. Великій соборъ народный избралъ на царскій престолъ Россіи Михаила Феодоровича Романова, и, разумѣется, безъ всякихъ гарантій, вручилъ вновь монарху, съ прежней довѣренностью, судьбу свою.

Во все время Русской Исторіи народъ Русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Если и были смуты, то онѣ состояли въ вопросѣ о личной законности государя: о Борисѣ, Лжедмитріѣ и Шуйскомъ. Но никогда не раздавался голосъ въ народѣ: не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо царя. Напротивъ, зъ 1612 году, одолевъ враговъ своихъ и будучи безъ государя, вновь громко и единогласно призвалъ народъ царя (*).

Любопытно, хотя вкратцѣ, взглянуть на этотъ бытъ, на эти незыблемыя, неизмѣнныя отношенія между властію и народомъ, отношенія свободныя, разумныя, не рабскія, и потому обезпеченныя отъ всякой революціи.

Государево и Земское дѣло—вотъ слова, которыя слышались изъ устъ народа, вотъ слова, которыя слышались изъ устъ государя; какъ часто встрѣчаемъ ихъ въ древнихъ, и отъ государя и отъ народа идущихъ грамотахъ!

Эти слова указываютъ прямо на составъ Русской земли и обнимаютъ его весь.

(*) См. ниже „Вступленіе въ Исторію Земскихъ Думъ.“ Въ этой статьѣ, равно какъ и въ другихъ, взглядъ автора на особенныя отношенія народа къ власти въ племенахъ Славянскихъ объясняется полнѣе, съ устраненіемъ всякихъ недоразумѣній. Имѣя предъ собою несомнѣнный историческій фактъ и такія явленія, какъ напр. Новгородъ, не хотѣвшій, при своемъ Вѣчѣ, оставаться безъ князя (явленія, въ смыслѣ которыхъ мы до сихъ поръ мало вдумались),—авторъ полагаетъ, что народы Славянскіе поставили себѣ идеаломъ совмѣщеніе полной свободы жизни (слѣдовательно и свободы мысли и слова) съ свободою дѣйствованія, предоставленной правительству въ сферѣ государственной. Признавая начало государственное началомъ высшей правды, и стремясь къ правдѣ внутренней, народъ въ Россіи избѣгалъ гарантій, потому что онѣ противорѣчили началу нравственному, довѣрью, которое онъ положилъ въ основаніе своихъ отношеній къ Государству; потому что народъ искалъ не равновѣсія въ соперничествѣ, а *согласія*, не хотѣлъ условіями стѣснять ни себя, ни правительство, и боялся, ставши самъ какъ бы частью правительства, заразить *свою* жизнь элементомъ высшей правды и высшаго принужденія, элементомъ ложнымъ, гибельнымъ для внутренней правды и свободы. Эта свобода жизни должна находить себѣ вѣрное обезпеченіе въ свободѣ мысли и слова, въ единствѣ духовномъ, связующемъ народъ и власть. Таковъ, по мнѣнію автора, долженъ былъ смыслъ историческихъ фактовъ, таковъ взглядъ Русскаго народа, изъ нихъ истекающій.

Что было Государево, что было Земское дѣло, такъ союзно и приязненно между собою соединенныя; что было правительство, что былъ народъ?

Земля или народъ пахалъ, промышлялъ и торговалъ; Государство поддерживалъ онъ деньгами и, въ случаѣ нужды, становился подъ знамена. Онъ составлялъ самъ собою одно огромное цѣлое, для котораго необходимо было Государство, чтобы можно было жить ему своею жизнію, и хранить безмятежно свою вѣру и безпрепятственно свой Древній бытъ. Государь, первый защитникъ и хранитель Земли, поддерживалъ общинное начало, и народъ, подъ верховной властію государя, управлялся самъ собою. Сельскія общины выбирали своихъ старость, цѣловальниковъ и другихъ чиновниковъ. Иногда государь призывалъ Землю на совѣтъ и дѣлалъ ее участницею дѣлъ политическихъ.

Государство или государь, съ неограниченною никакимъ условіемъ властію, блюлъ тихую жизнь Земли. Вся администрація или управление было въ его рукахъ. Постоянное войско было собственно его заботой. Сношенія политическія вѣдалъ онъ одинъ. Всѣ, служившіе ему орудіемъ его прямой воли, были люди государевы. Они были воеводами или губернаторами, они сидѣли въ судахъ городскихъ и творили судъ и правду; всѣ люди, не пахавшіе, не промышлявшіе, не торговавшіе, не выборные отъ Земли, составляли, такъ сказать, дружину государеву и назывались людьми *служилыми*. Это были бояре, дворяне и проч. Число ихъ было огромно. Сюда причислялись также всѣ люди, служившіе лично боярамъ, дворянамъ и вообще всѣмъ людямъ государевымъ, собственно такъ называемые холопи. Люди служилые, бояре, окольничіе, стольники, дворяне и дѣти боярскіе (почти то же, что однодворцы), пользовались за службу свою помѣстьями и вотчинами. Не всѣ бояре, въ особенности же не всѣ дворяне и дѣти боярскіе, потому что сіи послѣдніе были очень многочисленны, состояли въ дѣйствительной службѣ; но всѣ они, всѣ служилые люди безъ исключенія, всегда могли быть потребованы на службу и не имѣли *права* отказываться: они составляли, такъ сказать, резервъ служилыхъ людей, были нѣчто въ родѣ безсрочно-отпускныхъ, и такимъ образомъ не даромъ пользовались своими помѣстьями.

Такимъ образомъ въ Россіи не было ни одного человѣка, пользующагося даромъ своими выгодами (тѣмъ менѣе по праву). Когда созывалась вся Россія, и служилая и земская, на совѣтъ къ государю, то такой совѣтъ назывался уже Земскимъ, и государь являлся тогда главою Земли.

Аристократіи не было и не могло быть, ибо боярство не было наследственно. Князья часто попадаютъ въ жильцахъ; все зависѣло отъ службы. Сюда, правда, входило мѣстничество; но само мѣстничество на воспоминавіяхъ службы основывало права свои. Раздѣленія на неподвижныя сословія не было. Живое начало проникало весь составъ, и нигдѣ, ни въ какомъ сословіи не застаивалось кругообращеніе силъ государственныхъ; можно было дослужиться до боярина; пзъ людей земскихъ можно было перейти въ служилые. Аристократіи Западной не было вовсе. Не было вовсе и Западной демократіи. Вся Россія была подъ двумя властями—*Земли* и *Государства*, раздѣлялась на два отдѣла—на людей *земскихъ* и людей *служилыхъ*.

Что же соединяло эти два отдѣла, что составляло неразрывную связь между ними? Мы говорили прежде о добровольномъ призваніи *Землею* власти; это относится собственно къ правительству, къ государю; но здѣсь мы говоримъ уже о проявленіи этихъ началъ, о двухъ классахъ: служиломъ и земскомъ. Что соединяло эти два отдѣла Россіи? Вѣра и жизнь; вотъ почему всякой чиновникъ, начиная отъ боярина, былъ свой человѣкъ народу; вотъ почему, переходя пзъ земскихъ людей въ служилые, онъ не становился чуждымъ Землѣ. Выше всѣхъ этихъ раздѣленій было единство вѣры и единство жизни, быта, соединявшее Россію въ одно цѣлое. Вѣрою и жизнью само Государство становилось земскимъ.

Люди служилые всѣ, начиная отъ бояръ, писались холопами, что собственно значило *слуга* и болѣе ничего, точно также какъ и люди служилые бояръ и другихъ лицъ. Люди земскіе къ государю писались сиротами, что на Русскомъ языкѣ не имѣетъ значенія *orphelin*, *Waise*, а значитъ просто безпомощный, беззащитный, или нуждающійся въ защитѣ. Это названіе глубоко обозначаетъ и утверждаетъ отношеніе Земли къ Государству, Земля, призвавшей Государство на помощь. Повторяемъ: когда же созывалась вся, и служилая и земская Россія, въ своихъ выборныхъ, къ государю на совѣтъ, то такой совѣтъ назывался Земскимъ. На такомъ совѣтѣ

было и духовенство, соединявшее Государство съ Землею, постоянно родившее его съ ней. Государство какъ бы исчезало на ту минуту, и государь являлся тогда главою Земли. Но это было только въ *исключительныя* минуты; невозможно было народу долго хранить этотъ напряженный образъ собранной *Земли*, продолженіе котораго мѣшало бы самой жизни Земли. Совѣтъ оканчивался, народъ уходилъ къ своимъ полямъ и работамъ, и Государство вновь, одно, бодрствовало надъ Землею.

Намъ скажутъ: не ужъ-то же было полное блаженство? Конечно, нѣтъ. На землѣ нельзя пайти совершеннаго полбженія, но можно пайти совершенныя начала. Нѣтъ ни въ одномъ обществѣ истиннаго христіанства, но христіанство истинно, и христіанство есть единый истинный путь. Слѣдовательно, этимъ единымъ истиннымъ путемъ и надобно пйти. Вся сила въ томъ, что человекъ призналъ за законъ, за начало. Въ основу Русской жизни легли истинныя начала, съ чѣмъ я думаю, нельзя не согласиться. Эти начала составляютъ постоянный камеръ-тонъ въ жизни, сейчасъ дающій чувствовать, указывающій уклоненія и въ то же время истинный путь. Въ этихъ началахъ лежитъ и осужденіе лжи, и исцѣленіе отъ лжи; идуи по истинному пути, можно упасть, можно и встать, но сила въ томъ, чтобы не пзмѣнять пути. Истинный христіанинъ, если бы и палъ онъ, не оставляетъ своей вѣры, но въ ней самой находя изцѣленіе, остается на истинномъ пути. Россія нашла истинныя начала, никогда не пзмѣняла имъ, и святая взаимная довѣренность власти и народа, легшая въ основу ея, долго неизмѣнно въ ней сохранялась.

.....

.....

.....

.....
.....
.....

Смотря на Русскую исторію, мы можемъ сказать смѣло, что народъ, вѣрный своему отношенію, своему началу, не измѣнилъ правительству отъ самыхъ древнихъ до самыхъ новѣйшихъ временъ включительно. Обратимъ вниманіе на другую сторону государственнаго состава, — на правительство.

Оно хранило съ своей стороны тѣ же начала; оно вѣрило народу, и довѣренность его выражалась собственно въ двухъ, какъ кажется, видахъ. ..

О РУССКОЙ ИСТОРИИ (*).

Русская исторія совершенно отличается отъ Западной Европейской и отъ всякой другой исторіи. Ее не понимали до настоящаго времени, потому что приходили къ ней съ готовыми историческими рамками, заимствованными у Запада, и хотѣли ее туда насильно втиснуть, потому что хотѣли ее учить, а не у нея учиться; однимъ словомъ, потому, что позабыли свою народность и потеряли самобытной Русской взглядъ. Настоящее время не таково: его смыслъ, его трудъ заключается именно въ пробужденіи Русскаго — въ Русскихъ, и въ возвращеніи Русскимъ — Русскаго. Русская исторія начинаетъ являться въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. — Были патриоты на Западный ладъ, имъ хотѣлось было увидать въ Русской исторіи всѣхъ Западныхъ героевъ, всѣ Западные славныя дѣла, и они раскрашивали Русскую исторію иностранными красками: дѣло, разумѣется, не клеилось, и исторія только обезображивалась. Такое направленіе настало вскорѣ послѣ переворота Петра Великаго, послѣ котораго появились въ Русской Землѣ невиданные до тѣхъ патриоты — иностранные и по имени и по духу. Не только подвиги и герои Запада, но и Рима и Греціи, потребовались тогда для Русской исторіи поэтами и прозаиками, какъ будто бы Русская исторія непремѣнно нуждалась въ повтореніи великихъ дѣлъ народовъ чуждыхъ, какъ будто бы она не могла явить своихъ подвиговъ и своихъ мужей, которые ни у кого не заимствованы. Время такихъ понытокъ и такого патриотизма, кажется, наконецъ прошло. Между тѣмъ Западное вліяніе все еще держится. И вотъ, другіе люди, не желая (очень справедливо) строгать Русской исторіи по

(*). Эта статья первоначально назначена была авторомъ для предисловія къ Русской Исторіи для дѣтей (см. ниже). Впрочемъ, впоследствии онъ измѣнилъ свое намереніе и предполагалъ обработать ее особою статью. Но крайней мѣрѣ, мы нашли въ бумагахъ подлинникъ ея, впрочемъ не оконченный списокъ, сдѣланный самимъ авторомъ, съ тѣмъ заглавіемъ, подъ которымъ мы ее здѣсь и помещаемъ.

Западному образцу, но имѣя въ то же время (въ сожалѣнію) только Западныя понятія объ исторіи, и не находя въ Русской исторіи никакого сходства съ Западомъ,—въ ней уже ровно ничего не видятъ; то есть: просто ее не понимаютъ. Не трудно, кажется, угадать, что и то и другое мнѣніе ошибочно.

Въ самомъ дѣлѣ, Русская исторія, въ сравненіи съ исторіей Запада Европы, отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. Русской народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного красиваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ Русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности — необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея — и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной релігіозной проаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольскаго драматизма страстей. Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волнений, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутрення духовная жизнь вѣры. Не отъ недостатка силъ и духа, не отъ недостатка мужества возникаетъ такое кроткое явленіе! Народъ Русской, когда бывалъ вынужденъ обстоятельствами явить свои силы, обнаруживалъ ихъ въ такой степени, что гордые и знаменитые храбростію народы, эти лихіе бойцы человечества, падали въ прахъ предъ нимъ, смиреннымъ, и тутъ же, въ минуту побѣды, дающимъ пощаду. Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно бѣльшая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная доблесть. Вотъ съ какой стороны, со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на Русской народъ и его исторію. Въ такомъ народѣ не прославляется человѣкъ съ его дѣлами, прославляется одинъ Богъ. Чтобы въ этомъ увѣриться, стоитъ только припомнить нашу исторію. Русскіе одерживаютъ невѣроятную побѣду, и, говоря о ней безъ всякаго слова похвалы или гордости, приписываютъ ее помощи Божіей; не чувство побѣднаго триумфа одушевляетъ ихъ, а чувство благодарности къ Богу. Налетаютъ Татары или Поляки,—народъ говоритъ: это за грѣхи наши, мы

прогнѣвали Господа—кается и выходитъ на неизбежную брань. Побѣждены Татары, взята Казань, разбиты рыцари, освобождена Москва,—Русской народъ не ставитъ памятниковъ ни дѣлу, ни человѣку, а строить церкви и учреждаетъ крестные ходы. Скажемъ здѣсь кстати о Русскомъ народѣ, что до христіанства онъ былъ уже добрая почва, и что слово Божіе, упавшее на него, какъ на добрую почву, возрасло во благѣ. Поэтому (согласно и съ духомъ Русскаго народа, согласно и съ вѣчными началами Вѣры, которыми по благодати Божіей, былъ онъ просвѣтленъ) исполнена такой глубокой простоты Русская исторія; поэтому не встрѣтите вы въ ней ни одной этой красивой лжи, которая заставляетъ человѣка любоваться собою въ своемъ собственномъ порывѣ, говорить фразы, щеголять нарядомъ тѣла и души. Въ Русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гордаго, ничего блестящаго, ни единого эффекта. Все просто. Слово скупое; вы встрѣтите его столько, сколько нужно для дѣла, скорѣе даже менѣе, чѣмъ нужно для дѣла. Совершаются великія дѣла—безъ щегольства и хвастливости. Собирается Земская Дума или Соборъ безъ всякихъ театральныхъ обстановокъ, а просто для дѣла. Идутъ освобождать Москву, зовутъ другъ друга на общій подвигъ, искренно и просто. И все кажется не красиво и не видно для неглубокаго взгляда,—тому, кто не замѣтитъ величины смиренія и внутренней силы, для того нужной. А кто замѣтитъ, кто увидитъ это, передъ тѣмъ поблѣднѣютъ всѣ иллюстрированныя картинки, которыми такъ богаты исторіи другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ тамъ быть красота и блескъ, гдѣ нѣтъ поклоненія человѣку, гдѣ человѣкъ не любитъ себя самъ, гдѣ онъ, христіанинъ, постоянно сознаетъ себя грѣховнымъ и недостойнымъ, и смиряется молясь, передъ Богомъ. Здѣсь высшая духовная красота, не многимъ понятная. Но Русской народъ не впасть и въ другую гордость, въ гордость смиренія, въ гордость Вѣрою, т. е. онъ не возгордился тѣмъ, что онъ имѣетъ Вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность. *Исторія Русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ, исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни.* Да не подумаютъ, чтобы я считалъ исторію Русскую исторіею народа святаго. О, я тѣмъ бы нарушилъ и свое мнѣніе о немъ, и

святую его смиренія! Нѣтъ, конечно это народъ грѣшный (безгрѣшнаго народа быть не можетъ), непостоянно, какъ христіанинъ, падающій и кающійся,—не гордящійся грѣхами своими, не имѣющій именно тѣхъ блестящихъ суетныхъ сторонъ, той славы, величія и гордости земной другихъ народовъ, которыя показываютъ уже не христіанскій путь. Грѣхъ былъ для Русскаго народа всегда грѣхомъ, а не добродѣтью; онъ въ немъ каялся, а не хвалился имъ. Начало всей его жизни, отъ котораго, по слабости человѣческой, онъ въ поступкахъ и отклонялся иногда, никогда его не отвергая, не переставая къ нему стремиться, и сознавая въ такомъ случаѣ себя виновнымъ,—есть Вѣра Православная. Не даромъ Русь зовется святая Русь (*).

Ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что, можетъ быть, въ этомъ выраженіи заключается какое-то [гордое предпочтеніе и похвала Руси. Святая Русь: подъ этимъ словомъ Русской народъ разумѣетъ Вѣру Православную.... И скажу даже, что чувство *Отечества* мало является въ нашей исторіи сравнительно съ чувствомъ Вѣры. Это давно уже выражено ясно на Руси. Несторъ въ лѣтописи, говоря, что у всякаго народа (языческаго) свой обычай, сказалъ: *Мы же, христіане, законъ имама единый, елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся.* Вотъ когда (и вотъ какъ ясно, глубоко и истинно) уже перейдены были границы той исключительной національности, въ которой пребывали мы, по мнѣнію Запада, до начала прошедшаго столѣтія, и которой у насъ никогда не бывало.... И такъ, единство Вѣры—вотъ главное. Иной подумаетъ, что народность какъ будто исчезаетъ здѣсь; но развѣ не народъ Русской сталъ на такую высокую степень? Развѣ не онъ явилъ такое глубокое пониманіе Вѣры? Онъ, именно онъ поставилъ христіанскую вѣру главнымъ основаніемъ всего въ жизни,—и вотъ его духовная — народная связь, и вотъ эти, неуважаемые міромъ духовныя сокровища его: терпѣніе, простота и смиреніе.

И Господь возвеличилъ смиренную Русь. — Вынуждаемая своими драчливыми сосѣдями и пришельцами къ отчаянной борьбѣ, она повалила ихъ всѣхъ одного за другимъ. Ей дался просторъ

(*) Съ боку приписано рукою автора: „Назначеніе Россіи было, казалось, явить на землѣ народъ христіанскій по своему вѣрованію, по стремленію, по духу своей жизни и, сколько то возможно, по своимъ дѣйствіямъ.“ Прим. изд.

на землѣ. Въ трехъ частяхъ свѣта ея владѣнія, седьмая часть земнаго шара принадлежитъ ей одной. Въ ея предѣлахъ невыносимое знойное лѣто и невыносимая вѣчная зима; въ ея предѣлахъ солнце восходитъ на одномъ концѣ и заходитъ на другомъ въ одно и то же время. И вотъ гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ея духовной силы, увидѣла страшное могущество силы матеріальной, и для нея понятной, — п сѣдаемая ненавистью, въ какомъ-то тайномъ ужасѣ, смотреть она на это страшное, полное жизни, тѣло, — души котораго понять не можетъ....

Еще въ началѣ предисловія, говоря о Россіи, мы указывали на Западъ и сравнили его съ нею. Мы намѣрены нѣсколько продолжить это сравненіе, но считаемъ нужнымъ здѣсь оговориться. Сравненіе Русской земли съ Западомъ, въ настоящее время, необходимо: 1) Потому, что поклонники Запада и порицатели Русской жизни на него указываютъ и непременно вызываютъ насъ на то же самое. 2) Потому, что у насъ теперь и вообще господствуетъ Западная точка воззрѣнія на жизнь и на исторію, почему отдѣленіе Русской жизни отъ Запада, ея отлчіе, выставятъ необходимо. 3) Наконецъ потому, что Россія подверглась сильно вліянію Запада, что часть Русской земли, именно тѣ сословія, которыя считаются *передовыми*, пользуются преимуществами, властью и богатствомъ, пошли на Западный путь; потому что Западъ вошелъ и въ Россію, находится и въ ней, если не перерождая, то искажая Русскихъ людей, увлекая ихъ за собою, дѣлая ихъ жалкими себѣ и своей лжи подражателями, отрывая ихъ отъ самобытности, отъ ихъ родныхъ, святыхъ началъ. — Вотъ причины, почему, говоря о Россіи, считаемъ мы нужнымъ говорить о Западѣ, почему сравненіе и различіе здѣсь, хотя въ нѣкоторой степени, по нашему мнѣнію, необходимо.

Самое поразительное различіе между Русью и Западомъ является при сравненіи хорошихъ, такъ сказать, сторонъ, славы послѣдняго со славою или, лучше, съ смиреніемъ первой. Это мы уже невольнo сдѣлали выше, говоря о Русской землѣ. Но различіе тоже яркое является намъ, если мы сравнимъ и темныя стороны. Страшныя преступленія Запада, его превосходящее всякую мѣру звѣрство, предательство, всѣ возможныя гнусности составляютъ едва ли не противоположность къ темной сторонѣ исторіи Рус-

ской. Въ Русской исторіи встрѣчаются преступленія, но они лишены этого страшнаго, не человѣческаго характера, по которому человѣкъ становится въ разрядъ животныхъ, какъ новый, совершеннѣйшій видъ его, и которымъ отлѣчаются кровавыя дѣла Запада. Въ Русской исторіи, какъ сказалъ я, этого не видать. Преступленія не носятъ на себѣ признаковъ утонченнаго звѣрства и они не часты; а если случаются, то приводятъ въ ужасъ всю землю Русскую. Есть паденія, пороки, но они не лишены человѣческаго характера, и если встрѣчается злодѣйство, то впечатлѣніе, производимое имъ, показываетъ какъ живо въ Русской землѣ человѣческое чувство.—Основное, что лежитъ въ душѣ Русской земли, что хранитъ ее, что высказывается въ ней, какъ главное, что движетъ ее—это чувство Вѣры.

Западъ весь проникнутъ ложью внутренней, фразою и эффектом: онъ постоянно хлопотетъ о красивой позѣ, картинномъ положеніи. Картинка для него все. Покуда онъ былъ молодъ, картинка еще была хороша и красива сама по себѣ; красивъ былъ рыцарь въ желѣзныхъ латахъ, красивъ былъ хитрый, безжалостный монахъ; красивы были художники XV-го столѣтія. Но когда молодость его прошла, когда исчезли кипящія силы жизни, и осталась одна только картинка, одна фраза, даже безъ пылкости юношеской, тогда это становится въ высшей степени жалкимъ, и сказать ли?—отвратительнымъ явленіемъ. Таковъ Западъ теперь въ своихъ смутахъ, безъ всякой внутренней жизни, даже безъ кипѣнія крови. Таковы теперешнія его борьбы и волненія, волненія и борьбы безъ малѣйшаго убѣжденія, безъ малѣйшей искренности, безъ малѣйшаго увлеченія, совершающіяся въ страшной апатіи, вялая, не смотря на напряженность. Скука и безучастіе, отсутствіе энергіи во всѣхъ кровопролитіяхъ и смятеніяхъ. Старческія мечты Запада, мечты, лишеныя своей единственной правды, кипѣнія молодой крови, мечты, которыми разгорячалъ онъ себя такъ долгое время, подѣйствовали на него, какъ раздражительное средство, и привели въ механическое движеніе его ослабшій организмъ. Если нѣтъ духа, если нѣтъ внутренней силы, то нѣтъ и истинной жизни. Съ другой стороны: гибельна гордость, гибельна картинка и фраза для человѣка.

Мы сказали, въ чемъ сила и основа Русской земли, въ чемъ сущность ея жизни, въ чемъ отличіе ея отъ другихъ народовъ,

въ чемъ духъ ея исторiя. Мы сказали, что это единственная всемъ мiръ исторiя народа христіанскаго не въ словѣ, но и дѣлѣ, не въ исповѣданіи, но и въ жизни,—по крайней мѣрѣ стремленію. Но сохранила ли Русь свои святыя дачала? То ли сныиѣ, что была прежде?—Вотъ вопросъ. Какой же отвѣтъ?

Я долженъ сказать теперь о переворотѣ въ Русской исторіи: важнѣйшемъ изъ всѣхъ переворотовъ, ибо онъ коснулся самыя корней роднаго дерева. Я говорю о переворотѣ Петра. Изъ мочей земли, могучей болѣе всего Вѣрою и внутреннюю жизнь смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада, путь, о которомъ мы сейчасъ говорили, путь ложный опасный. Петръ подчинилъ Россію вліянію Запада; всѣмъ пзвѣсти подражаніе Западу доходило до неистовства. Отъ Запада Россія принимала все, начиная отъ началъ да результатовъ, отъ образа мыслей до языка и покроя платья (исторически всегда начиная послѣднихъ и доходя до первыхъ). Горькое, горькое явленіе! Бѣственное и унизительное! Но—благодареніе Богу,—не вся Россія а только часть пошла этимъ путемъ. Только часть Россіи оставила путь смиренія и, слѣдовательно, Вѣры,—въ дѣлахъ по крайней мѣрѣ. Но эта часть сильна и богата, отъ нея зависить другая неизмѣнившая Вѣрѣ и землѣ родной... Но, явленіе горькое! неизмѣнившая роднымъ началамъ часть Россіи — все же Русскіе люди они имѣютъ вліяніе на дѣла Русской земли и если не соблазняютъ всей массы вѣрныхъ, то часто отрываютъ отъ нея по одначкѣ то того, то другаго. Сверхъ того, увлекшееся Западомъ общество составляетъ (невольнo) наружность Русской земли, имѣетъ полный голосъ, и его соблазнительные возгласы и дѣйствія слышны и видны всей землѣ Русской, и конечно вредны. Оно мени на виду, къ соблазну народа; оно себя считаетъ дѣятельно стороною Русской земли... Но, какъ сказалъ я, только часть Россіи, такъ называемая образованная часть пошла по пути Запада, оставивъ путь родной земли, Слава Богу, и среди этой части, неизмѣнившей родной землѣ, возникла мысль, что надо воротиться къ началамъ родной земли, что путь Запада ложенъ, что постыдно подражаніе ему, что Русскимъ надо быть Русскими, идти путемъ Русскимъ, путемъ Вѣры, смиренія, жизни въ

реиней, надо возвратитъ самый образъ жизни, во всѣхъ его подробностяхъ, на началахъ этихъ основанный, и слѣдовательно надо освободиться совершенно отъ Запада, какъ отъ его началъ, такъ и отъ направленія, отъ образа жизни, отъ языка, отъ одежды, отъ привычекъ, обычаевъ его, пменно отъ этого свѣта и свѣтскости, вошедшихъ къ намъ, однимъ словомъ отъ всего, что запечатлѣно печатію его духа, что вытекаетъ даже какъ малѣйшій результатъ изъ его направленія. Русскимъ надо освободиться отъ вліянія Запада, надо быть Русскими, надо быть необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрующими и смиренными, не на словахъ только, но въ самой жизни (общественной), во всемъ объемѣ жизни. Это мнѣніе высказывается сильнѣе и сильнѣе въ рядахъ измѣнниковъ и борется съ противоположнымъ Западнымъ направленіемъ.

И такъ, что же представляетъ теперь Земля Русская?—Въ основаніи видимъ мы простой народъ, также какъ и въ старину, вѣрующій глубоко, хранящій святые свои основы, Вѣру и быть съ нею согласный; но онъ лишень всякого участія въ общихъ дѣлахъ; въ Русской исторіи его дѣйствіе чисто хранительное... Гордость, презрѣніе къ Русской жизни и языку, несогласіе образа жизни съ Вѣрою, нетерпѣніе и торопливая переимчивость—вотъ его добродѣтели. Но теперь пменно надъ Русскимъ простымъ народомъ и надъ его священнымъ миромъ и тишиною, въ обществѣ, Русскимъ началамъ измѣнившемъ, идетъ вражда, и борются два направленія. Одно сплится поддержать свою неправду—измѣны всему Русскому и покорности Западнымъ уставамъ. Другое искренно жаждетъ возстановленія Русскихъ святыхъ началъ Вѣры, Русскаго основнаго образа жизни, всего Русскаго духа, Русскаго ума и христіанскихъ добродѣтелей, по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ. Съ одной стороны: всякое упорство и желаніе, поблажающее удобной лѣни, остаться, безъ труда, подражателями Запада, пользоваться всѣми его политическими благами, повторять за нимъ всѣ слова и дѣйствія его, и не знать труда самостоятельной жизни; съ другой стороны: бодрая надежда и дѣятельное стремленіе возвратиться къ святымъ началамъ Русской жизни. Нужно ли говорить, что такое стремленіе есть правое и законное и спасительное? Вотъ борьба, которая идетъ надъ простымъ народомъ.

Таково современное положеніе Русской земли.....

РОДОВОЕ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ БЫЛО ИЗГОЙ? (*)

Недавно вышелъ въ Москвѣ: «Архивъ Историко-Юридическихъ свѣденій, относящихся до Россіи.» Издатель его, въ концѣ своего предисловія, между прочимъ, говоритъ: «Съ полною благодарностью примемъ мы всякое указаніе на тѣ недостатки, какіе замѣтитъ, какъ въ цѣломъ⁴ нашемъ изданіи, такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ его, велицепріятная, но благонамѣренная критика, и съ своей стороны постараемся не только отдать ей должную справедливость, но и воспользоваться ею при первомъ удобномъ случаѣ» (Арх. Историко-Юрид. св. стр. 8). Основываясь на этихъ строкахъ предисловія, рѣшаемся мы сдѣлать замѣчанія на статью самого издателя и надѣемся, съ своей стороны, что замѣчанія эти, при желаніи пользы для науки, при уваженіи къ автору, не будутъ ему непріятны.

Сочинитель принимаетъ слово «Изгой» чисто въ родовомъ значеніи. Изгой, по его мнѣнію, есть человекъ, «отрѣшенный отъ своего рода, и поэтому поставленный внѣ всякихъ общественныхъ отношеній.» Гражданское значеніе Изгоя, по мнѣнію автора, пришло уже впоследствии. Вся статья доказываетъ эту мысль, т. е. родовое значеніе Изгоя, какъ коренное и основное, и гражданское его значеніе, какъ не туземное, явившееся уже впоследствии. Мы совершенно согласны, что слово Изгой значило исключеніе, потому естественна его замѣна вариантомъ «Изокъ»; но теперь именно и состоитъ вопросъ въ томъ, изъ какого быга былъ исключеніемъ Изгой?

(*) Было напечатано въ 97 № Москов. Вѣд. 1850 г.

Г. авторъ утверждаетъ, что Изгой былъ исключеніе изъ родовыхъ отношеній; ибо, говоритъ онъ, родовыя отношенія были первоначальныя древнія отношенія Славянъ; въ доказательство, ссылается онъ на извѣстное выраженіе нашего древняго летописца: «Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды свои, пже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» (*). Не станемъ спорить, что въ древности (Несторъ говоритъ о временахъ до-Рюриковскихъ) они существовали; не объ томъ рѣчь; вопросъ теперь является въ томъ: было ли слово *Изгой* современно этимъ родовымъ отношеніямъ, или возникло оно позднѣе, когда уже опредѣлились отношенія общественныя и заняли, какъ должно быть извѣстно автору, такое важное самобытное мѣсто?

И такъ, для того, чтобы рѣшить, изъ какого союза былъ исключеніемъ Изгой, надо рѣшить: 1) Когда явилось слово *Изгой*; какъ относится оно, по времени, къ бытiю нашихъ предковъ? 2) Въ какомъ смыслѣ оно встрѣчается, въ родовомъ или общественномъ, и имѣть ли какихъ на то указаній?—Рѣшеніе этихъ вопросовъ рѣшаетъ дѣло.

I.

Слово *Изгой* является, въ первый разъ, сколько мнѣ извѣстно, въ Русской Правдѣ. Но могло быть указаніе, что слово это встрѣчается гораздо ранѣе, какъ указаніе на пр. о словѣ *Князь*, которое относится къ временамъ до-Рюриковскимъ. Такого указанія однакоже о словѣ *Изгой* не имѣется. И такъ слово *Изгой* должны мы оставить (если не встрѣтимъ далѣе противорѣчащихъ указаній) за тою эпохою, въ которой оно является. Теперь, надо знать, каковы были отношенія въ эту эпоху. Обративъ вниманіе на историческія свидѣтельства, мы узнаемъ, что не только въ эту эпоху, не только при Владимірѣ, но при Игорѣ и при Олгѣ, существуетъ уже устройство и отношенія общественныя, или, лучше, общинныя.—Для этого стоитъ только указать на договоры съ Греками

(*) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. 1, стр. 4.

Олега и Игоря. Разсмотримъ же ихъ здѣсь, хотя вкратцѣ.—Въ первомъ договорѣ послы посылаются отъ Олега, отъ князей и отъ всей Руси; въ немъ говорится: «и похотѣнемъ нашихъ князь, и по повелѣнію, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси (*). Подъ словомъ Русь нные, пожалуй, станутъ разумѣть только Русскихъ Варяговъ; но прочтемъ далѣе и увидимъ: «*Тако же и вы Греци, да храните такую же любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ и къ всемъ иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего*» (**). —Изъ этихъ выписокъ слѣдуетъ:— 1) Посольство Олегово правилось отъ князя, князей и отъ всей Земли: отношеніе, бывшее уже и тогда и опредѣлившееся такъ ясно впоследствии, какъ Государево и Земское дѣло. 2) Кромѣ Олега былъ князь на Русь, ему подчиненные, но, однако, самостоятельные; это доказываетъ, что Русская земля была уже и тогда раздѣлена, или, лучше, существовала въ самостоятельно-отдѣльныхъ городахъ, или областяхъ, и небыла, какъ думали прежде, цѣлымъ Государствомъ въ началѣ, раздѣленнымъ потомъ между размножившимися наслѣдниками князя. Города (или области) удерживались въ своей отдѣльности не родовыми отношеніями: потому что города приняты потомъ охотно и безъ сопротивленія князей Рюрикова дома, не теряя своей особности, и, наконецъ, потому что фактъ призванія князей очевидно существовалъ, если не древнѣе Рюрика, то, по крайней мѣрѣ, современно. Изъ словъ лѣтописи не видать, чтобы это было нѣчто новое; о призваніи упоминается, какъ о явленіи обыкновенномъ. Аскольдъ и Диръ сами предложили себя въ князья, и были приняты добровольно; по крайней мѣрѣ, въ разсказѣ лѣтописца нѣтъ и намёка о насильіи. Новгородцы приходятъ къ Святославу, требуютъ сына его въ князья и грозятъ: «*Налеземъ Князя собѣ*» (**). Рогволодъ при Ярополкѣ пришелъ изъ-за моря княжить въ Кіевъ, Туръ въ Туровъ. Все это ясно намѣкаетъ на призваніе и пришествіе князей въ отдѣльные города и общины, гдѣ они и оставались съ ихъ согласія, ибо не только о завоеваніи, но и о насильіи нисколько не говорится. Вообще можно сказать обо всемъ этомъ періодѣ

(*) Пол. Собр. Русск. Летоп. Т. I, стр. 14.

(**) Пол. Собр. Русск. Летоп. Т. I, стр. 14.

(***) Тамъ же стр. 29.

усобицъ, что не города, не земли раздавались, или дѣлились по князьямъ, но князья дѣлились по городамъ и землямъ. Родового устройства, при всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ, допустить нельзя. Здѣсь выступаетъ другое устройство—общинное. Отдѣльность городовъ, общинъ, поддерживалась не отдѣльностью родовую, а отдѣльностью общинною.

Но то, что еще не ясно является въ договорѣ Олега, ясно и опредѣленно выступаетъ въ договорѣ Игоря. Договоръ этотъ начинается такъ: «*Мы отъ рода Русскаго съми и гостье*» (*). Изъ этого выраженія уже видно, что было званіе купцовъ, торговыхъ людей, и что значеніе ихъ было такъ велико, что они были въ числѣ пословъ, заключающихъ договоръ съ Царегородомъ. Думаемъ, что такое явленіе не показываетъ родового быта. Изчисленіе пословъ поименно, слѣдующее непосредственно потомъ, также очень важно по своимъ указаніямъ. Сперва именуется посоль отъ самого Игоря—Иворъ; потомъ слѣдуютъ общіе послы (*объчии сми*): сперва отъ княжата (Игорева) семейства, что ясно обозначается прилагательною, притяжательною формою собственныхъ именъ, иногда же родительнымъ падежомъ. Такъ: «*Вудѣистъ Святъсмиль, Искусеви Ольги княгини*» (**) и пр. → За княжимъ семействомъ слѣдуютъ имена другихъ князей, обозначающіяся также притяжательною формою; за ними, думаемъ мы, идутъ послы отъ бояръ; ибо 1) въ договорѣ Олеговомъ говорится, что посольство правится и отъ бояръ; въ Игоревомъ же договорѣ (см. ниже) говорится прямо, что посольство идетъ и отъ бояръ, что даетъ возможность предполагать здѣсь ихъ имена. 2) Что здѣсь слѣдуютъ бояре, пославшіе пословъ, то, по моему мнѣнію, доказывается тѣмъ, что имена эти не княжія, особенность которыхъ нельзя не признать; впрочемъ, что это были именно бояре, мы не утверждаемъ; это могли быть и мужи княжіе, какъ тѣ, которымъ Рюрикъ роздалъ города, или какъ Аскольдъ и Диръ; но во всякомъ случаѣ не князья самостоятельные. Гдѣ же начиваются имена бояръ (пославшихъ)? Отвѣтъ нашъ будетъ въ то же время подтвержденіемъ и самой мысли, что въ числѣ пословъ находятся и послы отъ бояръ. Собственно княжихъ именъ, по моему мнѣнію,

(*) Пол. Собр. Русск. Литов. Т. 1, стр. 19.

(**) Тамъ же стр. 20.

только два: *Володиславъ и Передслава*. Кромѣ особенности книжныхъ именъ, это, кажется, доказывается слѣдующимъ: Посольство отъ Володислава—Ульбъ, отъ Передславы—Каницарь, вслѣдъ за тѣмъ говорится: *Шихъбернъ, Сфандръ — жены Ульбъ* (* Шихъбернъ, Сфандръ—имена не княжія; но здѣсь это не важно, ибо они сами въ послахъ; это послы отъ Ульбовой жены. Отчего же не отъ мужа ея Улеба? Но мужъ ея самъ былъ посломъ отъ князя Володислава, слѣдовательно, посольство шло уже отъ жены его, и, слѣдовательно: здѣсь начинаются не княжіе послы, а княжихъ мужей или бояръ (**).—Притяжательная форма (изрѣдительно надежъ) сохраняется при изчисленіи и этихъ пословъ такъ что видно изъ нея прямо, отъ кого именно кто посланъ. Эта притяжательная форма идетъ постоянно до словъ: *»Купецъ Луны»*, послѣ котораго она прекращается, и идутъ ужь одни именъ въ именительномъ надежѣ; это показываетъ, что здѣсь уже слѣдуютъ имена купцовъ, пословъ отъ купческаго сословія, отъ Земли; доказательствомъ тому—то обстоятельство, что передъ этимъ рядомъ именъ, оканчивающихъ изчисленіе; пословъ, стоитъ слово: *«Купецъ»*, разграничивающее порядокъ пословъ. Имена купцовъ—и Варяжскія и Славянскія, но нѣкоторыя изъ первыхъ скорѣе звучатъ по-Славянски; два же послѣднія рѣшительно Славянскія и по своему образованію могутъ скорѣе принадлежатъ простому народу: *Синко, Боричъ (Боричевъ взвозъ)*; такимъ образомъ, можно предположить здѣсь пословъ и отъ простыхъ людей. Все сказанное выше, какъ и послѣднее предположеніе, подтверждается слѣдующими непосредственно за изчисленіемъ пословъ словами: *«Посланіи отъ Игоря Великаго, Князя Русскаго и отъ всякаго Князья и отъ всѣхъ людей Русскія земля»* (***)). Далѣе еще подтвержденіе той же мысли: *«И Великій Князь ичше Игорь»*

(*) Пол. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. 1, стр. 20.

(**) Могутъ возразить: Почему жена Ульбова должна быть женою Ульба,—посл Володислава? На это отвѣчаю: а) Жена Ульбова должна быть женою известнаго Ульба, а иначе она была бы названа по имени. Здѣсь же, какъ видно, было достаточно назвать ея мужа. б) Ульбъ только что былъ упомянутъ, и потому говорится: «Ульбова жена.» Кстати замѣтимъ, что наименованіе жены именемъ мужа въ такомъ дѣлѣ указываетъ на право не ея, но мужа ея. Слѣдовательно, подтверждается мысль, что жена Ульбова послала пословъ отъ себя, вмѣсто мужа, который самъ былъ посломъ отъ князя.

(***) Тамъ же стр. 20.

Князи (по списку Р. и Т.) и бояре его и люди вси Русии послани ны (*). Кажется, ясны эти строки: вот наше общественное устройство, проходящее сквозь весь период усобиц и являющееся потомъ въ Московской Руси, какъ Земля и государство. Здѣсь, конечно, не видать родоваго устройства; съ этимъ, надѣюсь, и всѣ согласится. Не говоримъ уже объ участи всей Земли, въ этомъ посольствѣ; даже самое то, что послы были присланы отъ членовъ семьи, показываетъ, что не было, поглощающаго семью или родъ, значенія родопачальника.—Наконецъ, въ этомъ же договорѣ упоминается о городахъ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславѣ, совершенно въ самобытномъ городомъ или областномъ значеніи; о князьяхъ въ этомъ мѣстѣ не упоминается; но, конечно, какъ города самобытные, они имѣли и своихъ князей.—Скажемъ здѣсь наше предположеніе или, скорѣе, догадку: не былъ ли Володиславъ—князь Черниговскій, а Передслава—княгиня Переяславская? Кромѣ Кіева, въ которомъ былъ князь Игорь, только два эти города упоминаются въ договорѣ. Отчего? Не отъ того ли, что въ нихъ были князья? Догадка наша подтверждается мѣстомъ въ договорѣ Олега; тамъ говорится, что Олегъ заповѣдалъ «Дати уклады на Русскіе города, первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ и на Полтескъ, и на Ростовъ и на Любечъ и на прочая города; потѣмъ бо городомъ сѣдяху Князья подъ Ольгомъ суще (**).» И такъ, вотъ важное указаніе; слѣдовательно, и здѣсь, въ договорѣ Игоря, надо предположить въ подобномъ случаѣ, при городахъ, своихъ князей; упоминается только два города, кромѣ Кіева, и, какъ выше мы замѣтили, только два князя (князь и княгиня), кромѣ Игоря (съ семьей). Слѣдовательно, предположеніе наше, что Володиславъ былъ князь Черниговскій, а Передслава—княгиня Переяславская, получаетъ большую вѣроятность. Конечно, и другіе многіе города, кромѣ этихъ, были и самобытны, и имѣли своихъ князей; но они могли (поэтому самому) и не участвовать въ договорѣ и посольствѣ Игоревомъ.—Кажется, достаточно уже и этихъ историческихъ свидѣтельствъ о гражданскомъ, обшнномъ бытѣ Руси первыхъ временъ; но укажемъ еще на два.

(*) Тамъ же стр. 20.

(**) Тамъ же стр. 13.

Кто рѣшаетъ, чтобы Ольгу выдать за Древлянскаго князя Мила?— Древляне, т. е. народъ, ибо и позднѣе подъ словомъ: *Людѣ, Кыяне*, разумѣется всегда народъ. *Поймемъ жену ея (Игоря) Волгу за Князь свой Миль*», говорятъ Древляне (1). А пришедши къ Ольгѣ, Древляне говорятъ: «*Посли ны Дерьвьска Земля*» (2).

Позднѣе, когда Святополкъ и Владиміръ, въ 1096 году, послали къ Олегу, они сказали такъ: «*Пойди Кыеву да порадъ положи о Рускій Земли, предъ Епископы и предъ мѹмены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людми градъскими, да бы томъ оборонили Рускую Землю отъ поганыхъ*» (3). — Не есть ли это уже чистая Земская Дума, на которую звали Олега? И такъ вотъ когда встрѣчается первое о ней свидѣтельство.

Изъ всего сказаннаго выводимъ, что гражданственно-общественное устройство является въ глубокой древности, еще со времени Рюрика (мы думаемъ, что и прежде, но теперь говорить объ этомъ не мѣсто). Слово же Изгой встрѣчается гораздо позднѣе, когда гражданственно-общественное устройство было еще сильнѣе, или, можетъ быть, опредѣленнѣе. — Зачѣмъ же слово Изгой истолковывать родовымъ устройствомъ, когда въ то время существовало, и такъ явственно и твердо, уже другое?

II.

Теперь, для полноты изслѣдованія и объясненія, слѣдуетъ опредѣлить, въ какомъ значеніи употреблялось слово Изгой. Самъ г. авторъ говоритъ: «Мы имѣемъ одно только прямое свидѣтельство источниковъ объ лицахъ, которыя слѣдуетъ считать изгоями. Оно находится въ уставѣ о церковныхъ судахъ Новгородскаго князя Всеволода - Гавріила.» — Думаемъ, что это прямое свидѣтельство очень важно: что же говорить оно? — «Изгой трон: поповъ сынъ грамотъ не умѣеть; холопъ пзъ холопства выкупитя; купецъ одолажаетъ; а се четвертое взгойство и себѣ приложимъ: аще Князь оспротѣеть.» Первые три изгойства, очевидно, не родовыя, но общественныя, гражданскія; ибо во всѣхъ трехъ слу-

(1) Тамъ же стр. 23.

(2) Тамъ же стр. 21.

(3) Тамъ же стр. 95.

Ист. соч. К. Аскакова

чаяхъ человѣкъ исключается изъ своей общины или *сословія*, и становится лишнимъ по собственной или чужой винѣ. Гражданскаго (а не родового) значенія первыхъ трехъ Изгоевъ и г. сочинитель не отвергаетъ. Что же касается до четвертаго изгойства, то о немъ слѣдуетъ поговорить. Очевидно, что Князь Всеволодъ-Гавриилъ принимаетъ за основное изгойство только три первые случая; онъ говоритъ: «*Изгойи трии.*» Четвертый же случай изгойства приводится Княземъ, какъ примѣненіе, и притомъ его личное и произвольное примѣненіе: «*и се четвертое изгойство и себѣ приложимъ.*» И такъ изгойство, какъ упоминается о немъ въ этомъ свидѣтельствѣ, имѣеть смыслъ гражданскій, общинный.—Теперь далѣе; разберемъ самое выраженіе: *иже Князь осиротѣеть.*» Что такое Князь, который осиротѣеть? Княжескій родъ Рюрика не составлялъ общины, не представлялъ и гражданственно-родового быта, ибо каждый членъ рода былъ владѣтелемъ, или имѣвшимъ право на владѣніе; сверхъ того въ княжіи распорядокъ входило участіе тѣхъ земель и областей, которыми владѣли Князья; родовой бытъ ихъ поэтому не могъ сохраниться, по крайней мѣрѣ, въ чистотѣ своей; между собой спорили они, собственно, о правахъ наследственныхъ. Княжескій родъ былъ связанъ съ общиною, съ землею Русскою, посредствомъ родового преемства, дававшего ему право на владѣніе землею; и такъ осиротѣвшій Князь былъ Изгой, не въ смыслѣ родовомъ, но въ томъ смыслѣ, что за прекращеніемъ родовой связи, терялъ онъ (хотя бы въ потомствѣ) свое общественное владѣтельное значеніе, терялъ свои права. И такъ онъ не исключался изъ Княжскаго рода, но исключался изъ числа *владѣющихъ* Князей. Слѣдовательно, здѣсь не родовое значеніе, по крайней мѣрѣ, не то, которое хотять видѣть въ Россіи, на основаніи словъ Нестора; родъ здѣсь только связь съ общиною, съ землею, устроенною уже не по родовымъ отношеніямъ, а по гражданскимъ. Что касается до случаевъ сиротства, о которомъ говорится въ уставѣ, то это уже другой вопросъ, для рѣшенія котораго надо опредѣлить тогдашній современный взглядъ; одинъ случай, напр., намъ извѣстенъ: смерть сына, при жизни отца, лишала внука наследства; но это требуетъ особаго изслѣдованія, которое въ настоящей статьѣ не нужно и отвело бы только въ сторону.—Самое слово *сирота* никогда не имѣло у насъ въ Россіи значенія *orphelin* или *Waise*; оно имѣеть общее значеніе лишенія, безза-

щитности. Про родителей, лишившихся дѣтей, говорятъ, что они осиротѣли. Въ томъ смыслѣ могли быть употреблены слова Князя Всеволода - Гавриила; бездѣтный Князь не передавалъ этого права своимъ дѣтямъ, терялъ свои права владѣнія въ потомствѣ, и могъ быть, по примѣненію, названъ Изгоемъ.

И такъ, изъ устава Князя Всеволода-Гавриила видимъ, что было три случая изгойства, и всѣ три случая не родовые, а гражданскіе. Четвертое же изгойство есть только примѣненіе, и притомъ личное, отъ самого князя къ себѣ, къ княжему роду, и родовымъ, думаемъ, назваться не можетъ. Родоваго значенія изгойства отсюда вывести нельзя.

Кажется, и г. сочинитель знаетъ, что это свидѣтельство не въ пользу его мнѣнія. Хотя и говоритъ онъ сперва рѣшительно: «По понятіямъ древнихъ родовыхъ исключительныхъ отношеній, Князь, оставшійся круглымъ сиротой въ своемъ родѣ, долженъ былъ, какъ и простыхъ лица (гдѣ? какимъ образомъ? когда?), отрѣшенные отъ своихъ родовыхъ общинъ, называться Изгоемъ» (1). Но далѣе г. сочинитель говоритъ: «Разсматривая всѣ приведенныя выше причины изгойства, нельзя не замѣтить, что въ нихъ первоначальное естественное значеніе Изгоя, какъ члена, отрѣшеннаго отъ своего прежняго рода (?), дополнилось еще гражданскимъ или юридическимъ его значеніемъ, какъ лица, вышедшаго изъ той гражданской общины, въ которой онъ замыкался и числился до того времени. Между тѣмъ, какъ мы замѣтили выше, очевидно (?), что не всѣ даже первоначальныя причины изгойства исчислены въ уставѣ Всеволода» (2). Черезъ нѣсколько строкъ: «Такою *неполноту* (?) Всеволодова устава можно отчасти объяснить» и пр. (3). Но прежде чѣмъ объяснять, надо посмотреть, существуетъ ли предметъ объясненія. Прежде всего мы спросимъ, отъ чего находить г. авторъ *неполноту* въ уставѣ Всеволода-Гавриила? Неужели, если историческое свидѣтельство противорѣчитъ нашему мнѣнію (не подкрѣпленному другими свидѣтельствами), слѣдуетъ называть оное по тому самому *неполнымъ*? Не лучше ли прямо основаться на этомъ уцѣлѣвшемъ свидѣтель-

(1) Архивъ Историко-Юридическихъ свидѣній, стр. 65.

(2) Тамъ же, стр. 70.

(3) Тамъ же, стр. 71.

ствѣ въ уставѣ Всеволода-Гавріила, тѣмъ болѣе, что и другія соображенія въ пользу онаго? Г. сочинитель говоритъ далѣе: «Такой же доступъ предлагали имъ (Изгоямъ), возникшія вновь (?), подъ покровительствомъ князей (?), общины, купеческія и сельскія (верви), какъ общины гражданскія въ противоположность туземнымъ, исключительно родовымъ союзамъ (???) (1). Но отъ чего же *вновь*? Общины образовались гораздо прежде, во времена Олега несомнѣнно, даже во времена Рюрика и ранѣе. И почему: «въ противоположность туземнымъ общинамъ?» — Земскія общины, сходки, вѣча, мѣръ, развѣ явленіе не туземное?

Я ограничиваюсь вопросомъ объ Изгояхъ; но много и много можно бы возразить противъ мнѣнія о древнемъ родовомъ бытѣ Русскихъ Славянъ и Славянъ вообще. Удерживаюсь здѣсь, и надѣюсь представить мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ въ особой статьѣ.

Что касается до филологическаго значенія слова Изгой, приводимаго авторомъ, то оно, по его же толкованію, значитъ только исключеннаго изъ какой-нибудь жизни, изъ жизненнаго бытія, а поэтому можетъ относиться вполне и къ гражданскому быту.

Относительно же покровительства Церкви Изгоямъ, ясно, что оно нисколько не утверждаетъ за ними значенія родоваго. Церковь покровительствовала всѣмъ безпомощнымъ, беззащитнымъ. А слово *сирота*, какъ сказано выше, не имѣло и не имѣетъ у насъ значенія *orphelin* или *Waise*, но значеніе собственно беззащитности. Сирымъ называютъ нищаго, и чловѣка, лишеннаго опоры въ общинѣ, не обинуясь, народъ назоветъ сирымъ.

Что касается до рукописи XV-го вѣка, то мѣсто, приводимое отсюда г. авторомъ, можетъ относиться къ какому угодео быту. Слова: «всего же есть горѣ изгойство взимати. иже взимающен, тѣя не отдадутъ оиять тѣмже». г. авторъ переводитъ: «болѣе тяжкаго грѣха, какъ самовольно дѣлаться Изгоемъ; кто беретъ на себя (принимаетъ на свою душу) изгойство, тотъ не тѣмъ поплатится» (2). Последнія слова едва ли такъ; я объясняю ихъ: кто беретъ на себя изгойство, тотъ уже назадъ отдать его не можетъ, не можетъ перестать быть Изгоемъ.

Какія же доказательства, спрашиваемъ мы, приводить г. сочи-

(1) Арх. Ист. Юр. свидѣній, стр. 71.

(2) Арх. Ист. Юр. свидѣній, стр. 63.

нитель въ пользу своего мнѣнія? Мы должны признаться, что доказательствъ въ его статьѣ нѣтъ. Онъ ссылается на слова Нестора, сказанныя только о Поляпахъ и относящіяся вообще къ родовому быту. Все остальное въ его статьѣ—разсужденія. Свидѣтельство Всеволода-Гавриила, приводимое авторомъ и говорящее противъ него, называется авторъ неполнымъ.—Самъ собою возникаетъ простой вопросъ: за чѣмъ же слову «Изгой» придавать значеніе родовое, когда нѣтъ на то доказательствъ, а какія есть, тѣ говорить въ пользу гражданственнаго, общиннаго значенія?

Въ заключеніе, укажемъ на одно свидѣтельство, котораго сочинитель не приводитъ, а именно, на одно мѣсто въ Русской Правдѣ, гдѣ встрѣчается слово Изгой, и гдѣ, сколько мы видимъ, оно противорѣчитъ понятіямъ автора о родовыхъ отношеніяхъ. Возьмемъ Русскую Правду, издаванную въ Русскихъ Достопамятностяхъ: въ трехъ первыхъ спискахъ изданія г. Калачова находится то же мѣсто съ незначащими измѣненіями; вотъ оно: «Ажь убьеть мужъ мужа, то мстити брату брата, либо отцю, либо сыну, либо браточаду, либо братию сыновн. Оже и не будетъ кто его мсти то положити за голову II. гривент, аче будетъ князь мужъ, или тивуна князя. Аче ли будетъ Русинъ (въ Соф. сп. «Русинъ и горожанинъ») либо гридь, либо купецъ, либо тивуйъ боярескъ, либо мечникъ, либо изгой, либо Словенинъ, то М. гривентъ положити зашь» (1).

Здѣсь перечисляются тѣ, которые могутъ остаться безъ родовыхъ мстителей: *оже и не будетъ, кто его мсти*, и въ числѣ перечисленныхъ встрѣчается и подходитъ подъ одну категорію съ ними—Изгой; слѣдовательно, и у него, какъ и у другихъ, могъ быть и не быть, *кто его мсти* (родовой мститель). Въ такомъ случаѣ значеніе слова Изгой, какъ исключеннаго изъ рода, рѣшительно невозможно.—При родовомъ же значеніи слова Изгой, всѣ лишенные родовыхъ своихъ мстителей, всѣ поименованные, были бы Изгоями; но мѣсто это въ Русской Правдѣ доказываетъ иное.

И такъ, опять вопросъ: какимъ образомъ можно заключить, что изгойство имѣло значеніе родовое, когда всѣ свидѣтельства говорятъ противъ?

(1) Русскія Достопамятности ч. 1, стр. 10.

Изъ вышеприведенныхъ доказательствъ видимъ: 1) что въ древней Россіи, по крайней мѣрѣ, въ тѣ времена, когда встрѣчается слово Изгой, не было уже родового быта, какъ понимаетъ его г. авторъ. Напротивъ, изъ тѣхъ же доказательствъ видно, что былъ быть общинный, гражданственный. 2) Разбирая историческое значеніе слова Изгой, видимъ, что оно не имѣло значенія родового. Напротивъ того, всѣ свидѣтельства говорятъ, что слово Изгой имѣло значеніе общественное. И такъ, *Изгой не былъ явленіемъ родовымъ, но явленіемъ общественнымъ, гражданскимъ*: это былъ человѣкъ, исключенный, или самъ исключившій себя изъ общины или сословія.

Надѣмся, что многоуважаемый нами авторъ не посѣтуетъ на насъ за эти возраженія на его мысль объ Изгояхъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОЙ ИСТОРИИ, ВОЗБУЖДЕННЫХЪ ИСТОРИЕЮ Г. СОЛОВЬЕВА.

По поводу I тома (1).

Трудолюбіе и даровитость г. Соловьева всѣмъ и давно пзвѣстны. Кромѣ лекцій университетскихъ, кромѣ пространныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, сборникахъ, вѣдомостяхъ, г. Соловьевъ нашелъ время для обработыванія и изданія въ свѣтъ важнаго труда, Русской Исторіи. Первый томъ передъ нами. Уважая вполне даровитость автора, желая ему продолжать идти впередъ, мы однако не согласны со многими его воззрѣніями. Критики на сочиненіе г. Соловьева уже появились. И въ Москвитянинѣ, и въ Отечественныхъ Запискахъ, и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ были сказаны дѣльные и полезныя замѣчанія; но на всѣ возраженія г. Соловьевъ отвѣчалъ, что они своею слабостью только утвердили его въ его мнѣніяхъ. Мы, съ своей стороны, пишемъ не критику на г. Соловьева, а хотимъ высказать нѣкоторыя мысли о Русской исторіи, пришедшія намъ въ голову по поводу его книги.

Прежде всего должны мы сказать, что едва ли въ наше время можно писать исторію Россіи. Исторія есть окончательный плодъ какой-нибудь эпохи, есть результатъ ея предварительныхъ историческихъ трудовъ; твердая, незыблемая основа для нея необходима. Наше время есть время изслѣдованій, изысканій, приготовительной обработки. Матеріалы являются съ каждымъ днемъ въ возрастающемъ количествѣ; безпрестанно выходятъ акты такого

---

(1) Черновая, неоконченная рукопись, писана по появленіи 1-го тома и до выхода въ свѣтъ 2-го тома исторіи г. Соловьева; стало-быть въ 1851 году. *Прим. изд.*

рода, которыхъ каждую строку должно читать и перечитывать, которыхъ каждое слово должно объяснять въ отношеніи не только историческомъ, по юридическомъ, филологическомъ и др. наукъ. А всѣ науки нераздѣльно между собою связаны. Средн этой предварительной работы можетъ ли быть произведена работа окончательная? Можно ли строить зданіе, когда ни матеріалы, ни планъ не готовы? Зачѣмъ отнимать у эпохи ея трудъ и значеніе, зачѣмъ торопить ея время (себя можно торопить, но не время)? Мы согласны, что работа изслѣдователя не очень заманчива. Но что же дѣлать, если такова наша эпоха. Все, что можетъ явиться въ наше время, это развѣ монографія. Понятна, очень понятна потребность цѣлаго, потребность зиждущей дѣятельности; но, сознавая вполне эту потребность, всегда живущую въ человѣкѣ не отвлеченномъ, въ человѣкѣ, для котораго жизнь есть первое дѣло, мы должны, однако, сказать, что, сберегая въ себѣ эту прекрасную, доводящую до пещины потребность, можно ограничить себя изслѣдованіями; она, эта потребность жизни, поможетъ здѣсь много, дастъ имъ зоркость и цѣлость, и будетъ вездѣ выражаться. Исторія Россіи въ наше время возможна только въ видѣ опыта. Но такъ ли написана свою Исторію г. Соловьевъ? Едва ли. — Въ ней слышно противорѣчіе: она писана какъ исторія, какъ полный выводъ изъ предыдущихъ трудовъ; а между тѣмъ она имѣетъ характеръ собранныхъ изслѣдованій, не болѣе. Чего нельзя сдѣлать, то и не было сдѣлано, и Исторія Россіи г. Соловьева — не исторія.

Не вѣдемъ въ этомъ автора; въ настоящее время, при состояніи исторической науки, исторія Россіи невозможна. Замѣчаніе наше автору состоитъ въ излишней поспѣшности; въ томъ; что снѣ очень легко и скоро строить Русскую исторію, тогда какъ еще неизвѣстно, когда наступитъ для нея время. I-й томъ его исторіи, не представляющій ничего новаго, можетъ, года черезъ два, быть анахронизмомъ и откинутъ. Посвятимъ всѣ труды свои изслѣдованіямъ, будемъ стараться разрѣшить великую задачу нашей исторической жизни, обратимся для этого къ древней самобытной Россіи, и къ народному быту теперь; истинная мысль вдругъ найдетъ гармонию во всѣхъ явленіяхъ жизни. Все станетъ ясно и понятно. Но для этого много нужно предварительныхъ изысканій, много трудной и иногда мелочной работы.

Теперь обратимся къ самымъ мнѣніямъ г. Соловьева, высказаннымъ въ его Исторіи.

Въ предисловіи къ первому тому своей Исторіи Россіи, г. Соловьевъ говоритъ вообще противъ раздѣленія исторіи на эпохи, утверждая, что такого раздѣленія не бываетъ въ самой исторической жизни, гдѣ всё явленія связаны одно съ другимъ; онъ, между прочимъ, тутъ же высказываетъ мнѣніе (и, онъ, кажется, первый печатно), что еще до Петра Великаго начались у насъ преобразованія, и что Петръ только продолжалъ начатое. Мысль о томъ, что исторія не допускаетъ раздѣленій—справедлива, если понимать раздѣленія за какія-то рубрики и графы. Но съ другой стороны нельзя не признать въ ходѣ исторіи возникающихъ главныхъ идей, группирующихъ около себя предыдущія и послѣдующія явленія; эти господствующія идеи, въ теченіе извѣстнаго времени, составляютъ эпохи и періоды. Переходъ отъ періода къ періоду, отъ эпохи къ эпохѣ дѣлается незамѣтно, безъ всякаго видимаго отдѣла, ибо таковъ ходъ жизни исторической; но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, нельзя не отличать этихъ эпохъ, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится и самъ авторъ. Онъ самъ даже назначаетъ главныя эпохи.

Прежде, чѣмъ будемъ говорить о раздѣленіи Русской Исторіи, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ мнѣніи, которое выражаетъ въ предисловіи своемъ учепый авторъ, о преобразованіи Петра Великаго.

Г. Соловьевъ говоритъ, что Петръ былъ продолжателемъ, что дѣло заимствованія отъ иностранцевъ полезнаго было еще до него. Это совершенно справедливо, и все, что есть истиннаго въ переворотѣ Петра, было, конечно, начато до него. Но Петръ былъ не только продолжателемъ, а это-то и составляетъ характеристику его эпохи. Прежде принимали одно полезное отъ иностранцевъ, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началахъ своей жизни, и Россія оставалась самостоятельною. Петръ же, напротивъ, сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую жизнь иностранную, со всеми случайными ея подробностями; онъ перемѣнилъ всю систему управленія государственнаго и весь образъ жизни; онъ перемѣнилъ на иностранный ладъ Русской языкъ, онъ принудилъ перемѣнить самую Русскую одежду на одежду ино-

странную; переломленъ былъ весь строй Русской жизни, пере-
мѣнена была самая *система*. Такимъ образомъ, даже самое по-
лезное, что принимали въ Россіи и до Петра, непремѣнно стало
не свободнымъ заимствованіемъ, а рабскимъ подражаніемъ. Къ
этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно, на-
силіе, неотъемлемая принадлежность дѣйствиі Петра. Это насиліе
въ свою очередь измѣнило все дѣло; что дѣлалось доселѣ сво-
бодно и естественно, то стало дѣлаться принужденно и насиль-
ственно. Поэтому преобразование Петра есть рѣшительно уже *пе-
рерывъ, революція*, а въ этомъ и заключается особенность и
историческое значеніе его дѣла. Напрасно говорили (я самъ напе-
чаталъ это нѣкогда) (1), что Петръ возсталъ противъ исключитель-
ной Русской національности. Исключительности въ Россіи не было
вовсе; все полезное принималось и до Петра, только это не мѣ-
шало Русскимъ оставаться Русскими. Напротивъ, исключительность
національности (незнакомая Россіи никогда прежде) явилась со
стороны Петра. Петръ именно стоялъ за исключительную націо-
нальность, только не свою, а Западную, и повсюду истреблялъ
всякое выраженіе Русской жизни, всякое Русское явленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, исключительности національной не было ни-
когда въ до-Петровской Россіи. Еще Песторъ сказалъ, пересчи-
тывая разные обычаи языческихъ народовъ: мы же Христіане за-
конъ имамы едины: елицы во Христа крестихомся, во Христа обле-
кохомся (2). Вотъ когда, и какъ хорошо и ясно, перейдены были
границы исключительной національности во имя Христіанской
Вѣры. Христіанская Вѣра — вотъ союзъ человѣческій, вотъ союзъ
нашъ. Всѣ Христіане — братья. Это истинное пониманіе Христі-
анской Вѣры есть основаніе всей нашей исторіи; и въ то же
время то же святое ученіе научило Русскій народъ, — эту пзна-
чала добрую почву слова Божія, — на всякаго человѣка смотрѣть
какъ на ближняго. Посмотрите на время Междуцарствія, когда
дѣйствовалъ народъ, перечтите эти безцѣныя грамоты, въ кото-
рыхъ столько простоты, тихой, искренней, нецобѣдимой силы,
столько чистоты и святости. Въ началѣ грамоты говорится обы-
кновенно, отъ кого писана она, перечисляются всѣ сословія, всѣ

(1) Въ разсужденіи о Ломоносовѣ. *Прим. изд.*

(2) Это важное указаніе принадлежитъ Ю. Ф. Самарину.

Русскіе люди, и съ ними тутъ же и *Пльмцы и Литва*, и это не одинъ разъ. И теперь ни къ Нѣмцамъ, ни къ Полякамъ, въ простомъ народѣ нѣтъ никакой ненависти. Но этотъ высокой христіанской взглядъ нашего народа былъ недоступенъ народамъ другимъ, гордымъ народамъ Запада, которые только теперь, и то въ избранныхъ своихъ, въ нѣкоторыхъ сословіяхъ, дошли до чело-вѣческаго взгляда Русскаго народа, да и то больше какъ космополиты, слѣдовательно впади въ новую ошибку. При этомъ истинномъ взглядѣ Русскаго народа на другіе народы, конечно, очень естественно принимать отъ нихъ все хорошее. Такъ оно всегда и было. При Димитріѣ Донскомъ было принято огнестрѣльное оружіе, при Иоаннѣ IV — книгопечатаніе и т. д. Наконецъ, при Θεодорѣ Алексѣевичѣ даже внутреннее военное устройство. Исключительность національная не существовала у насъ, и это обвиненіе есть призракъ, изобрѣтенный преобразованными Петромъ Русскими, которые себя оправдываютъ этимъ, какъ креатуры Петра. Духъ нашего народа есть христіанско-человѣческой. И вдругъ среди него является исключительная національность со всею своею дикостью, и эта національность — чужая, которая гонитъ Русскую жизнь, и вмѣстѣ и весь высокій строй ея.

Слѣдовательно, дѣло Петра, какъ принятіе (только) полезнаго отъ чужихъ странъ, не внесло ничего новаго; все это дѣлалось и до него, но свободно, постепенно и самобытно. Великое дѣло Петра, какъ исключительное поклоненіе Западу, какъ исключительное отрицаніе всего Русскаго, даже въ языкѣ и въ одеждѣ, какъ рѣзкое насильственное, поспѣшное и подражательное переобразование, другими словами, какъ *переворотъ*, было точно дѣло новое, не бывающее на Руси, и не принадлежатъ къ тѣмъ мирнымъ измѣненіямъ, которыя совершаются легко и непримѣтно; напротивъ, это именно *переворотъ*, и въ этомъ отношеніи продолжателемъ Петръ назваться не можетъ. Нѣтъ, у него не было предшественниковъ въ древней Руси. Хотя переворотъ Петра прямо подѣйствовалъ только на верхніе классы, но съ измѣненіемъ этихъ классовъ, и народъ, само собою разумѣется, долженъ былъ стать въ особыя отношенія. Такимъ образомъ, переворотъ подѣйствовалъ на всю Россію, разнымъ образомъ въ ней обозначась. Россія раздѣлилась на двѣ рѣзкія половины: на преобразованную Петромъ или верхніе классы, и на Россію, оставшуюся въ своемъ

самобытною видѣ, оставшуюся на корню, или простой народъ. Разумѣется, двѣ сѣи половины, между которыми разрушена связь пониманія, не остаются безъ соприкосновенія, если не внутренняго, то вѣшняго; разумѣется, одна дѣйствуетъ на другую, и преимущества и выгоды играютъ здѣсь, конечно, большую роль. Изъ нашихъ словъ видно, что мы несогласны съ г. Соловьевымъ, который называетъ Петра только продолжателемъ.

Что же касается до того, какъ раздѣлять Русскую Исторію, то во 1-хъ признавая эпохи въ исторіи, мы признаемъ и возможность ея раздѣленія. Во 2-хъ думаемъ, что Русскую Исторію лучше раздѣлять, какъ она сама себя раздѣлила, т. е. по столицамъ: историческое раздѣленіе, собственно Россіи принадлежащее, которое не приходится ни къ какой иной странѣ.

Это раздѣленіе по столицамъ нуждается въ объясненіи. Прежде надо сказать, что Русская столица вовсе не то, что столица въ другихъ государствахъ; въ Русской столицѣ нѣтъ никакого исчерпывающаго, деспотическаго значенія, ничего централизирующаго. Столица есть городъ, въ которомъ болѣе, чѣмъ въ другомъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, выражается мысль эпохи; въ столицахъ сознаетъ себя исторически народъ; отъ этого въ Русской исторіи такое преемство столицъ, нигдѣ невиданное; отъ этого и исторія Русская можетъ дѣлиться по столицамъ, какъ по эпохамъ. Каждая эпоха имѣла свою столицу, и наконецъ, когда Россія раздѣлилась на двѣ стороны, Земскую и Государственную, явились и двѣ современныя столицы.

И такъ прослѣдимъ раздѣленіе Русской исторіи, какъ мы оно понимаемъ:

Новгородъ первый является на сценѣ исторіи. Онъ начинается Русскую исторію. Но Новгородъ нельзя назвать столицей. Призванная вмѣ Русь (Варяги) оставалась тамъ не долго и перешла на Югъ. Это былъ первый станъ ея, и только; почему такъ — на это объясненіе уже даетъ сама исторія, объ этомъ здѣсь распространяться мы не станемъ, но былъ таковъ (1). Первая столица безспорно Кіевъ, *мать городовъ Рускихъ*.

И такъ періодъ первый:

---

(1) Слѣдующія за сими строки, помѣщаемыя въ выноску, въ рукописи находятся на поляхъ, въ видѣ замѣтокъ для себя. *Прим. изд.*

1) Киевская Русь или Киевский период. Периодъ отдѣльныхъ областей или общинъ, соединенныхъ въ Земскомъ отношеніи единствомъ Вѣры Православной, а также и единствомъ народнымъ быта и языка; въ отношеніи Государственномъ соединенныхъ кровнымъ единствомъ князей, тѣмъ, что князья общинъ родные между собою, одного происхожденія. Иногда общины воюють другъ съ другомъ, и князья являются ихъ предводителями; иногда князья воюють между собою, и общины, смотря по обстоятельствамъ, помогаютъ имъ. Борьба между князьями идетъ за Кіевъ, не какъ за могущественное княжество, но какъ за почетнѣйшій престолъ. Здѣсь борьба идетъ за честь Кіевского сидѣнья, борьба за столъ. Кіевъ, какъ столица, имѣеть значеніе только для князей; для Земли онъ важенъ какъ метрополія, и тѣмъ самымъ, что не имѣеть никакого притязанія быть ея столицей, и имѣеть значеніе чисто мѣстное, областное. Государственный элементъ еще не сплелъ.

2) Владимірскій периодъ или Владимірская Русь. Борьба князей принимаетъ другой характеръ; родственная связь слабѣетъ, и борьба идетъ за могущественное княжество, за матеріальную силу. Является много великихъ княженій. Борьба общинъ продолжается, но не столь сильно. — Одно княжество думаетъ усиливаться на счетъ другаго. — Общины начинаютъ смыкаться въ матеріальныя,

Поэтому, когда явился общій княжескій родъ, явилось и общее названіе, названіе Руси. Оно пошло не какъ названіе побѣдившаго народа къ побѣжденному, или даже просто одного народа къ другому. Русь вовсе не была народъ. Но Русь, выражая собою государственное и поэтому централизирующее начало, какъ такое, заключало въ себя единство, которое и распространялось на все земли и общины, гдѣ это государственное начало утвердилось. Новгородцы, проводивъ Русь на Югъ, избавились отъ названія.....

Такимъ образомъ названіе Руси перешло мало-по-малу на (вст?) Русь. Сперва княжество Кіевское, потомъ Южная Русь, потомъ Сѣверная.

Призывали (*Варяговъ*) отдѣльныя общины; въ своей отдѣльности онѣ и продолжали оставаться, а призывали и принимали князей онѣ изъ одного племени Рюрикова, что, кромѣ неопредѣленной связи братства, единоплеменности и однобытности, составляло новую связь. Родъ Рюриковъ былъ для Славянскихъ общинъ розсадникомъ, *seminarium*, заводомъ князей. Князья Рюриковскаго завода казались лучше другихъ, какого-нибудь другаго завода. Славяне же были не заводъ, а община.

Названія общаго очевидно не было; ибо тамъ, гдѣ исключительности національной не было, выступало человѣческое на первый планъ, — союзъ человѣческой. И теперь рѣдко крестьянинъ назоветъ себя Русскимъ, а скажетъ: я Костромичъ, Калужанинъ, и т. д. Названіе Славянъ было извѣстно Славянамъ, а употреблялось, кажется, рѣдко.*

* Несколько словъ, которыя невозможно было разобрать. *Прим. изд.*

отдѣльныя массы.—Южная Русь еще хранитъ прежнія преданія. Сѣверная Русь совокупляется въ матеріальныя, сильныя, отдѣльныя княжества. Новгородъ сохраняетъ свою древиюю отдѣльность собой общины, и, какъ особая община, идетъ впередъ, усиливается, завоевываетъ цѣлыя иноплеменные земли, ведетъ торговлю и войны, все на древнемъ Славянскомъ общинномъ основаніи.—Нашествіе Татаръ даетъ чувствовать всѣмъ Русскимъ общинамъ—и ихъ духовную связь и выгоду взаимнаго земскаго союза.—Метрополія перепесена во Владиміръ. Государственный элементъ, при ослабленіи родственной связи, на основаніи матеріальнаго могущества княженія, усиливается (цѣпнѣтъ матеріальное могущество).

3) Московскій періодъ или Московская Русь. Государство, доселѣ, въ лицѣ князей, съ одной стороны соединившее общины единствомъ ихъ происхожденія и взаимными ихъ притязаніями на княжескую власть, съ другой — раздѣляло эти общины особымъ властительнымъ значеніемъ cadaго князя и враждебностью ихъ отношеній. Такимъ образомъ Земля, будучи съ одной стороны болѣе соединена единствомъ происхожденія и родствомъ князей, съ другой стороны была и болѣе раздѣлена властительнымъ особеннымъ значеніемъ cadaго князя; каждая община слышала, что вольная отдѣльность ея получала чрезъ государственный элементъ, въ нее внесенный, твердость и рѣзкость, что она, однимъ словомъ, изъ отдѣльной общины переходила въ отдѣльное государство: обстоятельство, разрывавшее связь между общинами, нарушавшее общее единство Земли.—Государство съ своей стороны стремилось къ единству государственному; сперва, какъ въ періодъ Владимірскій, оно усиливалось матеріально, этимъ ограничивая свои притязанія. Возникаетъ Москва. Москва первая задумала единство государственное и начала уничтоженіе отдѣльныхъ княжествъ. Вся эта борьба княжествъ на общины не простиралась; общины были довольны, когда падали между ними государственныя перегородки. Государство, уничтожая ихъ, исполняло желаніе Земли, и, стремясь къ единству Государственному, содѣйствовало единству Земскому. Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы община заступилась за своего князя. Москва провозглашаетъ, наконецъ, имя всея Руси, единого Русскаго Государства и единой Русской Общины, Руской Земли. Вотъ значеніе Москвы. Особенности общинъ, ихъ обычаи сохраняются; но въ то же время Государство крѣпнѣтъ, власть

его принимаетъ сльвѣншіе размѣры и царственный видъ.—Орда падаетъ и падаетъ Византія; но соблазнительная практика Татарскаго хана и соблазнительная теорія Византіи дѣйствуютъ сильно на Великаго Князя Московскаго. Удѣльные князья падаютъ, и, какъ бы истребляя память о какой нибудь родственной связи въ дѣлѣ власти, Иванъ Васильевичъ откидываетъ отчество и подписывается Іоаннъ. Отъ Византіи принимаетъ онъ гербъ двуглаваго орла и вѣнчаетъ (но безъ помазанія) на царство своего внука, который однако не царствовалъ.—Іоаннъ IV принимаетъ титулъ царя. Но Земля довѣрчиво смотритъ на новую великолѣпную наружность Государства, довѣрчиво хранитъ свой союзъ съ нимъ, основанный на добровольной сдѣлкѣ. И Государство Московское, не смотря на новый элементъ, не нарушаетъ въ основаніи этого союза. Русь, составляющая отнынѣ одну общину, созывается въ Москву на Земскій Соборъ, замѣняющій Вѣче.—Московскій періодъ представляетъ одно Государство всѣя Руси и одну Общину всѣхъ Руси, еще хранящая память о томъ взаимномъ довѣрїи, которое было положено въ основу ихъ союза, еще при Рюрикѣ. Такимъ образомъ, Москва, соединяя Россію единствомъ Государственнымъ съ одной стороны, съ другой стороны соединяетъ всю Русскую Землю общими чувствомъ одной Великой Общины. Государство, опираясь на общину, утверждаетъ ея голосъ и участіе во всѣхъ дѣлахъ. Москва поддерживаетъ всѣ особенности, и племенные и мѣстные, и при единствѣ хранитъ разнообразіе.—Прекращается династія князей Московскихъ. Русская земля обнаруживаетъ въ эту минуту, что она отвергаетъ совершенно преданія удѣльные и избираетъ на царство не кого-нибудь изъ многочисленныхъ Рюриковичей, а кто мудро ею правитъ, родственника послѣдняго царя древней династіи, Феодора, — Бориса Годунова. — Нашествіе новыхъ враговъ. Поляки, Шведы и другіе враги расхибаютъ въ дребзги Государство Россійское. Москва находится въ рукахъ Поляковъ; тогда подымается сама Земля, сама община, и идетъ на бой. Побѣдоносно ея дѣло, враги низвергнуты, и Русская Земля въ 1612 году находится въ томъ же положеніи, какъ въ 862 году. Враги изгнаны, Государства цѣтъ, и Земля, какъ видно, довольная доселѣ Государствомъ, вновь его призываетъ. Но уже не изъ за моря; она была не прочь и отъ этого, но попытки ея ей доказали, что времена уже не тѣ, и что чуждый призванный Госу-

даръ принесетъ съ собою чуждый строй. Земля выбираетъ Государя изъ своихъ Русскихъ людей.

Примѣчаніе издателя: Здѣсь рукопись кончается, но продолженіе находимъ въ слѣдующихъ листахъ, начинающихся съ очерка Московскаго періода и принадлежащихъ очевидно къ другому списку той же статьи, нѣсколько передѣланному. Очеркъ Московскаго періода излагается въ немъ въ болѣе сжатомъ видѣ.

3) *Московскій періодъ или Московская Русь.* — Общины или города соединяются въ одно цѣлое. Москва провозглашаетъ имя всей Руси. Государство, въ Москвѣ, уже не хочетъ быть сильнѣйшимъ изъ княжествъ, но поднимаетъ знамя во имя *всей Руси*, на которое отзывается вся Земля, прекращаетъ борьбу, князья падаютъ одинъ за другимъ, безъ всякаго содѣйствія народа на ихъ защиту; борьба идетъ нѣкоторое время, но спорящіе князья, лишены опоры въ отдѣльности княжествъ, не могутъ долго бороться, и Иоаннъ III называется Великимъ княземъ *всей Руси*. Государство крѣпнеть, опираясь на земское чувство единства *всей Руси*. Иоаннъ III принимаетъ гербъ отъ Византіи; Иоаннъ IV — титулъ Царя. Государство идетъ объ руку съ Землею. Русь составляетъ одну общину и созывается на Земскій Соборъ Иоанномъ IV; *вѣроятно при немъ ясна стала мысль всей Земли Русской и явилась и почувствовалась вся Земля Русская: это выразилось въ созваніи Земскаго Собора.* Одно Государство *всей Руси*, одна Община *всей Руси*. Государство, опираясь на общину, утверждаетъ ея голосъ и участіе во всѣхъ дѣлахъ. Соединяя все единствомъ Государственнымъ съ одной стороны, съ другой соединяетъ всю Землю общинамъ чувствомъ одной великой Общины. Москва поддерживаетъ всѣ особенности, и племенные и мѣстные, и при единствѣ хранитъ разнообразіе. — Нашествіе Поляковъ обнаруживаетъ значеніе Москвы; она торжественно признается столицею *всей Земли*, но значеніе ея вовсе не исключительное (какъ напр. Римъ); она не владычица Земли, ни есть власть надъ нею, но ея власть. Избранный ею, Шуйскій сводится съ престола въ ней же, ибо не вся Земля его избрала; и въ ея стѣнахъ на перекладкѣ мѣняются всѣ города Русскіе. Земскіе Соборы продолжаютъ созываться еще чаще съ восшествіемъ на престолъ Рома-

новыхъ. Земля принимаетъ участіе не только въ избраніи новой династіи, но и во всякомъ важномъ дѣлѣ. И Земля и Государство продолжаютъ идти рука въ руку; отступленія, которые встрѣчаются, случайны, но система не мѣняется.

4) *Петербургскій періодъ*. Государство совершаетъ переворотъ, разрываетъ союзъ съ Землею и подчиняетъ ее себѣ, начиная новый порядокъ вещей. Оно спѣшитъ построить новую столицу, *свою*, не имѣющую ничего общаго съ Россіею, никакихъ Русскихъ воспоминаній. Измѣняя Землѣ Русской, народу, Государство измѣняетъ и народности, образуется по примѣру Запада, гдѣ наиболѣе развилась государственность, и вводитъ подражательность чужимъ краямъ, Западной Европѣ. Гоненіе на все Русское. Люди государственные, люди служилые, переходятъ на сторону Государства. Народъ, собственно простой народъ, остается при прежнихъ началахъ. Переворотъ сопровождается насиліемъ. Впослѣдствіи переобразованные верхніе классы дѣйствуютъ соблазномъ разврата, выгодъ и преимуществъ на простой народъ; отъ него по одиночкѣ отпадаютъ и переходятъ на враждебную сторону, но весь народъ, въ цѣломъ, остается тотъ же. Россія раздѣлилась на двое и на двѣ столицы. Съ одной стороны Государство съ своей иностранной столицей Санкт-Петербургомъ; съ другой стороны Земля, народъ, съ своей Русской столицей Москвою. Нашествіе Наполеона на Государство и Землю Русскую. Государство, въ смятеніи, обращается къ Землѣ и въ Москвѣ, и проситъ о помощи. Москва принимаетъ ударъ. Москва и Земля спасаютъ и себя и Государство. — Не смогши на то, полный плѣнь правственныи, подъ игомъ Запада, верхнихъ классовъ, примыкающихъ къ Государству. — Наконецъ наступаетъ борьба. Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло правственнаго освобожденія, поднимаетъ вновь знамя Русской самобытности, Русской мысли. Въ наше время среди верхнихъ, отъ народа оторванныхъ, классовъ пробуждается сознаніе ложности направленія иностраннаго, и стыдъ обезьянства. Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; вся дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы,—и окопчаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется, приближается.—Русскіе, позабывшіе свою Русь, начинаютъ ее вспоминать. Усилія ученой дѣятельности, направленной со всѣхъ сторонъ къ Россіи.—Глав-

ное, существенное дѣло — нравственная духовная свобода. Она возникаетъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, какъ дѣлится Русская исторія. То, что мы назвали 4-мъ періодомъ, лучше назвать эпизодомъ, ибо Москва не перестала (и не перестанетъ) быть истинною Русскою столицею. 1812 й годъ ясно это доказываетъ. По нашему мнѣнію, собственно три періода: *Кіевскій, Владимірскій, Московскій*. Москва, по нашему мнѣнію, нераздѣльна съ Россіею.

Г. Соловьевъ считаетъ призваніе Рюрика событіемъ всероссійскимъ, съ котораго справедливо начинать Русскую исторію. Мы совершенно согласны съ г. Соловьевымъ въ знаменательности явленія, но мы объясняемъ оное иначе. Г. Соловьевъ видитъ въ призваніи начало прекращенія родового быта у Славянъ. По нашему мнѣнію, родового быта у Славянъ не было (объ этомъ мы уже сказали наше мнѣніе); слѣдовательно, и былъ призваніи имѣть другой смыслъ. Постараемся высказать нашу мысль объ этомъ начальномъ событіи Русской исторіи, и вмѣстѣ мысль о томъ, чтò, по нашему мнѣнію, служить основною задачею Русской исторіи.

Въ человѣкѣ есть всегда внутренняя нравственная правда, согласно или противъ которой онъ поступаетъ; но, во всякомъ случаѣ, въ самомъ человѣкѣ лежатъ и одобреніе и осужденіе его поступка. — Дѣйствіе этой внутренней правды или совѣсти есть чисто нравственное, свободное; поступая согласно съ совѣстью, человѣкъ поступаетъ свободно и нравственно. Таково дѣло каждой личности. Отъ личности перейдемъ къ обществу; человѣкъ живетъ, какъ общество: на томъ же началѣ зиждется и общество. Когда люди образовали общину, то общій внутренній нравственный законъ является, какъ порядокъ общей жизни, какъ обычай. Является другая, впрочемъ нравственная же сила, *общее мнѣніе*, составляющее уже общественную нравственность; эта сила возможна и законно права, ибо основаніе общества и его союза есть одно общее нравственное убѣжденіе. Такое общество есть общество въ настоящемъ смыслѣ человѣческомъ. Нравственное убѣжденіе лица согласно съ общимъ убѣжденіемъ; только на этомъ и основывается (*союзъ*) въ обществѣ; только поэтому и можно быть въ обществѣ. Общее нравственное убѣжденіе составляетъ общую связь. Какъ скоро лицо противорѣчитъ общему нравственному

убѣжденію общества, — общество должно удалить лицо, если оно нейдетъ само; какъ скоро все общество противорѣчитъ нравственному убѣжденію лица, — лицо должно само удалиться изъ общества, хотя бы оно его и не изгоняло. Единственное, законное распоряженіе общины есть удаленіе того изъ своей среды, который рѣшительно противорѣчитъ нравственнымъ ея началамъ и, слѣдовательно, не можетъ жить общею съ нею жизнію. Вотъ жизнь общины, управляемая внутреннею, нравственною, свободною правдою; но для общественнаго человѣка, по его личной слабости, по тому, что не всѣ люди образуютъ такія нравственныя общины и не всѣ признаютъ только господство нравственной силы (нравственнаго суда), — такое состояніе на землѣ невозможно. Тогда община прибѣгаетъ къ другой силѣ (и къ другому суду), къ силѣ (и суду) внѣшней правды, къ силѣ внѣшняго закона, или закона собственно. Законъ, — на нравственныхъ основаніяхъ, почерпнутыхъ изъ общества, согласно съ нравственнымъ требованіемъ общества, — опредѣляетъ *внѣшнія* обязанности людей другъ къ другу и къ обществу, и употребляетъ для исполненія своихъ постановленій — *принужденіе*. Законъ не требуетъ искренности, не требуетъ, чтобы поступокъ человѣка былъ согласенъ съ его совѣстью; онъ требуетъ, чтобы поступокъ былъ таковъ, а не другой, — и только: до внутренней правды, до души, закону нѣтъ дѣла. Для этого, для достиженія своей цѣли, полагаетъ онъ внѣшнія преграды, формы, которыхъ соблюденія требуетъ. Такъ, напримѣръ, внутренній законъ, совѣсть, велитъ вамъ отдать то, что вы взяли взаймы, и обращается для этого къ вашему нравственному чувству. Законъ внѣшній, для той же цѣли заплетъ долга, устанавливаетъ росписки и векселя, за которые преслѣдуетъ судомъ и которые заставляютъ и плута поступать честно, нисколько тѣмъ не исправляя его нравственно. Но тутъ же являются и многіе случаи, гдѣ строжайшая правда закона бываетъ вполнѣ несправедлива. Человѣку не чѣмъ заплатить, онъ разорился; законъ сажаетъ его въ тюрьму. Человѣкъ заплатилъ, но случайно вексель не уничтоженъ, росписка въ заплатѣ не взята; законъ присуждаетъ платить. — Иначе внѣшній законъ и поступать не можетъ. Такимъ образомъ, законъ внутренній и законъ внѣшній хотя требуютъ и того же, но съ разныхъ сторонъ, отправляясь отъ противоположныхъ началъ, и поэтому совершенно противоположны другъ другу, и дѣло

нвѣняется совершенно. Законъ нравственный (внутренній) требуетъ прежде всего, чтобы человѣкъ былъ нравственный и чтобы поступокъ истекалъ, какъ свободное слѣдствіе его нравственнаго достоинства, безъ чего поступокъ теряетъ цѣну. Законъ формальный или внѣшній требуетъ, чтобы *поступокъ* былъ нравственный по понятіямъ закона, вовсе не заботясь, нравствененъ ли самъ человѣкъ, и откуда истекаетъ его поступокъ. Напротивъ того, законъ стремится къ самой цѣли, къ такому совершенству, чтобы вовсе не нужно было быть на самомъ дѣлѣ нравственнымъ человекомъ, а чтобы только поступали нравственно или законно. Его цѣль—устроить такой совершенный порядокъ вещей, чтобы душа оказалась не нужна человѣку, чтобы и безъ нея люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди, дѣло бы дѣлалось, какъ слѣдуетъ, и общество бы благоденствовало. Внѣшняя правда требуетъ внѣшней нравственности и употребляетъ внѣшнія средства. Изъ этого свойства внутренняго и внѣшняго закона, внутренней и внѣшней правды, очевидно вытекаютъ различныя слѣдствія. Внутренній законъ поддерживаетъ нравственное достоинство человека, безпрестанно обращаясь къ его совѣсти, въ ней одной находя опору и ручательство его дѣлъ. Западъ — жертва внѣшняго закона. Законъ внѣшній требуетъ только соображенія съ своими постановленіями, исполненія учреждений, не заботясь и не обращаясь къ совѣсти человѣка, и такимъ образомъ избавляетъ его отъ необходимости внутренняго нравственнаго голоса. Очевидно, что преобладаніе внѣшняго закона въ обществѣ ослабитъ нравственное достоинство человека, приучая его поступать безъ внутренней нравственной причины и быть правымъ только предъ закономъ (внѣшнимъ). Цѣль человѣчества — осуществить нравственный законъ на землѣ....

Нравственный законъ или совѣсть даетъ отвѣтъ на всѣ возможные случаи, ибо идетъ отъ общаго нравственнаго начала. Законъ внѣшній, отправляясь отъ частности, опредѣляя случаи, требуя не началъ, а поступковъ, само собою разумѣется, не можетъ опредѣлить всѣ ихъ безчисленные виды и потому всегда даетъ возможность человѣку, поступивъ по закону (внѣшнему), поступить безнравственно; слѣдовательно, даже и съ этой стороны законъ не можетъ человека сдѣлать и внѣшне-нравственнымъ, давая возможность всегда себя обойти.

Внѣшній законъ, внѣшняя правда въ обширномъ и внѣстѣ определенномъ смыслѣ, есть государственное устройство, *Государство* однимъ словомъ. — Вопросъ внутренней и внѣшней правды предложитъ всякому человѣку, всякому обществу, всякой странѣ. Жизнь общественная и историческая рѣшаетъ его исторически разнообразно; но онъ постоянно основной, существенный вопросъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы часто видимъ, до какой степени человѣкъ способенъ вѣрить, и вѣрить въ Государство, которое есть его собственно, человеческое созданіе, *царство отъ міра сего*, слѣдовательно не Божіе царство. Какъ часто думаетъ человѣкъ учрежденіями замѣнить всѣ нравственныя начала, достигнуть однимъ словомъ *совершенства порядка*. Такое ошибочное стремленіе замѣнить совѣсть и нравственную свободу, связь народную, общественную, и самую Вѣру — закономъ и политическими правами, опустошаетъ душу человѣка и дѣлаетъ его неспособнымъ къ свободѣ и нравственной жизни, дѣлаетъ человѣка не стоящимъ хлопотъ. — Между тѣмъ, куда ни оглянемся, въ особенности на современные намъ Западныя Государства, вездѣ видимъ поклоненіе Государству, вездѣ видимъ, что идеаль его, идеаль *порядка*, внѣшней стройности, ловко прилаженнаго, такъ сказать механическаго устройства, плѣнилъ умъ человѣческій, — и одинъ думаетъ достигъ своего идеала путемъ монархіи, другой — конституціи, третій — республики, четвертый путемъ коммунистическихъ учрежденій. Но Вѣра въ Государство, во внѣшнюю правду, сильна повсюду на Западѣ, и повсюду тамъ обѣднѣлъ человѣкъ внутренней, человѣкъ свободный, человѣкъ собственно. Въ Англіи всего меньше; но она держится не силой своего закона, а силой своего обычая, не государствомъ, а народностью.

Обратимся къ Россіи.

Въ незапамятные дни Славяне жили одни, непокоренные, и отличались ненавистью къ чужеземному игу; изъ древнихъ свидѣтельствъ заключить можемъ, что у нихъ не было повелителя какого бы то ни было, что это была не терпящая надъ собою власти община. Кротость нравовъ свидѣтельствуетъ съ своей стороны о мирной и самостоятельной ихъ жизни; по всему видно, что это была мирная община, соединенная однимъ обычаемъ, однимъ вѣрованіемъ, одною жизнію, — община, надобно замѣтить, не исключительная, ибо позволяла плѣнникамъ, если хотять, остаться и

войдти въ нее, и жить въ ней, какъ братья. Общины Славянскія занимали большое пространство и жили очевидно въ силу обычая, въ силу нравственнаго союза; по крайней мѣрѣ таковъ былъ строй этихъ общинъ (не нарушали ли онѣ его случайно, — это другой вопросъ и дѣла не измѣняетъ). И такъ Славянская община была союзъ людей, основанный на нравственномъ началѣ, управляемый внутреннимъ закономъ, и отсюда обычаемъ общественнымъ. И такъ это была нравственная, или, лучше, просто *община* собственно. Но могла ли Славянская община удержать свой мирный и нравственный обычай? Враги набѣгали безпрестанно на Славянъ, давали имъ чувствовать, что есть толпы людей, совершенно иначе устроенныя, которыя не дадутъ имъ жить спокойно. Кромѣ того, слабость человѣческая съ своей стороны могла или дѣлать неудовлетворительнымъ общинное нравственное устройство, или, напротивъ, заставляла часто нарушать оное. Устройство внѣшняго закона для человѣка легче дѣйствія закона внутренняго; исполнять какое-нибудь внѣшнее правило легче, чѣмъ слушаться совѣсти; порядокъ внѣшней жизни удобнѣе и менѣе затруднителенъ, чѣмъ строй жизни внутренней. Однимъ словомъ, легче вѣрить человѣку въ него, чѣмъ въ Бога. — Въ 862 году видимъ мы, что сѣверныя и южныя общины Славянскія подпали подъ иго нашедшихъ на нихъ чуждыхъ народовъ, на югѣ — Козарь, на сѣверѣ — Варяговъ. И предыдущія и послѣдующія событія показываютъ, что такое покореніе не есть слѣдствіе слабости или трусости Славянъ, но мирно-устроенная община должна была часто подвергаться такимъ нашествіямъ; нельзя же ей было постоянно быть въ сборѣ, на стражѣ, въ напряженномъ состояніи. — Сѣверные Славяне скоро собрали силы и выгнали вонъ своихъ побѣдителей, которые, очевидно, расположились у нихъ остаться. Всякое подобное нашествіе чуждыхъ враговъ, еще болѣе покореніе чужеземцами, вносило уже другое устройство, нарушало мирный внутренній строй и ходъ жизни, вносило принужденіе и внѣшній порядокъ. Славяне видѣли у себя на то время другое начало, другое устройство — внѣшней правды, устройство — и всегда готовое къ отпору извнѣ, и удовлетворяющее слабости человѣческой внутри общества. Это покореніе чуждыми врагами, съ одной стороны, показывало имъ невозможность жить на землѣ при чисто-нравственномъ общественномъ устройствѣ, съ другой — указывало на иной путь, который могъ

дать имъ безопасность отъ сосѣдей (главное), и порядокъ отъ смуть внутреннихъ, сильно требовавшихъ нарушенія нравственнаго начала. Во всякомъ случаѣ устройство Варяжское могло быть со-блзнительно. Славяне изгнали Варяговъ за море и начали сами владѣть въ себѣ или у себя, между собою, и *почаши сами въ собѣ володѣти*, говоритъ лѣтопись; слова очень важныя; прежде Славяне *не владѣли* въ себѣ, вовсе не было *владѣнія* въ нихъ. Это, кажется, слѣдуетъ прямо изъ этихъ словъ лѣтописи и изъ всего разсказа. Но устройство ви́шнее, заведенное Славянами, породило междоусобія и смуты, оно не подходило къ Славянскимъ началамъ и было чуждо Славянскому духу; *не бѣ въ нихъ правды*, говоритъ лѣтописецъ; слово *правда* не надо понимать здѣсь въ современномъ разговорномъ смыслѣ. Правда, въ древнемъ, въ настоящемъ смыслѣ, означаетъ судъ ви́шній и вмѣстѣ расправу, судебное устройство, судебный порядокъ, ви́шій законъ. Стоить только прочесть лѣтописи и граматы, чтобъ увидѣть, что такъ понимается слово *правда*. Въ этомъ смыслѣ, конечно, не было *правды «въ нихъ»*, у Славянъ. Послѣ изгнанія Варяговъ, желая *володѣть* и управляться сами, и отошедши, слѣдовательно, отъ своего нравственнаго внутренняго начала, они естественно возстали другъ на друга, ибо устройство ви́шней правды туземнымъ быть у нихъ не могло, было у нихъ чуждымъ. Они могли увидать въ это время собственнаго (*опыта*) и ложную сторону государственнаго устройства и всю несовмѣстность его ихъ Славянской жизни, ихъ Славянскимъ понятіямъ и началамъ; слѣдовательно, сами составить это устройство они не могли по существу ихъ, не могли и не хотѣли; не могли и не хотѣли принести въ жертву ви́шнему закону законъ внутренній; не могли и не хотѣли обратиться сами изъ общины въ Государство; не хотѣли такимъ образомъ разстаться съ общиной, съ *міромъ* и *миромъ*. Между тѣмъ выгоды и необходимость государственнаго устройства были очевидны. Какъ же быть, какъ же рѣшить дѣло? — Наконецъ собрался Славяне и приняли важное рѣшеніе: *призвать* Государство. Въ этомъ рѣшеніи важно то, что Государство *призывается*. Славяне сохраняютъ свое общинное устройство и находятъ необходимость *призвать* къ нему государственную защиту. Это очевидно изъ того, что они не въ себѣ основываютъ Государство, не дѣлаютъ его туземнымъ: сдѣлаться самъ Государствомъ они не хотѣли, а хо-

тѣли, напротивъ, сохранить свой общинный бытъ, — но призываютъ его изъ земли чуждой, какъ *чуждое* устройство, оставляя за нимъ это значеніе, и становятъ его только *при* общинѣ, не переходя сами въ новое вѣрованіе — во вѣшній законъ, въ Государство, но сохраняя свою общину. И такъ 1) мы видимъ, что община Славянская признаетъ необходимость Государства. 2) Мы видимъ, что община соблюдаетъ себя, не смѣшивается съ Государствомъ, отдѣляетъ Государство отъ себя, призываетъ его изъ земли чуждой. *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, придите княжить и владѣть нами*, говоритъ Славянская община чуждымъ князьямъ. *Парядъ* именно значить государственное, собственно даже военное устройство; впоследствии онъ значить исключительно артиллерію. Въ особености же важно въ этомъ призваніи: это — свобода и разумность сознательнаго поступка, ярко выражающаяся во всемъ повѣствованіи и въ этихъ приведенныхъ глубокозначительныхъ словахъ. — Государство, вѣшняя сила, призвано; Исторія Россіи, игра вѣшныхъ силъ, началась (*).

Но какъ скоро община призвала Государство, не уничтожая себя и не переходя въ Государство, — такъ въ основу Русской исторической жизни должны были лечь два начала; они и легли; мы видимъ ихъ сквозь всю Исторію Русскую; община имѣетъ даже свое собственное постоянное наименованіе: *Земля*. И сквозь все проходятъ Земля и Государство, всюду являются какъ дѣйствующія силы (долго дружественно) въ Русской исторіи. Стоять только обратитъ вниманіе на проявленіе этого въ выраженіяхъ: *Земское и Государство* или *Государственное дѣло, люди Государевы и люди Земскіе, Холоты и Сироты, Земщина и Опричнина*. Государство съ Землей въ себѣ — любовь. Нигдѣ Государство съ Землей не смѣшивается....

И такъ, вотъ огромное значеніе факта призванія, какъ мы его понимаемъ. Этотъ фактъ призванія поставилъ насъ совсѣмъ на особую дорогу и рѣзко, навсегда несмѣσιμο, отдѣлилъ насъ отъ

(*) Сверху листа приписано нѣсколько строкъ, изъ которыхъ мы могли разобрать только слѣдующее: „Государство какъ принципъ — зло. Но явленія этого принципа, факты, подлежатъ особому сужденію. Государство должно быть Христіанское, но становится Христіанскимъ не принципъ, а люди, коруптъ государственный. Къ тому же вѣшній законъ правды долженъ быть почерпнутъ изъ внутренняго нравственнаго закона. Община на землѣ хочетъ осуществить нравственный законъ...“ Дальше разобрать нѣтъ возможности. *Пр. изд.*

другихъ Государствъ и народовъ. Наша исторія начинается съ свободы и сознанія. Исторія другихъ государствъ — съ насилія и принужденія (безсознательности). — Государство сознано было Славянами, какъ необходимая крайность, — и они призвали его, не смѣшивая его съ общиною, съ нравственнымъ внутреннимъ началомъ, съ началомъ жизни, которое сберегли въ себѣ. Вотъ почему Государство никогда у насъ не обольщало собою народа, не плѣняло народной мечты; вотъ почему, хотя и были случаи, не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть (въ республику), а отдавалъ эту власть избранному имъ и на то назначенному Государю, самъ желая держаться своихъ внутреннихъ, жизненныхъ началъ. Вотъ почему и Государство наше никогда не боялось народа, но часто и всегда само призывало его на совѣтъ. Западъ — совершенная противоположность. На Западѣ было на оборотъ: гдѣ дѣло начиняется съ темнаго насилія, гдѣ одинъ поработенъ другимъ, при этой неравной борьбѣ, самое естественное чувство есть столкнуть побѣдителя и сѣсть на его мѣсто. Внѣшнее начало, законъ, сперва жестокій, почти непремѣнно дѣйствующій при завоеваніи и поработеніи, долженъ былъ усиливаться, развиваться, и одинъ стать высоко въ глазахъ человѣка. Такъ и случилось. Вопросъ жизни и исторія были рѣшены для Западныхъ народовъ: государство, учрежденіе (институтъ), централизація, власть внѣшняя стала ихъ идеаломъ; народъ (Земля) отказался отъ внутренняго, свободнаго, нравственнаго общественнаго начала и вкусилъ плоды начала внѣшняго, государственнаго; народъ (Земля) захотѣлъ государственной власти. Отсюда революціи, смуты и перевороты, отсюда насильственный внѣшній путь къ насильственному внѣшнему порядку вещей. — Народъ на Западѣ плѣняется идеаломъ Государства. Республика есть попытка народа быть самому Государемъ, перейти ему всему въ Государство; слѣдовательно, попытка бросить совершенно нравственный свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внѣшній, государственный. Самое крайнее выраженіе такой попытки, самое гибельное *огосударствленіе* народа видимъ въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ; тамъ это гибельное огосударствленіе народа можетъ имѣть мѣсто, потому что тамъ нѣтъ ни природной связи единородности, ни воспоминаній мѣстныхъ, ни преданія, ни единства вѣры. Въмѣсто живаго народа, тамъ государственная машина изъ людей. Отношенія тамъ стано-

вятся политическими: миръ и спокойствіе основаны не на любви, а на взаимной выгодѣ. Какъ ни блестящъ внѣшній порядокъ, но блескъ его наружный; какъ ни строенъ онъ кажется, но это строй машины; какъ ни кажется онъ свободенъ, по эта свобода — личный, взаимно ограниченный произволь. Нѣтъ, свобода не тамъ: нѣтъ же духъ Господень, ту свобода.

Надѣмся, что мысль наша, — о значеніи призванія Рюрика въ Русскую Землю, и вмѣстѣ всей Русской исторіи, — ясна.... Но она должна вполнѣ осуществиться и стать еще яснѣе въ изображеніи подробномъ всей Русской исторіи. (Народъ считаетъ необходимымъ Государство, которое вытягиваетъ изъ него государственные соки, очищаетъ Землю.)

Мы должны сказать, что начала Русскаго народа, значеніе Земли и Государства, ихъ добровольный союзъ и отношенія, вся эта система нарушилась Петромъ (1). Государство перешло границы и сдавило общину въ ея обычаяхъ, въ ея жизни; оно распространило свое государственное начало на народъ и подчинило его этому внѣшнему началу. Народъ еще хранитъ свою общину и смотритъ на современное положеніе, какъ на преходящее зло; онъ не хочетъ самъ государственной власти; но уже многія отрываются отъ народнаго преданія, отъ внутренняго начала. Мало по малу скопляются буйныя ватаги, опасныя для будущаго. Государство не хочетъ дать власти народу, но, мѣшаясь въ жизнь его, внося даже въ устройство дома и домашней жизни, свой государственный порядокъ, оно вноситъ государственный духъ. Народъ еще держится и хранитъ, какъ можетъ, свои народныя кроткія общинныя преданія, но если уступивъ ..... проникнется онъ самъ государственнымъ духомъ, если захочетъ самъ быть наконецъ Государствомъ, тогда ..... погибнетъ внутреннее начало свободы (2)....

(1) Сверху строкъ приписано: съ Петра Государство является принципомъ; съ Петра оно становится выше всего Христіанства: Земля, народъ, община, законъ нравственный.... Пр. изд.

(2) Слѣдующія за тѣмъ строки приписаны сверху листа. Пр. изд.

О ДРЕВНЕМЪ БЫТІИ

У СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ И У РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ (1).

(По поводу мнѣній о родовомъ бытїи.) (2)

Просвѣщеніе Западное вошло къ намъ не съ общечеловѣческимъ значеніемъ, а съ національностью и притомъ еще чужою. Вслѣдствіе этого явился и періодъ исключительной національности, только не своей, а чуждой, отъ которой своей приходилось плохо. Всякое самобытное явленіе Русской жизни подвергалось иностранному воззрѣнію науки и, будучи совершенно оригинальнымъ, терпѣло много отъ односторонности этого воззрѣнія. Наука есть не что иное, какъ сознаніе предмета, познаніе его законовъ изъ него самого; между тѣмъ науку часто понимаютъ, какъ собраніе заранѣе постановленныхъ правилъ, прилагаемыхъ къ предмету. Русскимъ явленіямъ пришлось испытать тиранію науки въ этомъ второмъ ея значеніи. Этой тираніи подверглась Русская исторія, поэзія, языкъ, — однимъ словомъ все, что только могло составлять предметъ сознанія.

Нѣмцы первые стали объяснять Русскимъ ихъ исторію. Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Эверсъ, не принадлежа къ народу, не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жизнь. Русскіе сами, получивъ иностранное воззрѣніе, смотрѣли также не по-Русски на свою исторію, какъ и на все свое. Ломоносовъ, въ

(1) Напечат. въ 1 томѣ Моск. Сборника 1852 г.: здѣсь является въ полнѣйшемъ видѣ. *Пр. изд.*

(2). Въ статьѣ нашей объ изгояхъ, помѣщенной еще въ 1850 году въ № 97 Московскихъ вѣдомостей, высказаны въ общихъ выраженіяхъ мысли наши о древнемъ бытїи Русскомъ. Говорить подробнѣе объ этомъ предметѣ предоставили мы себѣ въ другой разъ. Настоящая статья есть исполненіе высказаннаго тогда намѣренія.

природѣ котораго, впрочемъ, болѣе другихъ проявлялись Русскія движенія, Карамзинъ и другіе изображали Русскую исторію такъ, что въ ней Русскаго собственно ничего не было видно. — Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и грамотами, по бытъ простаго народа, сохранившійся въ своей тысячелѣтней оригинальности, подѣйствовали наконецъ на взгляды нашихъ ученыхъ, и желаніе понять Русскую исторію настоящимъ образомъ, желаніе самобытнаго воззрѣнія—пробудилось. Политическій взглядъ, гдѣ обыкновенно рисуются князья, войны, дипломатическіе переговоры и законы, взглядъ Шлецеровскій и Карамзинскій, былъ наконецъ оставленъ, и, въ наше время, вниманіе обратилось на бытъ народный, на общественныя, внутреннія причины его жизни. Самъ г. Погодинъ, извѣстный послѣдователь Шлецера, сталъ отыскивать коренныхъ жизненныхъ началъ въ исторіи, сталъ смотрѣть не какъ на безсмыслицу—на періодъ усобицъ, и началъ его распутывать. Желаніе самостоятельнаго пониманія, воззрѣніе бытовое, высказалось (печатно) преимущественно въ новомъ поколѣніи ученыхъ и наиболѣе въ профессорѣ Русской исторіи, г. Соловьевѣ. Желаніе не есть достиженіе; и г. Соловьевъ съ послѣдователями—все таки послѣдователь другаго Нѣмца, Эверса.

Такимъ образомъ и въ наше время, не смотря на измѣненія въ мѣрѣ науки, на стремленіе Русскихъ ученыхъ взглянуть самобытно и свободно на свою исторію, все-таки господствуютъ два направленія, давныя иностранцами: направленіе Шлецера и направленіе Эверса.

Что за дѣло, скажутъ намъ, что направленіе дано иностранцемъ; лишь бы оно было истинно. — Совершенно согласны, но истинно ли оно?—И потомъ: иностранцу трудно, по крайней мѣрѣ, угадать условія жизни народа, ему чуждаго, въ особенности народа Русскаго, котораго жизнь такъ отличается отъ жизни другихъ народовъ и отъ котораго образованные и просвѣщенные классы самихъ Русскихъ отдѣлились, поднавъ чуждымъ воззрѣніемъ.

Взглядъ г. Погодина на участіе Норманновъ въ нашей исторіи давно извѣстенъ, и если когда нибудь и пришлось бы говорить объ этомъ взглядѣ, то не теперь. На очереди, по нашему мнѣнію, находится другое, обозначенное нами направленіе, которое,

по новости, по числу послѣдователей, по разнообразію приложенія своихъ взглядовъ, заслуживаетъ предварительнаго вниманія.

Давно высказанное мнѣніе Эверса о родовомъ бытѣ недавно поднято молодыми учеными. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, они идутъ далѣе, изслѣдуютъ, развиваютъ, отыскиваютъ родовой бытъ вездѣ, и родовой бытъ принимаютъ за основаніе всего въ Русскомъ народѣ и вообще въ народахъ Славянскихъ. Иные доводятъ это мнѣніе до крайности. Много написано по этой части статей и цѣлыхъ сочиненій. Но надобно признаться, что ни одинъ изъ этихъ новыхъ ученыхъ не опредѣлялъ настоящимъ образомъ, что такое родовой бытъ. Они довольствуются тѣмъ значеніемъ, какое придается ему въ общественномъ разговорѣ: вмѣсто: родовой, употребляютъ они слово: патриархальный, также не опредѣливъ этого слова и также довольствуясь тѣмъ, что смыслъ его извѣстенъ. Но общественное пониманіе не должно быть достаточно для науки; общество понимаетъ, пожалуй, и слово: философія, но неужели поэтому не нужно опредѣлять его? Какъ бы то ни было, читателю, желающему дать себѣ вѣрное научное пониманіе, приходится самому изъ словъ поборниковъ родоваго быта или послѣдователей Эверса (1) извлекать положенія, и такимъ

(1) Одинъ изъ главныхъ представителей означеннаго мнѣнія, г. Калачевъ, выражается такъ: „Онъ (Эверсъ) первый изъ юристовъ бросилъ критическій взглядъ на древній бытъ нашего отечества,—первый старался объяснить его съ естественной точки зрѣнія, принявъ для этого въ основаніе общій ходъ развитія у всѣхъ народовъ государственнаго быта или патриархальныхъ родовыхъ отношеній,—первый наконецъ показалъ самый способъ, какъ приняться съ этой точки зрѣнія за разработку нашихъ древнихъ памятниковъ. Вотъ то глубокое значеніе, какое, намъ кажется, имѣетъ въ нашей наукѣ драгоценное сочиненіе Эверса, вышедшее подъ заглавіемъ: Древнѣйшее Русское право... Это сочиненіе такъ уже извѣстно всѣмъ ученымъ, пользуется уже такой заслуженной славой, что было бы бесполезно объ немъ распространяться. Но нельзя оставить безъ вниманія, что сѣмя брошенное Эверсомъ, принесло богатые плоды въ его непосредственныхъ и посредственныхъ ученикахъ: можно, по справедливости, сказать, что онъ былъ *основателемъ, отцомъ* историко-юридической школы, которая такъ усердно, на основаніи указанной имъ точки зрѣнія, занимается въ наше время разработкой древней отечественной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, *старанія новѣйшихъ ученыхъ уяснить родовыя отношенія*, игравшія столь важную роль въ первоначальномъ бытѣ нашихъ предковъ и потому составляющія ключъ для уразумѣнія нашихъ древнихъ памятниковъ, *несвязываются ли непосредственно съ основной идеей Эверса*—о необходимости объяснять наше древнѣйшее право на основаніи понятій и отношеній, господствующихъ у первобытныхъ младенческихъ народовъ, а не на основаніи убѣжденій и правилъ настоящаго времени?...“ (Арх. Ист. юр. свѣд. отд. V. пред. стр. I—II).

образомъ, утвердить и привести въ настоящую ясность ихъ мнѣніе, дабы потомъ можно было понять оное и, если нужно, возразить. Хотя мнѣніе нигдѣ не высказалось опредѣленно и научно, но оно чувствуется и слышится вездѣ, и извлечь его можно. Постараемся это сдѣлать за поборниковъ родового быта. Надо прибавить, что они, соглашаясь въ основной мысли, разнятся въ томъ отношеніи, что не всѣ доводятъ ее до одинакой крайности. Будемъ осторожны и не станемъ придавать мнѣніе одного ученаго другому, хотя бы даже разница была маловажна. Поэтому мы намѣрены опредѣлить мнѣнія главныхъ поборниковъ родового быта, каждаго порознь.

Г. Соловьевъ высказалъ свою мысль о родовомъ бытѣ наиболѣе ясно въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: въ статьѣ, напечатанной въ «Архивѣ» г. Калачева, и въ первомъ томѣ своей «Русской Исторіи.» Мы вполне уважаемъ ученые труды г. профессора, и это самое побуждаетъ насъ говорить откровенно.

Въ своей статьѣ: «Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религій Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія», г. Соловьевъ повторяетъ нѣсколько разъ, что «Славяне жили подъ формами родового быта» (1). Онъ не опредѣляетъ, что такое родъ и родовой бытъ, по изъ нѣкоторыхъ его словъ это отчасти видно. Говоря о бракѣ, авторъ выражается: «Похищеніе, при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ въ свою очередь производитъ вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія. Это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ: похититель можетъ, тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь воины, предложить вознагражденіе» (2). Изъ этой картины очевидно, что авторъ подъ родомъ разумѣетъ не семью, а цѣлый рядъ семей, связанныхъ единствомъ происхожденія, цѣлое поколѣніе. И такъ мнѣніе автора становится яснымъ. Намъ скажутъ, можетъ быть: къ чему мы хлопочемъ выводить изъ словъ автора то, что ясно само собою?—Тамъ, гдѣ не сдѣлано опредѣленій, мы считаемъ себя обязанными вывести ихъ изъ словъ авто-

(1) Арх. Ист. впр. св. стр. 7. 8. 10. 17.

(2) Тамъ же, 10—11.

ра, не довольствуясь нагляднымъ впечатлѣніемъ, — при ученомъ спорѣ это необходимо.

Далѣе г. авторъ говоритъ: «Каждая многочисленная семья или родъ жилъ особо, подъ управленіемъ своего родоначальника» (1). Итакъ здѣсь признается и родоначальникъ; само же опредѣленіе рода неопредѣленно. Г. авторъ очевидно не разумѣетъ здѣсь семью, только многочисленную, развѣтвленную; такія могутъ встрѣтиться вездѣ и всегда; авторъ говоритъ: подъ управленіемъ своего родоначальника, а это уже измѣняетъ все дѣло. Въ подтвержденіе своей мысли, авторъ на той же страницѣ говоритъ: «Значеніе князя или старшины рода понятно; если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтми. Но если этотъ *патріархъ* умираетъ, то для рода является необходимость избрать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ *въ отца мѣсто*, какъ выражались внослѣдствіи наши князья (2).» — И такъ здѣсь уже нѣтъ естественной, простой родственной связи; это уже не семья многочисленная; родоначальникъ становится необходимымъ центромъ, не дробящимся, какъ въ быту семейномъ, но пребывающимъ постоянно. Выборъ родоначальника показываетъ уже искусственное, нравственное утвержденіе родовыхъ отношеній внѣ естественной связи, которой является недостаточно. И такъ здѣсь родъ понимается отвлеченно и становится *началомъ*, выражающимся въ родовомъ бытѣ. Очевидно, что авторъ признаетъ не *семейныя* отношенія (хотя бы семья была и развѣтвлена и многочисленна), а союзъ семей, болѣе или менѣе обширный, подъ управленіемъ одного родоначальника, союзъ, въ началѣ родственныи и естественныи, а потомъ, при недостаточности естественной связи, утвержденный искусственно чрезъ выборъ родоначальника, являющійся, какъ вѣчто цѣлое, замкнутое, именно *родъ*. Здѣсь ощутителенъ уже принципъ, начало. — Разница между семьєю и родомъ ясна.

Вотъ что извлекли мы изъ означенной статьи автора; но и этого довольно. Мы видимъ, что онъ разумѣетъ здѣсь не семью, а родъ (слово это употребляемъ мы въ нашемъ современномъ зна-

(1) Тамъ же, стр. 17.

(2) Тамъ же, стр. 17.

ченіи), подъ управленіемъ родоначальника, гдѣ человекъ, не до-вольствуясь естественной связью, возводитъ родъ въ начало, ко-торое хранить и подъ условіями котораго образуется бытъ.

Теперь обратимся къ исторіи г. Соловьева.

Въ исторіи своей онъ выражается также не совсѣмъ ясно. Онъ говоритъ: «что касается быта Славянскихъ восточныхъ племень, то начальный мѣстоимецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: каждый жилъ съ своимъ родомъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Скажемъ мимоходомъ, что эта цитата требовала бы изъясненія: каждый могъ принадле-жать къ своему роду, но владѣть родомъ каждый не могъ; ипаче что ип человекъ, то родоначальникъ; но объ этомъ надѣмся еще поговорить ниже. Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Мы теперь почти потеряли значеніе рода; у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; но предки наши не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ са-мыхъ близкихъ, такъ и самыхъ удаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждого изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ ро-довой и потому употребляли родъ также въ смыслѣ соотечествен-ника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употре-блялось слово: племя. Единство рода, связь племень поддержи-вались единымъ родоначальникомъ: эти родоначальники носили разныя названія—старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, *отца се-мейства*»—(?) (1).

Въ словахъ г. автора есть или противорѣчіе или неясность. Сказавъ, что предки наши *не знали семьи*, что родъ есть сово-купность и близкихъ и дальнихъ степеней родства (опредѣленіе довольно ясное), авторъ потомъ ставитъ рядомъ «старшаго въ ро-дѣ, родоначальника, *отца семейства*,» — какъ будто это одно и то же! Отецъ семейства еще не былъ родоначальникомъ: если-же бы каждый отецъ семейства былъ родоначальникомъ, то родъ не

(1) Ист. Россіи Сергія Соловьева. Томъ I. стр. 46—47.

могъ-бы состоять изъ дальнихъ и близкихъ степеней родства (при чемъ могло-бы быть и много отцовъ семействъ) и не переходилъ-бы предѣлы обыкновенной семьи.—И такъ, принимая вышеприведенное опредѣленіе г. Соловьева, мы должны сказать, что родоначальникъ не то, что отецъ семейства, значенію котораго ослабѣваетъ много при родовомъ бытѣ. Что г. Соловьевъ смѣшиваетъ (вопреки своимъ словамъ) родоначальника и отца семейства не только въ филологическомъ значеніи,—это доказывается его послѣдующими словами.

Далѣе авторъ говоритъ: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти» (1). Здѣсь, для устранения вышеизложеннаго противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, если-бъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго (согласно съ опредѣленіемъ автора) должно быть не одно семейство, не имѣлъ-бы никакого смысла.—И такъ, мы должны понимать, что надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти,—по дальнѣйшія слова автора опять заключаютъ въ себѣ противорѣчіе.

Сказавъ о необходимости избирать родоначальника для поддержанія единства рода, ибо естественный родоначальникъ не можетъ быть безсмертнымъ, авторъ указываетъ на южныхъ Славянъ, разсуждаетъ о значеніи и заботахъ старшаго въ родѣ, и потомъ, переходя къ Рюрикову дому, говоритъ: «Власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнѣйшимъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только черезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній: не возможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; *каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣетъ возможность возстать противъ этого рѣшенія: онъ уважалъ старшаго брата, какъ отца, но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ са-*

(1) Тамъ-же, стр. 47.

Ист. соч. К. Аксакова.

мымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленныя. Если большинство братьевъ приняло сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго приняли другіе братья, отсюда усобицы и распаденіе рода; если-же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйти изъ рода, который избиралъ другаго старшаго (1)».

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ примѣръ Рюрикова дома распространяетъ авторъ на родовой бытъ вообще, но, кажется, приводя этотъ примѣръ, авторъ говоритъ вообще о родовомъ бытѣ. Въ такомъ случаѣ является повсе противорѣчіе, уже не противорѣчіе выраженій, словъ, какъ видѣли мы сей-часъ (по случаю рода и семьи), а противорѣчіе мыслей. Если надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти, то какъ-же одно мнѣніе младшаго, что старшій поступаетъ съ нимъ не по родственному, разрушало родственныя связи? Правда, авторъ находитъ здѣсь пужнымъ судъ остальныхъ родичей; но тѣмъ не менше старшій могъ каждую минуту подлежать этому суду.—Здѣсь является противорѣчіе; какъ намъ рѣшить его? Остановимся на томъ, по крайней мѣрѣ, что авторъ признаетъ родоначальника или старшаго въ родѣ, какъ главнаго распорядителя.

И такъ изъ мнѣній г. автора мы извлекаемъ, что родъ былъ совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ, и управлялся однимъ избираемымъ, по необходимости, родоначальникомъ (семья и отецъ семейства, какъ было показано выше, имѣютъ другое значеніе; потомъ, что родоначальникъ имѣлъ высшую власть, противъ которой однако могъ быть протестъ каждаго, и вслѣдствіе протеста вмѣшательство и судъ родичей, но что, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ былъ главнымъ распорядителемъ.

Къ этому надо присоединить еще мнѣніе г. автора; онъ говоритъ: «Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ разединенія и несогласія Славянскихъ племенъ отличительную черту

(1) Тамъ-же, стр. 50.

Славянской иродности; разрозненность и вражда племенъ Славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта, быта родового, а эта форма быта не есть исключительная принадлежность Славянскаго племени: черезъ нее проходятъ всѣ народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ: такъ народы Германскаго племени оставили формы родового быта прежде, вслѣдствіе переселенія на Римскую почву, гдѣ они приняли плеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на Востоку, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ первоначальныхъ формахъ быта (1).

И такъ авторъ не считаетъ родовой бытъ исключительною принадлежностію Славянъ, а думаетъ, что они оставались только долѣе при его формахъ.

Вотъ мнѣнія г. Соловьева, которыя намъ нужно было знать, о бытѣ древнихъ Славянъ. О подробностяхъ его взгляда будемъ говорить ниже.

Но мы считаемъ нужнымъ сдѣлать еще одну выписку изъ «Исторіи» г. Соловьева. Изъ нея видно, что г. авторъ весьма различаетъ родъ и семью и по этому не долженъ бы смѣшивать ихъ, какъ онъ это дѣлаетъ при изложеніи того же мнѣнія о родовомъ бытѣ. Вотъ его слова,—авторъ говоритъ о времени послѣ призванія князей: «соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, во главѣ которой стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно, что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ. Такъ, долго видимъ мы городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ: они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ (?), съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго періода жизнь общинная получила уже такое развитіе, что необходимо условливалась *распадніе ро-*

(1) Тамъ же, стр. 93—94.

довъ на отдѣльныхъ семьи, при чемъ прежнее представительное значеніе старшихъ въ цѣломъ родѣ исчезаетъ, и когда князю нужно объявить, предложить что нибудь общинѣ, то собираются не одни старцы, собирается цѣлая община, является общенародное вѣче (1).»

Если роды, начиная терять свое значеніе, *распадались на отдѣльныя семьи* (а это означало уже упадокъ рода), стало прежде они не распадалась на семьи, а замыкали или поглощали ихъ въ себѣ. Это совершенно справедливо; семья и родъ здѣсь различены ясно. Но какъ же послѣ этого говорить: семья или родъ, какъ же смѣшивать и то и другое?—Выраженіе: значеніе старшихъ въ цѣломъ родѣ, не можетъ также относиться къ семьѣ и ясно показываетъ, что авторъ различаетъ здѣсь семью и родъ; а въ другомъ мѣстѣ видимъ другое.—семья и родъ смѣшиваются. Хотя родовой бытъ авторомъ всегда признается бытомъ древнихъ Славянъ. Видно, авторъ самъ невольно чувствуетъ, что объясненіе родовымъ бытомъ не вездѣ приходится къ явленіямъ народной жизни.

Теперь обратимся къ г. Кавелину, другому поборнику родового быта; онъ, сколько намъ извѣстно, наиболее отчетливо высказалъ свои мысли въ своемъ большомъ разборѣ книги г. Терещенка, помѣщенномъ въ № 9, 10 и 12, въ отдѣлѣ критики и библиографіи журнала: «Современникъ», 1848 года. На эту статью ссылается и г. Соловьевъ. Отдавая должную справедливость трудамъ г. Кавелина, рассмотримъ его мнѣніе въ подробности.

Вотъ что говоритъ г. Кавелинъ: «Прежде племень и племенныхъ союзовъ, прежде общинъ и мировъ, существуютъ семья и родъ. По естественному закону, господствующему у первобытныхъ народовъ исключительно, глава *семьи* и *рода* повластно господствовать надъ ними: въ его рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ; онъ ихъ верховный жрецъ, примиритель ихъ споровъ, каратель преступныхъ. словомъ онъ ихъ воплощенная судьба, все для нихъ. Только съ разрожденіемъ и распаденіемъ семей, съ соединеніемъ родовъ въ племена, мало по малу сглаживалось значеніе домочащальниковъ. Они удерживаютъ свою власть у себя дома; но рядомъ съ внутренними родовыми отношеніями, появляются меж-

(1) Тамъ же, стр. 211.

ду-семейныя и между-родовыя, надъ которыми они не имѣютъ такого исключительнаго господства. Последнія сперва случайны. Общежитіе представляетъ хаосъ (1).»

Въ этомъ опредѣленіи есть большая неопредѣленность. Г. Кавелицъ, какъ и г. Соловьевъ, смѣшиваетъ семью и родъ. Онъ говоритъ, что, при появленіи между-семейныхъ и между-родовыхъ отношеній, домоначальники, теряя власть въ этихъ отношеніяхъ, удерживали власть у себя дома. Здѣсь есть противорѣчіе: въ началѣ, думаетъ г. Кавелицъ, не было между-семейныхъ отношеній (они появились впоследствии). Что же было? или каждая семья отдѣлялась отъ другой и не приходила съ ней въ сношеніе? это и предположить трудно, тогда-бы уничтожился родъ, а объ немъ тутъ же рядомъ говоритъ г. авторъ,—или-же семьи поглощались родомъ, но тогда теряется семья, о которой авторъ также говорить, очевидно смѣшивая семью и родъ.

Это пока вообще; далѣе:

«Древнѣйшій Славянскій бытъ, какъ уже мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, былъ чисто природный, естественный. Если-бы мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ (стало мы ихъ имѣемъ?), кромѣ развитія языческихъ вѣрованій Славянъ, мы пришли-бы къ тому-же заключенію» (2).

На той-же страницѣ авторъ говоритъ:

«Главная характеристическая черта древнѣйшей Славянской общности заключалась въ томъ, что послѣдняя не знала никакихъ правилъ, не была построена и управляема по началамъ, какъ теперешія человѣческія общества.... Ею (первобытнаго Славянина) ничто не обуздывало, кромѣ страха и вѣншей силы.»

Поэтому уже не трудно составить себѣ картину первоначальнаго Славянскаго общежитія и открыть основанія тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Кровное родство было сперва единственною, исключительною связью между людьми; семьи и роды—единственными человѣческими союзами и обществами; семейный и родственныя распоряженія—единственнымъ общественнымъ устройствомъ. Чтобы понять этотъ первоначальный патріархальный бытъ и вѣрно оцѣнить всѣ его явленія, надо замѣтить особенность,

(1) «Современникъ», 1845 г. отдѣлъ критики и библиогр. № 10, стр. 92—93.

(2) Тамъ-же, № 10, стр. 96.

свойственную однимъ первоначальнымъ обществамъ и исчезающую со временемъ: мы разумѣемъ совершенную неопредѣленность первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Исторія представляетъ много обществъ, построенныхъ на началахъ кровнаго родства. Таково было сперва Римское. Таковъ весь Китай; *наконецъ таково Россія XVI и XVII вѣковъ* (!!??). Но всѣ эти общества не даютъ понятія о древнѣйшей патріархальности, потому что въ нихъ послѣдняя болѣе или менѣе опредѣлена, подчинена правиламъ, юридической формалистикѣ и расчитана съ математической точностью. Ничего подобнаго не было въ древнѣйшемъ патріархальномъ быту. Родственные начала не были возведены въ юридическія опредѣленные начала; они существовали на фактъ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія-нибудь причины къ этому побуждали» (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что г. авторъ говоритъ о первоначальномъ родовомъ бытѣ.—Этотъ-то бытъ находитъ онъ у древнихъ Славянъ: вотъ его слова:

«И такъ въ незапамятныя времена Славянскій бытъ представлялъ множество семей и родовъ. Они были разрознены, чужіе между собою» (2).

Ниже черезъ нѣсколько строкъ:

«Слѣдовательно сначала не только не было между отдѣльными родами и семьями гражданскихъ отношеній: они даже не были соединены въ между-народный союзъ, какъ теперешнія Европейскія общества. Каждая семья и родъ жилъ самъ по себѣ, отдѣльно, независимо отъ другихъ и находился въ непостоянныхъ, случайныхъ сношеніяхъ съ ними. — Внутри себя онъ представлялъ замкнутое цѣлое, устроенное по началамъ естественнаго, физическаго родства въ его самомъ первобытномъ, неопредѣленномъ, грубомъ видѣ» (3).

Авторъ продолжаетъ говорить здѣсь о первоначальномъ бытѣ, но мы видимъ уже помѣненіе въ его словахъ. Припомнимъ, что онъ говорилъ въ началѣ на стр. 92—93. Похожа-ли теперь слѣдующая картина родоваго быта на первую? Вотъ слова автора:

(1) Тамъ-же. № 10, стр. 96—97.

(2) Тамъ-же. № 10, стр. 97.

(3) Тамъ-же, № 10, стр. 97—98.

«Впрочемъ и власть, какъ основаніе семейнаго союза, была тогда иною, чѣмъ теперь. Она не была еще сознава, опредѣлена, какъ начало, послѣдовательно проведенное въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ отношеній, и потому обнаруживалась случайно, неопредѣленно: безъ этихъ случайныхъ, временныхъ проявленій нельзя-бы и подозрѣвать ея присутствія въ бытѣ (а родоначальникъ, какъ верховный жрецъ, *воплощенная судьба* и пр., стр. 92? это уже начало, устройство, а не случайное проявленіе). Оттого, рядомъ съ данными, свидѣтельствующими о безграничной власти и господствѣ первобытныхъ родоначальниковъ, встрѣчаются другія данныя, доказывающія, напротивъ, неподвластность, неподчиненіе домочадцевъ главамъ семей и какъ-бы равенство между ними (кажется, это выходитъ уже совсѣмъ иное дѣло?): *собственность принадлежитъ семьѣ, а не родоначальнику, и управляется съ общаго согласія членовъ послѣдней: домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ всѣхъ членовъ семейнаго союза*» (1). Это послѣднее обстоятельство, котораго авторъ коснулся мимоходомъ, обстоятельство, само по себѣ нисколько не говорящее въ пользу родоваго быта, было, если не совершенно въ сказанномъ видѣ, *опредѣлено юридически*, о чемъ надѣмся сказать ниже.—Во всякомъ случаѣ, видимъ, что картина совершенно перемѣняется. Сперва выставляется передъ нами родоначальникъ, верховный жрецъ, воплощенная судьба для всѣхъ родичей: теперь—собственность принадлежитъ семьѣ, а не родоначальнику, и домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ *всѣхъ членовъ семейнаго союза*. Какая рѣзкая противоположность!

Что-нибудь одно: или была власть родоначальниковъ, или ея не было. Если была, то случаи неповиновенія, не уничтожая основнаго начала или обычая, являютъ только исключенія и поэтому важнаго значенія не имѣютъ, ибо подобныя нарушенія власти встрѣчаются въ исторіи и при всѣхъ формахъ государственныхъ и при юридическомъ порядкѣ. Если-же эти противорѣчащія явленія не исключительныя, а параллельныя, равносильныя (какъ видно припиааетъ авторъ), то названіе родоваго быта здѣсь не у мѣста. Если есть какой-нибудь бытъ, то противорѣчащія явленія суть только исключенія, какъ скоро-же противорѣчія не суть исключе-

(1) Тамъ-же, № 10, стр. 95.

нія, слѣдовательно равносильны, какъ скоро всѣ проявленія *случайны, временны* (см. стр. 98), — то здѣсь нѣтъ вовсе никакого быта: это просто первоначальный хаосъ, о которомъ не помнитъ всгорія, о которомъ можно дѣлать предположенія и который родовымъ, да и никакимъ бытомъ назваться не можетъ: это періодъ гадательный, гдѣ обширное поле воображенію, но намъ до воображенія нѣтъ дѣла; намъ нужна былъ (фактъ). Можетъ быть, возражать намъ, что на всѣ эти сказанныя авторомъ противорѣчія есть свидѣтельства историческія, тогда мы повторяемъ: или это исключенія, или-же какое-нибудь рѣшеніе этихъ противорѣчій должно лежать въ самихъ данныхъ, для чего надо вникнуть въ данныя съ большимъ вниманіемъ, а можетъ быть и взглянуть съ другой точки зрѣнія. Принять-же родовой бытъ вмѣстѣ съ родоначальниками, да еще назвать ихъ сперва *верховными жрецами, воплощенною судьбою, вѣлью для членовъ рода*, и потомъ признавъ противорѣчашія равносильныя явленія, рѣшить такое противорѣчіе, сказавъ, что бытъ былъ неопредѣленъ, — такъ едва-ли можно поступать въ дѣлѣ науки. Скажемъ мимоходомъ, что врядъ-ли бы нашелъ г. Кавелинъ данныя для первой своей картины родоваго быта въ древнемъ быту Славянскомъ. — Мы, признаемся, думаемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о неопредѣленности быта, что неопредѣленность находится въ самой статьѣ г. Кавелина. Вотъ почему дѣлаемъ мы изъ нея столько выискоковъ, сравнительно съ сочиненіями г. Соловьева.

Первоначальный родовой бытъ приписываетъ г. Кавелинъ древнимъ Славянамъ. Хотя онъ и прибавляетъ: «въ незапамятныя времена», но далѣе, рисуя первоначальный бытъ, онъ говоритъ: «каждая семья и родъ жилъ самъ по себѣ» (1). Въ этихъ словахъ узнаемъ мы, нѣсколько измѣненныя, слова Несторовой Лѣтописи. Такимъ образомъ г. Кавелинъ (въ чемъ, конечно, и самъ онъ согласится) думаетъ, что объ этомъ первоначальномъ родовомъ бытѣ, при которомъ жили Славяне находятся историческія свидѣтельства.

Г. Кавелинъ приходитъ въ затрудненіе, говоря о значеніи женщины «въ первобытной Славянской семьѣ»: «Нельзя не сознаться, говоритъ онъ, что опредѣлить и въ нѣсколькихъ словахъ выразить

(1) Тамъ-же, № 10, стр. 91.

значение женщины въ древнѣйшемъ обществѣ чрезвычайно трудно (1). Авторъ не можетъ не признать, что значение женщины у древнихъ Славянъ было высоко. Находя и тутъ разныя противорѣчя и упомянувши о правахъ женщины на наслѣдство, правахъ юридическихъ, онъ говоритъ самъ: «нѣкоторые замѣчаютъ даже, именно у Славянскаго племени, какое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужскимъ; притомъ изъ исторiи Славянскаго народа мы знаемъ, что у однихъ племенъ женщины покупались и продавались, у другихъ, напротивъ, женщины добровольно вступали въ бракъ, даже выбирали себѣ жениховъ. Наконецъ у всѣхъ Славянскихъ племенъ дѣвушки жили на волю, не работали и не знали тягостей домашней жизни» (2). — Это высокое мѣсто, занимаемое женщиною въ Славянской семьѣ, старается объяснить авторъ фпзіологическимъ назначеніемъ женщины быть женой, матерью,—хотя приданое, «составлявшее отдѣльную собственность жены», свобода дѣвушекъ и проч. показываютъ нѣчто гораздо большее. Авторъ опять ссылается на неопредѣленность, говоря: «Но это назначеніе (быть женой, матерью), какъ всѣ первобытныя отношенія, не было возведено въ общее, строго выдержанное и послѣдовательно проведенное начало. Сверхъ того оно понималось грубо, слишкомъ матеріально, и потому не мѣшало обращаться съ женщиной, какъ со всѣми прочими домохозяйками» (3). — Но гдѣ же грубость и матеріальность, когда есть даже нравственное превосходство, есть права, есть наконецъ это нѣжное вниманіе къ дѣвушкамъ, составлявшимъ какое-то привилегированное общество, для котораго нѣтъ труда, нѣтъ работы, а только веселье и пѣсни (какъ это ярко видно изъ нашихъ свадебныхъ пѣсенъ)? Какъ-бы ни старался авторъ объяснять по своему значенію Славянской женщины и соглашать его съ своими мыслями о родовомъ бытѣ,—значеніе Славянской женщины тѣмъ не менѣе остается яркимъ и противорѣчающимъ картиной грубаго первоначальнаго родоваго быта, изображаемой авторомъ.

Наконецъ г. Кавелинъ говоритъ объ общественномъ Славянскомъ устройствѣ:

(1) Тамъ-же, № 10, стр. 99.

(2) Тамъ-же, № 10, стр. 100.

(3) Тамъ-же, № 10, стр. 100.

«При такомъ порядкѣ вещей, *миры* — первыя договорныя общины — были важнымъ и многозначительнымъ явленіемъ въ древнемъ Славянскомъ быту. Они представляютъ первый, хотя и грубый еще, зачатокъ гражданскихъ отношеній. Формы мировъ чисто патриархальныя (?); видно, что они созданы народомъ, не знавшимъ никакого быта, кромѣ семейнаго, построеннаго на родственныхъ отношеніяхъ. Притомъ мирь — гражданское общежитіе, созданное на основаніи договоровъ и сдѣлокъ въ ихъ исключительномъ, первоначальномъ значеніи. Мировы не *выражали* начала единства, союза между людьми; напротивъ они *вели* ихъ къ гражданскому союзу. Это его первая, бессознательная, отчасти случайная форма» (1).

Почему все это такъ? Все это сказано, но не доказано.

Вотъ еще слова г. Кавелина:

«Нѣкоторые послѣдователи начинаютъ исторію извѣстныхъ народовъ съ того времени, когда отношенія между семьями и родами уже установились по образу тѣхъ, которыя существовали внутри семьи между членами родовъ, — другими словами, съ появленія и упроченія мировъ. Они забываютъ, что этотъ семейно-патриархальный бытъ, обнимающій цѣлый народъ, цѣлое племя, есть результатъ длинной эпохи вражды и страшнаго разъединенія, и уже поэтому не могъ быть такъ простодушнo-наивенъ и искрененъ, какъ обыкновенно думаютъ» (2).

Итакъ г. авторъ думаетъ, что мировы устроены по родовому быту; у мира, слѣдовательно, долженъ быть родопочальникъ, но гдѣ же онъ? и какъ тогда объяснится сходка, гдѣ всѣ равны? Впрочемъ объ этомъ рѣчь должна быть еще впередъ.

Далѣе г. Кавелинъ говоритъ, подтверждая ту же мысль:

«Въ незапамятныя времена, общежитіе, какъ мы сказали, сосредоточивалось внутри разрозненныхъ, чуждыхъ, почти враждебныхъ между собой родовъ и семей. Эти семьи должны были со временемъ разростись въ общины, которыхъ бытъ разительно былъ сходенъ съ семейнымъ (?) потому, что изъ семей онъ образовался, и, слѣдовательно, семьи были ихъ историческимъ первообразомъ» (3).

(1) Тамъ же, № 10 стр. 102.

(2) Тамъ же, № 12, стр. 126.

(3) Тамъ же, № 12, стр. 127.

Опять не доказано; опять голословно. Наконецъ г. Кавелинъ говоритъ слѣдующее:

«Древняя Русская исторія упрочила, развила, утвердила эту семейно-патріархальную общественность, исторически — первую ступень и необходимое основаніе всякаго гражданскаго союза. Реформа Петра Великаго бросила на нашу почву первыя стѣны много быта (??!!)» (1).

Статья г. Кавелина посвящена преимущественно изслѣдованію обычаевъ народныхъ, свадебныхъ пѣсенъ и пр., которыми онъ доказываетъ тотъ же патріархальный бытъ. Г. авторъ говоритъ:

«Письменные памятники не сохранили пзвѣстій объ этомъ времени; Несторова лѣтопись говоритъ о немъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытѣ сохранилось со всею свѣжестію преданія» (2).

Мы не согласны съ этимъ; но изслѣдованіе нашихъ повѣрій, обрядовъ, пѣсенъ и пр.—есть предметъ очень важный, и мы намерены заняться имъ особо впоследствии; потому здѣсь о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ мы не будемъ распространяться. Предметъ нашей настоящей статьи: преимущественно историческія данныя и явленія общественнаго быта.

Мы пишемъ не разборъ статьи г. Кавелина. Намъ нужно было какъ пибудь извлечь изъ нея и опредѣлить взглядъ автора, что мы и старались сдѣлать. Взглядъ его сходенъ весьма со взглядомъ г. Соловьева. Родовой бытъ и родопачальниковъ признаютъ они оба; оба смѣшиваютъ родъ и семью. Г. Соловьевъ видитъ нарушеніе власти родопачальниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; г. Кавелинъ признаетъ противорѣчащія этой власти явленія, какъ равносильныя. Но не смотря на нѣкоторую недосказанность у первого и на неопредѣленность у второго, оба, не безъ противорѣчій самимъ себѣ, все таки признаютъ родовой бытъ, вмѣстѣ съ родопачальниками, у древнихъ Славянъ. Разница главная въ томъ, что г. Соловьевъ, не считая родовой бытъ особенностью Славянъ, признаетъ, что онъ начинаетъ исчезать уже при Ярославѣ, — а г. Кавелинъ доводитъ родовой бытъ въ Россіи до Петра Великаго.

(1) Тамъ же, № 12, стр. 133.

(2) Тамъ же, № 12, стр. 96.

Теперь обратимся еще къ другому послѣдователю Эверса, г. Калачеву, котораго добросовѣстные труды вполне заслуживаютъ уваженія.

Въ своей статьѣ объ изгояхъ онъ говоритъ такъ:

«Въ то время, когда каждый родъ, по свидѣтельству лѣтописца, составлялъ отдѣльную, самостоятельную общину, «живуще особѣ, на своемъ мѣстѣ», очевидно, что, при такихъ условіяхъ, только лица, принадлежавшія къ какому-либо роду, могли имѣть юридическое значеніе въ тогдашнемъ быту, общественномъ и частномъ. Основаніе, которымъ родъ связывался къ одно цѣлое, заключалось въ происхожденіи всѣхъ составлявшихъ его членовъ отъ одного общаго имъ предка — родоначальника. Это единство происхожденія или узы крови и родства, связывавшія между собою всѣхъ членовъ рода въ отдѣльную общину, опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ сожительство ихъ въ одномъ мѣстѣ и ихъ взаимныя отношенія. Такимъ образомъ быть членомъ извѣстнаго рода, по первоначальному понятію, значило не только быть связаннымъ единствомъ происхожденія или крови съ другими его членами, но также родиться и жить съ ними вмѣстѣ нераздѣльно. Факты служатъ яснымъ подтвержденіемъ, что, какъ у Славянъ вообще, такъ и у Славянъ Русскихъ, это было весьма естественное убѣжденіе, которое проявлялось въ самомъ образѣ ихъ жизни» (1).

И такъ авторъ понимаетъ родъ какъ нѣчто цѣлое, какъ союзъ лицъ, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного предка — родоначальника. Кромѣ этой связи происхожденія, родъ, по мнѣнію автора, былъ соединенъ и *нераздѣльнымъ жительствомъ вмѣстѣ*. Такой бытъ видитъ авторъ у Славянъ вообще и у Славянъ Русскихъ.

Авторъ не смѣшиваетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, семью и родъ. Хотя онъ умалчиваетъ о родовомъ управленіи, но, кажется, мы можемъ предположить, что онъ признаетъ также родоначальника, если не естественнаго, то *избраннаго*. — Что касается до единства жительства, то, кажется, съ этимъ согласны будутъ и г. Соловьевъ и г. Кавелинъ.

Обратимся еще къ одному писателю, занимающемуся преимущественно изслѣдованіями Русскихъ языческихъ вѣрованій и обра-

(1) Арх. Ист. пр. свѣд. изд. Н. Калачевымъ кн. 1, стр. 57—58.

довъ, г. Аванасьеву; въ своей статьѣ: «Дѣдушка домовой» — онъ говорить:

«По свѣжести патриархальнаго физиологическаго чувства, старшаго глубоко уважали, считая всякое слово его за священный приговоръ: его устами говорило самое божество» (1).

Г. Аванасьевъ смѣшиваетъ семью и родъ; вотъ его слова:

«Въ домовомъ обожились предки, и если каждый родъ, каждая семья (будто это одно и тоже!) ограничивались поклоненіемъ своему роду, то естественно, что души чужихъ предковъ представлялись въ такомъ же отношеніи, въ какомъ представлялся чужой домовый. Роды спорили и враждовали между собой, — представителями ихъ интересовъ и, слѣдовательно, ихъ взаимной борьбы, были старшіе въ родахъ (2).

Если спорили роды, спорили и семьи, но хотѣлъ ли сказать это здѣсь г. Аванасьевъ? — Къ роду не совсѣмъ приходится домовый, ибо спъ можетъ быть у каждой семьи, а вражда не совсѣмъ приходится къ семьямъ.

Впрочемъ выше авторъ говорить: «эта вражда родовъ и семей была перенесена въ убѣжденія религіозныя и прикрѣплена къ домовому, какъ *предстивителю родового старѣйшинства* (3).

Мнѣнія г. Аванасьева того же рода; онъ, не дѣлая исключеній (впрочемъ, можетъ быть, и онъ ихъ принимаетъ, но здѣсь объ этомъ не говорить), признаетъ безусловную власть родоначальника и, какъ мы уже сказали, смѣшиваетъ семью и родъ.

О другихъ защитникахъ того же мнѣнія мы говорить не считаемъ нужнымъ, ибо это то же или почти то же (4).

Мы изложили мнѣніе, признающее родовой бытъ у древнихъ Славянъ вообще и также у Славянъ Русскихъ, изложили оно въ лицѣ названныхъ нами представителей этого мнѣнія.

Теперь приступаемъ къ основному предмету нашей статьи, къ рѣшенію, по историческимъ даннымъ, вопроса: въ какой мѣрѣ былъ, и былъ ли, родовой бытъ у древнихъ Славянъ, преимущественно Русскихъ?

(1) Тамъ же, стр. 17.

(2) Тамъ же, стр. 23.

(3) Тамъ же, стр. 22.

(4) Мы не говоримъ здѣсь о трудахъ г. Тврнина и г. Шульгина; мы пишемъ не разборъ всѣхъ историческихъ мнѣній; иначе статья наша получила бы преимущественно критическій характеръ, тогда какъ назначеніе ея другое.

Мы должны начать съ опредѣленія родового быта.

Естественное, и только естественное, состояніе, лишенное всякого сознанія — не есть быть; о такомъ первомъ естественномъ состояніи исторія не помнитъ и рѣчи объ немъ быть не можетъ. Быть является тогда, когда естественный порядокъ вначалѣ замѣченъ человѣкомъ, когда онъ въ него вѣрится и старается его удержать, когда является обычай и преданіе. — Первоначальный видъ общества и первоначальный бытъ—есть, безспорно, родовой (отвергать его существованія мы никогда и не думали).—Размножившаяся семья исчезаетъ и является родъ, поглощающій семью. значеніе семьи: ибо здѣсь владыка рода есть *не отецъ, а родоначальникъ*: отношенія дѣтей къ своему отцу *смущены* вліаніемъ и значеніемъ общаго родоначальника, безусловнаго владыки рода. Любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей своей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода. Такое отношеніе, замѣченное человѣкомъ, вначалѣ кажется ему истиннымъ, и онъ старается его поддерживать. Когда жизнь родоначальника оказывается короче жизни рода—родоначальникъ *избирается*, и ему передается все значеніе перваго родоначальника: иногда званіе это послѣдственно. — Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь уже, при подобномъ устройствѣ, извѣстное начало (принципъ), порядокъ жизни, бытъ, именно бытъ родовой. — По мѣрѣ размноженія рода, родъ получаетъ болѣе общественное, гражданское значеніе. Родовыя отношенія, оставаясь еще родовыми, получаютъ смыслъ гражданскій, а родоначальникъ становится властителемъ и судьей этого родового общества. — Значеніе родоначальника, даже въ самомъ началѣ, какъ скоро онъ признается, какъ родоначальникъ, носить ужъ въ себѣ зародышъ гражданственности.

Вотъ родовой бытъ.—Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во вторыхъ, что отношенія родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, съ другой *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ.

Такимъ образомъ *семья* и *родъ*, семейное и родовое начало не только не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или патриархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патриархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу.

Родовой бытъ былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы, но одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ болѣшими или меньшими подробностями, особенностями и отбѣнками.

Мы знаемъ, что родовой бытъ былъ у Римлянъ, гдѣ онъ формулировался юридически, былъ у Германцевъ, наконецъ былъ и даже теперь еще не совсѣмъ исчезъ у Шотландцевъ, гдѣ онъ такъ явственно, сильно и жизненно опредѣляется. Онъ есть и теперь у кочующихъ племенъ, именно у Киргизовъ. Букеевская орда дѣлится на роды, называющіеся, каждый, особымъ родовымъ племенемъ.

Теперь обратимся къ Славянамъ. Былъ ли родовой бытъ у Славянъ? Былъ ли онъ для нихъ ступенью, черезъ которую они только прошли, или же онъ у нихъ продолжался нѣкоторое время? Можемъ ли мы только предполагать, что онъ былъ когда-то, единственно опираясь на убѣжденіе, что всѣмъ народамъ слѣдовало черезъ него пройти, — или есть какія-нибудь на то историческія данныя, до насъ дошедшія?

Древнѣйшія извѣстія, приводимыя г. Соловьевымъ и другими учеными, говорятъ слѣдующее:

Прокопій говоритъ, что Славяне не повинуются одному мужу, но изъ начала живутъ при народномъ правленіи (*ἐνδημοκρατία*).— Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родового быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ (1).

(1) Арх. ист. юр. св. статья г. Соловьева стр. 14.—Mem. pop. T. II, 29. S 1. Staroz. Шаф. стр. 965 и 966.

Мавркій, говоря, что у Славянъ много царьковъ, въ то же время утверждаетъ, что они не знаютъ правительства (1).

Г. Соловьевъ соглашается эти противорѣчія и разумѣетъ подъ царьками — родоначальниковъ, говоря, что Грекъ могъ принять родоначальниковъ за царьковъ, а родовыя отношенія младшихъ членовъ не могли быть для него понятны, ибо онъ привыкъ къ отношеніямъ государственнымъ и потому имѣлъ поводъ сказать, что Славяне живутъ въ демократіи (2).

Такое объясненіе есть объясненіе заранѣе принятой мысли. Что выборные начальники или старшины, которые во всякой демократіи бываютъ, могли показаться царьками, это дѣло возможное, но чтобы отношенія родовыя младшихъ къ старшимъ могли быть названы демократическими, это болѣе нежели сомнительно.

Проконій говоритъ опять, что у Славянъ былъ обычай совѣщать-ся вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ (3).

Опять свидѣтельство, указывающее ярко на народное или общинное устройство. Отвергать его нельзя. Г. Соловьевъ думаетъ выдти изъ затрудненія, говоря: «но всѣмъ вѣроятностямъ сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ,—младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для припятія къ свѣденію рѣшеній старческихъ» (4).

Это не болѣе, какъ догадка; указаніе на *старцевъ*, упоминаемыхъ въ нашихъ дѣтонписяхъ, надѣемся разобрать ниже. Но допустимъ пока (хотя и не имѣемъ на это основанія) догадку г. Соловьева, предположимъ, что старики были родоначальники, что на вѣчѣ совѣщались только одни родоначальники, — тѣмъ не менѣе несомнѣнное древнее свидѣтельство объ общинѣ остается во всей силѣ, и мы должны признать ея устройство; если примемъ даже, что совѣщались одни родоначальники, какъ думаетъ г. Соловьевъ, все мы должны признать общинное устройство, хотя между ними, хотя изъ нихъ однихъ состоящее. При родовомъ же устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо (что такъ часто повторяется гг. послѣдователями Эверса), никакая община невоз-

(1) Арх. ист. юр. св. стр. 19 Sl. Star. Шаф. стр. 968, 969, 970.

(2) Архивъ ист. юрид. св. отд. I, стр. 19.

(3) Арх. ист. юр. св. отд. I, стр. 19 Mem. popul. T. 11, стр. 28. Sl. Star. Шаф. стр. 965, 966.

(4) Арх. ист. юр. св. отд. I, стр. 19—20.

можно. Хотя г. Соловьевъ старается выставить совѣщанія случайными и говорить, что необходимость не рѣдко должна была заставлять роды соединяться для общихъ совѣщаній; но Прокопій говорить прямо объ *обычнѣ* общихъ совѣщаній. Эти слова Прокопія, слѣдуя у него непосредственно за извѣстіемъ, что Славяне живутъ издревле при народномъ правленіи (въ демократіи), — соединены съ предыдущимъ предложеніемъ союзомъ *и* (и) (1): очевидно, что оба извѣстія связаны между собою по значенію и второе подтверждаетъ первое; слѣдовательно, случайнаго явленія предполагать здѣсь нельзя, а надо предположить устройство, обычай. — Еслибъ современники видѣли патріарха или родоначальника, они не сказали бы, что Славяне не терпятъ повелителя. Между тѣмъ современники именно такъ выражаются. Что же это значить? Или вовсе не было родового устройства, или роды составляли нѣчто цѣлое, что являлось уже какъ демократическая, не хотящая власти, община. Сверхъ того современникъ говоритъ, что были сходки. Надо предположить (если стоять за родовой бытъ), что или сходки были въ отдѣльномъ родѣ, но тогда совершенно уничтожается родовое устройство; или же, какъ думаетъ г. Соловьевъ, что сходки (совѣщанія) были только между родоначальниками. Эти родоначальники должны были быть очень многочисленны, если Славянское устройство было принято за демократическое древними писателями, если было сказано имп., что Славяне имѣютъ обычай совѣщаться вмѣстѣ во всѣхъ дѣлахъ, что они не признаютъ повелителя. Въ такомъ случаѣ г. Соловьеву остается признать, что родовое устройство уже было на второмъ планѣ и что община Славянская выдвигалась еще въ VI вѣкѣ: ибо (слѣдуя его догадкѣ) каждый отдѣльный родъ повнцуется не своему родоначальнику, но общему совѣту старцевъ—родоначальниковъ всѣхъ родовъ, находящихся въ союзѣ (постоянномъ или временномъ); родоначальники были, слѣдовательно, естественно или свободно, только *выборными отъ рода* на общихъ совѣщаніяхъ. И такъ мы видимъ, что если принять даже догадку г. Соловьева, то и тогда результатъ оказывается не совсѣмъ въ пользу родового быта.

Но мы не находимъ основанія принимать догадку г. профессора, не имѣемъ никакого права сказать, что царьки были родоначаль-

(1) Slow. Star. Шаффарика, стр. 965.

Пер. соч. К. Асеева.

ники и что только они совѣщались на вѣчахъ. Никто изъ современниковъ о родоначальникахъ не говоритъ. Прокопій прямо утверждаетъ, что не повинуются одному мужу, но живутъ въ демократіи. Маврикій, сказавъ, что у Славянъ много царьковъ, говоритъ въ то же время, что они не терпятъ никакого повелителя (1), также, что ихъ невозможно никакимъ образомъ склонить къ рабству, или къ повиновенію (2). Наконецъ Прокопій говоритъ ясно о сходкахъ. Сравнимъ извѣстія позднѣйшія: Адамъ Бременскій говоритъ о Славянахъ, что они не терпятъ между собою господина или повелителя (3). Дитмаръ Мерзебургскій, повѣствуя о вѣчахъ Лутичей и, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Прокопій, говоря, что они не повинуются одному, а всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ.—прибавляетъ, что дѣла рѣшались единогласіемъ, которое было необходимо (4). Все это, кажется, достаточно говоритъ въ пользу общественнаго быта у древнихъ Славянъ и, сверхъ того, быта вѣчеваго. Картина, знакома Русскому. Что же касается до царьковъ, то это были или старшины, бывающіе при демократическомъ правленіи, или князья на всей волѣ народа. каковы потомъ были въ пзвѣстныхъ времена князья Новгородскіе; по родоначальникамъ ихъ почитать нѣтъ никакой причины. — Сверхъ того Прокопій говоритъ, что Славяне живутъ въ дрянныхъ избахъ далеко другъ отъ друга и часто перемѣняютъ мѣсто жительства (5). Причина тому: постоянная въ тѣ времена опасность отъ войны. Но если избы были далеко другъ отъ друга, то или не весь родъ жилъ вмѣстѣ, не составляя цѣлаго, что протворѣчитъ условіямъ родового быта, какъ ихъ понимаютъ послѣдователи Эверса (вспомнимъ въ особенности вышеприведенныя слова г. Калачева),—или же каждый родъ весь помѣщался въ одной избѣ, чего опять нельзя предположить при родовомъ устройствѣ, при которомъ члены рода не могутъ быть такъ малочисленны.

До сихъ поръ мы не находимъ доказательствъ въ пользу родо-

(1) *Ἄναρχα (neminem ferunt imperantem). Sl. Star. Шафарика, стр. 968, 969.*

(2) Тамъ же, стр. 967—969.

(3) *Nullum inter se dominum pati volunt. Тамъ же, стр. 990.*

(4) Тамъ же. 968. *His autem omnibus, qui Luctici vocantur, dominus specialiter non presidet ullus. Unanimi consilio ad placitum suimet necessarium discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero и т. д.*

(5) Тамъ же, стр. 966.

ваго быта у Славянъ древнѣйшихъ временъ; напротивъ того, передъ нами выступаетъ въ самомъ отдаленномъ времени общинное устройство, знакомая сходка и знакомое единогласіе. Обратимся къ доказательствамъ позднѣйшимъ, къ свидѣтельствамъ, которыя находятся у самихъ Славянъ. При разсмотрѣніи однихъ свидѣтельствъ важно то, что говорятъ свидѣтельства другія, какъ дополняютъ и часто объясняютъ они другъ друга,—важна эта совокупность свидѣтельствъ, дающая имъ настоящую цѣну. И такъ посмотримъ, что говорятъ другія свидѣтельства.

Г. Соловьевъ ссылается (въ пользу своей мысли) на старинную Чешскую пѣсню. Обратимся къ ней; она извѣстна подъ названіемъ «Суда Любуши». Расскажемъ сперва содержаніе самой пѣсни и выпишемъ изъ нея нѣкоторыя мѣста.

Содержаніе пѣсни есть судъ по вопросу о наследствѣ. Хрудонъ и Стяглавъ Кленовичи враждуютъ объ отцовской дѣдинѣ. Княжна Любуша собираетъ снемъ (сеймъ, сонмъ, сходку) въ Кметовъ, Леховъ и Владыкъ, и призываетъ также обоихъ враждующихъ братьевъ. На снемъ она предлагаетъ вѣснмъ, на оный созвавшимся, рѣшить эту вражду, выражая въ то же время свою мысль, что, *по закону въкожизисинныхъ боговъ*, братья -- или должны владѣть вмѣстѣ, или раздѣлиться по ровпу. «Собери голоса, славная княжна, по своему народу,» говоритъ ей Лютоборъ. Собрали голоса и объявили рѣшеніе *въ народъ, собранный на снемъ къ разсужденію*. Рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Хрудонъ съ яростію говоритъ, что наследство надо дать первенцу, и грубо отзывается о Любушѣ. Любуша передъ вѣснмъ свидѣтельствуеетъ о своемъ оскорбленіи. Ратиборъ встаетъ и говоритъ противъ Хрудона, объявляя, что «не хвалю намъ въ Нѣмцахъ искать правды, у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши.» Сюда относятся отрывокъ пѣсни, находящійся, безъ связи, въ началѣ и; безъ сомнѣнія, долженствующій стоять на концѣ; въ немъ, очевидно, излагается правда, о которой говоритъ Ратиборъ; вотъ онъ: «Всякой отецъ воеводитъ (предводитъ на войну) свою челядь (челядинъ, домочадецъ). Мужи панутъ, женщины шьютъ одежды, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наследствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который, для пользы, ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ Кметами, Лехами, Владыками.

Встали Кметы, Лехи и Владыки, похвалили правду по закону (1)».

Г. Соловьевъ подтверждаетъ этою пѣснію, и именно мѣстомъ объ избраніи Владыкъ, догадку свою, что на сходку ходили одни родоначальники. Если допустимъ пока опять догадку г. Соловьева, то однако и здѣсь можетъ онъ признавать родовой быть лишь на второмъ планѣ, а на первомъ (хотя бы и изъ него вытекающей) быть общинный. Сверхъ сиема, мы видимъ уже общую для всѣхъ княжескую власть, созывающую этотъ сиемъ; стало, кромѣ сходки, здѣсь еще при родоначальникахъ (если принимать ихъ съ г. Соловьевымъ)—власть князя, становящая въ свою очередь родовое устройство на второмъ планѣ. Но точно ли подтверждаетъ Чешская пѣсня мнѣніе г. Соловьева?

Постараемся опредѣлить, кто такіе были эти Владыки.

Владыки ходятъ на сиемъ. Въ пѣсни о судѣ Любуши изображается такой сиемъ. Этотъ сиемъ, это собраніе, называется народомъ, чѣмъ бы онъ едва ли могъ называться, еслибы это были только родоначальники. Сиемъ (или сходка) созывается въ настоящемъ случаѣ княжескою властію и имѣетъ вполне самостоятельный характеръ, — но таково было при князѣ и Новгородское вѣче. Кромѣ Владыкъ, на сиемъ собираются Кметы и Лехи; они поставлены рядомъ, какъ бы особыя сословія. Если бы на сиемъ собрались только главы родовъ, и эти главы родовъ назывались бы Владыками, то было бы просто сказано, что собрались Владыки. Почему же здѣсь, кромѣ Владыкъ, Кметы и Лехи? Это обстоятельство намекаетъ на сословія и такимъ образомъ еще съ другой стороны заподозриваетъ родовое устройство. — Могутъ сказать намъ, что Кметы и Лехи были званія, не исключаящія собою званія Владыкъ; но почему въ пѣсни сказано вообще: всякой отецъ и т. д., сказано объ избраніи Владыкъ вообще, а потомъ тутъ-же говорится, что они ходятъ въ сиемы съ Кметами и Лехами? Почему Владыки упоминаются отдѣльно и стоятъ ниже Кметовъ и Леховъ?

Встаху Кметы, Лехи и Владыки, —

Мои Кметы, Лехи и Владыки и проч. (2).

(1) Die Denkmähler der Böhmischen Sprache. — стр. 34—37. Шаффарикъ самъ теперь перемѣнилъ мысли объ этомъ отрывкѣ и принялъ мнѣніе, что начало пѣсни должно стоять на концѣ, — мнѣніе, которое онъ слишкомъ поспѣшно назвалъ Taschenpieler-stückchen. — Тамъ же, стр. 83.

(2) Тамъ же, стр. 31, 35.

Далѣе: теперь обратимся къ самому суду, къ самому дѣлу о наследствѣ. Любуша предлагаетъ или общее владѣніе, или ровный раздѣлъ. Снемъ рѣшаетъ общее владѣніе. Положимъ, что предметъ суда есть вопросъ родовой, вопросъ именно *родового* владѣнія, наследства. Этотъ вопросъ о наследствѣ рѣшается на основаніи родоваго устройства (думаетъ г. Соловьевъ), именно словами Ратибора, въ которыхъ изображается родовой бытъ. Допустимъ это. Кѣмъ же представляется родъ? *Двумя братьями*. Весь споръ между ними и для нихъ, для рѣшенія братскаго спора приводится весь порядокъ, *вся правда, принесенная предками*. Что должны мы заключить? Или то, что родъ не имѣлъ другихъ представителей, былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ (а то бы всѣ родичи должны были участвовать въ спорѣ, ибо всѣ имѣли общее право на общее владѣніе, по мнѣнію послѣдователей Эверса); но такую случайность предположить трудно и объ ней было бы упомянуто, тѣмъ болѣе, что оба брата—древняго происхожденія. Или же, что гораздо проще, судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто *семейный*. Да и прямо говорится, что споръ идетъ объ *отдовской дѣдинѣ*. Тогда дѣло переимѣняется и родовое устройство исчезаетъ: ибо, какъ скоро выступаетъ семья, какъ скоро рѣчь идетъ только между братьями и ни о какихъ родичахъ больше нѣтъ и рѣчи, то гдѣ же общее владѣніе рода, гдѣ же родовой бытъ, который допускаетъ участіе всѣхъ родичей, особенно когда родъ остался безъ главы?—И такъ на сценѣ только *семья*, выдѣлившаяся слѣдовательно, изъ рода, а рода нѣтъ. Теперь, какъ объясняется то устройство, та правда предковъ, которая возвѣщается на снемѣ? — Эта правда, рѣшая вопросъ семейный, сама, слѣдовательно, имѣетъ семейное основаніе. И точно,—мы видимъ, что говорится объ отцѣ и дѣтяхъ. Но, скажутъ намъ, тутъ рѣчь идетъ объ общемъ владѣніи. Справедливо, но о владѣніи всей семьи,—другими словами, просто о томъ, что всѣ дѣти наследуютъ отцу, и что, въ первую минуту наследованія, они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наследствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться (см. ниже) (1). Ибо, если бы было общее владѣніе нераздѣлимое, то со временемъ оно точно было бы

(1) Съ этимъ согласенъ и Шаффарикъ, который объ мѣры, предложенныя Любушей, признаетъ древне-Славянскими. Тамъ же, стр. 100, 101.

владѣніе всѣхъ потомковъ. Какимъ же образомъ передъ нами, очень ясно, только два брата; спорящіе о наслѣдствѣ? Въ доказательство нашихъ словъ, вспомнимъ, что Любуша, по закону *смъкожизненныхъ боговъ*, говоритъ братьямъ: или владѣйте вмѣстѣ, или раздѣлите по-ровну. И такъ и то и другое—по закону боговъ. Потомъ снемъ, выслушавъ рѣчь Любуши, сталъ говорить тихо между собою и *хвалить ея слова* (выповѣди, миѣнія, рѣшенія) (1); слѣдовательно, въ нихъ противорѣчія онъ не находилъ и своимъ рѣшеніемъ имъ не противорѣчилъ. Хрудошъ хочетъ не того: онъ хочетъ маіоратства; слова Любуши его оскорбляютъ. Въ противоположность ему, Хрудошу, приводится древній обычай, которому противорѣчатъ Любуша не могла, ссылаясь на законъ боговъ. Къ тому же вопросъ наслѣдства здѣсь не разсматривается въ подробности, а онъ сейчасъ видоизмѣняется, какъ скоро подъ наслѣдствомъ разумѣтся, напримѣръ, недвижимое или движимое имущество. Въ эти подробности, очевидно, мы не имѣемъ права входить. Одно можемъ сказать, что здѣсь весь вопросъ между братьями, слѣдовательно вопросъ семейный, что онъ рѣшается древнимъ обычаемъ, слѣдовательно также обычаемъ семейнымъ, ибо для рѣшенія семейнаго вопроса обычаемъ, пужно, чтобъ и обычай былъ семейный. Далѣе: въ пѣсни говорится, что дѣти выбираютъ себѣ владыку (а не отца, не родоначальника), который ходитъ въ сны съ Кметами и Лехами. Это значило, что каждая семья посылала на сходку своего представителя: кто знаетъ устройство нашихъ сходокъ, тотъ увидитъ, что этотъ обычай и до сихъ поръ у насъ сохранился въ народѣ; на сходку ходитъ или старшій въ домѣ, или же избранный въ домѣ отъ семьи. Кого послать — это былъ и есть домашній распорядокъ внутри дома, но за порогъ дома семья у насъ не переходила. И такъ владыки были то же, что и теперь у насъ—избранные или не избранные представители семей на сходкѣ. Кметы и Лехи, составлявшіе, какъ видно, званія (можетъ быть, мужи княжіе), уже и по званію своему тамъ заставляли, какъ у насъ потомъ на земскихъ соборахъ бояре и выборные люди. И такъ въ Чешской пѣсни «Судъ Любуши» выступаетъ съ одной стороны семейное, съ другой—общественное

(1) Любуша, сказавъ свое рѣшеніе, говоритъ: разрешите мои выповѣди. Именно такъ называетъ она свое рѣшеніе. Тамъ же стр. 36.

устройство; въ послѣднемъ нѣтъ уже ничего семейнаго. Такимъ образомъ, оба начала являюся во всей силѣ, отдѣльно, не смѣшиваясь одно съ другимъ, какъ, напротивъ, это бываетъ въ бытѣ родовомъ. Что касается до слова: *родъ*, два раза употребленнаго въ пѣсни въ выраженіяхъ: «пзъ роду выбирая» и «рода стара, Тетвы Попасова», то родъ означалъ или семью (что видимъ въ первомъ выраженіи), или происхождение (что видимъ во второмъ); родового же быта не означалъ и означать не могъ, ибо его не было.

Стало бытъ, Чешская пѣсня «Судъ Любуши» приводитъ насъ къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ миѣнію о родовомъ бытѣ: 1) споръ идетъ о *семейномъ* наслѣдствѣ; 2) древній обычай указываетъ на *семейное* устройство; 3) владыки были пзбравные отъ семействъ; 4) снемъ или сходка называется *народомъ*, дѣйствуетъ свободно и съ полнымъ равенствомъ, и ясно обнаруживаетъ общественное устройство, представляемое самостоятельную общиною и княземъ. — И такъ, на основаніи этой пѣсни, мы видимъ, что родового устройства не было, а видимъ семью и общину. Любопытно здѣсь обстоятельство, что Хрудошъ хочетъ маіората, столько противнаго Славянщину (у котораго былъ скорѣе мппоратъ), и Ратпборъ, опровергая его, говоритъ, что не любо намъ искать правды у Нѣмцевъ, указывая этими словами, что маіоратъ—обычай Нѣмецкій; этому Нѣмецкому обычаю противопоставляетъ онъ древній Славянскій, по которому всѣ дѣти наслѣдуютъ, и описываетъ все, и семейное и общественное, Славянское устройство. Изъ требованія Хрудоша видно, что вліяніе Германское могло уже быть; этимъ можетъ быть объяснено то, что, въ противность Славянскому обычаю, на снемѣ считали голоса.

- Не обходя никакихъ свидѣтельствъ, приводимъ здѣсь отрывокъ изъ Русинской пѣсни, который помѣщенъ въ примѣчаніяхъ на «Судъ Любуши», въ томъ же изданіи:

Ой вєадивъ три села зъ людьми,
 А едно село зъ старими людьми,
 А другое село зъ парубочками,
 А трете село зъ паненочками.
 Старыи люде усмиъ судили,
 А парубочки въ войску служили,
 А паненочки шитника шили.

Хотя эта пѣсня и не приводится нашими учеными послѣдователями Эверса, но, можетъ быть, они нашли бы въ ней подтвержденіе своихъ мыслей. Подтвержденіе очень шаткое. Въ пѣсни ясно разумѣются возрастъ человѣческой и полъ. Старикъ сидятъ дома и судятъ, а молодые дерутся на войнѣ, а женщины шьютъ платье. Очень естественное представленіе всѣхъ временъ и народовъ, что старикамъ прилично судить, а молодымъ во цвѣтъ лѣтъ воевать, а женщинамъ заниматься шитьемъ. Можетъ быть скажутъ: а раздѣленіе на села?—Такое раздѣленіе, вѣроятно, не будетъ признано за доказательство родового быта самими его защитниками. Припомнимъ, что есть и третье село, гдѣ однѣ женщины; неужь-то же можно приять, не шутя, такое раздѣленіе?

Теперь обратимъ вниманіе на другія свидѣтельства у соплеменныхъ Славянъ. Передъ нами изслѣдованіе Губе о наследственномъ правѣ. Что намъ открываетъ оно?

Изъ этого изслѣдованія мы видимъ цѣлость и неразрывность семейства; это неоспоримо; это говоритъ и самъ авторъ (1). Конечно, авторъ вовсе не опредѣляетъ семейства, еще менѣе родъ; его собственные выводы шатки и сбивчивы (2), но тѣмъ не менѣе выставилъ онъ и собрать драгоцѣпныя свидѣтельства. Мы видимъ, что у древнихъ Славянъ имущество принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, всему семейству. Не значило ли это всему роду?—могутъ спросить насъ. Нѣтъ. Имѣніе считалось выморочнымъ, какъ скоро не было дѣтей (3), и переходило къ князю или вообще къ правителю. Впослѣдствіи времени, *позднѣе*, стало оно переходить, какъ выморочное, къ родственникамъ, и потомъ уже какъ наследство (4). И такъ родовое наследство образовалось поздно, вслѣдствіе распорядженій правительства. Какъ же должно понимать семейство? Бездѣтность, оставляющая имущество безъ владѣ-

(1) Ист. и стат. сборникъ, Ч. I. Юс. Губе: Исторія др. наследствен. права у Славянъ стр. 54—95.

(2) Такъ авторъ иногда говоритъ, что семья стѣснялась съ теченіемъ времени (стр. 82), и приводитъ доказательства тому противныя, изъ которыхъ, напротивъ видно, что она впослѣдствіи, ябрами правительства, расширялась въ родственность отношеніи, такъ что наконецъ образовалось наследство родовое.

(3) Тамъ же стр. 70, 74, 82 и др.

(4) Тамъ же, стр. 83.

нiя и дѣлая его государственною или общественною собственностiю, ясно показываетъ, что семейство понималось въ тѣсномъ, чисто семейномъ смыслѣ. При такихъ тѣсныхъ предѣлахъ семьи, могъ ли развиваться родъ?—Конечно нѣтъ.—Сверхъ того въ Польшѣ отдѣлившiйся братъ, ставшiй во главѣ новаго семейства, не имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ древности, никакого права на наследство прочихъ братьевъ (1). Мало того: отдѣлившiеся сыновья, отошедшiе отъ семейства, не имѣли права на семейное наследство. Только дѣти, непокидавшiе отцовскаго дома и живущiе съ нимъ въ семейномъ единствѣ, имѣли право на его наследство (2). Съ другой стороны мы видимъ, что въ случаѣ отказовъ или вкладовъ, дѣлаемыхъ въ пользу церкви, равнымъ образомъ и въ случаѣ заключаемыхъ съ церковью договоровъ о продажѣ, — согласiе членовъ семьи было необходимо, даже сыновей для отца. «Въ 1178 году цѣкто dominus Zygo отказалъ Мiеховитскому монастырю двѣ деревни Kize и Lamogost, съ согласiя своего сына Оттона. Такимъ же образомъ dominus Grzewomirus, съ согласiя сына, отказалъ Мѣховитамъ имѣнiе Lauthkowice. Подобный же отказъ сдѣлалъ цѣкто Berloch вмѣстѣ съ сыновьями (3)». — Кромѣ того, «цѣкто Trancco, dictus Szeko, отказалъ въ 1325 году часть имѣнiя Мѣховитамъ, об гемешии анивагимъ, съ согласiя матери, брата, сестры и сестриной золовки. Подобнымъ образомъ отъ всего семейства завѣдали и дары, дѣлаемые лицамъ свѣтскаго званiя, если только дарилось недвижимое имѣнiе (4)». То же нужно было и въ случаѣ продажи. Такъ «въ 1223 году цѣкто Subislaus продалъ деревню Czyrkowice cum consensu omnium filiorum suorum (съ согласiя всѣхъ своихъ сыновей). Въ 1202 году Diaconus de Borow продалъ свою деревню, patris et fratris prius favore et assensu expostulato (испросивъ напередъ милости и согласiя отца и брата). Еще во второй половинѣ XIV вѣка встрѣчаемъ мы подобныя отчужденiя cum bona et unanimi voluntate filiorum (съ доброй и единодушной волею сыновей)» (5). Такiе

(1) Тамъ же, стр. 82.

(2) Тамъ же, стр. 82.

(3) Тамъ же стр. 78.

(4) Тамъ же, стр. 78.

(5) Тамъ же, стр. 78.

примѣры (которыхъ много) очень замѣчательны. Изъ нихъ мы видимъ въ то же время, что если могли отчуждаться отъ семейства, то могли и входить въ составъ семейства лица, примкнувшія къ семейству, рождившіяся съ семьею (а не съ родомъ), именно зятя, даже золовки, какъ скоро они жили въ семьѣ, составляли съ нею одно. Семья такимъ образомъ могла сжиматься и расширяться, смотря по желанію и произволу членовъ, постоянно оставаясь на своей тѣсной, только семейной основѣ. Подобные же примѣры встрѣчаемъ и въ древнихъ Русскихъ кунчихъ, мѣшовыхъ, данныхъ; въ кунчихъ не рѣдко говорится, что куплено отъ такого-то лица и дѣтей его, или что продано такимъ-то вмѣстѣ съ дѣтьми. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Доложа дворского Бѣлозерскаго, Якова Михайлова сына Гибвашева, се язъ Васплей Левонтьевъ сынъ Дьяконовъ купилъ есмь собѣ и своимъ дѣтемъ у Марыи у Ивановскіе дочери Курачева, и у Гавриловскіе жены и у ея сына у Григорія у Гаврилова сына у Залама, и у его жены у Дарыи у Ивановы дочери у Пугиновы и у Заламовыхъ дѣтей у Евсевія, да у Фоки, пожилъ шесть остожей и пр.» Также: «Се язъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, своимъ дѣтми со князь Петромъ да со князь Иваномъ Дмитріевичи, дали есмя въ домъ Пресвятые живоначальные Троицы и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона, при Архимаандритѣ Діонисіѣ и пр., по сынѣ своемъ по князь Фѣдорѣ Дмитріевичѣ, а князь Петръ, да я князь Иванъ по братѣ своемъ, вкладу, вотчву и пр.» (1).

Здѣсь особенно важно сравненіе съ современнымъ бытомъ Русскаго народа, до сихъ поръ сохраняющимся. У крестьянъ нашихъ отдѣлившійся отъ семейства сынъ, при жизни отца, не имѣетъ никакого права на имущество семейное; онъ основываетъ уже свою семью; семью составляютъ тѣ, которые не выходятъ изъ семейнаго союза, не выдѣляются изъ него. — Такимъ же образомъ въ составъ семьи могутъ приниматься и зятя, и золовки, и дальшіе родственники, и даже посторонніе. Все это зависитъ отъ воли семьи. Быта родоваго здѣсь вовсе нѣтъ; вопроса о совокупности родичей нѣтъ и тѣни. Здѣсь все зависитъ отъ свободной воли семьи. Братья, жившіе сначала вмѣстѣ, одною семьею, мо-

(1) Ак. Юр. стр. 124. 129. Примѣровъ можно привести много.

гутъ сейчасъ, если захотятъ, раздѣлиться и потомъ опять соединиться въ одну семью и въ одно хозяйство; само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ старшіе въ родѣ не отецъ и мать, а братья, слѣдовательно равные, они выбираютъ кого нибудь одного, кто всѣмъ завѣдуетъ и хозяйничаетъ, конечно съ согласія остальныхъ, потому что въ домѣ долженъ быть кто нибудь одинъ хозяинъ. Это могутъ сдѣлать и лица, вовсе не родныя другъ другу, но само собою разумѣется, что роднымъ естественнѣе такъ соединяться. Очевидно, что при такомъ сожительствѣ главный вопросъ *хозяйство*; ибо имѣніе, при бездѣтности, все таки не переходило къ родственникамъ, а считалось выморочнымъ; стало, родового владѣнія не было. И такъ родового быта здѣсь вовсе нѣтъ, здѣсь дѣйствуетъ *свободная воля* семьи, которая, какъ увидимъ ниже, означаетъ собственно *союзъ* людей, связанныхъ чисто *семейнымъ* родствомъ, на тѣсной семейной основѣ, союзъ въ своихъ дѣйствіяхъ свободный и могущій по произволу расширяться и сжиматься для совокупнаго жительства и хозяйства, даже не обращая вниманія на родство (1); этотъ свободный входъ и выходъ изъ семьи и своихъ и чужихъ—показываетъ, что даже кровное семейное родство не было обязательно, принудительною силою. Гдѣ такая свободная воля семьи, какая тутъ можетъ быть связь рода, какой родоначальникъ? Особенно, когда всѣ въ ней имѣли свободный голосъ, и, при отсутствіи дѣтей, имѣніе становилось

(1) Теперь еще понятнѣе намъ „Судъ Любуши“. Совершенно понятны и Владки и споръ Хрудоша съ Стягавомъ; понятно и отсутствіе противорѣчія въ двойномъ рѣшеніи Любуши. Шафарикъ причисляетъ Владку къ низшему сословію дворянства; это не измѣняетъ нисколько дѣла: образъ жизни Славянской, изображаемой въ пѣсни, остается тотъ же. Знаменитый ученый признаетъ, какъ видно, также родовой бытъ. Въ объясненіи Владки онъ приводитъ слова Вука Стефановича Караджича, которыя послѣдователи Эзера обратятъ вѣроятно въ свою пользу; но слова эти ничало, по нашему мнѣнію, не говорятъ въ подтвержденіе ихъ мысли. Вукъ Стефановичъ Караджичъ изображаетъ (*Die ältesten Denkmähler der Böhmischen Sprache*, стр. 68) власть старѣйшинъ Сербскихъ, и изъ его словъ видно, что старѣйшини *хозяйни* и дѣйствуетъ съ согласія членовъ семьи; изъ словъ его видно, что онъ можетъ быть и неизбранный (отецъ), или избранный, какъ скоро члены семьи равны, какъ напримѣръ, братья. Послѣ сдѣланнаго объясненія мы нимало не находимъ здѣсь родового быта. Вукъ Стефановичъ Караджичъ не говоритъ о возможности раздѣла; но другія свидѣтельства о Славянскомъ бытѣ прямо говорятъ объ этомъ. Если же у Сербовъ нѣтъ этого, то значить, что Славянскія начала у нихъ не сбереглись въ своей чистотѣ.

выморочнымъ. Устройство, съ чѣмъ нельзя не согласиться, совершенно особенное, оригинальное, самобытное; за что же его непременно подводить подъ извѣстную классификацію родового быта?

И такъ изъ изслѣдованія Губе мы видимъ, что рода у древнихъ Славянъ не было, а была *семья*.

Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго, патриархальнаго характера. Напротивъ мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родового, патриархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта,—мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ (например въ Китаѣ). Но когда передъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?

Что же вообще была Славянская семья?

Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напримеръ вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нея шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ «Судѣ Любуши»). — Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наследовалъ ей, -- семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже носторопныхъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства*: собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наследство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. — Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась какъ община, имѣла

голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятая въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи, въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? — Нисколько.

Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у Славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать, да и предметъ статьи нашей не позволяетъ намъ объ этомъ распространяться. Семейное начало, конечно, было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говоримъ, — и было твердо оно, какъ начало чисто нравственное; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ челоуѣка; оно было вполнѣ чисто у Славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ семейной общинѣ свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого объясненія видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была Славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святаго семейнаго чувства. Чисто нравственная, чисто духовная сила семейнаго начала (каково оно у Славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А чувство семейное и семейное начало, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединено съ существомъ Славянина.

До сихъ поръ изъ послѣдованій нашихъ видимъ мы, что у Славянъ родового быта не было, а выступаютъ опредѣленно: *семья* и *община* (1).

(1) Г. Поповъ въ своей любознательной книгѣ: „Путешествіе въ Черногорію“ указываетъ на родовую бытъ Черногорцевъ. Но его словамъ (глава V. стр. 123 — 163), Черногорскій родовый бытъ былъ такъ силенъ, что даже собранія, на которыя стали собираться роды, появились у нихъ лишь въ осьмнадцатомъ столѣтіи; это — такой родовый бытъ, котораго не встрѣчаемъ и у древнѣйшихъ Славянъ (у конхъ и г. Соловьевъ признаетъ собранія старѣйшинъ), которому противорѣчатъ самыя древнѣйшія свидѣтельства, ибо въ нихъ говорится о народныхъ собраніяхъ (на конхъ, по мнѣнію г. Соловьева, имѣли голосъ старѣйшины, но даже и такихъ собраний не было у Черногорцевъ), собраніяхъ, нарушающихъ (и по мнѣнію г. Попова) устройство родовое, вносящихъ съ собою устройство общественное. Кромѣ того, нѣтъ другія подлинныя свидѣтельства противорѣчать родовому быту у Славянъ (см. выше: г. Соловьевъ признаетъ народное вѣче при Ярославѣ). Впрочемъ

Теперь обратимся къ нашимъ Русскимъ свидѣтельствамъ.

Лѣтопись Нестора есть, конечно, самое первое и важное основаніе и источникъ свѣденій нашихъ о древней жизни Славянъ, Русскихъ собственно. Что говорить она?

Въ лѣтописи Нестора мы находимъ мѣсто, служащее краеугольнымъ камнемъ для мнѣнія гг. поборниковъ родового быта у древнихъ Славянъ. Выпишемъ это мѣсто.

«Полянѣмъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды свои, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» (1).

Постараемся, со всѣмъ вниманіемъ, вникнуть въ смыслъ этихъ словъ и объяснить ихъ.

Прежде всего надобно въ этомъ, нѣсколько спутанномъ, мѣстѣ возстановить, или, лучше, опредѣлить грамматическій смыслъ. Дательный самостоятельный у насъ, въ древнихъ сочиненіяхъ, часто употребляется неправильно противъ употребленія, опредѣляемаго грамматикомъ. Напримѣръ: «Князю Святославу възростышу и възмужавшу, нача (онъ же, Святославъ) вои совокуляти» (2). Также какъ здѣсь: «Полянѣмъ же живущемъ.... и живяху.» «И живяху» относится къ Полянамъ же. «Иже и до сее братьѣ бяху Поляне»—есть вставочное предложеііе. Этому рѣченію соотвѣствуетъ грамматически рѣченіе ниже: «Полянѣмъ же живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода Словѣнска, и нарекошася Поляне.» (3). Теперь, понявъ употребленіе дательнаго самостоятельнаго и оставивъ его въ сторонѣ, мы читаемъ это мѣсто такъ:

Поляне же жили особо и владѣли родами своими, — они были Поляне и до этой братьи (Кія, Щека и Хорива) — и жили каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, каждый владѣя родомъ своимъ.

и сизъ г. Поновъ говорить, что родовое устройство стало развиваться у Черногорцевъ уже послѣ покоренія Сербіи (стр. 124), и что при власти первыхъ владыкъ «сильно начинаетъ развиваться родовое устройство» (стр. 127). Следовательно, это явленіе не древнее, и позднѣйшее и не существенное. Изъ всего этого заключаемъ, что родовой бытъ у Черногорцевъ есть собственно Черногорское явленіе, возникшее въ Черногоріи, по ея особеннымъ причинамъ, заставившимъ отстунить Черногорцевъ отъ древняго Славянскаго быта.

(1) Полив. Собр. Русск. лѣт. т. I, стр. 4.

(2) Тамъ-же, стр. 27.

(3) Тамъ-же, стр. 5.

«Поляне владѣли родами своими». Значить ли это, что Поляне владѣли потомствами своими (progenies)? Но этого предположить невозможно. Не говоримъ уже, что въ такомъ смыслѣ выраженіе это показывало бы уже слишкомъ опредѣленное понятіе о родовомъ устройствѣ. Очевидно, что въ такомъ случаѣ одни бы изъ Полянъ владѣли, а другіе находились бы во владѣніи. Другое объясненіе можетъ быть вѣроятнѣе. «Поляне владѣли родами своими» — надо понимать не въ томъ смыслѣ, что они имѣли власть надъ родами своими, а въ томъ, что они владѣли (безъ предмета владѣнія) цѣлыми своими отдѣльными родами, *по родомъ, каждый родъ самъ по себѣ*; способъ выраженія вполнѣ Русскій, какъ напримѣръ: они играли толпами: это не значить, чтобъ предметомъ игры были толпы, но что играли отдѣльно, по толпамъ. каждая толпа сама по себѣ. Такое объясненіе подтверждается слѣдующими словами: «жили каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, каждый владѣя родомъ своимъ.» Подъ «каждый» нельзя разумѣть родоначальника, жившаго съ своимъ родомъ. Не каждый былъ родоначальникъ, — это очевидно невозможно; надо разумѣть, что каждый Полянинъ жилъ съ своимъ родомъ, съ тѣмъ родомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Въ томъ же смыслѣ надо понимать слова: «владѣя каждый цѣлымъ родомъ», какъ отдѣльный цѣлый родъ, или, можетъ быть, просто (смыслъ будетъ тотъ же) съ родомъ своимъ. Такой способъ выраженія опять согласенъ съ Русскимъ языкомъ (то есть, что каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ совокупно), — напримѣръ: мы всемъ народомъ пришли къ тебѣ.

И такъ это мѣсто въ лѣтописи Нестора, по нашему мнѣнію, значить, что Поляне жили особо (то есть между собою, другъ отъ друга), владѣли отдѣльными родами (то есть по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ); каждый жилъ съ своимъ родомъ (съ тѣмъ, къ которому онъ принадлежалъ) и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ (съ своимъ родомъ, съ цѣлымъ родомъ совокупно, какъ отдѣльный цѣлый родъ).

Что такое былъ родъ? Въ этомъ состоитъ главный вопросъ: его надобно разрѣшить, чтобы понять настоящій смыслъ приведеннаго мѣста изъ лѣтописи.

Несторъ, говоря о Полянахъ, вслѣдъ за вышеприведенными

словами (1), рассказываетъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ; это даетъ намъ возможность на дѣлѣ прослѣдить и повѣрить слова Нестора о Полявахъ. Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ — три брата: одинъ ли это родъ? Конечно, если скольконибудь есть родовое устройство. Что же мы видимъ? Что всѣ трое жили особо, на своихъ мѣстахъ. Кіѣ живетъ на горѣ, гдѣ увозъ Боричевъ, Щекѣ на другой горѣ, Щековицѣ, а Хоривѣ на третьей, Хоревницѣ. И такъ каждый братъ составлялъ особый родъ, но возможно ли это при родовомъ устройствѣ? Три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на трое, ибо родовое устройство такого дѣла не допускаетъ. Если же у каждаго изъ нихъ могъ быть свой родъ, ибо они жили особо другъ отъ друга, то это можно объяснить не иначе, какъ тѣмъ, что родъ былъ *семья*. Правда, говорится, что три брата построили *градъ* (крѣпость, острогъ) во имя старшаго брата, но такое общее дѣло могли сдѣлать даже и отдѣльные роды; мы знаемъ несомнѣнно, что у Славянъ какъ мы объяснили ихъ бытъ) составлялись общественные союзы. Во всякомъ случаѣ, могла ли крѣпость обнимать всѣ три мѣста трехъ братьевъ? да и какъ бы то ни было, слова Нестора прямо показываютъ, что всѣ три брата жили особо другъ отъ друга. Несторъ опровергаетъ мнѣніе, что Кіѣ былъ перевозчикъ и объясняетъ тѣмъ, что такъ какъ у Кіѣ былъ перевозъ съ той стороны Днѣпра, то и говорили «на Кіевъ перевозъ». Между тѣмъ ошибка, которую опровергаетъ Несторъ, доказываетъ, что глава рода не имѣлъ такого замѣчательнаго значенія (которое въ преданіи обыкновенно вырастаетъ). Если же глава рода не былъ такъ важенъ, то значить, что самъ родъ не былъ замѣтнымъ, крупнымъ явленіемъ. Несторъ говоритъ далѣе, что еслибъ Кіѣ былъ перевозчикъ, то онъ бы не ходилъ къ Царю-граду, «но сей Кіѣ княжаше въ родѣ своемъ» (2). Что значить: «княжаше въ родѣ своемъ»? Значить ли, что былъ старѣйшимъ въ родѣ своемъ (чѣмъ бы родъ ни былъ), или же, напротивъ, что онъ въ своемъ роду первый, пзъ своего роду первый, сталъ княжить, былъ княземъ? На второе объясненіе наводятъ насъ слѣдующія слова: «и по сихъ браться держати начаша родъ ихъ княжене въ По-

(1) Тамъ же, стр. 4.

(2) Тамъ же, стр. 4.

ляхъ» (1). Можно ли предположить, что родъ, уже образовавшийся и конечно имѣвшій численное значеніе, родъ (въ родовомъ значеніи, какъ понимаютъ оныи наши послѣдователи Эверса), надъ которымъ княжилъ Кій, сдѣлался самъ княжащимъ родомъ надъ Полянами? — Надо предположить другое. Вспомнимъ, что Несторъ говоритъ, что родъ трехъ братьевъ сталъ держать княженъ въ Полянахъ. Перваго князя онъ не называетъ, но упоминаетъ о трехъ братьяхъ, говоритъ, что послѣ нихъ родъ ихъ началъ княжить (а прежде, слѣдовательно, этого не было), и говоритъ о Кіѣ, что онъ княжилъ. Это даетъ право заключить, что первымъ княземъ былъ Кій, и послѣ него стали княжить потомки (династія) трехъ братьевъ; родъ здѣсь очевидно значить потомки, или дѣти въ обширномъ смыслѣ. При всемъ вышесказанномъ, объясненіе наше словъ: «княжаше въ родѣ своемъ» становится понятно. И такъ повѣствованіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ говоритъ противъ родового быта.

Кромѣ того, надобно замѣтить (обстоятельство очень важное), что вышеприведенный образъ жизни особыми родами Несторъ приписываетъ *однимъ* Полянамъ. Несторъ *три раза* повторяетъ: «Поляномъ же живущемъ особю» (2). И потомъ, описывая обычай Славянскихъ народовъ, онъ говоритъ объ однихъ Полянахъ, что у нихъ были обычай кротки и что у нихъ *однихъ* былъ *бракъ* (3), — и, слѣдовательно, семья.—Теперь понятно, почему онъ именно объ нихъ *однихъ* говоритъ, что они жили *родами*, отдѣльно, то есть *семьями*, — ибо у нихъ былъ бракъ. Мы знаемъ изъ древнихъ свидѣтельствъ (см. выше), что Славяне жили въ избахъ далеко другъ отъ друга; а въ избѣ, какъ выше было замѣчено, трудно было помѣститься роду; она могла помѣщать только извѣстное небольшое количество, а родъ могъ быть многочисленъ. Свидѣтельство Нестора вполне согласуется съ этимъ древнимъ свидѣтельствомъ и, сверхъ того, объясняетъ оное. Теперь припомнимъ еще всѣ вышеприведенныя доказательства о существованіи и значеніи семьи у Славянъ, и намъ станетъ ясно и несомнѣнно, что родъ здѣсь у Нестора имѣетъ значеніе семьи.

(1) Тамъ же, стр. 5.

(2) Тамъ же, стр. 3, 4, 5.

(3) Тамъ же, стр. 6.

Ист. соч. К. Аксакова.

Сверхъ того, лѣтопись Нестора южно-Русская, и въ ней много встрѣчается, и до сихъ поръ сохранившихся въ Малороссіи, южно-Русскихъ выраженій,—а въ Малороссіи и теперь родъ имѣетъ значеніе семья. Малороссъ, говоря про свою семью, скажетъ: *се мій родъ*.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что *родъ* въ вышеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи имѣетъ значеніе *семьи*; онъ упоминается только у Полянъ, у которыхъ однихъ былъ *бракъ* и, слѣдовательно, *семья* (1).

Вотъ, по нашему мнѣнію, понятное объясненіе вышеприведеннаго мѣста изъ лѣтописи Нестора, которое принимаютъ за одно изъ главныхъ основанийъ защитники родоваго быта.

Здѣсь кстати будетъ взглянуть вообще на значеніе, которое имѣетъ у насъ слово *родъ*. Слово всякое неопредѣленно, не имѣетъ какого-нибудь одного такого смысла, который бы рѣзко и ограниченно ему принадлежалъ; оно не какая-нибудь по мѣркѣ сдѣланная форма. Имѣя основное значеніе, оно въ то же время отливаетъ многими оттѣнками. Слово *родъ* 1) первоначально значить *рожденіе*, дѣтей и оттуда семью, ибо семья стала основною особенностію жизни Славянина, и потому частное, специальное значеніе рода—*семья*; 2) означая рожденіе, родъ берется и въ неопредѣленномъ смыслѣ *происхожденія*, означаетъ и предковъ и потомковъ. Происхожденіе это понимается иногда въ обширномъ смыслѣ и расширяется до значенія народа,—иногда въ тѣсномъ и значить родство: и тамъ и здѣсь означаетъ единство происхожденія. Такое значеніе можно, если угодно, назвать генеалогическимъ (хотя и это названіе будетъ не вѣрнымъ, ибо единство происхожденія еще не родословіе), но не родовымъ: это вовсе не одно и то же. Въ рыцарствѣ играло большую роль значеніе генеалогическое, а никто не назоветъ рыцарство бытомъ родовымъ.

Вотъ два значенія, которыя имѣетъ у насъ слово *родъ*. Но никогда *родъ* не значить совокупность родичей, какъ нѣчто цѣлое, совокупность современную (то есть совокупность живыхъ родичей),—тотъ смыслъ, напимѣръ, который мы понимаемъ подъ словомъ *колыно*.

(1) Мы не входимъ въ изслѣдованіе, былъ ли этотъ бытъ и у другихъ племенъ, и въ какой степени; важно для насъ извѣстіе, сообщаемое лѣтописцемъ, и самый взглядъ его.

Примѣръ перваго значенія мы сейчасъ видѣли. Въ этомъ же значеніи могло быть употреблено слово родъ въ выраженіи: «и избрашася три брата съ роды своими» (1). Невозможно вообразить, чтобы эти три брата были три родоначальника. Во всякомъ случаѣ, при родовомъ бытѣ, не могли бы быть они родоначальниками всѣ трое. Нельзя предположить, чтобы у cadaго былъ свой родъ, ему подчиненный; это невозможно, ибо это были братья, слѣдовательно родъ у нихъ былъ одинъ. Раздѣлять же родъ, какъ наслѣдство, на три части—этого не допускаетъ родовое устройство. Что же остается предположить? Множественное, которое здѣсь очень важно, прямо указываетъ, что родъ былъ у cadaго; этотъ родъ (личное потомство) могъ быть только *семья*, которая и можетъ быть своя у cadaго изъ братьевъ. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь родъ употребленъ и во второмъ значеніи, то есть: едиородцы, принадлежащіе по происхожденію одному народу. Но въ значеніи рода, соответствующемъ понятію о родовомъ бытѣ, принимать слово «родъ» здѣсь нельзя. Такъ не принимаетъ даже и г. Соловьевъ, который понимаетъ здѣсь родъ во второмъ значеніи (едиородцы). Въ примѣръ перваго или опять, пожалуй, втораго значенія можно привести мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ Святославъ беретъ дань и на убитыхъ, говоря: «Яко родъ его возметь» (2). Въ примѣръ перваго значенія можно также привести выраженіе: «и встала родъ на родъ» (3), то есть встала семья на семью, *братъ на брата*, какъ говоримъ мы и теперь, или, пожалуй, *родные на родныхъ*.—Объясненіе очень понятное. Нѣтъ никакого основанія (особенно если сообразимъ всѣ указанія) и никакой нужды принимать здѣсь родъ въ патріархальномъ значеніи (какъ думаютъ послѣдователи Эверса), въ значеніи колѣна.

Въ примѣръ втораго значенія можемъ привести выраженіе: «отъ рода Вяржска» (4): происхожденіе въ обширномъ смыслѣ—народное; «Рюрикъ предасть княженъе свое Ольгови, отъ рода ему суще» (5): происхожденіе въ тѣсномъ смыслѣ—родственное и, вѣроятно, близкое; Аскольдъ и Диръ идутъ на югъ также «съ

(1) Повн. Собр. Русск. лѣт. Т. I. стр. 8.

(2) Тамъ же, Т. I, стр. 30.

(3) Тамъ же, стр. 8.

(4) Тамъ же, стр. 9.

(5) Тамъ же, стр. 9.

родомъ своимъ» (1) (съ родными или роднею).—Кіевляне говорятъ Аскольду и Диру о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, и прибавляютъ: «и мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ Казаромъ» (2), то есть: съ родомъ ихъ (трехъ братьевъ), или посредствомъ ихъ рода.—Родоваго устройства здѣсь опять принимать нельзя, ибо Кіевляне явно исключаютъ себя изъ рода трехъ братьевъ. Здѣсь родъ очевидно значитъ: потомство, княжю династію (см. выше). Олегъ, приплывъ въ Кіевъ, велитъ сказать Аскольду и Диру, что онъ гость, идетъ отъ Олега и отъ княжича Игоря (то-есть гость Варяжскій) и прибавляетъ: «да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ» (3). Здѣсь родъ ясно употребленъ въ смыслѣ единородства, единоплеменности. Какъ бы въ полное опроверженіе понятія о родовомъ бытѣ, здѣсь не сказано: къ роду своему, а къ своимъ родамъ (единородцамъ). Когда Аскольдъ и Диръ явились, Олегъ имъ говоритъ: «Вы нѣста князя, ни роду княжа, но азъ есмь роду княжа» (4). Здѣсь слово родъ употребляется въ смыслѣ происхожденія.

Мы, думаемъ, достаточно привели примѣровъ употребленія слова «родъ» въ двухъ означенныхъ нами значеніяхъ. Повторяемъ, что въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родоваго быта, предполагаемаго послѣдователями Эверса, или, другими словами, въ значеніи *коляна*, слово «родъ» не употребляется.

Въ подтвержденіе того, что родъ имѣлъ у насъ значеніе семьи, приведемъ доказательство изъ Русскаго языка. Мы говоримъ: *двоюродный братъ*. Что значитъ: *двоюродный*? Здѣсь мы легко открываемъ двойное число: *двою роду*, то-есть: *двухъ родовъ*; и такъ двюродный братъ значитъ братъ *двухъ родовъ*, то-есть *двухъ семей*. Братъ родной значитъ братъ одной семьи, одно-семейный; братъ двюродный — братъ двухъ семей, дву-семейный,— что такъ и есть. Впрочемъ о значеніи этого слова мы поговоримъ еще ниже, подробнѣе.

Г. Соловьевъ въ старцахъ, нѣсколько разъ упоминаемыхъ въ началѣ Несторовой лѣтописи, видитъ родоначальниковъ или кня-

(1) Тамъ же, стр. 9.

(2) Тамъ же, стр. 9.

(3) Тамъ же, стр. 10.

(4) Тамъ же, стр. 10.

зей. По всѣмъ вѣроятностямъ, говорить онъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣденію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ и являются вѣча общенародныя: знакъ ослабленія родового быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ рассказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ по случаю осады Бѣлгорода Печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ и когда узналъ объ его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшеніе вѣчи, не созывая новаго» (1).

Здѣсь явное противорѣчіе. Если старцы одни участвуютъ на вѣчахъ, то нѣтъ ничего особеннаго и удивительнаго, что они перемѣняютъ свое же собственное рѣшеніе. Какого вѣча имъ созывать, когда они одни на немъ участвуютъ и они опять собрались? Если принять послѣднія слова г. Соловьева, то, по смыслу ихъ, мы должны предположить, что на вѣчѣ участвовали и другіе, слѣдовательно не одни старцы, что прямо противорѣчитъ первымъ его словамъ. Приходится принять либо то, либо другое. Но оставимъ г. Соловьеву самому разрѣшить противорѣчіе; обратимся къ примѣру, которымъ онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе. На вѣчѣ, при описаніи котораго лѣтопись ни слова не говоритъ о старцахъ (2), рѣшено было сдаться. Одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, спросилъ, чего ради было вѣче (створиша вѣче *людье* (3), въ спискѣ: Ипатьевскомъ), узналъ его рѣшеніе, послалъ за градскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ не перемѣнить рѣшеніе

(1) Арх. Ист. вѣр. св. стр. 19—20.

(2) Что старцы могли быть на вѣчѣ, въ этомъ нѣтъ никакого спора, но ни ихъ лѣтописецъ не указываетъ, не выдвигаетъ ихъ впередъ, не придаетъ имъ значенія и даже не упоминаетъ при описаніи вѣча.

(3) Полз. Собр. Русск. лѣт., стр. 55.

вѣча, какъ говорятъ г. Соловьевъ, а *отложить исполненіе на три дня* (1). Это совершенно измѣняетъ дѣло; это, такъ сказать, мѣра административная, а не законодательная. Да и почему знаемъ мы, что вѣче рѣшило сдаться немедленно? оно могло и все не опредѣлять срока. Потому, въ странѣ, какова Русь, гдѣ формальности не было почти вовсе, если бы, послѣ рѣшенія вѣча, кто бы ни было придумалъ полезный совѣтъ, измѣняющій рѣшеніе вѣча, и совѣтъ этотъ сдѣлался бы извѣстенъ, то народъ, нашедши его полезнымъ, согласился бы съ нимъ, не требуя созванія новаго вѣча, соблюденія одной формы. Если народъ, имѣющій голосъ, узнавъ объ измѣненіи, допустить оное, то это значитъ, что онъ его одобряетъ. Примѣръ Бѣлгородскаго вѣча очевидно не подкрѣпляетъ г. Соловьева, но противорѣчитъ ему, выставляя старцевъ вовсе не тѣмъ, что онъ предполагаетъ: въ Ппатьевскомъ спискѣ (который весьма уважается) именно сказано *людье*, что, какъ извѣстно, употребляется въ лѣтописи въ смыслѣ народа. На чемъ же основываетъ г. Соловьевъ мнѣніе свое, что одни старцы прежде участвовали на *вѣчехъ*? Неизвѣстно, — по крайней мѣрѣ мы рѣшительно этого не знаемъ. Онъ говоритъ, что старцы призывались на совѣтъ, что они участвовали въ важныхъ рѣшеніяхъ: это правда. Есть мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что, когда Владиміръ сталъ приносить жертвы кумирамъ, старцы и бояре сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу» (2).—Владиміръ созываетъ старцевъ и бояръ для совѣта о Вѣрѣ, созываетъ ихъ опять, когда возвращаются посланные для испытанія Вѣры. Но развѣ это вѣче? — Князь созываетъ *своихъ совѣтниковъ*: похоже ли это на народное совѣщаніе? Мы совершенно согласны, что были старѣйшины въ городѣ, или въ народѣ, — это можетъ быть при самомъ демократическомъ устройствѣ, — что старцы пользовались уваженіемъ къ своимъ лѣтамъ: это бываетъ всегда и вездѣ; для этого не нужно родового быта. Но чтобы старѣйшины или старцы *одни* участвовали въ рѣшеніяхъ на вѣчѣ, чтобы они имѣли права или вѣсь, кромѣ простаго уваженія, или же не какъ обыкновенные старосты, а какіе-то родоначальники: откуда это слѣдуетъ, этого мы *рѣшительно не*

(1) Тамъ же, стр. 54, 55.

(2) Тамъ же, стр. 35.

сиди.мъ. Напротивъ того, участіе и значеніе старцевъ даже слишкомъ маловажно. Рѣшенія старцевъ не самостоятельны, не важны, да и рѣшеній этихъ такъ не много.—Не старцы призываютъ Рюрика, не старцы шлютъ пословъ къ Ольгѣ; мы не говоримъ уже о болѣе позднѣйшихъ проявленіяхъ народной воли, которыя и г. Соловьевъ считаетъ народными, начная съ вѣча, созданнаго Ярославомъ. Для поясненія отношеній старцевъ, обратимся къ современному Русскому народу, къ крестьянскому быту. У нашихъ крестьянъ есть общая сходка, и сходка стариковъ. Общая сходка собирается въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ, другая въ дѣлахъ менѣе важныхъ (преимущественно по разбору жалобъ и т. п.). Эти *старики* (такъ они называются) и эта общая сходка могутъ имѣть соотвѣтствіе съ старцами и вѣчемъ. Старцы *созываются* обыкновенно княземъ. Сходка стариковъ тоже *созывается* помѣщикомъ или кѣмъ бы то ни было (даже и самими крестьянами, если имъ будетъ угодно); общая сходка можетъ быть созвана, можетъ и *сама* собраться въ какихъ нибудь случаяхъ для рѣшенія; но *невозможно*, чтобы *сами* собрались старики и объявили свое рѣшеніе всѣмъ остальнымъ.

Г. Соловьевъ думаетъ, что старцы потомъ исчезаютъ. Но, по нашему мнѣнію, старцы не исчезаютъ. Вспомнимъ, какъ выражается Владиміръ, когда, созвавъ бояръ и старцевъ, онъ велитъ посланнымъ въ Грецію говорить передъ ними: «скажите предъ дружиною» (1). Здѣсь старцы вмѣстѣ съ боярами называются дружиною. Дружина не исчезла и позднѣе; а что дружина, и кромѣ приведеннаго мѣста, часто имѣетъ смыслъ не войска и не военнаго, а гражданскаго совѣта,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, съ этимъ не станетъ спорить и г. Соловьевъ.—Замѣтимъ, что старцы всегда созываются княземъ, созываются вмѣстѣ съ боярами, и, какъ мы видѣли выше, вмѣстѣ съ ними называются и дружиною. Старцы или старѣйшины—совѣтники князіе—стали, мало по малу, и княжими людьми и слились съ боярами. Мы говорили о томъ неважномъ значеніи народномъ, которое имѣли старцы: тѣмъ легче могло произойти это слитіе; оно не важно было для народа, котораго общественная жизнь выражалась (какъ потомъ это ярко видно) не въ старшинахъ, а во

(1) Тамъ же, стр. 16.

всемъ народѣ, имѣвшемъ равное право на совѣщаніе. Дружина князя, сперва неопредѣленная, получила постоянный смыслъ, собственно съ княземъ связанный, и наконецъ явилась Боярская Дума, поглотившая древній совѣтъ бояръ и старцевъ, или совѣтъ дружины; въ соотвѣтствіе съ нею, какъ общее народное, Русское или, лучше, Всероссийское вѣче, явилась Дума Земская, или земскій соборъ, поглотившій, въ минуту своего собранія, бояръ и всѣхъ служилыхъ людей.

Теперь надобно намъ обратиться къ Русской Правдѣ и посмотреть, что говоритъ она.

Въ Русской Правдѣ опредѣляется мсть родственная. Мстить долженъ или бѣать, или отецъ, или сынъ, или племянникъ съ братиной и сестриной стороны (1): вотъ всѣ родовые мстителі; за этимъ въ Русской Правдѣ говорится: «ожели не будетъ кто его мсты, то положити за голову ꙗ гривень, аче будетъ князь моужь и пр.» (2). И такъ больше мстить было некому. Здѣсь ясно означены предѣлы семьи, а не рода. Если племянникъ и не въ семьѣ, то это ближайшій къ ней изъ другой семьи. Г. Поповъ, въ разсужденіи своемъ о Русской Правдѣ, замѣтилъ, что право или обычай мщенія принадлежалъ только семьѣ и обозначалъ ея предѣлы. Это очевидно, но почему даровитый авторъ не останавливается на этомъ, не принимаетъ дѣла, какъ оно есть, а предполагаетъ, что родъ, существовавшій прежде, былъ ограниченъ этимъ постановленіемъ до семьи? На чемъ основывается онъ, что было прежде *родовое* мщеніе и родовой бытъ? (3) — этого онъ не доказываетъ. Свидѣтельство Русской Правды прямо противорѣчитъ родовому быту.

Въ Русской Правдѣ есть также ясное свидѣтельство о наследствѣ, совершенно согласное съ выводами о наследствѣ, нами сдѣланными (см. выше объ изслѣдованіи Губе). По Русской Правдѣ наследство смерда (гражданина, человека земскаго), какъ *скоро у него нѣтъ дѣтей, переходитъ къ князю, считается, следовательно, выморочнымъ; если нѣтъ сыновей, а есть дочери, то дочерямъ незамужнимъ выдается часть*. Наследство послѣ бо-

(1) Русскія Достоп. ч. 1, стр. 28.

(2) Тамъ же, стр. 28.

(3) О Русской Правдѣ, разсужд. Ал. Попова, стр. 37—38.

ярина, сказано въ Русской Правдѣ, князю неидеть, но если не будетъ сыновей, то возьмутъ дочери. Очевидно, что здѣсь слова: «за князя задница (наслѣдство) неидеть», относятся только къ послѣднему случаю, то-есть когда есть дочери, — чѣмъ наслѣдство боярина разнится отъ наслѣдства смерда. Слѣдовательно, здѣсь видимъ только, что наслѣдство боярина, въ противоположность наслѣдству смерда, неидеть за князя и тогда, когда нѣтъ сыновей, а есть однѣ дочери. И такъ, вся разница въ пользу дочерей, и наслѣдство остается въ предѣлахъ только семьи, дѣтей, при отсутствіи которыхъ и деть за князя, считается выморочнымъ.

Свидѣтельство Русской Правды, на основаніи которой имѣніе, при отсутствіи дѣтей, считается выморочнымъ, — согласуясь съ другими подобными свидѣтельствами у Славянскихъ народовъ, ясно указываетъ на семью и опровергаетъ родовой бытъ.

Мы говорили уже (см. выше) о томъ, что участіе въ наслѣдствѣ другихъ родственниковъ, кромѣ дѣтей, образовалось у Славянъ позднѣе, вслѣдствіе распоряженій правительства. Такимъ образомъ права рода, въ этомъ случаѣ, суть явленіе позднѣйшее и правительственное; прежде ихъ не существовало. Это совершенно обратно относится къ предположеніямъ гг. послѣдователей Эверса. То же самое видимъ и въ Россіи. Въ Судебникѣ Іоанна III сказано прямо: «если кто умретъ безъ духовной, и сына у него не будетъ, то возьметъ дочь; если дочери не будетъ, то *ближній отъ его роду*» (1). Здѣсь родъ употребленъ опять въ тѣсномъ значеніи, ибо здѣсь разумѣется ближній къ роду того, чье имущество. Остальные случаи употребленія слова «родъ» въ Судебникѣ — даютъ намъ право такъ понимать и здѣсь это слово. Дополнительные статьи къ Судебнику Іоанна IV входятъ въ нѣкоторыя подробности о наслѣдствѣ, различая древнія вотчины служилыхъ князей и бояръ отъ вотчинъ жалованныхъ. — Распространяться объ этомъ мы не имѣемъ причины; выпишемъ любопытное для насъ употребленіе слова родъ: «А который князь вотчину свою напишетъ брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего роднаго брата сыну, или *которому своему ближнему роду*, опричь тѣхъ, какъ кому мочно межъ собою жениться» (2). Выраженіе,

(1) А. Н. Т. I, стр. 155.

(2) А. Н. Т. I, стр. 268, 269.

здѣсь употребляемое, показываетъ, что у человѣка могъ быть *близкій родъ*; если самые роды были родственны, то родъ опять не представлялъ совокупность родичей, ибо роды отдѣлялись одинъ отъ другаго внутри предѣловъ родства; здѣсь родъ употребленъ въ смыслѣ родственной семьи, пожалуй съ ея потомствомъ, какъ естественнымъ слѣдствіемъ семьи; съ дальнѣйшимъ потомствомъ прекращалось и вовсе всякое родство.

И такъ родовыя права на наслѣдство были даны у насъ, какъ и у другихъ Славянъ, въ позднѣйшемъ времени, и даны Правительствомъ (1).

---

(1) Г. Неволнинъ въ своемъ, заслуживающемъ всеобщей благодарности, сочиненіи не могъ не замѣтить явственнаго свидѣтельства Русской Правды о наслѣдствѣ, противорѣчащаго рѣшительно всякому родовому устройству. Но какіе же результаты выводитъ авторъ? Онъ говоритъ: „Это предпочтеніе нисходящихъ боковыми родственниками и совершенное исключеніе послѣднихъ отъ участія въ наслѣдствѣ были связаны одно съ другимъ: новый порядокъ наслѣдованія могъ на первый разъ не иначе явиться, какъ въ совершенной противоположности съ прежнимъ“ (И. Р. Г. З. т. 3, стр. 351). Если порядокъ наслѣдованія по Русской Правдѣ г. Неволнинъ называетъ новымъ, то какой же былъ прежній? Кажется, что г. авторъ предполагаетъ въ древности родовое устройство. — Изчисливъ порядокъ истребителей въ Русской Правдѣ, г. авторъ говоритъ: „порядокъ изчисленія истребителей у Ярослава есть порядокъ родового старшинства лицъ“ (стр. 345). Странно. По этому старше всѣхъ братья, потомъ сынъ, потомъ отецъ (!). Можно ли это допустить, въ какомъ родовомъ быту отецъ по старшинству займетъ не только не первое, но даже третье мѣсто? Потому, предполагая, что поименованныя лица могли и не жить вмѣстѣ (что совершенно такъ), г. авторъ прибавляетъ: „Слѣдовательно, уже во время Ярослава члены рода не жили по общему правилу, совокупно“ (стр. 345). Слѣдовательно, прежде Ярослава это было; изъ этихъ словъ виднѣтъ, что авторъ предполагаетъ въ древности у Русскихъ Славянъ родовое устройство; но на чемъ основывается такое предположеніе? На это авторъ не даетъ объясненія. — Авторъ думаетъ, что лица наслѣдовали въ томъ порядкѣ, въ какомъ они и числены, какъ истребители; но тогда бы отецъ наслѣдовалъ сыну, и опять въ третьихъ. Это, по нашему мнѣнію, не имѣетъ доказательствъ и противорѣчитъ совершенно Славянскому устройству, гдѣ было вначалѣ общее семейное владѣніе и гдѣ по этому вопросу получаетъ другое значеніе. Ниже авторъ, разсматривая наслѣдство въ пространной Русской Правдѣ, говоритъ: „Въ видѣ общаго правила преимущественно нисходящихъ предъ боковыми родственниками могло быть признано въ законахъ только тогда, когда союзъ родовой глубоко потрясенъ былъ разными событіями. Кажется, потрясеніе его (родового союза) въ жизни частной и потрясеніе въ жизни общественной послѣдовали въ одно и то же время, въ періодъ междоусобій, обуревавшихъ Русскія земли по смерти Ярослава до нашествія Монголовъ.“ (351—352). Но почему именно тогда и почему былъ онъ прежде? Авторъ самъ ниже говоритъ: „Если по пространной Русской Правдѣ къ законному наслѣдству дѣйствительно призываются только дѣти умершаго, съ исключеніемъ его братьевъ, то надобно полагать, что, въ промежуткѣ времени между изданіемъ простран-

Замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти, найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ. Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ Русской земли? Несообразность такого предположенія очевидна. Сверхъ того, мы видѣли, что и до Рюрика, *искоми*, не было у Славянъ родового устройства. Еще замѣчательнѣе то, что Русская земля была совершенно равнодушна къ родовымъ правамъ князей, какъ видно ни-мало не сочувствуя родовымъ вопросамъ. Нигдѣ не видать, чтобы города заступались за старшаго, или за права своего князя. Они заступаются за князя, или прогоняютъ его, смотря по своимъ къ нему отношеніямъ, смотря потому, любятъ ли они его, хорошъ ли онъ для нихъ, и безопаснѣ ли и выгоднѣ ли будетъ для нихъ общественной жизни съ нимъ или безъ него. Такое отсутствіе сочувствія къ родовому вопросу, столь близко до народа касающемуся, показываетъ полное отсутствіе родового начала въ народѣ.

Г. Соловьевъ видитъ родовое начало въ народѣ, считаетъ его туземнымъ. Въ дружинѣ княжой видитъ онъ уже другое начало, освобождающееся отъ начала родового. Дружина образовывалась и возобновлялась пришельцами. Г. Соловьевъ говоритъ такъ объ ней: «эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вносятъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому» (1). Какимъ же образомъ мѣстничество, — въ которомъ (хотя едва ли справедливо) находятъ слѣдъ родового начала, но въ которомъ есть хотя начало родовое, — мѣстничество было именно только у бояръ, у потомковъ дружины, наследниковъ ея духа и устройства, наконецъ у людей служилыхъ, *государевыхъ*, а земля, народъ, все, что внѣ

ной Русской Правды и изданіемъ *судебника* Іоанномъ III, право законнаго наследованія распространено было и на боковыхъ родственниковъ» (355—356). И такъ вотъ когда и какъ были утверждены родовыя права. Въ этихъ словахъ почтеннаго автора есть нѣкоторое противорѣчіе съ предыдущими его словами. Впрочемъ во 2 томѣ своего сочиненія почтенный авторъ, кажется, отвергаетъ родовое бытіе въ древности; но въ дальнѣйшія объясненія мы теперь не входимъ, ибо для этого нужно было бы посвятить особую статью на разборъ цѣлой книги.

(1) Архивъ ист. юрид. св. Отд. I, стр. 17.

дружины, его я не знали? — Это обстоятельство также говоритъ сильно противъ мнѣнія гг. защитниковъ родового быта.

И такъ есть два явленія, гдѣ сколько нибудь (хотя не въ томъ видѣ, какъ желаютъ гг. послѣдователи Эверса) можно отыскать слѣды родового начала. Это родъ Рюриковъ, съ его спорами о правахъ, и мѣстничество. И оба явленія — не туземныя, по крайней мѣрѣ въ основаніи: родъ Рюриковъ — призванный; мѣстничество было у людей, наслѣдниковъ княжой дружины, пополнявшейся пришлецами. — И въ обоихъ явленіяхъ земля или народъ (настоящіе туземцы) не принималъ никакого участія.

Оставивши въ сторонѣ доказательства историческія, обратимся къ обычаю и языку.

Новобрачныхъ называютъ у насъ и до сихъ поръ: князь и княгиня. Г. Соловьевъ видитъ въ этомъ доказательство своей мысли, «потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода» (1) (какъ будто домовладыка и родоначальникъ — одно и то же). Если есть родовое устройство, то новая семья, являющаяся въ роду, не можетъ быть новымъ родомъ, и молодые супруги — родоначальники; иначе каждая новая семья отдѣлялась бы отъ рода и составляла особый родъ, а молодымъ пришлось бы быть родоначальниками будущихъ родоначальниковъ, ибо дѣти ихъ также могутъ вступить въ брачный союзъ, дававшій наименованіе князя и княгини. Если же это такъ, если всякая семья есть новый родъ, то гдѣ же родъ самый, какъ понимаютъ его гг. защитники родового быта? — Его нѣтъ: предъ нами отдѣльныя семьи, каждая сама по себѣ. — И такъ наименованіе новобрачныхъ княземъ и княгиней, чтобы оно ни значило, очень явственно противорѣчитъ мнѣнію о родовомъ бытѣ....

Извѣстенъ, и доселѣ въ полной силѣ существующій, обычай въ Россіи всякого называть отчествомъ, именемъ отца; это видимъ и въ глубокой древности. Но въ то же время, при необходимости названія по отцу, мы рѣшительно не видимъ въ древности названія по *роду*: родовыхъ прозвищъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ и теперь у народа, у крестьянъ, сохранившихъ древній свой бытъ. — Исключенія чрезвычайно рѣдки и легко объясняются вліяніемъ

(1) Арх. ист. юр. св. т. 1, стр. 17.

такъ называемыхъ образованныхъ классовъ. У крестьянъ есть личные прозвища, — ихъ видимъ и въ древности, — и только. Необходимость названія по отцу и отсутствіе названія по роду рѣшительно указываютъ, съ одной стороны, на силу начала и быта семейнаго, съ другой — на отсутствіе начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быта родоваго.

Русскій народъ, такъ богато обставившій словами всѣ отношенія семейныя (дѣверь, золовка, невѣстка, шурина и проч.), не имѣетъ слова для *grand oncle* или *petit neveu*. — Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Вмѣсто *cousin* употребляетъ народъ составное слово: *братъ двоюродный*, то-есть: двухъ родовъ (выше мы объясняли это). Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говоритъ онъ: *братъ родной*; это было бы очень недостаточно, еслибъ слово *родной* имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это значить: братъ семьи, то-есть, одной семьи (одного рода). Это объясняется выраженіемъ: *братъ двоюродный*, *братъ двухъ родовъ*, *двухъ семей*. А *родня*? — скажутъ намъ. *Родня* означаетъ единство происхожденія; кромѣ того, слово это могло означать родство семейное. — Но мы употребляемъ слово *родня* въ болѣе обширномъ смыслѣ? — Да; но это употребляемъ мы, классы переобразованные, — это ужъ наше дѣло, — и все-таки *родня* не имѣетъ у насъ значенія, придаваемого роду послѣдователями Эверса. Родство означаетъ у насъ родственныя связи, которыя всегда и вездѣ имѣютъ мѣсто. О самомъ словѣ *родъ* надобно сказать, что въ современномъ языкѣ нашего переобразованнаго общества *родъ* употребляется въ болѣе обширномъ и вмѣстѣ неопредѣленномъ, генеалогическомъ смыслѣ, но даже и здѣсь не значить онъ совокупности родичей, не значить *колѣна*: это патриархальное значеніе придано ему нашими учеными. Родовыя понятія, если они есть у насъ (въ нашемъ переобразованномъ обществѣ) — явленіе позднѣйшее. Выше мы указали на участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Выраженія: *въ родъ и родъ* и *въ роды и роды*, *изъ рода въ родъ* — опять противорѣчатъ взгляду гг. послѣдователей Эверса. Эти выраженія показываютъ рядъ семей, и такъ какъ здѣсь говорится вообще, то *родъ* и принимается въ смыслѣ поколѣнія (генерациі).

Г. Соловьевъ думаетъ, что слово племя употреблялось для означенія родовыхъ линий (1). И такъ, племя есть подраздѣленіе рода, относится къ роду, какъ часть къ цѣлому, какъ вѣчто къ болѣе широкому; ибо г. Соловьевъ говоритъ: «Единство рода, связь *племя* поддерживалась единымъ родоначальникомъ» (2). Слѣдовательно родоначальникъ былъ начальникъ одного рода и нѣсколькихъ племенъ.—Но мы не можемъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ племени. По крайней мѣрѣ употребленія словъ рода и племени показываютъ, что, напротивъ, родъ имѣлъ значеніе болѣе тѣсное, а племя болѣе широкое. Самое выраженіе: *родъ — племя, ни роду — ни племени* — показываетъ это. Если бы *племя* было частью рода, — то, сказавши, что нѣтъ роду, вовсе не было нужды прибавлять, что нѣтъ племени. Слѣдовательно племя понимается въ обширѣйшемъ значеніи, и въ выраженіи: *ни роду — ни племени*, это такъ ощутительно, что всякій Русскій иначе и не пойметъ; другими словами, выраженіе это значить: не только нѣтъ роду, но и племени. — Это еще виднѣе въ постановленіяхъ церковныхъ о бракѣ: «ни въ роду, ни въ племени» (3), и въ вѣчныхъ памятяхъ также: «и ты бѣ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни въ племени, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ», или же: «чтобъ ни въ роду, ни въ племени, ни въ крестномъ братствѣ, ни третьимъ бракомъ» (4). — Здѣсь ясно видно, что если бы племя имѣло болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію г. Соловьева, есть отдѣлъ рода), то не нужно было бы его и упоминать; достаточно было сказать: «въ роду»; но здѣсь упомянуть родъ и сверхъ того упомянуто, *послѣ* рода, племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе: поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени. Гдѣ же оканчивался родъ?—Тамъ, гдѣ начиналось племя; а племя начиналось близко: дѣти брата или сестры уже были *племянниками*. Въ Русскихъ пѣсняхъ тетка называетъ племянницу: ты послушай, мое племечко (5). Итакъ это слово «племя»

(1) Ист. Росс. Сергія Соловьена, стр. 46

(2) Тамъ же, стр. 46.

(3) А. Н. Т. I. стр. 274.

(4) А. Юр. стр. 425.

(5) Вѣтъ Русск. Нар. Терещенки, ч. II, стр. 176.

опредѣляетъ границы рода, границы семейныя, въ отношеніи ихъ къ другому родственному роду, какъ къ родственной семьѣ. — Особеннаго родоваго какого нибудь значенія племя у насъ не имѣетъ, и самое слово встрѣчается не часто, такъ что не на немъ основано знаніе родоваго быта нашими учеными.

Мы полагаемъ (на основаніи вышеприведенныхъ доказательствъ), что *родъ* въ собственномъ, опредѣленномъ значеніи значитъ *семью*. Какоже же значеніе имѣетъ слово: семья? Мы думаемъ (также какъ и г. Соловьевъ), что семья происходитъ отъ соиматься, но выводимъ изъ этого словопроизводства не значеніе супруга и супруги (какъ выводитъ онъ (1)), а другое. По мнѣнію нашему, семья, происходя отъ соимать, соиматься, согласно и съ другими подобными производствами, означаетъ *союзъ*, *соймъ*, *сеймъ*, *сиемъ*. — Это слово ясно указываетъ на общинный характеръ, который имѣла у насъ семья; оно выражаетъ такъ ощутительно общинную сторону семьи. — Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ изъ Судебника Іоанна IV употребленіе слова: семья: «и въ обыскахъ многіе люди лгутъ семьями и заговоры великими»; также: «чтобъ семьями и заговоры стакався въ обыскахъ, не по дѣломъ не говорили»; также: «кто семьями и заговоры въ обыскахъ говорятъ неправду»; — также: «и не учнутъ къ Государю на тѣ семьи и заговоры отписывати» (2). — Здѣсь семья поставлена рядомъ съ заговоромъ: очевидно семья употреблена въ значеніи согласія, стачки, союза; въ подтвержденіе этому, въ одномъ изъ списковъ Судебника, поставлено вмѣсто семьи — *артели*. Археографическая комиссія ставитъ подлѣ этого слова знакъ вопроса; но, по нашему мнѣнію, такое замѣненіе вполне понятно и многое объясняетъ. — Примѣры, нами приведенные, кажется, достаточно подтверждаютъ то, что семья означаетъ собраніе, сеймъ или соймъ, выражая такимъ образомъ общинную

(1) Ист. Русск. Сергѣя Соловьева, примѣч. 47. — Г. Соловьевъ говоритъ: семья (отъ со-имамъ) означала первоначально жену, супругу (со-пряганъ, со-имамъ), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьяца твоя такая-то; семьяниться значило соединяться: въ крестоприводныхъ записяхъ полагается обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя.

(2) А. И. Т. I, стр. 254, 256.

свою сторону, что такъ согласно со всѣми извѣстіями, приведенными выше (1).

Мы, думаемъ, достаточно привели опроверженій родовому быту у Славянъ указаніями на быть семейный въ особенности, и на быть общинный. Считаемъ нужнымъ присоединить здѣсь еще нѣкоторыя указанія собственно на быть общинный.

Изъ прежнихъ свидѣтельствъ древнихъ, изъ суда Любуши, даже отчасти изъ устройства самой семьи, — видѣли мы быть общественный, видѣли народную общину, имѣющую самостоятельный, свободный голосъ. Но вотъ еще примѣры.

Кѣмъ призываются Варяги? Въ лѣтописи говорится просто: «рѣша Руси, Чюдь, Словѣни и Кривичи» (2). Собственные названія племенъ или гражданъ означаютъ обыкновенно въ лѣтописяхъ народъ. Такъ Кыяне значить народъ Кіевскій, Новгородцы — народъ Новгородскій и т. д. Здѣсь видимъ названія племенъ и имѣемъ полное право предположить тотъ же смыслъ; ни о старѣйшинахъ, ни о старцахъ нѣтъ ни слова. Слѣдовательно, призваніе Рюрика было дѣйствиємъ народной воли. Это заставляетъ предполагать быть народный, общинный. — Самое призваніе князя, особенно же племенами, даже чужеродными (Славяне, Чудь), устраняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ гражданскій, государственный и сознательный. Не объясняемъ здѣсь его причины и ограничиваемся тѣмъ, что прямо нужно для нашихъ доказательствъ.

Въ договорѣ съ Греками Олега, еще виднѣе въ договорѣ Игоря, высказывается вполне общинное устройство, котораго вдругъ завести нельзя. Не желая повторять что было напечатано, мы отсылаемъ читателей къ статьѣ нашей объ изгояхъ, гдѣ договоры эти изложены довольно подробно (3). Въ этихъ договорахъ посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и отъ всей земли. Быть вполне общественный. — Это то же явленіе,

(1) Также объясняемъ мы и употребленіе слова въ крестоприводныхъ записяхъ—семьянѣсь, которое в г. Соловьевѣ объясняется словомъ соединѣться. Названіе же жены семейшею есть не уменьшительная, а личная форма (причѣтровъ можно найти много) и конечно могло относиться къ женѣ, соединенной съ мужемъ узами брака, началомъ семьи: припомнимъ слово: *семьянѣсь*.

(2) Полн. Собр. Р. Лѣт. Т. I, стр. 8.

(3) Моск. Вѣдом. 1850 г. № 97.

какое мы видимъ и впоследствии, и которое приняло образъ Земской Думы, Земскаго Собора. Въ договорахъ этихъ выступаетъ значеніе всей Земли, всего народа. Такое общественное устройство основано уже вовсе не на родовомъ началѣ, даже прямо противорѣчить ему.

Игорь бралъ дань съ Древянъ; онъ не владелъ ими, ибо у нихъ былъ свой князь Малъ. Тѣмъ лучше для изслѣдованія; быть Славянскій у Древянъ долженъ былъ соблюдаться въ своемъ собственномъ видѣ. Какой же онъ былъ? Посмотримъ. Игорь, захотѣвъ взять дани больше, идетъ къ Древянамъ, собираетъ съ нихъ дань, наконецъ идетъ къ нимъ опять за тѣмъ же. *Древяне, сдумавши съ княземъ своимъ Маломъ* (а не князь Малъ самъ по себѣ), и не вида конца насилія, убиваютъ Игоря. — Послѣ этого опять *Древяне* (то есть народъ) говорятъ: возьмемъ Ольгу за нашего князя Мала. — Любопытно здѣсь, что и позднѣе встрѣчаемъ совершенно подобное обстоятельство: Новгородцы женятъ своего князя: «о жениша Новгородци Мстислава Гюргевича и пояша занъ Петровну Михаиловича» (1). — *Древяне* же посылаютъ лучшихъ мужей къ Ольгѣ. — Мужи эти, пришедши къ Ольгѣ, говорятъ: «посла ны *Деревьска земля*» (2). — Это выраженіе вполне ясно. — Очевидно также, что посланы они не отъ одного города Изкоростѣня, а отъ всей земли Древянской, ибо потомъ война была со всѣми Древянами; а это видно изъ того, что впоследствии говорится объ усмирении всѣхъ другихъ Древянъ, кромѣ Изкоростѣня, который боится не за предложеніе замужства, а за убійство Игоря, совершенное только имъ однимъ. — Князь Малъ вѣроятно былъ общимъ княземъ Древянскимъ; вся Древянская земля проситъ за него. Правда, въ лѣтописи Древяне говорятъ Ольгѣ: «ваши князи добри суть» (3); но это, кажется, не слѣдуетъ принимать въ томъ смыслѣ, чтобы у нихъ современно были многіе князья, — а что Древянскіе князья бываютъ всегда (живутъ) добры; все равно, какъ Русскій при Феодорѣ Ивановичѣ могъ выразиться вообще: у насъ цари добрые. — Ольга, совершивъ месть надъ первыми послами, требуетъ новыхъ,

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I. стр. 148.

(2) Тамъ же, стр. 24.

(3) Тамъ же, стр. 24.

почетныхъ; и ваче, говоритъ она, не пустать меня люди Кіевскіе. «Се слышавше Древяне, избраша лучшіе мужи, иже деръжаху Деревьску землю» (1) и послали къ Ольгѣ, которая совершила мечь надъ ними. Изъ всего этого разсказа видимъ, что на первомъ планѣ дѣйствуютъ и распоряжаются Древяне, народъ. Они *думаютъ* съ княземъ своимъ Маломъ; они рѣшаютъ женить его на Ольгѣ; они опять посылаютъ лучшихъ мужей, наконецъ такихъ, которые держали Древянскую землю. Посольство правится отъ *Древянской земли*. Мы видимъ, что у Древянъ были и лучшіе мужи, и державіише Древянскую землю, вѣроятно старѣйшины, о которыхъ упоминается ниже. Но мы видимъ также, что не эти лучшіе мужи, не эти старѣйшины распоряжаются и посылаютъ пословъ, а напротивъ ими распоряжается, ихъ посылаетъ народъ. Выше лучшихъ мужей, выше старѣйшинъ, выше и князя Мала, о которомъ потомъ не говорится ни слова, стоятъ Древяне, народъ. Старѣйшины у Древянъ вѣроятно были власти выборныя. надъ которыми (какъ ясно это изъ разсказа) была власть всей Земли. — И такъ Древянскій бытъ есть бытъ чисто общинный; а конечно это — бытъ еще до-Рюриковскій.

Когда Святославъ жилъ въ Переяславлѣ, и Кіевъ едва былъ спасенъ воеводою Претичемъ отъ Печенѣговъ, Кіевляне посылаютъ сказать ему, что онъ бросилъ свою землю и шцетъ чужой, напоминаютъ ему о матери его и дѣтяхъ, о семейныхъ его обязанностяхъ (2). Нечего и говорить, что тутъ между княземъ и народомъ не было никакихъ родовыхъ или патріархальныхъ отношений. Съ этимъ согласится, можетъ быть, и г. Соловьевъ; и онъ думаетъ, что родовой бытъ слабѣетъ послѣ призванія Рюрика. Одинъ г. Кавелинъ видитъ его въ Россіи до Петра Перваго!!! Это мѣсто изъ лѣтописи о Святославѣ приведемъ мы для того, чтобы указать на голосъ народный, поднимающійся и въ этомъ случаѣ.

Святославъ, послѣ Ольги, рѣшаясь, какъ кажется, переѣхать въ Переяславецъ, сажаетъ въ Кіевѣ Ярополка, а Олега у Древянъ, — «въ Деревѣхъ» — какъ сказано. Въ это время приходятъ Новгородцы и просятъ себѣ князя съ угрозою: «если вы не

(1) Тамъ же, стр. 24.

(2) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. I, стр. 28.

пойдете, говорятъ они, мы найдемъ себѣ князя.» Такая рѣчь отзывается устройствомъ общественнымъ, народнымъ, вѣчевымъ, которое скоро и по лѣтописямъ обозначилось ярко въ Новгородѣ. — «Если поидеть кто къ вамъ» — отвѣчаетъ Новгородцамъ Святославъ. Ярополкъ и Олегъ отказываются. «Дай намъ Владиміра,» говорятъ Новгородцы. «Вотъ онъ вамъ,» отвѣчаетъ Святославъ. Новгородцы берутъ Владиміра и уходятъ (1). Видно здѣсь, между прочимъ, что идти въ Новгородъ для князей было очень заманчиво.

Мы не знаемъ вполне, въ какихъ отношеніяхъ находился Новгородъ къ князьямъ Киевскимъ при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ. Черезъ четыре года своего княженія, Олегъ выѣхалъ изъ Новгорода и направился къ югу. Что значить выѣздъ? Если вспомнимъ свидѣтельство Никоповской лѣтописи о волненіяхъ Новгородцевъ при Рюрикѣ, о Вадимѣ, если припомнимъ въ позднѣйшія времена независимый духъ Новгородцевъ, то невольно думается, что Олегъ *принужденъ* былъ оставить Новгородъ, что и ему было сказано: путь чистъ! кланяемся тебѣ! — Правда, Олегъ собралъ цѣлое войско, въ которомъ были и *Словене* (конечно Новгородцы), но, уходя безъ брани, по взаимному соглашенію, онъ могъ ихъ имѣть въ войскѣ. Во всякомъ случаѣ, уходя изъ Новгорода, Олегъ, кажется, не думалъ возвращаться, ибо взялъ съ собою малолѣтняго Игоря. — Русь оставила Новгородъ и перешла на югъ; туда перенесла она свое мѣстопробываніе и свое имя. Замѣчательно, что Несторъ, послѣ занятія Олегомъ Киева, повторяетъ вновь: «бѣша у него Варязи и *Словѣни* и прочи, прозвашася Русью» (2). Отсюда понятно, почему южная Россія преимущественно называлась Русью: туда съ Сѣвера перешла призванная Русь и тамъ утвердилась дѣятельность Русскихъ князей. Въ началѣ, впрочемъ, названія Русская земля и Русскій князь, кажется, имѣли значеніе тѣсное, то есть, означали Киевскую землю и Киевскаго князя. Древляне говорятъ про Игоря: «се князя убихомъ Рускаго» (3), отдѣляя такимъ образомъ себя отъ Руси. Встрѣчаемъ также въ лѣтописи мѣсто: «Поляне, яже

(1) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. 1, стр. 10.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же, стр. 23.

нынѣ зовомая Русь» (1). Какая бы ни была причина, по которой вышелъ Олегъ изъ Новгорода, остается тотъ же фактъ, что Русь перешла на югъ. Но Новгородъ не разрывалъ общенія съ Русью, имъ первымъ призванною, и съ южными Славянами. Отношенія его къ князю лишь опредѣлились иначе. Несторъ говоритъ, что онъ платилъ дань Варягамъ, ежегодно, по установленію Олега, 300 гривенъ, *мира дѣля* (2) (300) — вѣроятно ошибка, ибо лѣтопись говоритъ, что эту дань платили до смерти Ярослава, а при Ярославі, сказано, не 300, а 3000, съ распредѣленіемъ, кому именно). Что значить *мира дѣля*? — Для того ли, чтобы Варяги защищали Новгородъ, составляли его дружину и берегли его миръ? — Но такое объясненіе, кажется намъ, нѣсколько натянуто; такого сложнаго понятія не можетъ высказывать это выраженіе. Кажется, проще понять, что Новгородцы платили эту сумму или для союза (мира) съ Олегомъ, или для мира, чтобы сохранять миръ, то есть, чтобы имъ самимъ жить въ мирѣ, съ кѣмъ? — конечно съ Олегомъ, который ихъ оставлялъ въ покоѣ. Слѣдующее мѣсто въ лѣтописи очевидно относится сюда: «Ярославу же сущу Новгородѣ и урокомъ дающею Киеву двѣ тысящи гривенѣ отъ года до года, а тысящу Новгородѣ гридемъ раздаваху; а тако даяху посадници Новгородстѣи, а Ярославъ поча сего не даяти Киеву (3)». И такъ эта дань продолжалась до Ярослава. Мы видимъ здѣсь дань только Киеву и гридемъ. Кто же были гриди? Дружина княжеская. Съ тѣхъ поръ, какъ Новгородцы имѣли своего князя, треть дани шла на его дружину, а двѣ трети шли въ Кіевъ (какъ и прежде, конечно), и такимъ образомъ выходила вся сумма — 3000. — Вѣроятно, мысль, что съ присутствіемъ князя нѣтъ никакой надобности платить дань въ Кіевъ, была причиною отказа Ярослава платить дань. Въ этомъ отказѣ очень естественно предположить участіе Новгородцевъ. — Кромѣ этого отношенія дани къ Кіевскому князю или къ Кіеву, мы видимъ, что въ Новгородѣ сидѣли посадники; кѣмъ выбирались они — трудно рѣшить. Мы знаемъ, что потомъ они иногда ставились княземъ, иногда народомъ. Конечно посадники, во всякомъ слу-

(1) Тамъ же, стр. 11.

(2) Тамъ же, стр. 10.

(3) Тамъ же, стр. 56.

чаѣ, менѣе могли стѣснять Новгородцевъ. При Святославѣ, на-
скупивъ быть съ посадниками, Новгородцы захотѣли себѣ сво-
его князя, и взяли Владиміра. — Все это устройство и всѣ эти
отношенія Новгорода не имѣютъ въ себѣ и признаковъ быта
родоваго.

Но чѣмъ далѣе подвигаемся и чѣмъ подробнѣе лѣтописи, тѣмъ
яснѣе и сильнѣе является устройство общины и вѣча. Приведемъ
нѣсколько примѣровъ.

При Изяславѣ I мы слышимъ уже громкій голосъ общины въ
Кіевѣ. — Въ 1067 году, когда Изяславъ со Всеволодомъ, разбитые
Половцами, прибѣжали въ Кіевъ, Кіевляне собрали вѣче на пло-
щади и послали сказать князю: Половцы разстѣялись по землѣ;
дай, князь, намъ оружья; мы еще хотимъ съ ними биться. —
Изяславъ не послушалъ. Народъ освободилъ заключеннаго Все-
слава и поставилъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ (1).

Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали къ Олегу ска-
зать: «пойди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьтѣи земли предъ
епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и
предъ людьми градъскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю
отъ поганыхъ» (2). — Устройство общественное ясно видно въ
этихъ словахъ. Позднѣе является оно, какъ Земская Дума, Зем-
скій Соборъ.

Въ 1097 году Святополкъ, заключивъ Василько въ оковы, не
рѣшается самъ сдѣлать надъ нимъ зла, но созываетъ на совѣтъ
бояръ и Кіевлянъ, и объявляетъ имъ объ умыслахъ Василька на
него, сообщенныхъ ему Давидомъ. Бояре и народъ сказали: тебѣ,
князь, прилично заботиться о головѣ своей; если Давидъ сказалъ
правду, то пусть Василько приметъ наказанье; если Давидъ ска-
залъ неправду, то пусть приметъ мечь отъ Бога и отвѣчаетъ
передъ Богомъ (3). Этотъ осторожный отвѣтъ принялъ Свято-
полкъ за позволеніе на злодѣйство, совершенное имъ надъ Ва-
силькомъ.

Въ томъ же году, когда Володаръ и Василько осадили Давида
во Владимірѣ (на югѣ), они послали сказать, не Давиду, а Вла-

(1) Тамъ же, стр. 73, 74.

(2) Тамъ же, стр. 98.

(3) Тамъ же, стр. 110.

дми́рцама: мы пришли не на городъ вашъ и не на васъ, а на враговъ нашихъ, наушниковъ Давида; если вы за нихъ хотите биться, —мы готовы; или выдайте намъ нашихъ враговъ. «Граждане же се слышавъ, созваша вѣче», и сказали Давиду: выдай этихъ мужей, не бьемся за нихъ; за тебя биться можемъ: если же не выдашь ихъ, то отворимъ ворота города, а самъ промышляй о себѣ, «и неволя бысть выдати я.» Давидъ хотѣлъ было хитростию скрыть наушниковъ и выслалъ ихъ въ Луцкъ; одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ Кіевъ, другіе воротились въ Турійскъ. «И слышаша люде, яко Турійскѣ суть, клпкнуша люде (народъ) на Давида и рекоша: выдай кого ти хотять,» если итъ, то отворимъ городъ. Давидъ выдалъ наушниковъ (1).

Въ 1146 году, послѣ брата своего Всеволода Ольговича, Игорь сталъ княземъ Кіевскимъ. «И неугоденъ бысть Кіяномъ Игорь, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: поиди, княже, къ намъ, хотимъ тебѣ.» Изяславъ двинулся къ Кіеву; на дорогѣ къ нему пришли Черные Клобуки и все Поросье и сказали: ты нашъ князь; не хотимъ Ольговичей; ступай скорѣе, а мы съ тобою. Потомъ пришли Бѣлгородцы и Васплевцы съ такими же словами: иди! Ты нашъ князь, не хотимъ Ольговичей. Наконецъ пріѣхали мужи (выборные) отъ Кіевлянъ и сказали: ты папѣ князь—иди! Не хотимъ Ольговичей; *не хотимъ быть какъ бы въ наслѣдствѣ* (доставаться какъ бы по наслѣдству); гдѣ увидимъ твой стягъ, тутъ и мы съ тобою готовы.—Въ 1147 году Изяславъ побѣдилъ Игоря и сталъ Кіевскимъ княземъ.—Собираясь съ Ольговичами идти на своего дядю, Георгія, Изяславъ созвалъ бояръ, всю свою дружину и Кіевлянъ, и сказалъ имъ: я уладился съ своею братьею, съ Владиміромъ и съ Изяславомъ Давидовичами и съ Святославомъ Всеволодовичемъ: хотимъ идти на Юрья, на своего дядю, и на Святослава, къ Суздаю, потому что Юрій принялъ къ себѣ врага моего Святослава Ольговича; а братъ Ростиславъ тамъ соединится съ нами; онъ идетъ ко мнѣ съ Смольянами и Новгородцами.—Кіевляне, выслушавъ, сказали: Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего; лучше какънибудь съ нимъ уладся; не вѣрь Ольговичамъ и не ходи съ ними въ путь.—Изяславъ сказалъ народу: они цѣловали ко мнѣ крестъ;

(1) Тамъ же, стр. 113—114.

я думалъ съ ними думу, и никакъ этого пути не хочу отложить; а вы поспѣшайте. — Кіевляне отвѣчали: Князь! Ты на насъ не гнѣвайся; мы не можемъ поднять руки на Володимірово племя (1); если на Ольговичей, то готовы хоть и съ дѣтьми. — И такъ Кіевляне отказали Изяславу. Изяславъ пошелъ въ путь съ Ольговичами, скоро узналъ ихъ измѣну, отложилъ походъ и послалъ двухъ пословъ, Добрынку и Радла, въ Кіевъ къ брату Владиміру, къ митрополиту Климму, къ тысяцкому Лазарю, и велѣлъ имъ сказать: созовите всѣхъ Кіевлянъ на дворъ къ Святой Софіи; пусть мои послы молвятъ рѣчь мою къ нимъ и скажутъ леств (предательство) Черниговскихъ князей. — Владиміръ поѣхалъ къ митрополиту и позвалъ Кіевлянъ. Кіевляне сошлись всѣ, отъ мала и до велика, къ Святой Софіи на дворъ, составили вѣче, и сѣде. — Владиміръ сказалъ митрополиту: братъ мой прислалъ двухъ мужей Кіевскихъ, чтобы они повѣдали братьѣ своей. — Добрынка и Радло выступили и сказали: братъ тебя (Владиміра) цѣлуешь, кланяется митрополиту; цѣлуешь Лазаря и всѣхъ Кіевлянъ. — Кіевляне сказали: молвите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ. — Послы сказали: такъ говоритъ князь: я объявлялъ вамъ, что думалъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Володиміромъ и съ Изяславомъ Давидовичами пойдти на дядю своего, на Юрья, — и звалъ васъ съ собою. Вы мнѣ сказали: не можемъ поднять руки на племя Володимірово, на Юрья; но если на Ольговичей, то хоть и съ дѣтьми идемъ съ тобою. Теперь я объявляю вамъ: Владиміръ Давидовичъ и Изяславъ, и Всеволодовичъ Святославъ, которому я много сдѣлалъ добра, цѣловали ко мнѣ крестъ; нынѣ же тайно отъ меня цѣловали крестъ къ Святославу Ольговичу и послались къ Юрью, а надо мною учинили измѣну, хотѣли меня или взять или убить за Игоря, но меня защитилъ Богъ я крестъ честный. Теперь же братья Кіевляне! чего хотѣли, чѣмъ мнѣ общалась — исполните; идите по мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, поспѣшайте отъ мала и до велика: у кого конь — на конѣ; у кого пѣтъ коня — въ ладьѣ. Они не меня одного хотѣли убить, но и васъ искоренить. — Кіевляне сказали: мы рады, что Богъ избавилъ намъ тебя отъ великой измѣны, братью нашу (и братью

(1) Юрій былъ сынъ Владиміра Мономаха.

нашу ?); идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты хочешь (1). — Любопытный въ высшей степени разсказъ этотъ передали мы почти слово въ слово изъ лѣтописи, пользуясь спискомъ Ипатьевскимъ и Лаврентьевскимъ, отступая отъ буквальной вѣрности тамъ, гдѣ требовалъ этого современный языкъ.

Кіевляне не хотятъ поднять руки на племя Володимира Мономаха. Здѣсь нѣтъ никакого вопроса о родовыхъ правахъ. Мономахъ былъ младшая линія ; но онъ былъ любимъ народомъ , и изъ уваженіи къ нему они не хотятъ драться съ его сыномъ. Къ племени Мономахову принадлежалъ и Изяславъ Мстиславичъ: онъ былъ ввукъ Мономаха (2). Здѣсь нѣтъ нисколько вопроса о княжескихъ правахъ, ибо княземъ Кіевляне признаютъ себя Изяслава, и не хотятъ только драться, поднимать руки на Юрія. Въ доказательство, что здѣсь не было и мысли о старшинствѣ Юрія предъ Изяславомъ, мы приводимъ, что, когда Вячеславъ, старшій братъ Юрія, которому, по сознанию и самого Юрія и Изяслава, принадлежало старшинство , съѣлъ въ Кіевѣ въ то время, какъ владѣвшій имъ на тотъ разъ Юрій выѣхалъ изъ него, — Кіевляне говорятъ Изяславу: «Гюрги вышелъ изъ Кіева , а Вячеславъ сѣдять ти въ Кіевѣ; а мы его не хотимъ» (3).

Изяславъ призвалъ потомъ самъ въ Кіевъ Вячеслава, назвалъ его отцомъ и всю жизнь почиталъ его, какъ отца. На дѣлѣ княземъ Кіевскимъ былъ Изяславъ, но Вячеславу онъ оказывалъ постоянно сыновнее почтеніе. Кіевляне радовались такимъ согласнымъ и уважительнымъ отношеніямъ. Изяславъ Мстиславичъ умеръ въ Кіевѣ 1154 года. «И посадиша въ Кіевѣ Ростислава Кіане, рекуче ему: якоже братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такоже и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой» (4). Здѣсь народъ распоряжается Кіевскимъ княжествомъ.

Ростиславъ былъ братъ Изяслава, наиболѣе имъ любимый. Онъ сталъ къ Вячеславу совершенно въ отношенія брата своего Изяслава. Скорс Ростиславъ долженъ былъ идти противъ Юрія. Въ

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 130—137.—Тамъ же, Т. II, 23—33.

(2) Здѣсь употреблено слово: племя; очевидно, что здѣсь Кіевляне говорятъ не о дѣтяхъ только, не о семьѣ Мономаха; напротивъ расширяютъ понятіе семьи или рода и потому употребляютъ слово: племя.

(3) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. II, стр. 49.

(4) Тамъ же, Т. II, стр. 75.

полки пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ въ Кіевѣ. Ростиславъ поскакалъ въ Кіевъ, отдалъ послѣдній долгъ Вячеславу и воротился къ войску. Онъ собирался идти къ Чернигову, но мужи его не совѣтовали ему, говоря: Богъ взялъ дядю твоего, а ты съ людьми (народомъ) въ Кіевѣ еще не утвердился; поѣзжай лучше въ Кіевъ, утвердись съ народомъ. Когда придетъ на тебя дядя Юрій, послѣ того какъ ты съ народомъ утвердишься, если угодно будетъ тебѣ съ нимъ мириться,—помришься, если нѣтъ,—начнешь съ нимъ рать (1). — Этотъ совѣтъ мужей достаточно показываетъ отношеніе народа къ князьямъ.

Въ 1158 году (въ 1157 л. Л.) «сдумавши Ростовцы и Суздальцы и Володимирци вси, пояша Андрея сына Гюргева старѣйшаго и посадиша и на отни столѣ, Ростовѣ и Суздали и Володимирѣ, зане бѣ прелюбимъ всимъ за премногую его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и къ всѣмъ сущимъ подѣ нимъ» (2).

Въ 1159 г. «Выгнаша Ростовци и Суздальци Леона епископа, зае умножилъ бяше церковь, грабяй попы» (3).

Въ 1176 году Ростиславичи (Ярополкъ и Мстиславъ) княжили въ землѣ Ростовской, и стали угнетать народъ поборами, слушали бояръ, а бояре научали ихъ на многое дманіе. Князья обобрали даже церковь святой Богородицы Владимірской. Тогда Владимірцы заговорили: «мы вольно приняли къ себѣ князей (4), а они грабятъ не только волость (землю), но и церкви. А промышляйте братья!—Они послали къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, «являюще имъ свою обиду»; но тѣ по враждѣ не хотѣли под-

(1) Тамъ же, Т. II, стр. 75—76.

(2) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. II, стр.

(3) Тамъ же, Т. I, стр. 149. Т. II, стр. 89.

(4) «Мы есмь волная князя приѣли къ собѣ». (Полн. собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 159): въ другихъ спискахъ: «мы есмь волни, а князя приѣли къ собѣ», «Чтати слѣдуетъ по нашему мнѣнію: мы есмь, волни, князя приѣли къ собѣ, — Владимірцы точно приняли князей сами. У нихъ былъ князь Михалко; но на нихъ пришла Ростовская земля, привели Муромцевъ и Рязанцевъ. Ростовцы хотѣли Ростиславичей. Не терпя голода, Владимірцы рѣшились добровольно принять Ростиславичей, потому что, прибавляетъ лѣтопись, дрались Владимірцы не противъ Ростиславичей, а противъ Ростовцевъ. Рѣшившись не терпѣть больше осады, Владимірцы сказали князю Михалку: мирись, князь, или промышлай о себѣ. Михалко отвѣчалъ: вы правы; развѣ вамъ изъ-за меня гибнуть? и уѣхалъ на югъ. Владимірцы охотно приняли Ростиславичей, но они стали обирать народъ и церкви, и дѣла перемѣнились (Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 152—159).

держатъ ихъ; тогда Владимірцы вызвали опять бывшаго у нихъ прежде князя Михалко, рѣшась теперь снова на борьбу съ Ростовцами и Суздальцами. Михалко пріѣхалъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владиміромъ Святославичемъ. Ростиславичи были разбиты и бѣжали. Михалко съѣлъ княземъ во Владимірѣ, къ великой радости народа, и возвратилъ церкви Святой Богородицы имѣніе, отнятое Ярополкомъ (1).— Во всемъ разсказѣ, нами приведенномъ, дѣйствуютъ на первомъ планѣ и распоряжаются Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы.

Нѣсколькими строками ниже лѣтопись говоритъ въ высшей степени замѣчательныя и важныя слова: *Новгородци бо изначала, и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане и вся власти* (волости, земли; выше слово: власть — употреблено въ томъ же смыслѣ), *якоже на думу, на вѣча сходятся, на чтоже старѣишии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть* (2). А здѣсь, продолжаетъ лѣтопись, городъ старый Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре хотѣли поставить свою правду, не хотѣли сотворить правды Божіей, но, какъ намъ любо, сказали, такъ и сдѣлаемъ; Володиміръ — пригородъ нашъ. Но Владимірцы стали крѣпко за правду и прославлены Богомъ по всей землѣ за ихъ правду (3).— При устройствѣ народномъ цѣлыхъ волостей или земель, села и города новые, называвшіеся пригородами, соглашались съ рѣшеніемъ народнымъ, мѣсто дѣйствія котораго было въ городѣ древнемъ, гдѣ и велось оно еще до основанія новыхъ городовъ; но соглашались только въ такомъ случаѣ, когда рѣшеніе было правдиво. Кромѣ частныхъ своихъ вѣчъ, города новые и въ общемъ вопросѣ всей волости или земли (здѣсь земля Ростовской) могли отдѣляться и самостоятельно дѣйствовать, независимо отъ городовъ старыхъ (какъ въ примѣрѣ, нами приведенномъ, гдѣ за свое самостоятельное дѣйствіе Владиміръ пріобрѣтаетъ еще славу). Устройство городовъ новыхъ было, по нашему мнѣнію, совершенно одинаково съ устройствомъ городовъ старыхъ. — Слова лѣтописи, нами приведенныя, указываютъ наконецъ прямо на общинное устройство во всей Русской землѣ.

(1) Полн. Собр. Р. лѣт., Т. I, стр. 159—160.

(2) Тамъ же, стр. 160.

(3) Тамъ же, Т. I, стр. 160.

Мы приводили примѣры общиннаго устройства южныхъ и сѣверныхъ земель Русскихъ, не указывая на Новгородъ. Въ общинномъ устройствѣ Господина Государя Великаго Новгорода никто не сомнѣвался, но тѣмъ не менѣе хотимъ мы указать на замѣчательное выраженіе Новгородское. Новгородцы говорятъ при приглашаемому князю Ярославу (1228): «на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, ты нашъ князь, — или ты собѣ, а мы собѣ» (1).

Мы привели достаточно примѣровъ, доказывающихъ, что въ древней Руси было общественное, именно общинное устройство,—общинный бытъ. Здѣсь нѣтъ и мѣста родовому быту. Это общинное устройство со времени единодержавія Москвы, провозгласившей имя всей земли Русской, не уничтожилось. Изъ грамотъ мы видимъ, какъ цѣлыя волости, слободы управляются выборными людьми. Губные старосты, цѣловальники, выборные люди, присутствовавшіе на судахъ (2), — все показываетъ, что древняя основа хранилась. —Наконецъ Земскіе Соборы, созываемые царями ото всей Земли, представляли голосъ и совѣтъ всей Русской Земли, что тогда ясно чувствовалось и сознавалось. — Междупарствіе, въ теченіе котораго разлетѣлась на время государственная оболочка и обважилась *Земля*, показываетъ намъ, что она не отвыкла отъ своего устройства: безиреставныя совѣщанія народныя въ городахъ и селахъ, совѣщанія, на которыхъ, по обычаю Русскому, всѣ сословія, весь народъ принималъ участіе, — условія Земли съ воеводами-троеначальниками, наконецъ выборный отъ всей земли Русской, все это свидѣтельствуетъ, что община постоянно была и тогда *основою Русскаго общественнаго устройства*. Въ посольствѣ къ Пожарскому князь Оболенскій указываетъ на то, что князь Шуйскій былъ выбранъ на всею Землею (3). Позднѣе, послѣ избранія всею Землею Михаила Феодоровича, въ наказѣ посламъ къ Императору Австрійскому сказано, что ни у кого и въ мысляхъ не бывало выбирать брата его на Россійскій престолъ, высказано сомнѣніе, чтобы князь

(1) Тамъ же, Т. III, стр. 44.

(2) Судебникъ Іоанна IV. А безъ старости, и безъ цѣловальниковъ суда не судите
А. II. Т. II, стр. 236.

(3) А. А. Э. Т. II, стр. 267.

Пожарскій сдѣлалъ это предложеніе, говорится, что развѣ онъ это сдѣлалъ безъ совѣту всей Земли, и прибавляется: «а то вѣзднымъ людямъ можно и самимъ разумѣти, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей земли не дѣлается» (1).

Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе:

Русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, — наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля.

---

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. III, стр. 68.

ПО ПОВОДУ VI ТОМА
ИСТОРИИ РОССИИ, Г. СОЛОВЬЕВА (*).

Передъ нами шестой томъ Исторіи Россіи, сочиненіе даровитаго и трудолюбиваго Московскаго профессора. Предлежащій томъ заключаетъ въ себѣ въ высшей степени важную и замѣчательную эпоху вашей исторіи. Содержаніе этого тома—Іоаннъ IV.

Мы прочли съ величайшимъ любопытствомъ новое сочиненіе г. Соловьева, и выскажемъ наше мнѣніе съ тою откровенностью и правдою, на которыя имѣетъ право добросовѣстный, съ любовью и убѣжденіемъ совершенный трудъ, не нуждающійся въ списожденіи, въ умышленномъ поощреніи или ободреніи. Мы надѣемся, что уважаемый нами сочинитель выслушаетъ безъ неудовольствія наши замѣчанія, возраженія и предположенія, дѣлаемыя нами изъ единаго побужденія: достигнуть истины въ пониманіи исторіи нашего отечества, нашей Россіи, доселѣ стоящей загадкою среди остальныхъ народовъ человѣчества.

Останавливаемся прежде всего на самомъ построеніи или историческомъ расположеніи VI тома. Сочинитель раздѣлилъ свою исторію царствованія Іоанна IV—на VI главъ, Иносящихъ названія: I. Правленіе Великой Княгини Елены, II. Правленіе боярсвое. III. Казань, Астрахань, Ливонія. IV. Опричнина. V. Полоцкь. VI. Стефанъ Баторій. VII. Строгановы и Ермакъ. — Глава о внутреннемъ состояніи Русскаго общества во времена Іоанна IV назначена для VIII-го тома. Такимъ образомъ г. Соловьевъ выбралъ главные минуты изъ государственной жизни Іоанна и въ этихъ семи главахъ разсказалъ о нихъ подробно, —но за то это самое лишило

(*) Напечатано въ IV томѣ Р. Бесѣды 1856 года, съ нѣкоторыми пропусками, здѣсь вновь вставленными. *Пр. изд.*

цѣлости и полноты весь рассказъ. Вышло прекрасное историческое сочиненіе о царствованіи и эпохѣ Іоанна, но не исторія его царствованія и эпохи. Рядъ поименованныхъ нами главъ есть рядъ прекрасныхъ монографій, расположенныхъ хронологически, но тѣмъ не менѣе монографій, или, вѣрнѣе, изслѣдованій. Положимъ, что здѣсь схвачена сущность эпохи, но все же это будетъ не исторія, а извлеченіе изъ исторіи. Вотъ общій недостатокъ, какъ намъ кажется, самаго изложенія. Рассмотримъ подробнѣе.

Первыя двѣ главы: Правленіе В. К. Елены и Правленіе боярское, идутъ довольно последовательно; хотя и тутъ мы могли бы спросить почтеннаго автора: отъ чего продолжаетъ онъ правленіе боярское послѣ того, когда, по словамъ лѣтописи, бояре начали имѣть страхъ отъ Царя (29-го Декабря 1543), даже послѣ вѣнчанія Іоанна на царство? Впрочемъ на это можно отвѣчать тѣмъ, что авторъ считаетъ тогда только оконченнымъ правленіе боярское, когда Іоаннъ всенародно обвинилъ бояръ и сказалъ, что отнынѣ самъ будетъ распоряжаться. Такъ, здѣсь кончилось боярское правленіе, но не то боярское правленіе, которое было въ малолѣтство Іоанна и которое стоитъ въ заглавіи главы,—оно кончилось прежде, — но то боярское правленіе, которое шло отъ самого Рюрика подъ именемъ дружины; впрочемъ, сказать по правдѣ, оно не было правленіемъ: оно было совѣтомъ, получившимъ лишь вслѣдствіе обычая большой вѣсъ и значеніе. — Связь боярства и дружины очень вѣрно указана г. Соловьевымъ. Это одна изъ такихъ мыслей, которыя проливаютъ обильный историческій свѣтъ. Намъ кажется (на основаніи мысли самого г. Соловьева), что въ знаменитой рѣчи своей Іоаннъ (хотя въ ней сказано о боярахъ, властвовавшихъ во время его малолѣтства) возвѣстилъ уничтоженіе прежней власти и значенія дружины, — возвѣстилъ только: ибо черезъ тринадцать съ небольшимъ лѣтъ началъ онъ съ остатками этой, въ то же время исполненной доблестей и силъ духовныхъ, дружины ожесточенную борьбу. Этою борьбою опредѣляетъ и объясняетъ намъ г. Соловьевъ лютыя казни Іоанновы, и это объясненіе, вытекающае изъ мысли автора, выше нами упомянутой, превосходно и ярко освѣщаетъ страшную картину казней, которая, не переставая быть отвратительною и ужасною, перестаетъ быть безсмысленною.

И такъ, если въ рѣчи Іоанна дѣло идетъ вообще о боярствѣ,

съ которыми началъ борьбу еще дѣдъ его, то, намъ кажется, правленіе боярское, бывшее во время малолѣтства Іоанна, не нужно доводить до этой рѣчи. Но важности это замѣчаніе конечно не имѣетъ. — Въ III-й главѣ авторъ рассказываетъ о Казани, Астрахани и Ливоніи. Этотъ рассказъ объемлетъ время отъ 1549-го до 1560 года. Рассказъ исключительно посвященъ этимъ предметамъ (говоря объ Астрахани, авторъ говоритъ о Крымѣ, говоря о Ливоніи, говоритъ о Литвѣ): а между тѣмъ, въ теченіе этого времени было событіе великой важности, о которомъ авторъ здѣсь, въ этой главѣ, не упоминаетъ: это болѣзнь Іоанна (1553) и сопротивленіе бояръ требованію Царя цѣловать крестъ его младенцу-сыну. — Доведя повѣствованіе до 1560 и рассказавъ о утвержденіи сношеній съ Англіею, авторъ оканчиваетъ главу и начинаетъ новую. Слѣдующая глава (IV-я) носитъ наименованіе: Опричнина, и объемлетъ собою время отъ 1543 до 1574. Авторъ рассказываетъ здѣсь обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь Іоанна, говоритъ объ удаленіи Сильвестра и Адашева, объ отъѣздѣ Курбскаго, о перенискѣ его съ Царемъ и наконецъ объ учрежденіи Опричнины и о казняхъ. Вся глава эта въ особенности носитъ характеръ изслѣдованія, и изслѣдованія дѣльнаго, во изслѣдованіе—не исторія. Въ этой главѣ, вернувшись 7 лѣтъ назадъ, авторъ забѣгаетъ 14 лѣтъ впередъ. О казняхъ говорится очень кратко и неполно. Страшно, что, говоря о прибытіи Іоанна изъ опустошеннаго имъ Новгорода въ Псковъ, авторъ не говоритъ о юродивомъ Николаѣ Салосѣ, и о словахъ его Іоанну, тогда какъ это явленіе совершенно особенное, характеристическое, принадлежащее древней Россіи. О смерти Анастасіи мы впервые узнаемъ только изъ приводимыхъ авторомъ словъ Курбскаго и Іоанна. А со смертію Анастасіи совпадаетъ начало казней. Положимъ, что это случайно; но оно такъ. Сверхъ того, мы не думаемъ, чтобъ это было совершенно случайно. Іоаннъ любилъ Анастасію, это очевидно. Онъ самъ говоритъ, и слова его запечатлѣны искреннимъ и горестнымъ чувствомъ: — «А и съ женою меня вы про что разлучили? Только бы не отняли у меня юницы моея, ино бы кроновы жертвы не было.» (1) Доведши рассказъ до завѣщанія Іоаннова (прекрасно объясненнаго) и до 1574 года,

(1) Сказ. кн. Курбскаго, Ч. 2. стр. 112.

до казни знаменитаго князя Воротынскаго, авторъ оканчиваетъ главу и, начиная новую, носящую наименование: Полодкѣ, опять обращается къ войнѣ Ливонской, къ 1560 году, слѣдовательно опять назадъ за 14 лѣтъ, когда Курбскій еще бился за Россію. Въ этой главѣ авторъ рассказываетъ дѣла Ливонскія и Литовскія, дѣла Шведскія, Крымскія, доводя свой рассказъ до 1572 года. Слѣдующая глава называется: Стефанъ Баторій; въ ней авторъ рассказываетъ войну съ Баторіемъ, съ Шведами и сношенія съ Англіею, доходя до 1584 года. — Посвящая исключительно рассказъ свой этимъ событіямъ, авторъ опять не говоритъ о томъ, что дѣлалось тогда внутри Государства, и помѣщаетъ между словъ, мимоходомъ, такія извѣстія, которыя для читателя должны быть непонятны. Такъ, начавъ говорить о сношеніяхъ Іоанна съ Елисаветой, съ цѣлію жениться на ея родственницѣ, авторъ говоритъ въ скобкахъ, что Іоаннъ былъ женатъ въ пятой или седьмой разъ. Читатель знаетъ лишь объ Анастасіи, первой женѣ, и ничѣмъ не приготовленный къ такому многоженству (ибо рассказъ касался лишь свирѣпостей Іоанна), непременно долженъ изумиться. Точно также изумляется читатель, знавшій мимоходомъ изъ рассказа автора, что у Іоанна два сына: Иванъ (старшій) и Ѳеодоръ, — точно также изумляется, читая, что посолъ нашъ въ Англію, говоря о сватовствѣ, долженъ былъ объявить, что наследникомъ Государства будетъ царевичъ Ѳеодоръ. Куда же дѣвался Иванъ? Любопытство и недоумѣніе читателя возбуждено; но онъ долженъ подождать до конца книги. Слѣдующая глава, VII-я, посвящена завоеванію Сибири и называется: Строгановы и Ермакъ. Здѣсь рассказъ идетъ о событіяхъ съ 1581 до 1584 года: авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ временъ, болѣе отдаленныхъ, что совершенно естественно: здѣсь объясняется происшествіе отдѣльное; рассказъ же о самомъ происшествіи хронологически почти примыкаетъ къ предыдущему рассказу. Доведя свое повѣствованіе до 1584 года, до грамоты Царя къ Строгановымъ касательно князя Семена Болховскаго, отправляемаго въ Сибирь, авторъ приводитъ самую грамоту и прибавляетъ: «это распоряженіе Іоанна относительно Сибири было послѣднее: онъ не дождался вѣстей ни о судьбѣ Болховскаго, ни о судьбѣ Ермака.» Послѣ того авторъ говоритъ о самомъ Іоаннѣ, о его женитьбахъ, объ убійствѣ имъ сына и наконецъ о его смерти. Затѣмъ авторъ говоритъ объ Іоаннѣ, какъ

лицѣ, и объясняетъ его исторически. Описаніе Іоанна оканчиваетъ авторъ описаніемъ его наружности и привычекъ.

Такимъ образомъ, изъ одного уже расположенія исторіи видно, что это скорѣе монографія или лучше историческія изслѣдованія объ Іоаннѣ Грозномъ и его эпохѣ, а не исторія. О многихъ событіяхъ сказано вскользь, мимоходомъ; между прочимъ, о ереси Матвѣя Башкина и игумена Артемія. О Стоглавомъ Соборѣ почти и не упомянуто; о Судебникѣ не упомянуто вовсе. Быть можетъ, все это еще будетъ въ обѣщанной главѣ: о внутреннемъ состояніи Русскаго общества. Но такія явленія, какъ Стоглавъ и Судебникъ, кажутся намъ явленіями, занимающими мѣсто наравнѣ съ *событіями*, слѣдовательно должны были найти мѣсто въ VI-мъ томѣ. Скажутъ можетъ быть: въ нихъ уже проявляется внутреннее состояніе общества. Да вѣдь оно проявляется и во всемъ; а явленія, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ къ жизни государственной, внѣшней, повѣствовательной. Но еслибы это были явленія чисто внутреннія, то и тогда, рассказывая всю повѣсть царствованія Іоанна, какъ не упомянуть о нихъ? Вѣдь рассказъ долженъ быть полонъ, изобразителенъ; а можетъ ли онъ быть такимъ, если изъ него выпущены такія важныя явленія, какъ Стоглавъ и Судебникъ? Если ужъ относить ихъ къ внутреннему состоянію общества, то, упоминая о нихъ вообще между событіями историческими, потомъ можно было бы сказать о нихъ подробно.—Самое изложеніе автора принимаетъ часто характеръ изслѣдованія, и факты приводятся, какъ примѣръ или подтвержденіе.—Наконецъ, чиселъ такъ мало, что въ нихъ, при чтеніи, безпрестанно чувствуешь недостатокъ. Нельзя же помнить всѣ числа самому.

Самый слогъ исторіи какъ-то неровенъ, какъ-то перфшителенъ; онъ постоянно колеблется между строемъ древней Русской рѣчи и выработанною, современною, насыщеною прозою. — Мѣстами, когда авторъ одушевляется, слогъ становится выразителенъ, живописенъ и силенъ.—Причина такой двойственности или шаткости слога заключается, кажется намъ, въ томъ же: то есть, въ томъ, что сочиненіе автора не исторія, а изслѣдованіе, изысканіе, исполненное напряженнаго вниманія къ изслѣдуемому предмету; понятно, что здѣсь слогъ, то передаетъ рѣчь изслѣдуемыхъ источниковъ, то становится слогомъ обиходнымъ, безцвѣтнымъ,

нужнымъ только, чтобы заявить ту или другую мысль, то или другое соображеніе. Мѣстами, когда цѣльная историческая картина увлекаетъ автора, то и слогъ становится цѣленъ, живъ и одушевленъ; этотъ живой слогъ уже знакомъ намъ по нѣкоторымъ прежнимъ сочиненіямъ г. Соловьева. — Но въ то же время мы благодарны г. Соловьеву за то, что онъ, въ слогъ своемъ, на дѣлѣ показываесть возможность перенесенія, въ нѣкоторой степени, старой древней Русской письменной рѣчи въ нашу современную письменную рѣчь, возможность пользоваться ею и слѣдовательно обогащаться новымъ притокомъ свѣжаго, спльнаго слова.

Читатель, самъ хорошо знающій Русскую исторію, или по крайней мѣрѣ знающій ее, какъ послѣдовательный и совокупный ходъ событій, прочтетъ съ большимъ удовольствіемъ и съ пользою VI-й томъ «Исторіи Россіи». Но читатель, который не имѣетъ предварительныхъ свѣдѣній объ эпохѣ Іоанна, рѣшительно потерится въ этомъ томѣ; для него будетъ многое печально, многое неясно, неполно, непонятно, и наконецъ у него не останется въ памяти ни связнаго, послѣдовательнаго хода событій, ни полной, цѣльной картины всего царствованія, а одни прекрасные этюды.

Но можетъ быть спросить насъ, какъ же различить историческое изслѣдованіе отъ исторіи?

Не думаемъ, чтобы эти понятія были сбивчивы даже въ общемъ обыкновенномъ пониманіи. Но скажемъ нашу объ этомъ мысль. — Подъ исторіею понимаемъ мы непосредственное, наглядное представленіе событій въ ихъ *послѣдовательности* и въ ихъ *современности* (разумѣется, на сколько возможно этого достигнуть человѣческому слову). Не даромъ событіе является одно послѣ другаго и одно вмѣстѣ съ другимъ, хотя бы, по видимому, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не было связи между ними. Не должно парушать хода событій, какъ они были на самомъ дѣлѣ, какъ они явились на землѣ. Исторія должна уважить этотъ ходъ и взять его себѣ въ основаніе. Но одно такое изложеніе событій было бы простымъ разказомъ, повѣствованіемъ въ родѣ лѣтописи; при событіяхъ осталось бы и все случайное, преходящее, что обыкновенно сопровождаетъ ихъ. Исторія — не лѣтопись. Взявъ этотъ былевой ходъ событій, совершающихся въ случайности, исторія должна понять ихъ смыслъ и, оставивъ непркосновен-

нымъ этотъ великій ходъ, должна откинуть все случайное, ненужное, сопровождающее ходъ исторической жизни. Исторія должна освѣтить мысль этотъ ходъ событій, мысль въ нихъ же таящаяся, изъ нихъ же извлеченною, — и по возможности такъ, чтобы изъ одного изложенія ихъ видна уже была эта мысль. — И такъ исторія есть *непосредственное представлѣніе событій* (народа, человѣчества) въ ихъ естественномъ ходѣ, въ ихъ дѣйствительной былевой современности и послѣдовательности, но *представленіе, освѣщенное въ то же время мыслью*, движущею эти событія, очищенное отъ всего мгновеннаго и случайнаго (ибо среди этого дѣйствуютъ историческія идеи), затемняющаго ихъ смыслъ. Слѣдовательно элементъ художественный необходимъ въ исторіи.

Историческое изслѣдованіе есть исканіе или доказываніе мысли, выражающейся въ историческихъ событіяхъ. Историческое изслѣдованіе, по свойству своему, составляетъ совершенную противоположность безыскусственному лѣтописному разсказу. Оно не есть разсказъ событій. Напротивъ, оно обращается къ нимъ на столько, на сколько нужно для пониманія, для объясненія мысли, въ нихъ выражающейся; событія приводятся въ доказательство, въ подтвержденіе, какъ факты. Художественный элементъ вовсе не нуженъ въ историческомъ изслѣдованіи. Оно не повѣствуетъ, а ищетъ, доказываетъ, роется въ событіяхъ. — И такъ исторія и историческое изслѣдованіе двѣ вещи разныя. Историческое изслѣдованіе возможно и тогда когда еще не создалась исторія, но безъ историческаго изслѣдованія исторія создаться не можетъ. — Конечно, могутъ быть сочиненія смѣшанныя, то есть, историческое изслѣдованіе можетъ мѣшаться историческому разсказу. — Это отчасти видимъ мы мѣстами и въ сочиненіи, нами разсматриваемомъ; впрочемъ и тутъ оно принимаетъ характеръ смѣшанной съ изслѣдованіями монографіи, а не исторіи. — Основываясь на общей его характеристикѣ, мы относимъ это новое сочиненіе г. Соловьева (VI томъ Исторіи Россіи) прямо къ историческимъ изслѣдованіямъ.

Но возможна ли у насъ теперь исторія? Конечно нѣтъ. Исторія есть уже плодъ яснаго самосознанія, плодъ спокойнаго самосозерцанія. А мы еще далеки отъ того. У насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій, не болѣе. И кажется, эта пора только еще начинается. — Слишкомъ крикливо была отшвыбена у

насъ память, слишкомъ рѣшительно была разорвана нами связью съ прошедшимъ, чтобы не легло на насъ за это законнаго наказанія: непониманія жизни нашихъ предковъ, непониманія своей собственной народной жизни. Скоро ли можемъ мы добраться до самосознанія, когда и теперь требованіе народнаго или самостоятельнаго воззрѣнія кажется для многихъ непонятнымъ, а для многихъ слишкомъ гордымъ, даже дерзкимъ, ибо, по ихъ мнѣнію, выходитъ, что *намъ не должно смѣть свое сужденіе имѣть*.—И такъ устремимъ же всѣ силы наши на то, чтобы сперва разработать и понять наше прошедшее, и стать наконецъ на свои ноги, вопреки любителямъ ходить на помочахъ. А исторію писать погодимъ.—У насъ есть исторія, трудъ великій, монументальный: это Исторія Карамзина. Она принадлежитъ той ложной подражательной эпохѣ, которая, какъ ни хлопчуть объ ней защитники исключительной національности Западно-Европейской, сдвинулась съ своего мѣста и увлекается, хотя медленно, потокомъ времени. Карамзинъ *могъ* писать исторію; онъ не замѣчалъ недостатка яснаго самосознанія. Нензбѣжныя сомнѣнія, необходимыя недоумѣнія и вопросы возбуждены еще не были. Карамзинъ подъялъ огромные труды; онъ старался объяснить темныя и непонятныя *мѣста* въ исторіи; но ни сомнѣнія, ни недоумѣнія не видать въ его сочиненіи; онъ нашелъ и тонъ и слогъ для исторіи, имъ писанной.—При Исторіи Карамзина мы не можемъ остаться; но она не потеряетъ для насъ своихъ правъ на глубокую благодарность и уваженіе. Цѣна ея, можемъ сказать, будетъ возрастать съ временемъ. Сознавля общую ложность самой Исторіи, мы, кромѣ глубокаго уваженія къ великому труду, будемъ прибѣгать къ ней за указаніями, справляться съ нею въ томъ или другомъ случаѣ, и, вышедши за предѣлы ея круга, оцѣнимъ ее лучше и поблагодаримъ за нее горячѣе. Повторяемъ, Карамзинъ точно *могъ* писать исторію. Но наше время не таково. Исторія такого рода насъ удовлетворить не можетъ. Мы чувствуемъ, что почва колеблется подъ нашими ногами. Гдѣ же тутъ строить зданіе?—И такъ намъ надобно понять сперва Русскую исторію, понять самихъ себя, послѣ полуторастолѣтняго попугайства; а это не легко для насъ, отвыкшихъ жить своимъ умомъ и даже чувствовать своимъ чувствомъ. Для того, чтобы достигнуть главной цѣли: понять свою исторію и самихъ себя, — намъ необходимы

ислѣдованія , ислѣдованія и ислѣдованія.—Само собою разумѣется, что учебникъ всегда возможенъ. Возможна, можетъ быть, и монографія, скорѣе въ видѣ простаго изложенія событій.

Не знаемъ, согласенъ ли съ нами уважаемый авторъ; во всякомъ случаѣ, самая книга его согласна съ нами. Г. Соловьевъ предположилъ себѣ писать исторію, но его вѣрный историческій тактъ, но потребность современной науки Русской исторіи, потребность, имъ чувствуемая и попимая, не допустилъ его до этого и заставилъ его, *на дѣлѣ*, написать не исторію, а историческое изслѣдованіе,—и мы очень этому рады. Попытка, еслибы она осуществилась на дѣлѣ, написать исторію, попытка преждевременная, непременно была бы неудачна. Мы знаемъ, что не отъ недостатка дарованія г. Соловьевъ не написалъ намъ Русской исторіи. Изъ его лекцій, которыя удалось намъ слышать, изъ разныхъ мѣстъ его сочиненій, видимъ мы совершенно тому противное. Мы знаемъ: у него довольно историческаго художественнаго таланта для непосредственнаго представленія мыслию проникнутыхъ событій;—но эпоха не та, но не пришла еще пора для Русской исторіи, и потому г. Соловьевъ можетъ написать только историческое изслѣдованіе.

Сказавъ теперь, къ какому роду принадлежатъ, по нашему мнѣнію, новый трудъ г. Соловьева, обратимся къ самому труду и посмотримъ, что высказываетъ въ немъ авторъ, какъ смотреть на Іоанна IV, на его эпоху, на Россію XVI вѣка.

Не часто въ исторіи встрѣчаются эпохи, въ которыхъ бы историческій интересъ былъ такъ возвышенъ и такъ сосредоточенъ, какъ въ царствованіе Іоанна. Іоаннъ провелъ всю свою жизнь на престолѣ, съ лѣтъ младенческихъ до старческихъ, и какую измѣнчивую, бурную и многозапамятельную жизнь. И общее значеніе эпохи, и великія событія, и личности, какъ самого Іоанна, такъ и окружающихъ его людей, все ставитъ эту историческую въ жизни народа эпоху на ряду съ самыми замѣчательными.

Авторъ въ началѣ книги, говоря о первыхъ годахъ Іоаннова царствованія, высказываетъ очень вѣрную и важную мысль, о которой мы уже упоминали. Въ отношеніяхъ Іоанна къ боярамъ видитъ онъ послѣднее проявленіе борьбы между Государемъ, начинающимъ новый порядокъ вещей, пришедшимъ къ новому

понятію о власти, — и его дружиною, помнящею прежнее свое значеніе и старающеюся оное удержать. Приводимъ слова самого автора.

«Въ это правленіе рѣшенъ былъ чрезвычайно важный вопросъ для государственной жизни Россіи. Сѣверовосточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всей Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльных, лишенныхъ отчины своихъ потомками Калиты; они прикнули къ Московской дружинѣ, къ Московскому боярству, члены котораго должны были теперь, по требованію новаго порядка вещей, перемѣнять свои отношенія къ главѣ государства. Вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему, полному развитію, а другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновеніе. Это столкновеніе видимъ въ княженіи Іоанна III и сына его, столкновеніе, выражающееся въ судьбѣ Патрикѣевыхъ, Риполовскихъ, Холмскаго, Берсена и другихъ; необходимы были стремленія со стороны великихъ князей освободиться отъ людей, живущихъ стариною и во имя этой старины мѣшающихъ новому; необходимы были стремленія выдвигать людей новыхъ, которые бы не оглядывались назадъ, смотрѣли бы только впередъ и поэтому были бы покорными слугами новаго, отъ котораго получили свое значеніе, свое общественное бытіе. По вотъ великому князю Василію Іоанновичу наследуетъ малолѣтній сынъ его, Іоаннъ, который остается все еще малолѣтнимъ и по смерти матери своей, правившей государствомъ; въ члѣ управленія становятся люди, не сочувствовавшіе стремленіямъ государей Московскихъ; какъ же поступать теперь эти люди, у которыхъ развязались руки, которые получили полную возможность дѣйствовать въ свою пользу, по своимъ понятіямъ? Оправдаютъ ли они свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлами пользы государственной? Уразумеютъ ли, что бессмысленно вызывать на всегда исчезнувшую удѣльную старину, на всегда исчезнувшія отношенія, что этимъ вызовомъ можно вызвать только тѣни, лишеныя дѣйствительнаго существованія? Съумѣютъ ли признать необходимость новаго порядка, но не

отказываясь при этомъ отъ старины, съумѣютъ ли заключить сдѣлку между старымъ и новымъ во благо, въ укрѣпленіе государству? Съумѣютъ ли показать, что отъ старины остались крѣпкія начала, которыя, при искусномъ соединеніи съ новымъ, могутъ упрочить благосостояніе государства? Мы видѣли, какъ Шуйскіе съ товарищами воспользовались благоприятнымъ для себя временемъ. Въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, они разрознили свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не съумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса. Своимъ поведеніемъ они окончателно упрочили силу того начала, которому думали противо-дѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ; и безъ того уже связь, соединявшая ихъ съ землею, была очень слаба: мы видимъ, что дѣйствуютъ на первомъ планѣ, борются, торжествуютъ, гибнутъ князья, потомки Рюрика, князья Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Смоленскіе, во гдѣ сочувствіе къ нимъ въ этихъ областяхъ? Не говорится, что за Шуйскихъ стояли Суздальцы и Нижегородцы всѣ городомъ, какъ за потомковъ своихъ прежнихъ князей; а сказано, что за Шуйскихъ стояли Новгородцы великаго Новгорода всѣ городомъ: вотъ одно только чувствительное мѣсто, которое отзывается на повныя движенія во имя старыхъ отношеній! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствія князя Бѣльскіе и Глинскіе, Литовскіе выходцы. Сочувствіе могло быть возбуждено къ этимъ людямъ, еслибъ они тѣсно соединили свой интересъ съ интересами земли; но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ вѣрннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ, — и вотъ молодой Царь пользуется ошибками людей, въ которыхъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли говоритъ, что власть князей и бояръ, лихонмцевъ, сребролюбцевъ, судей неправѣдныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона, — и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, видимъ Адашева; Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо» (1).

Мы выписали цѣлкомъ все мѣсто, хотя не все въ немъ кажется намъ справедливо.

Авторъ, въ окончаніи книги, касается опять той же мысли и говоритъ:

(1) И. Рос. Т. VI. Стр. 61—64.

«Долго Иоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Иоаннъ IV не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Одно уже названіе: Грозный, которое мы привыкли соединять съ именемъ Иоанна IV, указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда его, Иоанна III, называли также Грознымъ. Мы жаловались на сухость, безжизненность нашихъ источниковъ въ Сѣверной Руси до половины XVI вѣка; жаловались, что историческія лица дѣйствуютъ молча, не высказываютъ намъ своихъ побужденій, своихъ сочувствій и неприязней (1). Но во второй половинѣ XVI вѣка борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходить до такой степени, что участвующіе въ пей не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно уличившаяся въ Москвѣ съ половины XV вѣка начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и являются двое борцовъ, — внукъ Иоанна III и Софія Палэологъ, Иоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, Московскій бояринъ, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало неприязни въ самомъ собраніи земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ сѣверной Руси князеству Московскому; какъ бояринъ и князь, Курбскій указываетъ перемѣну въ отношеніяхъ Московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ, начало борьбы при Иоаннѣ III, указываетъ на Софію Палэологъ, какъ на главную виновницу перемѣны, еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Иоанна III и Софія, Василія, и въ Иоаннѣ IV видитъ достойнаго паслѣдника отцовскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполне объясняютъ намъ эти стремленія Иоанна IV, стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ, и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлнить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ королю Шведскому, къ которому приписывается земля, къ Стефану Баторію, многоматейнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ имъ равенства съ Царемъ Московскимъ» (2).

Основная мысль — мысль очень вѣрная и много объясняющая. Она объясняетъ намъ и начало царствованія Иоаннова, и потомъ

(1) Впрочемъ Берсень не молчалъ. *Пр. К. А.*

(2) *Ист. Рос. Т. VI стр. 335—37.*

вновь возникшую борьбу, сопровождавшуюся такими страшными казнями, которыми истреблялъ Иоаннъ древнюю доблестную дружину. Точно, это было уничтоженіе прежнихъ отношеній князя и дружины; но уничтоженіе свирѣпое и безчеловѣчное, въ чемъ никогда не можетъ быть нужды. Намъ кажется, что почтенный авторъ не совсѣмъ справедливъ къ боярамъ, многимъ изъ которыхъ нельзя отказать въ доблести, и потому жалѣемъ, что г. Соловьевъ не развилъ еще осязательнѣе своей мысли, не представилъ, какъ насупротивъ Иоанна, проникнутаго идеальнымъ значеніемъ Царя, Иоанна, всюду носящаго съ собою сознаніе царскаго достоинства, — достоинства, еще новаго въ Россіи, — какъ насупротивъ этого Иоанна, блестящаго умомъ и способностями, стоить старое боярство, хотя уже много измѣнившаяся, но все доблестная, все знаменитая дружина, въ которой теперь уже тѣснятся густыми рядами падѣнно сдѣвшіе на удѣльныхъ своихъ столахъ Рюриковичи: князья Шуйскіе, Воротыцскіе, Мстиславскіе, Оболенскіе и пр. и пр.—Древняя доблесть ихъ ярко блещетъ въ началѣ царствованія Иоанна; имена ихъ раздаются около стѣнъ Казани, на поляхъ Ливоніи, передъ ними бѣгутъ Крымскіе ханы... Но значеніе ихъ мпновало, и судъ исторіи совершается надъ древнею дружиною. Повторяемъ, вполне сочувствуя съ авторомъ: историческая причина объясняетъ дѣло, но нисколько не оправдываетъ его нравственно. Если историческая необходимость вызываетъ ту или другую идею, то эта необходимость никогда не простирается на способъ и средства, съ помощію которыхъ проявляется идея. Преемство идей, по существу своему, должно совершаться въ духѣ человѣческомъ; тамъ должна идея бороться и побѣждать въ области свободнаго убѣжденія; и только несовершенство человѣчества вообще, или личный грѣхъ человѣка, заставляютъ сопровождаться ужасами то или другое начало.

Мы согласны съ самою мыслию, но однако позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Прежде всего скажемъ, что борьба эта (Царя съ боярствомъ) была весьма не ровная, не только по силѣ той и другой стороны, силѣ, даруемой большею или меньшею современною потребностью, но и по характеру своему; съ одной стороны — борьба дѣйствительная, съ другой—чисто страдательная, такъ что

слово: борьба, принимаемое и г. Соловьевымъ, и нами, едва ли есть впрочемъ вполне соответственное слово. Бояре противупоставляли Юанну одно терпѣніе. Единственное, что они употребляли въ свою защиту,—это отъѣздъ, ихъ древнее право. Но для Юанна врагъ, и врагъ опасный, точно существовалъ въ его воображеніи, и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него. — Мы не согласны съ словамъ автора, приведенными въ сдѣланной нами выпискѣ, которыя говорятъ онъ о боярахъ: «уразумѣютъ ли, что бессмысленно вызывать на всегда исчезнувшую удѣльную старину.... Своимъ поведеніемъ они упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ.»—Но они (бояре) ничего и не думали вызывать, ничему не противодѣйствовали. Правилъ они государствомъ даже по необходимости, ибо кому же было править въ малолѣтствѣ Государя, у котораго и матери не было? Права государствомъ, они ссорились, боролись между собою, поступали своекорыстно, обходились грубо съ малолѣтнимъ Государемъ.—но ничего болѣе мы не видимъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Мало того: предъ Юанномъ стояла не только древняя удѣльная дружина; въ эту дружину вошли князья, потомки Рюрика, и удѣльные княжескія воспомнанія безспорно должны были имѣть здѣсь свое мѣсто.—Но и тутъ (п это составляетъ особенность Русской исторіи) мы нигдѣ не видимъ попытки возвратиться назадъ *на дѣль*. Рюриковичи, окружавшіе престолъ во время малолѣтства Юанна, ни сколько не думали о возвращеніи своихъ удѣльныхъ правъ; а, кажется, время было какъ нельзя болѣе удобно. Бывшіе, такъ недавно, удѣльные князья довольствуются однимъ воспомнаніемъ, какъ Курбскій,—и только. Возможность дѣйствительнаго удѣльнаго права тогда уже ограничивалась необходимостнымъ кругомъ, семействомъ В. Князя Московскаго; тамъ еще оно признавалось самимъ Государемъ, — и потому двоюродный братъ Великаго Князя, Князь Владиміръ Андреевичъ, еще имѣетъ удѣлъ, еще помышляетъ о велико-княжескомъ и царскомъ престолѣ, мимо своего племянника. Но и здѣсь, гдѣ еще сама власть Государя хочетъ признавать удѣльное устройство, чувствуется, что это беспильный остатокъ разрушеннаго прошедшаго, одна тѣнь миновавшаго. остальная засыхающая вѣтвь подрубленнаго дерева. Скоро исчезъ и этотъ послѣдній слабый слѣдъ удѣла. —

Удѣльные воспоминанія должны были однако внести новую горечь въ то тяжелое чувство, которое безспорно обхватывало бояръ. Но повторяемъ: боярство вовсе не вело дѣйствительной борьбы. — Одна идея дружины, отвлеченная и молчаливая, стояла передъ царскимъ трономъ, — и она-то безпокоила Іоанна. Мы готовы скорѣе принять, что не въ малолѣтство Іоанна, а въ эпоху Спльвестра и Адашева, дружина или совѣтъ боярскій получилъ значеніе, но получилъ оное значеніе вслѣдствіе нравственнаго преобладанія надъ Іоанномъ, хотя бы, можетъ быть, посредствомъ разныхъ устрашеній, о которыхъ оное самъ говоритъ. — Но какъ скоро Іоаннъ рванулся на иной путь, то оное не встрѣтилъ никакихъ препятствій, никакаго сопротивленія; оное рубилъ и терзалъ бояръ, сколько хотѣлъ; а они шли кротко на казнь, нѣкоторые только позволяли себѣ бѣгство.

Не можемъ не сдѣлать еще двухъ замѣчаній. Авторъ говоритъ о боярахъ (смотри наши выписки): «но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться, какъ можно, сытнѣе.» — Часто повторялось съ ужасомъ это слово *кормиться*, понимаемое въ современномъ разговорномъ значеніи, безъ изслѣдованія историческаго, — и публика думала, что боярство, отправляющійся кормиться, беретъ, что хочеть, что все имущество ввѣреннаго народонаселенія представляется ему *по праву*, въ полное распоряженіе. Но таково ли было дѣло, какимъ кажется теперь слово? То ли значило прежде *кормиться*, что такъ паивно и легко подразумѣваютъ теперь подъ этимъ словомъ? — Знакомство съ памятниками показываетъ намъ совсѣмъ другое. Поэтому мы не можемъ не удивиться, какъ ученый авторъ, столь близко знакомый съ источниками, употребляетъ слово: кормиться, кажется, почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно людьми, знакомыми съ Русскою исторіей по слухамъ или поверхностно. — Кормленіе не было произвольно, оно было *опредѣлено* со всею точностію. Это было тоже жалованье, какое и теперь, жалованье, *строго опредѣленное*, но только получаемое натурою (а еслибъ хотѣлъ кормленщикъ, то и деньгами), и получаемое не изъ рукъ государства, а прямо изъ первыхъ рукъ народа. — Кормленщики не могли потре-

бовать ничего болѣе того, что было ему назначено правительствомъ. И такъ мы столько же можемъ приходить въ ужась отъ слова: *кормиться*, сколько отъ слова: *получать жалованье*. Наши слова доказываются многими уставными грамотами, въ которыхъ подробно говорится, сколько должно давать корму, — а болѣе того брать не позволено. Выписываемъ изъ одной уставной грамоты 1506 года:

«На въѣздъ волостелю кто что принесеть, то ему взяти, а на Рожество Христово дадутъ волостелю кормъ со штижъ деревень: полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Петровъ дня со штижъ деревень дадутъ волостелю кормъ: баранъ, десятеро хлѣбовъ; а велюбъ волостелю кормъ, и они ему дадутъ за полоть мяса десять денегъ, за баранъ алтынъ, за мѣхъ овса алтынъ, за возъ сѣна алтынъ, за хлѣбъ по денгѣ. А тиуну его дадутъ кормъ, со штижъ деревень на всѣ тѣ три праздники (1) въ полы того; а праветчику его дадутъ поборъ съ деревни: на Рожество Христово восемь денегъ, а на Великъ день четыре денги, а на Петровъ день четыре жъ денги, а доводчику его дадутъ поборъ съ деревни: на Рожество Христово за ковригу денга, за часть мяса денга, за зобню овса двѣ денги, а на Великъ день за ковригу денга, за часть мяса денга, а на Петровъ день за ковригу денга, за сыр денга. А тѣ три кормы и поборы волостелю и тиуну и праветчику и доводчику, на весь годъ; а болѣе того имъ иныхъ кормовъ и поборовъ нѣтъ никоторыхъ.» (2)

Кажется, ясно. Мы выбрали грамоту древнѣе той эпохи, о которой говорить г. Соловьевъ, чтобы показать, въ чемъ состояло это древнее право кормленія. Но есть опредѣленія этого кормленія гораздо древнѣе (3). Указываемъ на подобную грамоту 1536 года. Вотъ наконецъ еще свидѣтельство: грамота Юанна IV, 1556 г. Въ грамотѣ сказано:

«Пожаловалъ есми Матеен Мунзорина сына Хлуденева половиною яскимъ, подъ Алабышемъ, Колобовымъ сыномъ Перепечина, въ *кормлене*; а паѣхати ему на свое жалованье велѣлъ въ Благовѣщеневъ день, лѣта 7064. — И вы бѣ ему дали *доходный списокъ съ книгъ, по чему* ему то

(1) Археограф. Ком. справедливо замѣчаетъ, что тутъ пропускъ; ибо сказано лишь о двухъ праздникахъ, о Рожествѣ, о Петровѣ днѣ, а о Пасхѣ не сказано, о которой упоминается въ другихъ грамотахъ, да и здѣсь ниже.

(2) Акты А. Э. Т. I. стр. 116.

(3) На пр. 1453—1462. См. Акт. Ист. Т. I. стр. 166.

имское вѣдати и пошанна своя сбирати, но тому же, какъ прежніе кормленщики то ямское вѣдали.»—(1)

И такъ вотъ что значило кормленье. — Намъ могутъ сказать, что этотъ способъ жалованья, получаемого не прямо отъ правительства, — не хорошъ. Но это уже совсѣмъ другой вопросъ, о которомъ мы здѣсь разсуждать не намѣрены. — Намъ скажутъ, что кормленщики не довольствовались положенною имъ мѣрою, а брали больше опредѣленнаго; но это была уже личная вина кормленщиковъ: на это законъ имъ *права* не давалъ. Это было уже *злоупотребленіе*, осуждаемое закономъ и устройствомъ древней Руси. Злоупотребленіе бываетъ всегда вездѣ, со всякимъ справедливымъ закономъ. — Разсматривайте же кормленщиковъ-грабителей, не какъ пользующихся правомъ, а какъ нарушающихъ право кормленія. Тогда вопросъ будетъ поставленъ вѣрно и совершенно иначе. — Не можетъ быть, чтобъ г. Соловьевъ, ученость котораго извѣстна, не зналъ этихъ грамотъ; онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что это право кормленія представляло много удобства къ его нарушенію. Тогда это уже совсѣмъ другое, и рѣчь должна пойти о томъ, какого рода законъ представляетъ болѣе удобствъ къ его нарушенію. — Намъ кажется, что это едва ли не все равно, и человѣкъ, въ которомъ въ самомъ нѣтъ внутренняго закона совѣсти, всегда, какъ скоро захочетъ, безъ труда можетъ нарушить законъ государственный. Прииѣры тому видѣли и видятъ всѣ народы. — Мы пишемъ наше объясненіе кормленія не для г. Соловьева (онъ въ томъ, конечно, не нуждается), а для множества несостоятельныхъ судей о древней Руси, которые тѣмъ рѣзче судятъ о ней, чѣмъ менѣе ее знаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, просвѣщенный міръ едва ли представлялъ что-нибудь подобное тому легкомыслію, съ которымъ отзываются у насъ о древней Россіи. — Въ этомъ легкомысліи много дѣтскаго, много похожего на желаніе *казаться большими*, къ которому такъ склонны дѣти, не замѣчая, что въ эту минуту они всего болѣе дѣти. — Это легкомысліе показываетъ, что мы все еще не привыкли къ Европейскому фраку, и все еще рады ему, какъ дѣти, которымъ только что повязали галстучекъ. — Похожее нѣчто представляютъ намъ также люди, вышедшіе въ знать и сты-

(1) Дополн. къ Акт. Ист. Т. I. стр. 153.

дящаяся среды, изъ которой они вышли, въ то время какъ она, можетъ быть, возвышеннѣе и благороднѣе ихъ блестящаго знакомства. Право, у насъ похвалить древнюю до-Петровскую Русь боятся, какъ *mauvais genre*.... Итъ, это не просвѣщеніе! Это то полупросвѣщеніе, которое научаетъ только поднимать спѣсво голову надъ всѣмъ, что къ этому полупросвѣщенію не подходитъ, и нагибать голову передъ всѣмъ, что считается авторитетомъ.— Но мы невольно увлеклись въ сторону; обратимся къ предмету.

На страницахъ 438 и 439 (см. выписку) авторъ видитъ родовое начало въ томъ, что Русскій бояринъ прибавляетъ къ своему имени имя отца, дѣда и прадѣда. «Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ, говоритъ авторъ: что встрѣтимъ? Давида Романовичъ Юрьевича Захарьина, Иванъ Петровичъ Ѳедоровича.» Во первыхъ, этихъ примѣровъ не много. Мы желали бы, чтобъ авторъ привелъ еще примѣръ прибавленія имя прадѣда, кромѣ имъ приведеннаго. Прибавленіе же имени отца къ своему имени указываетъ прямо на семейное, а не родовое начало, ибо семья слагается изъ родителей и дѣтей. Во вторыхъ, обычай, встрѣчающійся иногда, прибавленія имени дѣда, указываетъ, кажется, намъ не на родовое, а на родословное (генеалогическое) начало, которое авторъ конечно находитъ, даже доселѣ, на Западѣ Европы; тогда отъ чего же дѣлать изъ него особенность нашего народа? Бояринъ «крѣпко стоитъ за то (гов. авторъ), чтобъ роду не было порухи». То есть, онъ стоитъ за честь своего рода, за честь своего имени, — чувство, весьма общее и очень сильно развитое на Западѣ. Но гдѣ же родовой *бытъ*? Спорятъ древнія имена и, въ этомъ смыслѣ, древніе роды, но гдѣ же у нихъ родовое устройство? Мы напротивъ думаемъ, что еслибъ было у Русскаго боярина чувство цѣлаго рода, то имѣлъ бы онъ и родовое прозвище. А онъ его не имѣлъ: оно является позднѣе. Онъ напротивъ соединялъ съ своимъ именемъ родословіе, в родословіе ближайшее, а не чувство цѣлаго рода, которое выразилось бы однимъ общимъ прозвищемъ; а такого постояннаго прозвища въ древности не было: оно часто перемѣнялось, подвигаясь впередъ съ новымъ поколѣніемъ, и имя новаго дѣда или отца становилось въ свою очередь прозвищемъ. Впрочемъ, собственно имя дѣда есть прозванье, а имя отца — не прозвище, а отчество. — Это и теперь видимъ мы въ нашемъ народѣ: такъ нынче крестья-

нинь такой-то прозывается Антоновъ, потому что дѣдъ его Антоновъ, но правнукъ Антона называется Петровъ, потому что сынъ Антона, а его дѣдъ, зовется Петръ. Иногда прозвище идетъ черезъ нѣсколько поколѣній и потомъ уступаетъ мѣсто новому; иногда прозвище устанавливается. — Въ древности было то же самое и въ боярскихъ родахъ. При томъ, кажется, въ нихъ довольно часто имя дѣда удерживалось для внуковъ, и уступало имени новаго дѣда, черезъ поколѣніе. Такъ Романовы, во время Юапна, называются *Захарьины*, по имени дѣда; а потомъ, черезъ поколѣніе, называются *Романовыми*, по имени Романа внука Захарьи и въ свою очередь дѣда знаменитаго Фѣдора (Филарета) Никитича. И такъ за ними удержалось не прозвище древнѣйшее: Захарьины, а позднѣйшее прозвище: Романовы. Всѣ такія обстоятельства родовому быту противорѣчатъ. Далѣе: всѣ эти явленія, которыя, по мнѣнію автора, доказываютъ начало родовое, пахотятся, какъ ему самому извѣстно, *только* въ служиломъ сословіи; странно, что авторъ какъ будто не замѣчаетъ этого и дѣлаетъ отъ нихъ заключеніе къ цѣлому народу; онъ говоритъ, по нашему мнѣнію, безъ всякихъ на то правъ: «въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое.» — Вопросъ о родовомъ бытѣ, котораго мы лишь слегка здѣсь касаемся, разобравъ нами обстоятельно въ статьѣ нашей, помѣщенной въ I Т. Московскаго Сборника. Намъ бы весьма было желательно услышать, также *обстоятельныя*, возраженія на нее отъ кого-нибудь изъ защитниковъ родоваго быта.

Вотъ наши замѣчанія. Они не противорѣчатъ главной мысли автора. Необходимо прибавить, что отношенія Государя къ дружинѣ или, въ половинѣ XVI вѣка, Царя къ боярамъ, что вся эта борьба совершалась во внутреннемъ составѣ правительственномъ; все это происходило безъ участія народа, такъ сказать, надъ народомъ, а не въ немъ самомъ.

Думаемъ, что не худо кинуть здѣсь бѣглый историческій взглядъ на государственную власть въ Россіи въ ея внутреннемъ составѣ.

Первые три брата-князя, призванные Славянами, пришедши съ дружиною, сей часъ размѣстились по городамъ, и съ перваго же разу видимъ мы явленіе, совершенно противоположное единодержавію: сейчасъ являются три князя. При Олегъ, Игоръ и Святославъ, повидимому, возникаетъ единодержавіе, но совершенно

случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ Греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Въ послѣдствіи, когда родъ княжой размножился, вся Россія управлялась всѣми этимъ княжимъ родомъ, всѣми наличными князьими. Такимъ образомъ Россія не представляла единаго, цѣльнаго государства, но, съ другой стороны, не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были непочны, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ то же время *почва была одна*, что вся Россія была едина. И точно, Россія была едина, какъ одна Русская земля, соединенная въ рою, языкомъ, жизнію и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой Русской землѣ строились государственныя перегородки; князья, вмѣстѣ съ своими дружинами, переходили изъ города въ городъ, ссорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ Землею. — Но какъ же могла выносить Русская земля такое безпокойное государственное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сейчасъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы же знаемъ при томъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: мѣнялись князья, но отношеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемѣны не терпѣло: и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ, — для народа было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣ же: какое же тутъ дѣло до лица самого князя? Всѣ эти споры и ссоры князей были дѣломъ промежду ихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ княжія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ правъ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родѣ пришломъ, не забудьте), чуждое Русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ иногда народъ вмѣшивался въ княжюю борьбу; это бывало: или когда эти безпрестанныя сраженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію, — и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же,

когда князь имъ лично былъ по душѣ, — и тогда народъ вооружался за него, какъ на пр. Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и разорительна для общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (на пр. тому же Изяславу Мстиславичу): мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь: не твое время. — Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья были ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ предлогомъ. — Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ: нѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣеть? И такъ какъ всякое устройство имѣеть свои недостатки, то Русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжихъ распряхъ и иногда прекращая ихъ, чрезъ объявленіе князю, чтобъ онъ удаллся; дальнѣйшее улучшеніе государственнаго устройства Русская земля предоставляла времени и постепенному ходу жизни. — И такъ Русскою землею владѣли князья. Правда, одинъ изъ нихъ, еще въ самыя первыя времена, назывался: *великій*, но это не былъ титулъ, означающій особую власть. Это значило: *старшій*, — какъ и теперь, *большой* значить *старшій* (*большой* сынъ, *большой* братъ, употребляется въ смыслѣ *старшій*). Уже самое множество князей, въ одной землѣ, уничтожало единодержавіе и лишало ихъ значеніемъ самовластнаго Государя. — Сверхъ того князь изначала явился на Руси, окруженный дружиною; значеніе дружины было важно; это былъ совѣтъ, общество князя; мнѣніемъ дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было никакого прямаго ограниченія власти князя, но, единственно въ силу обычая, дружина имѣла постолниный вѣсъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ, и являлась сама независимою: дружинникъ имѣлъ право переходить отъ князя къ князю. Дружина, съ своей стороны, хотя только въ силу обычая, какъ мы сказали, умѣряла самовластіе князя. — Таково было сначала государственное устройство въ Россіи. Споры у князей шли сперва за Кіевъ. Кіевъ былъ для нихъ домъ отцовскій; здѣсь была мысль о чести княжескаго стола, и споръ былъ за нее. Но время шло своимъ необходимымъ ходомъ; значеніе Государства выступало; междоусобіе князей приняло иной характеръ. Кіевъ потерялъ свое значеніе.

Возникъ Владиміръ. Князь его, Андрей Суздальскій, по словамъ лѣтописи, хотѣлъ быть *самовластецъ* (единодержецъ) въ Русской землѣ. Явилась мысль у князей уже не только о чести княжескаго стола, но о матеріальномъ могуществѣ княжества. А въ это время нагрянули Татары и соединили Русь новымъ общимъ союзомъ, союзомъ общей бѣды, общаго плѣна.—Русскіе князья давно знали, что есть иная власть Государева, власть Царская, власть еднoдержавная и нераздѣльная. Духовенство давно говорило имъ о этой власти. Это классическое понятіе сообщено было имъ Византисю; оно осѣнило Владиміра Мономаха, но тогда это было преждевременно, больше какъ пророчество. Теперь явилась передъ Россією или, лучше, вознеслась надъ нею, иная, цѣльная, страшная власть, власть Татарскаго Хана. Въ Россіи стали давать ему тоже титулъ *Царя*. Татары не властвовали Россією, но держали ее подъ игомъ, оставя ей прежнее устройство и лишь подчинивъ его своей верховной власти, и отъ времени до времени вторгались въ нее, все истребляя и разрушая. Князья, признавъ власть Татарскаго Хана, продолжали между собою тѣ же отношенія, но уже въ измѣненномъ видѣ. Поссорившись, они принуждены были ѣздить въ Орду: тамъ выпрашивать себѣ права на великое княженіе, тамъ искать рѣшенія своего спора. Тамъ вѣдѣли они передъ собою и чувствовали на себѣ страшную, цѣльную, еднiную власть, въ лицѣ Татарскаго Хана; но между собою они не забывали при этомъ и другаго способа: своего стараго боеваго Варяжскаго меча. Еще нѣсколько времени и подъ властію Татаръ, междуособіе князей носитъ предыдущій отпечатокъ: то есть, стремленіе усилить свое княжество на счетъ другаго; къ усиленію своего могущества стремятся и Рязань, и Тверь, и Нижній Новгородъ. Наконецъ Москва поднимаетъ знамя *всей Руси*,—уже не Москвы, а всей Руси, не только въ земскомъ, но и въ государственномъ значеніи. Съ этой минуты, какъ поднято наконецъ это знамя, прекращеніе междуособій становится неизбежнымъ. Передъ такимъ знаменемъ все должно было смириться! Единство Русскаго государства и единство Русской земли должны были наконецъ возникнуть рядомъ, ибо доселѣ дробленіе государственное затрудняло единство Русской земли. Около знамени всей Россіи, поднятаго Москвою, начинается собираться вся Россія. — Великій Князь Московскій именуется Великимъ Кня-

земь всея Руси, и удѣльные князья быстро падаютъ передъ нимъ одинъ за другимъ, и нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшаго къ нимъ сочувствія со стороны народа, въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Русская земля, и прежде мало принимавшая къ сердцу ихъ споры, теперь не обнаружила ни малѣйшаго сожалѣнія о ихъ паденіи. Естественно, что единая цѣльная земля тяготилась государственнымъ раздѣленіемъ и была рада, когда Москва сильною рукою стала ломать всѣ эти государственныя перегородки. Русская земля, очевидно, охотно признаетъ единодержавіе Великаго Князя, уже не только Московскаго, но всея Руси. Два царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ, — падаютъ въ это время: падаетъ Византія, разваливается Орда; но соблазнительная теорія Византійскаго Императора и соблазнительная практика Татарскаго Хана сильно дѣйствуютъ на Великаго Князя Московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни Грекомъ, ни Татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя эти отгѣпки, данныя исторіей, и тѣмъ быстрѣе и рѣзче пошелъ къ *своей* самостоятельной предположенной цѣли. Изъ-подъ двухъ разрушенныхъ, хотя и различныхъ царствъ, является новое, цѣльное, единое царство — Царство Русское; является новый самодержавный царь — Царь Русскій. Но не смотря на постороннія вліянія, новое Русское Царство и новый Русскій Царь были своеобразны, самобытны и представили міру еще небывалое явленіе. Вліянія, отгѣпки могли быть постороннія; но Царство Русское, въ существѣ своемъ, было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи. Это, надѣюсь, будетъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ нашихъ.

Чѣмъ же теперь могла быть при царѣ древняя княжая дружина? Времена измѣнились. Настала иная пора. Уже не было переходныхъ князей, съ которыми переходила и дружина, не пуская корней въ землю, составляя бродячій совѣтъ князя, — князя, который и самъ не имѣлъ настоящей осѣдлости. Съ жизнью народной дружина была прежде мало связана и не могла тяготѣть надъ нею, по крайней мѣрѣ, сильно. Въ послѣдствіи удѣльные князья стали оставаться долѣе, и потомъ даже постоянно, на своихъ удѣлахъ. Наконецъ и удѣлы исчезли, — и явился уже одинъ Царь и Великій Князь Московскій и всея Руси: единый Царь и единая цѣльная Русская Земля. Дружина окружила престолъ Царя. Дру-

жизни была доблестна, правда,—но, не смотря на всю свою доблесть, дружина уже начала составлять теперь сословіе, болѣе или менѣе втягивающее въ себя благородныя силы народа, себѣ предоставляющее подвиги, себѣ присвоивающее исключительную славу, иѣшающее дружному теченію всего народа; а дружнаго теченія всего народа не замѣнять никакія доблести извѣстнаго сословія. Дружина, съ своимъ прежнимъ значеніемъ, была необходима для князей, переносившихся изъ города въ городъ; она не нужна, она вредна для единаго Царя и для всей Земли. Становясь между народомъ и Царемъ, дружина стѣсняла обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда государственную власть, призывалъ Князя, а не дружину: народъ хотѣлъ знать его да себя; повиноваться боярамъ Русскій народъ никогда не думалъ. Съ другой стороны, новое самодержавіе не хотѣло дѣлиться властію съ дружиною. Мы сказали, что права дружины не были опредѣлены, но, вслѣдствіе обычая, значеніе ея было велико. Теперь, когда идея самодержавія, идея власти государственной, цѣльной и нераздѣльной, проникла убѣжденіе правительства, правительство не захотѣло быть *обязаннымъ*, хотя и по обычаю, во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ дружиною. Іоаннъ III и сынъ его начали ослаблять и уничтожать дружину, получившую въ послѣдствіи новую силу отъ прилива въ нее князей Рюриковичей, лишенныхъ удѣловъ. Наконецъ возникъ Царь Іоаннъ IV, Царь съ идеальнымъ понятіемъ о царской власти, религиозно проникнутый уваженіемъ къ своему царскому сану. Онъ говоритъ: «народился есмь Божіимъ изволеніемъ на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ, благословилъ государствомъ; и взросъ есмь на государствѣ» (1). При такомъ Царѣ борьба должна быть рѣшена. Старой дружинѣ нѣтъ уже мѣста въ Русскомъ государствѣ. Требованіе исторіи совершается: Царь сокрушаетъ дружину, а народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи. Народъ не принималъ участія въ борьбѣ князей, не принималъ участія въ уничтоженіи удѣловъ, не принималъ участія въ истребленіи дружины, и потому на казни смотрѣлъ только съ человѣческой стороны, съ ужасомъ и состраданіемъ. Послѣдняя тѣнь дружинныхъ преданій должна была исчезнуть, и она пазезла; борьба окончилась, заключившись письменною борьбою

(1) Сказанія кн. Курбек. Ч. II., стр. 121.

новаго Царя и стараго дружинника, потомка князей удѣльныхъ. Это явленіе, что Царь и подданный прибѣгаютъ къ перу, къ силѣ слова, и вступаютъ въ словесный споръ, показываетъ, что для сознанія и того и другаго—мало побѣды грубой силы, но нужна побѣда духа; и тому, и другому нужно быть правымъ передъ нравственнымъ судомъ мысли, совѣсти, исторіи. Г. Соловьевъ справедливо придаетъ важность этой перепискѣ. Бояре впрочемъ не исчезли; остался думный бояринъ, осталась боярская Дума; но боярская Дума — было правительственное мѣсто; во думный бояринъ была правительственная должность. Царь совѣтовался съ ними, соблюдая обычай, но свободно, не будучи обязаннымъ совѣтоваться.

Мы видимъ, что государство измѣнилось во внутреннемъ своемъ составѣ, что оно устроилось иначе внутри себя, что дружина исчезла, и бояре стали холопы государевы. Вся эта перемена совершилась внутри самого правительства, ибо дружина, бояре, все это были части государства, участники правительственной власти. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какія отношенія стало новое государство къ народу или къ Землѣ? Измѣнились ли нѣтъ эти отношенія? Опредѣлила ли себя новая правительственная власть передъ народомъ или Землею, какъ поняла она народъ или Землю? Не можетъ быть, чтобъ этого не было. Народъ въ древней Россіи не былъ одною вещественною массою, до которой правительству не было дѣла, изъ которой правительство брало только или войско, или деньги; самъ онъ также никогда не смотрѣлъ на себя, какъ на существо безсловесное. Вспомнимъ, что до Московскаго періода, при множествѣ отдѣльныхъ княжествъ, мы безпрестанно видимъ вѣча (вѣче—отъ вѣщать), видимъ сильный элементъ совѣщательный. Чтожъ съ нимъ случилось, съ этимъ элементомъ? Внутри государственнаго состава произошла перемена. Отношенія Государя къ дружинѣ переизмѣнились. А что же отношенія Государя къ Землѣ? Переизмѣнились они или нѣтъ? какъ переизмѣнились? и чѣмъ стали они?—Какъ отразилась или обозначилась правительственная перемена въ отношеніи къ народу?

На этотъ вопросъ книга г. Соловьева не даетъ никакого отвѣта. Правда, г. Соловьевъ касается именно тѣхъ явленій, которыя могли бы дать здѣсь ясное указаніе, но онъ ихъ касается совершенно слегка и объясняетъ весьма поверхностно. Поэтому мы

считаемъ нужнымъ на вопросъ, намъ указанный, дать отвѣтъ и высказать, какъ мы понимаемъ это дѣло.

Государство, какъ мы видѣли, было въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ надъ единою Русскою землею. Земля Русская, въ ту пору, являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльных князей, но сознавала свою общую цѣлость. Жизнь земская выражалась вѣчами, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вообще выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе *власти* государственной къ *мысли* народной. Входить здѣсь въ подробности мы не имѣемъ нужды. — Мы видѣли также, что Земля была равнодушна къ распрямъ князей, во сколько опѣ не касались ея благосостоянія и быта. Мы уже сказали, что это государственное дробленіе мѣшало цѣлости всей Русской земли. — Какъ скоро государство стало единымъ надъ единою Русскою землею; какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость; какъ скоро великій князь Московскій сталъ Царемъ: тогда государство, единое, обращается къ единой Русской Землѣ и зоветъ ее всю на совѣтъ. Первый Царь созываетъ первый Земскій Соборъ. На этомъ Соборѣ встрѣчаются Земля и Государство, и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія Царя и народа опредѣляются: Правительству — сила власти, Землѣ — сила мѣтнія. На Земскомъ Соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала пріобрѣтшая единство, государственная власть — къ Землѣ. Древнія областныя вѣча, не всегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мѣтнія, но примѣшивавшія черѣдко употребленіе грубой виѣшней силы, преобразились, при единоподержавіи, въ Земскій Соборъ всей Россіи, — явленіе, уже имѣющее одну *чисто нравственную* силу мѣтнія, безъ всякой примѣси виѣшней принудительности, — силу, къ которой обращалось Правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной опорѣ. Выборные на Земскомъ Соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: «Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, Государь, — это твоя воля; а паша мысль — такова.»

Обратимся къ самой исторіи, къ самымъ событіямъ. Первымъ движеніемъ Іоанна, — въ характерѣ котораго лежала потребность

все выразить, всему дать форму, названіе, торжественное опредѣленіе, — первымъ движеніемъ Іоанна Царя было: созвать на Красную площадь Земскій Соборъ. На этомъ Соборѣ Царь возвѣстилъ только Землѣ, что наступила новая эпоха, новыя между ними отношенія. На этомъ Соборѣ Царь и Земля увидались другъ съ другомъ, и ярко выступилъ новый составъ Россіи: *единый Царь и вся Земля*. Созваніе Земскаго Собора было собственнымъ дѣйствиемъ Іоанна, внутреннее сознаниемъ значенія Царя въ Россіи. Новое возвѣщенное начало, заявившее себя созваніемъ отъ Царя перваго Земскаго Собора, было приложено къ дѣлу въ послѣдствіи. Въ 1566 году, Іоаннъ IV созвалъ опять Земскій Соборъ и спрашивалъ мнѣнія, мириться ли съ Польшею на предложенныхъ ею условіяхъ, или воевать, требуя болшихъ уступокъ.

Если скажутъ, что созваніе Земскаго Собора не имѣло того значенія, что это было личное дѣйствіе Іоанна, его личное желаніе, то въ отвѣтъ на это мы укажемъ на цѣлый рядъ Земскихъ Соборовъ, отсюда возникающихъ и продолжающихся вплоть до самаго Петра I-го, такъ что послѣдній Земскій Соборъ распускается отъ имени Петра. Намъ скажутъ, что этихъ Соборовъ мы не видимъ ни въ царствованіе Федора, ни въ царствованіе Годунова. Отвѣчаемъ на это во первыхъ, что, начиная съ Царя Михаила Федоровича, нельзя уже не признать цѣлаго ряда Соборовъ, и что все-таки первый Земскій Соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ Царемъ. Во вторыхъ: только о нѣкоторыхъ Соборахъ сохранились извѣстія полныя, цѣлые протоколы засѣданій; объ иныхъ извѣстія краткія; объ иныхъ узнаемъ изъ грамотъ, до нихъ касающихся; а объ иныхъ изъ грамотъ, даже не касающихся до нихъ, но гдѣ однако ясно и опредѣленно объ нихъ говорится въ нѣсколькихъ строкахъ. И такъ, мы можемъ предположить, что Земскіе Соборы могли быть при Федорѣ и Борисѣ, но что извѣстія о нихъ или потеряны, или существуютъ въ другихъ грамотахъ, между множествомъ постороннихъ словъ, точно такъ же, какъ укрывались извѣстія и о позднѣйшихъ Соборахъ, пока нашель ихъ внимательный глазъ изслѣдователя.

И такъ при первомъ Русскомъ Царѣ созванъ былъ первый Земскій Соборъ. Отсюда идутъ Земскіе Соборы до самаго Петра.

При Иоаннѣ IV извѣстны намъ два Собора, о которыхъ мы упомянули; но быть можетъ было ихъ и больше (1).

При Ѳеодорѣ Ивановичѣ мы вовсе не имѣемъ извѣстія о Соборахъ; но однако именно при Ѳеодорѣ Ивановичѣ произносятся боярами замѣчательныя слова, показывающія, что Земскіе Соборы или совѣтъ со всею Землею вошли въ жизнь и сознаніе Россіи, были ея убѣжденіемъ. Бояре, при переговорахъ съ Поляками о избраніи на престолъ Ѳеодора Ивановича, на предложеніе посла Гарабурды постановить вѣчный миръ, говорятъ: «это дѣло великое для всего Христіанства; Государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею Землею, сперва съ Митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею Землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ» (2). Еслибъ даже это была и отговорка, то это указываетъ на существующее явленіе и мнѣніе въ Россіи; отговариваются тѣмъ, что есть, что возможно, а небывалыми, необычными вещами не отговариваются. Поляки возражаютъ, что въ Россіи думаетъ Государь съ боярами, а Землѣ до того нѣтъ дѣла (3). Но это показываетъ только, что Поляки не понимали Русской жизни, ибо въ ней не было ничего опредѣленно-условнаго и принудительнаго, не понимали, что Землѣ предоставлялась чисто нравственная власть, нисколько не стѣсняющая насильственно власти государственной. Этого имъ и растолковать было нельзя.—Земскій гомось скоро проявился явственно при избраніи на царство Бориса, когда избирательная ему на царство грамота была подписана выборными отъ всѣхъ сословій Россіи. При восшествіи на престолъ Василія Шуйскаго, выражается уже ясно

(1) Въ описи царскаго Архива встрѣчаемъ слова, не очень ясныя, которыя какъ будто указываютъ на какія-то засѣданія, можетъ быть, на Земскіе Соборы; но указаніе неясно, и мы можемъ лишь догадываться. Вотъ эти слова: при описаніи разныхъ бумагъ, находящихся въ 191 ящикѣ, говорится: „А въ немъ указъ, какъ Государь пріѣхалъ изъ Слободы о опришннѣ и списокъ судовъ серебряныхъ, которые отданы въ земское; отнукъ Яна Янова сына въ Литву, и запись поручная Довонова, и списки Государеву сиденью о всякомъ земскомъ указѣ, въ сибяномъ мѣху. 76 (1568) лѣта, Генваря мѣсяца“.—Акты Ар. Эк. Т. I, стр. 349.

(2) Избраніе Сигизмунда Вазы, г. Соловьева. Р. В. № 17, стр. 16.

(3) Тамъ же, стр. 19.

требованіе, чтобы, при избраніи Царя, Царь былъ выбранъ всею Землею, и Василій Шуйскій считается незаконнымъ, ибо онъ не былъ выбранъ всею Землею. — Во время междуцарствія, Русская земля, лишенная Государства, предоставленная самой себѣ, принужденная взяться за всѣ дѣла, явила, какъ живо въ ней земское совѣщательное начало. Города, области ссылались между собою; вся страна покрылась совѣтами, вѣчами, сходками. — Приводимъ замѣчательныя слова князя Василія Васильевича Голицына, посланнаго въ послахъ отъ всей Земли къ Сигизмунду III просить въ Царя сына его Владислава, слова, въ отвѣтъ на требованіе Поляковъ, чтобы послы повпновались грамотамъ изъ Москвы, подписаннымъ боярами. — Сказавъ уже однажды, что они отпущены на посольство отъ всего освященнаго Собора, отъ всѣхъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всея Земли, и потому они и о дѣлахъ своихъ отдають отчетъ не однимъ же боярамъ, но въ началѣ Патриарху и властямъ, а потомъ имъ боярамъ и всей Землѣ (стр. 169), — князь В. В. Голицынъ повторилъ опять свои слова такъ: «Отпущали насъ къ Великимъ Государемъ бити челомъ Патриархъ и бояре и всѣ люди Московскаго Государства, а не одни бояре; и въ прочихъ грамотахъ и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ писанъ у насъ въ началѣ Патриархъ и весь освященный Соборъ, и бояре, и всѣхъ чиновъ всякіе люди Московскаго Государства: *а отъ однихъ бы бояръ я князь Василій и не похалъ*» (1). Вотъ какъ смотрѣли сами бояре на значеніе всей Земли. — Наконецъ, когда, сломивъ враговъ своихъ, Русская земля вновь, какъ въ 862 году, поставила себѣ Государство, — она выбрала себѣ Царя, вся, всею Землею. — Вскорѣ послѣ избранія Михаила Феодоровича на царство, Земскій Соборъ, еще не распущенный, въ наказѣ посламъ къ Императору Австрійскому велить сказать ближнимъ, думнымъ его людямъ, что ни у кого изъ Русскихъ и въ мысляхъ не бывало выбирать брата его на Россійскій престолъ; высказываетъ сомнѣніе, чтобы князь Пожарскій сдѣлалъ это предложеніе; говорить, что развѣ онъ это сдѣлалъ безъ совѣту всей Земли, и прибавляетъ: *«а то вамъ думнымъ людямъ мочно и самимъ разсудити, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей Земли не дѣлается*» (2). — Кажется, все приведенное, а въ

(1) Дополн. къ Дѣян. И. В. Т. II, стр. 164—165.

(2) С. Г. Г. и Д. III.—стр. 68.

особенности эти слова ясно говорятъ, что совѣтъ всей Земли, Земскій Соборъ, былъ явленіемъ не случайнымъ, но кореннымъ, основнымъ, жизненнымъ явленіемъ древней Россіи. — Отстоявъ свою независимость, Русская Земля вновь призвала Государство и вновь поставила себѣ Царя, избраннаго всею Землею. Послѣ этого великаго подвига освобожденія, послѣ яркаго свидѣтельства довѣренности Земли Русской къ Государству, которому предоставлена была вновь неограниченная власть, — Русская Земля и Государство стали еще въ тѣснѣйшія отношенія. Отсюда начинается уже цѣлый рядъ Земскихъ Соборовъ: Государство часто призываетъ Землю на совѣтъ. Три первые Царя изъ роду Романовыхъ охотно собираютъ Земскіе Соборы, какъ скоро встрѣчается важное дѣло, касающееся до всей Россіи. — Мы сказали, что, къ сожалѣнію, о многихъ Соборахъ мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній, а часто только одинъ, несомнѣнный впрочемъ, на нихъ указанія, встрѣчающіяся между словъ, изъ чего можно заключить, что ихъ было еще гораздо болѣе. При одномъ Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ насчитывается до 12 Земскихъ Соборовъ, изъ которыхъ нѣкоторые собирались для обсуждения новыхъ налоговъ. — При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, для обсуждения Уложения (кодекса законовъ) былъ собранъ Земскій Соборъ. Выборные долго жили въ Москвѣ, представляя свои мнѣнія особыми бумагами, которыя назывались «челобитными»; наконецъ составленное Уложение было прочтено выборнымъ, и они приложили къ нему свои подписи для того, какъ сказано въ древнемъ актѣ объ Уложеніи, «чтобы то все уложение было прочно и неподвижно» (1). — Когда Малороссія просила Царя о присоединеніи ея къ Россіи, то рѣшеніе этого важнаго вопроса было предложено также Земскому Собору. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ свое короткое царствованіе, созывалъ два Собора: одинъ для уничтоженія мѣстничества; на этомъ Соборѣ были только служилые люди, ибо вопросъ о мѣстничествѣ до Земли не касался: Земля не служила и не мѣстничалась. Другой — былъ Земскій Соборъ, предметъ котораго былъ весьма важенъ. Онъ былъ созванъ для уравненія всякихъ службъ и податей; объ немъ знаемъ мы только изъ грамоты къ князю Брятлинскому, 1682 г., Мая 6, въ которой сказано, что онъ распус-

(1) П. С. З. Р. Н. Т. I. стр. 2.

кается.—Это былъ послѣдній Земскій Соборъ; онъ распускается отъ имени Петра, тогда еще малолѣтняго. Во время этого Собора, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ умеръ, и вѣроятно этотъ самый Соборъ утвердилъ Петра Царемъ: ибо въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ говорится, что Петръ выбранъ всею Землею. Приведемъ выписки изъ этой грамоты, содержащей въ себѣ такое драгоцѣнное свѣдѣніе: «Отъ Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, къ Соли Камской, стольнику нашему и воеводѣ, Князю Ѳеодору Юрьевичу Борятинскому. Указали мы Великій Государь и бояре наши приговорили: всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чинныхъ людей, которые, по указу брата нашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, присланы были къ Москвѣ, для разборовъ и правленія во всякихъ службахъ и податяхъ, съ посадовъ въ двойникахъ, — всѣхъ отпустить по домамъ.» Далѣе говорится, что эти двойники (т. е. двое отъ одного избирательнаго мѣста) должны, съ другими со всякими людьми, выбрать въ таможи, на кружечные двory, и къ инымъ сборамъ, головъ и падежныхъ цѣловальниковъ. И что какъ скоро двойники Соли Камской пріѣдутъ домой, то они должны у Соли Камской сдѣлать тоже. Воеводѣ приказано оказывать всякое вспоможеніе въ этихъ выборахъ, и ни подъ какимъ видомъ въ нихъ не вмѣшиваться. Въ заключеніи грамоты говорится: «А о избраніи служебъ и всякихъ податей, и о чемъ тѣ двойники о мирскихъ дѣлахъ блии челомъ и подавали челобитные (выше мы объяснили это выраженіе), — и о томъ, противъ (т. е. въ отвѣтъ на) ихъ челобитья, нашъ Великаго Государя указъ къ Соли Камской присланъ будетъ вскорѣ» (1). Грамота вообще очень замѣчательна; видно, что достоинство выборнаго на Земскій Соборъ весьма уважалось Правительствомъ; это видно уже и изъ того, что имъ поручается, возвратясь, совѣщаться со всѣми мирскими людьми для выборовъ въ разныя должности. Видно, что выборные говорили и подавали свои мнѣнія, и что, въ отвѣтъ на нихъ, Правительство хотѣло дать указъ.

Но при этихъ Земскихъ Соборахъ, были ли соборы мѣстные,

(1) Ак. Ис. Т. V. стр. 133—134.

частные, приготовительные, на которыхъ бы давались выборнымъ наставленія отъ выбравшаго ихъ мѣстнаго міра? Есть ли о томъ хотя какіе-нибудь слѣды? Намъ кажется, что вопросъ этотъ разрѣшается уже и самъ собою. Нельзя предположить, чтобъ не было мѣстныхъ соборовъ, на которыхъ область или городъ (вообще избирательная округа) давали наставленія выборнымъ, отъ нихъ посылаемымъ, на общій Земскій Соборъ. Особенно нельзя этого допустить, принимая въ расчетъ сильное совѣщательное начало, проявлявшееся всюду и постоянно по всей Русской землѣ, и еще поддерживаемое и возбуждаемое Правительствомъ древней Россіи. — Но кромѣ этихъ соображеній, мы можемъ указать, въ двухъ грамотахъ отъ Земскаго Собора къ Царю Михаилу Феодоровичу и къ его матери, Марьѣ Ивановнѣ, на выраженіе, ясно показывающее, что такого рода мѣстныя предварительныя совѣщанія были. Вотъ эти слова: «и для бѣ Государскаго избиранья ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изъ всякихъ чиновъ люди, *договоряся въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о Государскомъ избираньи полные договоры*» (1).

Надѣмся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за отступленіе; думаемъ, что вопросъ, поставленный нами, объ отношеніи правительства, со времени единодержавія, къ народу въ древней Россіи — стоялъ того, чтобы, по возможности, дать на него отвѣтъ. Обращаемся вновь къ Исторіи г. Соловьева.

Г. Соловьевъ объясняетъ Опричнину, по нашему мнѣнію, неудовлетворительно. Онъ говоритъ, что это было для Іоанна средствомъ освободиться отъ всѣхъ бояръ своихъ, имъ заподозрѣнныхъ, по крайней мѣрѣ освободиться отъ постояннаго сообщенія съ ними; что всѣхъ ихъ удалить и замѣнить людьми новыми или *молодыми* — было невозможно. Авторъ говоритъ: «Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство — самому уйти отъ него: Іоаннъ такъ и сдѣлалъ» (стр. 219). Далѣе, на страницѣ 220-й: «Опричнина была учреждена, потому что Царь заподозрилъ вельможъ въ неприязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей, вполне преданныхъ ему.» — Наконецъ, на стр. 439, авторъ говоритъ: «Такъ Опричнина, съ одной стороны, была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія

(1) С. Г. Г. и Д. Т. III. стр. 6

Царя къ своимъ боярамъ; но, съ другой стороны, въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніяхъ старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся въ слѣдствіе государственныхъ требованій и въ слѣдствіе свободнаго доступа въ него отовсюду. — Хотя здѣсь авторъ видитъ во Опричиннѣ уже не только простое дѣйствіе вражды и личнаго самоохраненія, но его объясненіе кажется намъ не изчерпывающимъ смысла Опричинны. Въ ней, думаемъ, таится мысль поглубже.

Желаніе формулировать, сказали мы, было потребностью Іоанна IV. Мысли свои онъ опредѣлялъ, давалъ имъ наименованіе и осуществлялъ въ жизни. Къ разряду такого рода явленій причисляемъ мы Опричинну. Ясно сознавъ два, соединенныя союзомъ, но не смѣшанныя начала въ Россіи, Государство и Землю (что такъ часто высказывается въ его разныхъ грамотахъ и постановленіяхъ); онъ пришелъ къ мысли разрознить эти два начала. Главною его цѣлью было, при раздѣленіи осязательномъ двухъ началъ, — главною его цѣлью было: отвлечь Государство, чтобы исполнѣ подчинить оное себѣ, чтобы не было въ немъ никакихъ другихъ побужденій, кромѣ исполненія воли его, главы Государства, чтобъ не было въ немъ ни связей съ Землею, ни преданій, — ничего; онъ хотѣлъ въ окружающихъ себѣ безусловныхъ слугъ. И такимъ образомъ, какъ опытъ, произвелъ онъ разрывъ между Государствомъ и Землею (онъ самъ называетъ Опричинну образцомъ). Явилась Опричинна, Государство, исполнѣ отъ Земли отдѣленное, не имѣвшее никакой связи съ народомъ, никакихъ убѣжденій, кромѣ воли Государя, никакими нравственными требованіями не стѣсняемое, и потому необузданное. Это для Іоанна было идеаль Государства. — При прикосновеніи къ дѣйствительности, раздѣленіе Государства и Земли не могло осуществляться строго, раздѣлать ихъ совершенно было невозможно, да и возьметъ ли Іоаннъ къ себѣ бояръ, людей съ преданіями, бояръ, которымъ онъ не вѣритъ? Онъ оставилъ при земщинѣ особое управленіе и бояръ, назвавъ ихъ земскими. — И такъ, въ дѣйствительности не было строгаго осуществленія мысли, но мысль, основная мысль отрѣшенія Государства отъ Земли, — выражалась очевидно, выражалась въ самомъ названіи: *Опричинна* и *Земщина*.

Мы намѣрены опять коснуться этого вопроса, говоря о характерѣ Іоанна. На Землю Іоаннъ не гнѣвался. Съ его стороны, Опричнина была только его попытка, его осуществленная фантазія, имъ начертанный идеаль Государства, возведеннаго до крайнихъ размѣровъ, идеаль, который носился передъ нимъ, исключительно пропикнутымъ благоговѣйнымъ религіознымъ попятіемъ о земномъ самовластіи. Потому именно, что это была мечта его, Іоаннъ, осуществляя ее въ однихъ государственныхъ предѣлахъ, особенно въ отношеніи къ боярамъ,—въ дѣйствительности признавалъ Землю, и, въ 1565 году учредивъ Опричнину, — въ 1566 году призываетъ Землю на совѣтъ, выходя, когда желать, изъ этой отвлеченности, и опять удаляясь въ нее. Рѣдко можно видѣть Государя, который до такой степени былъ бы исполнень идеаловъ и такъ бы старался ихъ осуществить.—Такъ понимаемъ мы Опричнину. — Замѣчательно, что Царь, дошедшій до страшной свирѣпости и захотѣвшій жить *опричь*, не могъ оставаться въ Москвѣ; ему нужна была своя новая резиденція, гдѣ бы ничто не стѣсняло его деспотической воли: Іоаннъ уѣзжаетъ изъ Москвы и переселяется въ Александровскую слободу. Такъ чутка была его душа ко всѣмъ проявленіямъ жизни, что въ Москвѣ ему уже жить было тяжело. — Опричнина была только *образецъ*, по словамъ самого Іоанна IV. Александровская слобода была, конечно, тоже *образецъ*. Ближайшій преемникъ Іоанна, кроткій сынъ его Ѳеодоръ, не воспользовался такими образцами. Опричнина исчезла. Москва по прежнему стала единою столицей, и Царь не удалялся отъ Земли.

Характеристика Сильвестра, выраженная авторомъ, неудовлетворительна по нашему мнѣнію; между тѣмъ есть довольно, кажется, для нея данныхъ. Эти данныя, кромѣ дѣтописи, писемъ Іоанна и Курбскаго, — Домострой Сильвестра и дѣло Матвея Башкина. Объ этомъ дѣлѣ, связанномъ съ дѣломъ Артемія, игумена Троицкаго, авторъ едва упоминаетъ. Вѣроятно, все это будетъ въ общаго дополнителной главѣ; но авторъ здѣсь говоритъ о личности Сильвестра, и мы, кажется, имѣемъ право желать, чтобы она была вполне очерчена, и чтобы авторъ воспользовался тѣми указаніями, какія даютъ Домострой и дѣло Матвея Башкина. Въ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ Сильвестръ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Мы видимъ здѣсь, что Сильвестръ пользовался доброю сла-

вои). Матвей Башкинъ приходилъ на духъ къ другому Благовѣщенскому священнику, Симеону, и когда Симеонъ не могъ отвѣчать ему на его вопросы, по разнымъ замѣткамъ на Апостола, тогда Башкинъ сказалъ Симеону: «пожалуй, спрашивайся съ Сильвестромъ: онъ тебѣ скажетъ, а ты пользуй тѣмъ душою мою; а тебѣ, знаю и я, некогда тебѣ вѣдать: въ суетѣ мірской, ни во дни ни въ ночи, покоя не знаешь» (1). Самъ Сильвестръ не обвиняетъ Башкина и не оправдываетъ; въ его челобитной видно желаніе себя выгородить. Впрочемъ Сильвестръ сказалъ Симеону, когда тотъ объявилъ ему о своемъ новомъ сынѣ духовномъ, Матвей Башкинъ: «каковъ тотъ сынъ духовный будетъ; слава про него не добра носится» (2). Священникъ Симеонъ, человѣкъ, кажется, весьма простой, рассказываетъ очень правдоподобно всѣ свои сношенія съ Башкинымъ, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ нельзя приять Башкина за еретика; ибо онъ просилъ священника *пововить* его, то есть, исповѣдать; слѣдовательно онъ не отрицалъ исповѣди, въ чемъ обвиняетъ его потомъ соборная грамота; онъ сказалъ Симеону, что поклоняется иконамъ, слѣдовательно не отвергалъ изображеній Святыхъ, въ чемъ онъ также обвиняется. Быть можетъ, что пытливый умъ Башкина и сбивался съ истинной дороги, но, кажется, въ немъ была жажда истины и потребность вѣры и братской любви. Замѣчательны слова, которыя говоритъ онъ священнику Симеону: «а мы де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христось всѣхъ братьею нарицаеть, а у насъ де на вныхъ и кабалы, на вныхъ бѣглыя, а на вныхъ нарядныя, а на вныхъ полныя; а я де благодарю Бога моего, у меня де что было кабалъ полныхъ, то де есмь все поздралъ, да держу де, государь, своихъ добровольно: добро де ему—и онъ живеть, а не добро—и онъ куды хочеть» (3).—Видно, что Сильвестръ оправдываетъ себя отъ сношеній съ Башкинымъ и Артеміемъ, слѣдовательно можно было предположить эти сношенія. Твердаго, смѣлаго и прямого характера здѣсь не видать; вовсе не видать также, какъ справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ, человѣка съ такимъ сильнымъ вліяніемъ, какое ему при-

(1) Актъ Арх. Экс. Т. 1. стр. 249.

(2) Тамъ же, стр. 249.

(3) Тамъ же, стр. 249.

писываютъ; хотя въ то же время видно, что онъ пользовался большимъ довѣріемъ Іоанна.—Въ своемъ Домостроѣ также выражается Сильвестръ. Здѣсь выражается онъ мелочною стороною и сверхъ того странными воззрѣніями: на пр. случайную возможность, что мужъ побьетъ свою жену, онъ возводитъ въ правило. Вообще охота подводить подъ формы видна въ немъ большая; рѣчь его суха, кромѣ нѣсколькихъ одушевленныхъ словъ о молитвѣ: «и пожретъ молитва сердце, и сердце пожретъ молитву» (1). Кстати скажемъ здѣсь наше мнѣніе о Домостроѣ. Многіе, и чуть ли почти не всѣ, считаютъ Домострой очеркомъ тогдашнихъ нравовъ. Это, по нашему мнѣнію, совершенно не вѣрно. Кто писалъ Домострой? Священникъ XVI столѣтія. Если мы обратимъ вниманіе на сочиненія духовенства въ древнія времена, собственно такого, которое было просвѣщено, мы увидимъ въ нихъ часто сильную реторику, рѣзко отдѣляющую его слово отъ народной рѣчи, простой, краткой и точной. Высокій союзъ вѣры соединилъ народъ нашъ съ духовенствомъ. Духовенству сейчасъ выпало на долю великое призваніе въ жизни Россіи. Оно стало хранителемъ единства Русской земли въ эпоху усобицъ и другихъ смуть. Оно наставляло въ лицѣ Іларіона, Никифора, Кирилла, просвѣщало въ лицѣ Стефана, обличало въ лицѣ Вассіана и Филиппа, принимало мученической вѣнецъ въ лицѣ Гермогена. Не въ краткихъ строкахъ можно изчислить его святые подвиги для Русской земли. Здѣсь мы говоримъ не о сихъ высокихъ его дѣйствіяхъ: мы говоримъ о слогѣ, о характерѣ нѣкоторыхъ сочиненій нашего духовенства; въ древности мы видимъ въ нихъ часто витійство. Это витійство невольна искажаетъ даже простыя вещи, и при изслѣдованіяхъ надо быть здѣсь очень осторожнымъ. Эта реторика касается въ нѣкоторомъ отношеніи и мысли самой и отдѣляетъ иногда мысль сочиненій нашего духовенства отъ мысли народной. Вліяніе классическаго міра Греціи имѣетъ тутъ свое мѣсто. Считаемъ не нужнымъ приводить примѣры (2). Стоитъ прочесть, въ позднѣйшее время, хоть реторическое сочиненіе Авраамія Палицына, и рядомъ съ нимъ простыя выразительныя грамоты тѣхъ временъ.—И такъ въ древ-

(1) Врем. 1849. Кн. I. стр. 19.

(2) Въ сочиненіи нашемъ: Ломоносовъ, они приведены, хотя не въ большомъ числѣ.

вія времена не рѣдко, хотя и не всегда, встрѣчалась сильная разница между рѣчью духовною и рѣчью народною. Послѣ Петровскаго преобразованія, новая риторика обхватила на долго всю нашу свѣтскую словесность, совершенно отдѣленную отъ народа. — и жестоко ошпбуются тѣ, которые вздумаютъ заключать о народѣ нашемъ по тѣмъ риторическимъ опредѣленіямъ, которыя встрѣчаются въ нашей литературѣ. И такъ, сочиненіе духовнаго лица древнихъ временъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть вѣрною картиною жизни народною, хотя бы оно имѣло цѣлю изобразить эту жизнь. При томъ Домострой не есть картина тогдашней современной жизни. Что такое Домострой? — Это совѣты, какъ вести хозяйство, какъ обращаться съ людьми, и проч. и проч. Но совѣты развѣ суть изображеніе того, *что есть?* Нѣтъ, совѣты суть изображеніе того, *что должно быть.* И такъ, въ совѣтахъ выражается идеальное представленіе того, кто пишетъ совѣты, — выражаются желанія. Это самое представляетъ намъ Домострой. Это во первыхъ, по самой цѣли своей, нисколько не картина того времени: это воззрѣнія и желанія Сильвестра, его личныя желанія и воззрѣнія, или, пожалуй, вообще духовнаго лица того времени; но это нисколько не желанія и не взглядъ народа. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакого права понятія Домостроя, на основаніи того же Домостроя, видѣть осуществленными въ тогдашнемъ состояніи народа, или полагать, что народъ стремился къ этому и считалъ эти понятія своимъ идеаломъ. Это не картина народа, это и не идеалы народа; это *ria desideria* Сильвестра, быть можетъ в другихъ духовныхъ лицъ, — и только.

Г. Соловьевъ говоритъ, что Іоаннъ при Сильвестрѣ и Адашевѣ не терялъ свободы своихъ дѣйствій, и что слѣдовательно честь славныхъ дѣлъ, совершенныхъ во время этихъ совѣтниковъ, не можетъ быть у него отнята. Это справедливо: Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ, но, съ другой стороны, онъ былъ подъ авторитетомъ Сильвестра и Адашева, — этого отрицать нельзя. Онъ самъ со всею искренностію говоритъ объ этомъ; онъ объясняетъ даже намъ, чѣмъ держали его въ уздѣ: «и еже убо согрѣшеній нашихъ ради приключающихся болѣзней (т. е. приключающихся болѣзней) на насъ и на Царицѣ нашей и на чадахъ нашихъ, — и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ

непослушанія сія бываху» (1).— Умъ Іоанна, конечно, не вдругъ же оказался въ немъ; онъ и вначалѣ понималъ и цѣнилъ всѣ справедливыя и дѣльныя совѣты, принималъ ихъ свободно и сознательно, и, конечно, имѣеть полное право на все доброе въ своемъ царствованіи. Если же онъ, находясь лишь подъ правственнымъ авторитетомъ, имѣлъ свободу въ выборѣ (въ чемъ мы согласны съ г. Соловьевымъ) и принималъ совѣты сознательно, то жаловаться ему тутъ было нечего. Такого рода вліяніемъ Іоаннъ, конечно, слишкомъ не могъ тяготиться. Но тѣмъ не менѣе онъ тяготился, онъ былъ сильно стѣсненъ: это такъ очевидно высказывается въ его словахъ. Въ чемъ же состояло это стѣсненіе? Трудно сказать. Но вѣроятно, оно было скорѣе отрицательное. Вѣроятно, Іоанна удерживали отъ многихъ дѣйствиій, не давали воли его страстямъ, и конечно въ такомъ случаѣ грозилъ погибелью душевною и разореніемъ Царства; это видно отчасти изъ словъ Іоанна: «еже намъ сотворити словіе — ни одному же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся, аки злочестива творяхуся... Аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣшеніе, — тому богатство, слава и честь, и аще не тако, то души пагуба и Царству разореніе» (2). — Изъ этихъ словъ видно, что Іоанну не давали изливать гнѣвъ свой на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, его заслуживалъ. Очень можетъ быть, что въ то же время обращался съ нимъ не съ должнымъ почтеніемъ, или лучше не съ тѣмъ почтеніемъ, какого хотѣлъ Іоаннъ, весь проникнутый идеєю о величіи Царскомъ. Вспомнимъ, что въ первой юности Іоаннъ былъ уже жестокъ и предавался страстямъ, и что во время Сильвестра и Адашева онъ, слѣдовательно, подавлялъ свою страшную природу. Очень вѣроятно, что видъ бояръ, еще не утратившихъ прежняго значенія, еще не привыкшихъ къ титулу Царя, и быть можетъ (въ надеждѣ на вліяніе свое) позволяющихъ себѣ обращаться съ Царемъ запросто, — очень можетъ быть, что все это раздражало Іоанна, въ особенности же послѣ болѣзни его, — и онъ не разъ порывался противъ нихъ, но былъ отъ того постоянно удерживаемъ Сильвестромъ и Адашевымъ. Очевидно, что

(1) Сказ. К. Курб. часть II. стр. 61.

(2) Тоже стр. 54.

Сильвестръ былъ заступникомъ опальныхъ. Подозрительный и раздражительный, Іоаннъ воображалъ себя въ полной неволѣ, ему казалось, что его оскорбляютъ на каждомъ шагу, держать, какъ младенца. Обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь Іоанна, могли убѣдить его въ справедливости его подозрѣній; злой совѣтъ могъ усилить то, что уже было въ его душѣ. Но и здѣсь видимъ мы нѣкоторую постепенность, ибо не вдругъ разгорѣлись дикія, свирѣпыя побужденія, постоянно потушаемыя въ теченіи столькихъ лѣтъ. Адашевъ и Сильвестръ были удалены, и только. Но потомъ, когда бывшіе наставники были означены измѣнниками, когда слѣдовательно всякое воздержаніе, всякое слово совѣта и укоризны было слито съ измѣною въ глазахъ Іоанна, — онъ уже болѣе не находилъ преграды своему дикому нраву. Ему захотѣлось полнаго произвола, не сдержаннаго *ничѣмъ*, никакими, слѣдовательно и нравственными, узамъ. А человѣкъ, лишенный нравственнаго сдерживанія, именно тогда наслаждается своимъ произволомъ, когда онъ дѣлаетъ вещи непозволенные, беззаконныя, неслыханныя, невѣроятныя. Нарушеніе всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ составляетъ потребность и наслажденіе необузданнаго произвола. Такимъ сталъ Іоаннъ. Если вторая половина его царствованія, съ 1560 года, уступаетъ первой половинѣ въ славѣ и достоинствѣ, то это не отъ того, чтобъ въ первой половинѣ царствованія дѣйствовалъ не Іоаннъ, а совѣтники, — но отъ того, что Іоаннъ былъ уже не тотъ. Страсти разгорѣлись въ Іоаннѣ страшнымъ пожаромъ, потрясли его нравственную природу, опустошили его душу; надъ мрачною бездною еще свѣтился лучъ природнаго ума, нужный Іоанну для своего оправданія. Но понятія нравственныя не пропали изъ сознанія Іоанна, и это составляло его страшную муку, ибо при этомъ чувствовалъ онъ нравственное безсиліе. Звѣрь, разтерзавшій многихъ въ своей свирѣпости, не чувствуетъ угрызенія совѣсти; но Іоаннъ былъ человѣкъ, — человѣкъ, дошедшій до звѣрства, но помнящій, и помнящій безсилно, что онъ человѣкъ. Онъ вдругъ кидался за помощью къ обрядамъ Церкви, жилъ, какъ игуменъ, молился, взнурялъ себя, клалъ поклоны, но спла молитвы была потеряна. О, еслибъ можно было также легко умилиться душою, какъ легко взнурять себя и класть земные поклоны! Іоаннъ испыталъ это. Іоаннъ былъ не такой тиранъ, который равнодушно лилъ челоуѣ-

ческую кровь и мучилъ людей; онъ зналъ, онъ чувствовалъ всю свою внутреннюю мерзость, всю низость нравственнаго паденія, и не имѣлъ силъ, или лучше, не имѣлъ воли подняться! «Угрызеніе совѣсти безъ раскаянія»: такъ опредѣляетъ прекрасно Карамзинъ состояніе души Іоанна.—Страшною казнію Провидѣніе потрясло все существо Іоанна. Іоаннъ убилъ сына. Казалось, это такого рода потрясеніе, которое должно было сокрушить его: и точно, его отчаянію не было мѣры. Но однако послѣ этого странно видѣть Іоанна, сватающагося за родственницу Англійской Елисаветы и готоваго прогнать свою седьмую жену.—Вѣрны ли другимъ, гораздо худшимъ извѣстіямъ? Страшно сказать, но, кажется, онъ до конца дней остался тѣмъ же.

Что касается до бояръ, дѣйствовавшихъ въ царствованіе Іоанна, то нельзя отказать многимъ въ доблести. Конечно, взятыя, какъ цѣлое сословіе, они не приносили пользы Россіи. Напротивъ, Русскій народъ боярствомъ не былъ доволенъ. Стоить прочесть отзывъ Псковскаго Лѣтописца о боярахъ; рассказывая, что бояре мимо всей Земли хотѣли выбрать Шведскаго королевича, но что былъ выбранъ Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, онъ прибавляетъ: «и не сбылся ихъ злый боярской совѣтъ». (1) Потомъ, описывая вредныя дѣйствія бояръ въ первое время царствованія Михаила Ѳедоровича,—онъ восклицаетъ: «сицѣво бѣ попеченіе боярско о земли Русской!» (2) Но тѣмъ не менѣе, потомуки воинственной дружины, потомки Рюрика, имѣли въ себѣ много доблестей. Имена Воротынскаго, Шуйскаго, Курбскаго (пока онъ не занялъ себя измѣною) и другихъ невольно соединяются въ представленіи съ славными и высокими качествами.

Вѣрно объяснено значеніе Казани, ослота Магометанскаго міра, и отсюда сочувствіе магометанства къ Казани.

Странно, что г. Соловьевъ не упоминаетъ объ одномъ обстоятельстве, о которомъ говоритъ Карамзинъ. Отъ вниманія Карамзина не ускользало ни одно явленіе, могущее быть ему извѣстнымъ, хотя бы онъ и невѣрно объяснял самое явленіе.—Обстоятельство, о которомъ теперь идетъ рѣчь, имѣетъ, по нашему мнѣнію, весьма важное значеніе. Когда Баторій взялъ Полоцкъ

(1) И. С. Р. Л. т. V. стр. 63.

(2) Тамъ же, стр. 64.

в Соколь, тогда Иоаннъ, находившійся во Псковѣ, послалъ къ государственному дьяку, Андрею Щелкалову, въ Москву, чтобъ онъ собралъ въ Москвѣ народъ и сообщилъ ему о неудачахъ нашего оружія, чтобъ постарался при этомъ успокоить народъ и утвердить его духъ. Щелкаловъ исполнилъ волю Иоанна, созвалъ народъ и сообщилъ ему положеніе нашихъ дѣлъ, не скрывая ничего, но ободряя въ то же время. Народъ выслушалъ рѣчь его, и хотя глубоко огорчился неблагоприятными извѣстіями, однако же не потерялъ твердости, но еще болѣе укрѣпился духомъ на перенесеніе всенародныхъ бѣдствій. Одерборнъ (на которомъ основывается Карамзинъ), сообщая объ этомъ народномъ собраніи въ Москвѣ, созванномъ по повелѣнію Царя, прибавляетъ, что женщины пришли въ отчаяніе, что дьякъ снова вышелъ къ народу съ жалобою на женщинъ и, чтобъ унять ихъ, прибѣгнулъ къ угрозамъ. Одерборнъ приводитъ рѣчь Щелкалова (1). Въ какой степени вѣрно передана эта рѣчь Одерборномъ — это вопросъ другой; но само происшествіе, какъ было, не можетъ подлежать сомнѣнію. Царь велитъ созвать торжественно народъ, чтобъ сообщить ему о неудачномъ ходѣ военныхъ дѣлъ въ Рос-

---

(1) Вотъ эта рѣчь: „Вы не знаете, о гражданахъ (cives), ради какой причины назначилъ я это собраніе (сходку; conventum). Знайте же, что Полоцкъ нашъ вѣсть и Соколь истребленъ огнемъ и мечемъ, и прочія сосѣднія крѣпости подпали подъ власть нашего врага. Эта вѣсть могла бы внушить вамъ ужасъ и отчаяніе, если вы не захотите поразмыслить съ своимъ разумомъ: какова переѣмчивость вещей, и что вѣтъ на землѣ ни одного Государя, съ которымъ бы не случилось что-нибудь противоположное. Впрочемъ, если Поляки взяли обратно Полоцкъ, мы за то, напротивъ, владѣемъ всею Ливоніею; они разорили немногія крѣпости, мы иже въ подѣ власть большіе ихъ города. Ихъ войско заняло явное пространство Бѣлоруссіи, выше—Смоленскъ, Стародубъ и Ливонію. Но, быть можетъ, погибель людей терзаетъ ваши души; я съ своей стороны признаюсь: мы потеряли въ Полоцкѣ столько знатныхъ военачальниковъ, столько богатствъ нашихъ! Въ Соколь погибъ цвѣтъ болѣстни (знати: nobilitatis) и крѣпкихъ мужей, храмы, алтари, города и поля выжжены. Намъ должно переносить это, когда непріатели испытали бѣдствія, гораздо болѣе тяжкія. Ибо, какъ они нашихъ, такъ наши выгнали ихъ вѣкогда изъ Полоцка, Смоленска и Ливоніи; какъ ихъ мечъ проливалъ кровь братьевъ нашихъ, такъ мы ихъ кровію очень часто были обрызганы.“—Карамзинъ, ссылаясь на Одерборна, указываетъ на страницу 299. Мы пользовались изданіемъ Одерборна, чрезвычайно рѣдкимъ находящимся въ Университетской Библіотекѣ. Въ этомъ изданіи нѣтъ счета страницъ, и мѣсто, откуда замѣтовано, мы должны означить: Час. III, листъ Q. 3.—Это изданіе напечатано въ 1585 году, черезъ годъ по смерти Иоанна IV. На послѣднемъ листѣ стоитъ: Wittebergae. Excudebant haeredes Joannis Cratonis. M. D. LXXXV.

сін и утвердить духъ народный къ перенесенію всеобщихъ невзгодъ. Изъ этого видно, что правительство древней Россіи было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ; изъ этого видно, что дѣло Россіи было, по общему убѣжденію, дѣломъ, касающимся до всѣхъ Русскихъ людей. Вспомнимъ, что велся Государственный Лѣтописецъ дѣлъ Россіи (1); вспомнимъ, что Гермогенъ, дабы остановить народъ въ дѣйствіяхъ его противъ Василя Шуйскаго, грозить записать эти дѣла въ Лѣтописецъ. Какъ видно, высоко стоитъ въ правтвенно-общественномъ, въ гражданскомъ образованіи, тотъ народъ, съ которымъ возможно употреблять такую, чисто правтвенную угрозу. Подобныя обстоятельства краснорѣчиво говорятъ за древнюю до-Петровскую Россію и возносятъ ее высоко. Какъ странно, какъ жалки усилія затемнить ея величавый образъ, все бывшее до Петра находить недостойнымъ и ничтожнымъ и только съ Петра и чрезъ Петра видѣть въ Россіи все хорошее. Какъ странно, какъ непонятно (для насъ, по крайней мѣрѣ) все величіе многолѣтнихъ подвиговъ и трудовъ *народныхъ* приписать *одному* человѣку, хотя бы и гениальному (2).

Въ заключеніе книги своей, авторъ дѣлаетъ очеркъ личности Іоанна. Авторъ справедливо соединяетъ Іоанна съ его отцомъ и дѣдомъ, и видитъ въ немъ преемника ихъ государственнаго дѣла, продолжателя и совершителя начатой имъ борьбы. Что касается до самой личности Іоанна, то, кромѣ того, что это человѣкъ страстный, намъ кажется, о немъ можно бы сказать болѣе.

(1) Съ этимъ согласенъ Бодянский, въ своемъ послѣсловіи къ Ист. Росс. Татищев. Кн. V. стр. 532.

(2) Люди, уничтожающіе всю древнюю Россію передъ Петромъ, должны ужъ быть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и принять мнѣніе Гр. Каврина, который, совершенно вѣрно и строго выразилъ эти убѣжденія, говоритъ, что *Россія должна называться не Россіей, а Петровіей, а Рускіе должны называться не Русскими, а Петровцами* (См. Москв. 1846 г. № 5, стр. 191—2).—Тѣ же должны видѣть въ г. Кукольникѣ поэта, ярко выразившаго ихъ убѣжденія, и повторять съ восторгомъ стихи его, въ которыхъ, исполненный безграничнаго благоговѣнія къ Преобразователю Россіи, г. Кукольникъ, между прочимъ, вдохновенно восклицаетъ, что Петръ въ Россіи:

Перехънулъ всю внутренность гнилую,
За уши поднялъ, на ноги поставилъ.

У насъ вѣтъ подъ рукою этихъ стиховъ, а они очень любопытны, какъ яркое слово дѣлаго образа мыслей.

Иоаннъ IV былъ—природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, — и наконецъ самыя ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ, на суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны, оно не допустить человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно; онъ любитъ ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отъ чего, и въ исторіи, и въ частной жизни, встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ, на примѣръ, плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушій,—и въ то же время самъ мучитъ и терзаетъ ближняго; — и онъ не обманываетъ: эти слезы не притворны; но онъ тронуть, какъ художникъ, съ художественной стороны, — а одно это еще ничего не значить, на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ, безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную красоту добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подѣ сплу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно-хорошо, — и довольствуется этимъ.—Такое состояніе почти безнадежно. Ибо тотъ, кто не понимаетъ добра и не чувствуетъ его, можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, кто наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ, — тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не художественное чувство вообще, а одно художественное чувство, отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ можетъ быть думать. Тогда и дѣло самое добра, если захотятъ его совершить, является, лишь какъ картина, безъ своей истины и сущности.

Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ оты-

скать красоту и въ самомъ дикомъ и въ самомъ низкомъ явленіи. На примѣръ, что можетъ быть возмутительнѣе для нравственнаго чувства, какъ образъ кромѣшника, терзавшаго несчастнаго жертвы Иоанновой жестокости? А вспомнимъ стихотвореніе Пушкина: Кромѣшникъ! Поэтъ представляетъ его не въ такомъ свѣтѣ, но какъ бы съ художественнымъ сочувствіемъ.

Въ Иоаннѣ была такая художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, — и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей Земли представителей, — и Царь, стоящій торжественно, подъ осѣненіемъ крестовъ, на Лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства, и опять Царь по среднѣ, предлагающій вопросы. То являлся ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ — ужасы казней Московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны, — картина царскаго смиренія, — и, увлеченный ею, онъ обращалъ и себя и опричникъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой — въ обитель. — Какъ трудно тому, кто любитъ красоту покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!

Мы не говоримъ, чтобъ эта художественность была одна движущою силою въ Иоаннѣ (человѣкъ вообще есть явленіе сложное). Нѣтъ, много было двигателей его духа; но такова была его природа, и она брала, разумѣется, сильное участіе въ каждомъ его дѣйствіи, на многое имѣла вліяніе, и многое психологически въ немъ объясняетъ.

Г. Соловьевъ говоритъ, что иные историки представили его сперва героемъ, а потомъ робкимъ и трусомъ, и говорятъ объ этомъ весьма неодобрительнымъ тономъ. Нельзя не согласиться, что въ рѣзкомъ разграниченіи Иоанна: на добродѣтельнаго и злодѣя — нѣтъ истины, хотя и тутъ нельзя очень обвинять историковъ, ибо самъ Курбскій начинаетъ этимъ разграниченіемъ свое посланіе къ Иоанну; а слова его, какъ бы ни были пристрастны, не могутъ быть ни на чемъ не основаны. Съ другой стороны, мы не видимъ ничего удивительнаго въ томъ, что человѣкъ, въ теченіи

ни своей жизни, может испортиться, нравственно пасть и быть не похожъ на себя самого въ нравственномъ отношеніи. Это самое можетъ случиться и на престолѣ. Въ Іоаннѣ точно мы видимъ нравственное измѣненіе, и хотя не мгновенное, однако довольно быстрое. Стоитъ снять только узду съ своей воли, и порча произойдетъ скоро. Намъ кажется, что порча въ Іоаннѣ именно пошла быстро тогда, когда онъ избавился отъ своихъ свовѣтниковъ, когда сбросилъ съ себя нравственную узду стыда, когда значеніе Царя слилось въ его понятіи съ произволомъ, и когда этотъ произволъ явилъ полное отсутствіе воли въ человѣкѣ: ибо отсутствіе воли и необузданная воля—это все равно.

Русская земля вынесла Іоанна, чтобъ сохранить свою недавнюю цѣлость и удержать возникающую крѣпость. Къ тому же, и это главное, Іоаннъ нападалъ на лица; именно на бояръ, выгораживая постоянно народъ. (На Новгородцевъ онъ напалъ, обвиняя ихъ въ общей пзмѣнѣ). Ни быта, ни учрежденій земскихъ онъ не трогалъ. Онъ слышалъ требованія исторіи, онъ исполнялъ ихъ. Онъ созвалъ Земскій Соборъ, и постоянно всюду давалъ наибольшій просторъ народному голосу и мнѣнію, въ дѣлахъ общественныхъ. Между тѣмъ, не въ молчаніи со стороны древней Россіи проходили страшныя дѣла Царя: Іоаннъ слышалъ обличенія... Въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ съ г. Соловьевымъ его оправданіе древняго Русскаго общества.

Этотъ произволъ, это служеніе своей личности, много измѣнили Іоанна. Подозрѣнія обступили его со всѣхъ сторонъ, — и какъ не справедливы были эти подозрѣнія! Онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры. — Нѣтъ ничего вреднѣе для правительства, какъ подобный страхъ; онъ отнимаетъ у монарха довѣренность къ странѣ, онъ лишаетъ мужества и дѣлаетъ робкимъ. Правда, Іоаннъ никогда не велъ себя Ахиллесомъ; но робость его, которую мы видимъ во второй половинѣ царствованія, — изумительна. Мы думаемъ, что она есть плодъ деспотизма и недовѣрчивости, столь незаслуженной, къ своему народу. Умѣвши быть гордымъ при успѣхѣ, Іоаннъ не могъ сберечь своего достоинства, какъ скоро счастье повернулось къ нему, хоть не много, спиною. Говоривши гордо съ Крымскимъ ханомъ, онъ потомъ ему билъ челомъ; не хотѣвъ сперва назвать Баторія братомъ, а назвавъ его сосѣ-

домъ (1),—онъ потомъ дѣлалъ ему уступку за уступкою и униженно добивался мира. И тотъ самый Іоаннъ, столь робкій передъ врагами, поразилъ своего сына смертельнымъ ударомъ за то, что тотъ сталъ говорить ему объ обязанности выручить Псковъ. Во время войны, Іоаннъ ссылаясь о мирѣ, и послы его униженно слѣдовали за Баторіемъ, опустошавшимъ Русскую землю. Деспотизмъ и служеніе своей личности есть часто источникъ робости и мелкости душевной.

Замѣчательно, что былъ одинъ изъ Русскихъ Государей, который питалъ, какъ извѣстно, къ Іоанну особенное уваженіе: это Петръ Великій. Такое сочувствіе замѣчательно. Намъ скажутъ можетъ быть, что оно очень просто, что Петръ желалъ также просвѣщенія, также хотѣлъ приобрѣсти Ливонію; но просвѣщенія хотѣли и всѣ наши Государи, а Борисъ болѣе всѣхъ. Желаніе приобрѣсти Ливонію было естественно, и конечно было желаніемъ не одного Іоанна; только трудныя обстоятельства мѣшали нашимъ Царямъ исполнить это намѣреніе. Намъ кажется, что сочувствіе это лежитъ глубже, а не привязано къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, — что это сочувствіе личностей. Но характеръ Петра былъ иной, чѣмъ Іоанна. — Невольно, на основаніи сочувствія Петра къ Іоанну, рисуется сравненіе обоихъ Государей. Замѣчательно сходство въ иныхъ частныхъ проявленіяхъ. Укажемъ на одно изъ нихъ.

Іоаннъ вдругъ сдѣлалъ Симеона Бекбулатовича Государемъ всея Россіи, съ титуломъ Великаго Князя, самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и ходилъ, какъ простой бояринъ (2). Но вся власть оставалась при немъ: онъ снялъ только съ себя царскую одежду. То же самое сдѣлалъ и Петръ. Онъ облекъ князя Ромодановскаго въ санъ царскій, назвалъ его Кесаремъ, говорилъ ему: «Ваше Величество», и, навѣсивъ на него, какъ на вѣшалку, все великолѣпіе царское, оставилъ при себѣ всю власть. Намъ ценз-

(1) „Тебѣ, соедѣду нашему, Стефану Королю“—такъ выражается Іоаннъ въ своей грамотѣ къ Баторію. Пет. Рос. стр. 376.

(2) Лѣтопись говоритъ: „въ то же время произволилъ Царь Иванъ Васильевичъ и послалъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, и самъ назвался Иваномъ Московскимъ и вышелъ изъ города, жить на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, саживается отъ царева жѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами“. Исторія Россіи г. Соловьева. Т. VI. стр. 235.

вѣстно, зналъ ли Петръ о поступкѣ Іоанна. Если нѣтъ, то въ этомъ случаѣ особенно замѣчательно такое сочувствіе обоихъ Государей. Какъ объяснить подобный поступокъ? Объяснить, кажется, можно. Здѣсь видимъ полнѣйшее самоощущеніе безграничной, чистой власти, откинувшей весь блескъ, пышность и великолѣпіе, всѣ свои атрибуты, на которые какъ будто она опирается. Передъ всею великолѣпною обстановкою, въ лицѣ Великаго Князя Симеона и Кесаря Ромодановскаго, передъ этимъ беспильнымъ изображеніемъ власти — являлась сама власть, лишенная всякого величія, всякого гордаго одѣянія, власть, облекшаяся въ образъ подчиненности, но тѣмъ сильнѣе чувствующая всю свою силу и безграничность. Это ощущеніе безграничной власти, во всей ея чистотѣ, конечно испытывалось и Иваномъ Московскимъ и Петромъ Шкиннеромъ. Въ Петрѣ это явилось еще рѣзче и сильнѣе, чѣмъ въ Іоаннѣ, какъ и все, въ чемъ сходились они.

Если мы обратимъ безпристрастное вниманіе наше на ту эпоху, то есть, на XVI вѣкъ, то насъ невольно остановитъ зрѣлость политическихъ намѣреній Россіи въ томъ вѣкѣ. Едва сплотившаяся въ цѣльное государство, она уже устремляетъ свои взоры на Черное и Балтійское моря и стремится приобрѣсти берега ихъ. Россія XVI вѣка сознаетъ необходимость обладанія Крымомъ, и Русскіе полки проникаютъ туда. Здѣсь-то вышелъ споръ у Іоанна съ боярами: они предпочитали берега Чернаго моря, они не желали войны съ государствами Христіанскими; но Іоаннъ добивался Ливоніи и береговъ Балтійскаго моря. Кто былъ правъ — трудно рѣшить. По крайней мѣрѣ Іоаннъ какъ будто потомъ согласился съ своими боярами, завѣщавъ не воевать съ державами Христіанскими. Россія помнила ясно свои права, старину свою: Кіевъ называется отчиною Царя; на Ливонію смотритъ Россія, какъ на древнее свое достояніе. И этотъ взглядъ Россіи XVI вѣка нельзя не признать вѣрнымъ. И такъ, Россія въ XVI вѣкѣ частію приобрѣла тѣ владѣнія, какими пользуется теперь, частію намѣтила себѣ предѣлы, совершенно почти въ томъ объемѣ, въ какомъ находится Россія XIX вѣка.

Съ другой стороны, относительно внутренняго совершенствованія, Россія XVI вѣка стремилась къ просвѣщенію, стремилась къ сблженію съ Западною Европою, стараясь заимствовать отъ

нея всё ея изобрѣтенія и успѣхи, но *оставаясь самостоятельной* (при чемъ только и можетъ быть плодотворно заимствованіе). А просвѣщенная Европа, напротивъ, не давала просвѣщенія и всѣми силами старалась препятствовать Россіи въ ея благородномъ стремленіи приобрѣтать полезныя знанія отъ своихъ сосѣдей. Приведемъ здѣсь выписку изъ исторіи г. Соловьева. «Въ 1539 году, когда бѣжавшій изъ Москвы Петръ Фрязичъ былъ представленъ Дерпскому епископу, тотъ спросилъ его: знаетъ ли онъ въ Москвѣ Нѣмца Александра? Петръ отвѣчалъ: «знаю, я жилъ съ нимъ на одной улицѣ; этотъ Александръ сказывалъ въ Москвѣ боярамъ, что у него есть товарищъ въ Дерптѣ, который умѣетъ пушки лить и стрѣлять изъ нихъ и думаетъ ѣхать въ Москву служить Великому Князю». *Услыхавъ это, Епископъ допытался объ этомъ Пльмцѣ и сослалъ его невѣдомо куда.*»—(1) Какъ ошибочно закоренилось въ людяхъ несвѣдущихъ мнѣніе (а вѣдь такихъ людей еще много), что до-Петровская Россія чуждалась просвѣщенія и дичилась Западной Европы, и что только съ Петра явилось стремленіе къ знанію. Пусть они прочтутъ VI томъ Исторіи г. Соловьева: они увидятъ тому совершенно противное. Они увидятъ, что стремленіе къ просвѣщенію, къ заимствованію всего полезнаго отъ Европы, было и до Петра.

Что касается до внутренняго устройства самой страны, то мы видимъ, что въ XVI вѣкѣ созванъ былъ Земскій Соборъ, съ котораго начинается рядъ Земскихъ Соборовъ до самаго Петра I.—Мы видимъ всюду покровительствуемое земское мнѣніе и участіе въ государственныхъ дѣлахъ; видимъ мы это изъ губныхъ грамотъ и другихъ актовъ. Мы видимъ, что правительство обращается къ народу въ трудныя минуты и дѣлится съ нимъ сочувствіемъ къ общему дѣлу. Мы видимъ, что совѣщательное начало было въ высшей степени распространено въ Россіи и на него сильно опиралось правительство.

Мнѣніе свое о новомъ трудѣ г. Соловьева мы высказали. Мы сказали, что это не исторія, а историческое изслѣдованіе.

Ожидаемъ слѣдующихъ томовъ.

---

(1) Ист. Рос. Т. VI стр. 139.

ЗАМЪЧАНІЯ НА СТАТІЮ Г. СОЛОВЬЕВА:

«Шлѣцерь и анти-историческое направленіе» (1).

Въ статьѣ своей подъ названіемъ: «Шлѣцерь и анти-историческое направленіе», извѣстный ученый нашъ, г. Соловьевъ говоритъ съ великимъ неодобреніемъ о цѣломъ направленіи въ наукѣ, которое называетъ онъ *анти-историческимъ*. Не легко было бы угадать, что это за направленіе, если бъ почтенный профессоръ не приводилъ его положеній и не указывалъ прямо на статьи, въ которыхъ оно выражается. Всѣ эти статьи помѣщены въ Русской Бесѣдѣ; и такъ понятно, противъ какого направленія вооружается г. Соловьевъ.

Направленіе названо *анти-историческимъ*. Почему? Отвергаетъ ли оно историческія данныя, считаетъ ли не нужнымъ знать прошлое? Нѣтъ, самъ г. Соловьевъ не могъ сказать этого. Онъ не оспариваетъ, что направленіе опирается на историческихъ фактахъ, но.... оно ихъ не такъ перетолковываетъ. Въ такомъ случаѣ названіе «анти-историческое» сюда нейдетъ, ибо ошибочно перетолковывать исторію не значитъ исторію отвергать и идти въ наукѣ путемъ неисторическимъ; въ противномъ случаѣ, г. Соловьевъ всѣхъ, несогласныхъ съ нимъ, долженъ былъ бы причислить къ анти-историческому направленію, оставивъ при историческомъ лишь себя и своихъ партизановъ или (какъ теперь довольно неудачно переводятъ у насъ) *сторонниковъ*.

Названіе: *анти-историческое*, придумано невѣрно, и говорить объ этомъ мнѣ нечего. Но слово сказалось не даромъ. *Историческое* направленіе, какъ называетъ свое направленіе г. Соловьевъ, понимаетъ исторію точно исключительнымъ и одностороннимъ

---

(1) Изпечатано въ Р. Бесѣдѣ 1857 г. Т. III, и статья г. Соловьева—въ Русск. Вѣстникѣ.

образомъ. Оно думаетъ, что преемство всѣхъ историческихъ явленій есть непремѣнное восхожденіе отъ лучшаго къ лучшему, такъ что день настоящій есть всегда день правдивый, а вчерашній день есть день осужденный. Это — поклоненіе не исторіи, а *времени*. Здѣсь нѣтъ вопроса объ истинѣ въ ней самой, вѣра въ которую, вы не справляетесь: ея ли время теперь, или нѣтъ? здѣсь вопросъ только о времени, и ужъ тотъ непремѣнно правъ, чье время. Это странное, *привременное*, если можно такъ выразиться, направленіе есть постоянное. оправданіе историческихъ дѣятелей-временщиковъ (подъ дѣятелями мы разумѣемъ здѣсь не одни лица, а всякую движущую идею эпохи). Но, постоянно прославляя настоящую идею, историкъ съ такимъ историческимъ направленіемъ можетъ впадать въ безпрестанныя ошибки. Приковать себя къ колесу времени — дѣло неудобное: придется не разѣ упасть внизъ, пбо коловратно время. Положимъ, историкъ, въ эпоху реставраціи, совершенно согласно съ ходомъ времени, изложилъ бы исторію Франціи, сказавъ, какъ выработалась въ ней идея монархіи, прошедшая сквозь такіа-то испытанія; вывелъ бы, что республика есть испробованная и брошенная форма и т. д.; историкъ могъ все это доказывать наканунѣ Іюльской революціи. Послѣ Іюльской революціи, онъ былъ бы уже въ затрудненіи; но вотъ вдругъ республика, а тамъ Наполеоновская имперія!—Нѣтъ, истина—не временщикъ, и отъ времени не зависитъ. Чтò мнѣ за дѣло, что такая-то идея *теперь* торжествуетъ. О ея ложности и неложности сужу я на основаніи требованій истины независимой, я не усомнюсь назвать ее ложною (если такую найду), какъ бы ни была она сильна во времени. Основаніемъ для пониманія исторіи должна быть, съ одной стороны, идея общей истины, ибо всякая исторія представляетъ такое или иное къ ней отношеніе, съ другой—начало (принципъ) пародное, проникающее всю исторію, — а не преемство историческихъ явленій или формъ. Вотъ чтò должно быть критеріумомъ (мѣрломъ), и вотъ чего нѣтъ у школы исторической (какъ она сама себя называетъ), школы, которая служитъ времени и всякой послѣдней исторической идеѣ, на примѣръ, теперь — идеѣ Петровскаго переворота. Вотъ чтò называемъ мы: поклоняться времени. Должно или отказаться отъ господства времени и прибѣгнуть къ истинѣ самой по себѣ, на основаніи которой объясняется самое время, или обоготворить

время и отказаться тогда отъ истины самой по себѣ, независимой. *Историческое* (какъ оно называетъ себя) направленіе избрало второй путь. Понятно, что это направленіе страдаетъ недостаткомъ критики, и потому, откинувъ исключительное названіе историческаго (названіе, которое принадлежитъ всякому направленію, на исторіи основанному), оно, въ отличіе отъ другихъ, гораздо вѣрнѣе можетъ назваться *анти-критическимъ*. У него, если хотите, можетъ быть критика прошедшаго, но никогда настоящаго; между тѣмъ, какъ настоящее не есть еще истина, потому что оно настоящее и торжествующее, и подлежитъ также критикѣ (1). Критика же одного прошедшаго не есть свободная критика, а осужденіе. Гдѣ критика является только орудіемъ заранѣе изреченнаго приговора, тамъ нѣтъ критики. И потому повторяемъ, что направленію, о которомъ говоримъ, прилично названіе *анти-критическаго*. Но изъ этого названія мы не намѣрены дѣлать прозвища, считая это неумѣстнымъ въ серьезной статьѣ.

Сказавъ это пелишнее замѣчаніе, мы постараемся отвѣчать на нападенія, собственно на насъ направленные.

Авторъ начинаетъ съ вопроса о родовомъ бытѣ. Споръ давнишній. Отрицать по его мнѣнію родовой бытъ можно, только отвергая историческія свидѣтельства. Но обвинять въ этомъ противоположное историческое направленіе — не было никакой возможности; и такъ авторъ говоритъ, что оно «перетолковываетъ ясный смыслъ лѣтописныхъ извѣстій, употребляетъ натяжки.» — Докажите это! Обличите перетолкованія и натяжки; это, вѣроятно, не трудно, если это такъ. А вы говорите лишь слѣдующее:

«Тамъ, гдѣ на сценѣ прямо явленіе изъ родоваго быта, какъ на примѣръ, если братья владѣютъ нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, тамъ послѣдователи анти-историческаго направленія видятъ явленіе семейное! Лѣтописецъ говоритъ ясно, что у восточныхъ Славянъ каждый жилъ особо съ родомъ своимъ и владѣлъ имъ: нѣтъ, говорятъ, это значитъ, что Славяне владѣли по родамъ, дѣлымъ родомъ совокупно, — и такимъ образомъ, вопреки своему желанію, прямо доказываютъ господство родоваго быта.

(1) Говоря прошедшее и настоящее, мы разумѣемъ историческія, движущія идеи эпохъ, являющіяся въ прошедшемъ и настоящемъ; мы сказали, какая идея торжествуетъ въ настоящемъ.

Всѣмъ, сколько нибудь знакомымъ съ языкомъ древнихъ памятниковъ, извѣстно, что слово родъ употреблялось для означенія современной совокупности всѣхъ живыхъ родственниковъ: послѣдователи анти-историческаго направленія отвергаютъ и это; говорятъ, что слово родъ означало *только* (?) семью; родовыя княжескія отношенія они объясняютъ тѣмъ, что князья не были Славянскаго племени, не указывая на тотъ не Славянскій народъ, у котораго это явленіе было бы въ такой степени развито, и умалчивая о тѣхъ Славянскихъ народахъ, у которыхъ оно было развито» (Р. Вѣст. № 8. 1857, стр. 140).

Развѣ это ученое возраженіе? Здѣсь очевидно указывается на мою статью: О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности (Моск. Сборникъ, 1852). Но вѣроятно въ статьѣ приведены какія-нибудь доказательства, что же вы ихъ не опровергнете? Г. Соловьевъ сказалъ, впрочемъ, что онъ уже опровергъ эту статью еще въ IV-мъ томѣ своей Исторіи, въ примѣчаніяхъ къ I-му тому. Это опроверженіе на пяти съ небольшимъ страницахъ (въ статьѣ же моей, состоящей почти изъ однихъ фактовъ, 90 стр. слишкомъ). Но и тамъ статья эта нисколько не опровергнута, уже по одному тому, что изъ нея взяты лишь нѣкоторыя мѣста, а она сильна совокупностью доказательствъ; да и взятыя изъ нея мѣста опровергаются болѣе тономъ, чѣмъ значеніемъ возраженій.

Здѣсь будетъ кстати разобрать эти возраженія, тѣмъ болѣе, что приговоры касательно мнѣній о родовомъ бытѣ въ настоящей статьѣ г. Соловьева, приведенные выше, всѣ вытекаютъ отсюда.

Выпшемъ всѣ возраженія г. Соловьева цѣликомъ; они не обширны; позволимъ себѣ ставить курсивъ тамъ, гдѣ выраженіе кажется намъ страннымъ.

Стр. 46 и 47 (томъ 1).

«Слово: князь -- имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства». Этимъ лексиконнымъ опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели воспользовались для того, чтобы обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ, близкихъ другъ къ другу по значенію словъ. Если бѣ означенное лексиконное объясненіе слова князь было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои по-

нати о родѣ, то конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ *придирокъ*, я намѣнилъ бы это мѣсто; но если сами возражатели *признаются*, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ семья и родъ различены ясно, то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія.»

Остановимся пока. Г. Соловьевъ, какъ видно изъ тона его статьи, отвѣчаетъ весьма перавподушно: но главное дѣло не въ тонѣ. — Возражателямъ стоило довольно труда опредѣлить, какъ понимаетъ г. Соловьевъ родовой бытъ; имъ вовсе не нужно было обвинять его въ смѣшеніи рода и семьи. Для нихъ всего нужнѣе было извлечь изъ словъ г. Соловьева, что онъ различаетъ родъ и семью, ибо тогда только и становилось возможно опроверженіе мнѣнія, защищающаго въ Славянскихъ народахъ родовое начало, что и сдѣлано было возражателями. Но при извлеченіи мысли г. Соловьева, не могли жѣ возражатели не видѣть, что въ словахъ его неоднократно смѣшиваются семья и родъ. — Возражателямъ нечего было объявлять «непозволительнымъ» всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ, близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. И безъ этого объявленія извѣстно, что иногда такое сопоставленіе полезно, а иногда именно эта близость и сбиваетъ; это зависитъ отъ того, на чемъ основана близость словъ: на однородномъ ли значеніи идеи, выражаемой въ словахъ, или на наружномъ сходствѣ. Если самъ авторъ оскорбляется тѣмъ, что его обвиняютъ въ смѣшеніи рода и семьи, какъ же ставить онъ рядомъ слова, означающія бытъ родовой и бытъ семейный, родоначальника и отца семейства? Онъ называетъ это лексиконымъ опредѣленіемъ; почему же предполагаетъ онъ плохіе лексиконы? Возражатели не думали *придираться*, и *признаваться* имъ нечего въ томъ, что г. Соловьевъ, смѣшивая въ своихъ мѣстахъ, все же въ результатѣ различаетъ родъ и семью. Это различеніе извлечь было нужно возражателямъ, какъ уже мы сказали, и только неопредѣленность рѣчи г. Соловьева дала имъ этотъ лишній трудъ. — Въ свою очередь мы съ большимъ правомъ могли бы выразиться: г. Соловьевъ, утверждая, что его обвиняютъ въ смѣшеніи рода и семьи, *признается*, однакоже, что обвинители его находятъ, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи семья и родъ различены ясно. — И такъ обвиненіе въ смѣшеніи семьи и рода падаетъ лишь на нѣкоторые мѣста; а такихъ мѣстъ

не одно.—Всего же лучше просимъ читателей обратиться къ нашей статьѣ (ибо насъ г. Соловьевъ разумѣетъ подъ словомъ: возражатели) и прочесть стр. 7, 8, 9, 10, 11, 12. Статья наша, подъ заглавіемъ: О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности, напечатана въ Московскомъ Сборникѣ 1852 года.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Далѣе у меня сказано: Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти. Возражатель говоритъ, что «здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, если бъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла.» Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнію и смертію своихъ дѣтей, право, *при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, власти родоначальника.*»

Если бъ г. Соловьевъ при выраженіи своемъ, о которомъ идетъ рѣчь, вставилъ слова, теперь имъ сказанныя, такъ не о чемъ было бы и говорить. Но все недоразумѣніе происходитъ отъ заучатности и сбивчивости изложенія г. Соловьева; если бы онъ выражался наукообразно (*wissenschaftlich*), какъ бы упростилось дѣло! Возражателю было бы не пужно трудиться надъ яснымъ опредѣленіемъ или извлеченіемъ образа мыслей г. Соловьева, а оставалось бы прямо возражать на оный. Г. Соловьевъ упрекаетъ возражателя, за чѣмъ онъ не выписалъ всей статьи. Это можно сдѣлать, но выгодно ли будетъ это для г. Соловьева? Вотъ эта статья, къ которой относится упомянутое мѣсто.

«Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи, *но предки наши не знали семьи, они знали только родъ* (1), который означалъ всю совокупность

(1) Просимъ читателей замѣтить эти слова г. Соловьева.

степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ: родъ означалъ и совокупность родственниковъ, и каждаго изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой, и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили родовыя разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ *старшало въ родѣ, родоначальника, отца семейства* (?). Существуютъ различныя взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, при чемъ приводятъ въ примѣръ семью Римскую и Германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать дѣтей на рабство и смерть. — Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ, младенческомъ состояніи народа, у котораго движенія страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, обуславливаетъ неопредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы не можемъ вполне раздѣлять и противоположнаго взгляда: *правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вѣлитель и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти*; но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій? Не имѣемъ ли мы право предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владиміръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хотеть воспользоваться сво-

имъ правомъ — но входитъ малютка-сынъ, и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія? (Ист. Р. С. Соловьева, т. I. стр. 46—47).

Кажется, мы выписали, и прежде и послѣ спорнаго реченія (фразы), все, что нужно; дальнѣйшее не прибавляетъ ничего къ объясненію спорнаго вопроса. Точно, г. Соловьевъ приводитъ права отца надъ дѣтьми; но тутъ же ставитъ оцъ рядомъ родоначальника и отца семейства, тутъ же говоритъ, что при родовомъ бытѣ (по крайней мѣрѣ у предковъ нашихъ) семьи не было, такъ что весьма позволительно было въ приведенномъ мѣстѣ, для устранения противорѣчія, предположить родоначальника. Впрочемъ, сила не въ томъ. Г. Соловьевъ различаетъ семью и родъ: этого довольно. Всѣ эти хлопоты извлечь изъ мнѣній г. Соловьева опредѣленную мысль простекали изъ желанія вѣрно изложить его взглядъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ, что «любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой верховный отецъ, патриархъ всего рода.» Этому мы уже никакъ понять не можемъ; не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ считался двоюродный дядя ихъ, Святополкъ Изяславичъ. По мнѣнію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ, какъ должно, любить отца при существованіи дѣда (?). Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живаго событія, живыхъ отношеній!»

Не напрасно ли такъ скоро торжествуетъ г. Соловьевъ? Въ его собственныхъ словахъ находится ему возраженіе. Онъ говоритъ, что *предки наши не знали семьи, а знали только родъ*. Мы думаемъ, что слова эти сказаны не на вѣтеръ, — а они ясны. Если предки наши не знали семьи, то не знали слѣдовательно и семейнаго чувства, семейной любви. Отцы и дѣти конечно всегда были; но семья есть извѣстное отношеніе родителей къ дѣтямъ, извѣстный союзъ родителей и дѣтей; если *семьи* не было, то не было и *семейной* любви. Если семья была поглощена родомъ,

то послѣ этого какъ же думать, что семья оставалась въ своемъ значеніи? Другими словами, это значило бы сказать: конечно семья поглощалась родомъ, но, разумѣется, она не поглощалась родомъ. Г. Соловьевъ рѣшительнѣе насъ. Мы говоримъ: семья была поглощена, стѣснена, а онъ говоритъ прямо: *семьи не знали*. Можно бы посоветовать почтенному профессору лучше помнить свои собственные слова и не слишкомъ скоро торжествовать побѣду. — Примѣръ дѣтей Мономаха показываетъ между прочимъ лишь то, что родовое устройство въ Рюриковомъ родѣ являлось только отчасти. Возраженія же, что слѣдовательно и теперь въ нашихъ семьяхъ, при существованіи дѣда, дѣти не могутъ, какъ должно, любить отца—нельзя было ожидать отъ ученаго историка. Вѣдь рѣчь шла о родовомъ бытѣ, и о родоначальникѣ при такомъ бытѣ. А развѣ гдѣ есть дѣдъ, тамъ непременно родовой бытъ? послѣ этого всѣ народы жили бы, и осуждены бы были жить вѣчно въ родовомъ бытѣ.... Ну, можно ли дѣлать такія возраженія, и еще самому радоваться ихъ успѣшности?

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Такъ же составилось положеніе возражателя, что при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакое общее совѣщаніе невозможно; изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами невозможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ.»

Да развѣ можно выработанныя и созпательныя отношенія государствъ сравнивать съ первобытнымъ общественнымъ состояніемъ? Сверхъ того слова наши измѣнены г. профессоромъ. У насъ сказано слѣдующее положеніе (стр. 32): «При родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо (что такъ часто повторяется гг. послѣдователями Эверса), *никакая община не возможна.*»—Развѣ г. Соловьевъ такъ выставилъ положеніе, сказанное нами?

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Также составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку въ отдѣльномъ родѣ, то родовое устройство уничтожается: мы видимъ сѣзды, совѣщанія князей, родичей, принадлежащихъ къ одному роду, и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.»

Но развѣ родъ Рюрика представляетъ тотъ родовой бытъ, о какомъ говорится? Вспомнимъ, что это былъ родъ княжой, гдѣ

каждый членъ рода, каждый простой родичъ—былъ князь, владѣль. (Вѣроятно г. Соловьевъ ни Новгородцевъ, ни Кіевлянъ, ни другихъ не причислитъ же къ роду Рюрика). Развѣ родъ обыкновенно состоитъ изъ князей? Этому г. Соловьевъ вѣроятно не думаетъ. И такъ Рюриковъ родъ есть родъ не нормальный, не обыкновенный. Уже по одному тому, что всякой членъ рода былъ князь и владѣтель (по крайней мѣрѣ по праву), родовой быть не могъ бы удержаться; вообразите себѣ родъ, гдѣ каждый родичъ—государь и владѣтель: какой уже это родовой быть? Вотъ почему и сѣзды были возможны, ибо государственное значеніе князей заставляло ихъ дѣлать эти сѣзды, и вотъ почему примѣръ Рюрикова дома совсѣмъ нейдетъ сюда въ защиту родоваго быта.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Для объясненія родоваго устройства я привелъ извѣстную старую Чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель говоритъ, что здѣсь «вопросъ семейный, а не родовой, на сценѣ семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода нѣтъ.» Умираетъ отецъ, оставляетъ двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обонхъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, — и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой! (?) Чтѣ же по его мнѣнію будетъ семья, и чтѣ родъ? До какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья, по смерти отца, составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, чтѣ назвать *зеленою желтымъ*, и утверждать, что *зеленого нѣтъ* (?). Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. «Рѣчь идетъ о томъ, говоритъ онъ, что всѣ дѣти наследуютъ отцу, и что, въ первую минуту наследованія, они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наследствомъ, чтѣ потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣлиться.» Но откуда взялась эта первая минута? гдѣ объ ней говорится?»

Напрасно такъ скоро и такъ рѣшительно. Мы спросимъ въ свою очередь г. Соловьева, о комъ говорится въ пѣснѣ, объ отцѣ и двухъ его сыновьяхъ, чтѣ это: семья или родъ? г. Соловьевъ не поспоритъ, что семья, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Теперь отецъ этотъ умираетъ, и остаются два сына и дѣлать наследство; кто жъ дѣлать, семья или родъ? конечно семья; это дѣлать чисто семейный. Такъ и теперь онъ будетъ всегда названъ. Конечно то, чтѣ сей часъ было семьею въ самомъ тѣсномъ смыслѣ,

не могло вдругъ обратиться въ родъ. На сценѣ, у насъ въ этой пѣснѣ, два брата спорять о наслѣдствѣ, по смерти ихъ отца. Что же это, какъ не семья? а г. Соловьевъ говорить, что родъ. Если это родъ, то что же будетъ семья? Такихъ родовыхъ, по мнѣнію г. Соловьева, споровъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, онъ и теперь найдетъ великое множество; неужели же будетъ онъ утверждать, на основаніи этого, что Европа и теперь живетъ подъ условіями родового быта? А вѣдь онъ долженъ это утверждать, если не хочетъ себѣ противорѣчить.... Не надобно быть поспѣшнымъ.

Лучше бы г. Соловьевъ обратилъ вниманіе на замѣчаніе наше, отчего, — если принимать родовой бытъ, — весь родъ представляется двумя родными братьями, почему нѣтъ другихъ родичей? неужели всѣ остальные родичи вымерли? а это родъ старый, Тетвы Попелова. Но г. Соловьевъ не заблагоразсудилъ обратитъ своего вниманія на этотъ вопросъ, отвѣтъ на который былъ бы естественно не въ пользу существованія родового быта. Г. Соловьевъ спрашиваетъ, что по нашему мнѣнію семья, и что родъ; на это въ статьѣ нашей мы отвѣчали довольно обстоятельно; но такъ какъ со стороны г. Соловьева это вопросъ, а не возраженіе, то и не считаемъ нужнымъ выписывать здѣсь мѣста, а довольствуемся указаніемъ на нашу статью, въ особенности на страницы: 94, 95, 96 (Моск. Сбор. 1852).

Возражатель не могъ чувствовать невыгоду своего положенія, какъ это, я думаю, достаточно видно изъ объясненнаго выше. Но г. Соловьевъ не совсѣмъ вникъ въ слова наши; мы говоримъ здѣсь не о томъ, что на сценѣ вопросъ и споръ семейный, объ этомъ и говорить много не нужно, а о совокупномъ владѣніи наслѣдственнымъ; здѣсь точно мы говоримъ, что въ первую минуту наслѣдованія дѣти всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, и противъ этого, я думаю, едва ли кто будетъ спорить; куда дѣти не раздѣлились, они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ. Эта первая минута можетъ длиться больше, перейти въ первое время наслѣдованія, а время это можетъ продлиться и очень долго, впередъ до новаго наслѣдованія, что видимъ теперь даже и въ дворянскихъ семьяхъ, которыя отъ того не могутъ же быть причислены къ родовому быту. Откуда взялась эта первая минута? — изъ дѣйствительности, изъ жизни. Это такая простая дѣйстви-

тельность, которая постоянно повторяется. Прибавимъ здѣсь еще указаніе на крестьянскую семью: очень часто между крестьянами, сыновья—возьмемъ для примѣру двухъ сыновей — послѣ смерти отца, не раздѣлятся, а будутъ жить вмѣстѣ *однимъ хозяйствомъ*, какъ было и прежде, сохраняя такимъ образомъ свою *семейную цѣлость*, бывшую при жизни отца ихъ; одинъ изъ нихъ будетъ ходить на сходку (какъ Чешскій владыка); но если бы вдругъ одинъ братъ, или оба вмѣстѣ задумали раздѣлиться (и это было также въ употребленіи), они вольны были это сдѣлать. Здѣсь видимъ мы крестьянскую Славянскую семью, но родового быта и признака здѣсь нѣтъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «За натяжкою слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что Любуша предлагаетъ имъ общее владѣніе, или раздѣленіе поровну — оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ: но Любуша говоритъ: «рѣшите, по закону боговъ, владѣть имъ сообща наследствомъ, или раздѣлиться поровну». Если бы старый законъ говорилъ и то, и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говоритъ законъ!» Но ясно, что Снемъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество предъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ (тяжущимся?). Кромѣ стараго закона, Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ равнымъ раздѣленіемъ наследства, и предлагаетъ Снему рѣшить, что лучше? Но намъ не нужно владаться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣсни, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему, дѣти должны сообща владѣть наследствомъ,—о раздѣлѣ ни слова».

На это прежде мы можемъ отвѣчать г. Соловьеву то, что слова Любуши, отдѣльно взятыя, могутъ быть, въ грамматическомъ отношеніи поняты и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ. Вотъ ея слова въ подлинникѣ, понятномъ всякому Русскому:

По закону вѣкожизныхъ боговъ ,

Будета имъ оба въ едно власти,

Чи се раздѣлита ровну мѣру.

Будета,—это двойственное число; и такъ, по закону вѣкожизненныхъ боговъ, они оба будутъ владѣть вмѣстѣ (заедно) или раздѣлять себѣ равную мѣру. Отвести ли: *по закону вѣко-*

землепашество боговъ, къ первому только мѣнью, или и ко второму? Изъ одного этого мѣста рѣшить трудно. Надобно поискать объясненія въ самой пѣсни. Объясненіе же г. Соловьева, что если бѣ законъ говорилъ и то, и другое, то оставалось бы отдать на выборъ тяжущимся, совершенно не основательно; ну, а если тяжущіеся не согласны, одинъ выбираетъ одно, а другой — другое, какъ тутъ быть? тутъ приходится рѣшать лицамъ постороннимъ, въ настоящемъ случаѣ княжпѣ и Снему. «Любуша должна была бы сказать: вотъ что говорить законъ!» да Любуша такъ и говоритъ. Но обратимся къ пѣсни и посмотримъ, нѣтъ ли въ ней какихъ указаній. Любуша, сказавъ свое мнѣніе, говоритъ: «разрѣшите мои выповѣди (прпговоры, пзреченія), будутъ ли у васъ по разуму; если не будутъ у васъ по разуму, уставьте имъ новый прпговоръ, который *смирилъ* бы поссорившихся братьевъ.» Снемъ, выслушавъ слова Любуши, сталъ хвалить ея выповѣди. Если бы первая только мѣра была по закону боговъ и основывалась на родовомъ бытѣ, то вторая мѣра Любуши, *новая ея придуманная* (по мнѣнію г. Соловьева), нарушающая этотъ бытъ, могла ли быть встрѣчена равнодушно Снемомъ и заслужить равныя похвалы съ первою мѣрою? Снемъ, начавъ тихо говорить, сталъ хвалить пзреченія Любуши. — Далѣе, Хрудошъ, старшій братъ, хочеть не того; онъ хочеть маіоратства, и это, какъ чуждая, не народная мѣра, возбуждаетъ негодованіе, и *въ противоположность Хрудошу, а не Любушѣ*, и приводится старый отцовскій законъ; правда, въ этомъ законѣ говорится о владѣніи дѣтьми сообща наслѣдствомъ, но вспомнимъ нашу крестьянскую семью, гдѣ обыкновенно такъ бываетъ, но гдѣ это не мѣшаетъ потомъ выдѣляться; то же можемъ мы и здѣсь предположить, но это, не какъ правило, а какъ право или возможность, не имѣло надобности быть приведено въ словахъ Ратибора. Если же бы это было что-нибудь новое, не вытекающее изъ древняго обычая, то Снемъ, повторяемъ, сказалъ бы что нибудь противъ такой мѣры и не сталъ бы хвалить всѣхъ пзреченій Любуши, — какъ онъ это дѣлаетъ. Вѣдь Снемъ объявляетъ же себя противъ Хрудоша. Въ подкрѣпленіе приведемъ, что и Шафарикъ объ мѣры, предложенныя Любушей, признаетъ древне-Славянскимп. Что эти мѣры — объ древнія. Другъ другу не противорѣчащія, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы съ своей стороны, на основанія всего

вышесказаннаго, продолжаемъ думать, что и вторая мѣра была тоже по старому закону *елкожизненныа* боговъ, — служба можетъ быть его признаннымъ видоизмѣненіемъ, — по крайней мѣрѣ согласна съ нимъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у Славянскихъ народовъ, то эти явленія нейдутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родового быта только до половины IX вѣка, а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту, какъ постоянно и показывается въ моей книгѣ; нарушаютъ полноту, говорю, и только; ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родового быта такъ могущественны въ Русской исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто: таково, на примѣръ, господствующее явленіе въ древней нашей исторіи — родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ объ нихъ возражатель? Вотъ какъ: «Замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти (!!) найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ.» И такъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не Славянскимъ, а Варяжскимъ, т. е. Скандинаво-Германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родового быта у Скандинаво-Германскихъ племенъ, и отвергнуть его у Славянскихъ; но любопытиѣ всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у Западныхъ Славянъ была давно уже извѣстна; возражатель однако заблагоразсудилъ умолчать о ней, заблагоразсудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ Славянскихъ народовъ, а у другихъ племенныхъ народовъ не существовали!»

Г. Соловьевъ смущается нашимъ выраженіемъ: *хотя отчасти*, и ставитъ два знака восклицанія въ скобкахъ. Мы не видимъ, почему оно кажется ему такъ страннымъ, ибо онъ самъ говоритъ, что полнота родового быта нарушена, хотя считаетъ, что онъ былъ еще могущественъ и послѣ Рюрика. Мы, не видя ничего страннаго въ этомъ выраженіи, употребили его опять (см. выше). Но не въ этомъ дѣло. О родовыхъ отношеніяхъ князей

между собою мы точно сказали мало въ нашей статьѣ, считая нужнымъ опровергнуть главныя положенія защитниковъ родового быта, и потому еще, что считали возможнымъ, хотя отчасти, находить родовое устройство въ родѣ Рюриковомъ. Теперь кстатѣ скажемъ свое мнѣніе объ этомъ.

Первое, что должно поразить каждаго изслѣдователя, такъ это совершенное отсутствіе всякаго слѣда родового начала въ городахъ, въ народѣ, призвавшемъ Рюрика, и съ другой стороны, присутствіе слѣда этого родового быта въ княземъ родѣ, не туземномъ, который былъ призванъ изъ-за моря. Очень естественно было остановиться на этомъ явленіи свое вниманіе, что мы и сдѣлали, но что такъ сильно не нравится г. Соловьеву. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялся родовой элементъ въ призванномъ родѣ Рюрика, когда этого элемента вовсе не было въ народѣ, такъ что и г. Соловьевъ его въ немъ не можетъ найти послѣ Рюрика, по крайней мѣрѣ послѣ Ярослава, со времени котораго и начались родовые княжіе счеты (впрочемъ прежде имъ нельзя было и явиться въ опредѣленномъ видѣ)? Что за странный *volte-face!* Народъ находится въ родовомъ бытѣ; является къ народу князь съ дружиною и съ ними государственный элементъ; вдругъ.... въ князѣ и дружинѣ является элементъ родовой, а въ народѣ его нѣтъ вовсе. Такія превращенія въ исторіи невозможны, а если они, по видимому, происходятъ, значитъ — точка зрѣнія не вѣрна. По этому постараемся выкинуть въ то, что представляетъ намъ исторія. Прежде всего, самое естественное — устранить напраслину родового быта, взведенную на Славянъ вообще и на Русскій народъ въ особенности, что мы и старались доказать въ статьѣ нашей о родовомъ бытѣ Славянъ, предложенной въ Московскомъ Сборникѣ на судъ читателей. Это внезапное отсутствіе родового элемента въ народѣ послѣ призванія Рюриковскаго рода (въ которомъ на первый взглядъ есть слѣдъ этого элемента), уже не будетъ насъ пзумлять. Чего не было прежде, того не явлюсь и послѣ. Но откуда же взялся родовой элементъ въ родѣ Рюрика? — Самый естественный отвѣтъ, что онъ былъ принесенъ имъ съ собою. Здѣсь г. Соловьевъ и требуетъ, чтобъ мы показали господство родового быта у Скандинаво-Германскихъ племенъ и отвергнули его у Славянскихъ; второе требованіе мы исполнили, пбо вся статья наша написана объ этомъ. Но первое

нами не выполнено, ибо мы такой задачи себя не задавали. Хотя вопросъ о томъ, къ какому племени принадлежить Рюрикъ, еще нельзя назвать рѣшеннымъ; но положимъ, что онъ принадлежалъ къ племени Скандинаво-Германскому; въ такомъ случаѣ намъ извѣстно, что родовой бытъ былъ у этихъ племень (см. объ этомъ статью всѣмъ намъ дорогаго Грановскаго); и князья изъ этого племени, призванные пародоми, не знающимъ родового быта, очень естественно могли и должны были измѣниться нѣсколько въ своемъ бытѣ, и такимъ образомъ представили то явленіе, какое видимъ мы въ княжескихъ отношеніяхъ. Вотъ самый простой выводъ, если и не вникать въ княжія отношенія. Но обратимъ на нихъ болѣе пристальное вниманіе. Мы сказали условно: если гдѣ можно, хотя отчасти, найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ. Теперь поинтересуемся, есть ли здѣсь родовое устройство.

Мы видимъ прежде всего два явленія: 1) всякой князь имѣеть часть въ Русской землѣ, какъ они сами выражаются, и 2) споры о томъ, кто имѣеть право быть на старшемъ княженіи въ Киевѣ, споры о старшинствѣ, какъ говорится. Если бы Россія въ эпоху призванія Рюрика, и позднѣе, составляла одну цѣльную землю, тогда нѣтъ сомнѣнія, что, или бы владѣла только старшая линія, или же, если бы Россія раздѣлялась на части для удовлетворенія всѣхъ членовъ рода, пришлось бы признать отчасти родовой бытъ; но мы видимъ передъ собою совсѣмъ иное. Совокупнаго владѣнія (какое предполагаетъ г. Соловьевъ въ родовомъ бытѣ) мы не видимъ. Мы видимъ, что у князя есть своя волость; князья нѣкоторое время сѣзжались, чтобъ совѣтоваться объ общихъ дѣлахъ, но никакого общаго владѣнія у нихъ не было; доходы съ волостей шли каждому отдѣльно. И такъ это уже противорѣчитъ родовому быту, какъ понимаютъ его г. Соловьевъ съ товарищи. Но что же это было за владѣніе?—Россія была земля единая въ силу единства вѣры, племени, языка и обычая, но живущая отдѣльными общинами. Вотъ почему родъ Рюрика, размножаясь, раздѣлялся по этимъ общинамъ, вотъ почему, призванный множествомъ общинъ, родъ этотъ считалъ себя или природными князьями и признавалъ за собою, какъ за цѣлымъ родомъ, право на Русскую землю. Князья могли требовать себя *части* (доли) въ Русской землѣ; ибо она и безъ нихъ состояла изъ частей и

долго не требовала государственнаго единства. Мы видимъ примѣръ, что городъ самъ требуетъ себѣ князя, именно Новгородъ; онъ присылаетъ съ этимъ требованіемъ къ Святославу, грозя, что найдетъ князя въ другомъ мѣстѣ; Святославъ даетъ имъ Владиміра. Покуда еще Рюриковъ родъ не размножился, мы видимъ князей изъ другаго даже рода, такъ напр. Тура въ Туровѣ, Роговолода въ Полоцкѣ. Родоваго устройства мы здѣсь не видимъ, ибо его нѣтъ. Можно сказать (какъ выразидись мы нѣкогда въ нашей статьѣ объ изгояхъ), что не города дѣлились по князьямъ, а князья дѣлились по городамъ. Изъ такого взаимнаго отношенія городовъ, или волостей Русскихъ, и размножающихся князей Рюрикова племени, и вышло то явленіе, которое представляетъ намъ *волостная* Русь (замѣняемъ этимъ словомъ названіе удѣльной; здѣсь слѣдуемъ мы прекрасной мысли г. Соловьева объ удѣльномъ періодѣ); вышло то, что всѣ Рюриковичи стали князьями и считали себя въ правѣ имѣть часть въ Русской землѣ. А города въ свою очередь хотѣли князей Рюриковскаго рода; въ его единствѣ имъ живѣе чувствовалось собственное единство, да и любили этотъ славный родъ, давшій Россіи столько подвижниковъ и мучениковъ вѣры, столько защитниковъ и страдальцевъ за Русскую землю. Но, не смотря на то, мы встрѣчаемъ Литовскихъ князей, на примѣръ, Довмонта, и даже помнится, князя Половецкаго. Повторяемъ: родоваго быта тутъ никакого нѣтъ, и дѣло является очень просто.

Но споръ о старшинствѣ, по счету, кто старше? Если владѣютъ князья одного рода, если всѣ они могутъ переходить изъ волости въ волость, то должны же они свое размѣщеніе основывать на какихъ нибудь причинахъ, на какихъ нибудь правахъ. Самое естественное вездѣ и всюду въ такомъ случаѣ, это право старшинства; но это чувство уже не родовое, а скорѣе родословное. Да и это право старшинства постоянно не уважается. Какое же это родовое устройство, гдѣ сейчасъ выступаетъ впередъ личность князя? одинъ говоритъ: я хочу владѣть — я старшій; другой говоритъ: меня позвали жители. Если вопросъ о старшинствѣ былъ главный, то споры были бы только о старшинствѣ. Изяславъ Мстиславичъ знаетъ, что Юрій Долгорукій старше его и воюетъ съ нимъ. Вопросъ старшинства не избѣженъ тамъ, гдѣ владѣетъ множество князей одного происхожденія, размѣщаясь

по множеству волостей и переходя изъ одной въ другую; но такъ какъ этотъ вопросъ въ то же время не былъ существенный, то онъ нарушался и личною волею князя, и волею народа. Родоваго быта мы опять здѣсь не видимъ. Здѣсь родоваго элемента настолько, на сколько можно его найти всегда, во всякомъ обществѣ. Старшинство въ своемъ видѣ существуетъ и въ Англіи и во Франціи. Какъ скоро, на примѣръ, рѣчь пойдетъ о подвижномъ титулѣ, о владѣніи, такъ и вопросъ о старшинствѣ подымается. Но оно можетъ и не составлять непреложнаго закона, и не составляло въ древней волостной Руси и въ теперешней крестьянской.

И такъ мы рѣшительно не видимъ элементовъ родоваго быта и въ Рюриковомъ родѣ.

Г. Соловьевъ упрекаетъ насъ, что мы умолчали о его статьѣ о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у Западныхъ Славянъ. Признаемся со всею откровенностію, что мы тогда ея не читали, потому и не говорили. Прочли ее потомъ, и она ничего не могла измѣнить въ нашихъ мнѣніяхъ; ибо княжескія отношенія у другихъ Славянъ, изображаемая ею, будучи сходны съ Рюриковскими, подлежатъ тому же объясненію, какое мы сейчасъ дали. Мы видимъ, что характеристика этихъ отношеній происходитъ болѣе отъ устройства и состава Русской земли, существующей, какъ множество волостей, нежели отъ самихъ Рюриковичей. Вотъ почему это явленіе княжескихъ отношеній, явленіе Русское и вообще Славянское, встрѣчается только у Русскихъ и вообще у Славянъ. Вотъ почему его не было у иноплеменныхъ народовъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, говорить возражатель, что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ Русской земли?» Но кто же говорить, что оно исчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное, выраженіе: «хотя едва ли справедливо» — ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно почти, о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны; даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстни-

чества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, изъ Книгъ Разрядныхъ; но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служивыхъ записаны въ Разрядныхъ Книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственнымъ интересомъ, съ государственною службою. то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? Изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остальнаго народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?»

Г. Соловьевъ говоритъ, что родовое начало не исчезло изъ Русской земли послѣ призванія Рюрика и видитъ его въ мѣстничествѣ. О мѣстничествѣ такъ же, какъ и о княжескихъ отношеніяхъ, и по той же причинѣ, мы упоминали въ нашей статьѣ вскользь. Поговоримъ теперь о мѣстничествѣ подробнѣе. Приведемъ сперва слова г. Соловьева о дружинѣ. «Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его *новое начало, сословное, въ противоположность прежнему, родовому.*» (Архивъ ист. юр. св., отд. 1. стр. 17). Какимъ же образомъ мѣстничество, въ которомъ г. Соловьевъ видитъ родовое начало, находимъ мы именно только въ этой дружинѣ, въ позднѣйшее время, или, что все равно, у потомковъ ея, у наследниковъ ея духа и устройства, у людей служивыхъ, *государевыхъ*? А земля, народъ, все, что вѣдъ дружины, и куда дружина, по мнѣнію г. Соловьева, вносила начало противоположное родовому, — мѣстничества и не знала. А можетъ быть оно у нихъ и было, думаетъ г. Соловьевъ. Да развѣ такъ доказываютъ въ наукахъ?

Что же, въ самомъ дѣлѣ, было мѣстничество?

Мы видимъ, что служивые люди спорили между собою о мѣстахъ, о томъ, кто кого выше мѣстомъ, и именно даже сколькими мѣстами, и вслѣдствіе этихъ споровъ и на этихъ-то отношеніяхъ между собою основывали они отношенія свои по службѣ, при царскихъ выходахъ и столахъ и при другихъ церемоніяхъ, то есть, не хотѣли быть ниже тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, ниже ихъ, по спорамъ о мѣстахъ.

На чемъ же основывался споръ о мѣстахъ: на службѣ предковъ и на отношеніяхъ къ этой службѣ по родовой лѣствицѣ ихъ потомковъ. Здѣсь видимъ мы не родовое, а родословное начало, прижѣненное къ службѣ; значеніе городовъ сюда входитъ, такъ что судный Владимірскій приказъ и при царяхъ считался старше Московскаго, потому что Москва была прежде пригородомъ Владиміра. Память о древности мѣсть, службъ и служилыхъ родовъ соединенно выражалась въ мѣстничествѣ. Конечно, никакого родового быта нельзя найти въ спорахъ городовъ о старшинствѣ, точно также и въ спорѣ служилыхъ родовъ; *быти нѣтъ*: нѣтъ ни родового правленія, ни родового владѣнія; есть—служба и отношеніе къ этой службѣ (при объѣздахъ, выходахъ—случаевъ меньше) по родовымъ счетамъ старшинства. Здѣсь видимъ, повторяемъ, чисто генеалогическое или родословное начало, которое въ древней Россіи, при отсутствіи аристократическаго сословнаго элемента, получило значеніе служебное и подвижное, а отсюда и споры. *Все* служилое сословіе обязано было служить, слѣдовательно все, всѣ послѣдніе члены его, считались службою, на родовомъ основаніи, ибо оно служило въ то же время добровольно и самобытно, а не по одному государеву приказанію; самобытность его выражалась взаимными отношеніями его по родовымъ счетамъ на службѣ.

Вотъ краткое объясненіе мѣстничества; но этотъ огромный отдѣлъ доселѣ почти нетронутый, кромѣ добросовѣстнаго и прекраснаго труда Д. Валугева, памятнаго своимъ чистымъ стремленіемъ къ знанію и къ пользѣ своего отечества, этотъ огромный отдѣлъ нашей древней исторіи доселѣ лежитъ впустѣ.

Г. Соловьевъ говоритъ, что лѣтописи наши—лѣтописи княжескія. Но однако изъ лѣтописей узнаемъ мы и о томъ, что во всѣхъ городахъ были вѣча, и о томъ, что города спорили старшинствомъ другъ съ другомъ; а про Новгородъ и говоритъ нечто: онъ очерченъ довольно живо. Г. Соловьевъ говоритъ: въ какихъ лѣтописяхъ, въ какихъ разрядахъ можно найти подробности объ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? Но въ лѣтописяхъ о немъ говорится часто; именно при княжескихъ спорахъ можно видѣть это народонаселеніе, ибо оно принимало участіе, поддерживало то того, то другаго князя, но совершенно было равнодушно къ родовымъ правамъ князей, какъ видно, ни мало не со-

чувствуя родовымъ вопросамъ. Такое отсутствіе сочувствія къ родовому вопросу, столь близко до народа касающемуся (ибо на рѣшеніи этого вопроса князья основывали права свои), показываетъ полное отсутствіе родового начала въ народѣ. На народный бытъ, кромѣ лѣтописей, указываютъ многія грамоты, въ особенности юридическіе акты (купчія, закладныя, и пр.); также 1612 годъ, гдѣ народъ дѣйствовалъ самъ и безпрестанно выражалъ себя въ словѣ; наконецъ современная крестьянская Русь, въ которой сохраняются начала древней Руси, съ чѣмъ вѣроятно не будетъ очень спорить и г. Соловьевъ. Указаній довольно для опредѣленія быта народнаго. И что же? нигдѣ нѣтъ свидѣтельствъ въ пользу родового быта. Напротивъ того, вездѣ видимъ ясно и опредѣленно бытъ общинный.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «О до-Рюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ Славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Возражатель, отвергающій родовый бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что *родомъ своимъ* будетъ отвѣчать не на вопросъ: чѣмъ? а на вопросъ: какъ? и приводитъ два примѣра: они играли толпами, пришли всѣмъ народомъ. Но во 1) въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы: играть и прийти имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголъ владѣть у лѣтописца: каждый Полянинъ владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? во 2) любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовый бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что, по словамъ лѣтописца, Поляне владѣли цѣлыми своими отдѣльными родами, по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ, совокупно. Но если Поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совокупно, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совокупное владѣніе, то спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ, кромѣ родового? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора!»

Здѣсь опять г. Соловьевъ оканчиваетъ свое опроверженіе съ какою-то торжественностью. Этой торжественной фразы мы рѣшительно не понимаемъ. Въ объясненіи нашемъ на слова лѣтописи г. Соловьевъ видитъ подтвержденіе родового быта, но, кажется, онъ

не пользуется этимъ подтвержденіемъ, ибо возражаетъ противъ нашего объясненія. Отвѣчаемъ сперва на возраженіе. Во 1) глаголь *владѣть* имѣетъ среднее значеніе и очень можетъ быть употребленъ безъ вопроса: чѣмъ; если сказать, что совокупное владѣніе, на примѣръ, есть принадлежность рода, то очень легко можно обойтись безъ вопроса: *владѣніе чѣмъ*? Во 2) объясненіе мое вовсе не въ пользу родового быта, ибо г. Соловьевъ, выписавъ начало только моего объясненія лѣтописныхъ словъ, оставляетъ въ сторонѣ самое объясненіе, изъ котораго и видно, что здѣсь подъ родомъ должно разумѣть семью, которая владѣла совокупно, такъ что слова почтеннаго историка и торжество его падаютъ сами собою; надобно было опровергнуть это объясненіе, тогда другое дѣло. Чтò же касается до совокупнаго владѣнія семьи, то этому привели мы довольно примѣровъ изъ позднѣйшаго времени. Признаемся, возраженія такъ мелочны, и притомъ такъ неосновательны, что почти совѣстно отвѣчать на нихъ, и утомительно для читателей слѣдить за такимъ споромъ. Но мы считаемъ долгомъ своимъ это сдѣлать. А то, пожалуй, скажутъ, что отвѣчать было нечего.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Доказательство противъ родового быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ-строителяхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ; мы согласились бы еще съ возражателемъ на счетъ раздѣльности братьевъ, если бь одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припяти, но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щековицѣ, а другой на Хоревницѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобъ для поддержанія родового единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ (?), который, при многочисленности членовъ рода, долженствовалъ быть чѣмъ нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца.»

Все, что говоримъ мы о трехъ братьяхъ, связано съ объясненіемъ предыдущихъ словъ лѣтописи, а вырванное отдѣльно мнѣніе наше о трехъ братьяхъ не можетъ имѣть той ясности. Но статья наша напечатана, и найдутся добросовѣстные люди, которые, интересуясь споромъ, прочтутъ ее и увидятъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Выписывать изъ нея цѣлыя страницы мы не считаемъ нужнымъ. Г. Соловьевъ, въ приведенныхъ выше словахъ лѣтописи, видитъ *роды*; и такъ роды, каждый, жили особо,

на своихъ мѣстахъ. Что же значить: жили особо, на своихъ мѣстахъ? Какъ далеко жилъ родъ отъ рода? Пусть опредѣляютъ онъ это. Разстояніе между Кіевомъ, Щекомъ и Хоривомъ ему кажется однимъ мѣстомъ. Къ тремъ братьямъ онъ не относитъ словъ: *особо на своихъ мѣстахъ*. Изъ сказаннаго имъ надобно думать, что роды были такъ далеко другъ отъ друга, какъ Припеть отъ Десны, ибо только тогда согласился бы онъ признать, что три брата жили каждый на своихъ мѣстахъ. Но это бы значило, что Поляне жили бы уже не у себя, а въ инѣхъ земляхъ: Поляне жили по Днѣпру, между Припетью и Двиною — Дресовичи, а на Деснѣ — Сѣверяне. Странно! Вѣдь лѣтописецъ говоритъ про Полянскую землю, а она и вся была не велика. Г. Соловьевъ противорѣчитъ словамъ лѣтописи, которая говоритъ только о Полянахъ и слѣдовательно не допускаетъ такого далекаго разстоянія между *родами*, которые онъ здѣсь видитъ. Мы вовсе не требуемъ, чтобъ родъ жилъ въ одномъ зданіи; г-да защитники родового быта утверждаютъ, что у рода было одно мѣсто жительства; но они не опредѣляютъ хорошенько, какъ понимать это одно мѣсто жительства, и какъ далеко могли быть разбросаны члены рода. Проконій говоритъ, что Славяне живутъ въ дрянныхъ избахъ, далеко другъ отъ друга. Какъ думаютъ г-да защитники родового быта: значитъ ли, что это жилъ родъ разбросанный, или что въ каждой избѣ помѣщался родъ? И то и другое не говоритъ въ пользу родового быта. Первое, кажется, не показываетъ одного и того же мѣста жительства, а второе противорѣчитъ возможности помѣститься всему роду въ избѣ, и тогда пришлось бы повторить слова г. Соловьева, защитникамъ родового быта строить для рода зданіе въ родѣ хрустальнаго дворца. Впрочемъ, какъ бы ни объясняли г. Соловьевъ и другіе этого мѣста, хотя бы рѣшились они признать членовъ рода разбросанными на далекое разстояніе другъ отъ друга, — дѣло отъ этого не измѣняется, и объясненіе извѣстныхъ словъ лѣтописи о трехъ братьяхъ этимъ не опровергается, ибо оно не на этомъ основано.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово: родъ, означаетъ семью: онъ говоритъ: въ значеніи современной совокушности живыхъ родичей, въ духѣ родового быта, въ значеніи колѣна, слово родъ не употребляется.» — Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись; подъ 1148 г. Изяславъ

Мстиславичъ говоритъ двоюродному брату своему Ростиславу Юрьевичу: «миѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, аки и душу свою.» Здѣсь Изяславъ родомъ своимъ называетъ современную совокупность всѣхъ живыхъ родичей своихъ, всѣхъ князей-Ярославичей, противопоставляя эту совокупность ближайшимъ Мономаховичамъ, которыхъ называетъ братьею своею.»

Миѣніе возражателя, то есть наше, не вѣрно передано; по нашему миѣнію родъ означаетъ не только семью. Въ своей статьѣ: Шлецеръ и анти историческое направленіе, г. Соловьевъ еще болѣе искажаетъ наше миѣніе, утверждая, «что послѣдователи анти историческаго направленія говорятъ, что слово родъ означало только семью.» Вотъ что въ нашей статьѣ сказано:

«Здѣсь кстати будетъ взглянуть вообще на значеніе, которое имѣеть у насъ слово *родъ*. Слово всякое не опредѣленно, не имѣетъ какого нибудь одного такого смысла, который бы рѣзко и ограниченно ему принадлежалъ; оно не какая нибудь по мѣрѣ сдѣланная форма; имѣя основное значеніе, оно въ то же время отливаетъ многими отбѣнками. Слово родъ 1) первоначально значить *рожденіе* дѣтей и оттуда семью, ибо семья стала основною особенностію жизни Славянина, и потому частное, спеціальное значеніе рода — семья; 2) означая родъ, берется и въ неопредѣленномъ смыслѣ *происхожденія*, означаетъ и предковъ, и потомковъ; происхожденіе это попкиается иногда въ обширномъ смыслѣ и расширяется до значенія народа, — *иногда въ тѣсномъ, и значитъ родство*: и тамъ и здѣсь означается единство происхожденія. Такое значеніе можно, если угодно, назвать генеалогическимъ (хотя и это названіе будетъ невѣрнымъ, ибо единство происхожденія еще не родословіе), но не родовымъ; это вовсе не одно и то же. Въ рыцарствѣ играло большую роль значеніе генеалогическое, а никто не назоветъ рыцарство бытомъ родовымъ» (стр. 104—105).

И такъ, по нашему миѣнію, родъ вовсе не значить только семью. Какъ же г. Соловьевъ такъ искажаетъ (конечно не желая) наше миѣніе! Странная невнимательность!

Самая приведенная фраза выписана не совѣмъ вѣрно; вотъ какъ она у насъ сказана: «Повторяемъ, что въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родового быта,

предполагаемаго послѣдователями Эверса, или другими словами, въ значеніи колѣна, слово родъ не употребляется» (стр. 108). Это мы утверждаемъ и теперь, по просимъ не забывать нашей оговорки, *въ духъ родового быта, предполагаемаго послѣдователями Эверса*. Попятія ихъ намъ извѣстны, и мы рѣшительно не находимъ, чтобъ родъ употреблялся въ томъ духѣ родового быта, какъ они его понимаютъ, то есть, какъ вѣчто цѣлое, цѣльное и живое подъ верховною властію родоначальника. Исторія пашихъ князей представляетъ такую картину.

Возражая намъ, г. Соловьевъ раскрываетъ лѣтопись и приводитъ одно мѣсто (см. выше). Г. Соловьевъ думаетъ, что Изяславъ родомъ своимъ называетъ всѣхъ Ярославичей, и братьею всѣхъ Мономаховичей; мы спросимъ также г. Соловьева, какъ подразумѣвалъ здѣсь, въ этихъ словахъ, Изяславъ дядо своего Юрія? какъ «родъ», ибо Юрій — Ярославичъ, или какъ «братью», ибо Юрій — сынъ Мономаха? между тѣмъ Изяславу и подразумѣвать его было трудно, ибо онъ въ началѣ говоритъ, что *Юрій всѣхъ ихъ старше*. Притомъ Изяславъ былъ въ ссорѣ съ Юріемъ. Кажется, что въ совокупности живыхъ родичей будетъ недоставать одного, именно Юрія Долгорукаго. Мы говоримъ, что родъ не употребляется въ совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родового быта; но мы говоримъ (см. выше), что родъ употребляется въ смыслѣ родства. И если я скажу: *все родство мое* (хотя совокупность здѣсь, какъ и у Изяслава, больше обозначается словомъ: *весь*), то конечно я разумѣю совокупность всѣхъ моихъ родныхъ; но гдѣ же тутъ родовый бытъ? Его нѣтъ; въ противномъ случаѣ надо признать, что мы и теперь живемъ въ родовомъ бытѣ. Слова Изяслава понимаются въ томъ же смыслѣ очень просто: *братьею* называетъ онъ не всѣхъ Мономаховичей, а внуковъ Мономаха (ибо онъ отвѣчаетъ Ростиславу Юрьевичу, назвавшему его старшимъ изъ внуковъ Мономаха), а подъ родомъ надобно разумѣть *родство, родню*, и слова тогда являются очень ясны и согласны съ духомъ и народностью Русской и той эпохи.

И такъ приведенное мѣсто лѣтописи, нисколько не опровергая насъ, не совсѣмъ выгодно для мнѣній нашего почтеннаго историка.

Г. Соловьевъ заключаетъ: «Возражатель не хочетъ согласиться и съ опредѣленіемъ слова племя, какъ подраздѣленіемъ рода; по мнѣнію возражателя, племя имѣетъ обширнѣйшее значеніе, чѣмъ

родъ, чему доказательствомъ служитъ позднѣйшее выраженіе: ни роду-ни племени. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо извѣстно, какъ слова перемѣняютъ значеніе; мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ родомъ своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей (1), но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противопоставляя ихъ одну другой, напримѣръ Мономаховичей Ольговичамъ, то употреблялось слово племя: напр., подъ 1140 годомъ, Новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: «не хотимъ сына своего, ни брата, ни племени вашего, но хотимъ племени Володимеря.» Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: ни роду-ни племени, племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе общирнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ вступатися въ таа дѣла въ монастырьская, или мѣрскый человекъ почнетъ чего взыскивати умершаго чернѣца, или племя, или родъ общѣжителева, а тѣмъ того не искати» (Акты истор. 1, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка племя употребляется исключительно въ значеніи рода, родства, отчего является выраженіе: ближне племя; племянникъ означаетъ просто родственника (Псковск. Судная грамота). Когда два слова, не исчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другаго, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственные слова съ однимъ значеніемъ, какъ: родъ - племя, травка - муравка. Примѣръ употребленія сложнаго слова родъ - племя; «у Ивашки у Жоглова родъ-племя» (Крымскія дѣла № 1. стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова: племя, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ; извѣстно выраженіе: оставить на племя; отсюда понятно почему въ древнихъ памятникахъ племя означаетъ въ родѣ линію, рядъ нисходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ, такъ сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженіи ни роду-ни племени, племя поставлено позади рода: чѣмъ

(1) Мы видѣли, какимъ образомъ. См. выше.

больше родъ, тѣмъ больше силы и чести по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человекъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человекъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.»

Г. Соловьевъ распространился всего подробнѣе о выраженіи: *родъ-племя*; объясненіе этого выраженія, особенно взятое отдѣльно, вовсе не составляетъ важности.

Говоря о родѣ и о племени, мы привели для объясненія этихъ словъ не одно только выраженіе: ни роду - ни племени; мы указали на церковныя постановленія о бракѣ, гдѣ очень ясно, какъ намъ кажется, значеніе рода и племени, на примѣръ, въ вѣнечныхъ памятяхъ: «ты бѣ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни въ племяхъ, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ». Здѣсь ясно видно (говоримъ мы въ своей статьѣ), что, если бы племя имѣло болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію г. Соловьева, есть отдѣлъ рода), то не нужно было его и упоминать; достаточно было сказать: «въ роду», но здѣсь упомянуть родъ и сверхъ того упомянуто, *послѣ* рода, племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе, поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени». Мы не думаемъ, чтобъ старинное значеніе словъ *родъ* и *племя* такъ противорѣчило позднѣйшему, чтобъ грамоты XV и XVI вѣковъ не могли быть приведены въ объясненіе. Изяславъ Мстиславичъ, говоритъ г. Соловьевъ, называетъ родомъ совокупность своихъ родственниковъ; почему же, означая линію Мономаховичей, не сказалъ Изяславъ: *племя*, а сказалъ: *братья*? Вѣдь г. Соловьевъ не говоритъ, чтобъ онъ разумѣлъ только двоюродныхъ братьевъ, а просто Мономаховичей. Примѣръ изъ лѣтописи, приводимый г. Соловьевымъ, нисколько не противорѣчитъ нашему объясненію слова *племя*; а слово *родъ*, какъ уже было сказано нами, могло имѣть генеалогическое значеніе потомства и значеніе родни. При употребленіи же съ словомъ *племя*, слово *родъ* является въ коренномъ, тѣсномъ своемъ значеніи семья. Г. Соловьевъ приводитъ примѣръ, гдѣ *племя* употребляется прежде *рода*. Это возможно; строгихъ формулъ на это нѣтъ, но общее употребленіе говоритъ въ нашу пользу. Указывая же, что племя употреблялось въ значеніи рода, родства, г. Соловьевъ нисколько намъ не противорѣчитъ. Замѣчаніе

г. Соловьева о складныхъ двойственныхъ словахъ, какъ *родъ-племя*, *травка-мурлека*—очень вѣрно; но оно опять такъ говорить въ нашу пользу, ибо такъ кристаллизуются слова на основаніи живаго, законнаго употребленія. Г. Соловьевъ указываетъ на современное значеніе слова *племя* (между тѣмъ онъ сказалъ, что не должно объяснять современнымъ значеніемъ значеніе словъ древнихъ). Но современное значеніе *племя*, какъ приплодъ, не имѣетъ тѣснаго значенія; оно показываетъ ведущуюся породу, и потому обвиняетъ собою все, вытекающее отъ одного пропоздителя, потомство. Принимая *родъ* въ тѣсномъ смыслѣ семьи,—тамъ, гдѣ становится съ нимъ рядомъ *племя*, — мы не видимъ никакого противорѣчія съ нашими словами, если поймемъ *племя* и такъ, какъ понимаетъ его г. Соловьевъ.

Заключительная же фраза г. Соловьева для насъ темна. *Племя* во всякомъ случаѣ, если приписать толкованіе почтеннаго профессора, есть часть рода; гдѣ есть *родъ*, тамъ непремѣнно уже есть *племя*, слѣдовательно, сказавъ: нѣтъ *роду*, мы сказали — что нѣтъ и *племени*. Возможно ли такое выраженіе: у него нѣтъ *рода* (понимая *родъ* согласно съ г. Соловьевымъ), но есть *племя*? Не думаю, чтобы г. Соловьевъ призналъ такое выраженіе возможнымъ. Ближайшіе родственники, при отсутствіи другихъ, становятся и *племенемъ* и *родомъ* человека. Иначе, гдѣ же является *родъ*? Послѣ своего объясненія, г. Соловьевъ, въ братьяхъ Чешской пѣсни, долженъ видѣть *племя*, а не *родъ* (если не хочетъ видѣть *семью*); ибо, какъ видно, другихъ родичей, кромѣ этихъ двухъ родныхъ братьевъ,—нѣтъ: а то бы должны они были явиться тутъ же, при спорѣ о наслѣдствѣ. А между тѣмъ г. Соловьевъ, кажется, рѣшительно принимаетъ эту семью просто за *родъ*.

Скажемъ кстати, что о значеніи *рода*, въ смыслѣ *семьи*, приведены у насъ доказательства, о которыхъ не упоминаетъ г. Соловьевъ.

Мы отвѣчали г. Соловьеву, какъ ни мелки были его возраженія, какъ ни утомителенъ былъ отвѣтъ. Теперь мы спросимъ почтеннаго историка:

Почему ничего не сказалъ онъ о доказательствахъ нашихъ въ пользу семейнаго и противъ родоваго быта, основанныхъ на древнихъ правахъ о наслѣдствѣ, по изслѣдованіямъ Губе и по Рус-

ской Правдѣ,—о распоряженіи мѣнѣемъ отъ лица семьи, объ откупахъ, вкладахъ, продажахъ, покупкахъ, мѣнахъ, о давныхъ грамотахъ? Почему не сказалъ онъ о томъ, какъ понимаемъ мы современную крестьянскую семью? Почему ничего не сказалъ онъ на наше мѣнѣе противъ его пониманія старцевъ, на наше мѣнѣе о томъ, что выше старцевъ былъ народъ, о народныхъ вѣчахъ, бывшихъ еще во время Игоря въ Древлянскомъ народѣ, въ которомъ былъ еще свой Славянскій князь, Малъ.—слѣдовательно здѣсь безспорно является быть древній, какъ, конечно, былъ и до Рюрика? Почему ничего не сказалъ онъ на объясненіе наше о правѣ родственной мести? Почему не сказалъ онъ о доказательствахъ, основанныхъ на обычаяхъ и жизни,—о названіи новобрачныхъ княземъ и княгиней, о непремѣнномъ существованіи отчества и объ отсутствіи родовыхъ прозвищъ въ древней Руси и въ современномъ крестьянствѣ, гдѣ являются прозвища лишь весьма рѣдко, и гдѣ они непостоянны? Почему не сказалъ онъ ничего на замѣчаніе наше о множествѣ названій для семейной обстановки (дѣверь, шуришь и проч.) и объ отсутствіи названій родовыхъ (grand oncle), и на объясненіе наше слова: *двоюродный братъ*, которое, въ особенности рядомъ съ выраженіемъ *братъ родной*, очевидно указываетъ на значеніе рода въ нашемъ смыслѣ? братъ родной—братъ одного рода, одной семьи; братъ двоюродный—братъ двухъ родовъ, двухъ семей.

Обо всемъ этомъ ничего не сказалъ почтенный профессоръ; онъ вырвалъ изъ статьи отдѣльныя частицы и возражалъ на нихъ большею частію съ мелочной стороны, но мы сочли долгомъ отвѣчать на всѣ его возраженія. Просимъ извиненія у читателей за утомительность нашего отвѣта.

Теперь возвращаемся къ статьѣ почтеннаго профессора: «Шлеперъ и анти-историческое направленіе», и постараемся отвѣчать на дальнѣйшія его возраженія.

Второе возраженіе г. Соловьева направлено противъ мнѣнія, что начало общины есть начало Русской земли, хотя существованія общиннаго быта г. Соловьевъ не оспариваетъ. Здѣсь опять неясность; общинный элементъ можетъ проходить разныя степени своего развитія, можетъ облекаться то въ ту, то въ другую форму; а г. Соловьевъ беретъ особную общину, вѣча городскія, и нападаетъ на нихъ весьма сильно, не отдѣляя извѣстной вре-

менной формы отъ выражающаго себя въ ней, постоянного начала, и, кажется, не предполагая, что элементъ общинный, столь важный и существенный, оставивъ отдѣльную, областную форму, выразился въ Россіи въ иномъ, болѣе широкомъ образѣ.

Г. Соловьевъ говоритъ, что вмѣсто родоваго быта поставили (мы) общину договорную. Это не вѣрно: точно поставили общину, но это община не *договорная*, а *бытовая*; это не контрактъ, не сдѣлка; это проявленіе народнои мысли, народнаго духа, проявленіе живое, а не искусственное; таково всегда свойство жизненнаго принципа (начала). Г. Соловьевъ говоритъ, что Россія отреклась отъ вѣчеваго быта, чтобы сплотиться въ цѣлое Государство; изъ послѣдующаго видно, что этотъ вѣчевой или общинный бытъ, по его мнѣнію, исчезъ совершенно. Но при сплоченіи Государства въ одно цѣлое, общинѣ, доселѣ отдѣльной, нѣтъ надобности уничтожаться, а лишь разшириться до общины всей Земли, при чемъ и отдѣльность общинъ, уже подчиненная всеобъемлющей, всерусской общинѣ, можетъ сохраниться. Община, обнявшая всю страну, конечно, должна измѣниться въ своихъ проявленіяхъ и въ образѣ дѣятельности. Всероссійская община — не то, что Новгородская, Кіевская и т. д., взятая отдѣльно; въ ней соединены въ одно цѣлое всѣ эти отдѣльныя общины, отрекшіяся отъ своего эгоизма. Бытъ общинный именно таковъ, что онъ отъ самаго широкаго объѣма доходитъ до самыхъ тѣсныхъ, до одной деревни, на примѣръ. Сила въ томъ, чтобы всѣ эти отдѣльныя общины были взаимно связаны и восходили бы до цѣлой, главной, всеобъемлющей общины всей Земли. Такой-то періодъ всерусской общины и наступилъ вмѣстѣ съ Москвою, какъ столицей Государства и Земли.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что община въ Россіи не исчезла, а лишь приняла широкіе размѣры, — служитъ 1612 годъ. Что же мы видимъ въ немъ, какъ не дѣйствіе общины? Вспомнимъ, что Государство было разрушено. Мы видимъ: города совѣщаются внутри себя и другъ съ другомъ, но совѣщаются уже не о спасеніи каждый себя, а всей Россіи, всей Земли. Вся земля, т. е. вся Русская община, всюду на первомъ планѣ. Отъ всей Земли посылаются послы къ Сигизмунду. Въ просьбахъ бьютъ челомъ боярамъ и всей Землѣ. Пожарскій выбирается народнымъ совѣтомъ. Одно названіе Козьмы Минина Выборнымъ

отъ всей земли Русской, слишкомъ краснорѣчиво, чтобъ отвергать въ Россіи общину. Именно 1612 годъ показываетъ, какъ силенъ въ Россіи общинный элементъ, въ эту эпоху достигшій объема всерусской общины. Этотъ общинный элементъ и спасъ Россію.

Земскіе Соборы служатъ новымъ доказательствомъ.... но здѣсь г. Соловьевъ пишетъ противъ насъ третье свое возраженіе. По- стараемся ему отвѣчать.

Выписывая изъ нашей статьи наше мнѣніе о Земскихъ Соборахъ, г. Соловьевъ говоритъ:

«Въ этомъ изложеніи мнѣнія о соборахъ вполне обнаруживается способъ, какой употребляютъ послѣдователи анти-историческаго направленія въ своихъ разсужденіяхъ. До Московскаго періода были вѣча, былъ сильный элементъ совѣщательный. Что съ нимъ случилось въ періодъ Московскій? Его нѣтъ, говорятъ намъ источники».

И прекрасно. И такъ ученый профессоръ, кажется, принимаетъ, что рѣчь должна идти прежде всего и важнѣе всего о совѣщательномъ элементѣ въ Россіи. Это совершенно справедливо. То или другое проявленіе еще его не изчерпываетъ. До Московскаго періода, совѣщательный элементъ проявляется всего ярче въ вѣчахъ, а во время Московскаго періода въ Земскихъ Соборахъ; но все таки (отчего не любить этого слова г. авторъ? быть можетъ, оно кажется ему слишкомъ простонароднымъ) рѣчь больше всего должна идти о совѣщательномъ элементѣ, присутствіе котораго могло выразиться и въ другихъ проявленіяхъ, кромѣ вѣчъ и Соборовъ. Самое любопытное теперь то, что г. профессоръ *отвергаетъ совѣщательный элементъ въ Московской Россіи*. Конечно, это самое крупное возраженіе, самое яркое мнѣніе; въ чемъ же состоятъ подробности и частности?

Г. Соловьевъ не видитъ связи между вѣчемъ и Земскимъ Соборомъ. Отъ чего совѣщательный элементъ не являлся при дѣлѣ собранія земли, говоритъ онъ, почему онъ явился при Іоаннѣ IV, когда онъ называлъ себя царемъ?

На это отвѣчаемъ. Совѣщательный элементъ, послѣ эпохи отдѣльныхъ общинъ, не являлся потому прежде Іоанна IV, что особый, общинный элементъ уже ослабѣлъ, а новый элементъ общины всерусской еще не окрѣпъ; потому что еще не совершился этотъ переходъ отъ частной общины къ общинѣ всецѣлой,

отъ Вѣча къ Земскому Собору. Россія вступила въ трудный періодъ переработыванія себя пзъ одного общественнаго вида въ другой; понятно, что въ эту эпоху, когда Россія еще не сложи-лась, такъ сказать, она еще не могла получить яснаго, совѣща-тельного голоса, какъ впоследствии: еще Земля не была собрана. Хорошо, что г. Соловьевъ, хотя въ древности, признаетъ вѣче-вой, общинный бытъ и совѣщательный элементъ. Бытъ можетъ, онъ убѣдится, что и въ Московскомъ періодѣ есть и то, и дру-гое, лишь въ иныхъ, широкѣхъ размѣрахъ. Почему совѣщатель-ный элементъ, какъ первый Земскій Соборъ, явился при Іоаннѣ царѣ? Здѣсь нѣтъ никакого мистицизма; ибо, только припавъ тп-туль царя, Іоаннъ IV порѣшилъ съ удѣльною, *княжою* эпохою. Только тогда было заявлено, такъ сказать, торжественно, что Россія приняла новый государственный видъ; тогда только было почувствовано и выражено, что Россія сложилась и является но-вымъ политическимъ тѣломъ. Очень понятно, что, когда дѣло собиранія было повержено даже новымъ наименованіемъ: цар-ства, — Іоаннъ-царь, сознвая цѣлость всей Русской Земли, обра-щается къ ней и призываетъ ея представителей. Значить, что въ эту пору цѣлость Россіи, какъ Государства, и выстѣ какъ Зем-ли, была сознана и выражена. На Красной площади, въ собра-ніи выборныхъ, было заявлено начало, принципъ, поваго устрой-ства Россіи, — тѣхъ отношеній между Государемъ и Землею, между царемъ и народомъ, того совѣщательнаго элемента, который такъ славно и благотѣльно проявлялся до самого Петра. Соборъ 1566 года былъ, вопреки мнѣнію г. Соловьева, точно Земскій Соборъ, хотя конечно не полный; точно такъ же, какъ недокон-ченное изображеніе, положимъ человѣка, есть все же его пзо-браженіе, или какъ молодой дубъ, только что выбѣжавшій на свѣтъ, есть все же дубъ, и странно было бы не узнать его въ раскидистомъ дубѣ, осѣняющемъ землю, странно было бы не вл-дѣть связи между ними. Тѣмъ не менѣе однако, здѣсь ученый профессоръ сдѣлалъ маленькую ошибку: на этомъ Соборѣ, не го-воря уже о помѣщикахъ съ западныхъ Литовскихъ границъ, ко-торыхъ замѣчаетъ и г. Соловьевъ, присутствовали не одни гости и купцы Московскіе, а въ числѣ ихъ многіе купцы Смоленскіе (22 чел.) и даже одинъ Костромитинъ; — поэтому и заключеніе: «значить гости и лучшіе купцы Московскіе были представителя-

ни всѣхъ областей объединенной (?) Россіи», не совсѣмъ вѣрно фактически. Но, если бы г. историкъ и не захотѣлъ видѣть здѣсь Земскаго, хотя не полнаго, Собора, который и никогда не имѣлъ *формальной* опредѣленности, — то все-таки не можетъ онъ не видѣть совѣщательнаго элемента. Этотъ же элементъ, выражающійся, какъ бесѣда съ народомъ, видимъ мы и въ обращеніи Іоанна IV къ Московскимъ горожанамъ; но такъ какъ это было мѣстное объясненіе царя съ народомъ, то мы и не приводили его въ нашей статьѣ, говоря о Соборахъ.

Мы говоримъ, въ нашей критикѣ, возражая противъ тѣхъ, которые указали бы намъ на отсутствіе Земскихъ Соборовъ при Θεодорѣ и Борисѣ, что все таки первый Земскій Соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ царемъ, и связь явленія, то есть перваго Земскаго Собора съ послѣдующими Земскими Соборами, ясна. Кромѣ того, мы предполагаемъ, что Соборы вѣроятно были, и что вѣроятно извѣстія о нихъ будутъ отысканы со временемъ, какъ это часто бываетъ въ дѣлѣ исторіи. Г. Соловьевъ возражаетъ на это: «Чего нельзя доказать такимъ образомъ? всякое явленіе, которое намъ пужно, могло быть, а если объ немъ нѣтъ извѣстій въ источникахъ, то это потому, что они потеряны.» Конечно, если бы кто нибудь вздумалъ доказывать на пр., что въ древней Россіи была скульптура не хуже Греческой, то было бы болѣе, чѣмъ странно говорить, что извѣстія объ этомъ потеряны: предположеніе было бы безъ основаній. А развѣ наше предположеніе дѣлается безъ основаній? Мы видимъ Земскіе Соборы прежде, Земскіе Соборы послѣ, а не видимъ ихъ въ теченіе двухъ среднихъ царствованій; не естественно ли предположить, что Земскіе Соборы были, и что извѣстія объ нихъ или потеряны, или еще не найдены? Но, не довольствуясь этимъ, мы указали на слова бояръ, при Θεодорѣ, о надобности совѣщаться Царю съ Землею. О избраніи на царство Бориса всею Землею кому неизвѣстно? Кажется, достаточно указаній для этихъ самыхъ двухъ царствованій. Какъ бы въ подкрѣпленіе вѣрности нашего предположенія самъ почтенный профессоръ приводитъ указаніе, нами пропущенное, на Земскій Соборъ, или приготовленія къ нему, при началѣ царствованія Θεодора: просили Θεодора принять на себя царскій вѣнецъ.

За тѣмъ г. Соловьевъ признаетъ дѣйствія всей Земли во время

междупарствія. Самъ г. Соловьевъ допускаетъ, что Земля тогда управлялась сама собою, и грамоты писались отъ всей Земли, что были выборные: что же это, какъ не община и не общинный элементъ? Далѣе г. Соловьевъ объясняетъ, весьма справедливо, почему часто созывались Соборы при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ. Потомъ онъ приводитъ наши слова, что при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ было 12 Соборовъ, а при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ — 2 (собственно. прибавляетъ онъ). Мы не говорили, чтобъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было 2 Собора; мы указали только на 2. Но это въ сторону. Г. профессоръ говоритъ, что такая разница въ числѣ Соборовъ показываетъ вымирание явленія и ослабленіе причины. его производившей. Нисколько, — если вы вникните въ обстоятельства царствованій. Г. профессоръ самъ объясняетъ, почему такъ часто были Соборы при Царѣ Михаилѣ; этихъ причинъ потомъ не существовало, и Соборы были рѣже при Царѣ Алексѣѣ. Надобно обратить вниманіе на значеніе Соборовъ и на духъ эпохи, на присутствіе совѣщательнаго элемента, а не на число, которое могло зависѣть отъ виѣшнихъ, постороннихъ причинъ.

Г. Соловьевъ, разсматривая Соборъ о Малороссійскихъ дѣлахъ, хочетъ доказать, что «явленіе вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужнымъ еще исполнить изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія.» Г. Соловьевъ доказываетъ это слѣдующими словами: «6 Сентября 1653 года, Царь Алексѣѣ Михайловичъ отправилъ къ гетману Богдану Хмельницкому ближняго стольника Родіона Стрѣшнева и дьяка Бредихина, и въ вѣрющей грамотѣ писалъ: «Послали мы для нашихъ государскихъ дѣлъ, къ тебѣ и ко всему войску Запорожскому ближняго нашего стольника.... а съ нимъ послали къ тебѣ наше государское жалованье, и о чемъ они тебѣ говорить учнутъ, и тебѣ бѣ имъ въ томъ вѣрить.» Что же должны были говорить гетману Стрѣшневу и Бредихинъ? Объ этомъ даетъ знать самъ гетманъ въ отпискѣ къ Царю: «Зѣло утѣшился есмь, когда грамоту прочитали есмы, отъ твоего Царскаго Величества присланную до насъ, всего войска Запорожскаго, черезъ ближняго стольника Р. М. Стрѣшнева и дьяка М. Бредихина, которые намъ объявили, что твое пресвѣтлое Царское Величество пожаловалъ насъ и изволилъ принять подъ свою крыльскую руку. И мы тому обрадовалися вельми, и ради твоему пре-

свѣтлому Царскому Величеству вѣрно во всемъ служить и крестъ цѣловать.» И такъ, 6-го Сентября Государь послалъ къ гетману съ объявленіемъ, что онъ припаялъ его въ подданство, а 1-го Октября созванъ былъ Соборъ для разсужденія о томъ, принимать ли гетмана въ подданство? Положимъ, что Алексѣй Михайловичъ былъ увѣренъ въ согласіи Собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде, но въ такомъ случаѣ для чего созывать вторично Соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе? Если же хотѣли большаго, окончательнаго удостовѣренія, то зачѣмъ было созывать Соборъ послѣ рѣшенія дѣла?» (Р. В. № 8, стр. 449).—Г. профессоръ выражается очень осторожно; онъ говоритъ: было разсуждаемо, но не прибавляетъ: на Соборѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ уже собиралъ Соборъ (первый) о Малороссійскихъ дѣлахъ; Соборъ объявилъ себя въ пользу того, чтобъ Малороссію принять. Послѣ такого рѣшенія, Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ все право, безъ всякаго нарушенія уваженія къ достоинству Земскаго Собора, сказать гетману о своемъ согласіи принять его въ подданство. Для чего же собиралъ онъ второй Соборъ? — для торжественнаго признанія, для санкціи рѣшенія, въ которомъ и Царь и Земля были согласны. До этого втораго Собора Царь Алексѣй Михайловичъ посылаетъ тайныхъ пословъ съ тайными рѣчами (онъ хотѣлъ, можетъ быть, увѣрится, какъ приметъ гетманъ *теперь* его согласіе, ибо это дѣло тянулось долго); но послѣ рѣшенія Земскаго Собора, Царь посылаетъ открыто и торжественно великихъ пословъ, которые открыто и торжественно приипмаютъ гетмана со всею Малороссіею въ подданство. Между первымъ и вторымъ Соборомъ прошло три года, поэтому нужна была торжественная санкція отъ новаго Собора: Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ показать, что приипмаетъ онъ Малороссію въ подданство *вслѣдъ за рѣшеніемъ Земскаго Собора*, а для того и созываетъ черезъ три года, передъ самымъ принятіемъ Малороссіи въ подданство, новый Земскій Соборъ. И такъ Малороссійское дѣло не только не умаляетъ значеніе Земскихъ Соборовъ, но еще усиливаетъ оное.

Говоря о послѣднемъ Земскомъ Соборѣ, указанномъ мною, при Θεодорѣ Алексѣевичѣ, г. профессоръ говоритъ: «Что касается до созванія выборныхъ для уравненія службъ и податей, то и это не Земскій Соборъ, такимъ онъ нигдѣ и не называется» (стр. 450). *Такимъ онъ нигдѣ и не называется!* Да гдѣ же нашелъ г. про-

«ессоръ еще указаніе на этотъ Соборъ, гдѣ еще объ немъ говорится? Мы просимъ его сдѣлать одолженіе сообщить намъ. Мы нашли объ немъ только указаніе въ приведенной грамотѣ. Но почему же собраніе выборныхъ въ Москву для такого важнаго, Земскаго и Государственнаго дѣла, — не Земскій Соборъ? Объ немъ знаемъ мы только косвенную грамоту (пока г. Соловьевъ укажетъ намъ другой какой-нибудь источникъ), въ которой очень легко могъ онъ и не называться Земскимъ Соборомъ. А къ тому же, при отсутствіи формальной опредѣленности, названіе, въ нашихъ актахъ, не составляетъ большой важности. Передъ нами само дѣло, которое говоритъ всего краснорѣчивѣе. Выборные изъ всѣхъ городовъ созваны въ Москву для совѣщанія о предметѣ Государственной и Земской важности. На дѣлѣ это Земскій Соборъ, а поэтому и называемъ его такимъ.

Какъ возраженіе, г. профессоръ дѣлаетъ указаніе, что такіе Соборы, какъ 1682 года, были и послѣ Петра; и приводитъ въ доказательство, что въ царствованіе Петра II вельно, для сочиненія Уложенія, выписать къ Москвѣ изъ *офицеровъ и изъ дворянъ, по пяти человекъ за выборомъ отъ шляхетства* (стр. 450). Но развѣ въ старину такъ собирались выборные на Земскій Соборъ? А гдѣ же представители Земли? Г. профессоръ указываетъ на такое же явленіе при Аннѣ Иоанновнѣ, гдѣ требовалось присутствіе и духовенства, и купечества. Но тогда вельно было выбрать Сенату, а не саммъ сословіямъ. И такъ, оба примѣра не годятся. При Елисаветѣ и при Екатеринѣ точно были попытки, похожія на Земскій Соборъ, отголосокъ не совсѣмъ забытой старины, но то ли это было на дѣлѣ? мы знаемъ, что нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, эта смутная память о Соборахъ и въ позднѣйшее время все таки знакъ добрый. Г. Соловьевъ приводитъ всѣ эти созыванія выборныхъ послѣ Петра, какъ такія, которыя не слѣдуетъ называть Земскими Соборами, ибо онъ говоритъ: «Если же угодно подобнымъ созыванія выборныхъ изъ областей называть Земскими Соборами то упомянутое созваніе 1682 года вовсе не будетъ въ такомъ случаѣ послѣднимъ Земскимъ Соборомъ, и не нужно распушеніе послѣдняго Земскаго Собора мистически соединять съ именемъ Петра (здѣсь мистицизма нѣтъ, потому что съ Петромъ начинается новый порядокъ вещей), ибо обычай этотъ существовалъ и въ XVIII вѣкѣ точно также, какъ въ XVII (мы видѣли,

какъ это: *точно также*). Но созванія выборныхъ при Елисаветѣ и Екатеринѣ (мы не называемъ ихъ Земскими Соборами по другой причинѣ: они противорѣчили уже духу управленія, были только воспоминанія старицы, одна форма; на дѣлѣ это выходило безплодно), по предмету своему, были созваны для составленія Уложенія. Ужели же созваніе выборныхъ для такого предмета не есть Земскій Соборъ? Въ такомъ случаѣ, г. Соловьевъ и Земскій соборъ, созванный для Уложенія при Царѣ-Алексѣѣ Михайловичѣ, не долженъ называться Земскимъ Соборомъ. Въ Актѣ объ Уложеніи не встрѣчается названіе Земскаго Собора, а говорится объ общемъ совѣтѣ. Между тѣмъ г. Соловьевъ созваніе выборныхъ по предмету Уложенія признаетъ за Земскій Соборъ. А если это такъ, если это созваніе выборныхъ для Уложенія есть Земскій Соборъ, то и созваніе выборныхъ 1682 года должно быть признано Земскимъ Соборомъ; ибо съ этимъ созваніемъ ставитъ рядомъ г. Соловьевъ созваніе выборныхъ для составленія Уложенія (при Елисаветѣ и Екатеринѣ).

Мы отвѣчали на возраженія г. Соловьева, но теперь считаемъ нужнымъ отвѣчать на общее его отрицаніе совѣщательнаго элемента въ Московской Россіи, показать присутствіе въ ней и важность этого совѣщательнаго элемента, а также и важность Земскихъ Соборовъ, какъ одного изъ его проявленій, проявленіе, — конечно самое полное, но не исчерпывающее совѣщательнаго элемента, который проникъ всю Русь, былъ въ воздухѣ, въ атмосферѣ. Важности Земскихъ Соборовъ при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, кажется, не отвергаетъ ученый профессоръ; а потому мы обратимъ вниманіе собственно на царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, когда, по мнѣнію профессора, явленіе это (Земскіе Соборы), порожденное лишь случайными обстоятельствами, слабѣло; совѣщательный же элементъ, мы помнимъ, отрицается вообще въ Московской Россіи нашимъ ученымъ профессоромъ.

Элементъ общинный, совѣщательный, вѣчевой, былъ съ самаго начала въ Русской землѣ; объ этомъ, по крайней мѣрѣ, никто не споритъ. Это совѣщательное начало проявлялось въ народѣ, выражалось въ его вѣчахъ; но эта же совѣщательность входила и въ отношенія князя съ его дружиною, столь сильно, что дружина была какъ бы законнымъ и непремѣннымъ его совѣтомъ во всѣхъ дѣлахъ (кромя развѣ личныхъ). Значеніе совѣта дружины

не подлежитъ сомнѣнію; въ лѣтописи есть, между другими многими свидѣтельствами, одно весьма замѣчательное. Когда злые люди, Петръ и Несторъ Бориславичи, стали наговаривать Давиду Ростиславичу на Мстислава Изяславича, и когда, позванцые на обѣдъ къ Мстиславу, Давидъ и братъ его Рюрикъ потребовали, чтобы онъ цѣловалъ сперва крестъ, то изумленный Мстиславъ разсказалъ это своей дружинѣ. Не мудрено было догадаться, что злые люди ссорили князей клеветами и приписывали злые умыслы Мстиславу. Дружина Мстиславова успокоила своего князя и сказала: «Ты всяко правъ предъ Богомъ и предъ челоувѣкы, *тебѣ безъ насъ того не лзь было замыслити, ни створити*, а мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь къ всей братіѣ» (1). Важность вѣча въ древней Россіи не нуждается въ примѣрахъ. Въ началѣ Россія состояла изъ отдѣльныхъ общинъ съ отдѣльными своими князьями. Отдѣльность эта была причиною того, что Россія не слитилась въ одно цѣлое даже при нашествіи Татаръ. Подъ общюю для всѣхъ бѣдою и игомъ, Россія начала сплачиваться въ одно цѣлое, и отдѣльныя общины стали соединяться въ одну великую Русскую общину. Переработка эта, какъ все прочное, шла медленно; совѣщательный элементъ, утративъ первую, частную форму, не вдругъ облекся въ другую, общую; и понятно, что въ эту эпоху перехода и перерожденія, онъ иже выражался или выражался слабо. То же было и съ дружиною: переходя изъ частной, княжой въ общую, Государеву Думу, дружина теряла свое прежнее значеніе, не получивъ еще новаго. Мы знаемъ жалобы Берсея на Василія Іоанновича (отца Грознаго), что онъ у постели самъ-третей всѣ дѣла рѣшаетъ. Но, когда великое дѣло соединенія всѣхъ Русскихъ общинъ въ одну совершилось, когда вмѣстѣ съ тѣмъ государство стало тоже единымъ, тогда, при Іоаннѣ IV, принявшемъ титулъ, означающій эту новую эпоху, явился со всей силою совѣщательный элементъ въ новомъ своемъ видѣ, не какъ Вѣче, по какъ Земскій Соборъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣщательный элементъ постоянно проявлялся и въ другихъ формахъ; мы видимъ его и въ Стоглавомъ Соборѣ, и въ собраніи Щелкаловымъ Московскихъ гражданъ на площадь, и въ обращеніи къ этимъ гражданамъ Іоанна, по отъѣздѣ его въ Александровъ-

(1) П. С. Р. Л. т. 2. стр. 99.

скую слободу. Также въ томъ, что когда поручено было сочинить уставъ о станичной службѣ, то бояринъ Воротынской составилъ этотъ уставъ на общемъ совѣтѣ съ станичными головами и станничиками, какъ объявлено въ началѣ самого устава. Наконецъ устройство сельское, безпрестанные выборы, губные старосты и цѣловальники — все это ясно указываетъ на общинный, совѣщательный элементъ. Элементъ не могъ исчезнуть въ послѣдующее за тѣмъ время, и не исчезалъ; но тѣ наибольшую силу проявился онъ въ эпоху междоусобствъ, ибо государство, разрушившись, обожгло его, такъ сказать, и вызвало его на широкое пошище. Тутъ мы видимъ, какъ города, эти отдѣльныя общины, — не сомкнувшіяся въ одно цѣлое при нашествіи Татаръ, — теперь, при обстоятельствахъ, несравненно труднѣйшихъ, ссылаются, совѣщаются, соединяются другъ съ другомъ въ одну великую силу, силу одной общины, спасаютъ Москву, Рускую землю и вновь воздвигаютъ Государство. Тутъ видимъ во всемъ могуществомъ и во всемъ величій этотъ древній, общинный, совѣщательный элементъ, переродившійся изъ частнаго, выражавшагося въ отдѣльныхъ областяхъ, въ общій, всерусскій образъ, выражающійся въ цѣлой, одной общинѣ Русской. Общинный элементъ сталъ такимъ образомъ на высшую ступень, принялъ высшій видъ, перешелъ въ высшій моментъ, говоря языкомъ философскимъ. Этотъ элементъ, безспорно, продолжается при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Но г. профессоръ видитъ, что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ ослабѣваетъ, исчезаетъ; посмотримъ, точно такъ ли говорить истощики.

Мы уже возражали противъ мнѣнія г. Соловьева о Соборахъ по поводу Малороссіи. Теперь обратимся къ Собору объ Уложеніи. Какъ думаетъ г. Соловьевъ: выборные только для вида собораны были въ Москву съ цѣлью составить Уложеніе? Если явленіе вымирало, то конечно для виду. Между тѣмъ мы видимъ, какъ мнѣнія выборныхъ, извѣстныя намъ въ актахъ, подъ названіемъ челобитныхъ, вошли въ Уложеніе. Наконецъ новая мѣра, весьма важная, вошедшая въ Уложеніе, именно: учрежденіе монастырскаго приказа, — была принята по желанію Земли. Въ Уложеніи именно сказано, что монастырскій приказъ учреждается: *«по челобитью стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и родовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостей»*

и суконные и иные разныя сотень, и слободъ, и городовыхъ торговыхъ, и посадскихъ людей» (Уложение, изд. 1796 года, стр. 113—114). Кажется, что все это убѣдительно говоритъ въ пользу дѣйствительной силы и значенія Земскаго Собора при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Смѣло можемъ предположить, что если бы при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была война, подобная той, какая была у насъ недавно съ Англіею, Франціею и Турціею, то Царь созвалъ бы Земскій Соборъ. Кромѣ того, въ 1667 году былъ составленъ торговый уставъ, по челобитью Московскаго государства гостей, и гостиныхъ сотень, и черныхъ слободъ торговыхъ людей. Но этотъ торговый уставъ не былъ только составленъ нашимъ Правительствомъ въ исполненіе челобитья: въ составленіи устава очевидно участвовали торговые люди, ибо подлинная статья устава, какъ сказано, «за руками гостей и лучшихъ торговыхъ людей, и слободъ черныхъ приходовъ ихъ отцевъ духовныхъ за руками жъ» (С. Г. Г. и Д., т. IV, стр. 190). Наконецъ укажемъ и на совѣщаніе съ торговыми людьми о припкахъ дороговизны хлѣба въ Москвѣ и о средствахъ противъ нея. (С. Г. Г. и Д., т. IV, стр. 69—72) (1).

Кажется, довольно и этихъ доказательствъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича Земскіе Соборы были явленіе жизненное, имѣли важное значеніе, и что совѣщательный элементъ существовалъ и проявлялся сильно.

Заключаемъ нашъ отвѣтъ, собственно за себя, почтенному профессору, тѣми словами, которыя Земскій Соборъ, въ наказѣ къ Австрійскому Императору, велитъ сказать ближнимъ его людямъ (мы уже привели ихъ въ нашей критикѣ (Рус. Бес. 1856 г. т. IV); по приводимъ здѣсь вновь эти драгоценныя слова): «А то вамъ думнымъ людямъ мочно и самимъ рассудити, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей Земли не дѣлается.»

Мы отвѣчали г. Соловьеву на возраженія его, собственно противъ насъ направленные, по считаемъ целившимъ отвѣчать на два его мнѣнія, высказанныя имъ въ той же статьѣ. Г. Соловьевъ думаетъ, что въ эпоху Петра, люди, стоявшіе за старшину, «не хотѣли измѣнить покроя одежды и сбрить бороду, въ силу без-

(1) Объ этомъ совѣщаніи написана прекрасная статья г-мъ Лохвицкимъ, въ № 1 Вѣдомствъ. Указателя минувшаго года.

сознательнаго подчиненія ведущемуся пзъ старины обычаю, нарушить который они считали грѣхомъ» (стр. 467). Это несправедливо. Причина была не та; иностранная одежды проникли въ Россію и до Петра: противъ нихъ возставало духовенство; царевичи въ дѣтскомъ возрастѣ ходили въ Нѣмецкихъ платьяхъ: это не показываетъ рабства передъ обычаемъ. Но, когда противъ родной одежды и въ пользу чуждой, возстало насиліе, — очень понятно тогда это упорство спять ее; или по крайней мѣрѣ, неохота, ропотъ и неудовольствіе. Вы не привязываете значенія къ вашей прическѣ, къ цвѣту вашей частной одежды, но вдругъ насиліе вооружается противъ наружности и требуетъ, чтобъ вы причесались иначе и надѣли одежду такого-то цвѣта. Очень понятно, что вы возмутитесь духомъ, ибо вы почувствуете себя, какъ человекъ, оскорбленнаго въ свободѣ личнаго, частнаго быта. Вотъ причина, почему такъ трудно, тяжело и обидно было для Русскихъ снмать свою одежду и надѣвать чужую, — причина весьма законная и достаточно понятная и чувству, и разуму.

Г. Соловьевъ говоритъ на той же страницѣ: «Существуетъ старинное мнѣніе, что такъ называемый Петровскій переворотъ совершился насильственно въ томъ смыслѣ, что противники выставили ему разумное сопротивление. Этого не было и быть не могло; извѣстій объ этомъ нѣтъ нигдѣ.»

Слишкомъ рѣшительно. При Петрѣ Великомъ былъ человекъ, имя весьма любимый, котораго онъ приближалъ къ себѣ. Это Кикинъ. Кикинъ могъ бы сдѣлать блестящую *карьеру* (идея новая, внесенная преобразованиемъ). Но Кикинъ упорно держался старины и не разъ возставалъ противъ Петра. Петръ прощалъ его, но наконецъ осудилъ на казнь. Передъ казнію Петръ спросилъ: отъ чего онъ, Кикинъ, человекъ умный, противъ него? Кикинъ отвѣчалъ достопамятными словами. Онъ сказалъ Петру: «Умъ любитъ просторъ, а отъ тебя ему тѣсно» (1). Кто бы ни былъ Кикинъ, по слова его въ высшей степени замѣчательны. Вотъ, следовательно, за что стояла древняя Русь, и вотъ съ какой стороны она чувствовала себя оскорбленною, — со стороны свободы умственной.

(1) См. Голковн.

ПО ПОВОДУ ТОЙ ЖЕ СТАТЬИ Г. СОЛОВЬЕВА (*).

Въ статьѣ г. Соловьева: «Шлецеръ и анти-историческое направленіе», есть одно мѣсто, которое насъ спльно поразило; вотъ оно:

«Мы имѣемъ возможность пзучить характеръ древняго Русскаго общества, въ большей или меньшей полнотѣ, въ настоящее время на одномъ изъ сословій, именно на сословіи земледѣльческомъ, въ общихъ чертахъ одинаковомъ вездѣ. Однообразіе, простота занятій, подчиненіе этихъ занятій природнымъ условіемъ, надъ которыми трудно взять верхъ человѣку, однообразіе формъ быта, разобщеніе съ другими классами народа (?), ведутъ въ земледѣльческомъ сословіи къ господству формъ, давностию освященныхъ, къ безсознательному подчиненію обычаю, преданію, обряду. Отсюда въ этомъ сословіи такая удержимость относительно стараго, такое отвращеніе къ нововведеніямъ, осязательно полезнымъ, такое безсиліе смысла (sic) предъ подавляющею силою привычки. Въ земледѣльческомъ сословіи сохранились преданія, обряды, идущіе изъ глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледѣльца объясненія смысла обряда, который онъ такъ вѣрно соблюдаетъ, — вы не получите другаго отвѣта, кромѣ: «такъ водится»; но попробуйте нарушить обрядъ или часть его, вы взволнуете человѣка, цѣлое общество, которые придутъ въ отчаяніе, будутъ ждать всѣхъ возможныхъ бѣдствій отъ нарушенія обряда. Но понятно, какую помощь оказываетъ это сословіе государству, когда послѣднее призоветъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. По этому справедливо называютъ земледѣльческое сословіе по преимуществу охранительнымъ. Почтенныя свойства этого сословія, какъ *сословія*, не мо-

(*) Напечат. въ Мозвѣ 1857 года № 8.

гуть быть оспариваемы; но что же, если буйный народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльческаго сословія?» (Р. В. 1857. № 8. стр. 463—464).

И такъ, по мнѣнію г. Соловьева, земледѣльческое сословіе съ одной стороны представляетъ тупость понятій и безсиліе смысла предъ подавляющею силою привычки, съ другой — оно можетъ быть полезно Государству: — чѣмъ? — тѣмъ, что Государство пользуется имъ только, какъ оружіемъ. Польза великая; но за эту пользу благодарить надо Государство, а не земледѣльческое сословіе, точно такъ же, какъ вы благодарите зодчаго, а не матеріаль. Вотъ еслибъ земледѣльческое сословіе могло разсуждать и понимать, тогда оно могло бы приносить какую нибудь нравственную долю въ общее дѣло всей Земли; но оно ограничено и тупо, живетъ подъ подавляющею силою привычки, оно не можетъ видѣть далѣе предѣловъ своего тѣснаго обычнаго круга, поэтому оно не можетъ понять, что такое общее дѣло всей Земли, а слѣдовательно, какое въ немъ можетъ быть чувство любви къ отечеству!... Но снисходительный авторъ находитъ, что въ немъ есть и хорошее; это — помощь, которую оно оказываетъ, когда призвать его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Какъ бы то ни было, земледѣльческое сословіе полезно Государству только, какъ *chaig à canon*.

Какова характеристика земледѣльческаго сословія, начертанная г. Соловьевымъ? — и эти строки (приведенныя нами выше) написаны, столько уважаемый нами, трудолюбивый нашъ ученый! Но зачѣмъ авторъ ограничился однимъ земледѣльческимъ сословіемъ? Вѣдь наши, напр. рыбацкія села, живутъ той же жизнью: такъ они тоже подходятъ сюда; вѣдь наши руководѣльныя села, въ которыхъ то плетутъ сѣти, то дуги гнутъ и пр., также живутъ той же жизнью и тоже подходятъ сюда? Да и при этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, всѣ наши села болѣе или менѣе занимаются земледѣліемъ. Было бы, кажется, откровеннѣе, вмѣсто земледѣльческаго сословія, сказать прямо: крестьяне, простой народъ. Но авторъ не выразился такъ. Во всякомъ случаѣ земледѣльскій бытъ есть господствующій бытъ нашего простаго народа.

Замѣьте еще, что характеристика земледѣльческаго сословія, составленная почтеннымъ профессоромъ, есть, по его мнѣнію, характеристика древняго Русскаго общества, древней Россіи (кро-

нѣ Государства, конечно: въ этомъ отношеніи никто не упрекнуть г. Соловьева). — Такъ вотъ какова была вся древняя Россія! — Ну, а во время, положимъ, между-царствія, когда все Государство, весь *государственный народъ* лежалъ во прахѣ, когда некому было и кликнуть народъ на защиту, кто поднялся за Россію, кто сослался грамотамъ, чей голосъ раздался на Нижегородской площади, кто наконецъ спасъ Россію и Государство? — народъ, Русской народъ, жившій въ формѣ быта земледѣльческаго сословія, характеристику котораго, напечатанную г. Соловьевымъ, мы привели выше....

Жестоко и несправедливо слово почтеннаго ученаго о земледѣльческомъ сословіи, объ этомъ сословіи, которое почитаетъ и чувствуетъ себя, не какъ отдѣльное лицо, и не какъ село, но какъ христіанское братство, какъ Русской народъ. Для него дорога слава и добро Россіи. Изъ того, что оно молчитъ, нельзя заключить, чтобъ оно не могло сказать полезнаго для насъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи.

Но не обмолвился ли г. Соловьевъ? Такъ ли мы поняли его слово? Очень бы желали ошибиться.

Есть еще мѣсто, вотъ оно: «Вспомнимъ, какъ принялось христіанство: когда въ Новгородѣ явился волхвъ, то масса простаго народа бросилась къ нему; подлѣ Епископа остался только князь съ дружиной. Дѣло извѣстное, что восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ» (тамъ же, стр. 474).

Не дурно сказано! хорошо тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, ясно. И такъ «восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ», то есть, князя, дружину (такъ значитъ въ приведенномъ примѣрѣ), вообще же — высшія, верхнія сословія. — А солнце христіанской истины, когда возшло оно надъ человѣчествомъ, что оно освѣтило прежде, и кто потомъ передалъ этотъ свѣтъ міру? — Верхи горъ? сильные міра сего? — Нѣтъ. Апостолы были рыбаки, люди изъ простаго народа.

Историкъ, пожалуй, можетъ пренебрегать *низменностями* и благоговѣть передъ *верхами горъ*. Но солнце истины кидаетъ лучи свои не по его усмотрѣнію.

ПО ПОВОДУ VII ТОМА

ИСТОРИИ РОССИИ, Г. СОЛОВЬЕВА (1).

VII-й томъ почтеннаго профессора заключаетъ въ себѣ царствованіе Θεодора Іоанновича; но первая глава посвящена описанію состоянія Русскаго общества во времена Іоанна IV и относится, слѣдовательно, по содержанию, къ VI тому. Эта глава занимаетъ больше половины книги: 245 страницъ; во всей книгѣ—433 страницы, кромѣ примѣчаній.

Разсматривая первую главу, скажемъ сперва замѣчанія общія. Первое замѣчаніе, которое должны мы сдѣлать, состоитъ въ томъ, что въ этой главѣ мало послѣдовательности, мало систематическаго порядка; быть можетъ, автору, не смотря на все его желаніе, не удалось внести этотъ порядокъ въ свое сочиненіе. Авторъ вдругъ отъ одного предмета переходитъ къ другому безъ всякой видимой причины, иногда вновь къ нему возвращается; иногда начинаетъ говорить о другомъ важномъ предметѣ, не отдѣляя рѣчи даже виѣшнимъ образомъ, не относя ее къ другой строкѣ. Такъ, пачавъ говорить, на первыхъ страницахъ книги, о сознаніи царской власти Іоанномъ, авторъ переходитъ къ обычаямъ новаго Двора, говоритъ о свадебныхъ обрядахъ, о другихъ обычаяхъ; наконецъ, перечисляетъ названіе нарядовъ и разныхъ сосудовъ Іоанна IV. Потомъ авторъ переходитъ къ Думѣ Боярскаго, къ мѣстничеству и т. д. Впрочемъ, быть можетъ, тутъ и есть свой порядокъ: сперва сказать о Царѣ и о Дворѣ со всѣми подробностями, потомъ о Боярской Думѣ и т. д. Но такого рода порядокъ едва ли вѣренъ, да и его прослѣдить трудно у г. Соловьева. — На страницѣ 14 вдругъ встрѣчаются такіа слова:

---

(1) Издечат. въ Русской Бестѣ 1858 г. Т. II.

«Въ лѣтописи находимъ слѣдующее извѣстіе о распоряженіяхъ Іоанна относительно службы воинской.» Читатель ждетъ этихъ распоряженій, и что же читаетъ въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ: «приговорилъ царь и великій князь съ братьями и боярами о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людемъ, какъ имъ впередъ служить.» Развѣ это воинская служба? Далѣе говорится о томъ, что «бояре, князья, и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ по городамъ и по волостямъ для разправы людемъ и всякаго устроенія землямъ,» говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, о злоупотребленіяхъ ихъ, объ учрежденіи въ городахъ и волостяхъ «старость, соцкихъ, пятидесяцкихъ и десятицкихъ» — Все это не воинская служба; только въ концѣ статьи, между другими мѣрами, говорится, какую воинскую службу служить съ какой земли, т. е., ставить вооруженныхъ людей или давать за людей деньги (стр. 14—15).

Это бездѣлица, скажутъ намъ. Но такія бездѣлицы, въ положеніи предмета, не рѣдко встрѣчающіяся, мѣшаютъ чтенію: ибо авторъ начиняетъ говорить объ одномъ, а продолжаетъ о другомъ предметѣ; выписка изъ лѣтописи или изъ актовъ не всегда соответствуетъ тому, о чемъ онъ хочетъ говорить. Такъ, напр., авторъ говоритъ (на стр. 37) о старостахъ: «Еще въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія, мы видѣли повое важное явленіе въ жизни городскаго и сельскаго народонаселенія: подлѣ намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ ихъ является новая власть, инаго происхожденія; жители городскіе и сельскіе получаютъ отъ правительства позволеніе сами, независимо отъ намѣстниковъ и волостей, ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ, для чего должны ставить себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, человѣка три или четыре въ волости, присоединяя къ нимъ старость, десятицкихъ и лучшихъ людей» и т. д. Далѣе, г. авторъ говоритъ о губныхъ грамотахъ, приводитъ изъ нихъ отрывки, говоритъ о просьбѣ Важанъ, объ излюбленныхъ головахъ, излюбленныхъ старостахъ; говоритъ объ уставной грамотѣ Устюжской, объ уставной грамотѣ Двинской, объ отношеніи дьяковъ къ намѣстникамъ, о значеніи дьяковъ, потомъ о городничихъ, городовыхъ прикащикахъ, городничихъ; говоритъ о городскомъ народонаселеніи, объ устройствѣ городовъ. А потомъ, на стр. 47, обращается снова къ той же уставной Устюжской грамотѣ,

къ той же Двинской грамотѣ, и опять къ излюбленнымъ старостамъ или судьямъ, выбираемымъ сельскими жителями. Вообще же объ этомъ историческомъ явленіи говоритъ авторъ весьма кратко и спѣшно, боясь, кажется, только пропустить что нибудь и считая достаточнымъ сдѣлать краткія выписки, и такимъ образомъ, посредствомъ сухаго перечня, очищая свою совѣсть историка. Это изчисленіе сподрядъ тѣхъ и другихъ явленій доводитъ г. Соловьева до того, что опъ, какъ сказано нами, не разграничивая даже особой строкой, говоритъ о вещахъ различныхъ. Такъ, напр., авторъ, на стр. 54, поговоря о крестьянахъ и холопяхъ; начиняетъ особой строкой: «Изъ инородцевъ одни платили ясакъ правительству, другіе прежнимъ своимъ природнымъ владѣльцамъ: такъ въ 1580 году дана была жалованная грамота Кадомскому Ишею мурзѣ на отцовскій ясакъ съ Тядемской Мордвы, что по рѣчкѣ Мокшѣ; ясакъ состоялъ въ семи рубляхъ съ полтиною въ годъ; съ этого ясака Ишей мурза обязанъ былъ служить государеву службу, кормить сестру и выдать ее за мужъ. Мы видѣли, что, если жители городовъ, т. е. посадовъ, занимались хлѣбопашествомъ, то жители сельскіе занимались разными ремеслами. Первоначальная промышленность въ царствованіе Іоанна IV распространилась вслѣдствіе приобрѣтенія новыхъ странъ на Востокъ и появленія незанятыхъ еще тамъ дѣлкихъ пространствъ». И такъ далѣе: о рыболовствѣ, соколиной охотѣ, соляной промышленности, и проч.—Здѣсь авторъ, начавъ говорить объ ясакѣ инородцевъ, сказавъ, что Ишей мурза платилъ семь рублей съ полтиной въ годъ (какое, впрочемъ, дѣло историкъ до этихъ семи съ полтиной?), вдругъ продолжаетъ о промышленности. — Вотъ еще примѣръ въ томъ же родѣ. Приводя знаменитое посланіе Іоанна IV въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и оканчивая оное подлинными словами Іоанна: «А мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго». — г. Соловьевъ продолжаетъ на той же строкѣ: «Въ Новгородскихъ монастыряхъ и въ описываемое нами время продолжало вводиться общее житіе, по настоянію владыкъ; устроить общее житіе означалось на тогдашнемъ языкѣ выраженіемъ: засѣдаты общину» (стр. 109). Подобныхъ нечаянныхъ продолженій о другомъ, когда начато говорить объ одномъ, продолженій даже безъ всякаго перехода, — встрѣчается довольно. Это крайне мѣшаетъ стройности и ясности

историческаго изложенія и задаетъ новый, совершенно лишній трудъ читателю.

Второе наше замѣчаніе заключается въ томъ, что авторъ приводитъ безпрестанно сырыя, такъ сказать, выписки изъ актовъ, иногда припаравывая, а иногда и не припаравывая ихъ къ современному литературному языку. Съ одной стороны выписки эти не сопровождаются ни критическимъ взглядомъ, ни объясненіемъ, ни даже приведеніемъ ихъ во что нибудь цѣлое; съ другой,—такъ какъ невозможно же выписать цѣликомъ всѣхъ актовъ того времени,—выписки эти не полны. Такимъ образомъ, лучше читателю обратиться къ самимъ собраніямъ актовъ и другихъ источниковъ времени Юаппа IV, ибо тамъ онъ можетъ ихъ прочесть во всей полнотѣ. Въ Исторіи же Россіи г. Соловьева (говоримъ теперь о разсматриваемой нами главѣ) видитъ онъ большею частію только отрывки изъ актовъ и безъ всякой обработки. Какъ же не предпочесть собранія полнаго собранію не полному? Въ этой 1-й главѣ VII тома Исторіи Россіи,—трудъ историка становится иногда уже трудомъ не только не изслѣдователя, но даже и не извлекателя, а трудомъ почти-что переписчика, выписывающаго по выбору, не всегда оправданному, разные отрывки изъ актовъ и другихъ источниковъ. Гдѣ могли бы еще найти мѣсто подобныя выписки, такъ это въ примѣчаніяхъ къ исторіи (что и видимъ у Карамзина), какъ оправдательныя статьи. Но въ томъ-то и дѣло, что въ исторіи г. Соловьева (въ VII томѣ) мы и оправдывать нечего; ибо изъ нихъ не извлечено историкомъ почти никакого мѣнія, не сдѣлано никакого заключенія или вывода, а представлены читателю эти выписки такъ, сырьемъ; пусть самъ читатель думаетъ, что хочетъ. Такимъ образомъ передъ нами является какъ-бы историческая хрестоматія; но хрестоматія можетъ годиться только для дѣтей; да и при хрестоматіи все же требуется болѣе системы, нежели сколько мы находимъ здѣсь у г. Соловьева.—Въ такомъ случаѣ, какъ сказали мы, лучше уже читателю, если онъ желаетъ потрудиться, самому обратиться къ источникамъ и самому обработать ихъ.—Для чего же тогда пишется исторія?

Сказанное нами относится собственно къ первой половинѣ VII тома и преимущественно ко многимъ мѣстамъ этой первой половины, или 1-й главы, къ мѣстамъ, впрочемъ, очень важнымъ.

Хотя и вездѣ, въ этой главѣ, изслѣдованіе почти незамѣтно, но во вездѣ является до такой степени голое, отрывочное выписываніе изъ источниковъ. А важные вопросы возникаютъ на каждомъ шагу; но ихъ будто и не видитъ г. профессоръ. Сказанное намъ мы должны подтвердить примѣрами.

Г. Соловьевъ начинаетъ говорить о сторожевой станичной службѣ. Это очень любопытная статья. Здѣсь видимъ мы, какъ благо разумно обезопасивало себя Государство со стороны степи и кочевыхъ хищниковъ. По этому случаю, Іоаннъ IV велѣлъ князю Воротыинскому составить уставъ о станичной службѣ. Можно бы было ожидать, что авторъ Исторіи Россіи укажетъ намъ на смыслъ и общую характеристику станичной службы; что опъ, по крайней мѣрѣ, сдѣластъ намъ извлеченіе изъ этого устава и обратитъ, быть можетъ, вниманіе на совѣщательный элементъ въ Московской Руси, (не замѣаемый имъ доселѣ): ибо уставъ былъ составленъ съ общаго совѣта станичнаго войска. — Ничего этого не находимъ. Г. Соловьевъ, вмѣсто извлеченія, дѣлаетъ просто выписку почти подлинными словами устава. Просимъ извиненія у читателей за длинную и утомительную выписку изъ исторіи г. Соловьева; но эта выписка нужна, ибо она ознакомитъ читателя съ тѣмъ, какимъ образомъ, большею частію, составлена разбираемая нами глава VII тома. Читатель увидитъ здѣсь, какъ языкъ автора, сперва нѣсколько удерживаясь, потомъ прямо переходитъ въ языкъ источника, о которомъ идетъ рѣчь, и авторъ принимается просто выписывать (1):

«Московское Государство XVI вѣка, относительно юго-восточной границы своей, находилось въ такомъ же положеніи, какъ и древняя Приднѣпровская Русь временъ Св. Владиміра: граничило со степью, изъ которой стремились кочевые хищники на его опустошеніе. Уже давно Московскія сторожи, сторожевые отряды или станицы разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи и стояли въ определенныхъ мѣстахъ, наблюдая за Татарами; при Іоаннѣ IV Московскіе сторожи начали сталкиваться съ Литовскими на Днѣпрѣ; мы видимъ, что Царь старался показать Сигизмунду-

(1) Считаю долгомъ указать любознательнымъ читателямъ на прекрасное сочиненіе г. Вѣльева: О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской Украинѣ и пр. Москва, 1846.

Августу, какъ выгодно для послѣдняго помогать Московскимъ сторожамъ, а не затѣвать споры о томъ, что они становятся на Литовской землѣ. Во второй половинѣ царствованія, обративши все вниманіе на западъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ хлопотать, чтобъ южная граница была защищена, чтобъ Крымцы не могли явиться у Оки безвѣстно. Съ этою цѣлю въ Январѣ 1571 года, Государь приказалъ боярину своему, князю Михайлѣ Ивановичу Воротынскому, вѣдать станицы и сторожи и всякія свои Государевы польскія службы. Воротынскій говорилъ Государевымъ словомъ въ Разрядѣ дьякамъ, что ему велѣлъ Государь вѣдать и поустроить станицы и сторожи, и велѣлъ доискаться станичныхъ прежнихъ списковъ; въ города: Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, въ другіе украинные города и въ Сѣверу велѣлъ послать грамоты по дѣтей боярскихъ, по нисьменныхъ, по станичныхъ головъ, и по ихъ товарищей, и по станичныхъ вожей и по сторожей, которые ѣздить изъ Путивля, изъ Тулы, Рязани, Мещеры, изъ Сѣверной страны въ станицахъ на поле къ разнымъ урочищамъ, и которые прежде ѣзжали лѣтъ за десять и пятнадцать, велѣлъ имъ всѣмъ быть въ Москву. Когда они пріѣхали, то Государь приказалъ князю Воротынскому сидѣть (заняться) (1) о станицахъ, сторожахъ, и всякихъ польскихъ службахъ, станичныхъ головъ, станичниковъ и вожей разспрашивать, и разпрося, расписать подлинно порознь: изъ котораго города, по которымъ мѣстамъ и до какихъ мѣстъ пригоже станицамъ ѣздить, и въ какихъ мѣстахъ сторожамъ на сторожахъ стоять, и до какихъ мѣстъ на которую сторону отъ которой сторожи разъѣздамъ быть; и въ которыхъ мѣстахъ на полѣ головамъ стоять для береженія отъ приходу воинскихъ людей; и изъ которыхъ городовъ и по скольку человекъ, съ которымъ головою и какимъ людямъ на Государевой службѣ быть?—Чтобъ Государю про приходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну, и воинскіе люди на Государевы украинны безвѣстно не приходили.»

«Послѣ разспросовъ князь Воротынскій приговорилъ съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и станичниками о Путивльскихъ, Тульскихъ, Рязанскихъ и Мещерскихъ станицахъ, и о всѣхъ

---

(1) Не совѣтъ вѣрно: сидѣть непременно предполагаетъ совѣщаніе (откуда обседа), какъ и теперь тотъ же смыслъ заключается въ словѣ: *засѣдать*. *Прим. К. А.*

украинныхъ дальнихъ и ближнихъ мѣсячныхъ сторожахъ и сторожахъ, изъ котораго города къ которому урочищу станичникомъ податиѣ и прибыльнѣ ѣздить, и на которыхъ сторожахъ и изъ которыхъ городовъ и по сколько человекъ сторожей на которой сторожѣ ставить. А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить, а сторожамъ на сторожахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣ бы имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожамъ на сторожахъ, съ коней не ссаживаясь, попеременно, и ѣздить по урочищамъ попеременно же, направо и налево по два человека, по наказамъ, какія будутъ даны отъ воеводы. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полднелъ, тамъ не почевать; въ мѣсахъ не оставляться, останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы устрожливо. Если станичники или сторожа подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города, а сами позади непріатели ѣдутъ на сакмы (дороги) по сакмамъ и по стапамъ людей смѣчать (1), и поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылаютъ товарищей въ тѣ же города; новые посланные ѣдутъ направо или налево, которыми дорогами поближе, чтобъ въ Украинскіе города вѣсть была раньше, не передъ самымъ приходомъ непріателя; а самимъ имъ ѣхать за непріателемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою, какъ пригоже, покинувъ сакму направо или налево, ѣздить бережно и усторожливо, и того беречь накрѣпко: на которыя украины воинскіе люди пойдутъ, и имъ про то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріатель пойдетъ. Если станичники завидятъ воинскихъ людей на дальнихъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три или по четыре, или сколько будетъ пригоже, посмотра по людямъ и по дѣлу, отъ которыхъ мѣстъ пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ провѣдавъ подлинно про

(1) Да развѣ можно смѣчать людей, т. е., число людей—по дорогамъ? Сакма значитъ не дорога, а слѣдъ, и собственно легкій слѣдъ, оставляемый на травѣ коннымъ или пѣшимъ; тогда выраженіе: смѣчать по сакмамъ, получаетъ полный смыслъ. *Прим. К. А.*

непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить на скоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣтивъ людей и не дождавшись до прѣма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станичникамъ и сторожамъ, не дождавшись на сторожахъ себѣ перемѣны, съ сторожъ не съѣзжать. А которые сторожи, не дождавшись смѣны, съ сторожи сойдутъ, и въ то время Государевымъ украинцамъ отъ воинскихъ людей учинится воипа: тѣмъ сторожамъ отъ Государя быть казеннымъ смертью. Которые сторожи, на сторожахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ, то брать первымъ на послѣднихъ по полунощницѣ на человѣка на день. Если воеводы или головы поплотъ кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищахъ и на сторожахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ не бережно и не усторожливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали, тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть на крѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя, и ѣздили бы на сторожи о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидавши непріятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣть доправить лошадей на ихъ головахъ; а если надобно вскорѣ и доправить некогда, то воеводамъ велѣть брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ, а не будетъ у головъ столько лошадей, то воеводамъ брать по оцѣнкѣ лошадей добрыхъ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади».

«Ѣздить станицамъ изъ Путивля или изъ Рыльска: первой станицѣ ѣхать на поле съ весны 1-го Апрѣля, второй 15-го, третьей 1-го Мая, четвертой 15-го и т. д., осьмой станицѣ ѣхать 15-го Іюля; потомъ въ другой разъ первой станицѣ ѣхать 1-го Августа и т. д.; послѣдній выѣздъ 15-го Ноября. Если же надо будетъ еще ѣздить станицамъ, сиѣга не нападутъ (сиѣги не укинутъ), то станичниковъ посылать и поздиѣ 15-го Ноября по расчету; посылать по двѣ станицы на мѣсяць, межъ станицы пропуская по двѣ недѣли со днемъ.»

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Читатель видитъ самъ, что

такія выписки годятся развѣ въ примѣчаніи, и что это уже вовсе не исторія, а выписыванье историческаго акта безъ разбору и безъ критики. И въ такомъ-то родѣ встрѣчаются выписки безпрестанно. Такъ, на стр. 15, авторъ говоритъ:

«Въ 1550 году Государь приговорилъ съ боярами: раздать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, въ Рузѣ, Звенигородѣ, въ Числякахъ, Ордынкахъ, въ перевѣсныхъ деревняхъ и Тетеривичахъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы версть за 60 и за 70, дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1000 человекъ; а которымъ боярамъ и окольныхчимъ быть готовыми на посылки, а помѣстій и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ нѣтъ, такимъ боярамъ и окольныхчимъ дать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей; дѣтямъ боярскимъ въ первой статьѣ дать помѣстья по 200 же четвертей, другой статьѣ дѣтямъ боярскимъ дать по 150 четвертей, третьей статьѣ по 100 четвертей; сѣна давать имъ по столько же копепъ, на сколько кому дано четвертной пашини, кромѣ крестьянскаго сѣна, а крестьянамъ давать сѣна на выть по 30 копепъ. Который изъ той тысячи вымретъ, а сынъ его къ службѣ не пригодится, то на его мѣсто прибрать другаго. А за которыми боярами и дѣтями боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ другомъ городѣ близко отъ Москвы, версть за 50 или за 60, тѣмъ помѣстья не давать. Между лицами, назначенными къ надѣленію, упоминаются: Псковскіе помѣщики городовые, Псковскіе помѣщики дворовые, Торонскіе помѣщики дворовые, Лучане дворяне, Луцкіе помѣщики городовые».

Такъ, говоря о таможенныхъ грамотахъ, авторъ говоритъ между прочимъ:

«Въ таможенной грамотѣ, данной въ 1563 году, въ принадлежавшее Симонову монастырю село Весьеговское, въ Городецкомъ стану Бѣжецкаго Верха, съ иногородныхъ купцовъ, Московскихъ, Тверскихъ, Новгородскихъ и Псковскихъ, вельно брать также съ рубля по четыре деньга; съ людей своего уѣзда — съ рубля по полторы деньга; если торговые люди приѣдутъ рѣкою Мологою въ судахъ, то съ товару тамга берется съ нихъ по таможенной грамотѣ, а съ судна брать съ полубленнаго и съ неполубленнаго, съ набоп, прикольнаго и новодцеваго — по алтыну, а съ струга по три деньга. Если же приѣдетъ въ село Весь Рязанецъ, или Ка-

завецъ, или какойнибудь другой иноземецъ, то у нихъ брать съ рубля по семи денегъ. Тамга и всѣ таможенныя пошлины (то есть, пятно, помѣрное и проч.), въ селѣ Веси отдавать на откупъ Бѣжичанамъ, Городецкимъ посадскимъ людямъ и сельскимъ крестьянамъ; но въ 1563 году Симоновъ монастырь, жалуясь, что отъ этого его людямъ и крестьянамъ чинятся обиды и продажи великія, выпросилъ откупъ себѣ, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей въ прокъ, безъ наддачи.»

Что это такое, какъ не сырой матеріалъ, безъ всякой обработки? Что останется въ головѣ у читателя послѣ выписки этой грамоты? Какое заключеніе выведено изъ представленной выписки? Сверхъ того, нѣкоторыя выраженія—при выпискѣ, не обозначенной, какъ выписка, требовали бы измѣненія, а то они невольно остававливаются среди современнаго литературнаго языка, напр.: съ *набои* (съ *набоими*); нѣкоторыя же выраженія требовали бы объясненія; напр. это же слово: *набои*; также *прикольное, новодцеевое*. Вѣроятно, темныя изъ читателей знаютъ значеніе этихъ словъ. Грамота эта чрезвычайно интересна въ другомъ отношеніи, именно въ отношеніи къ значенію и къ дѣйствіямъ вотчинныхъ крестьянъ. Положимъ, г. Соловьевъ пользуется ею только какъ таможенною; но и здѣсь, выхвативъ изъ грамоты нѣсколько главныхъ положеній, онъ не даетъ никакого понятія о таможенной системѣ; грамота же, какъ матеріалъ для этого предмета, не приводится г. Соловьевымъ въ своей полнотѣ. Даже и выписано не полно: г. Соловьевъ говоритъ, что съ иногородныхъ купцовъ берутъ тамги съ рубля по 4 деньги, но въ грамотѣ прибавлено: «да съ воза съ товарнаго (у тѣхъ же купцовъ) имати таможенкомъ по двѣ деньги» (1).

Точно такимъ же образомъ, на стр. 83, сказавъ о первомъ архіепископѣ Казанскомъ и Свияжскомъ, объ его пріѣздѣ въ Казань, авторъ продолжаетъ: «Въ наказѣ, данномъ Гурію, говорится».... и начинается выписка, не требующая почти никакого труда, кромѣ механическаго; такъ напр., главный вопросъ здѣсь долженъ быть: отношеніе новаго архіепископа къ Татарамъ и туземцамъ, также къ намѣстнику и воеводамъ; а въ выпискѣ, кромѣ того, говорится: «Держать архіепископу у себя во дворѣ бере-

(1) Ак. Арх. т. I. стр. 205.

женье великое отъ огня, поварни и хлѣбни подѣлать въ землѣ; меду и пива въ городѣ у себя на погребѣ не держать, держать на погребѣ у себя квась, а вино, медъ и пиво держать за городомъ у себя на погребѣ» (стр. 84).

Точно также на страницѣ 99, послѣ словъ: «о церковномъ судѣ Соборъ постановилъ», идетъ выписка, оканчивающаяся, впрочемъ, не церковнымъ судомъ, а словами о пошлинахъ: «святительскую дань, десятиплнпчьи пошлины, кормъ, заѣздъ и вѣнечную пошлину должны собирать и доставлять владыкъ старосты земскіе и поповскіе и десяцкіе священники, по книгамъ, которыя пошлетъ имъ владыка; вѣнечной пошлины собирать съ перваго брака алтынъ, со втораго два, съ третьяго три (четыре)» (стр. 101).

На стр. 115 авторъ говорить: «Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько уставныхъ грамотъ, которыя давали монастыри своимъ крестьянамъ», и вслѣдъ за этимъ идутъ выписки изъ двухъ грамотъ, гдѣ цѣликомъ, гдѣ сокращенно, но также безъ критики. Продолжая выписку изъ первой грамоты, авторъ говорить: «крестьянамъ вольно дворами и землями мѣняться и продавать ихъ, доложя прикащику; а кто свой жребій продастъ или промѣняетъ, прикащику брать явки съ обѣихъ половинъ полполтины на монастырь; кто продастъ свой жребій, а самъ пойдетъ за волость, на томъ брать похоромное сполна, а съ купца брать подрядное, смотря по землѣ и по угодыю; кому не поживется, и захочетъ пойти изъ волости вонъ, а купца на его жребій не будетъ, на томъ брать похоромное сполна, а его выпускать по сроку» (стр. 117). Эти чрезвычайно важныя строки могли бы, кажется, возбудить хоть какую нибудь оцѣнку или объясненіе со стороны г. историка, тѣмъ болѣе, что глава, въ которой онѣ встрѣчаются, называется главою о внутреннемъ состояніи Русскаго общества во времена Іоанна IV. Но авторъ выписываетъ, и только.

Мы довольно, кажется, привели примѣровъ, какимъ образомъ авторъ излагаетъ дѣло, какъ онъ мѣстами, совершенно отрѣшаясь отъ критики, увлекается механическимъ трудомъ выписыванья, такъ что иногда выписываетъ то, что къ дѣлу неидетъ. Кто будетъ читать VII томъ исторіи г. Соловьева, тотъ найдеть и болѣе примѣровъ. Можно себѣ представить, сколько такого рода

невоздержности въ выпискахъ встрѣчается тамъ, гдѣ г. Соловьевъ говоритъ о Судебникѣ и Стоглавѣ.

О слогѣ надобно сказать, что въ этой главѣ — часто и вовсе нѣтъ слога самого автора; ибо слогъ иногда служитъ ему только принаровненіемъ подлинныхъ словъ грамоты къ современной рѣчи, иногда и вовсе отсутствуетъ, уступая мѣсто подлиннымъ словамъ грамоты. Тѣмъ не менѣе, слогъ автора тамъ, гдѣ онъ является, въ этой главѣ, почти вездѣ безцвѣтенъ, а иногда даже неясенъ и неправиленъ; напримѣръ: «Вообще монастырямъ было выгодно освобождать духовенство въ принадлежавшихъ имъ селахъ отъ архіерейскихъ пошлинниковъ обязательствомъ самимъ доставлять владыкѣ слѣдующіе ему доходы» (стр. 113). Также, напримѣръ: «относительно большей стройности, большому изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способнѣе сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ, и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный» (стр. 206). Или же: «узнавши, что этотъ Тучковъ издѣтства навывъ Св. Писанію, Макарій началъ благословлять его на духовное дѣло, чтобъ написалъ житіе Михаила Клопскаго» (стр. 235).

Теперь, указавъ на общіе недостатки самаго изложенія, самаго обращенія съ исторіею, въ этой главѣ, мы перейдемъ къ замѣчаніямъ другаго рода.

Такая невнимательность къ предмету, такое отсутствіе критики, такое внѣшнее отношеніе къ памятникамъ, выражающееся, почти вездѣ, въ перифразѣ и даже въ выписываньи древнихъ актовъ, — повело къ тому, что многіе важные вопросы, которыхъ касаются даже приведенныя выписки, остались не тронуты г. авторомъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ вопросахъ, которые затронуты, но не разобраны. Такъ очень важный вопросъ о поземельномъ владѣніи крестьянъ, объ отношеніи ихъ къ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, не тронуть совершенно: между тѣмъ, выписывая строки, до сего касающіяся (стр. 115—120), долженъ былъ бы, кажется, авторъ, если не рѣшить, то хотя постановить этотъ вопросъ. Поставить вопросъ, указать на главныя историческія задачи, — это также заслуга. Такъ, говоря въ выпискахъ объ обыкѣ (стр. 152—157), г. авторъ не обратилъ вниманія на важное его юридическое значеніе; при этомъ не худо было бы ему припомнить изслѣдованія А. Н. Попова, въ которыхъ онъ очень вѣрно опре-

дѣлаетъ важность обыска и замѣчаетъ, что отъ него, при извѣстныхъ случаяхъ, зависѣло дать процессу или уголовный или гражданскій ходъ. А въ выпискахъ г. Соловьева именно являются такого рода случаи, гдѣ совершенно подтверждается эта мысль. Такое значеніе обыска показываетъ, какую важность придавала древняя Русь народному или общественному мнѣнію. На каждомъ шагѣ встрѣчаются вопросы, на каждомъ шагѣ чувствуется потребность въ объясненіи, въ разработкѣ. Вѣрны или не вѣрны объясненія, но важно то, если они дѣлаются, если, даже и неудачная, попытка облегчаетъ трудность задачи, если становятся, уясняются вопросы. И ничего этого не видимъ у г. Соловьева. Такъ авторъ проходитъ, безъ всякаго объясненія, мимо характеристическаго, по его же словамъ, явленія древней Руси, отдѣляясь отъ него слѣдующими словами:

«Однимъ изъ характеристическихъ явленій древняго Русскаго общества были юродивые, которые, пользуясь глубокимъ уваженіемъ Правительства и народа, пользовались этимъ уваженіемъ для того, чтобъ во имя религій обличать нравственные безпорядки. Въ описываемое время знамениты были юродивые: въ Псковѣ—Николай, въ Москвѣ—Василій (Блаженный или Нагой), Іоаннъ (Большой Колпакъ).» (стр. 186—187).

Вотъ и все «объ одномъ изъ характеристическихъ явленій древняго Русскаго общества»!

Но, проходя мимо такихъ важныхъ явленій древней Русской жизни, г. Соловьевъ очень серьезно замѣчаетъ, какъ особенность той эпохи, что люди, находившіеся при посольствѣ, могли разболтать то, чего не слѣдовало. Г. Соловьевъ говоритъ:

«Люди, отправлявшіеся съ Русскими посланцями, иногда не понимали главной своей обязанности—быть молчаливыми; такъ Царь писалъ Наумову, бывшему посломъ въ Крыму: «Ты своихъ ребятъ отпустилъ въ Москву, и они, дорогою идучи, всѣ вѣсти рассказали» и др.» (стр. 175).

Эта черта, характеризующая Россію XVI-го столѣтія! Невольно вспомнишь статью г. Г. въ «Русской Бесѣдѣ»: «о механическихъ способахъ въ изслѣдованіи исторіи.»

Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторыя мнѣнія автора, которыя высказываются въ этой главѣ.

Г. Соловьевъ говоритъ на страницѣ 121-й: «Естественно, что, при отсутствіи просвѣщенія, младенчеству мысль старшихъ

нашихъ грамотѣвъ обращалась не къ духу, а къ плоти, ко виѣшнему, болѣе доступному, входившему въ ежедневный обиходъ челоуѣческой жизни». Далѣе, авторъ указываетъ, что древнихъ Русскихъ людей занимали вопросы о томъ, какую пищу употреблять въ извѣстные праздники и т. п.—И такъ, обвиненіе на древнюю Русь произнесено. Теперь указываемъ на поспѣшность этого обвиненія и на противорѣчіе автора съ самимъ собою. Самъ г. Соловьевъ, сдѣлавъ по необходимости оговорку, что встрѣчаются мнѣнія о предметахъ религіозныхъ, болѣе важныхъ, упоминаетъ о мнѣніяхъ Матвѣя Башкина и Артемія. Заблужденія этихъ людей, по своему содержанию, опровергають приговоръ, произнесенный г. Соловьевымъ надъ древнею Русью, ибо заблужденія эти касаются существенныхъ высшихъ вопросовъ, самыхъ догматовъ Вѣры.—Г. Соловьевъ самъ приводитъ, въ чемъ именно обвиняется Матвѣй Башкинъ и Артемій. Они обвиняются въ томъ, что не признають Иисуса Христа равнымъ Богу Отцу, что тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ, что святую соборную Апостольскую церковь отрицають, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церковь, а эти созданныя ничто (1); что изображенія Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ называютъ идолами; что покаяніе ни во что полагають, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, то и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; что отеческія преданія, житія святыхъ, да и все Священное Писаніе называютъ баснословіемъ.—Надѣмся, что все это вопросы (справедливо или несправедливо были обвинены Башкинъ и Артемій) вовсе не «плоти», а «духа», и что выраженіе, столь ясное и рѣшительное, г. Соловьева: «младенчествующая мысль нашихъ

---

(1) Г. Соловьевъ не объяснилъ, что надобно здѣсь разумѣть подъ соборною церквою; едва ли не просто храмъ, самое зданіе! Ибо мы знаемъ, что Успенскій соборъ, напримѣръ, называется Святою Соборною Апостольскою церквою. Изъ смысла приводимаго выраженія надобно, кажется, тоже разумѣть здѣсь церковь виѣшнюю, зданіе; впрочемъ, очень можетъ быть, согласно съ духомъ ученія Матвѣя Башкина и Артемія, что здѣсь съ представленіемъ виѣшней церкви, какъ зданія, соединилось понятіе о церкви іерархической, какъ собраніи Епископовъ, властей духовныхъ. — Но съ другой стороны какъ же послѣ этого Матвѣй Башкинъ былъ смысломъ духовнымъ священника Симеона? Впрочемъ, по его словамъ, онъ и изображенія святыхъ на иконахъ чтить, Соборомъ же обвиняется онъ въ противномъ. Это уже касается вопроса справедливости обвиненія, въ разсмотрѣваніе котораго мы не вдемся.

грамотѣвъ обращалась не къ духу, а къ плоти», опровергается, чрезъ нѣсколько строкъ, приводимыми имъ же самимъ образцами релігіозныхъ сомнѣній.—Кромѣ Башкина и Артемія (у которыхъ были и единомышленники), Θεодосій Косой и Игнатій, бѣжавшіе въ Москву, проповѣдывали такое же ученіе, что Божество не троично, что Христосъ простой человѣкъ, что все внѣшнее устройство церковное не нужно.—Быть можетъ, скажутъ намъ, что все это частныя явленія, что все это отдѣльныя личности, а что большинство было глухо къ существеннымъ духовнымъ вопросамъ Вѣры. Но и отдѣльныя личности являются результатомъ общества. Сверхъ того на это мы скажемъ, что, не задолго передъ Іоанномъ IV, была ересь Жидовская, которая тоже основывалась на превратномъ пониманіи духовныхъ вопросовъ, а эта ересь была сильно распространена и въ духовенствѣ и въ народѣ, и самъ Великій князь Іоаннъ III въ ней подозрѣвался. Еще болѣе древняя ересь Стригольниковъ тоже возбуждена была вопросомъ нравственнымъ.—Кажется, это достаточно опровергаетъ строгій приговоръ надъ древнею Русью, произнесенный Историкомъ.

Съ удивительнымъ постоянствомъ, достойнымъ лучшей цѣли и участи, стоитъ г. Соловьевъ за любимую имъ идею родового быта. Такъ говоритъ онъ на страницѣ 161-й: «Въ новомъ Судебникѣ находимъ постановленія о правѣ выкупа вотчинъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, возникло изъ простой родовой связи, изъ общаго родового владѣнія поземельною собственностію.» Но увѣ! Не то говоритъ исторія. Вѣдь право выкупа соединено съ правомъ наслѣдства, а г. Соловьевъ долженъ знать, что кромѣ родовыхъ дѣтей, право наслѣдства боковыхъ родственниковъ на вотчину, а отсюда и ихъ право выкупа, явилось въ позднѣйшія времена, какъ въ Польшѣ, такъ и у насъ, и было введено Правительствомъ. Въ древнее же время этого права не существовало, и имѣніе бездѣтнаго считалось выморочнымъ.—А вѣдь по мнѣнію г. Соловьева, родовое устройство принадлежитъ самымъ древнимъ временамъ племень Славянскихъ. Какъ же это согласить? (1)

Г. Соловьевъ, говоря о духовныхъ завѣщаніяхъ, приводитъ, что если жена, умирая, назначить мужа прикащикомъ, то духовной не

(1) Для подробнѣйшаго объясненія этого вопроса, см. 2 т. Моск. Сбор., статью мою о древнемъ бытѣ Славянъ.

вѣрить, «потому что жена въ мужней волѣ; что велить ей написать, то и напишетъ.» Не трудно догадаться, какіе выводы дѣлаетъ г. Соловьевъ изъ этихъ словъ; онъ говоритъ, что это выраженіе ясно указываетъ на положеніе жены въ описываемое время.—Что за дѣло нашимъ историкамъ, что другія свидѣтельства противорѣчатъ этой фразѣ; имъ дорога эта фраза. Они, пожалуй, выведутъ изъ нея и то, что въ древней Руси жена не имѣла въ своихъ дѣйствіяхъ свободной воли и что, слѣдовательно, сама она не могла имѣть и правственной отвѣтственности. Но опять самъ же авторъ приводитъ указъ, по которому, очевидно, предосторожность относительно зависимости жены отъ мужа распространяется и на другія родственныя отношенія: дѣтей, братьевъ, сестеръ, племянницъ. И такъ выше приведенную фразу придется распространить, и едва ли можно будетъ удержать за нею тотъ смыслъ, который угодно придавать ей почтенному автору. Эта фраза высказываетъ ту возможность злоупотребленія силы, какая вездѣ, всегда и во всякую пору, можетъ быть со стороны мужа относительно жены, — и только.

Г. Соловьевъ на стр. 163 говоритъ: «изъ разныхъ юридическихъ грамотъ, отступныхъ, дѣльныхъ, отказныхъ, видимъ общее родовое владѣніе и раздѣлы родичей, какъ видно двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ, видимъ раздѣлъ неполный.» Какъ же это общее родовое владѣніе и въ тоже время раздѣлъ? Г. Соловьевъ ничѣмъ болѣе не объясняетъ своихъ словъ, и мы въ правѣ оставить это проявленіе убѣжденія въ родовомъ бытѣ, безъ дальнѣйшаго возраженія.

Говоря о Домостроѣ, г. Соловьевъ дѣлаетъ опредѣленіе Сильвестра, опредѣленіе, которое кажется намъ весьма вѣрнымъ и удачнымъ. Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ. Сказавъ о поученіи Сильвестра сыну, авторъ говоритъ:

«Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни, Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполне. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устроить судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло—вотъ Сильвестръ» (стр. 227).

Слѣдующія двѣ выписки дополняютъ и объясняютъ сей часть приведенное нами мѣсто:

«Не смотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну носить, по видимому, религиозный характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его — научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности, предписывается доброе дѣло, и сей часть же выставляется на видъ матеріальной польза отъ него» (стр. 228).

«Что смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приносить и житейской пользы человѣку, видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра; онъ говоритъ сыну: «подражай мнѣ! Смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ уноровилъ.» Но подъ конецъ вышло, что не всѣмъ уноровилъ, ибо всѣмъ уноровить дѣло не возможное; истинная мудрость велитъ работать одному господину» (стр. 229).

Повторяемъ, что мы совершенно согласны съ г. Соловьевымъ относительно характеристики Сильвестра, прекрасно имъ начертанной. Прибавимъ къ тому, что Сильвестръ не былъ такимъ человекомъ только на дѣлѣ, но и въ сознаніи; это было его убѣжденіе, его взглядъ. Мало того: онъ хотѣлъ передать свой взглядъ и другимъ; онъ составилъ себѣ цѣлое ученіе, которому и учить. — При такихъ условіяхъ, можно ли *наставленія* Сильвестра, въ которыхъ онъ учить, какимъ *должно быть* людямъ въ жизни, — приписать за изображеніе того, какими люди *были* въ жизни? Вѣдь не думаемъ же мы, чтобы всѣ современники Сильвестра были Сильвестры. А Сильвестръ именно желаетъ, чтобы другіе люди походили на него, учить ихъ быть такими, какъ онъ, или такими, какими, по его убѣженію, они должны быть. Значитъ ли, что люди тогдашняго времени на дѣлѣ были такими? Конечно, нѣтъ. Сильвестръ же въ то время былъ вовсе не похожъ на другихъ людей, былъ весьма своеобразенъ. И такъ, именно поученія Сильвестра должны приниматься, не какъ изображеніе нравовъ тогдашняго времени, но какъ личные идеалы самого Сильвестра, или (что сказали мы въ нашей критикѣ на VI томъ Исторіи Россіи) какъ его *ria desideria*. — Къ тому же надобно прибавить, что духовенство древней Россіи, столь много оказавшее ей услугъ,

столь тѣсно связанное съ немъ съ одной стороны, съ другой стороны отдѣлялось тогда отъ народа риторикою, охотою формулировать, своего рода схоластикою, и отчасти Византійскимъ воззрѣніемъ, такъ что иногда въ сочиненіяхъ духовенства нельзя узнать ни мысли, ни рѣчи народной; а потому и сочиненіе духовнаго лица древнихъ временъ не можетъ быть принимаемо за отраженіе ни дѣйствительности народной, ни народнаго идеала.

Вотъ почему странно намъ читать у г. Соловьева восклицаніе, противорѣчащее, по нашему мнѣнію, его собственному взгляду на Сильвестра какъ на личность, выдающуюся изъ другихъ, съ своеобразнымъ взглядомъ на вещи, какъ на челоуѣка, желающаго учить другихъ и сдѣлать ихъ похожими на себя. Приводя мнѣніе Сильвестра о томъ, какова *должна быть* жизнь домашняя, г. Историкъ совершенно неожиданно восклицаетъ: «Вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ Русскимъ обществомъ!» (стр. 232). Такое восклицаніе совершенно неумѣстно и непослѣдовательно, равно какъ и слѣдующія за нимъ строки, развивающія ту же мысль.

Г. Соловьевъ указываетъ, что иные изъ вельможъ не знали грамоты. — Но въ XVI вѣкѣ тому примѣровъ не менѣе, кажется, можно найти и въ Западной Европѣ. Въ противоположность тому, мы можемъ сказать, что выборное устройство, проникавшее всю Русь, безъ сомнѣнія способствовало распространенію грамотности въ простомъ народѣ, ибо очень часто требовались выборы за руками, при которыхъ встрѣчаются и собственноручныя крестьянскія подписи.

Въ заключеніе, мы должны сказать о первой половинѣ VII тома Исторіи Россіи, что это даже не изслѣдованіе, какъ назвали мы VI томъ Исторіи Россіи, даже не извлеченіе, а отрывочныя, неподвергнутыя критикѣ, выписки изъ актовъ, поражающія насъ съ одной стороны своею неполнотою, а съ другой — ненужною подробностію; ибо увлекается выпискою авторъ и выписываетъ тогда сподрядъ и нужное и не нужное, пока не остановится, не броситъ одну, и не начнетъ другую выписку.

Переходимъ теперь ко второй половинѣ VII тома, заключающей въ себѣ царствованіе Θεодора Іоанновича.

Все царствованіе Θεодора раздѣляетъ г. Соловьевъ на четыре главы: Глава II. Царствованіе Θεодора Іоанновича. Усиленіе Бо-

риса Годунова и торжество его надъ всѣми соперниками. Глава III. Внѣшнія сношенія и войны въ царствованіе Θεодора Иоанновича. Глава IV. Дѣла внутреннія въ царствованіе Θεодора Иоанновича. Глава V. Пресѣченіе Рюриковой династіи.

Изъ одного уже названія главъ, изъ одного расположенія, видно, какъ изображаетъ г. авторъ исторію царствованія Θεодора Иоанновича. Видно, что она разрывается на отдѣльныя монографіи; событія рассказываются не въ совокупной связи, какъ должна рассказывать исторія, но отрѣшенные другъ отъ друга, подобранныя другъ къ другу по своей однородности, такъ какъ дѣлаетъ это монографія или отдѣльное историческое изслѣдованіе. Въ этомъ отношеніи, о VII томѣ мы должны повторить то же, что говорили о VI томѣ, или еще сильнѣе; ибо здѣсь разобщенность событій, отсутствіе жизненнаго между ними единства и хронологическаго преемства, столь необходимаго въ исторіи, — еще замѣтнѣе, чѣмъ въ VI томѣ. Во II главѣ (всего 14 страницъ) рассказывается, отдѣльно взятая, борьба Годунова съ враждебными ему боярами и митрополитомъ Діонніемъ, говорится о могуществѣ, до котораго достигъ Борисъ, и описывается наружность Θεодора и Бориса. — Въ главѣ III авторъ начинаетъ сперва говорить о сношеніяхъ Польши съ Россіею и доводитъ свой рассказъ до избранія Сигизмунда на Польскій престолъ (1587 г.). Потомъ переходитъ онъ, возвращаясь назадъ, къ Швеціи и рассказываетъ о нашихъ съ нею сношеніяхъ, между прочимъ и о войнѣ съ Швеціею: рассказываетъ и о вмѣшательствѣ Польши въ эти сношенія и доводитъ свой рассказъ до 1595 года. Здѣсь, впрочемъ, авторъ опять говоритъ нѣсколько о сношеніяхъ нашихъ съ Польшею, какъ бы уступая на сей разъ исторической послѣдовательной современности событій. Сказавъ объ отношеніяхъ съ Швеціею, авторъ обращается опять къ началу царствованія Θεодора (11 лѣтъ назадъ), начинаетъ рассказывать объ отношеніяхъ нашихъ съ Австріею и доводитъ опять свое изложеніе до 1597 года, при чемъ говоритъ и о послахъ папы въ Россію. Потомъ опять г. Соловьевъ возвращается къ началу царствованія Θεодора, начинаетъ говорить о сношеніяхъ Россіи съ Англіею и доводитъ ихъ до 1588 года. Послѣ того, онъ переходитъ къ Крыму и начинаетъ говорить объ отношеніяхъ его къ Россіи; здѣсь сказано и о вшествіи хана Крымскаго на Москву въ 1591 году.

Разсказъ свой доводитъ авторъ до 1593 года, говоря тутъ же о Запорожскихъ, Терскихъ и Донскихъ козакахъ. Рѣчь дошла до Турціи; о Турціи опять авторъ начинаетъ говорить съ 1584 года и доводитъ свой разсказъ до 1594 г. Онъ говоритъ здѣсь опять о козакахъ и о сношеніяхъ нашихъ съ Грузіею и Персіею. Потомъ авторъ говоритъ о Сибири; снова начинаетъ разсказъ свой съ 1583 года и доводитъ до 1597 года. Этимъ разсказомъ оканчивается III глава. Глава IV, о дѣлахъ внутреннихъ, совершенно составлена въ томъ же родѣ, какъ уже разобранныя нами глава I этого же тома «о внутреннемъ состояніи Русскаго общества», которая могла бы, въ свою очередь, быть названа главою «о дѣлахъ внутреннихъ». Въ главѣ IV говорится объ администраціи, о пошлинахъ, о воинской службѣ, о мѣстничествѣ, съ такого же рода иногда подробностями, какъ и въ первой. Г. Соловьевъ говоритъ, въ этой же главѣ, о прикрѣпленіи крестьянъ, и крайне не полно, безъ всякаго критическаго изслѣдованія; потомъ говоритъ о дѣлахъ церковныхъ, о патриаршествѣ, о монастыряхъ и нѣсколько о нравахъ, обычаяхъ народныхъ и художествахъ.— Въ главѣ V, прекращеніе Рюриковой династіи, г. Соловьевъ разсказываетъ отдѣльно кончину Димитрія, бывшую въ 1591 году, говоритъ о рожденіи у Θεодора дочери Θεодосіи и, наконецъ, о смерти Θεодора въ 1598 году.

Изъ представленнаго изложенія, кажется, очевидно, что здѣсь нѣтъ исторіи, какъ связнаго или послѣдовательнаго изложенія событій: это нѣсколько статей о царствованіи Θεодора. Вся эпоха разорвана на части и такъ представлена читателю. Мы согласны, что автору такъ легче; но такъ гораздо труднѣе для читателя, и всего невыгоднѣе для самой исторіи. Оставивъ въ сторонѣ требованіе исторіи отъ книги г. Соловьева, мы можемъ требовать, чтобы она была удовлетворительна и въ томъ видѣ, въ какомъ она является. Но что же такое VII томъ Исторіи Россіи? Не есть ли онъ изслѣдованіе, какъ назвали мы VI томъ? Нѣтъ, мы не можемъ сказать и этого. О первой главѣ VII тома мы выразили наше мнѣніе; то же самое является въ слѣдующихъ главахъ, развѣ только не съ такою яркостью, то есть, выписокъ не такъ много, и онѣ не столь подробны, такъ что разсказъ принимаетъ по временамъ видъ — не одного собранія выписокъ

нѣзъ актовъ, не подверженныхъ критикѣ, но исторической статьи, весьма легко написанной.

Въ этихъ послѣдующихъ главахъ, какъ сказали мы, находятся тѣ же недостатки, какъ и въ первой. Такъ, напримѣръ, на стр. 413 — 414, начавши объ одномъ, авторъ переходитъ къ другому; онъ говоритъ: «Кромѣ приведенныхъ указовъ о крестьянахъ и холопахъ времяъ Феодора, до насъ не дошло другихъ дополненій къ Судебнику. Относительно завѣдывація судомъ, любопытно извѣстіе разрядныхъ книгъ подъ 1588 годомъ. Царь велѣлъ отставить Меркурія Щербатова отъ плавной рати и послалъ его въ Тверь судьей. Дошла до насъ отъ описываемаго времени любопытная челобитная Царю старцевъ Юсифова монастыря, по поводу спора о землѣ между ихъ крестьянами и крестьянами боярина Ивана Васильевича Годунова.» Далѣе приводится грамота, безъ объясненія, почему авторъ считаетъ ее любопытною. — Выписки и ненужныя подробности мы также встрѣчаемъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, самъ рассказъ сжатѣе; напр. «Въ царствованіе Феодора торговля прозводилась съ Польшею; Московскіе купцы ѣздили въ Варшаву и Познань; но по прежнему встрѣчаемъ сильныя жалобы купцовъ на притѣсненія, обманы и разбои. Торопецкій купецъ Рубцовъ ѣздилъ торговать въ Витебскъ; исторговавшись, поѣхалъ назадъ на Велижъ, и здѣсь его ротипстръ Дробовскій прибилъ, взялъ два челна ржи, а въ нихъ 35 четвертей, куплена четверть по 20 алтынь съ гривною, до 10 литръ золота и серебра цѣною по 5 рублей литра, до 25 литръ шелку разныхъ цвѣтовъ, по 40 алтынь литра, да поставъ сукна лазореваго въ 14 рублей, да двумъ челнамъ цѣна 5 рублей съ полтпою» (стр. 380—381). Слогъ также въ пныхъ мѣстахъ неясенъ, неправиленъ; какъ напримѣръ: «Зборовскій съ пріятелями поднялъ громкіе голоса противъ Баторія: *нарекали на могущество Замойскаго*». (стр. 263). Слово: *нареканіе* у насъ употребляется, но выраженіе: *нарекали на могущество*, весьма неудачно и неправильно и неточно; можно, пожалуй, понять совершенно въ другомъ смыслѣ, то есть, нарекали Замойскаго на могущество (хотя это было бы тоже неправильное выраженіе). Или напримѣръ: «Лѣтописецъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ, истя за приходъ на Богдана Бѣльскаго, дворянъ Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ дѣтей боярскихъ, также многихъ посадскихъ людей,

велѣлъ схватить и разослать по городамъ и темницамъ» (стр. 251). Выраженіе это неясно. Сверхъ того, въ примѣръ весьма сбивчиваго изложенія, можемъ привести одно мѣсто, гдѣ говорится объ управленіи государственномъ. Вотъ оно:

«Относительно управленія, все государство раздѣлялось на четыре части, называемыя четвертями или четями: первая Посольская, находившаяся въ вѣдѣніи думнаго дьяка Андрея Щелкалова, получавшаго 100 рублей жалованья; вторая Разрядная, въ вѣдѣніи Василья Щелкалова, за котораго управлялъ Сапунъ Абрамовъ; жалованье и здѣсь было тоже—100 рублей; третья четъ Помѣстная, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Елизара Вылузгина, получавшаго 500 рублей жалованья; четвертая Казанскаго дворца, въ вѣдѣніи думнаго дьяка (Д) дружины Пантелѣва, человѣка замѣчательнаго по уму и разторопности; онъ получалъ 150 рублей въ годъ. Въ царскихъ грамотахъ четверти называются по имени дьяковъ, ими управлявшихъ; напримѣръ: «четверть дьяка нашего Василья Щелкалова». Въ другихъ же приказахъ судѣли бояре и окольничіе: такъ въ 1577 году царь приказалъ судѣть въ Разбойномъ Приказѣ боярину князю Куракину и окольничему князю Лобанову. При областныхъ правителяхъ находились по прежнему дьяки, помощники или, лучше сказать, руководители ихъ, потому что эти дьяки завѣдывали всѣми дѣлами. Областные правители обыкновенно смѣнялись черезъ годъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользующихся особеннымъ благоволеніемъ: для нихъ срокъ продолжался еще на годъ или на два; они получали жалованья по 100, по 50, по 30 рублей; народъ, по свидѣтельству Флетчера, ненавидѣлъ ихъ за взятки; и Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Годуновъ, не смотря на доброе желаніе свое, не могъ истребить лихоимства; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были дѣлиться съ начальниками четей или приказовъ. Въ четыре самые важные пограничные города назначались правителями люди знатные, по два въ каждый городъ, одинъ (одно) изъ приближенныхъ къ царю лицъ. Эти четыре города: Смоленскъ, Псковъ, Повгородъ, Казань. Обязанностей у правителей этихъ городовъ было больше, чѣмъ у другихъ, и имъ давалась исполнительная власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Ихъ также смѣняютъ каждый годъ, исключая особенные случаи; жалованья получаютъ они отъ 400 до 700 рублей.»

«Дворцовый приказъ или приказъ Большаго дворца, управлявшій царскими вотчинами, находился при Феодорѣ въ завѣдываніи Дворецкаго Григорія Васильевича Годунова, отличавшагося бережливостію: при Іоаннѣ IV-мъ продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила приказу не болѣе 60,000 рублей ежегодно, а при Феодорѣ до 230,000; Іоаннѣ жилъ роскошнѣе и болѣе по царски, чѣмъ сынъ его. Четверти собирали тягла и подати съ остальныхъ земель до 400,000 рублей въ годъ» и проч. (стр. 376 — 377).

Здѣсь изъ словъ автора читатель сперва узнаетъ, что все государство относительно управленія раздѣлялось на четыре части, называемыя четвертями или четьями. Эти четверти перечисляются, говорится, что онѣ управлялись дьяками, и потомъ говорится: «въ другияхъ же приказахъ сидѣли бояре и окольничіе.» *Въ другияхъ же приказахъ?* Слѣдовательно, четверти — тоже приказы? — (Если же это такъ, то стало быть государство дѣлилось не на четыре части.) Еще ниже авторъ прямо говоритъ: «*четей или приказовъ?*» — И такъ, приказы и четверти — одно. Какимъ же образомъ сказалъ авторъ, что четвертей было четыре, когда кромѣ поименованныхъ четырехъ еще упоминаетъ онъ о двухъ приказахъ (или четьяхъ): о Разбойномъ приказѣ, о Дворцовомъ приказѣ? Странное противорѣчіе съ собственными словами!

Теперь обратимся къ самымъ мнѣніямъ автора и поговоримъ о нихъ.

Во время царствованія Феодора произошло одно изъ важнѣйшихъ явленій въ общественной жизни до-Петровской Россіи — прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ Исторіи Россіи г. Соловьева, это столь важное явленіе далеко не объяснено, — точно такъ же, какъ далеко не объясненъ бытъ вотчинныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, отношеніе ихъ къ владѣльцамъ, къ Государству, къ другимъ крестьянамъ, до укрѣпленія и послѣ укрѣпленія. Да и вообще бытъ крестьянства не объясненъ. Не естественно ли было ожидать отъ нашего историка, что онъ займется этимъ предметомъ, и говоря объ укрѣпленіи крестьянъ, опредѣлять намъ тѣ отношенія, въ какихъ находились они къ другимъ крестьянамъ, къ другимъ сословіямъ Государства, къ помѣщику или вотчиннику и вообще къ Государству? Если опредѣлить эти отношенія довольно трудно, то хотя бы г. авторъ высказалъ свои предполо-

жепія, хотя бы постановилъ вопросы, и это была бы заслуга, и за это были бы мы ему благодарны. Но ничего этого нѣтъ; этому вопросу посвящаетъ авторъ всего шесть страницъ. И здѣсь, въ словахъ автора, столь мало касающихся сущности дѣла, мы находимъ важную ошибку. Г. Соловьевъ говоритъ: «Въ Московскомъ Государствѣ, въ описываемое время, не было земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ; землевладѣльцами были: во 1-хъ Государство, во 2-хъ Церковь, въ 3-хъ служилые люди-отчинники» (стр. 396). Мы скажемъ г. профессору, что кромѣ поименованныхъ землевладѣльцевъ, землевладѣльцемъ могла быть отдѣльная крестьянская община. Удивительно то, что самъ г. Соловьевъ, не замѣчающій этого, приводитъ тому примѣръ; а именно: «Видимъ, что цѣлая община пріобрѣтали земли: такъ въ 1583 году Никита Строгоновъ отказалъ свою деревню въ волость, въ слободку Давыдову, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ» (стр. 163). Кажется, ясно. Но кромѣ этого примѣра можно привести и другіе. Напримѣръ: Уставная Важская грамота 1552 года обращается къ Важанамъ и Шенкурцамъ и Вельскаго стану посадскимъ людямъ и всего Важскаго уѣзда становымъ и волостнымъ крестьянамъ; въ этой грамотѣ между прочимъ говорится: «а на пустыя имъ мѣста дворовые, въ Шенкурье и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустыя деревни и на пустоши и на старыя селища, хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тягловъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ прежде того» (Акты арх. т. 1 стр. 238). Здѣсь цѣлая область является землевладѣльцемъ. — Не распространяемся болѣе о состояніи крестьянъ до укрѣпленія, и также о самомъ укрѣпленіи; мысли наши объ этомъ дѣлѣ надѣемся мы предложить въ особомъ изслѣдованіи.

Говоря о прекращеніи Рюриковой династіи и о насильственной смерти Димитрія Царевича, г. Соловьевъ приводитъ рассказъ объ этомъ лѣтописцевъ и потомъ рассматриваетъ слѣдственное дѣло. Г. Соловьевъ признаетъ рассказъ лѣтописцевъ справедливымъ; но, какъ намъ кажется, онъ нѣсколько пристрастно разбираетъ оба историческія свидѣтельства. Мы намѣрены представить свои соображенія объ этомъ дѣлѣ. Г. Погодинъ, въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи «объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича

Димитрія» давно еще высказалъ свое мнѣніе, что Борисъ не былъ участникомъ въ этомъ злодѣйствѣ; но тѣмъ не менѣе онъ не является прямо сомнѣнія въ томъ, что Царевичъ былъ убитъ, и только изъ нѣкоторыхъ словъ почтеннаго ученаго можно заключать, что онъ не убѣжденъ въ этомъ.

Наши соображенія иного рода.

Изложивъ лѣтописное сказаніе, г. Соловьевъ говоритъ: «въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ ни одной черты, которая бы заставила заподозрить его» (стр. 424). Мы же напротивъ встрѣчаемъ прежде всего положительную невѣрность въ этомъ разсказѣ. Въ немъ говорится, что Угличане показали о убіеніи Царевича, что Нагихъ пытали въ Москвѣ, и они съ пытки говорили, что Царевичъ убитъ. Между тѣмъ, въ слѣдственномъ дѣлѣ собраны многія показанія Угличанъ, большею частію, въ пользу того, что Царевичъ убитъ самъ. Наконецъ, въ слѣдственномъ дѣлѣ видно, что только одинъ Михайло Нагой, не въ Москвѣ, а въ Угличѣ, показалъ, что Царевичъ убитъ; а другіе два его брата показали, что Царевичъ убитъ самъ. Мы не можемъ предполагать, чтобъ въ слѣдственномъ дѣлѣ все это было выдуманно, во 1-хъ потому, что тогда ужъ лучше было выдумать и на Михайла Нагаго, а во 2-хъ потому, что въ слѣдственномъ дѣлѣ выдумывать ложныя показанія трудно, особенно когда они скрѣплены подписями. Такой наглый подлогъ едва ли возможно предположить. Кромѣ этой, по нашему мнѣнію, несомнѣнной невѣрности лѣтописнаго разсказа, есть другія обстоятельства, имъ повѣствуемая, которыя допустить трудно. Въ лѣтописномъ разсказѣ говорится, что сперва пробовали отравить, давали ядъ въ пицѣ и яствѣ, но понапрасну. Можно ли допустить это? Отъ чего не дѣйствовалъ ядъ? Нельзя же предполагать вмѣстѣ съ Карамзинымъ, что, можетъ быть, дрожащая рука злодѣевъ бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея.—Можно ли думать, чтобы злодѣи, имѣя на своей сторонѣ мамку Царевича, не нашли случая отравить его? Это весьма сомнительно. Наконецъ, разсказываемая лѣтописцемъ всѣ предварительныя, неосторожныя, неудачныя совѣщанія Бориса о убійствѣ Царевича также не внушаютъ довѣрія. Подробности разсказа заставляютъ предполагать г. Соловьева, что разсказъ не выдумка. Но такія же подробности, или еще болѣе, встрѣчаемъ мы въ слѣдственномъ дѣлѣ, говорящія въ

пользу другаго мнѣнія о смерти Царевича. Убѣжденіе же народное, замѣтимъ кстати, какъ напримѣръ убѣжденіе въ виновности Бориса, сейчасъ принимаетъ характеръ художественный, характеръ эпоса, облекается въ подробности и вообще въ формы дѣйствительности.

Перейдемъ теперь къ слѣдственному дѣлу. Начало его, къ сожалѣнію, утрачено.

Г. Соловьевъ находитъ, что слѣдствіе было произведено неполно, невнимательно, особенно тамъ, гдѣ могли раскрыться обстоятельства, гдѣ могло бы выйти указаніе противъ Годунова, однимъ словомъ, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно. Слѣдствіе могло быть произведено полнѣе и внимательнѣе — это справедливо; но это еще не показываетъ недобросовѣстности. Уклоненія же въ слѣдственномъ дѣлѣ отъ вопроса, который долженъ былъ бы обличить злодѣйство, уклоненія, которое можно бы счесть умысленнымъ, не показываетъ намъ и самъ г. Соловьевъ.

Между тѣмъ, изъ самаго слѣдственнаго дѣла выдаются нѣсколько обстоятельствъ, которыя даютъ поводъ думать, что злодѣйское дѣло было или выдумкою или по крайней мѣрѣ мечтою, порожденною подозрѣніемъ и враждою. Михайло Нагой обвиняется въ томъ, что онъ велѣлъ собирать ножи, пицали, палцу желѣзную и сабли, и класть на убитыхъ людей. Михайло Нагой отрицается и говоритъ, что всѣ эти оружія клалъ городской прикащикъ, Русинъ Раковъ. Русинъ Раковъ съ своей стороны говоритъ, что Михайло Нагой запирается, и что онъ, по его приказу, спрашивалъ ножъ у Бориски, и проч. Кто клалъ оружіе, это рѣшить трудно; но неоспоримый фактъ тотъ, что *оружіе было положено на убитыхъ*. Нельзя предположить, чтобъ всѣ эти люди пришли на Царевича съ оружіемъ, и именно съ оружіемъ такого рода, какъ пицаль и палица: это бы противорѣчило и лѣтописному разсказу. И такъ, оружіе было положено потомъ нарочно, и было положено, конечно, стороною Нагихъ. Въ этомъ поступкѣ является уже очевидная неправда, умысленная попытка обвинить Битяговскаго и другихъ въ убійствѣ Царевича. Это обстоятельство обличаетъ весьма неловкую, грубую хитрость, весьма близорукій расчетъ, съ цѣлію увѣрнить, что всѣ эти люди, побитые народомъ, точно виноваты въ смерти Царевича, какъ

будто бы они пришли на него съ пщалами, саблями и прочимъ оружіемъ. Можно, впрочемъ, съ другой стороны одно сказать, что Михайло Нагой, будучи убѣжденъ самъ по крайней мѣрѣ, что Царевичъ убитъ, прибѣгнулъ, для убѣжденія въ томъ другихъ, къ этому грубому способу. Но зная истину, онъ тогда скорѣе бы могъ догадаться, что онъ ее исказитъ такимъ образомъ; прибѣгаютъ, не разсудивъ, даже къ грубымъ хитростямъ тогда, когда хотятъ выдать за истину и утвердить ложь, а не тогда, когда думаютъ увѣрнить въ истинѣ, которая невольно рождаетъ увѣренность въ убѣжденномъ въ ней человѣкѣ. Вотъ почему мы считаемъ означенное обстоятельство сильно говорящимъ въ пользу того, что Царевичъ былъ не убитъ, а самъ убится. Быть можетъ, что Михайло Нагой сгоряча и подумалъ, что Царевичъ былъ убитъ, особенно при своей враждѣ съ обвиненными людьми; но потомъ, опомнившись и узнавши истину, прибѣгнулъ къ этой грубой мѣрѣ, чтобы накинуть подозрѣніе, или даже улику, на побитыхъ народомъ. Прибавимъ, что Русинъ Раковъ и братъ Михайла Нагова, Григорій, прямо объясняютъ, что Михайло Нагой для того велѣлъ класть оружіе на побитыхъ людей, что будто тѣ люди Димитрія Царевича убили. Самое то, какъ добивается Михайло Нагой (какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла) палицы Михайла Битяговскаго, — тоже наводитъ подозрѣніе, хотя палица эта была положена не къ Битяговскому, а къ Осипу Волохову. Впрочемъ, здѣсь могъ быть тотъ намекъ, что Осипъ Волоховъ взялъ у Михайла Битяговскаго, съ его, разумѣется, согласія, его палицу; такимъ образомъ Михайло Битяговской, который самъ не обвиняется въ убійствѣ Царевича, дѣлался участникомъ злодѣяства.

Далѣе. Конечно, съ другой стороны, наводитъ сомнѣніе то, что многіе и невидавшіе твердо говорили, что Царевичъ убится самъ. Они, должно предположить, говорили то, что слышали отъ другихъ; между тѣмъ, естественно, что народъ, пзбившій тѣхъ, кого онъ считалъ убійцами, долженъ былъ говорить иное. И точно, какъ бы въ доказательство, что здѣсь не только приводятся мнѣнія въ пользу того, что Царевичъ убится самъ, мы находимъ нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ, что въ народѣ говорили и то, что Царевичъ былъ убитъ (чего не замѣчаетъ г. Со-

ловьевъ) (1). Архимандритъ Воскресенскій Феодоритъ и игуменъ Алексѣевскій Савватій, услышавъ звонъ, послали слугъ развѣдывать, и они сказали, что слышали отъ посадскихъ и отъ пошпныхъ людей, что будто Царевича Димитрія убили, а кто — неизвестно. Данило, сынъ Михайла Григорьева, тоже показываетъ, говоря, что ему посадскіе люди назвали даже убійца Царевича: Данила Битяговскаго и Никиту Качалова. Впрочемъ, положимъ, что сей Данило хотѣлъ себя оправдать, ибо его обвиняли въ томъ, что онъ съ прочими билъ Битяговскаго и другихъ. Иванъ Пашипъ и Василій Буторинъ показываютъ просто, что они не знаютъ, какъ не стало Царевича Димитрія и какъ побилъ Михайла Битяговскаго съ товарищами. И такъ, не всё говорятъ, что онъ убитъ самъ. Замѣтимъ также, что тѣ, которые говорятъ это, ссылаются не на посадскихъ людей, которые избили подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Царевича. Впрочемъ, очень возможно, что, или опомнившись, или даже продолжая быть убѣжденными въ злодѣйствѣ, котораго свидѣтелями не были, но думая, что слѣдователи не расположены ему вѣрить, иные со страху стали показывать, что Царевичъ убитъ самъ. Тѣмъ не менѣе свидѣтельство ихъ, какъ не очевидцевъ, имѣетъ только относительное значеніе. Свидѣтельство же священника Богдана, что онъ въ то самое время, какъ ударилъ въ набатъ, обѣдалъ у Михайла Битяговскаго, и что сынъ Михайловъ, Данило, былъ въ то же время на подворьѣ отца своего, обѣдалъ, — думаемъ, заслуживаетъ вниманія; а свидѣтельство это устрашаетъ подозрѣніе на Битяговскаго и сына его. Замѣчательно также, что всё эти люди, подозрѣваемые въ убійствѣ, были схвачены не на дворѣ царскомъ; положимъ, что они успѣли убѣжать, но отчего они не убѣжали дальше? Наконецъ, если Михайло Битяговскій былъ участникомъ злодѣянія, то съ его стороны было отчаянною дерзостію явиться предъ разгнѣванный народъ въ ту минуту, какъ преступленіе только что совершилось и какъ народъ готовъ былъ казнить преступниковъ. Обстоятельства придаютъ дѣлу такой видъ, что подозрѣваемые были схвачены въ расплохъ, а это едва ли могло быть. если-бъ

(1) „Вотъ и всё очевидцы! Остальные же лица говорили по чужимъ рѣчамъ (чьимъ — неизвестно): и всё эти люди, сами ничего не видавши, тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что Царевичъ игралъ съ дѣтьми и, въ припадкѣ надучей болѣзни, самъ наткнулся на ножъ...“ Ист. Россіи т. VII, стр. 427.

подозрѣніе было справедливо. Показаніе жильцовъ-дѣтей должно имѣть, кажется, тоже важность, тѣмъ болѣе, что на одного изъ нихъ весьма правдоподобно ссылаются подклюшники: «Стояли деи мы вверху за поставцемъ: ажно деи бѣжить вверхъ жилецъ Петрушка Колобовъ и говорятъ: тѣшлся деи Царевичъ съ нами на дворѣ въ тычку пожемъ» и проч. (1).

Въ заключеніе мы находимъ съ своей стороны весьма естественнымъ все Углицкое событіе, принимая мнѣніе, что Царевичъ убился самъ. Надобно вспомнить, что между Нагой и Битяговскимъ (а вѣроятно и близкими къ нему) была вражда; въ этотъ же день по утру Михайло Нагой бранился съ Битяговскимъ. Вдругъ Димитрій, начавши играть въ тычку, убиваетъ печально самъ себя. Выбѣгаетъ царица, видитъ умирающаго сына и, въ отчаяніи, сейчасъ называетъ ненавистныхъ ей людей, какъ убійцъ ея сына, людей, очень можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ ею подозрѣваемыхъ; въ тоже время кидается она на мамку Царевича (мать одного изъ этихъ людей)—и начинаетъ ее бить; по словамъ Огурца, царица послала тогда же звонить въ колокола. На звонъ прибѣгаетъ Михайло Нагой и то же, можетъ быть, искренно подозрѣвая, обвиняетъ подозрѣваемыхъ передъ собравшимся народомъ, который загорается, какъ порохъ, гнѣвомъ и избиваетъ людей, обвиняемыхъ въ убійствѣ. Свидѣтелей было немного. Насильственная, невольная смерть послѣдняго Царевича, поражая умъ народный, порождаетъ мысль, что Царевичъ былъ убитъ, становится народнымъ сказаніемъ, убѣжденіемъ народнымъ, страшно сокрушаетъ престолъ Бориса и переходитъ въ потомство.

Нашего мнѣнія мы не говоримъ утвердительно; мы представляемъ только свои соображенія въ пользу того, что Димитрій Царевичъ убился самъ. Къ этому мнѣнію склоняетъ насъ и величавое лицо Бориса Годунова, которому такое злодѣйство несвойственно и который однажды самъ жертвовалъ жизнью, стараясь защитить Царевича Іоанна отъ ударовъ Іоанна Грознаго. Желательно, чтобъ, если можно, дѣло это наконецъ разъяснилось, и чтобъ страшное пятно было снято съ имени великаго государя Бориса.

---

(1) Собр. Г. Г. и Д. стр. 113.

Переходимъ къ другимъ замѣчаніямъ.

Г. Соловьевъ такъ начинаетъ V главу: «XVI-й вѣвъ исходилъ съ его исходомъ прекращалась Рюрикова династія. Въ двухъ различныхъ положеніяхъ, въ двухъ различныхъ странахъ слѣдвали мы за дѣятельностью потомковъ Рюрика и не могли не замѣтить основнаго различія въ этой дѣятельности. Сначала мы видимъ ихъ дѣйствующими въ громадной и рѣдко населенной странѣ, не имѣвшей, до ихъ появленія, исторіи. Съ необыкновенною быстротою Рюриковичи захватываютъ въ свое владѣніе обширныя пространства и подчиняютъ себѣ племена, здѣсь живущія: эту быстроту объясняетъ равнинность страны, удобство водныхъ путей, малочисленность и особность племенъ, которыя не могли выставить крѣпкаго и дружнаго сопротивленія, ибо не знали союзнаго дѣйствія; каждое племя покорялось по одиначкѣ: ясный знакъ, что никакого единства между племенами не существовало, что это единство принесено князьями и сознаніе о единствѣ пародномъ и государственномъ явилось вслѣдствіе ихъ дѣятельности. Они расплодили Русскую землю и сами размножились въ ней съ необыкновенною силою: обстоятельство важное, ибо оно дало возможность членамъ одного владѣльческаго рода устроить себѣ множество столовъ во всѣхъ предѣлахъ громадной страны, взять въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ важнѣйшія мѣста; не было потому необходимости въ намѣстникахъ большихъ городовъ и областей, въ людяхъ, изъ которыхъ могла бы образоваться сильная аристократія. Князья разошлись по обширной странѣ, но не раздѣлились, ибо ихъ связывало другъ съ другомъ единство рода, которое такимъ образомъ приготовило единство Земли. Чтобы не порвалась связь между частями, связь слабая, только что завязавшаяся, необходимо было это непрерывное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, съ концовъ отдаленныхъ. Князья съ своими дружинами представляли начало движенія, которое давало странѣ жизнь, исторію: не даромъ Мономахъ хвалится своимъ движеніемъ, большимъ количествомъ совершенныхъ имъ путешествій. Движеніе, движеніе неутомимое, было главною обязанностию князей въ это время: они строили города, давали имъ жителей, передвигали пародонаселеніе изъ одной области въ другую, были виновниками новыхъ общественныхъ формъ, новыхъ отношеній. Все новое, все, что должно было дать пле-

племенамъ способность къ новой высшей жизни, къ исторіи, было принесено этимъ движущимся началомъ, князьями и дружинами ихъ; они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство: чтобъ понять значеніе Рюриковичей и дружинъ ихъ, какъ проводниковъ новаго, людей, пролагавшихъ пути исторической жизни, стоятъ только вспомнить разсказъ лѣтописца о появленіи волхва въ Новгородѣ: на вопросъ епископа: «кто идетъ къ кресту и кто къ волхву?» народъ, масса, хранящая старину, потянулась къ волхву, представителю стараго язычества, князь же и дружина его стали на сторонѣ епископа. Скоро, при описаніи смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе массы пародной, охранявшей старину, когда движеніе пошло путемъ незаконнымъ» (стр. 418—419).

Мы не можемъ согласиться съ авторомъ въ той степени значенія, какую даетъ онъ Рюриковскому дому. Словами этими г. Соловьевъ совершенно затираетъ значеніе Земли, народа. Значеніе Рюрика дома было точно велико, но именно потому, что оно не уничтожало значенія Земли. Въ особенности страннымъ кажется намъ у г. Соловьева выраженіе, что «все новое, все, что должно было дать племенамъ способность къ новой высшей жизни, къ исторіи, было припесено этимъ движущимся (?) началомъ, князьями и дружинами ихъ: они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство.» Выходитъ, что и принятіе Христовой Вѣры есть дѣло не народное, и притомъ дѣло случайное! Хоть это и противорѣчатъ исторіи, которая говоритъ, что еще до принятія христіанства Владиміромъ, христіанство уже распространялось въ Кіевѣ, что Святославъ никому не запрещалъ креститься (стало, крестились), что Владиміръ, прежде чѣмъ принять христіанство, совѣщался съ боярами и старцами градскими, что были посланы послы для узнаванія истинной вѣры: но по мнѣнію г. Соловьева, дѣло принятія въ Россіи христіанства было рѣшено князьями. Да что же наконецъ было въ самихъ племенахъ, призвавшихъ Рюрика? Что же былъ народъ самый, по мнѣнію г. Соловьева? Людская масса, безобразная, нестройная, и болѣе ничего? Именно, масса: такъ и выражается г. Соловьевъ о народѣ; онъ говоритъ: «Скоро при описаніи смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе *массы народной*, охранявшей старину, когда развитіе пошло путемъ незаконнымъ». И такъ народъ—это масса,

которая знает себя хранить старину, и только; въ примѣръ этого г. авторъ приводитъ извѣстный случай (не имѣющій общаго значенія) въ Новгородѣ, что народъ предпочелъ волхва кресту, тогда какъ князь съ дружиною были за крестъ. И такъ, должно заключить, что народъ стоялъ потомъ за христіанство также, какъ онъ стоялъ прежде за язычество, въ силу того только, что это старина? И такъ, должно заключить, что христіанство было понято въ настоящемъ своемъ смыслѣ только князьями или высшими сословіями, людьми служилыми, потомками князей дружины?... Не уже ли такъ?—А вѣдь такъ выходитъ изъ словъ автора! Незавидная же доля указана нашимъ историкомъ народу: это тяжелая грубая масса, которая, безъ всякаго разсужденія, держится старины и приносить пользу тогда, когда постоянное ея коспѣніе и упорство совпадаютъ съ истинною, съ требованіемъ исторіи; слѣдовательно, это польза безъ всякой заслуги со стороны массы народнои; въ самомъ же народѣ—начала жизни, движенія разумнаго преуспѣванія, не находятя.

Нужно ли говорить, что мы здѣсь совершенно и глубоко несогласны съ г. профессоромъ Русской Исторіи. Мы думаемъ, что въ Россіи найдутся и кромѣ насъ люди, которые не раздѣлятъ такихъ убѣжденій.

Въ прежнихъ статьяхъ нашихъ мы высказывали мысли, противоположныя г. профессору; надѣемся высказать ихъ не одинъ разъ и еще полнѣе. Теперь же скажемъ только, что мы совершенно иначе смотримъ на отношенія Государства къ народу, или къ Землѣ, какъ выражается наша Русь,—нежели почтенный профессоръ. Мы думаемъ, что въ народѣ живетъ начало внутренней правды; Государство же представляетъ начало внѣшней правды. Оставляемъ до болѣе благоприятнаго случая полнѣйшее изложеніе нашей мысли объ этомъ вопросѣ, какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ Русской исторіи въ особенности (1).

(*) По первоначальному плану статьи, авторъ, напротивъ, предполагалъ изложить, именно здѣсь, мысли свои о взаимномъ отношеніи обоихъ началъ вообще и въ Русской исторіи въ особенности. Въ его бумагахъ находятся принадлежащія къ настоящей статьѣ два листа, заключающіе въ себя черновой набросокъ этихъ мыслей. Они были впоследствии выключены самимъ авторомъ, вѣроятно потому, что подробное и тщательное изложеніе такого важнаго вопроса отвлекло бы его отъ предмета самой статьи, и потому, что авторъ имѣлъ намереніе написать объ этомъ вопросѣ особое разсужденіе. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ привести это исключен-

Теперь мы укажем, подкрѣпляясь свидѣтельствами, приводимыми самимъ же г. Соловьевымъ, на образъ мыслей Русскаго народа, который не худо было бы замѣтить г. историкку.

ное мѣсто здѣсь вполнѣ, напоминая читателямъ, что оно только набросокъ, черновой очеркъ, оставленный самимъ авторомъ безъ отдѣлки. Основная мысль и многіе обороты рѣчи тѣ же самыя, что и въ статьяхъ: „о Русской Исторіи и объ основаньяхъ ея началахъ:“ но есть такіе отдѣлки мысли и такія новыя выраженія, которыя, по нашему мнѣнію, еще болѣе опредѣляютъ и уясняютъ взглядъ автора.

Прим. изд.

Человѣку, какъ общественному лицу и какъ народу, предстоить путь внутренней правды, совѣсти, свободы, или путь правды вѣншей, закона, неволи. Первый путь есть путь общественный, или, лучше, земскій; второй путь есть путь государственной. Первый путь есть путь истины, путь вполнѣ достойный человѣка. — Все имѣть только цѣну, во сколько, что дѣлается искренно и свободно. Благо народу, который хранить вѣру въ такой путь. Здѣсь-то возникаетъ община. — Но удержаться на первомъ пути для человѣка трудно. Не всѣхъ можетъ остановить одна совѣсть, и люди безсовѣстные вносятъ тревогу и смущеніе въ общество человѣческое; оно видитъ, что для тѣхъ, которымъ совѣсти мало, мало суда внутренняго, нуженъ судъ и наказаніе вѣншее. Человѣкъ прибѣгаетъ къ другому пути.

Заманчивъ путь этотъ, гораздо, по видимому, болѣе удобный и простой; внутренній строй переносится во вѣн, свобода, источникъ которой внутри человѣка, понимается только какъ порядокъ, нарядъ, какъ устройство, институтъ; основныя начала жизни понимаются, какъ правила, совѣсть понимается какъ законъ. Это путь не внутренней, а вѣншей правды, не совѣсти, а закона. Начало, лежащее въ основѣ такого пути, есть начало неволи, начало, убивающее жизнь и свободу. Прежде всего формула, какою бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ, какъ бы ни была она истина, — налагаясь извнѣ, она уничтожаетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія, свободнаго ея признанія. Далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, она усиляетъ склонный къ нравственной лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокоивая его исполненіемъ готовыхъ опредѣленныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности, нравственнаго бодрствованія. Таковъ путь Государства. Какъ бы широко и по видимому либерально ни развивалось Государство, хотя бы достигло самыхъ крайнихъ демократическихъ формъ, все таки оно, Государство, есть начало неволи, вѣншаго принужденія; оно есть не свободное воплощеніе въ дѣло внутренняго міра человѣка; оно есть данная форма, оно есть учрежденіе. Чѣмъ болѣе развито Государство, тѣмъ сильнѣе замѣняетъ учрежденіе внутренній міръ человѣка, тѣмъ глубже и тѣснѣе оно обхватываетъ общество, хотя бы по видимому соответствовало всѣмъ его требованіямъ.

„Путемъ Государства пошла Западная Европа и разработала великолѣпно государственное устройство, съ чрезвычайными отбѣнками, доведши его въ Америкѣ до высокой степени либерализма. Но это либеральное Государство есть все таки неволя, и чѣмъ шире ложится оно на народѣ, тѣмъ болѣе захватываетъ оно народъ

Идея Земли, так ясно сознавая въ Московскую эпоху, высказывается, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ прямо говорится о Землѣ, о Земскомъ дѣлѣ (какъ на Земскомъ Соборѣ, и во многихъ гра-

въ себя и каменитъ его духомъ закона, учрежденій, вѣшняго порядка. Если либерализмъ государственный дойдетъ до крайнихъ предѣловъ, до того, что каждый челоѣкъ будетъ чиновникомъ, кварталнымъ самого себя, тогда окончательно убьетъ Государство живое начало въ челоѣкѣ. Передовые умы Запада начинаютъ сознавать, что ложь лежитъ не въ той и не въ другой формѣ Государства, а въ самомъ Государствѣ — какъ идеѣ, какъ принципѣ; что надобно говорить не о томъ, какая форма хуже и какая лучше, какая форма истинна, какая ложна, а о томъ, что Государство, какъ Государство, есть ложь.

„Славянскіе народы представляють намъ иное начало, начало общины. Славянскіе народы, Русской народъ, по преимуществу, есть народъ не Государственный. Исторія застаётъ ихъ въ состояніи общины, слѣдовательно уже на высокой степени челоѣческаго совершенства, ибо состояніе общины не есть естественное состояніе (такое состояніе былъ бы родовой бытъ, котораго и слѣдовъ исторія у Славянъ не находить). Состояніе общины есть уже сознательно-народное состояніе, есть челоѣческая заслуга.

„Но можно ли обойтись безъ Государства на землѣ при несовершенствахъ челоѣческаго рода?

„Нѣтъ; невозможно. Вся сила заключается въ томъ, какъ относится народъ къ Государству, какъ къ средству или какъ къ цѣли; что Государство для народа?

„Въ этомъ-то взглядѣ на Государство заключается существенная разница между міромъ Славянскимъ и Западнымъ. На Западѣ это принципъ, идеаль народовъ. Въ Славянскомъ мірѣ Государство — необходимая крайность, средство ради несовершенства челоѣческаго рода.

„Обращаемся къ исторіи.

„Сосѣдніе дружелюбные народы всего болѣе мѣшали мирной жизни Славянъ, являясь въ грозѣ военнаго насильственнаго могущества, покоряя ихъ и заставляя испытывать насильственную власть. Собравшись, Славяне изгоняли насильниковъ, но они снова возвращались и снова надо было собираться, вооружиться и прогнать ихъ. Прежде всего эти насилія отъ народовъ, одушевленныхъ новымъ началомъ, потомъ, можетъ быть, и внутренніи неурядиства, при челоѣческомъ несовершенствѣ не устраняемая жизнью общинномъ, заставили Славянъ искать Государства.

„Исторія застаётъ Славянъ именно въ минуту, когда сосѣдніе бранные народы, вторгнувшись къ нимъ владѣють ими. На Сѣверѣ Варяги, на Югѣ Козары. Сѣверные Славяне изгоняютъ Варяговъ и начинаютъ управляться сами: *почаша володыти сами өз себѣ*. Замѣчательно это выраженіе Нестора. Мы понимаемъ его такъ, что Славяне попытались было ввести у себя государственное устройство, но чуждое ихъ духу, оно не пошло у нихъ: *не бы өз нихъ правды*. Правда не значитъ здѣсь то, что мы разумѣемъ теперь подъ этимъ словомъ. Правда значитъ управа, расправа, имѣть значеніе юридическое, государственное. Славяне почувствовали необходимость Государства и, сознавая всю его несоотвѣтственность своему принципу, рѣшились — не себя пересоздать въ Государство и тогда измѣнить своему началу общинн., а поставить Государство внѣ себя, признать его, какъ чуждое себѣ, невмѣстное съ собою, обратиться къ нему, какъ къ вѣшнему средству, призвать изъ за моря.

мотах), высказывается стороною и въ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами. Такъ бояре наши отвѣчали Гарабурдѣ, Польскому послу, предложившему съѣздъ для постановленія вѣчнаго мира: «Михайла! Это дѣло великое для всего христіанства; Государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ *со всюю Землею*, сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и *со всюю Землею*. На такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ.» (Ист. Россіи. Т. VII, стр. 274). На новыя требованія о томъ же предметѣ послы наши отвѣчали,

«Славяне посылають пословъ за море и призываютъ къ себѣ Государство, какъ постороннее, въ лицѣ Рюрика, сами оставаясь при своемъ общинномъ земскомъ устройствѣ, оставаясь сами не Государствомъ, а Землею. Это въ высшей степени замѣчательное сознательное призваніе опредѣляетъ всю дальнѣйшую Русскую Исторію.

«Мы приходимъ совершенно къ противоположнымъ выводамъ, чѣмъ г. Соловьевъ. Мы благодаримъ (*Государству*) не за то, что оно влагало душу въ народъ, а за то, что оно не истребляло въ немъ души, ибо душа—въ народѣ. Живое начало конечно не въ Государствѣ, а въ Общинѣ.

«И такъ заслуга Рюриковичей заключалась въ томъ, что при нихъ Земля и Государство несмѣсимо жили въ Россіи, зная предѣлы свои и не переступая ихъ. Земское единство, соединившее всю страну, было нарушаемо внутренними государственными перегородками, вслѣдствіе множества княжествъ. Рюриковская же династія, утвердившись въ Москвѣ, переломала эти внутреннія перегородки, и единство Земское еще болѣе окрѣпло, когда ему стало соответствовать единство Государственное. Государство постоянно признавалось Землею, какъ нѣчто постороннее, какъ важная для нея внѣшняя защита. Государство признавало за Землею самостоятельность жизни и нравственное право мѣтвѣнїя, мысли, совѣта, право обычая. Земля, конечно, при такомъ устройствѣ, составляла главное дѣло. Понималось ясно, что не Земля существуетъ для Государства, а Государство для Земли. Начало жизни, нравственнаго преусуспѣянїя, начало духа, безъ сомнѣнїя, находится въ общинѣ, въ народѣ. Государство—значеніе второстепенное и, по идеѣ уже своей, не можетъ влагать душу въ народъ, а сообщать ему механическое развѣ движеніе.

Государство имѣетъ обязанности; оно должно оберегать и доставлять удобства для внѣшней и нравственной жизни народа; оно должно заботиться лишь о томъ, чтобъ давать возможность и средства безпрятственно и невозмутимо идти, крѣпнуть и высѣться мысли и духу человѣческому, слѣдовательно Землѣ. Дѣло мысли и жизни есть Земское дѣло.

«Мы касались этого вопроса въ IV № Бесѣды за 1856 г., въ разборѣ VI-го тома г. Соловьева; поэтому считаемъ достаточнымъ сказаннаго нами здѣсь, до другаго случая, когда намъ можно будетъ во всей полнотѣ высказать мысль нашу о Государствѣ и Землѣ вообще, и въ особенности въ исторіи Россіи, ибо ея такъ ясно и опредѣленно поняты оба эти начала—и взаимное ихъ между собою отношеніе.»

Съ боку, на поляхъ, рукою автора написано:

«Примѣръ Славянъ: *скорѣе уничтожались, чѣмъ составляли химическое треніе.*»

что нужно много времени для *совѣщанія со всею Землею*. На это Поляки отвѣчали: у васъ въ обычаѣ ведется, что сдумаетъ Государь да бояре, на томъ и станеть, а Землѣ до того и дѣла нѣтъ (тамъ же, стр. 277). Понятно, что Поляки, вдаввшись въ государственныя аристократическія формы и подавивъ шляхтою простой народъ, не понимали уже Славянскаго значенія Земли и не понимали великой нравственной силы свободнаго общественнаго мнѣнія, силы всенароднаго совѣта, а слѣдовательно и важности Земскаго Собора, имѣвшаго лишь нравственное, совѣщательное значеніе. Съ своей стороны, Россія не могла понять Польскаго устройства. Въ царской грамотѣ, посланной въ Литву, говорится: «Вы бы, паны Рада, свѣтскіе и духовные, смолвившись между собою и *со всею Землею*, о добрѣ христіанскомъ порадѣли, нашего жалованья къ себѣ и Государемъ нашь на корону Польскую и великое княжество Литовское похотѣли» и проч. (тамъ же, стр. 281). Кромѣ того, Россія высказываетъ этотъ свой взглядъ, какъ общую истину, и Австріи. Когда одинъ изъ дворянъ посольской Австріейской свиты объявилъ Щелкалову, что Максимилианъ хочетъ добиваться Польскаго королевства и надѣется, что Государь Русской ему поможетъ въ томъ, — Щелкаловъ отвѣчалъ: «Великій Государь радѣлъ и промыслялъ объ этомъ, что вамъ и самимъ видимо; да если на то воли Божіей не было, и то не стало. И теперь Государь нашъ хочетъ, чтобъ Максимилианъ былъ на королевствѣ Польскомъ, да вѣдь самъ знаешь: *како государство силою какъ състь?* Надобно, чтобъ большіе люди, да и *всею Землею захотѣли* и выбрали на королевство; а только *Землею не захотятъ*, и того государства трудно достигать (тамъ же, стр. 329).

Древняя Россія выразила также свой взглядъ на сношенія международныя и на торговлю. Она признаетъ полную свободу сношеній торговыхъ и всякихъ. Московскіе послы говорятъ Шведамъ: «Сотворилъ Богъ человека *самовластна* и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочеть, ѣхать: тамъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ Поморскихъ и Нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, землею и моремъ задержки и неволи чинить непригоже» (тамъ же, стр. 313). Шведы отвѣчали на это въ противоположномъ смыслѣ. Въ гра-

мотъ Царя Феодора къ Елисаветѣ, королевѣ Англійской, изъясняется неудовольствіе относительно того, что Англичане (члены компаніи) не пропускаютъ кораблей другихъ и иностранныхъ купцовъ къ Московскому государству, и говорится: «Мы этому и вѣрять не хотимъ; а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье, иноземцевъ отгоняють? *Божію дорогу, Океанъ море, какъ можно перенять, унять и затворить?* (тамъ же, стр. 335).

Россія высказываетъ также, уже извѣстный, признанный и другими за нею, ея взглядъ, что каждый имѣетъ право исповѣдывать свою вѣру. На просьбу Елисаветы, чтобы Англичане могли жить по своей вѣрѣ, отвѣчали въ Россіи: «Государю нашему до ихъ вѣры дѣла пѣтъ; многихъ вѣръ люди живутъ въ нашемъ Государствѣ, и никого Государь отъ вѣры отводить не велитъ, всякій живетъ въ своей вѣрѣ» (тамъ же, стр. 339).

Въ приведенныхъ нами примѣрахъ достаточно, кажется, высказывается высокій взглядъ Русскаго народа. Это—*Русское воззрѣніе*, которое въ то же время есть истинное, общечеловѣческое.

Мнѣніе наше о VII томѣ Исторіи Россіи, думаемъ, ясно. Этотъ томъ не можетъ назваться не только исторіей, но даже историческимъ изслѣдованіемъ, даже историческимъ повлеченіемъ. Первая половина его состоитъ, большею частію, изъ отрывочныхъ выписокъ, почти безъ разработки. Во второй разсказаны событія непоследовательно. Нерѣдко встрѣчается небрежность разсказа и самаго слога. Вообще — отсутствіе настоящей критической обработки и крайняя бѣдность выводовъ.

Теперь, когда вышло уже семь томовъ Исторіи Россіи, можно сказать вообще о ней мнѣніе, т. е., о всемъ написанномъ. Въ «Исторіи Россіи» авторъ не замѣтилъ одного: Русскаго народа. Русскаго народа не замѣтилъ и Карамзинъ; но въ то время этого далеко нельзя было такъ и требовать, какъ въ наше время; къ тому же Карамзинъ называлъ свою исторію Исторіею Государства Россійскаго. «Исторія Россіи», предметъ настоящаго нашего разбора, можетъ совершенно справедливо быть названа тоже Исто-

рією Россійскаго Государства, не болѣе; Земли, народа — читатель не найдетъ въ ней. Съ другой стороны, таѣ какъ рядомъ съ Государствомъ существуетъ Земля (имѣвшая въ Россіи такое важное и сильное значеніе), то сама исторія Государства, какъ Государства, не можетъ быть удовлетворительна, какъ скоро она не замѣчаетъ Земли, народа.

**ПО ПОВОДУ VIII ТОМА
ИСТОРИИ РОССИИ, Р. СОЛОВЬЕВА (1).**

VIII-й томъ Исторіи Россіи почтеннаго профессора заключаетъ въ себѣ едва ли не самую знаменательную эпоху въ Русской Исторіи: онъ содержитъ въ себѣ царствованіе Бориса, царствованіе Шуйскаго, Самозванцевъ, и Междуцарствіе.

VIII-й томъ имѣетъ тѣ же общіе недостатки историческаго изложенія и слога, по гораздо менѣе, чѣмъ предшествующіе, уже разобранные нами, два тома; останавливаться на нихъ мы не считаемъ нужнымъ, ибо въ критикахъ нашихъ на VI и VII томы недостатки эти были разобраны подробно. Въ этомъ VIII-мъ томѣ самая быстрота событій заставляла автора вести послѣдовательный разсказъ, совокупляя, сосредоточивая въ немъ разнообразныя явленія: отъ чего разсказъ живъ и изобразителенъ. Мы укажемъ теперь же лишь на нѣкоторыя странности слога и, вполнѣствіи, въ своемъ мѣстѣ, на нѣкоторыя, какъ намъ кажется, историческія ошибки. За тѣмъ, мы обратимся къ самой эпохѣ, разсказанной авторомъ въ VIII томѣ, и выскажемъ наше мнѣніе. Надобно предварительно сказать, что упреки, нами сдѣланные VII тому, то есть: отрывочность и часто безпричинность выписокъ, а также недостатокъ выводовъ, отсутствіе, въ извлеченіяхъ, знаменательности явленій,—къ VIII тому нейдутъ. Изъ этого одного уже видно, какъ много выше VIII томъ предыдущихъ, что мы и спѣшимъ заявить съ искреннею радостію. Мы будемъ еще имѣть случай поговорить особо о достоинствахъ VIII тома.

---

(1) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1850 г. т. I. Здѣсь помѣщается съ нѣкоторыми дополненіями. *Пр. изд.*

Начинаемъ, какъ сказали, съ указаній на нѣкоторые недостатки въ слогѣ; они не выступаютъ ярко наружу, но за то они падаютъ на внутреннее существо слога. Напримѣръ:

«Бѣда грозитъ молодому человѣку; онъ спасается отъ нея постриженіемъ, скитается изъ монастыря въ монастырь, попадаетъ наконецъ въ Чудовъ, и беретъ даже къ Юву патріарху для книжнаго письма. Но здѣсь рѣчи (чь?) о возможности быть ему царемъ на Москвѣ навлекли на него новую бѣду» (стр. 86).

Слогъ разсказа и сжать, и вяль, въ одно и то же время; какое отвлеченное и темное это выраженіе: «рѣчи о возможности быть ему царемъ на Москвѣ». И потомъ, чья рѣчи?—Это могли говорить про Гришку Отрепьева и другіе.

Говоря о возстаніи народномъ, о той минутѣ, когда народъ ломился во дворецъ, авторъ выразится: «Стража оробѣла и позволила одному изъ заговорщиковъ ворваться въ царскую спальню и закричать Димитрію» (стр. 151). *Позволила* — точно будто: *дала позволеніе*.

«Выдавался онъ (Заруцкій) дѣйствительно предъ товарищами красотою, стройностію, отвагою» (стр. 193). — *Стройностію* — странно; вѣроятно: стройностію стана.

«Изъ полуторы тысячи Поляковъ и Донскихъ козаковъ, бывшихъ въ Юсифовѣ монастырѣ, осталось только 300 человѣкъ, потерявши все, и знамена; при этомъ бѣгствѣ, по признанію самихъ Поляковъ, большую помощь оказали имъ Донскіе казаки» (стр. 311). — Какую помощь при бѣгствѣ? Способствовали ли Донскіе казаки бѣгству Поляковъ, дали ли имъ, напримѣръ, великодушно лошадей своихъ, — или прикрывали ихъ отступление?...

Приводя мѣсто изъ окружной грамоты, г. Соловьевъ передаетъ его такъ: «Вспомните одно: только въ корню основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; если же корня не будетъ, то къ чему прилѣпиться?» (стр. 388). — Это выраженіе извѣстно читающему Русскому міру: оно находится, какъ эпиграфъ, на заглавномъ листѣ Русской Бесѣды, обращающейся къ своимъ соотечественникамъ съ словами древней народной окружной грамоты. Первая половина реченія странно передана почтеннымъ профессоромъ. Въ грамотѣ сказано: «только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно.» Г. профессоръ передаетъ: *только въ корню основаніе крѣпко будетъ*; это вѣрно, и можетъ

быть повимаемо различно. Между тѣмъ какъ смыслъ словъ очень простъ; его можно было бы буквально передать: *только корню основанье крѣпко*, или — если это кажется не совсѣмъ ясно — такимъ образомъ: *какъ только у корня основанье крѣпко*, то, и т. д.

«Послы едва могли уговорить ихъ (Смольяпъ) на введеніе 200 человѣкъ» (стр. 403). *Уговорить на введеніе* — оборотъ отвлеченный, тяжелый и наспльственый. Почему не: *уговорить ввести*?

Конечно, эти замѣчанія не важныя; но однако дѣло идетъ о Русскомъ языкѣ, о *Русскихъ писателяхъ, пишущихъ по Русски*. Отъ сочинителя Русской исторіи мы, кажется, всегда и вездѣ въ правѣ требовать не только Русскихъ словъ, но и Русскаго слога.

Теперь обратимся къ самой Исторіи.

Въ Русскомъ государствѣ, въ самомъ концѣ XVI вѣка, произошло явленіе, дотолѣ небывалое. Родъ, призванный народомъ изъ-за моря, чтобы государствовать въ Россіи, — прекратился. Родъ самый, если угодно, не прекратился: Рюриковичей было много, но они только происходили отъ Рюрика, а государями на Руси не были; они были князья, а въ Россіи на государствѣ былъ уже царь. Они звались пменами городовъ, нося съ собою преданіе объ отдѣльныхъ княжествахъ, а въ Россіи уже не было отдѣльныхъ княжествъ, а было одно царство. Князья-Рюриковичи представляли историческое прошедшее, эпоху, лишнюю живой современности, эпоху мпнувшую. Родъ, нѣкогда, въ 862 году, призванный государствовать, выработался въ родъ царей Московскихъ, и продолжался для Земли только въ этомъ родѣ. Остальные Рюриковичи слались уже со всѣми другими служилыми людьми. На кровь, на происхождение Русской народъ не обращалъ вниманія. Государской родъ былъ, для Русской земли, — только родъ царей Московскихъ. Онъ дорогъ былъ ей, какъ *естественное* преемство. Въ теченіе 700 лѣтъ, разъ призвавъ родъ Рюрика княжить и государствовать, Россія жила при государяхъ этого рода, обезпеченная съ этой стороны, не пахоталась въ затрудненіи, не вдавалась въ хлопоты: кого сдѣлать государемъ. Государи шли по наследству. Ссорились и сражались между собою, пока государствованіе еще распространялось на большую или меньшую совокупность Рюриковичей, — пока, такъ сказать, это право власти имѣло значеніе и въ пространствѣ, а не только во времени.

Но все же это был все тот же государственной родъ, призванный Русскою Землею. Этотъ родъ, сгуживаясь и стѣсняясь, вслѣдствіе историческаго хода, выработался, какъ мы уже сказали, въ родъ государей Московскихъ, и государственіе получило значеніе лишь относительно времени. Изъ рода явилась династія; въ ней выражался, въ ней одной лишь, жизненно, дѣйствительно существовалъ Рюриковской родъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, Земля видѣла подлѣ себя, во главѣ государства, все тотъ же родъ, который былъ нѣкогда призванъ ею. — Вдругъ этотъ семисотлѣтній родъ прекращается. Земля увидала себя безъ государя, котораго нѣкогда сама она у себя поставила, и который велся у нея долго, и наконецъ перевелся. Сознывая, какъ въ 862 году, необходимость государства, Земля находилась почти въ томъ же положеніи, какъ и тогда. Но однако — при неподвижности главныхъ основъ — многое, если не въ нихъ, то на нихъ измѣнилось. Многочисленныя отдѣльныя княжества исчезли и замѣнились единымъ Государствомъ. Въмѣсто многихъ князей, явился одинъ царь. Земля была уже не множествомъ отдѣльныхъ, часто враждующихъ городовъ, или общинъ, связанныхъ лишь отвлеченною идеею единства, но огромнымъ цѣлымъ, всею Русскою Землею. Отдѣльныя вѣча перешли въ Земскій Соборъ. Теперь, когда государственной родъ прекратился, когда въ то же время Земля, по прежнему, поппая свое назначеніе высоко и не желая сама въ государство переходить, считала пужнымъ держать при себѣ государство, — что было дѣлать Землѣ? — Опять призывать изъ-за моря? Но (и въ этомъ разница отъ 862 года) это не была уже Земля, не пзвѣдавшая государства; напротивъ того: государство уже 700 лѣтъ находилось при Землѣ, не нарушая своихъ первоначальныхъ отношеній. Все государственное устройство было уже заведено, было тутъ, подлѣ, у себя дома. Недоставало только одного главнаго лица, чтобы машина государственная двинулась своимъ порядкомъ: недоставало государя. Но при государствѣ необходимо образовался разрядъ людей государственныхъ, людей *служилыхъ* (въ отличіе отъ людей *земскихъ*), изъ которыхъ, слѣдовательно, не ходя за море, можно было выбрать государя, безъ всякаго нарушенія главнаго основанія, то есть: псамъности Земли съ Государствомъ. И такъ, необходимо было *выбрать*, ибо, съ прекращеніемъ Московскаго рода, естествен-

ность преемства, столь уважаемая Землею, уже не существовала. Но кого же выбрать въ государи? Мы уже сказали, что родовое происхожденіе вообще, и, слѣдовательно, происхожденіе отъ Рюрика ничего не значило въ глазахъ народа и не давало никакихъ правъ. Здѣсь опять руководилась Русская земля *естественностью* выбора. Чего естественнѣе выбрать было человѣка, который и безъ того правилъ государствомъ, хотя и не былъ царемъ, и правленіемъ котораго были довольны? Вотъ простая причина избранія Годунова въ странѣ, которая мало обращаетъ вниманія на происхожденіе, на родовой вопросъ. Причина эта высказана современникомъ. Когда князь Пожарскій былъ въ Ярославлѣ, къ нему пришли туда послы отъ великаго Новгорода, князь Ѳеодоръ Оболенскій съ товарищами. Оболенскій правилъ посольство къ Пожарскому, держалъ рѣчь, и въ рѣчи своей изложилъ вкратцѣ историческія событія той эпохи (1). Это изложеніе въ высшей степени замѣчательно; прекрасное само по себѣ, оно въ то же время обнаруживаетъ взглядъ современныхъ Русскихъ на обстоятельства и дѣйствія того времени. Въ этомъ изложеніи, князь Оболенскій говоритъ объ избраніи Годунова такъ: «И послѣ былъ выбранъ Борисъ Годуновъ, *по его, въ Россійскомъ государствѣ, правительству*».—Эти слова, во всякомъ случаѣ очень важныя, можно понимать двояко: или она значатъ то, что Борисъ былъ выбранъ потому, какъ онъ правилъ (то есть, что онъ правилъ хорошо); или же, что Борисъ былъ выбранъ *по тому, что онъ уже правилъ государствомъ*. Этотъ второй смыслъ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, онъ подтверждаетъ слова наши о естественности выбора. При этомъ второмъ смыслѣ также заключается, если не положительная похвала, то одобреніе Борису. Если бъ его правленіе не нравилось Землѣ Русской, кто же бы ей тогда велѣлъ его выбирать? Вспомнимъ, что царствованіемъ Ѳеодора всѣ были довольны, а вѣдь правилъ Борисъ: это всѣ знали. Очевидно, что избраніе Бориса считалось законнымъ. Тотъ же Оболенскій, сказавъ, безъ всякаго возраженія, объ избраніи Бориса, говоритъ о незаконности избранія Василія Шуйскаго (2).

(1) Смотри Акты Арх. Эксп. Т. I.

(2) „А на Московскомъ государствѣ учинился государемъ царь и великій князь

И такъ, избранный народною волею, Борисъ сѣлъ на престолѣ также твердо и надежно, какъ и наследственные цари. — Но вдругъ пронесся слухъ, что родъ государственной, избранный за семью мѣтъ, — не прекратился; что избраніе новаго царя было не нужно, ибо существовалъ естественный наследникъ Θεодора. — Избраніе Бориса уничтожалось само собою, ибо онъ былъ избранъ въ томъ предположеніи, что у Московскихъ царей наследника не осталось. Народъ не думалъ лишать Димитрія престола, не думалъ переимѣнять государственнаго рода. Слѣдовательно Димитрій явился, имѣя на своей сторонѣ всю народную волю. И народъ всталъ за него, за свое рѣшеніе, имъ неизмѣненное, вслѣдствіе котораго долженъ былъ царствовать, по естественному преемству, имъ за 700 мѣтъ призванный, родъ государственной. Вотъ почему не было и борьбы никакой, не могло быть и выбора между Борисомъ и Димитріемъ. Споръ могъ быть только въ томъ: истинный ли Димитрій это или ложный. Съ одной стороны была увѣренность, съ другой—недоумѣніе и сомнѣніе, легко уступившія увѣренности, что это истинный Димитрій. Вотъ почему такъ плохо дрались войска Бориса съ войсками Лжедимитрія. — Народъ стоялъ за свое народное изволеніе: быть государемъ наследственному преемнику, — а не за отвлеченное право наследства, которое получало значеніе (по понятіямъ древней Россіи) только отъ народнаго изволенія. Это вполне подтверждается словами нашихъ писателей къ Полякамъ: «Хотя бѣ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государство не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ» (стр. 201).

Мнѣніе почтеннаго профессора о Борисѣ носитъ характеръ какого-то предубѣжденія, и, странно, предубѣжденія тревожнаго. Онъ преслѣдуетъ его, какъ личный врагъ, ловитъ его на словахъ, привязывается къ нему на каждомъ шагу. Напримеръ:

«По среди этихъ распоряженій новый царь занимался и тѣмъ, чтобъ щедростію и угощеніями привязать къ себѣ служилыхъ лю-

---

Василій Ивановичъ вся Русія, по избранію не многихъ городовъ, а иные многіе крайніе города его себѣ государемъ не похотѣли, и пр. — Акты Арх. Экс. Т. I.

дей: пишутъ, что почти ежедневно бывали у него обѣды на 70,000 человѣкъ: «И подавалъ, говоритъ лѣтописецъ, ратнымъ людямъ и всякимъ въ Серпуховѣ жалованье и милость великую». Цѣль, по-видимому, была достигнута: «Они всѣ, видя отъ него милость, обрадовались, чаяли и впередъ себѣ отъ него такого же жалованья.» И такъ вотъ на чемъ основанъ союзъ Годунова съ служилыми людьми: они чаяли впередъ себѣ отъ него большаго жалованья!» (стр. 13).

Выводъ совсѣмъ не вѣренъ: тутъ нѣтъ и рѣчи «о союзѣ съ служилыми людьми»; тутъ просто сказано, что они обрадовались и чаяли и впередъ себѣ отъ Годунова такого же жалованья. — Откуда же слѣдуетъ, что на этомъ былъ основанъ союзъ Годунова съ служилыми людьми? Это могло быть сказано и о царѣ Феодорѣ Ивановичѣ, и о всякомъ другомъ царѣ.

Авторъ, можно сказать, становится въ полемическое отношеніе къ Борису. Вотъ примѣръ:

«Годуновъ былъ избранъ голосомъ всей земли; народъ, стоя на колѣнахъ, съ воплемъ и слезами умолялъ его умилосердиться, принять престолъ: какого права нужно было послѣ того человѣку, хотя бы онъ былъ самаго низкаго происхожденія? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія тяготиться своимъ, относительно незнатнымъ, происхожденіемъ, подозрѣвать, что для другихъ это происхожденіе уменьшаетъ права, значеніе всепароднаго избраника? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія не умѣть скрыть этого подозрѣнія, обнаружитъ свою слабость, напомнить народу о томъ, о чемъ, вѣроятно, большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное опредѣленіе объ избраніи Годунова въ цари. Въ немъ прежде всего прямо объявлено, что царь Иванъ Васильевичъ, умряя, вручилъ сына своего Феодора боярину Борису Феодоровичу съ такими словами: «Тебѣ предаю съ Богомъ этого сына моего, будь благопріятенъ ему до скончанія живота его, а по его смерти тебѣ приказываю и царство это.» И царь Феодоръ, по приказу отца своего и по пріятельству, вручилъ царство Борису Феодоровичу. Далѣе патріархъ счелъ нужнымъ примѣрами изъ Священной и Римской исторіи показать, что восходили на царскій престолъ люди не отъ царскаго рода и не отъ великихъ синклитъ, и, не смотря на то, большой славы достигали, ибо не на благородство зрѣтъ Богъ,

по благовѣріе предъизбираеть и душу благочестивую почитаетъ. Наконецъ, въ заключеніи говорится: «Да не скажетъ кто-нибудь: отлучимся отъ нихъ, потому что царя сами себѣ поставили; да не будетъ того, да не отлучаются, а если кто скажетъ такое слово, то не разумень есть и проклять». Странное предположеніе возможности подобнаго слова послѣ столькихъ всенародныхъ слезъ и воплей!» (стр. 15—16).

Вотъ ужъ здѣсь, точно, *всякое лыко идетъ въ строку*, какъ говорится. Возражаемъ. — Начать съ того, что, при какихъ угодно искреннихъ слезахъ всенародныхъ, все могутъ найдтись люди, которые захотятъ затѣвать крамолы, даже противъ народной воли. А здѣсь такъ и сказано: «кто нибудь». — Потомъ. По Русскимъ понятіямъ, конечно, избраніе вѣсьмъ народомъ — есть полнѣйшее право на престолъ; и въ первыхъ словахъ соборнаго опредѣленія выражается, по нашему мнѣнію, не иное что, какъ намѣреніе объяснить естественность выбора, естественность народнаго назначенія Бориса въ царя. — Въ дальнѣйшихъ же, приводимыхъ г. Соловьевымъ, словахъ, высказывается взглядъ духовенства, взглядъ нѣсколько Византійскій, который (какъ мы уже не разъ замѣчали), въ тѣхъ случаяхъ, когда слышалось въ немъ Византійское преданіе, расходился врозь со взглядомъ народнымъ, — тотъ взглядъ духовенства, которому и въ этомъ случаѣ избраніе всенародное, вопреки Русскому воззрѣнію, могло казаться недостаточнымъ. Были ли точно всенародные вопли и слезы — это другой вопросъ. Но мы думаемъ (вслѣдствіе сказаннаго нами), что слова эти нисколько не заподозриваютъ этихъ всенародныхъ слезъ и воплей.

Далѣе:

...«Съ одной стороны видимъ въ актахъ, относящихся къ избранію Годунова, страшное злоупотребленіе въ извѣстіяхъ о всеобщей преданности, всеобщихъ вопляхъ и слезахъ при челобитнѣ, всеобщемъ восторгѣ при согласіи принять царство: и тутъ же встрѣчаемъ, въ совершенномъ противорѣчій, сильную подозрительность со стороны человѣка, которому оказывается столько усердія. Одно изъ двухъ: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующихъ, обличала человѣка, недостойнаго такого усердія, или, если подозрительность была основательна, то безпрерывно повторяемая извѣстія о всеобщемъ усердіи заключали

въ себѣ вопіющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неувѣренность въ самомъ себѣ высказалась и въ этомъ страхѣ предъ низостию происхожденія, страхѣ, недостойномъ человѣка, избраннаго всею землею, которая самимъ этимъ избраніемъ подняла его выше всѣхъ. Мелкодушіе Годунова, непониманіе своего положенія высказалось и въ этомъ явномъ стремленіи задаривать, запскивать себѣ расположеніе народное расточеніемъ милостей, небывалымъ при прежнихъ государяхъ, напримѣръ, въ этихъ пршествахъ и подаркахъ ратнымъ людямъ, которые не выдали непріятеля; Годуновъ не понималъ, что только тотъ можетъ приобрѣсть прочное народное расположеніе, кто не шцетъ его, или, по крайней мѣрѣ, не показываетъ ни малѣйшаго вида, что шцетъ, не понималъ, что расточеніе милостей только уменьшаетъ ихъ цѣну, что милость, дарованная государемъ, по наслѣдству престолъ получившимъ, имѣетъ только значеніе милости, тогда какъ милость отъ царя избраннаго является въ видѣ платы за избраніе. Наконецъ, недостатокъ нравственнаго величія, умѣнья владѣть собою, не забыться при достиженіи желанной цѣли, всего разительнѣе оказался въ словахъ Годунова, произнесенныхъ при царскомъ вѣнчаніи: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!» Какъ можно обрадоваться до такой степени, забыться отъ радости до такой степени, чтобъ торжественно связать себя подобнымъ обѣщаніемъ!» (стр. 17—18).

Почтенный профессоръ забываетъ, что при официальныхъ актахъ, или лучше, при официальномъ изложеніи дѣла, вступала въ свои права Византійская риторика, къ которой считало какъ бы обязанностию прибѣгать, въ извѣстныхъ случаяхъ, наше высшее духовенство, и отъ которой столько отличается старинное лѣтописное изложеніе, составленное, однако, духовными же лицами, но при другихъ условіяхъ. Эту официальную реторику встрѣчаемъ мы въ актахъ, относящихся къ избранію Бориса Годунова. Это не официальная ложь: это просто высокопарный слогъ, цвѣты краснорѣчія, сочувствія къ которымъ мы, конечно, не имѣемъ; ибо это все-таки ложь, хотя и риторическая, ибо это цвѣты поддѣльные, ради красоты слога. — Такою же официальною реторикою спльно пропитана лѣтопись Авраамія Палицына. А здѣсь нѣтъ Годунова, ради котораго, по мнѣнію г. Соловьева, являлась эта

официальная ложь.—Г. профессор говорит, что «милость, дарованная государемъ, по наслѣдству престолъ получившимъ, имѣетъ только значеніе милости, тогда какъ милость отъ царя избраннаго является въ видѣ платы за избраніе.» Странныя слова! Слова, обидныя для народа. Развѣ можно купить народное избраніе, *народное*, гдѣ *всѣ* имѣютъ право голоса? Неужели весь народъ можетъ быть продажнымъ? — Къ тому же, если принять слова почтеннаго профессора, то царь избранный не можетъ уже и оказывать милости, а только царь наслѣдственный.

Мы выписали не всѣ мѣста, въ которыхъ г. Соловьевъ нападаетъ на Бориса, но довольно и приведенныхъ нами.—Не составляютъ ли же противорѣчія слѣдующія строки:

«Для большинства народонаселенія въ Московскомъ Государствѣ Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Феодорѣ. Мужъ чудный и сладкорѣчивый продолжалъ устривать въ Русскомъ Государствѣ много достохвальныхъ вещей, но прежнему несправедливъ мздоимство, старался искоренить разбой, воровство, корчемства, былъ свѣтлодушень, милостивъ, нищелюбивъ. Ради такихъ строеній всенародныхъ, Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всѣмъ любезень, Россія цвѣла всѣми благами. А не смотря на то, онъ палъ, потому что, говорятъ Русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиновничковъ всей Русской земл.»

«Годуновъ, любимый большинствомъ, палъ вслѣдствіе негодованія меньшинства, чиновничковъ Русской земл. Такъ говорятъ современники, иностранцы и Русскіе, и послѣ повѣрки ихъ объясненія, мы не можемъ не согласиться съ ними» (стр. 60).

Далѣе г. авторъ опять нападаетъ на Годунова. Но какъ бы ни могла развиться послѣ дурная сторона въ Борисѣ, — въ первые годы царствованія, по признанію самого автора (см. выписку), Борисъ отличался высокими качествами и *былъ всѣмъ любезень*.— А это, кажется, противорѣчитъ мнѣнію автора о Борисѣ, высказанному въ началѣ и представленному нами отчасти, въ вѣкоторыхъ вышеприведенныхъ выпискахъ.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора о Борисѣ.

Призванный судьбою на престолъ въ ту минуту, когда Россія только еще избавилась отъ стѣснявшихъ ее вѣшнихъ враговъ,

когда она сломила самый сильный и тяжелый для нея остатокъ Татарскаго ига: царство Казанское, съ которымъ связана была двухсотлѣтняя зависимость, когда еще въ южныхъ степяхъ ея бродили Азіятскія племена, безсильныя подчинить и покорить, но довольно сильныя, чтобы пстрелять и грабить, когда борьба съ вѣнскими вратами приняла однако болѣе спокойный видъ, уже какъ борьба могущественнаго Государства съ сосѣдними Государствами, или съ кидаящимися на него, хищными и дикими племенами, способными лишь вредить, но не побѣдить, — Борисъ обратилъ вниманіе на внутреннее состояніе Россіи, на мирное братское общеніе съ другими странами. До Татарскаго ига, Россія, всегда любившая дѣятельность духовную, не уступала въ просвѣщеніи окружающимъ странамъ. Татары, грузно навалившись на Русь, отгородили ее отъ другихъ народовъ. Византія, съ которою сношенія кой-какъ еще продолжались, — пала. Воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ Россіи, Литва отхватила южную ея половину, соединилась съ Польшей, а Польша, враждебная не менѣе Татаръ, еще болѣе отдѣлила Россію отъ остальнаго міра. — Русской народъ никогда не хотѣлъ самъ отгораживать себя отъ другихъ народовъ. Это не Славянская, не христіанская идея. Напротивъ: общеніе—вотъ живой элементъ Русскаго народа. И какъ можетъ не быть потребности *общенія* тамъ, гдѣ основное начало — *община!*... Но наши близорукіе историки — обстоятельства, факты принимаютъ за принципъ, за свойство самого народа. Это все равно, какъ если бы сказать про плѣнника, заключеннаго въ тюрьмѣ, что у него сильная охота сидѣть запершись, и что онъ ни на кого изъ людей и смотрѣть не хочетъ. Кажется просто, а попробуйте, растолкуйте это тѣмъ, которые или не хотятъ, или не въ состояніи понять, что сидѣть взаперти еще не значить имѣть желаніе сидѣть взаперти. — Сколько разъ обвиняли древнюю Русь въ какомъ-то небываломъ одичаніи, въ ненависти къ иностранцамъ, въ наклонности чуждаться другихъ народовъ, въ страхѣ просвѣщенія. Исторія доказываетъ намъ противное, доказываетъ, что не Русь чуждалась просвѣщенія, не Русь отворачивалась отъ Западной Европы: нѣтъ, она силлась заводить съ нею сношенія, она, оставаясь вполне самостоятельной народностью, просила того общечеловѣческаго достоянія, тѣхъ плодовъ науки, которые успѣли созрѣть, въ ея отсутствіе, на За-

падѣ, на его народностяхъ. Но какъ отвѣчала на это Западная Европа? — Едва стала рѣдѣть, лежавшая рядомъ съ нею, густая, тяжелая мгла Татарская, и изъ этой мглы выглянулъ бодрый и крѣпкой, новый какой-то народъ, съ какими-то своими понятіями и началами, и едва этотъ народъ обратился къ Европѣ съ просьбою подѣлиться съ нимъ просвѣщеніемъ, какъ, проникнутая враждебностью, Европа не только не дала ему своего просвѣщенія, но приняла строгія мѣры, чтобы просвѣщеніе не проникло въ Русь какъ-нибудь случайнымъ образомъ черезъ частныхъ людей. Г. Соловьевъ, съ полною добросовѣстностію историка, выставилъ эти факты въ своей исторіи.

Но, желая просвѣщенія, чѣмъ же разнилась древняя Русь отъ Руси новѣйшей, Петровской, отъ тѣхъ наконецъ, которые съ самодовольной гордостью, съ какою-то торжественностью, громко заявляя, что они — за просвѣщеніе (какъ будто можно быть противъ просвѣщенія?), упрекаютъ нашу древнюю Русь въ пристрастіи къ невѣжеству, въ обскурантизмъ? О, разница есть, и разница огромная. — Древняя Русь, желая просвѣщенія, готова взять плоды его, откуда бы то ни было (а не только отъ Запада), оставалась и хотѣла остаться сама собою, хотѣла усвоить себѣ просвѣщеніе самостоятельно, свободно, не переходя въ рабство, въ подобострастную подражательность, съ голосу, безъ разсужденія. Первое, то есть: усвоеніе *самостоятельное* чужихъ успѣховъ и знаній — несравненно тяжеле, ибо требуетъ труда, требуетъ самобытной дѣятельности мысли, требуетъ собственной духовной работы; это усвоеніе сознательное, разумное и критическое. Второе, то есть: подражаніе рабское, безусловное, — несравненно легче, трудъ, самый не трудный и пріятный для тѣхъ, кому самостоятельность не подъ силу. Путемъ такого-то подражанія, или перениманья, путемъ безплоднымъ, пошла Русь Петровская, и шла полтора столѣтія. Но требованіе самостоятельности, давно начинавшее проявляться, громко заявило себя въ наше время въ цѣломъ опредѣлившемся направленіи.

Такимъ образомъ, стремленіе (и притомъ истинное) къ просвѣщенію, къ сближенію (и притомъ самостоятельному) съ Западною Европою, было и до Петра. Отсюда, совершенно вѣрно, выходитъ такое заключеніе, что все, что было истиннаго въ дѣ-

дахъ и реформѣ Петра—принадлежить не ему; а все остальное—принадлежить ему.

Возвратимся къ предмету.

И такъ, какъ только Россіи стало, такъ сказать, досужно, — такъ она сейчасъ подумала о просвѣщеніи, о наукѣ, о томъ по-двигѣ разума, которымъ подвизалась она на собственномъ пути и собственными силами, и который, если не былъ прерванъ, то былъ затрудненъ и замедленъ внѣшними обстоятельствами. Эту потребность ученія, просвѣщенія,—живо понималъ Борисъ. Зная, конечно, что самое дѣло просвѣщенія и мысли человѣческой есть дѣло свободное общества, а не дѣло законное правительства, — онъ понималъ, что правительство обязано дать всѣ средства для этого дѣла. Конечно, и самъ Государь, и всякое правительственное лицо можетъ участвовать въ общественномъ дѣлѣ свободной мысли и жизни, но уже не какъ Государь, не какъ лицо правительственное, а какъ членъ общества. Въ Борисѣ видимъ мы это стремленіе къ просвѣщенію, и не одно правительственное, но личное, которое, разумѣется, отразилось бы и на правительственныхъ его дѣйствіяхъ. Въ сынѣ своемъ готовилъ онъ просвѣщеннаго Государя. Первая карта Россіи начертана именно этимъ, вѣжо любимымъ сыномъ, послѣдникомъ недавняго царскаго престола, царевичемъ Θεодоромъ, о которомъ сохранились только самыя лучшія извѣстія. Есть свидѣтельство, что царь хотѣлъ завести университетъ. — Занимаясь преимущественно дѣлами внутренними Государства, Борисъ устранилъ въ законодательствѣ то, что могло быть обидно для людей незнатныхъ, для сословій низшихъ. — На Бориса падаетъ обвиненіе въ томъ, что онъ образовалъ въ Россіи крѣпостное состояніе — обвиненіе тяжкое. Мы высказали нашу мысль о томъ, въ разборѣ нашемъ Бѣлевской Вивлюпки, въ Бесѣдѣ, (1) подкрѣпляя ее свидѣтельствами нашей старшины. Считаемо здѣсь неумѣстнымъ вновь излагать нашу мысль и повторять уже приведенныя нами доказательства, или предъ-являть новыя: что надѣемся сдѣлать со временемъ. Скажемъ здѣсь только сущность нашей мысли о томъ, въ чемъ состояло знаменитое прикрѣпленіе къ землѣ.—До Бориса Годунова, крестьяне, рядясь на пашню за помѣщика, вотчинника, или за кого бы то

(1) См. ниже, во 2 отдѣлѣ этого тома.— *Пр. изд.*

ни было. рядились на годъ, на пять, на десять, даже на двадцать лѣтъ. Такой срокъ обыкновенно сопровождался льготами; послѣ истеченія его—льготы прекращались. Это обстоятельство уже само по себѣ показываетъ, что не было такъ сильно бродяжничество крестьянъ до Бориса Годунова, какъ иные могутъ быть предполагать. Вся разница въ состояніи крестьянъ до прикрѣпленія и послѣ прикрѣпленія состояла въ томъ, что до прикрѣпленія, рядясь на годъ, на десять, на двадцать лѣтъ и на неопредѣленный срокъ, они, до срока (какъ скоро онъ былъ обозначенъ), или просто парушая договоръ (какъ скоро рядились безсрочно), выходя, или собственно *выбывая* изъ-за помѣщика, обыкновенно расплачивались деньгами, возвращали ссуду, платили, такъ сказать, неустойку, что обозначалось и въ договорахъ ихъ. Послѣ прикрѣпленія было положено: не расплачиваться деньгами за неисполненіе договора, но непременно исполнять договоръ, такъ что означенный въ договорѣ срокъ, крестьянинъ обязанъ былъ выжить; и если онъ, не доживъ означеннаго срока, выбѣгалъ изъ-за помѣщика, то его возвращали къ нему силою. *Такихъ* бѣглыхъ крестьянъ помѣщику предоставлялось отыскивать. — Дѣло, при такомъ постановленіи, уничтожающемъ неустойку договора, конечно, получало особый смыслъ въ томъ случаѣ, когда договоръ былъ на безсрочное время. Но тѣмъ не менѣе самое прикрѣпленіе, по нашему мнѣнію, не шло далѣе. Переходъ же крестьянъ, въ законыхъ его предѣлахъ, существовалъ до самого Петра. Г. Ногодинъ, въ прекрасной статьѣ своей объ этомъ же вопросѣ, совѣтъ не признаетъ прикрѣпленія; наша мысль разнится немного отъ его мысли.

Время Бориса—это былъ первый, такъ сказать, досугъ Россіи, послѣ 1224 года, послѣ долгаго томительнаго времени Татарскаго тяготѣнія. И въ это время досуга случился на престолѣ и досужій царь. Съ одной стороны, общеніе съ Европою, и особенно съ Англіею, сильно было имъ поддерживаемо; съ другой стороны, онъ велъ сношенія съ отдаленнымъ Востокомъ, и строилъ крѣпости въ Дагестаѣ. Нельзя, думаемъ, послѣ этого, обвинять его въ мелкости помысловъ. Казалось, при умномъ царѣ Борисѣ должно было двинуться дѣло знанія и вообще просвѣщенія въ Россіи. Но надъ этимъ царемъ висѣло черной тучей грозное подозрѣніе народное — и наконецъ пзъ тучи сверкнула молнія, и

грянулъ громъ. Настала буря, за ней другая, — и пошла буря одна за другой.

Подозрѣніе народа — вотъ единственный источникъ и предвѣстіе Самозванства въ Россіи, какъ прежде, такъ и послѣ. Самозванецъ не самъ, такъ сказать, явился: онъ былъ вызванъ народнымъ подозрѣніемъ. Народъ, предполагая, что Борисъ совершилъ, или могъ совершить злодѣйство, — п гдѣ же? — на историческомъ пути, на пути народной воли, — что онъ втерся обманомъ на престолъ Русской, — народъ былъ оскорбленъ въ нравственномъ своемъ чувствѣ. А такое историческое оскорбленіе народного нравственнаго чувства никогда не проходитъ даромъ. Удовлетвореніе этого оскорбленія выражается также на историческомъ пути, въ историческихъ проявленіяхъ. Въ исторіи, въ такія минуты, являются призраки, привидѣнія. Народное правосудное мщеніе вызываетъ тѣни погибшихъ. Обманъ облекается страшною дѣйствительностью. Тѣни — льютъ кровь и истребляютъ людей. Такая-то эпоха наступила тогда въ Россіи. — Самозванство вовсе не было дерзкою мыслью, пришедшею въ голову одному лицу. Нѣтъ, это была мысль народная, и смѣлость состояла въ томъ, чтобъ воплотить въ себѣ эту мысль. Убѣжденіе, что Димитрій живъ, родилось, безъ сомнѣнія, прежде, чѣмъ нашелся Іжедимитрій. Вообще надобно замѣтить, что, семьсотъ лѣтъ непрерывно продолжавшійся и наконецъ прекратившійся, царственный родъ не вдругъ оставилъ Россію, но продолжался еще въ призракахъ, въ привидѣніяхъ: привидѣнія вели войну, царствовали и волновали всю Землю.

Были ли бы вызваны привидѣнія, если бъ, во первыхъ, не существовало мнѣнія, что Димитрій былъ убитъ, и во вторыхъ, если бъ были вполне довольны Борисомъ? Это вопросъ, на который, кажется, можно положительно отвѣчать, что безъ этихъ условій Самозванецъ бы не явился.

Можемъ думать, что весь народъ благоволилъ къ Борису, но смущался подозрѣніемъ въ злодѣйствѣ. Враждебны Годунову были только верхніе, боярскіе слои; по вѣроятію они, сами по себѣ, ничего не могли бы ему сдѣлать. А сломилъ Бориса призракъ, вызванный народнымъ подозрѣніемъ.

Изъ всего сказаннаго намъ видно, что лицо Бориса, по нашему мнѣнію, не должно внушать тѣхъ раздраженій и негодованій, ка-

нѣя внушаетъ . оно нѣкоторымъ . Борисъ , по нашему мнѣнiю (г. Погодинъ , кажется , прежде всѣхъ это доказывалъ ; мы тоже , съ своей стороны , доказывали это въ Русск. Бесѣдѣ) , Борисъ виновенъ въ злодѣйствѣ , которое ему приписываютъ , — и это главное . Онъ имѣлъ свои недостатки , былъ подозрителенъ , преслѣдовалъ подозрѣваемыхъ , но недостатки эти исчезаютъ передъ его высокими достоинствами . — Бываетъ историческая напраслина , историческая несправедливость : она постигла Бориса . Историческая несправедливость эта имѣетъ свою правду современную , преходящую . А между тѣмъ она все же несправедливость , и такую долженъ явить ее историкъ , свободный отъ страсти мимолетной минуты . Историческiй путь исполненъ крайностей и односторонностей ; только въ общемъ созерцанiи , только впоследствии является этотъ путь во всей своей истинѣ , свободный отъ своей *временности* . Поставленный на историческомъ пути , на одномъ изъ крутыхъ его поворотовъ , умный , строгiй , дѣятельный Борисъ понесъ на себѣ всѣ слѣдствiя такого положенiя своего , понесъ на себѣ историческое подозрѣнiе и историческую клевету — плоды тогдашней преходящей минуты . Сдѣлавъ добро , какое могъ , и желавъ сдѣлать еще болѣе , чего не успѣлъ сдѣлать , Борисъ палъ , сшибенный съ ногъ потокомъ событiй , и увлекъ за собою все свое прекрасное семейство : и просвѣщеннаго , высоко-нравственнаго сына , и дочь , и жену . — Въ заключенiе скажемъ о Борисѣ словами современника его , Сергiя Кубасова : « Мужъ злѣо чюдень и сладкорѣчивъ , вельми благовѣренъ и нищелюбивъ , и строителенъ вельми о державѣ своей , и многое попеченiе имѣя , и много дѣльное отъ себе творяше » .

Противъ Бориса выступилъ призракъ , выступила тѣнь , и побѣдила . Кто же былъ тотъ , который принялъ имя этой тѣни ? Кто же сосредоточилъ на себѣ столько вѣрованiй , сомнѣнiй , отрицанiй , столько суевѣрiя ? Что за лицо Лжедмитрiй ?

Г. Соловьевъ , сказавъ справедливо , что Самозванецъ не могъ быть истиннымъ Дмитрiемъ , высказываетъ весьма замѣчательную и , какъ намъ кажется , глубоко вѣрную мысль , именно : что Самозванецъ не былъ обманщикомъ , но самъ былъ убѣжденъ , что онъ истинный Дмитрiй . Эта мысль , такъ объясняющая всѣ дѣйствiя Самозванца , была , впрочемъ , уже высказана прежде , и даже давно . Эта мысль принадлежитъ гениальному мыслителю и вели-

кому поэту—Шиллеру. Онъ началъ писать драматическое произведение: Лжедмитрій, отъ котораго осталось нѣсколько сценъ. и планъ. Тамъ выводитъ онъ Самозванца, какъ искренно убѣжденнаго, что онъ Дмитрій. — Отдавая Шиллеру честь этой мысли, мы должны, однако, прибавить, что у него Самозванецъ не сохраняетъ этого убѣжденія; на половинѣ дороги, среди успѣховъ, въ виду приближающагося торжества, онъ вдругъ узнаетъ, что онъ не Дмитрій, — и здѣсь драматическое положеніе достигаетъ высшей точки; но оно противорѣчитъ уже исторіи. Мы согласны съ мнѣніемъ г. Соловьева, что это убѣжденіе не оставляло Дмитрія до послѣдней минуты, и, повторяемъ, мнѣніе это одно объясняетъ, одно согласуется съ характеромъ и дѣйствіями Лжедмитрія. Вопросы о томъ, кто внушилъ ему эту мысль—вопросы второстепенные. Авторъ думаетъ, что онъ былъ подставленъ боярами, не безъ участія Сапѣги и иезуитовъ. Правда, издалека, составляемый ковъ согласуется гораздо болѣе съ характеромъ иезуитовъ, чѣмъ Московскихъ бояръ; но дѣло могло слѣдаться другимъ образомъ: быть можетъ, ковъ не велся издалека, не съ дѣтства внушаемо было мальчику, что онъ царевичъ Дмитрій; а просто, когда созрѣла мысль о появленіи Дмитрія на свѣтъ, тогда нашли человѣка, пылаго, легковѣрнаго, вѣтренаго и беззаботнаго, и безъ труда могли увѣрить его, какъ бы *открывъ ему тайну*, что онъ царевичъ Дмитрій (1). Это могло быть

(1) Противъ этого мнѣнія возражаютъ: Дмитрія, когда онъ погубъ насильственной смертію, было семь лѣтъ. А въ эти годы ребенокъ хорошо уже помнитъ все происходящее.—Такъ. Но легковѣрный и вѣтреный юноша повѣритъ легко такому лестному для него увѣренію, что онъ царевичъ Дмитрій, и не станетъ соображать: могъ ли онъ помнить, или не могъ, всѣ событія и спасеніе свое. И мало ли можно было тутъ наговорить объясненій для большаго удовольствія: и долгая болѣзнь, и безпамятство, и пр. и пр. А съ другой стороны, въ природѣ человѣческой—легко увѣрить себя въ то, чему желаешь вѣрить, даже въ совершенно несбыточномъ, и съ какою хитростью и ловкостью найдетъ человѣкъ всѣ нужныя для того объясненія, желая повѣрить, или предварительно сильно повѣривъ,—объясненія, для ко-го они нужны: а есть характеры, въ нихъ совершенно не нуждающіеся, характеры легковѣрные, почти безъ вопроса вѣрящіе несбыточному. Къ такимъ характерамъ принадлежалъ Самозванецъ.—Еще замѣчаніе: будь Самозванецъ—истинный Дмитрій, или будь онъ обманщикъ сознательный,—въ первомъ случаѣ невольно, во второмъ намѣренно, онъ бы рассказывалъ именно о своемъ спасеніи, о первомъ этомъ времени, со всѣми подробностями. Но этого мы не видимъ. Напротивъ, Самозванецъ не говоритъ о томъ, чего не знаетъ; и это незнаніе ни мало не смущаетъ его без-

устроено не за-долго до появленія Димитрія на поприще исторіи, именно около того времени, когда Самозванецъ бѣжалъ изъ Россіи въ Польшу.— Съ такимъ небольшимъ пзмѣненіемъ приимаемъ мы мысль г. Соловьева о томъ, къмъ было внушено Самозванцу, что онъ истинный Димитрій. Скажемъ мимоходомъ, что Самозванецъ первый послалъ на Русскомъ престолѣ титулъ императора.

Г. Соловьевъ думаетъ, что возстаніе противъ Лжедимитрія не было дѣломъ народнымъ, а было скопомъ, заговоромъ, было дѣломъ партіи. Это не было дѣломъ всей Россіи — это такъ: Россія и не могла вся принимать въ этомъ участіе, ибо не предъ ея лицомъ совершались ежедневныя невыносимыя безчинства, умножавшіяся съ каждымъ днемъ. Понятно, что, для сверженія Лжедимитрія, Москва не могла, и нечего ей было, сноситься съ Россією. Это вѣдь не было дѣломъ спокойнаго обсужденія, какъ избраніе, или даже сведеніе съ престола. Вспомнимъ, что нераздѣльно съ Димитріемъ были связаны Поляки, оскорблявшіе, унижавшіе народъ; дѣло принимало уже народно-враждебный оттъпокъ. Задача разрѣшилась просто: въ Москвѣ былъ врагъ, — ей и должно было ударить на него. Москва такъ и сдѣлала. — Но теперь вопросъ: было ли низверженіе Самозванца дѣломъ всей Москвы? Г. Соловьевъ думаетъ, что не всей, что многіе были за Лжедимитрія. Не можемъ принять такъ положительно его мнѣнія. Совершенно справедливо оно въ томъ отношеніи, что далеко не всѣ были убѣждены, что Димитрій — обманщикъ, что иные думали, что онъ истинный Димитрій, иные думали противное, а большая часть сомнѣвалась и колебалась. Но никто не сомнѣвался въ то же время въ томъ, что надъ Русскою вѣрою ругаются, что Поляки оскорбляютъ народъ и распоряжаются въ Москвѣ,

---

заботной и легкомысленной увѣренности въ томъ, что онъ истинный Димитрій. Его незнаніе этого перваго времени спасенія или ему объяснили, или самъ онъ себя объяснилъ, или даже вовсе не объяснили ему; но его это не тревожить: да и какъ тревожить при полной его увѣренности, что онъ истинный Димитрій?— Не станеть же онъ себя объяснять, что онъ—онъ, какія бы сомнѣнія ни возникали противъ этого, и какъ бы правдоподобно противъ этого ни возражали. Просимъ не забывать, что такая увѣренность возможна, при легкомъ, вѣрномъ, беззаботномъ и доврчивомъ характерѣ Лжедимитрія, столь выдающемся въ исторіи, и столь извѣстномъ.

какъ дома, что царь пляшетъ по иностранной дудкѣ, что некрещеная Маріяна вѣнчается царицею въ Успенскомъ соборѣ. Въ этомъ — можно надѣяться — не было разномыслія, не было несогласія. И согласіе, и сочувствіе было въ этомъ отношеніи — безъ сомнѣнія, общее. Но, конечно, *невозможно* было Москвѣ, въ присутствіи Польскихъ дружинъ, спокойно совѣщаться — свергнуть Лжедмитрія или нѣтъ, и какъ свергнуть. Сочувствовали дѣлу (такъ можно было предполагать) всѣ; совѣщались и сговаривались не всѣ. Въ минуту исполненія самого замысла, совѣщавшіеся не были вполне увѣрены въ остальныхъ, а потому, на всякой случай, и было объявлено остальнымъ: Литва бьетъ Царя. Это была мѣра, заранѣе разсчитанная на самую минуту возстанія, мѣра предосторожности, принятая на всякой случай. Если бъ здѣсь было пешуточное убѣжденіе, что въ такомъ духѣ настроена часть народа, то такіе слухи разсѣвали бы заранѣе, а мы знаемъ, что разсѣвали слухи о набіеніи бояръ, но не Царя. А эти предосторожнѣйшія, на всякой случай, слова были сказаны въ самую минуту возстанія. — Далѣе: нигдѣ, въ народонаселеніи Московскомъ, не выразилось протеста въ пользу Самозванца, протеста, который бы непременно выразился тутъ же, если бъ приверженные къ нему люди увидали, что, вмѣсто того, чтобъ защищать Царя, ихъ позвали бить его. Одни стрѣльцы приняли сторону Лжедмитрія, не вѣря, что опъ обманщикъ; но любви къ нему, безусловной; и они не выказали, хотя опъ имъ и большія награды сулилъ. Наконецъ, нигдѣ нѣтъ никакого свидѣтельства, ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ и ни въ какихъ письменныхъ нашихъ актахъ, чтобы сверженіе Дмитрія было дѣломъ партіи, а не всего народа. Мы еще болѣе утверждаемся въ нашемъ мнѣніи потому, что непосредственно съ сверженіемъ Дмитрія связывается дѣло, которое было точно дѣломъ партіи, которое, за то, несомнѣнно такимъ и является, и отбѣняется ярко. — Ради избранія въ Царя на вакантный престолъ — и можно, и должно было созвать Земскій Соборъ, для того, чтобы это избраніе было дѣломъ законнымъ. Это дѣло можно и должно было, и обдумать, и обсудить всею Землею. Никакого Собора, не только Земскаго, но и Московскаго, созвано не было, а потому Василій Шуйскій вступилъ на престолъ, точно, не по волѣ народной. Такимъ образомъ, избраніе Шуйскаго было дѣломъ партіи: но за то объ этомъ

такъ и говорится въ нашихъ актахъ, на это мы и имѣемъ прямые свидѣтельства. Князь Федоръ Оболенскій, въ рѣчи своей къ Пожарскому, излагая вкратцѣ исторію послѣднихъ лѣтъ, и сказавъ о Годуновѣ, что «всѣ единомышленно всею Землею избрали Бориса», прямо замѣчаетъ о Шуйскомъ, что Шуйскій выбранъ не многими городами; но тотъ же Оболенскій, безъ всякаго замѣчанія и возраженія, рассказываетъ, какъ всенародное дѣло, сверженіе, и даже убіеніе Самозванца. Вотъ собственныя слова Оболенскаго: «И вы всѣ, бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства, узнавъ его вора, злой смерти предали, а на Московскомъ Государствѣ учинился Государемъ царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи, по избраніи многихъ городовъ, а иные многіе украинные города его себѣ Государемъ не похотѣли, и въ послушаніи быти не почали, а учали себѣ избирать воровскихъ царевичей, Петрушку, и иныхъ, и тѣмъ нямпы Московскому Государству много зла учинили». Слова Оболенскаго, кажется намъ, окончательно рѣшаютъ вопросъ. Дѣло сверженія Самозванца, хотя ему не предшествовало (да по обстановкѣ той минутой и не могло предшествовать) общаго совѣщанія, — было дѣломъ общенароднымъ, а не дѣломъ партіи. Избраніе же Шуйскаго на престолъ было точно дѣломъ партіи (1).

Скажемъ кстати, что эта рѣчь Оболенскаго имѣетъ, по нашему мнѣнію, высшую историческую важность: это слова, изустныя слова современнаго человѣка, о тогдашнемъ времени, о тогдашнихъ историческихъ событіяхъ; въ нихъ выражается взглядъ тогдашнихъ Русскихъ на эти событія и вмѣстѣ съ этимъ — истинный смыслъ этихъ событій. Надо выкинуть въ эти драгоценныя слова, и изъ нихъ извлечь можно много. Какъ хорошо выраженіе Оболенскаго объ этомъ мнѣствѣ Самозванцевъ, которыхъ пошли себѣ выбирать разные города. «И тѣмъ нямпы, говоритъ Оболенскій, Московскому Государству много зла учинили». Точно: *имяны*. Это были *имена*, которыя мутили и дѣйствовали. Въ этомъ выраженіи схва-

(1) На это, кажется, указали прежде всѣхъ А. С. Хомяковъ, въ своей трагедіи *Димитрій Самозванецъ*. Скопинъ говоритъ тамъ, услыхавъ, что провозглашаютъ Шуйскаго:

„Что это?“

Безъ выбора, безъ Земскаго Собора?“

чена вся отвлеченность самозванства, и вмѣстѣ вся та дѣйствительность, какую можетъ имѣть эта отвлеченность.

Г. Соловьевъ не посвящаетъ въ своей Исторіи особыхъ строкъ характеристикъ Лжедмитрія; но онъ довольно явственно выступаетъ изъ его разсказа. Это былъ человекъ легкомысленный, храбрый, увлекающійся и увлекающій, одаренный быстротою ума и способностію слова. Добро и зло поглощались въ немъ какой-то безнравственной легкостью, которая способна на самое ужасное безчеловѣчное дѣло (таковы его отношенія къ несчастной Ксеніи Годуновой), и которая притомъ еще не лишена даже наивности и какого-то простодушія. Все это вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, столько же возмутительно, какъ и разсчитанная серьезная безнравственность.—Таковъ былъ, кажется, Лжедмитрій. Эта легкость, вѣтренность характера — вовсе не въ Русскомъ духѣ, и не должны были поправиться степенному взгляду древней Руси на человека; но храбрость, простодушіе, беззаботность, довѣрчивость — находить вездѣ сочувствіе, и потому Самозванецъ встрѣтилъ его въ Россіи, пока не пошелъ на перекоръ ея духу. пока не вздумалъ ее подчинить прихоти Польской. Успѣть на престолѣ онъ не могъ. Ужиться ему съ Россіею было невозможно. Паденіе его могло случиться скоро и должно было случиться непременно. Едва ли не первый выставилъ вѣрно всю поэтическую сторону характера Лжедмитрія—А. С. Хомяковъ, въ своей трагедіи: Димитрій Самозванецъ. Характеръ Лжедмитрія схваченъ тамъ очень вѣрно; мы бы присоединили еще беззаботную возможность худаго и добраго, и какое-то легкомысліе зла, — черта, входящая, кажется намъ, въ характеръ Лжедмитрія.

Убитъ былъ Самозванецъ, но не убита была тѣнь: она ускользнула, какъ призракъ, отъ мечей и пуль, оставила, на то время, Москву, и понеслась въ украинные города, гдѣ впервые и появилась.

На царскій престолъ взопелъ князь Шуйскій. Онъ не былъ избранъ, но въ окружныхъ грамотахъ, касающихся до вступленія Шуйскаго, говорится объ избраніи. Объ избраніи пельзя было не упомянуть, нельзя было не указать на это право, — и объ немъ упоминается. Со всѣмъ тѣмъ, объ избраніи, какъ объ неизбежномъ условіи, говорится по необходимости, какъ бы мимоходомъ. Князь Шуйскій указываетъ на другія права: онъ указываетъ на

происхождение свое отъ Рюрика: онъ вновь указываетъ на цѣлый государскій родъ, давно, въ понятіи народномъ, устранимый выработавшеюся пзъ этого рода, Московскою дпнастією, давно потерявшій въ глазахъ народа свое царственное значеніе. но за то, какъ видно, неотступно присутствующій въ мысляхъ князей-Рюриковичей, и постоянно сохраняющій, въ глазахъ ихъ, всю свою вѣдупослупную силу. — Замѣчательно, какъ духъ княжнхъ времянь оживаетъ въ грамотахъ Шуйскаго, какъ поминтъ всѣ старыя преданія удѣльный князь, какъ вѣренъ онъ этимъ преданіямъ, и какъ переноситъ онъ ихъ на царскій престолъ Московскій. Мы видимъ, какъ вырывается, въ эту минуту, наружу то, что было сдвлено Іоаннами, то, что устранилъ Борисъ. Шуйскій, съ одной стороны, говоритъ о своемъ происхожденіи отъ Рюрика, о непрерывной связи и преемствѣ Государей съ Рюрика и до него; онъ связываетъ удѣльный родъ свой съ цѣлымъ царственнымъ родомъ всей Россіи. «Учинилса есмя на отчинѣ прародителей нашихъ, говоритъ князь Шуйскій, на Россійскомъ Государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его жъ дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго кесаря; и потомъ многми лѣты и до прародителя нашего, великаго князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ Россійскомъ Государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣлѣ раздѣлишася, *и отмятіемъ и не отъ неволн.* по по родству, якожъ обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати.»... «Хотимъ держати Московское государство, говоритъ Шуйскій въ другой грамотѣ, по тому жъ, какъ прародители наши. Великіе Государи, Россійскіе Цари.» Съ другой стороны: была еще одна яркая черта княжнхъ времянь; мы видимъ, что князь, въ эпоху княжествъ, заключалъ (примѣровъ тому много) *рядъ* съ народомъ, гдѣ вступалъ онъ въ княженіе; князь цѣловалъ крестъ народу, а народъ—ему. И вотъ, это преданіе княжое князь-Рюриковичъ переноситъ съ собою на царскій престолъ. Князь Шуйскій, ставоваясь Царемъ всея Россіи, цѣлуетъ крестъ народу, а народъ цѣлуетъ крестъ ему.

Но въ глазахъ народа, наследственное право цѣлаго Рюрикова рода уже потеряло значеніе. Отнынѣ, съ прекращеніемъ Московской дпнастіи, было уже одно только право: избраніе всенародное, всею Землею (въ случаѣ неизмѣнія пряаго потомства).—Но нельзя было быть въ одно время и княземъ-Рюриковичемъ вре-

мень усобицъ, и Царемъ всея Россіи.... И, ярко вспыхнувшія еще разъ, убѣжденія княжеской эпохи скоро потухли, не вызвавъ народнаго сочувствія.

«Не избраецъ былъ всею Землею князь Шуйскій...» вотъ что заговорили со всѣхъ сторонъ въ народѣ. — На краю Россіи опять показалась тѣнь Дмитрія.... И больше прежняго, со всѣхъ концовъ, заколебалась Россія. Сомнительный Царь сидѣлъ на престолѣ въ Москвѣ; другой сомнительный Царь поднимался на него войною. Недоумѣніе обняло всю Русскую землю. Ничего вѣрнаго, ничего яснаго, и встала смута по всей Землѣ. — Ошибочно было бы обвинять вообще Русскихъ людей того времени — въ измѣнѣ. Измѣны настоящей — было весьма немного. Это было сомнѣніе, колебаніе, шатааніе, но не измѣна. Люди не знали, чему вѣрять: бросались къ одному — и убѣждалась, что здѣсь обманъ; бросались къ другому — и тамъ не видали правды. Это именно было смутное время, время, крайне тяжелое для страны, перенести которое весьма трудно. Великъ народъ, который переживетъ такое время. Русской народъ его пережилъ: Шуйскій былъ еще на престолѣ, а уже междоусобице, можно сказать началось. Польскія шапки вторглись въ Россію, ища себѣ добычи, грабя, убивал, разоряя; козаки то же дѣлали съ другой стороны; скоро стали дѣлать то же и союзники-Шведы, и наконецъ свои измѣнники. — Кому, съ кѣмъ было бороться? По частямъ, отдѣльными разрозненными рядами, дрались Русскіе люди противъ этихъ различныхъ враговъ. Они могли еще знать, противъ кого драться; но за кого, но за что имъ было стоять? Большая часть хорошихъ людей стояла за царя Василія, которому присягала, котораго давно знала, и который все-таки казался законнѣе другихъ. И здѣсь нецѣлота убѣжденія ослабляла силы, и отпоръ давался, но неволь, не дружный, ибо не вполне искренній. Но не съ вѣшними врагами только была борьба. Борьба была внутренняя: дѣло шло о нравственномъ очищеніи Россіи, о томъ возвышеніи духа, до котораго могла и должна была она достигнуть; дѣло шло объ одолѣніи внутри себя всѣхъ сколько-нибудь нечистыхъ, недобрыхъ элементовъ: таково было условіе для спасенія Россіи. Какъ скоро здѣсь явятся побѣда и одолѣніе, такъ ужъ вѣшнихъ враговъ побѣдить и одолѣть будетъ нетрудно. — Такое-то великое испытаніе было послано на Россію, такому-то страшному очищенію была она подвергнута. И

отсюда начинается дѣльный рядъ всенародныхъ покаяній, все искреннѣе и глубже....

Если Василій Шуйскій взомель на престолъ безъ одобренія народа, безъ народнаго совѣта, то не хотѣли свести его съ престола иначе, какъ съ одобренія и совѣта народнаго. Созывать выборныхъ отъ всей Земли было, по тогдашнему смутному времени, неудобно, почти невозможно. Но, по крайней мѣрѣ, Москва (вмѣщавшая въ себѣ тогда множество людей, съ разныхъ концовъ Россіи пришедшихъ) собралась на совѣтъ, не помѣстившись на Красной площади, и вышла въ поле къ Серпуховскимъ воротамъ. Тамъ рѣшено было свести Шуйскаго съ престола.

На престолѣ не было и сомнительнаго Царя; престолъ былъ празденъ, а вокругъ него тѣснились разные претенденты, и шла страшная тревога и смятеніе. Съ одной стороны—второй Лжедмитрій, съ другой — Шведы съ своимъ принцемъ, съ третьей — Поляки съ своимъ Королевичемъ Владиславомъ, съ четвертой — цѣлыя шайки военныхъ людей, Поляковъ и козаковъ, которые били, грабили и опустошали. Посреди этихъ тревогъ и колебаній, множа вокругъ себя волненіе и смуту, бродили имена по Россіи (какъ выразился Оболенскій). Явилась цѣлая семья призраковъ изъ Московскаго царственнаго рода: даже не рожденные, никогда не существовавшіе,—цѣлое племя небывалое. Всѣ почти люди раздѣлялись на партіи, и каждая партія тянула къ себѣ.—Что было дѣлать Россіи? Не естественнѣе ли, казалось, принять сторону одной изъ партій, уже опредѣленной, уже организованной, уже имѣвшей силу, — присоединиться къ ней, чтобы одолѣть остальныхъ, а потомъ, можетъ быть, и противъ нея обратиться? Но это была бы уступка, было бы не исполненное вѣры, не правое, не святое дѣло: и Россія не пошла этою дорогою. Она должна была совершить дѣло правое. Такъ она и поступила. Она рѣшилась не приставать ни къ какой партіи, а стать противъ всѣхъ. Со этою мыслью поднялся Ляпуновъ. Но Ляпуновъ былъ самъ слишкомъ краснѣвъ, гордъ и личенъ, слишкомъ самъ выдавался впередъ, и онъ не могъ спасти Россію. Для спасенія Россіи—даже Ляпунова было недовольно. Россія требовала болѣе чистыхъ рукъ, болѣе самоотверженной любви. И такой человекъ явился.—Намъ кажется, что мѣра нравственнаго достоинства самаго народа полагается въ такихъ условіяхъ его спасенія, въ

нравственной высотѣ тѣхъ, которые удостоиваются быть, которыхъ признаетъ онъ еѳо вождами. Это становится какъ-то ощутительно при смутномъ времени и при спасеніи Россіи въ ту эпоху. Пожарскій съ Мининымъ стали противъ всѣхъ враговъ, сколько ихъ было, стали лишь за правое, за святое дѣло Земли Русской. Самъ Пожарскій о себѣ не думалъ, себя не выставлялъ, не красовался, а думалъ только о Земскомъ дѣлѣ.—Въ это время междуцарствія, Россія одержала побѣду во внутренней борьбѣ; Россія очистилась нравственно, одолѣла враговъ внутреннихъ: раздоръ, несогласіе, смущеніе, шатость,—и виѣшніе враги ея пали. Россія побѣдила.

Во время междуцарствія разрушалось и наконецъ рассыпалось въ дребезги государственное зданіе Россіи. Подъ этимъ развалившимся зданіемъ открылось крѣпкое Земское устройство, сильная Община вся Россіи, — слѣдовательно въ теченіи семисотъ лѣтъ не подавленная, но напротивъ сбереженная Государствомъ. Подъ разрушившимся Государствомъ открылась Земля, для которой Государство служило виѣшнею крышкою. Паденіемъ Государства воспользовались дикіе, насильственные, нестройные, не земскіе элементы, которые имъ сдерживались; ихъ дикое насліе показало непзбѣжность Государства. — Земля, лишенная всѣхъ выгодъ и удобствъ виѣшняго устройства, разрозненная паружно, но имѣющая за собою преимущество внутренняго единства и, сильнѣйшую всѣхъ силу, силу духа, — подпялась, какъ одинъ человекъ, и пошла на враговъ. Какъ ни многочисленны, ни многосильны были враги они должны были отступить передъ Земскою силою. Въ это-то время явилось все высокое значеніе Москвы, которая, всю Землю, признается торжественно за столицу, за средоточіе Русское, къ которой стремятся Земскія силы, и освобожденіе которой празднуется со слезами, какъ освобожденіе Россіи: ибо одно отъ другаго нераздѣльно, конечно и на будущія, на вѣчныя времена. Совершивъ подвигъ свой, вызвавшій ее на поприще грубой силы, Земля вновь поставила Государство, и вновь обратилась въ свою область дѣятельности духовной и бытовой, область мысли и жизни. (1)

(1) Взглядъ автора на междуцарствіе, на подвигъ Пожарскаго, Минина и всей Земли выраженъ въ художественной формѣ и притомъ съ строгою историческою

Вообще междоусобица показывает — въ минуту величайшихъ бѣдъ и потрясеній — все безсиліе государственнаго порядка, всю силу Земли.

Эпоха междоусобицы ни однимъ Русскимъ историкомъ не представлена еще была съ той стороны, съ какой представилъ ее г. Соловьевъ. Онъ обратилъ вниманіе на народное движеніе, на переписку городовъ между собою, на силу Земскую. Конечно, мы бы желали, чтобъ все это было изображено явственнѣе, живѣе, чтобъ въ дѣло было заглянуто еще глубже, чтобъ Земская сила получила весь, слѣдующій ей, почетъ, всю должную оцѣнку. Но мы искренно благодарны за то, что уже сдѣлано. Дальнѣйшія требованія состоятъ еще въ лучшемъ исполненіи того, что уже далъ намъ почтенный историкъ.

Значеніе Земли выступаетъ ярко въ эпоху междоусобицы. Въ предыдущихъ критикахъ нашихъ на г. Соловьева (и въ другихъ нашихъ статьяхъ, за-долго до тѣхъ критикъ, еще въ 1845 году) мы указывали на значеніе *Земли* въ Русской исторіи и приводили тому примѣры, кромѣ разсматриваемыхъ нами эпохъ, изъ эпохи междоусобицы.

Значеніе Земли, всегда столь глубокое и сильное въ Россіи, столь чтимое до-Петровскимъ Государствомъ, — выступаетъ, какъ это и понятно, съ особенною яркостію и силою въ эпоху междоусобицы, когда Государство потеряло всякую самостоятельность и наконецъ обратилось въ развалины. Въ Россіи мы видимъ значеніе *Земли*, народа, а нисколько не бояръ, не аристократіи, ибо аристократія — это уже не Земля, не народъ. Такое народное (а не аристократическое) значеніе Русской Земли безпрестанно выдается въ договорахъ и дѣйствіяхъ междоусобицы. Если бъ въ Россіи былъ хотя сколько-нибудь аристократическій элементъ, то онъ бы выдвинулся хотя сколько-нибудь, — въ эпоху междоусобицы особенно, — имѣлъ бы хотя какое-нибудь значеніе; но

вѣрности въ его драмѣ „Освобожденіе Москвы“, напечатанной въ 1848 г. Она, по содержанию своему, могла бы, съ полнымъ правомъ, занять мѣсто въ ряду историческихъ трудовъ автора, но по формѣ своей отнесена нами къ той части Полнаго Собранія Сочиненій, которая должна включатьъ въ себя всѣ художественныя произведенія К. Сергѣевича Лескова.

Прим. изд.

этого не видно нисколько. У всѣхъ Русскихъ, и въ умѣ, и на языкѣ одно: *вся Земля*. Скажутъ: подъ всею Землею подразумѣваются всѣ Русскіе люди, подъ нею подразумѣваются и бояре. Совершенно правда, но *наравнѣ со всми*, но не какъ бояре, а своею земскою стороною, какъ люди *земскіе*, гдѣ для человѣка является только одно опредѣленіе: *человѣкъ*. Простой народъ, не имѣющій никакихъ титуловъ, всего ближе къ этому опредѣленію; онъ поэтому и носитъ, всякому человѣку предложенное и доступное названіе, всечеловѣческое названіе *крестьянина*, то есть, христіанина. «Меня вся Земля послала, а не одни бояре; а отъ однихъ бояръ, я бы, князь Василій, и не поѣхалъ»: такъ говоритъ Полякамъ знаменитый бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ. «Ты, Левъ Ивановичъ, говорятъ Сапѣгѣ Русскіе послы въ стапѣ Сигизмунда, самъ бывалъ въ послахъ, такъ знаешь, можно ли послу, сверхъ наказа, что-нибудь сдѣлать? И ты былъ посломъ отъ государя къ государю, *а мы посланы отъ всей Земли*: какъ же мы смѣемъ безъ совѣта *всей Земли* сдѣлать то, чего нѣтъ въ наказѣ?» (стр. 366). Въ договорѣ, который заключали Русскіе съ Польскимъ правительствомъ, когда рѣшались призвать Государя изъ чужой Земли и хотѣли поэтому себя обезпечить, — было сказано, что «перемѣна законовъ зависить *отъ бояръ и всей Земли*» (стр. 297). Тамъ также есть выраженіе: «его господарская милость (король) станеть говорить и уряжать, *по обычаю Московскаго государства*, съ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и *со всею Землею*» (стр. 298—299). Ополченіе подъ Москвою, собравшись, выбрало въ начальники, всю Землю, бояръ, и воеводъ: Трубецкаго, Заруцкаго и Ляпунова, и написало приговоръ. Въ приговорѣ написаны разныя правила и постановленія; между прочимъ говорится, чтобы «печать къ грамотамъ о *всякихъ дѣлахъ* устроить *земскую*, а при большихъ земскихъ дѣлахъ у грамотъ быть рукъ боярской» (стр. 421); говорится: «смертною казнию, безъ приговору всей Земли, боярамъ не по вишѣ не казнить и по городамъ не ссылать» (стр. 421); прибавляется: «а кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, того самого казнить смертію» (стр. 422); и наконецъ говорится: «если же бояре, которыхъ выбрали теперь всю Землю для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣть и расправы чинить не ста-

нужь во всемъ въ правду, и по тому земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлать не стануть: то намъ всюю Землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнить, и на ихъ мѣсто выбрать другихъ, поговора со всею Землею, кто къ ратному и земскому дѣлу пригодится» (стр. 422).

Кажется, нѣтъ надобности приводить еще свидѣтельства, встречающіяся безпрестанно, того высшаго, того первостепеннаго значенія, какое имѣетъ Земля въ до-Петровской Россіи. Думаемъ, оно довольно очевидно. Стоитъ вспомнить только, выборнаго отъ всей Земли, мясника Кузьму Минина, сидящаго рядомъ съ княземъ Пожарскимъ, и рядомъ съ нимъ подписывающаго грамоты:

Это отсутствіе аристократическаго элемента замѣчали и Поляки; они говорятъ, что въ Россіи народъ всегда имѣетъ власти болѣе, чѣмъ сенатъ. Любопытно также, какъ въ умѣ Поляковъ отражается обычай до-Петровской Россіи: постоянно совѣщаются со всѣми и дѣлать все съ общаго совѣта. Вотъ примѣръ: Гопсѣвскій говоритъ Шенну: «Король велѣлъ мнѣ обо всемъ этомъ переговорить съ тобою; но вы сами отъ добраго дѣла бѣгаете, держась своего обычая Московскаго: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣрпте; этотъ обычай теперь ввелъ царство Московское въ погубель... Какой же это обычай Московскій? А вотъ послушайте далѣе. Гопсѣвскій продолжаетъ: «Я, зная, что у васъ, у государей и въ народѣ, такой довѣренности, какъ у насъ, нѣтъ, и тебѣ, по обычаю Московскому, пельзя было со мною съѣздъ устроить; зная это я писалъ тебѣ, чтобъ ты объявилъ о дѣлѣ архіепископу и другимъ Смольянянамъ, и съ ихъ вѣдома съѣздъ устроилъ» (стр. 285). Такъ вотъ онъ, этотъ обычай Московскій! Вотъ что не правилось такъ сильно папу Гопсѣвскому, вотъ что называетъ онъ отсутствіемъ довѣренности другъ къ другу, въ чемъ видитъ явленіе безнравственное и губельное: это обычай, не разпоряжаться самому произвольно, а совѣщаться съ другими, дѣлать дѣло съ общаго совѣта. Такой упрекъ, съ Польской стороны, крайне важенъ и знаменателенъ; онъ проводитъ рѣзкую черту между двумя странами, и еще сильнѣе подтверждаетъ повсюдное присутствіе совѣщательнаго элемента въ древней Россіи.

Мы сказали уже, что въ этомъ томѣ у г. Соловьева — в это важная его заслуга, которую мы высоко цѣнимъ—въ его Исторіи Междущарствія, обращено вниманіе на движеніе, собственно на-

родное, и народъ не остался въ тѣни. Теперь мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторые замѣчанія почтенному автору.

На стр. 177—8, авторъ говорить: «Нѣкоторые изъ его (Болотникова) казакъ зашли въ деревнѣ Заборѣ, но принуждены были сдаться царскимъ воеводамъ; Шуйскій велѣлъ ихъ взять въ Москву, поставить по дворамъ, кормить и ничѣмъ не трогать; но тѣхъ, которые были пойманы на бою, велѣлъ посадить въ воду.» Далѣе, на той же страницѣ, авторъ говорить: «Самъ воевода, князь Мосальскій, былъ убитъ, и ратные люди его сѣли на пороховыя бочки и взорвали сами себя на воздухъ: они предпочли погибнуть отъ огня, ибо знали, что въ Москвѣ взятые на бою гибнутъ отъ воды.»—Это выраженіе у автора имѣетъ видъ какъ будто шутки. Шутка здѣсь кажется намъ странною, неумѣстною. А потому: ратные люди могли и не знать, какъ въ Москвѣ поступаютъ съ другими ратными людьми, взятыми на бою. Далѣе: еслибъ даже и знали они, то почему же непременно, безстрашный поступокъ ихъ — объяснять такимъ расчетомъ, и ослаблять его геройство? Что такой расчетъ у ратныхъ людей былъ — доказательствъ нѣтъ, а тайныхъ мыслей своихъ они никому не сообщили. Мало того: мы имѣемъ всѣ причины думать на оборотъ. Если ратные люди Мосальскаго знали, что дѣлаютъ въ Москвѣ со взятыми на бою, то они, конечно, также знали, что дѣлаютъ въ Москвѣ съ тѣми, кто сдается (см. начало выписки): кто жъ имъ мѣшало сдаться и быть пристроенными и накормленными? И такъ, не отъ того взорвали себя на воздухъ эти безстрашные люди, что все равно приходилось погибать, такъ или иначе; а отъ того, что лучше хотѣли умереть, чѣмъ сдаться: тогда какъ изъ вышеприведенныхъ словъ самого автора выходитъ, что, сдаваясь, ратные люди обезпечивали себѣ жизнь и довольство.—Наконецъ, авторъ, кажется (судя по словамъ его), думаетъ, что сажать въ воду означаетъ смертную казнь посредствомъ воды, слѣдовательно «посадить въ воду» значить: утопить. Такое же объясненіе этого дѣйствія (посадить въ воду) находимъ у автора ниже. На стр. 424, говоря о враждѣ Ляпунова съ казаками, авторъ говорить: «Дѣло началось тѣмъ, что у Николы изъ Угрѣшъ Матвѣй Плещеевъ, схвативши 26 человекъ казаковъ, посадилъ ихъ въ воду; казаки вынули всѣхъ своихъ товарищей изъ воды, привели въ таборы подъ Москву, собрали кругъ, и начали шумъ на Ляпунова, хотѣли его убить.»

Лѣтопись умалчиваетъ о подробностяхъ, но видно, что въ этомъ случаѣ казаки имѣли правду на своей сторонѣ; если Плещеевъ поймалъ казаковъ на грабежѣ, то обязанъ былъ привести ихъ въ станъ и отдать на судъ, а онъ самовольно посадилъ ихъ въ воду, тогда какъ въ приговорѣ было утверждено, что смертная казнь назначается съ вѣдома всей Земли. Авторъ, очевидно, думаетъ, что это смертная казнь. Но намъ кажется, что это не казнь, а наказаніе. Иначе, какъ бы могли казаки, нашедши товарищей своихъ посаженными въ воду, выпнуть ихъ всѣхъ и привести въ станъ? Слѣдовательно, они были живы. Если бѣ посадить въ воду значило казнить, утопить, то это бы не могло случиться. И такъ, это было наказаніе, быть можетъ, съ предоставленіемъ на произволь судьбы: какъ привязываютъ къ дереву въ лѣсу на произволь судьбы, на случай, что, можетъ быть, найдетъ кто-нибудь, который развяжетъ. Но во всякомъ случаѣ, это не смертная казнь, и слѣдовательно противорѣчія приговору всей Земли здѣсь не было: а по этому, и здѣсь казаки правды на своей сторонѣ не имѣли.

Говоря о смерти Ляпунова, авторъ не упоминаетъ о разсказѣ Маскѣвича, который самъ въ это время былъ съ Гонсѣвскимъ въ Кремлѣ. По его разсказу, Гонсѣвскій, чтобы погубить Ляпунова, употребилъ слѣдующее предательство: увѣрилъ одного плѣннаго боярина, что онъ, Гонсѣвскій, въ сношеніяхъ съ Ляпуновымъ, что Ляпуновъ хочетъ предать ему все войско; показалъ грамоты къ нему отъ Ляпунова за поддѣльною подписью, далъ грамоту, будто бы отъ себя, къ Ляпунову, и, чтобы бояринъ крѣпче повѣрилъ, взялъ клятву съ боярина никому не сказывать. Безбожный ковь удался: бояринъ, какъ пришелъ въ станъ, такъ и разсказалъ всему войску. Въ этомъ же родѣ разсказываетъ и лѣтопись Филарета. Намъ кажется, что и то и другое — то есть: и Польское и казацкое — предательство могло быть: могла быть и не одна поддѣльная грамота, съ цѣлью, чтобы погубить Ляпунова. Да, много старались о погибели Ляпунова. Видно, лежалъ онъ камнемъ на сердцахъ у всѣхъ враговъ Россіи, у всѣхъ разбойниковъ и грабителей. Такія Іудины старанія еще болѣе возвышаютъ Ляпунова, и еще болѣе унижаютъ гнусныхъ враговъ его.

Авторъ говоритъ о Салтыковѣ (онъ называетъ и другихъ Тушинцевъ), что онъ сочувствовалъ планамъ Лжедмитрія и желанію просвѣщенія, и указываетъ на то, что въ договорѣ они

выговариваютъ право для Русскихъ людей ѣздить для науки за границу. Это совершенно справедливо, но требуетъ, кажется, нѣкоторой оговорки. Россія сама сильно хотѣла сближенія съ просвѣщенными странами. Но при такомъ, совершенно законномъ желаніи, нисколько не противорѣчащемъ, а благоприятствующемъ самостоятельности,—могло быть весьма естественно, и было конечно въ нѣныхъ, увлеченіе просвѣщенною вѣщностью Европы, увлеченіе не свободное, а подчиненное, рабское. Таковъ былъ, кажется намъ, Салтыковъ. Хотя Борнсъ, желая просвѣщенія, желалъ его совершенно самостоятельно, но, такъ какъ по этому онъ, въ тоже время, и сильно заботился о сближеніи съ Европою, то Салтыковъ долженъ былъ быть за него. И точно. мы находимъ у Маржерета свидѣтельство, которое заслуживаетъ быть упомянутымъ, что Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ оставался вѣренъ Годунову и былъ связанъ. Потомъ стоялъ Салтыковъ за Самозванца. Наконецъ. во время междуцарствія, особенно выказалось, что онъ, кромѣ стремленія къ просвѣщенію, былъ просто преданъ иностранцамъ. Онъ сталъ ужъ не на сторону королевича Владислава, а на сторону короля Сигизмунда; онъ измѣнилъ своему народу, и всѣми мѣрами и путями старался предать Россію власти Польскаго короля. Это былъ хитрый и бѣшеный измѣнникъ. Имя его пользуется позорною знаменитостію.

На стр. 308, авторъ говоритъ о дѣйствіяхъ пословъ и о совѣщаніяхъ ихъ съ выборными людьми, съ ними въ посольствѣ отправленными.—Замѣчательнъ составъ самаго посольства. Пословъ собственно немного; но съ ними отправлены въ посольствѣ множество людей отъ всей же Земли. Это представители Земли: съ одной стороны—для Сигизмунда; съ другой—для самихъ пословъ; это—дума посольская, соборъ посольскій, такъ сказать, съ которыми совѣщаются послы. Мы это видимъ. Въ отрывкѣ грамоты посольской изъ Сигизмундова стана въ Москву прямо разсказывается, какъ послы совѣтуются въ важныхъ случаяхъ со всѣми выборными людьми, при нихъ въ посольствѣ находящимися. Именно: «И мы у павовъ рады одва упросили сроку до завтра, чтобъ намъ о томъ посоветовать съ митрополитомъ Филаретомъ и со всѣми людьми, которые съ нами съ Москвы ото всеѣ земли посланы» (Соб. Г. Г. и Д., стр. 474). Обстоятельства этого замѣчательнаго совѣщанія переданы г. авторомъ съ странною не-

вѣрности, сравнительно съ упомянутою посольскою грамотою. Онъ говоритъ: «Потомъ призваны были за совѣтомъ дворяне и всѣ посольскіе люди, спрошено: «Если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они, послы, отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства, не будутъ ли въ проклятія и ненависти?» Всѣ отвѣчали: «Хотя бъ въ Смоленскѣ были наши матери, жены и дѣти, то пусть бы погибали. Да и сами Смольняне думаютъ тоже, и скорѣй всѣ помрутъ, а не сдадутся» (стр. 368).» Въ грамотѣ пословъ, это рассказываетя не совсѣмъ такъ. Люди, посланные съ послами въ посольствѣ отъ всей Земли, дворяне и стольники, и дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, и гости, и торговые люди: «Митрополиту говорили и намъ говорили накрѣпко, чтобъ намъ однолично на томъ стояти, чтобъ въ Смоленскѣ Поляскихъ и Литовскихъ людей не пустити ни одного человѣка, что если и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать. Если которая кровь прольется или что надъ Смоленскомъ сдѣлается, то это будетъ не отъ насъ (пословъ); только-бъ своею слабостью Смоленска не потерять» (С. Г. Г. и Д., стр. 474). Вотъ что отвѣчали люди, посланные отъ всей Земли съ послами; а г. авторъ приписалъ эти слова одному Филарету. Всѣмъ же посольскимъ людямъ вложилъ въ уста такую условную рѣчь: «Хотябъ въ Смоленскѣ были наши матери, жены и дѣти; то пусть бы погибали. Да и сами Смольняне думаютъ тоже и скорѣй всѣ помрутъ, а не сдадутся.» Это опять не такъ. Вмѣстѣ съ послами въ посольствѣ были, ѣхавшіе съ ними изъ Москвы, Смольняне дворяне и дѣти боярскіе (о чемъ авторъ не упоминаетъ вовсе). Эти Смольняне, призванные вмѣстѣ съ другими на совѣщаніе, сказали не условно, а положительно: «Хотя въ Смоленскѣ наши матери и жены и дѣти погибнуть, только бы на томъ крѣпко стоять, чтобъ Поляскихъ и Литовскихъ людей въ Смоленскѣ не пустить» (С. Г. Г. и Д., 475). Такія слова имѣютъ совсѣмъ иной характеръ, совсѣмъ иную силу. Это не мечтательное предположеніе: «Хотя бы были въ Смоленскѣ наши матери, жены и дѣти, то» и пр. Здѣсь въ Смоленскѣ въ самомъ дѣлѣ матери, жены и дѣти тѣхъ Смольнянъ, которые говорятъ эти великодушныя слова: слова эти получаютъ тогда настоящую дѣйствительность, и поэтому совсѣмъ иную силу, и являются во всемъ своемъ великодушіи. У автора, вопреки исторической вѣрности, они не имѣютъ своего дѣйствитель-

ваго и великаго значенія, и могутъ даже почесться, пожалуй, фразою. Все дѣло въ томъ, что авторъ руководствовался разсказомъ Голикова, который, очевидно, имѣлъ подъ рукою подлинныя, достовѣрныя матеріалы, откуда иногда и прямо выписывалъ; но, кажется, самый подлинный неоспоримый памятникъ—это посольская грамота въ Москву къ боярамъ, управлявшимъ Государствомъ, сохранившаяся въ отрывкѣ, которой мы здѣсь и слѣдовали, и которой не слѣдуетъ авторъ, не объяснивши, почему онъ предпочитаетъ ей разсказъ Голикова.

Мы должны еще указать на страшное противорѣчіе автора. На стр. 372—373 онъ говоритъ: «Захаръ Ляпуновъ также покинулъ пословъ, но въ Москву не поѣхалъ, а перешелъ въ Польской стапъ: онъ ежедневно пировалъ у пановъ, забавлялъ ихъ насмѣшками надъ послами, и утверждалъ, что старшіе послы все дѣлаютъ сами собою, не спрашиваются съ дворянами, все таятъ отъ нихъ. Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ причину, почему Ляпуновъ покинулъ пословъ.»—И такъ авторъ вѣрнѣе, что Ляпуновъ не выдумывалъ. Какже послѣ этого соглашается такое мнѣніе съ извѣстіемъ, которое приводитъ самъ авторъ и которое, очевидно, несомнѣнно? Именно: «Между тѣмъ Захаръ Ляпуновъ и Кирпиа Сѣзоновъ продолжали наговаривать папамъ, что во всемъ виноваты главные послы, которые дворянамъ ничего не объявляютъ. Паны призвали къ себѣ дворянъ и сказали имъ: «Намъ извѣстно, что послы съ вами ни о чемъ не совѣтуются и даже скрываютъ отъ васъ боярскія грамоты.» Дворяне отвѣчали: «Это какой-нибудь бездѣльникъ, воръ, вамъ сказывалъ, который хочетъ ссору видѣть между вами и послами, поставьте его съ нами съ очей на очи. Боярскую жалобу намъ читали, и мы имъ сказали, что исполнить ее нельзя: писана она безъ патріарха и безъ совета всей Земли» (стр. 400). Этимъ словамъ трудно не повѣрить. Но тогда надобно иначе понять дѣйствія и слова Ляпунова. Мы не ошибемся, если скажемъ, что переходъ Ляпунова къ Полякамъ былъ притворный, что онъ обманывалъ Поляковъ, что онъ нарочно наговаривалъ имъ на пословъ съ цѣлью,—съ какою?... Она ясно высказалась въ словахъ дворянъ (см. вып.): *это вамъ сказывалъ тотъ, кто хочетъ ссору видѣть между вами и послами.*—Наконецъ окончательно ясны становятся дѣйствія Захара Ляпунова изъ грамоты, которою бояре извѣщаютъ короля

Свигизмунда, что Ляпуновъ, живя въ стану у Поляковъ, сносятся съ братомъ Прокофьемъ и сообщаетъ ему вѣсти про Поляковъ изъ стана. Самъ же г. Соловьевъ говоритъ (на стр. 387), что бояре извѣщали короля, что Захаръ Ляпуновъ сносятся съ братомъ. Послѣ всего этого, поступки Захара Ляпунова въ Польскомъ стану, единодушно дѣйствовавшаго съ братомъ Прокофьемъ, становятся ясны до очевидности.

Мы должны указать на одно обстоятельство этой многознаменательной эпохи, обстоятельство, какъ намъ кажется, весьма важное. Это — замѣчательный совѣтъ, данный иезуитами второму Самозванцу. Иезуиты совѣтуютъ перенести столицу, и говорятъ прямо: *надобно жить идѣ-нибудь, только не въ Москву*. Такой весьма замѣчательный совѣтъ отъ враговъ нашихъ, враговъ умныхъ и хитрыхъ, умѣющихъ, какъ извѣстно, находить средства къ достиженію своей цѣли, — долженъ остановить вниманіе и заставить задуматься всякаго мыслящаго человѣка, въ особенности Русскаго. Совѣтъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ исполненъ по очень понятной причинѣ. Второй Самозванецъ не достигъ Русскаго престола. И Москва, въ теченіи еще 100 лѣтъ, оставалась, по прежнему обычаю, единою столицею Россіи.

Во время междуцарствія высказался довольно явственно взглядъ Русской земли на Государство. Сознывая вполне его необходимость, какъ защиты, какъ обороны, какъ *правды внѣшней*, Земля не придавала ему важнѣйшаго внутренняго значенія, зная, что это значеніе вполне принадлежитъ ей, Землѣ. Государство знало свои предѣлы. Земля, изъ уваженія къ себѣ, не покидала своей земской области, области внутренней правды, духа и слова, и не переходила въ область внѣшней принудительной правды. Но мнѣнія свои высказывала она постоянно и громко. При системѣ взаимнаго невмѣшательства, но въ дружбѣ и въ безпристрастномъ свободномъ совѣщаніи, жили Земля и Государство вмѣстѣ, и жили ладно. — Въ эпоху междуцарствія, Государство пало. Земля, обнаружившись изъ-подъ разбитой крыши Государственной, спящая своею жизнью земскою, всегда Государствомъ доселѣ уважаемою, и сознавая внѣшнюю надобность въ Государствѣ, — Земля громко высказала эту потребность, пошла на враговъ, ололѣла, и Государство опять поставила. Но опять: Государство она поппмаеть, отъ себя, отъ Земли, отдѣльно, и въ своихъ грамо-

тахъ болѣе или менѣе ясно высказываетъ свой взглядъ. Земля говоритъ, что Государь необходимъ *Государству*. «Сами знаете, говорится въ одной грамотѣ, что такому великому Государству безъ Государя долгое время стоять нельзя» (Ист. Р. стр. 438). «Безъ Государя Государство ничѣмъ не стронется, говорится въ другой грамотѣ, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится» (стр. 460). Говоря это, Земля опредѣляетъ, въ то же время, военное и вообще вѣдшее значеніе Государя и Государства. «Сами, господа, знаете, какъ намъ теперь безъ Государя противъ общихъ враговъ Польскихъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей, и Русскихъ воровъ, которые новую кровь начинаютъ, стоять? и какъ намъ безъ Государя о великихъ Государственныхъ и Земскихъ дѣлахъ съ окрестными Государями ссылатся? и какъ Государству нашему впередъ стоять крѣпко и неподвижно?» (стр. 430).—На Государя смотритъ Земля, какъ на начальника, на главу Государства. . . . Это воззрѣніе, хотя и невольнѣ, высказывается и въ словахъ грамоты 1612 года: «Вседержитель Богъ совершилъ ярость гнѣва своего въ народѣ нашемъ, угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ: отнялъ у насъ главу Московскаго Государства и вождя людямъ, Государя, Царя и великаго князя всея Руси, отнялъ и пастыря и учителя словесныхъ овецъ стада его, святѣйшаго патриарха Московскаго и всея Руси» (стр. 441).

Великое время междуцарствія представляетъ рѣшительное торжество начала Земскаго, начала нравственнаго, свободнаго. Все могущество вѣдшее, государственное, было сокрушено и безсильно. Очищаясь и возвышаясь нравственно, наконецъ встала сама Земля, и, исполненная силы духа, одолѣла всѣхъ враговъ.

Заканчивая нашу статью превосходными словами г. Соловьева, такъ вѣрно, глубоко и полно схватывающими значеніе междуцарствія:

«Получивъ вѣсть о недобромъ совѣтѣ Шульгина и Биркина, князь Дмитрій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ Государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ Латынь и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно, это были послѣдніе люди Московскаго Госу-

дарства, коренные, основные люди: когда ударили бури смутного времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться» (стр. 448).

Трудно сказать что-нибудь лучше.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ (1).

Съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ, мы видимъ въ племенахъ Славянскихъ общину, устройство уже образованное, разумно-человѣческое, а не естественно-человѣческое, какъ напр. родовой бытъ (слѣдовъ котораго исторія между Славянами не открываетъ); у Русскихъ Славянъ существуетъ слово (*въ смыслѣ?*) общины—міръ.

Община есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоитъ найти нѣчто себя высшее, а предстоитъ только преуснѣвать, очищаться и возвышаться. — Предоставляя себѣ въ другомъ мѣстѣ представить во всей глубинѣ это истинное начало, мы скажемъ здѣсь объ немъ нѣсколько словъ, нужныхъ для нашего дѣла.

Община есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей, и являющихъ общее ихъ согласіе: это дѣйство любви, высокое дѣйство Христіанское, болѣе или менѣе

(1) Эт. статья сохранилась въ черновой рукописи, и есть только первоначальный набросокъ мыслей автора, оставшійся не поправленнымъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ Константинъ Сергѣевичъ предполагалъ завѣяться Исторіей Земскихъ Думъ, и написалъ это предисловіе, но впоследствии объ немъ и забылъ, такъ что, когда въ началѣ 1859 года издатель газеты „Нарусъ“ обратился къ нему съ просьбой составить для газеты историческій очеркъ Земскихъ Соборовъ, то Кон. Сергѣевичъ написалъ вновь „Вступленіе“, которое въ изложеніи нѣсколько разнится отъ перваго, и которое мы помѣщаемъ вслѣдъ за этою статьей подъ цифрою II. Въ первомъ предисловіи нѣкоторыя слова въ рукописи недописаны, или пропущены авторомъ, или же остались неразобранными нами. Вставленные нами по догадкѣ слова напечатаны прописными буквами и въ скобкахъ.

неясно выражающееся въ разныхъ (*другихъ*) своихъ проявленіяхъ. Община представляетъ такимъ образомъ нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчинясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ: такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно самоотверженныхъ личностей; какъ въ созвучіи голосовъ каждый голосъ даетъ свой звукъ, такъ въ нравственномъ созвучіи личностей, каждая личность слышна, но не одиноко, а согласно, — и предстаетъ высокое явленіе дружнаго совокупнаго бытія разумныхъ существъ (сознаній); предстаетъ братство, община — торжество духа человѣческаго.

Какъ явленіе жизни, явленіе свободное, община не имѣетъ и не можетъ имѣть въ себѣ ничего условнаго.

Выраженіе человѣческаго разума есть слово; оно выражаетъ согласіе общины; и такъ, выраженіе ея совокупной нравственной дѣятельности есть *совѣщаніе* (вѣче, сходка, соборъ, дума). — Совѣщаніе это имѣетъ цѣлью общее согласіе. Понятно, что при такомъ (*требованіи*) свободнаго согласія, совѣщаніе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, не сплутся въ любовь; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ общины, начало Славянское, отъ первыхъ временъ и доселѣ свято хранимое Русскимъ народомъ. — Понятно, что начало большинства есть начало, по которому согласіе является не нужнымъ; начало насильственное, побѣждающее лишь физическимъ преимуществомъ: которыхъ *больше*, тѣ одолеваютъ тѣхъ, которыхъ *меньше*. — Единогласіе трудно; но всякая высота нравственная трудна, и всего труднѣе быть Христіанствомъ; изъ этого не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ отказывался отъ нравственной высоты и отъ Христіанства. Къ тому же тотъ народъ, который уже въ жизни своей положилъ начало общины и единогласія, несравненно легче его достигнетъ, чѣмъ тѣ, которые признаютъ преимущество большинства, какъ право, какъ законъ. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ Славяне стремились даже въ первыхъ временахъ сохранить свое (*неотъемлемое*) начало единогласія; какъ рѣшались они скорѣе на бой другъ съ другомъ, когда не могли согласиться, какъ бы показывая тѣмъ себя за свое не-

совершенство; какъ Лютичи прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобъ вынудить согласіе немногихъ, и все это единственно для того, чтобы не признать права большинства, какъ законъ, какъ начало, чтобы въ законѣ не разорвать единства общины, единства *вышшаго*, начала (*общаго*) согласія. Какъ скоро они не могли согласиться и несогласіе являлось какъ фактъ, они предоставляли ему обпаружиться, какъ факту, враждою, битвой, принужденіемъ насильственнымъ къ согласію; но никогда не признавали возможности несогласія, какъ начала, не возводили несогласія въ начало, признавая большинство и меньшинство разномыслящихъ и предоставляя меньшинство во власть большинства. — Дальнѣйшій ходъ совершенствованья долженъ былъ состоять въ томъ, что согласіе будетъ возможно и возможно для общины, что нравственное созвучіе будетъ полнѣе и сильнѣе. — Но на пути своемъ Славяне встрѣтили препятствія: (*разныя*) искушенія и совершившіяся видопзмѣненія въ ихъ судьбѣ не заставили (*или итъ*) отказаться отъ своего высокаго, своего жизненнаго начала: общины, согласія, свободы нравственной, безусловной.

Наиболѣе удержали это начало Славяне Русскіе. Народъ нашъ держится его во всей силѣ, и мы знаемъ, какъ онъ, когда вводится въ него другое начало, ограждаетъ отъ него свое жизненное сознание. Такъ на вопросъ, какъ идутъ выборы, одинъ крестьянинъ отвѣчалъ, что они *мечутъ жеребій* шарами. Кому больше выпадеть, тотъ и выбранъ. И такъ, крестьянинъ не можетъ помириться съ разумностью большинства, не можетъ исказить своего высокаго разума этою нравственною и логическою нечестностью, и называетъ балотировку жеребьемъ, не уважая ее и признавая случайностью, не правдою. Одинъ крестьянинъ, когда я ему старался объяснить смыслъ большинства и меньшинства, какъ рѣшенія (*вопроса*), какъ достиженія истины дѣла, подумалъ и сказалъ: это не есть правда человѣка.

Понятно, что въ общинѣ, основанной на живомъ началѣ свободного нравственнаго согласія, слово, совѣщаніе должно имѣть весьма великое мѣсто, ибо насильственнаго (*исхода*) большинства (*ома*) нѣтъ, и люди должны стовориться, убѣдить другъ друга, совѣщаться, согласиться.

И точно въ Русской исторіи мы безпрестанно видимъ общественныя совѣщанія, въ меньшемъ и въ большемъ видѣ. Вездѣ дума и рѣчь; дума и рѣчь необходимы, какъ проявленіе человѣческой жизни, какъ путь къ согласію и общему, дружному прочному дѣлу, какъ выраженіе человѣческой жизни, человѣческой свободы, какъ и подобаетъ человѣку.

Самое начало Русской исторіи есть такое совѣщаніе. Славяне, Кривичи и Чудь совѣщаются между собою и на совѣщаніи рѣшаютъ призвать Рюрика съ братьями, а въ лицѣ ихъ государственную власть.

Потомъ, когда цѣлый родъ Рюриковъ княжилъ въ Россіи, когда князья этого рода безпрестанно переходили изъ города въ городъ,—въ каждомъ городѣ видимъ мы Вѣче, совѣщанія. Князь совѣщается съ дружиною, князь совѣщается съ Вѣчемъ. — Князь (власть государственная), *добровольно* призванный, сталъ необходимою для народа. Даже Новгородцы безъ князя обойтись не могутъ. Но при этой власти княжой, община живетъ полною жизнью, думаетъ, совѣщается. — Постоянное бродяжничество князей ставитъ общину въ необходимость, не ограничиваясь однимъ словомъ, принимать участіе въ дѣлѣ самомъ, для того, чтобы обезопасить себя отъ разоренія и войны, а иногда для того, чтобъ поддержать князя, который имъ любъ; но такое внѣшнее распоряженіе Россіи необходимо вызывается исторической эпохой, положеніемъ дѣла.

Тѣмъ не менѣе всюду видны совѣщанія, дума и рѣчь; выраженіе *думать* перешло, такъ сказать, въ терминъ: *думайте съ дружиною, сдумавше съ княземъ*.

Наконецъ, государственная разрозненность Россіи, представляемая множествомъ князей, разрозненность, мѣшавшая ея Земскому, народному единству, между тѣмъ разрозненность тревожная, неспокойная, ходившая надъ Землею бранью и усобицами, силвшаяся перейти въ цѣлость государственную,—наконецъ, эта государственная разрозненность соединилась въ одно цѣлое, и надъ единою цѣлою Землею, явилось единое Государство. Москва впервые произнесла слово: Вся Россія. Земля очевидно была довольна тѣмъ, что цѣлость ея уже не нарушалась раздробленностью государственной власти. — За своихъ князей ни одно княжество не стояло; даже Новгородъ, разъ вошедши въ одно цѣлое

съ Русскою землею, о прежнемъ устройствѣ своемъ не вспомнилъ даже въ 1612 году, хотя и заключилъ миръ отдѣльный.—И такъ единодержавіе Москвы лишь способствовало уничтоженію государственныхъ перегородокъ внутри Русской Земли, лишь способствовало цѣлости всей Россіи, всегда существовавшей, но часто государственностью нарушаемой. — Община и слова общины не только не ослабѣли, но должны были получить еще большій просторъ, высшее и чистѣйшее значеніе, — Городскія вѣча княжествъ всегда могли оставаться, но они теряли свое общее значеніе, ибо не княжество теперь только являлось и должно было высказываться, а вся Россія. Вмѣстѣ съ тѣмъ народное совѣщаніе теряло и свой принудительный характеръ, ибо передъ нимъ не ссорились государственныя власти, не смѣнялись безпрестанно, не усобились, отъ чего терпѣла Земля и должна была по неволѣ вмѣшиваться сама во внѣшнія дѣла. Нѣтъ, теперь надъ Землею была одна сильная постоянная государственная власть, усобицы прошли, споровъ за владѣніе нѣтъ, и Земля могла стать въ постоянныя отношенія къ Государству.

Великій князь Іоаннъ III *собралъ* Русскую землю, разбитую государственными межами, и уничтожилъ эти межи. Народный голосъ, ясно сознавая его дѣло, назвалъ его: *собирателемъ Русской Земли*. Надо сказать при этомъ, что Русская исторія поражаетъ необыкновенною сознательностью и логическимъ ходомъ явленій. Съ сознательнаго акта начинается Русская исторія: съ того, что нуженъ *нарядъ* (устройство внѣшнее), а поэтому нужно призвать государственную власть — князя. Тогда-то, когда Земля и Государство явились, и то и другое въ своей цѣлости, явились ясно и сознательно: Земля и Государство, Государево и Земское дѣло.

Сынъ Іоанна III хоть былъ недостойнымъ его преемникомъ, однако продолжалъ его дѣло и присоединилъ Псковъ къ общему составу Россіи. Іоаннъ IV оставилъ (*прежнее*) названіе Великаго Князя, напоминающее удѣлы и раздѣленіе государственное Россіи, и какъ единый В. Князь, наименовался Царемъ, единымъ Государемъ Россіи. Какъ скоро только Русская Земля собралась вся во едино, и подъ единою властью государственною Царя, — такъ сейчасъ былъ созванъ Земскій Соборъ. Первый Царь созываетъ Земскій Соборъ. Земля и Государство стали въ ясныя отношенія другъ къ

другу, поняли взаимные свои предѣлы и значеніе, и явилось пониманіе (понятіе) и названіе: Государево и Земское дѣло, Служилые и Земскіе люди, доселѣ темно выражавшееся въ значеніи дружины и смердовъ или людей.—Земля получила вполне подобающій ей смыслъ совѣта, мнѣнія, мысли и слова, смыслъ, изъятый отъ всякой государственной примѣси, не имѣющей ни тѣни принудительной силы,—но силу убѣжденія, свободную, духовную. Не вновь воздвиглось, а только очистилось и выяснилось гражданское устройство Россіи, отношенія Земли и Государства между собою; то есть: Государству—неограниченное право дѣйствія и закона, Землѣ — полное право мнѣнія и слова. И вотъ на Земскомъ Соборѣ раздались такія рѣчи: «Государь, какъ поступить, это отъ тебя зависитъ, а наша мысль такова.»

И такъ значеніе Москвы велико для Россіи. Она провозгласила и осуществила единство Русской Земли и стала, по сознанию и волѣ всей Россіи, средоточіемъ этого единства, столпцею Россіи. Въ ней государственная власть получила единство и цѣлость, и тѣмъ, избавивъ Землю отъ препятствій къ ея земской цѣлости, дала возможность Землѣ явиться во всей цѣлости. Въ ней и съ ней явилось истинное пониманіе Земли и Государства между собою; т. е. внѣшняя правда—Государству, внутренняя правда — Землѣ; неограниченная власть—Царю, полная свобода жизни и духа—народу; свобода дѣйствія и закона—Царю, свобода мнѣнія и слова — народу,—и первый Царь созвалъ въ ней Земскій Соборъ.

Мы сочли нужнымъ сказать это краткое сжатое предисловіе, чтобы объяснить значеніе Россіи, значеніе ея гражданского устройства, взаимныя отношенія Земли и Государства, и указать на настоящій смыслъ Земскихъ Соборовъ. — Теперь приступаемъ къ краткому историческому очерку Земскихъ Соборовъ или Земскихъ Думъ, какъ они называются...

Право духовной свободы, другими словами, свобода мысли и слова, есть неотъемлемое право Земли: только при немъ—никакихъ правъ политическихъ она не хочетъ, предоставляя Государству неограниченную власть политическую. Сила нравственная, эта свобода мысли и слова, есть элементъ, въ которомъ живетъ и движется Земля, при которомъ только она отказывается отъ всякой политической власти.—Но, кромѣ постоянного бытія въ свободѣ нравственной, Государство созываетъ Землю на совѣтъ въ

тѣхъ случаяхъ, когда находить это нужнымъ. Тогда, по призыву Государя, отъ всѣхъ сословій, со всѣхъ концовъ Россіи собираются выборные люди, и этотъ соборъ выборныхъ людей отъ всей Россіи называется Земскимъ Соборомъ или Земскою Думою.

На этихъ Соборахъ присутствуютъ не только Земскіе люди, но и духовенство, необходимое для полноты Земли Русской, и люди служилые. Но такъ какъ на этихъ Соборахъ преобладаетъ лишь чисто Земское начало, начало мнѣнія, совѣта, начало, чисто Земское, то вся Россія является здѣсь существовою своею стороною, стороною нравственною, стороною Земли, и весь Соборъ именуется отъ этого Земскимъ. Какъ явился первый Царь и вся Земля, и поняты были отношенія Земли и Государства, отношенія дружественныя, то есть союзъ свободы власти и свободы мнѣнія, то власть и мнѣніе сейчасъ явились вмѣстѣ въ дружественномъ союзѣ. Первый Царь созвалъ Земскій Соборъ.

II.

Въ обществѣ человѣческомъ предполагается единство, основанное на свободномъ согласіи. Элементъ грубой силы, внѣшняго принужденія, не справляющагося ни съ мнѣніемъ, ни съ убѣжденіемъ,—недостоемъ общества человѣческаго (въ строгомъ смыслѣ этого слова). Для достиженія единства въ дѣйствіяхъ, у человѣческаго общества одно средство—*совѣщаніе*, гдѣ разнородныя убѣжденія приходятъ въ согласную мысль, и оттуда въ согласное дѣло.

Въ самыхъ первыхъ временахъ, въ Славянскихъ народахъ мы встрѣчаемъ человѣческое общество, *миръ*, и необходимое проявленіе его существованія—*совѣщаніе*, носившее въ древности наименование *Вича*. Народъ, живущій подъ такими условіями, имѣетъ на языкѣ Русскомъ особое наименование—*Земли*. Этимъ словомъ обозначается общественно-человѣческое начало. Дѣло Земское есть дѣло народное, то есть, общественно-человѣческое. Такой бытъ народный не есть бытъ общественный въ тѣсномъ значеніи этого слова, какъ напримѣръ бытъ родовой: напротивъ, этотъ бытъ—бытъ общинный—есть уже дѣло чисто человѣческаго духа, и потому составляетъ заслугу у тѣхъ народовъ, гдѣ онъ встрѣчается. Славянскіе народы, жившіе съ незапамятныхъ временъ подъ условіями общественно-человѣческаго, или Земскаго быта, являются, тѣмъ самымъ, уже на высокой степени человѣческаго преуспѣнія, хотя, конечно, это высокое начало могло носить, болѣе или менѣе, отпечатокъ грубости извѣстнаго времени.

Являясь подъ условіями этого быта, Славянское племя является племенемъ не государственнымъ, не ищущимъ внѣшняго, принудительнаго *устройства*. Самое яркое тому доказательство—это то, что *совѣщаніе* Славянской общины требовало единогласія для рѣшенія дѣла, какъ единаго истиннаго пути для рѣшенія. Когда яв-

лется одно общее мнѣніе, тогда только является дѣйствіе общины; гдѣ община раздѣлена между собою въ вопросѣ по одному общему дѣлу, тамъ уже нѣтъ общины, ибо нѣтъ одной общей воли.—Есть другой путь, принятый нынѣмъ началомъ, началомъ вѣшной правды, или началомъ Государственнымъ, началомъ звидущимся, какъ сила вѣшняя, на принужденіи. Этотъ путь — есть путь большинства и меньшинства. По этому началу, тѣ, которыхъ больше,—правы. Но здѣсь является вѣшнее насиліе, побѣждаетъ множество, основываясь на счетѣ, и принудительно налагаетъ свое мнѣніе на меньшинство. Большинство есть та же, только очищенная, грубая сила. Такого рѣшенія не могла допустить правда внутренняя, не могла допустить свобода общины. Единогласіе осталось характеристическою чертою Славянскаго племени вообще и теперешнихъ сходовъ нашего крестьянства.—Мы согласны, что съ точки зрѣнія государственности, строго развитой, начало единогласія является не практическимъ; но точно также, какъ и любовь братская, самопожертвованіе, всякая добродѣтель и вообще вся нравственная сторона человѣка, является не практическою.

Государство стремится къ вѣшной правдѣ, и потому первое, что создаетъ оно,—это *форма*, регламентъ, извнѣ налагаемые на человѣка. Стремясь къ вѣшной правдѣ, оно стремится облегчить человѣку задачу и трудъ—быть внутренно правдивымъ, или лучше: оно стремится сдѣлать не нужною правду внутреннюю. Установляя, на примѣръ, векселя, оно ставитъ человѣка въ положеніе непримѣнно заплатить свой долгъ, хотя бы человѣкъ этотъ не былъ на столько нравственъ, чтобъ это сдѣлать. Съ другой стороны, займодавецъ безнравственный, получившій деньги съ должника, но неотдавшій ему векселя, найдетъ защиту въ Государствѣ, чтобы въ другой разъ получить однажды уже полученную имъ сумму: ибо для Государства важно лишь вѣшнее обязательство, лишь форма, а до нравственности человѣческой и внутренней правды—ему дѣла нѣтъ. Повяпно, что вѣшность не обхватитъ внутреннего міра, и Государство можетъ только истощаться во множествѣ вѣшнихъ законовъ и вѣшнихъ огражденій. Обезпечивая такимъ образомъ правду вѣшную, Государство ослабляетъ правду внутреннюю, и даже пзъ людей честныхъ дѣлаетъ бездушныхъ, слѣдовательно безнравственныхъ, формалистовъ. Государство, какъ

бы говорятъ: я такъ устрою ви́шнюю правду моими институ-
тами, учрежденіями, что не нужно будетъ правды внутренней,
что люди будутъ честны, не имѣя надобности быть такими на
самомъ дѣлѣ. Я такъ все устрою, что не будетъ надобности
быть нравственнымъ.—Но торжество такого начала государствен-
наго—есть полнѣйшее уничтоженіе нравственнаго начала въ че-
ловѣкѣ; по торжество ви́шней правды есть гибель правды вну-
тренней, единой истинной, свободной правды.

Славяне жили, какъ сказано, подъ условіями быта общиннаго,
Земскаго, подъ условіями правды внутренней; отсюда отсутствіе
формъ и регламента въ ихъ общественномъ бытѣ, отсюда едино-
гласіе, какъ необходимое средство ихъ общинныхъ рѣшеній. Такъ
жили и Славяне, населявшіе Россію, а въ числѣ ихъ Славяне
Новгородскіе, называвшіеся своимъ именемъ: Славяне.

Но удержать единственно этотъ высокой строй было трудно.
Съ одной стороны вопиющіе народы не давали покоя, съ дру-
гой стороны мѣшало несовершенство человѣческой природы, для
котораго всего тяжеле даръ свободы, свободы истинной, полной.
Живя жизнью общины, Славяне вынуждены были постановить у
себя Государство. — Государство возникло во всѣхъ племенахъ
Славянскихъ. Для насъ въ особенности занимательно, какъ воз-
никло оно въ Россіи. Оно возникло въ ней сознательно, и въ
Россіи, при этомъ дѣлѣ, выразилось всего яснѣе и строже, чѣмъ
гдѣ-нибудь, обще-Славянское Земское начало.

Признавая Государство, какъ необходимое неизбежное зло,
смотря на него лишь какъ на постороннее средство, а не цѣль,
не идеалъ своего народнаго бытія, Славяне (въ Россіи) не обра-
тили сами себя въ Государство, не изъ себя выстроили его устрой-
ство, а призвали Государство изъ-за моря, со стороны, изъ чуж-
бины, какъ явленіе чуждое. Призвавъ Государство, они, Славяне,
поставили его рядомъ съ народною или Земскою жизнью, сохра-
нили свое совѣщаніе, свое Вѣче. Государство призвано было всего
болѣе для военнаго дѣла, уже по природѣ своей дѣла чисто гру-
бой силы, которому такъ соотвѣтствовала вопиющіесть призыва-
емыхъ Варяговъ, дѣла, называвшагося впослѣдствіи преимуществен-
но дѣломъ Государевымъ. Но въ то же время Государству былъ
данъ еще и судъ (ви́шній), носившій въ первыя времена, во
время Русской Правды и можно сказать до Татаръ, свѣжій, чисто

Славянскій, общинный отънокъ: при отсутствіи смертной казни и тѣлеснаго наказанія.

Такимъ образомъ въ Россіи явились два дѣла: дѣло Земское и дѣло Государево. Эти два дѣла, разныя по существу, не смѣшивались между собою, и потому-то самому, можетъ быть, они велись согласно и дружно. Государство было пужно Землѣ, по Государствомъ быть Земля не хотѣла: тогда она измѣнила бы высокому существу своему, своей высшей свободѣ, своей человѣческой задачѣ. Государство же и призвано было для Земли, слѣдовательно охраняло Землю, но не переходило своихъ предѣловъ. Земля не вступала въ предѣлы Государства; Государство не вступало въ предѣлы Земли, и эти два начала—Земля и Государство—при системѣ взаимнаго невмѣшательства, или лучше непосягательства, жили дружно, и Государство было полезно для Земли. Государство представляетъ для Земли двѣ опасности: или оно можетъ перейти предѣлы, вторгнуться въ область Земли, поработить ее; — или Земля можетъ соблазниться государственностью, виѣшнимъ государственнымъ удобствомъ, призракомъ свободы государственной (принудительной, ибо свобода становится здѣсь правительствомъ), можетъ вступить въ его область, облечься въ государственныя формы, и такимъ образомъ измѣнить своей высокой, нравственной природѣ, своей Земской, истинной, свободной свободѣ, своей внутренней правдѣ,—и глубоко всказаться и потерять свое Земское начало.—Вторая бѣда хуже первой: изъподъ виѣшняго посторонняго гнета можно выбиться; но собственное паденіе и испорченность, по самопорабощенію добровольно, внутреннее, въ духѣ самомъ, началу виѣшнему, началу неволи, едва ли — по крайпей мѣрѣ съ чрезвычайнымъ трудомъ, съ глубокимъ внутреннимъ нравственнымъ переворотомъ—можетъ исцѣлиться; это тѣмъ труднѣе, что Земля обольщается блестящимъ призракомъ свободы государственной, и, надѣвъ вѣнецъ и багряницу, забываетъ, что это все тотъ же вѣнецъ и та же багряница,—а въ нихъ-то все и дѣло. Когда народъ—Государь, то гдѣ же народъ? (1)

Ни той, ни другой бѣды не случилось съ Славянами, призва-

(1) Съ боку, на поляхъ, рукою автора написано: начало свободы—Земля; начало неволи—Государство. *Прим. авд.*

шими Государство изъ-за моря, изъ чужбины. Земля строго оставалась въ своихъ Земскихъ предѣлахъ, не желая *государствовати*. Государство съ своей стороны не переходило своихъ предѣловъ и не врывалось въ область Земскую. Земля такъ и осталась вѣрно своему Земскому началу и довѣрчиво заключенному союзу съ призваннымъ Государствомъ; но Государство нарушило эти отношенія. . . . . Когда и какъ это случилось — объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто; но, если будетъ можно, то мы надѣемся поговорить объ этомъ впоследствии.

Сѣверные Славяне, призвавшіе Рюрика съ братьями, *призвали съ его лицъ Государство къ Земль*, — и Русская исторія началась. Мало по малу въ тѣ же отношенія къ Государству стали и всѣ племена Славянскія, населяющія Россію. — Народъ, при князьяхъ Рюриковичахъ, вездѣ сохранилъ свое Вѣче, свой свободный, громкій голосъ. Но Вѣче однако, какъ было сказано, совѣщаніе. — чисто нравственное и свободное по существу своему, — носило въ то же время отпечатокъ грубой силы, нисколько не узаконенной, но являющейся случайно. Вѣче не рѣдко оканчивалось, въ Новгородѣ особенно, боемъ. Исторіи предлежало очистить высокое начало народнаго совѣта отъ примѣсп грубой силы и возвести его къ единому достойному выраженію своему — къ слову. Когда Россія представляла множество княжествъ, соединяемыхъ съ одной стороны, народной, — общею Земскою связью, а съ другой, государственной, — единствомъ Рюриковского дома, сокупиавшимъ въ одно цѣлое множество князей-Рюриковичей, тогда происходили частыя столкновенія между князьями, спорившими о княжествахъ и, позднѣе, стремившихся къ усилению, каждый, собственнаго княжества. Эти княжества не представляли ни феодалной системы, съ королемъ во главѣ, ни федеративнаго союза: при чемъ была бы признана независимая самостоятельность княжествъ, какъ отдѣльныхъ государствъ, лишь вступившихъ въ союзъ другъ съ другомъ. Нѣтъ, это было другое. Это были призраки Государствъ, носившіеся надъ Русскою Землею. Государственность была лишь намѣчена, такъ сказать. На единой Русской Землѣ были построены на живую руку государственныя перегородки (какъ мы нѣкогда выразились), много мѣшавшія цѣль-

ной жизни народа и въ то же время благопріятствовавшія мѣстному соперничеству и даже и враждебности самыхъ племенъ и населеній. Съ другой стороны, это возбуждало безпрестанныя междоусобныя войны; хотя Земля была совершенно равнодушна къ правамъ князей на княжества и къ ихъ спорамъ о старшинствѣ, но иногда она увлекалась личностію того или другаго князя, и принимала дѣятельное участіе въ междоусобіи, а иногда и сама заводила внутреннія распри, и тогда князья являлись у нея предводителями. Понятно, что это бранное междоусобное время мѣшало полному соотвѣтственному выраженію Земскаго начала. Но когда Москва, опираясь на сочувствіе Земли, переломала внутреннія государственныя перегородки и уничтожила уособицы, когда единое Государство стало рядомъ съ единою Землею и внутренняя брань прекратилась, тогда Земское начало, вмѣсто многочисленныхъ вѣчь, выразилось въ единой Земской Думѣ или Земскомъ Соговорѣ, состоявшемъ изъ выборныхъ отъ всякихъ людей со всѣхъ концовъ Россіи.

Въ ту минуту, какъ Государство состроилось въ одно цѣльное зданіе и почувствовало свою цѣльность и единство, когда, разставшись съ воспоминаніями отдѣльныхъ княжествъ, оно приняло,—какъ свидѣтельство своего новаго цѣльнаго существованія, какъ торжественное проявленіе новой эпохи,—новое наименованіе Царства,—тогда оно немедленно обратилось къ Землѣ, единой, цѣльной, и призвало ее на совѣтъ. Первый Русскій Царь, Іоаннъ IV, едва вѣнчался на Царство, какъ созвалъ выборныхъ изъ городовъ съ разныхъ сторонъ Россіи, въ Москву, на Красную Площадь. Одно это собраніе выборныхъ съ разныхъ концовъ Россіи показываетъ уже новую эпоху, показываетъ уже въ Россіи цѣльность и единство Земское, цѣльность и единство Государственное. Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Земля призвала Государство: первоначально это были отдѣльныя области и отдѣльные князья: теперь всѣ эти области слились въ одно, точно также, какъ и отдѣльныя властвованія слились въ одну власть; теперь въ Москвѣ встрѣчаются другъ съ другомъ на Соговорѣ единая Русская Земля и единое Русское Государство. Но прежній союзъ не былъ нарушенъ, и Земля и Государство, въ новомъ своемъ видѣ, оставались въ своихъ предѣлахъ и не смѣшивались другъ съ другомъ.

Съ этой-то замѣчательной минуты начинается рядъ Земскихъ Соборовъ.

Земскій Соборъ имѣетъ уже чисто Земскій, чисто нравственный, человѣческій характеръ. Здѣсь мнѣніе имѣетъ одно, достойное себя, проявленіе — *слово*. Ничего принудительнаго, никакого насильственнаго элемента онъ въ себѣ не заключаетъ; въ противномъ случаѣ это было бы или случайнымъ проявленіемъ грубой силы, или, если законнымъ явленіемъ, то уже государственнымъ, а не Земскимъ. Земскій Соборъ есть мнѣніе Земли, есть Дума Земли, Дума, которая въ подпору себѣ ничего не имѣетъ, кромѣ себя самой, кромѣ свободнаго слова, въ которомъ она выражается. Свободное слово — единая, вполнѣ человѣческая сила мысли. Земскій Соборъ и называется иногда Земская Дума; но такъ какъ первое названіе встрѣчается чаще, то мы его и удерживаемъ.

На Земскомъ Соборѣ, вмѣстѣ съ духовенствомъ и Земскими людьми, являются и служилые люди, но здѣсь они являются съ первымъ основнымъ, главнымъ значеніемъ человѣческимъ, какъ люди Земскіе, подающіе свое мнѣніе, совѣщающіеся на совѣтѣ всей Земли, а потому и весь Соборъ называется уже Земскимъ, существеннымъ именемъ человѣческаго дѣла.

И такъ, съ самаго начала Русскаго Царства, съ той замѣчательной эпохи, когда только что въпчанный первый Русскій Царь созвалъ на Красную Площадь выборныхъ отъ всей Земли Русской, — начинается рядъ Земскихъ Соборовъ, краткій историческій очеркъ которыхъ мы намѣрены представить нашимъ читателямъ. (1)

---

(1) Нашъ краткій очеркъ есть первый слабый и недостаточный опытъ историческаго разсказа о Земскихъ Соборахъ которые до настоящихъ годовъ мало обращали на себя вниманіе Русскихъ ученыхъ, между тѣмъ какъ эти Земскіе Соборы (достояніе древней до-Петровской Руси) есть *существеннѣйшее* явленіе Русской народной жизни, есть выраженіе нашего кореннаго народнаго начала..... Если наши вслѣдователи Русской исторіи сообщать намъ новыя свѣденія о Земскихъ Соборахъ, то мы будемъ искренно имъ благодарны.

Еще во времена княжествъ, во времена усобицъ, видимъ мы опыты, такъ сказать, Земскаго Собора.

Вслѣдствіе существеннаго элемента Славянскаго племени, элемента общиннаго,—совѣщаніе, совѣтъ, дума проникаетъ (мы видимъ это съ древнѣйшихъ временъ) всю жизнь Русскую; всюду, гдѣ Русскіе люди, тамъ вы встрѣчаете общее совѣщаніе. Къ этому элементу безпрестанно обращается и Государство, котораго прямая обязанность (по понятіямъ древней Руси, другими словами по Русскому народному воззрѣнію) — охранять земское начало и неотъемлемую его принадлежность — свободное совѣщаніе. Мы видимъ, что въ ту эпоху, когда множество князей, хотя соединенныхъ единствомъ происхожденія, раздѣляли однако между собою, враждуя, и Русскую Землю, хотя единую единствомъ земскимъ,—придумали они еще другой способъ, чтобъ найти между собою единство, чтобы составить одно цѣльное явленіе. Князья стали съѣзжаться и совѣщаться между собою. Такой съѣздъ князей дѣлалъ точно извѣстную цѣльность разрозненной государственности тѣхъ временъ: являлся совѣтъ князей. Но такой совѣтъ, (въ которомъ проявлялся уже и общинный элементъ), во главѣ правительства, совѣтъ между равными государями, да еще связанными между собою единствомъ управляемой страны, возможностью, притязаніемъ или правомъ занять мѣсто одинъ другаго,—такой совѣтъ—дѣло трудное, и, какъ ни хорошо, казалось, придумалъ Владиміръ Мономахъ съ князьями, мысль его не долго прилагалась къ дѣлу и съѣзды княжіе прекратились. Но какъ бы то ни было, именно въ эпоху этихъ съѣздовъ, именно въ ту минуту, когда Государство представляло, хотя шаткую, невѣрную, нетвердую, но кажущуюся цѣльность, явилась мысль о Земскомъ Соборѣ или о чемъ-то ему подобномъ. Въ 1091 году Святополкъ и Владиміръ Мономахъ послали къ Олегу, такъ говоря: «пойди къ Киеву, да порядъ положи о Русьскій Землѣ, предъ епископы и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскимъ, да быхомъ оборонили Русьскую Землю отъ поганыхъ.» Олегъ гордо отвѣчалъ: «пѣсть мене льпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ. (П. С. Р. Л. Т. I, стр. 98).

Но, какъ было сказано, съѣзды не удалсь, и опять видимъ мы князей и вѣча въ княжествахъ. Позднѣе, когда начала собираться во едино Русская Земля, когда государственныя пере-

городаи падали, отъ сильной руки Москвы, поднявшей знамя всей земли Русской и виѣсть единого Русскаго Государства, — тогда умоляютъ постепенно вѣча въ городахъ, — и нѣтъ еще много выраженія земскаго голоса, нѣтъ еще Земскаго Собора. Но это была эпоха переходная, и какъ скоро Москва совершила свою великую задачу, какъ скоро Земля собралась, какъ скоро Государство сплотилось, такъ немедленно, обновленное *единое* Государство зоветъ обновленную *всю* Землю на совѣтъ, и — являются Земскіе Соборы.

II.

ЧАСТНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

**О ДРЕВНИХЪ ВѢРОВАНІЯХЪ, ПРЕДАНІЯХЪ,
ОБЫЧАЯХЪ И О БОГАТЫРСКОМЪ ЦИКЛѢ РУССКАГО
НАРОДА.**

О ДРЕВНЕМЪ БЫТІИ

СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ И РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ, НА ОСНОВАНИИ
ОБЫЧАЕВЪ, ПРЕДАНІЙ, ПОВѢРІЙ И ПѢСЕНЪ. (1)

I.

Язычество.

Первое, что составляетъ особенность народа, что даетъ ему оцѣнку нравственную, это его древнія религіозныя вѣрованія. — Хотя они сами по себѣ предметъ такой важности, который заслуживаетъ цѣлаго отдѣльнаго сочиненія, но мы должны коснуться оного, хотя не съ такою подробностью, какъ въ отдѣльномъ, ему посвященномъ сочиненіи. — Съ него должны мы начать статью свою.

На основаніи всѣхъ историческихъ извѣстій и теперь сохранившихся памятниковъ древности, мы видимъ, что языческія вѣрованія не были одинаковы у Славянъ. — У Славянъ Западныхъ видимъ мы опредѣленныхъ боговъ, богослуженіе, жрецовъ, и идолы и храмы; слѣдовательно (*видимъ*) язычество, являющееся опредѣленнымъ, яснымъ и даже грубымъ идолопоклонствомъ, быть можетъ подъ вліяніемъ чуждыхъ народовъ, съ которыми они были въ сопрیکосновеніи. Таковы были прибалтійскіе Славяне и проч. Но у Русскихъ Славянъ мы ничего подобнаго не видимъ; не видимъ положительно ни жрецовъ, ни храмовъ, не видимъ ни

(1) Черновая первоначальная рукопись, къ сожалѣнію, неоконченная; написана вѣроятно, въ 1851 году. Въ концѣ рукописи находится описаніе свадебныхъ обрядовъ у Лужичанъ, извлеченное авторомъ изъ извѣстной книги Лужицкаго ученаго, Смоляра. Мы сочли не лишнимъ помѣстить и это извлеченіе, какъ интересное и само по себѣ и по замѣткамъ автора. *Пр. изд.*

идоловъ, ни даже боговъ. — Правда, Несторъ упоминаетъ о богахъ и кумирахъ; но слова его объясняются какъ нельзя яснѣе. Онъ упоминаетъ о Перунѣ, стоявшемъ на холмѣ въ Кіевѣ — при Игорѣ; слѣдовательно въ то время, когда еще Русь не слыхала съ Славянами, когда Древляне говорили: се князя убихомъ Русскаго, очевидно себя Русскими не называя; когда и самъ Несторъ говоритъ: Поляне, яже нынѣ зовома Русь. — Какъ же упоминается о Перунѣ? О Перунѣ упоминаетъ Несторъ, говоря, что князь и поганая языческая Русь клялись передъ Перуномъ, что христіанская Русь присягала въ церкви Св. Ильи, ибо, прибавляетъ онъ: многіе Варяги были христіане. Здѣсь очевидно подъ именемъ Руси разумѣетъ Несторъ не народъ Кіевскій, но дружину князя, и выраженіе Русь, то сблизится съ народомъ, то отдаляется. Несторъ повторяетъ пѣсколько разъ, что народъ — Славяне и что теперь только они (*Славяне*) зовутся Русью. И такъ, покланялись Перуну князь и дружина его; идолопоклонство это — было вѣра князя и дружины, перенесенная ими изъ странъ Поморскихъ, вѣроятно отъ тамошнихъ Славянъ. Въ доказательство, что это не была вѣра народа, можемъ привести и то, что, кромѣ Кіева, мы не знаемъ о кумирахъ; въ Новгородѣ, оставленномъ князьями, ихъ кумировъ очевидно не было, пока Владиміръ, движимый языческою ревностію (изъ чего, какъ глубоко замѣтилъ Ломоносовъ, уже можно было видѣть, какъ изъ рвенія къ идолопоклонству — Владиміръ придетъ къ христіанству), не послалъ поставить кумира въ городъ, гдѣ онъ сидѣлъ княземъ. — Позднѣе это обозначается явственнѣе. Владиміръ, воротясь изъ-за моря, обповѣляетъ идолъ Перуна и ставитъ другіе идолы, которыхъ Несторъ именуетъ: Хорсъ и проч.: все это заморскіе гости. Тутъ же посылаетъ онъ и Добрыню ставить кумиры въ Новгородѣ. (1) Здѣсь только видимъ, что идолопоклонство князя и дружины начинаетъ простираться и въ народъ, но оно не долго продолжалось; скоро свѣтъ христіанскій озарилъ Русскую землю, Русской народъ, скоро Владиміръ (*принялъ крещеніе*). Народъ легко от-

(1) Съ боку на поляхъ рукою автора написано слѣдующее: „Говорится (*въ летописи*): „и криху ему людіе Новгородскіи“; очевидно что прежде не было ни кумира, ни поклоненія ему, да и самое скорое принятіе кумира показываетъ, что ихъ не было прежде, что некого было имъ вытѣснить. Въ Кіевѣ видимъ то же.“ *Пр. изд.*

далъ принятыя имъ кумиры, и также легко принялъ христіанство, — но послѣ оно глубоко проникло его душу и стало необходимымъ условіемъ всего его существованія. Христіанствъ и Русской стали однимъ словомъ. Русь, какъ земля христіанская, именуется святою, и вся послѣдующая исторія показала, что ни соблазны, ни насилія не могутъ лишить насъ духовнаго блага вѣры.—Отдавая на терзаніе свое тѣло, Русской не отдавалъ души, и терпѣливый во всемъ, онъ не переносилъ оскорбленія вѣрѣ; исторія казаковъ, исторія Польскаго нашествія показываютъ намъ это, являютъ намъ этотъ спасающійся на землѣ народъ, падающій какъ грѣшникъ-человѣкъ, но не слабѣющій въ вѣрѣ, не отрывающійся, всегда кающійся и возстающій покаяніемъ. Поляки изумлялись, смотря на это во время междуцарствія; ихъ католическая вѣра была власть политическая, завоевательная, была дѣло государственное, и по этому дѣло совсѣмъ другое. Приходя въ частыя сопряженія съ Русскимъ народомъ по вопросамъ государственнымъ, Поляки съ изумленіемъ говорятъ: страшный народъ: онъ толкуетъ не о политическихъ условіяхъ, а о вѣрѣ. Но мы, Русскіе, этому не удивимся, а съ благоговѣніемъ слышимъ это.

Когда вспоминаешь, какъ крестился Русской народъ, невольно умиляешься душою. Русской народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и христіанство озарило всю его младенческую душу.—Въ его душѣ не было воспоминаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной лжи.

Мы отделились нѣсколько отъ предмета нашей статьи, но трудно было не отдалиться.

Чему же вѣрилъ Русской народъ до христіанства?

Онъ не имѣлъ идоловъ, но онъ не имѣлъ и боговъ; всѣ эти семь боговъ встрѣчаются только у Нестора и изъ разсказа его видно, кѣмъ и какъ они вводились; изъ разсказа же его видно, что это не были боги народа. Вспомнимъ, что онъ говоритъ о язычествѣ племенъ Славянскихъ до Рюрика, но тутъ не говоритъ онъ ни объ идолахъ, ни о богахъ даже; онъ говоритъ о обычаяхъ, объ прищахъ, на которыя сходился, объ умычкѣ невѣсть, и только. Эти обычаи и теперь еще соблюдаются, потерявшіе мгновенно свой языческій смыслъ и обратившіеся частію въ суевѣрія народныя, и большею частію сохранившіе только одну сто-

рону и грѣхъ и вообще общественной жизни. — Въ подтвержденіе Нестору можетъ служить Уставъ Св. Владимира, гдѣ говорится объ обрядахъ, но не упоминаются не только идолы, но ни одинъ богъ; а это бы, конечно, было, если бы въ народѣ былъ богъ. Позднѣе укоры духовенства устремлялись на идола, между прочимъ на качалъ; правда, встрѣчаются въ позднѣйшихъ духовныхъ сочиненіяхъ имена боговъ языческихъ, но вспомнимъ, что тутъ же упоминаются и Юнона и Марсъ и Афродита, а имъ, конечно, не вѣрилъ народъ. Въ нашихъ пѣсняхъ и обрядахъ нѣтъ имени ни одного бога, ни малѣйшаго о томъ свидѣтельства.

И такъ, опять: чему же вѣрилъ Русской народъ до христіанства?

Его вѣра была не опредѣленна и не ясна, какъ и должна быть у того, кто еще не озаренъ истиной, но кому недоступна, для кого невозможна ложь, по крайней мѣрѣ ложь утвержденная, опредѣленная, давшая себѣ образъ и самостоятельность. — Русской народъ, конечно, признавалъ невидимаго высшаго Бога, не опредѣляя его и не зная; съ другой стороны, лицомъ къ лицу съ жизнію земною, съ ея таинствами природы и человѣческой судьбы, онъ слышалъ эти таинства, и вѣра его была постоянное признаніе этихъ таинствъ, постоянное освященіе жизни, въ ея разныхъ великихъ проявленіяхъ, постоянное возведеніе случайной преходящей минуты къ чему-то высшему. Отсюда эти игрища, на которыхъ торжествовался бракъ, отсюда тризны, отсюда и гаданья. Ни жрецовъ, ни богослуженія не было, но были таинственные обряды, и дѣва въ глазахъ Русскаго Славянина была чистое и высшее существо, что показываетъ самое ея имя (1); можно достовѣрно предположить, что дѣвы по этому самому были гадательницы, и совершали гаданья (предсказанья); для этого стоить припомнить дѣвъ . . . . . (2) пѣсню: «гадай, гадай, дѣвица», наконецъ наши подблюдныя пѣсни. Славянской Русской народъ лелѣлъ дѣву. Это ясно падѣмся увидать изъ разсмотрѣнія нашихъ пѣсенъ и обрядовъ, что до сихъ поръ такъ живо при народныхъ свадьбахъ. — Вѣра въ таинства природы, во всемъ видя высшій смыслъ, Славянинъ вѣрилъ въ духовъ; но еще сильнѣе и общѣе, еще чище вѣрилъ онъ въ освященіе всякого со-

(1) Съ боку рукою автора написано: „Священное значеніе дѣвы: дѣва—diva.“ *Пр. изд.*

(2) Одно слово перизобрано. *Пр. изд.*

бытія. Такъ масляницу, семигъ и другія празднества, онъ возводилъ въ существа фантастическія, выражая тѣмъ общій смыслъ ихъ; это не былъ опредѣленный антропоморфизмъ, это было скорѣе поэтическое олицетвореніе смысла вещи: существа эти не жили гдѣ-то постоянно, не были; это были скорѣе видѣнія, подымавшіяся и пчезавшія, но присутствіе ихъ и возможность явленія слышались постоянно, ибо постоянно признавался общій смыслъ вещи; таковы: коляда и семпкъ, вовсе не божества; таковы послѣ христіанства: пятица, воскресенье (1) и проч.

И такъ, язычество Русскаго Славянина было самое чистое язычество, было, какъ сказали мы, при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій. Слѣдовательно вѣрованіе темное, не ясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины.

А другіе Славяне? Конечно, это было и у другихъ Славянскихъ племенъ, но или отъ сосѣдства съ народами Западными грубыми, или отъ разныхъ столкновеній, событій исторіи, они не сохранили своей первой, чисто-языческой вѣры, вдались въ многобожіе и идолопоклонство. Впрочемъ, надо и то сказать, что у каждаго племени свой подвигъ и своя заслуга. Обратимся къ Славянамъ Русскимъ.

При своихъ вѣрованіяхъ, Славяне Русскіе образовали жизнь свою; они поняли значеніе общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости, и (*и.м.т.и*) многія общественныя и личныя добродѣтели.—Ихъ игра: хороводъ, кругъ—образъ братской общины. Такъ жили они въ чаяніи христіанства.

Наконецъ явился безсмертный свѣтъ Вѣры Христовой,—и язычникъ, удержавшійся отъ идолопоклонства, не загромоздившій понятіе свое опредѣленіями жи, въ награду легко и свободно принялъ христіанство и крестился, какъ младенецъ. Въ его душѣ не было ни кумировъ, ни боговъ или языческихъ воспоминаній, не было опредѣленной, огрубѣлой жи. Но отпыиѣ, узнавъ истиннаго Бога, онъ глубоко и навсегда наполнился истиной учения Спасителя. Совершился чаяніи кроткаго и не ясно вѣровавшаго

(1) Съ боку руковъ автора приписано: „Встрѣча весны, Жило, поклоненіе роду и роженцѣ.“

язычника. На добрую почву упало святое сѣмя и возрасло во благо; на землѣ между народами явилась Святая Русь.

Исторія показываетъ, какой свѣтъ пропикъ всю жизнь и существо Русскаго народа съ принятія христіанства, и какъ вѣра христіанская стала его неотъемлемымъ благомъ души, его силою и сущ(ностью?) Съ другой стороны понятно, что слабость языческаго значенія дала возможность удержаться прежнимъ обрядамъ, въ которыхъ христіанинъ не видалъ ни боговъ, ни языческой вѣры, въ которыхъ наиболѣе высказывались общинныя веселія, общинная жизнь; а если и было легкое языческое значеніе, оно пачезло, какъ тѣнь, съ принятіемъ христіанства, и осталось только значеніе игръ и общности. Иначе смотрѣло прежде духовенство; знавшее язычество по преданію другихъ языческихъ народовъ, оно думало и здѣсь его видѣть, и возставало противъ этихъ игръ, даже противъ качелей; но оно ошибалось, и теперь, слава Богу, противъ этого оно не возстаетъ.

Вотъ, кажется намъ, какъ надобно смотрѣть на Русское язычество. Теперь мы намѣрены обратиться къ подробному изслѣдованію обрядовъ, пѣсень и проч., и, на основаніи ихъ, народнаго быта.

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА ПО ЕГО ОБЫЧАЯМЪ, ПОВѢРЬЯМЪ И ПѢСНЯМЪ.

Бракъ въ народѣ Русскомъ не былъ дѣломъ частнымъ, но дѣломъ общественнымъ. Вся община принимала въ немъ участіе; съ ея приговора, на ея глазахъ, совершался бракъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она стѣсняла браки; но какъ скоро бракъ затѣвался, то онъ уже былъ дѣломъ, въ которомъ принимала участіе цѣлая община, сонзволя на него и свидѣтельствуя о немъ. — Въ эту минуту женихъ и невеста, или новобрачные, были на первомъ планѣ и потому назывались княземъ и княгиней, община становилась около нихъ, какъ около князей, въ (такомъ же) порядкѣ, со всѣми степенями власти, какія окружали князя; здѣсь являлись дружки, тысяцкій, даже бояре и потомъ дворяне; поѣздъ бывалъ многочисленъ и часто имѣлъ величественный видъ,

какъ прилично князю. — Воображаемый князь, для большей ответственности своему званію, прїѣзжалъ какъ бы изъ далекой земли; прїѣздъ его съ пышнымъ поѣздомъ принималъ характеръ требованія; отсюда понятно (*выраженіе*): «быть роду да положенному, всему роду покоренному.»—Князь встрѣчалъ препятствія. Минута, страшная для дѣвушки, отдалялась такимъ образомъ отъ нея. При значеніи семьи, какъ общины, кромѣ согласія отца и матери, требовалось еще согласіе братьевъ, членовъ семьи; требование этого согласія и составляло препятствія, замедляющія бракъ.—Кнутъ или плетка, игравшая роль на свадьбахъ, не имѣла значенія побоевъ или даже власти; она была необходимымъ атрибутомъ и знакомъ всадника, какимъ являлся князь и весь его поѣздъ (*конь отъ коня—верхъ*, конный, и отъ *верха-верхомъ*, верховой).

При глубокомъ уваженіи къ женщинѣ у Славянскихъ народовъ, дѣвушка была наиболее уважаемое, дѣемое существо. — Это было какое-то цѣлое привилегированное сословіе, не знавшее ни труда, ни заботы, знавшее лишь игры да пѣсни, лишь счастье молодости и красоты. Понятно, почему вступленіе въ бракъ, хотя бы онъ совершался при согласіи со стороны дѣвушки, казалось для дѣвушки такъ страшно. Въ бракѣ, въ который она вступала, начпалась для нея забота и трудъ, жизнь дѣйствительная съ хлопотами и нуждами. Понятно и прощаніе дѣвушки-невѣсты съ подругами, и подругъ съ нею. Она отстаетъ отъ ихъ веселаго общества, отъ ихъ полку; покидаетъ ихъ беззаботную жизнь. «Кто у насъ измѣнница.» поютъ онѣ, «кто измѣняетъ намъ; у насъ не было измѣнницы, прелестницы» и проч. — Коса есть безспорно первая красота женщины, и она такъ и поималась Славянами; коса была первою красотою дѣвушки, предметомъ первой ея заботы; она была на виду и составляла необходимую отличительную особенность дѣвического образа, ея право и знамя; «коса дѣвичья краса», говоритъ пословица. — При такомъ значеніи дѣвушки въ жизни Славянской, вспомнимъ еще тотъ важный и глубокий взглядъ, который былъ на бракъ у Славянъ; вспомнимъ древнія повѣствованія о цѣломудріи ихъ жень, наконецъ святое значеніе вѣры, освятившее бракъ, возвѣстившее его какъ таинство, и мы поймемъ, какъ должна была задумываться и плакать дѣвушка, какъ бы ни любила она своего жениха, приступая къ

такой великой мннутѣ, которая всей жизни ея дастъ другой видъ и съ которой начнется для нея трудъ и забота жизни. И точно бракъ носить у насъ названіе *суда Божьяго*. (Наше переобразованное общество утратило это названіе, какъ и все серьезное въ жизни. Бракъ у насъ дѣло легкое, забава, и наши женщины рѣзвятся больше дѣвушекъ). — Забавы, игры дѣвчьи, какъ и должно, оканчивались съ вступленіемъ въ бракъ; красота ея, манившая къ себѣ всѣхъ добрыхъ молодцевъ, теперь для одного существуетъ, избравшаго ее и избраннаго ею. — Понятно теперь, почему прощается дѣвушка съ красотой своею, олицетворяя ее поэтически и передавая подруженькамъ; понятно, почему прощается она и разстается съ косою своею, символомъ и лучшимъ проявленіемъ женской красоты, которая ужъ не будетъ густою длинною прядью падать съ ея головы или одѣвать ее всю покрываломъ, упадающимъ до пятъ, но ляжетъ на ея головѣ и покроется женскимъ уборомъ.

Основа Русской общины вполне истинна; личность признается въ ней въ своей свободѣ, но не въ произволѣ своемъ; она не терпитъ въ общинѣ лишь во лжи своей, въ эгонистическомъ своемъ бунтѣ; тогда она бываетъ исключается или сама себя исключаетъ изъ общины. Артель есть ростокъ, который пустила отъ себя община. До Петра система Руси истинна....

РАЗБРОСАННЫЯ ЗАМѢТКИ ВЪ ТОЙ ЖЕ РУКОПИСИ (1).

Ладѣ—супругъ и супруга. *Складъ*—свадебные подарки.

Складованье—бракъ.

Колѣда—сборъ дневной милостыни.

Семикъ—*сеймъ*, *сеймикъ*, *соймикъ*.

Объяснить хоровадь. Словопроизводство *Хоро-съ*, *Хорсъ*, *хоръ*,

---

(1) Мы помѣстили эти замѣтки потому, что онѣ объясняютъ также, не смотря на свою краткость, взглядъ и задачу автора. *Прим. изд.*

арь-арусь, парь-парусь, кокъ-кокусъ.

Почитаніе родильницы?

Чурь меня значить чрезъ меня, прочь меня, мимо меня, Чурь — чрезъ и черта, подобно какъ прочь.

Лель — лелѣть; вода лелѣть, люлька.

Коляда — коло-ѣда, — яда, коло-ида; дать коляду.

•Миръ вашему судѣнью, поди къ нашему смиренью.»

Братчины, складчины.

Привѣтствія пѣсколькимъ судящимъ вмѣстѣ; образованіе хоро-
водовъ.

Взять ли не взять по любви, — независимость дѣвушекъ.

Дешевпзна молодцевъ; дороговпзна дѣвушекъ.

Священное значеніе дѣвушки. Дѣвство выше замужства. Дѣва
— божественная. *Diva, divina.*

Самое то, что искали невѣсть издалека, едва ли показываетъ
родовой бытъ, при которомъ бы жеплились въ своемъ роду.

ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ ЛУЖИЦКИХЪ ПѢСЕНЪ (1).

Pjesnički hornych a dol'nych Lužickich Serbow.

Часть I, стр. 22. Воровство рѣдко; воруются лишь дѣсь и пло-
ды: Богъ возрастилъ для всѣхъ, и себѣ присвоивать не грѣхъ.

23. Вообще любятъ они общественное веселье. Веселость.

Ч. II. 203. *Wjasy jich je a ljerje slodži: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ*
вкуснѣе; чѣмъ больше народу ѣсть вмѣстѣ, тѣмъ вкуснѣе.

Wón ta zmiја: кто непонятно богатѣетъ — повѣрье, что огнен-
ный змѣй приприситъ богатство.

212. Построеніе деревни Русское.

Раздѣляются поля по своему свойству, и каждый имѣетъ часть
въ полѣ; владѣнія ихъ разбросаны, но это указываетъ на общин-
ный бытъ.

(1) Авторъ очевидно отмѣтилъ то, что поразило его сходствомъ съ Русскимъ на-
роднымъ возрѣніемъ и обычаемъ. *Прим. ижд.*

214. Устройство полевой работы общественное.

216. Отличіе, основанное на породѣ (Geburtsauszeichnung) невѣство Лужичанамъ.

217. Lehnsgutbesitzer — вптязь.

Общинное устройство.

Писанья лица.

Березки (Pfingstfest).

Въ свадебныхъ обрядахъ Лужичанъ много сходнаго съ Русскими. — Очевидны въ нихъ слабые остатки и намеки на обычаи, которые уже исчезли у нихъ, но сохранились сильнѣе у другихъ Славянъ и во всей силѣ у Русскихъ. Такъ, напримѣръ: невѣста не поетъ у нихъ грустныхъ пѣсень; но и у нихъ сидитъ она (собственно въ Нижней Лузаціи) съ покрытою головою, подперши ее руками; и у нихъ въ обычаѣ, чтобъ она была грустна. Вообще обрядныхъ свадебныхъ пѣсень очень мало; жизнь не становится у нихъ въ минуты свадьбы драматической поэзіей, какъ у насъ; но со всѣмъ тѣмъ нѣсколько этого есть и у нихъ. У нихъ есть дружка, товарищи, сваты, товаришки и свашки. — Дружка сватаетъ у нихъ первый (одинъ, но не всегда), первый приходитъ въ домъ отца и матери дѣвушки. Также заговариваетъ: нѣтъ ли у нихъ продажной телки, и пр. т. п. — Потомъ, если отвѣтъ благопріятель, онъ является съ женихомъ, и первыя посѣщенія называются *выглядь* (смотрины). Потомъ является сговоръ (слюбъ). Собираясь идти на сговоръ, женихъ прощается со всѣми; отъ его имени говоритъ дружка и проситъ всѣхъ присутствующихъ и всѣхъ сосѣдей, простить жениха во всемъ, въ чемъ былъ онъ виноватъ передъ ними; женихъ благодаритъ родителей, сестеръ, братьевъ и всѣхъ за любовь и доброту, и идетъ въ жилище невѣсты. Пришедши, дружка вновь дѣлаетъ предложеніе, послѣ пріятія котораго входитъ онъ со всѣми въ комнату; невѣсту приводятъ къ ся отцу, и дружка спрашиваетъ жениха и невѣсту: согласны ли они на помолвку. Когда они пзъявятъ согласіе, онъ обращается къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, роднымъ невѣстамъ, и всѣмъ присутствующимъ: согласны ли они съ этимъ желаніемъ (сдумали ли они)? Когда отвѣтъ утвердительный, онъ спрашиваетъ отца: довольно ли ему здѣсь присутствующихъ свѣдѣтелей и не нужно ли еще? Когда и это рѣшено, тогда дружка

соединяетъ руки жениха и невѣсты (*и говоритъ*): «и такъ, я соединяю васъ (сговариваю — помолвляю) открыто передъ этими собранными свидѣтелями во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.»—Послѣ еще, по слову дружки, поется стихъ къ Богу.

Замѣчательно, что невѣста послѣ сговора называется княжною. Въ день назначенной свадьбы собираются всѣ гости въ домъ отца и матери къ жениху. Дружка выводитъ жениха и начинаеть пѣсню къ Богу, потомъ спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ, и потомъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, говоритъ рѣчь, въ которой проситъ, чтобъ всѣ они простили жениха; потомъ, обращаясь къ жениху, онъ говоритъ, чтобъ онъ простился съ родителями, съ братьями и сестрами и со всѣми; просилъ бы простить ему всѣ свои необдуманности и благодарилъ бы ихъ за всю любовь; женихъ прощается, потомъ дружка поетъ пѣсню, въ которой проситъ благословенія Божія, и женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ.—Это прощанье очень любопытно.

Въ Нижней Лузаци дружка отъ имени жениха (иногда въ комнатѣ, иногда на дворѣ) прощается и проситъ прощенія и благословенія у родителей, братьевъ и сестеръ, у дядей и у тетокъ, у двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, у зятьевъ, и невѣстокъ, у крестныхъ родителей, потомъ у сосѣдей съ обѣихъ сторонъ, наконецъ у всей честной общины, потомъ у всѣхъ свадебныхъ гостей и свидѣтелей, большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ, далекихъ и близкихъ.—Проситъ, чтобъ всякой простилъ его (жениха), ибо онъ теперъ на пути *Божіемъ*, на *knjezowu droze*. Такъ переводитъ Смоляръ. Это совершенно согласно съ вѣрованіемъ Славянскимъ, но осмѣлываемся думать, что здѣсь можетъ быть уцѣлѣло слово *князь* — на княжой дорогѣ. Невѣста называется княжна, и слово *knjez*, *knjēni* или *knīni* въ Нижней Лузаци употребляется въ смыслѣ господина и госпожи (См. Ч. II, с. 303). Замѣчательно, что если этотъ обрядъ совершается на дворѣ, то дружка обходитъ три раза поѣздъ, дѣлая мечомъ крестъ.—Прежде нежели приходятъ къ дому невѣсты, всѣ посылаютъ двухъ выборныхъ къ сельскому судѣ и велятъ у него спросить: можно ли чужимъ людямъ войти въ деревню. Судья обыкновенно отвѣчаетъ: если они люди честные, то пусть во имя Божіе идутъ, только пусть щадятъ стариковъ и дѣтей. Послѣ этого отвѣта, идутъ въ деревню; но прежде нежели взойдутъ въ нее, мо-

лодые люди деревни собираются и загораживаютъ дорогу заставою. — Дружка спрашиваетъ, что это значить; ему отвѣчаютъ, что чужихъ въ деревню впускать не велѣно. Дружка показываетъ позволеніе, но такъ какъ оно не помогаетъ, то онъ откупаетъ заставу. Приходятъ къ дому невѣсты; дворъ открытъ, но окна и двери дома заперты, какъ будто тамъ никого нѣтъ. — Дружка стучитъ нѣсколько разъ громче и громче. Наконецъ отецъ невѣсты спрашиваетъ: чего надобно. Дружка отвѣчаетъ, что онъ и его спутники просятъ ночлега остановиться; что они честные люди и мирные. Отецъ, со своими гостями, не вдругъ соглашается и отворяетъ двери. Дружка проситъ невѣсты; на это соглашаются также не вдругъ, и потомъ два раза выводятъ вмѣсто невѣсты другую, наконецъ въ третій разъ выходитъ сама невѣста съ отцомъ и со всѣми. Дружка благодаритъ и спрашиваетъ еще разъ невѣсту: согласна ли она сочетаться бракомъ съ избраннымъ женихомъ. Когда невѣста соглашается, дружка обращается къ родителямъ, и когда тѣ согласны, онъ проситъ гостей о сопровожденіи къ вѣнцу и потомъ заставляетъ невѣсту также простаться съ своими, какъ передъ этимъ жениха. — Потомъ ѣдутъ къ вѣнцу въ церковь. Гости поютъ и кричатъ, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и бьютъ палками, какъ-будто бы должны были съ кѣмъ-нибудь драться. Прежде многіе изъ сопровождавшихъ къ вѣнцу носили холодное оружіе. Всѣхъ встрѣчающихся поятъ. — Въ Нижней Лузации есть нѣкоторыя измѣненія. Дружка входитъ первый въ домъ; невѣста сидитъ подлѣ подруги (товарки). Дружка ударяетъ мечомъ по столу и спрашиваетъ: товаришка, какъ дорога твоя невѣста? — Начинается споръ въ цѣнѣ; наконецъ улаживается. Дружку дарятъ, высылаютъ подарки жениху и его поѣзжанамъ. Потомъ дружка ведетъ невѣсту къ жениху; но два раза приводитъ, наконецъ въ третій разъ находитъ невѣсту, и точно такъ спрашиваетъ, проситъ благословенія отъ имени ея, какъ прежде отъ имени жениха. Потомъ выводитъ къ жениху невѣсту безъ покрывала; за ними всѣ, находящіеся въ домѣ, выходятъ. Когда женихъ скажетъ, что это настоящая невѣста, онъ представляетъ всѣмъ чету и проситъ все множество собравшагося народа объ отпускѣ. Эта рѣчь похожа на двѣ первыя. — Потомъ ѣдутъ къ вѣнцу; отъ вѣнца невѣста идетъ подъ покрываломъ до свадебнаго дома.

Когда свадьба возвращается отъ вѣнца, то при выѣздѣ изъ приходской деревни, — юноши и дѣвушки удерживаютъ ее, перерождая дорогу прекрасными шелковыми лентами, которую опять у нихъ откупаютъ. — Замѣчательно, что невѣста возвращается съ женихомъ въ свой родительскій домъ. — Обѣдъ послѣ свадьбы называется у нихъ: княжой обѣдъ, также честный или невѣстинскій. Молодые садятся въ углѣ противъ дверей (большой уголъ?). Замѣчательно, что новобрачный не можетъ плясать, новобрачная же пляшетъ сколько угодно и съ кѣмъ угодно. Въ Нижней Лузачи на открытомъ мѣстѣ передъ церковью начинается невѣстинъ (свадебный) танецъ, открываемый дружкой и невѣстой, потомъ невѣста танцуетъ съ товарищемъ, и такъ со всѣми; всѣ должны перетанцовать другъ съ другомъ, исключая жениха, который въ первый день свадьбы танцовать не долженъ. Когда приѣзжаютъ домой, то прежде пещели взойдутъ въ домъ, танецъ этотъ повторяется. Послѣ окончанія свадебнаго обѣда, всѣ встаютъ, невѣста должна встать на столъ и прыгнуть съ него. — На другой день послѣ пира всѣ дарятъ новобрачныхъ деньгами и вещами; деньги каждый бросаетъ въ тарелку, стоящую на другой тарелкѣ. — Дружка съ звономъ бросаетъ въ нижнюю тарелку и благодаритъ. Это называется *складъ* или *складованье* (складчина). Потомъ оканчивается пиръ въ свадебномъ домѣ. Наступаетъ прощанье; дружка говоритъ рѣчь, присутствующіе поютъ приличную пѣсню, и невѣста прощается. Здѣсь при отъѣздѣ удерживаютъ ее дѣвушки шелковыми лентами, также и при приѣздѣ въ новое жилище новобрачной. — Здѣсь принимаютъ ее радушно, дружка говоритъ рѣчь, устраиваютъ *вечерь* (*вечерю*). Во время обѣда новобрачная идетъ къ самому бѣдному семейству и относитъ имъ тарелку съ пищей. Женщины деревни собираются во время ужина и привѣтствуютъ новобрачную; ихъ благодарятъ и дарятъ. Ужинъ заключается молитвою и пѣснію. Въ ближайшее Воскресенье бываетъ «молодой квась», молодая свадьба. Новобрачная съ супругомъ посѣщаетъ своихъ родителей, тамъ обѣдаютъ и ужинаютъ. — Въ Нижней Лузачи обряды сходны; также садятся за столъ и встаютъ, и идутъ молодые спать. — Различія не важны. Замѣчательно, что въ числѣ свадебныхъ блюдъ находится прогъ, а картофель не употребляется. — Дружка имѣетъ мечъ и имѣетъ черезъ лѣвое плечо перевязъ (въ Нижней Лу-

зацин). Въ Нижней Лузацин у невѣсты, хотя не вездѣ, большая часть волосъ падаетъ свободно по плечамъ ниже пояса.

И такъ, въ этихъ свадьбахъ есть намекъ на подругъ, — ихъ участіе видно слабо, — и намекъ на грусть невѣсты при разставаніи съ своими; вообще принято, чтобъ невѣста не была весела.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ „КУПАЛА И КОЛЯДА“ Д. О. ШЕППИГА.

Основная мысль г. Шеппига, вложенная имъ въ статью подъ названіемъ: Купала и Коляда,—совершенно справедлива. Авторъ говоритъ, что празднества Купалы и Коляды соотвѣтствуютъ зимней и лѣтней порѣ, дѣлившей годъ и вмѣстѣ труды, веселье и всю жизнь Славянина на двѣ половины; что время года и мѣстность сообщаютъ свой колоритъ этимъ праздникамъ, въ сущности тождественнымъ. — Въ самомъ дѣлѣ при семейно-общинномъ началѣ, такъ неотъемлемо соединенномъ съ существомъ Славянина, ходъ годоваго времени, съ его работами, отражался въ жизни Славянской, благопріятствуя то общинной, то семейной ея сторонѣ, и вмѣстѣ выдвигая впередъ то одну, то другую; но (само собою разумѣется) цѣльность жизни, заключающаяся въ соединеніи обѣихъ сторонъ, отъ этого нисколько не теряла. Семейная и общинная сторона жизни присутствовала всегда постоянно и нераздѣльно, лишь съ перевѣсомъ то той, то другой. — Такъ лѣтняя пора, когда вся природа дѣлалась доступнымъ мѣстопребываніемъ, когда общественныя работы возникали одна за другой, лѣтняя пора вызывала общинную сторону жизни—совокупную работу и совокупное веселье; являлись помочи, являлся хороводъ, веселый образъ и вмѣстѣ символъ согласно движущейся общины.

Такъ, на оборотъ, зиняя пора, вгоняя людей въ дома и вводя каждую семью подъ кровъ ея избы, вызывала сторону жизни семейную, — съ семейными работами, съ семейнымъ весельемъ, съ хозяевами и съ гостями. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этихъ праздникахъ есть семейное, есть общинное начало, а родового нѣтъ.

Соглашаясь съ основною мыслию статьи, мы тѣмъ болѣе считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ мы не согласны (можетъ быть это ничто иное, какъ недоразумѣнiе) съ прекрасной статьёй уважаемаго нами автора.

Для такимъ образомъ пребыванiе Славянина на двѣ мѣстности: на природу и домъ, г. Шепингъ въ первомъ случаѣ (какъ поняли мы) признаетъ духовъ природы: русалокъ, лѣснянокъ и пр., слѣдовательно духовъ мѣстности; во второмъ случаѣ, подъ домовымъ разумѣетъ онъ не только духа мѣстности, но видитъ въ немъ олицетворенiе отвлеченнаго семейнаго значенiя отца, видитъ подтвержденiе этого значенiя и въ названiи домового дѣдушкой. Намъ же кажется, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, для Славянина существовали только духи мѣстности, которые и различались по значенiю мѣстности. Такъ лѣтомъ для Славянина были духи природы: русалки, лѣснянки и другiе разнообразныя духи: ибо сама мѣстность и разнообразна и не очерчена извѣстнымъ кругомъ; зимою же для Славянина былъ духъ дома, *домовой*: домовой одинъ, какъ одинъ и домъ, опредѣленная, твердо очерченная мѣстность съ порогомъ и воротами. Названiе же дѣдушки ничего не доказываетъ: дѣдушками назывались и лѣшiй и водяной, а они никакой связи съ особою семьей и никакого семейнаго значенiя не имѣютъ (съ этимъ пикто спорить не станеть). Нѣтъ у каждаго дома своего лѣшаго и водянаго, тогда какъ домовой у каждаго дома. Да и какимъ образомъ, если это *духъ дома*, можетъ онъ не быть у каждаго дома?—Еслибъ здѣсь была какая нибудь связь съ семьей, то домовой, конечно, оставался бы одинъ и тотъ же, когда бы, напримѣръ, часть многочисленной семьи выстроила себѣ новую избу; между тѣмъ, въ этой новой избѣ является уже особый свой домовой, *чужой* всякому другому: ибо между самими домами, самымъ строенiемъ, родственной связи быть не можетъ. Мало того, домовой живетъ и въ оставленной избѣ; это указываетъ на прямую его связь съ избою. Да и самое

наконецъ названіе его: *домовой*, указываетъ очевидно на домъ: онъ *домовой*, а не *родовой* и не *семейный*. Значеніе *домоваго*, какъ *хозяйина*, опредѣляется только его мѣстностью. Значеніе *хозяйина* теряется въ полѣ, среди природы и полевыхъ работъ; оно выступаетъ снова въ избѣ, гдѣ является и *хозяйинъ* и *семья*, гдѣ для *человѣка* готова иная мѣстность и иной образъ жизни, и гдѣ ждетъ его постоянный духъ этой мѣстности, постоянный *хозяйинъ*—*домовой*. *Домовой* даже болѣе, чѣмъ самъ *домовладѣлецъ*, *хозяйинъ* въ избѣ, ибо *человѣкъ* можетъ быть и въ избѣ и въ полѣ, а *домовой* всегда въ избѣ, *ея духъ*. — Въ пользу нашего мнѣнія приведемъ еще доказательство: всѣ духи мѣстности съ мѣстностью своей нераздѣльны и могутъ существовать только въ ея предѣлахъ: такъ *русалки* не переходятъ, иначе какъ въ извѣстной мѣрѣ, за предѣлы воды; другіе духи точно также. Теперь вспомнимъ, что *домовой* точно также не переходитъ за предѣлы дома; онъ можетъ быть *перезванъ* въ другой домъ, но *непремѣнно* въ *домъ*, именно въ эту мѣстность; здѣсь онъ только, какъ *улитка*, *переселяется* въ другую *раковину*. *Семейной* связи или значенія не имѣетъ *домовой* нисколько; связь, какая есть, чисто случайная, ибо нѣтъ *причѣтовъ*, чтобы *домовой* *выгонялъ* семью изъ дома и *призывалъ* другую; свой *домовой* всегда *добръ*, и для всякаго *хозяйина* онъ свой. Эта связь *домоваго* съ *семьей*, *дружественная*, но *вовсе* не *родственная*, которой нѣтъ у *духовъ* природы, *происходитъ* отъ *условія* мѣстности и *образа* жизни. *Лѣсъ*, *поле*, *рѣка* принадлежатъ *всѣмъ*: тамъ *семья* *изчезаетъ*; *пѣза* принадлежитъ *семьѣ*: здѣсь *семья* *выступаетъ*; отсюда и является связь, которую имѣетъ съ *семьей* *духъ* *избы*, *непремѣннаго* *жилища* *семьи*; къ тому же въ *поляхъ*, *лѣсахъ* и на *водахъ* *люди* *являются* на время; въ *избѣ* они *живутъ* *болѣе* или *менѣе*, но *постоянно*; даже когда ихъ нѣтъ въ *избѣ*, *пѣза*—*ихъ* *опредѣленное* *собственное* *жилище*. Среди *природы* они *гости*, въ *избѣ* они *хозяева*. Все это *скрѣпляетъ* связь *духа* *дома* съ *владѣльцами* *дома*. И такъ, *вся* *связь* *домоваго* съ *семьей* *основана* на *условіяхъ* *мѣстности* и *образа* *жизни*. *Дружественность* его съ *людьми*, *кажется* *намъ*, *вытекаетъ* еще изъ того, что *пѣза* есть *дѣло* *человѣческихъ* *рукъ* и что по *нашимъ* *народнымъ* *сказаніямъ*, *строя* *себѣ* *жилище*, *человѣкъ* *строитъ* *жилище* и *домовому*; тогда какъ другіе духи *ничѣмъ* *человѣку* не *обязаны*. *Обитая* *человѣческое* *жилище*, *домовой* по этому имѣетъ больше

связи, и вѣсть связи дружественной, съ людьми; онъ духъ по преимуществу человѣческой. Домовой любитъ данныхъ ему судьбою жильцовъ-хозяевъ избы, но онъ за ними не слѣдуетъ и не покровительствуетъ имъ внѣ предѣловъ своего владѣнія. Какъ бы въ подтвержденіе нашихъ словъ, г. Шепингъ самъ говоритъ: «съ приближеніемъ весны (1-го Марта) находятъ хандра на домоваго, доходящая не рѣдко до совершеннаго безумія; съ этихъ поръ его вліяніе значительно ослабѣваетъ, и онъ совершенно почти утрачиваетъ свое, болѣе общее собирательное значеніе; память о немъ какъ будто вдругъ исчезаетъ изъ народной демонологіи, и мы уже ни разу съ самой осени не встрѣчаемъ ни праздниковъ, ни другихъ дней, посвященныхъ домовому или связанныхъ съ нимъ въ суевѣрныхъ преданіяхъ нашего народа.» Не ясно ли это доказываетъ, что домовой только духъ мѣстности и никакой связи, кромѣ мѣстной, съ человѣкомъ не имѣетъ? Уничтожается мѣстная связь и домовой исчезаетъ; возникаетъ она снова, и домовой снова является.

Возражая на мнѣніе, что домовой имѣетъ у насъ какое нибудь семейное, тѣмъ менѣе родственное значеніе, скажемъ мимоходомъ о мнѣніи, будто бы домовой имѣетъ значеніе родовое, будто бы онъ олицетвореніе родоначальника. Намъ кажется, что мнѣніе это противорѣчитъ само себя (1). Домовой представляетъ собою родоначальника, говорятъ послѣдователи Эверса (2), роды спорили и враждовали между собою; отсюда вражда домовыхъ; всякой другой домовой есть чужой. И такъ, возражаемъ мы, у всякаго отдѣльнаго рода долженъ быть одинъ домовой. Теперь предлагаемъ вопросъ: если кто нибудь изъ многочисленнаго рода, помѣщающагося въ одной избѣ, построить себѣ новую избу, долженъ ли у него быть свой домовой, или нѣтъ? Народное повѣрье говорить, что непременно долженъ; ибо въ каждой избѣ свой домовой; какже быть теперь члену рода, построившему новую избу? Откуда возьметъ онъ домоваго, если домовой олицетвореніе родоначальника предка! — Родоначальникъ и предки у него одни съ тѣми, которые остались въ старой избѣ; создать новыхъ, особыхъ родоначальниковъ и предковъ ему невозможно; сверхъ того вся-

(1) Это противорѣчіе, кажется, прежде всѣхъ было замѣчено г. Шепингомъ.

(2) Число которыхъ видимо уменьшилось.

ной другой домовою принадлежить другому роду и олицетворять другого родоначальника. Всякой домовою непременно враждебен другому; следовательно и искомый домовою новой избы. Как тутъ быть, какъ согласить все это; какъ найти другаго, но тоже своего родоначальника и предка, тогда какъ родоначальникъ одинъ, общій? да еще такого родоначальника, который будетъ во враждѣ съ настоящимъ родоначальникомъ? Положеніе крайне затруднительное — изъ него нельзя выйдти иначе, какъ или оставивши новый домъ родича безъ домоваго, что невозможно по народному повѣрью, — или уволивъ домоваго отъ значенія родоначальника. — Мнѣніе послѣдователей Эверса о домовомъ разрушается въ своемъ основаніи само собою, собственнымъ логическимъ движеніемъ. Послѣ того нѣтъ нужды, по крайней мѣрѣ здѣсь, опровергать частныя сближенія домоваго съ родоначальникомъ.

Значеніе домоваго очень важно, но вовсе не въ родовомъ и даже не въ семейномъ отношеніи. А гдѣ надобно искать его значенія — показываетъ самое наименованіе: *домовой* — *духъ дома*, *домовой духъ*.

Что касается до догадки г. Шепинга, касательно вѣдьмы, мы признаемъ, что она очень остроумна, но принять ее безъ новыхъ доказательствъ нельзя.

Кстати скажемъ здѣсь вообще о Славянскомъ кумирслуженіи. Едва ли были Славяне, когда бы то ни было, идолопоклонниками, по крайней мѣрѣ Славяне Восточные. Кумира они не считали богомъ, а *изображеніемъ* божества, не болѣе. Доказательствомъ тому соломенные чучелы божествъ, сожигаемыя въ огнѣ народомъ, чего бы быть не могло, еслибъ онъ считалъ идолы богами. Наконецъ, старикъ представляющій Ярилу, дѣвушка — Коляду, все это показываетъ лишь олицетвореніе, представленіе божества, не болѣе, но чувственному изображенію Славяне никогда не придавали божеской силы. Припомнимъ здѣсь, если не полное отсутствіе, то чрезвычайно малое количество извѣстныхъ кумировъ, и то у западной части Славянъ, которые могли быть увлечены примѣромъ другихъ народовъ. Кумиры, упоминаемые въ лѣтописи при Владимірѣ до Христіанства, имъ были воздвигнуты; прежде о нихъ и не говорится. Это усердіе къ кумирамъ вытекало у Владиміра, какъ думаетъ Ломоносовъ, изъ стремленія вѣры, которое впослѣдствіи обнаружилось испытываніемъ вѣрь и на-

конецъ довело его до вѣры истинной. Однимъ словомъ, можно, кажется, предполагать, что Славяне не были кумиропоклонники.

Въ заключеніе поблагодаримъ г. Шепинга, какъ за самую мысль его статьи, столько вѣрную и ясную, такъ и за то сочувствіе къ Русской народной жизни и ея истиннымъ (а не наклепаннымъ) проявленіямъ, сочувствіе, которымъ проникнута вся статья.

БОГАТЫРИ

ВРЕМЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

ПО РУССКИМЪ ПѢСНЯМЪ (1).

Цѣль этой статьи — изложить содержаніе пѣсенъ и сказаній о богатыряхъ Владимірова времени, опредѣлить характеристику богатырей, собравши отдѣльныя черты, разсѣяныя во многихъ пѣсняхъ, и указать, по возможности, на художественную сторону древней народной поэзіи. Въ статью, по необходимости вошло много выписокъ. Нужны были также пересказы пѣсенъ, потому что во 1) Сборникъ Кирша Данилова, главный источникъ древнихъ историческихъ сказаній, изданъ давно, извѣстенъ далеко не всѣмъ и приобретається не совсѣмъ легко; во 2) языкъ нашихъ древнихъ пѣсенъ, хотя вполнѣ понятный намъ и въ настоящее время, благодаря бытовой силѣ и крѣпости народа, отличается однакоже отъ нашего языка, тѣмъ болѣе отъ языка литературнаго,

---

(1) Эта статья была напечатана въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. т. IV, а написана въ 1852 году. Здѣсь она предлагается съ нѣкоторыми дополненіями, найденными нами въ черновой рукописи. Въмѣсто вступленія, въ Р. Бесѣдѣ, противъ заглавія, имѣется въ выноскѣ слѣдующее примѣчаніе автора, которое мы здѣсь и помѣщаемъ: *Пр. изд.*

«Послѣ того, какъ была написана эта статья о богатыряхъ Великаго Князя Владиміра, появилось въ печати много пѣсенъ, относящихся къ этой же эпохѣ и къ тѣмъ же лицамъ, пѣсенъ, помѣщенныхъ болѣею частію въ Извѣстіяхъ Академіи. Пѣсни эти въ высшей степени важны и занимательны; онѣ содержатъ много новыхъ подробностей о богатыряхъ, извѣстныхъ уже, и даютъ свѣдѣніе о нѣкоторыхъ новыхъ. Съ удовольствіемъ можемъ мы сказать, что очерки богатырей, сдѣланные нами въ нашей статьѣ, подтверждаются и дополняются вновь напечатанными пѣснями. Но количество этихъ пѣсенъ и самая важность ихъ содержанія не позволяютъ намъ дѣлать краткія на нихъ указанія. Въмѣсто того, мы надѣемся, выждать, пока появятся еще больше пѣсенъ, написать объ нихъ цѣлую особую дополнительную статью, гдѣ постараемся отдать полный отчетъ о ихъ достоинствѣ и содержаніи.

«Цѣль этой статьи не есть изслѣдованіе или разсужденіе о богатыряхъ, а только, изложеніе, возможно полное и стройное, богатырскихъ пѣсенъ, и характеристика богатырей.»

обмелѣвшаго и ослабѣвшаго, и при чтеніи своею особенностью задерживаетъ наше вниманіе: его красоту и силу мы чувствуемъ, но слышимъ въ тоже время, что уже не въ нашихъ устахъ движется это многомощное слово, которое потому становится какою-то средою между читателемъ и произведеніемъ. Необходимо себѣ пересказать пѣсню, приблизить ее къ себѣ и усвоить: вновь прочтенная, она сдѣлается намъ вполне доступною, а языкъ ея явится для насъ во всей своей красотѣ и силѣ. Мы думаемъ также, что весьма немногіе изъ читавшихъ Сборникъ Кирши Даншова уяснили себѣ вполне образъ, смыслъ и значеніе каждаго изъ богатырей, упоминаемыхъ въ пѣсняхъ, и полагаемъ, что употребленные нами, вполне вѣрные пересказы необходимы и для характеристики богатырей, составляющей главную задачу статьи.

..... «Се же паки творяше людемъ своимъ по вся недѣли; устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити болярамъ и гридемъ и съцьскимъ идесяцькимъ и парочитымъ мужемъ, при Князѣ и безъ Князя: бываше множество отъ мясъ и отъ скота и отъ зверины, бяше по изобилію отъ всего (1).»

Такъ говорить лѣтопись о Великомъ Князѣ Владимірѣ. Эта привѣтливая, пиршественная сторона его жизни перешла въ народныя пѣсни. Владиміръ удержался въ памяти народной, какъ радушный, ласковый хозяинъ, къ которому все собиралось на ширь, не только изъ всего Кіева, но и со всѣхъ сторонъ Русской земли. Владиміръ созываетъ «старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многы», говорится въ другомъ мѣстѣ лѣтописи. И отовсюду ѣхали къ нему гости.—Нераздѣльно съ его пирами соединено сказаніе о славныхъ богатыряхъ, о могучихъ гостяхъ Владиміра, сказаніе, удержанное народомъ и сохраненное имъ въ повѣишемъ и подробнѣишемъ видѣ, чѣмъ въ лѣтописи; лѣтопись упоминаетъ только объ Александрѣ Поповичѣ, Рахдаѣ, о разбойникѣ Могутѣ, объ Янѣ Усмошвецѣ. Но пѣсни говорятъ о многихъ другихъ.—И такъ Великій Князь Владиміръ, добрый и ласковый, гостепріимный и пирующій, постоянно окруженный гостями и богатырями, пришедшими со всѣхъ сторонъ Русской земли, соединяющій всѣхъ ихъ около себя и всѣхъ радующій привѣтомъ

(1) Лѣтопись Нестора.

и празднествомъ,—живо остался въ памяти и пѣсняхъ народныхъ съ постояннымъ эпитетомъ своимъ: «красное солнце», эпитетомъ, въ которомъ выражается благотворное и вмѣстѣ Всерусское значеніе Великаго Князя Владимира. Въ самомъ дѣлѣ, съ мыслию о немъ соединена мысль о все собирающемъ вокругъ себя и во всѣ стороны простирающемъ жизненномъ началѣ, о томъ истинномъ началѣ жизни, которое даруется Православною Христіанскою Вѣрою.

Обратимся теперь къ самымъ пѣснямъ; скажемъ напередъ, что здѣсь дѣло будетъ идти не объ историческомъ, а о сказочномъ и пѣсенномъ Владимірѣ и вообще о цѣломъ сказочномъ мірѣ той эпохи. Но этотъ сказочный міръ также очень важенъ и стоитъ въ непремѣнной связи съ историческимъ; онъ показываетъ, какъ взглянулъ на человѣка или дѣло народъ, что поразило народную память и воображеніе.

Преданіе о богатыряхъ и времени Владиміровомъ находится въ пѣсняхъ и сказкахъ, отчасти изданныхъ, отчасти записанныхъ, а отчасти живущихъ только въ устахъ народа. Изъ всѣхъ изданныхъ сборниковъ Русскихъ пѣсень самый замѣчательный—это сборникъ, означенный именемъ Кирии Данилова, которое мы за нимъ и удержимъ. Онъ служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ свѣдѣній нашихъ по части пѣсень о богатыряхъ и времени Владиміровомъ.

Общая поэтическая словесная форма этихъ сказаній о богатыряхъ есть пѣсня. Но Русская наша пѣсня — такая стихотворная форма, которую сами мы еще недовольно себѣ объяснили. Наша Русская пѣсня (т. е. народная) не есть опредѣленное стихотвореніе и не имѣетъ опредѣленнаго метра, отдѣляющаго ее отъ прозы. Между Русскою прозою и Русскимъ стихомъ нѣтъ ярко проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ. Отдѣльной, заранѣе готовой стихотворной формы, въ которую можно было бы отлывать слова—нѣтъ у насъ.—Слово само должно отдѣляться отъ обыденной рѣчи не поэтической, называемой прозою, и давать себѣ прямую гармоническую форму, доходить до стиха, такъ что процессъ образованія поэтической рѣчи или стиха совершается тутъ же, и стихъ возникаетъ изъ прозы, какъ скоро поэтическая сила вдохновенія подымаетъ слово. Заранѣе готовой, условной формы стихотворенія мы не имѣемъ: но за то мы имѣемъ живое стихотворное слово. Поэтому нельзя найти равныхъ

рамокъ для Русской пѣсни, поэтому нельзя писать Русскими стихами (хотя это выраженіе употребляется писателями): ибо заранѣе извѣстныхъ формъ этихъ стиховъ не существуетъ. Надо въ самомъ дѣлѣ одушевиться гармоніей мысли и слова, въ самомъ дѣлѣ стать поэтомъ на ту минуту, и слово приметъ гармоническій изящный стихотворный видъ; безъ того поэтическое слово человѣку не дается, какъ дается оно при опредѣленныхъ размѣрахъ, наводнившихъ изъ чужихъ странъ нашу литературу и расплодившихъ такое множество стихотворцевъ. Въ примѣръ сказаннаго нами о вдохновенности живаго Русскаго слова можемъ привести грамоту Гермогена, гдѣ, говоря о томъ, какъ свели Царя Василья съ вѣстола, онъ выражается:

Солгалось про старыхъ то слово,
Что красота граду старые мужи.

Въ этихъ строкахъ уже слышенъ размѣръ— слышна гармонія самаго слова, и мы нарочно написали ихъ стихами. Подобныхъ примѣровъ довольно въ нашихъ грамотахъ.

Богатырскія пѣсни очевидно принадлежать къ древнему періоду нашей исторіи; вѣроятно были онѣ пѣты, если не при самомъ Владимірѣ, то вскорѣ послѣ него. Языкъ и строй этихъ пѣсенъ различается во многомъ отъ пѣсенъ Новгородскихъ, или отъ пѣсенъ Іоаннова времени; при сравненіи ихъ, живо чувствуешь, что пѣсни Владиміровы древнѣе и по содержанію, и по изложенію. Время конечно имѣло на нихъ свое дѣйствіе, оно нанесло многое на нихъ, и многое прилипло къ нимъ; встрѣчается много анахронизмовъ, но объяснить ихъ нетрудно. Народъ, продолжая пѣть старыя пѣсни о битвахъ богатырскихъ съ врагами, былъ тревожимъ новыми врагами, вызывавшими его на новыя битвы. Образы этихъ новыхъ враговъ замѣняли въ его воображеніи образы враговъ древнихъ. Такъ Татары заступили въ пѣсняхъ мѣсто Печенѣговъ и Козарь; такъ вольное и радостное положеніе Великаго Князя Кіевскаго Владиміра, сохраняющееся въ пѣсняхъ, смущается послѣдующими отношеніями Князей Русскихъ къ Ордѣ. Орда, въ пѣсняхъ, какимъ-то чудомъ зашла въ міръ и эпоху Владиміра; но за то видимъ и понимаемъ ясно несообразность ея присутствія здѣсь; какъ странно противорѣчить ясному свѣтлому небу того Владимірова міра, эта черная, неизвѣстно откуда взявшаяся и пугающая туча. Объ Ордѣ впрочемъ говорится

не вездѣ; но любопытны такіе слѣды дальнѣйшаго хода исторіи на древнихъ пѣсняхъ.—Одни стихи особенно живо передають весь ужасъ Татарскаго нашествія; вотъ они:

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ той Могозен богатыхъ,
Когда подымался злой Калинъ Царь,
Злой Калинъ Царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганюю;—
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Двѣпра;
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ
Во всѣ тѣ четыре стороны!
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго.
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещеннымъ намъ живымъ быть.

Кромѣ слѣдовъ общихъ историческихъ событій, отдѣльныя понятія и свѣдѣнія, приобретаемая съ теченіемъ времени, примыкають къ этому самородку народной поэзіи. Такъ сюда входятъ названія Черкесъ Пятигорскихъ, Долгополой Сорочины, Чюкчей, Алюторъ (не Лютеранъ, какъ думали; но такъ называется и теперь Сибирскій народъ). Такъ послѣ копы Мурзамедкаго, послѣ Аравитскаго золота, явятся желѣза Нѣмецкія, и наконецъ говорится о Нѣмецкихъ трубкахъ, объ игрѣ въ шахматы, которая впрочемъ, можетъ быть, и давно была извѣстна въ Россіи; Ильѣ Муромцу часто придается названіе казака: очевидно нарость отъ казацкой эпохи. Что касается до собственныхъ именъ, то многія, безъ сомнѣнія, замѣнены именами позднѣйшими. Настасья, Афросинья Королевишны, Король Золотой Орды Этмануиль (вѣроятно Эммануиль (1)) Этмануловичъ и проч. и проч. — все это, вѣроятно, называлось иначе; но самыя эти несообразности скорѣе доказываютъ древность и подлинность произведенія, тѣмъ болѣе, что

(1) Впрочемъ имя Эммануиль, кажется, указываетъ на наши сношенія и столкновенія съ Царградомъ.

они имѣютъ характеръ историческій; испытующее созерцаніе отдѣляетъ все, неловко приставшее къ древнимъ пѣснямъ; эти позднѣйшіе наросты доказываютъ только, что пѣсни продолжали пѣться и въ позднѣйшее время.

При невѣрностяхъ, которыя могутъ назваться историческими, богатырскія пѣсни во многихъ случаяхъ удивляютъ своею историческою вѣрностію, показывающею также древнюю ихъ подлинность. Не говоримъ уже о томъ, что пирь и богатыри Владиміровы имѣютъ за себя ясное историческое свидѣтельство; есть и другія, болѣе частныя сходства съ исторіей. Такъ, въ пѣсняхъ говорится о Чюримѣ, какъ объ избѣженномъ волокитѣ, живущемъ недалеко отъ Кіева, пониже малаго Кіевца; мѣсто близъ Кіева, и въ позднѣйшія времена, называлось Чюриловщиною, и если принять, что малый Кіевецъ значило Подоль, то мѣстоположеніе является вѣрно опредѣленнымъ. Говорится на пр. о Ставрѣ бояринѣ изъ дальней земли, который былъ заключенъ Владиміромъ въ темницу въ Кіевѣ; жена его зовется Василисою Микулишною; послѣднее слово ясно указываетъ на Новгородъ, гдѣ вмѣсто Никола говорилось Микула. Въ лѣтописи Новгородской мы находимъ, что Ставръ, сотской Новгородской, былъ заключенъ въ темницу въ 1118 г., въ Кіевѣ, Владиміромъ же, только не Великимъ, а Мономахомъ. Въ хронологической перспективѣ время, народъ принялъ двухъ Владиміровъ въ этомъ случаѣ за одного; но историческое основаніе здѣсь ясно видимо.

Этотъ сказочный міръ дней Владиміровыхъ является въ отдѣльныхъ пѣсняхъ о томъ или другомъ богатырѣ или знаменитомъ мужѣ, о томъ или другомъ подвигѣ или событіи; утвердительно можно сказать, что эти пѣсни не дошли до насъ во всей полнотѣ; иная пѣсня очевидно представляетъ отрывокъ, иная намекаетъ на событія, неизвѣстныя намъ, и даетъ чувствовать, что была можетъ-быть цѣлая эпопея, теперь утраченная въ своей цѣлости. Но во всякомъ случаѣ, видно и теперь, что всѣ эти рассказы составляютъ одно живое цѣлое; они соединены между собою не однимъ какимъ-нибудь великимъ событіемъ, собравшимъ людей около себя, — а жизнью, единствомъ жизни; это цѣлый міръ, движущійся и играющій одною жизнью, весь ею проникнутый. Такимъ образомъ передъ нами эпопея особаго рода, согласная съ самымъ существомъ Русской земли. Мы не видимъ въ ней могущественно

движущагося впередъ событія, не видимъ увлекающаго хода времени; нѣтъ, — передъ нами другой образъ, образъ жизни, волнующей сама въ себѣ и не стремящейся въ какую-нибудь одну сторону; это хороводъ, движущійся согласно и стройно, — праздничный, полный веселья, образъ Русской Общины. — Этимъ духомъ проникнуто, этимъ образомъ запечатлѣно все, что идетъ отъ Русской земли; такова сама наша пѣсня, таковъ напѣвъ ея, таковъ строй Земли нашей. Если говорить о сравненіяхъ, то не рѣка, текущая куда-нибудь въ своихъ берегахъ, можетъ служить намъ эмблемою, а волнующійся со всѣхъ сторонъ открытый, безбрежный океанъ-море. Таковъ въ особенности міръ Владиміровыхъ пѣсень; въ этомъ мірѣ играетъ и тѣшитъ себя молодая, еще пекуда событіями не направленная сила. Пыры Владиміровы давно прошли; грознымъ испытаніямъ подверглась богатырская Русская сила, но она не сокрушилась; она просторно раздвинула себѣ границы и пугаетъ нехотя своихъ сосѣдей. Широко раздолье по всей землѣ, нѣкогда сказала она, и недаромъ, — по тремъ частямъ свѣта раскинулась Россія. Но далеко еще не кончились подвиги Русской силы; не только матеріальные, но и нравственные подвиги предлежатъ ей.

Теперь обратимся къ народной нашей эпопее.... и вотъ, властію народнаго долговѣчнаго слова, передъ нами возникаютъ во всей своей жизни: Кіевъ, пыры безконечныя, и могучіе витязи, собравшіеся вокругъ Великаго Князя Владимира.

Много ихъ сидитъ на богатырской скамьѣ; не по аристократическому праву породы занимаютъ они это почетное мѣсто. Аристократическое понятіе, образовавшееся на Западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси. На богатырской скамьѣ сидитъ и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца), и наконецъ Нилья Муромецъ — крестьянинъ. Всѣмъ имъ равный почетъ. Дворъ князя Владимира всегда открытъ: на дворѣ его княженецкомъ врыты дубовые столбы, въ столбы ввернуты булатныя кольца. Приѣзжаетъ богатырь, привязываетъ ретиваго коня къ булатному кольцу, потомъ идетъ въ свѣтлую грядню, молится Спасову образу, кланяется Князю со Княгинею, и на всѣ четыре стороны. — Этотъ послѣдній, общественный, всѣмъ равный поклонъ, невольно рисующій множество народное, удержался и донынѣ. Великій Князь спрашиваетъ богатыря о родѣ и племени,

велеть поднести или самъ подносить турій рогъ меду сладкаго. Богатырь выпиваетъ, садится на богатырскую скамью, и пируетъ. Среди пируванья, въ тотъ часъ, какъ будетъ день въ половину дня, будетъ пиръ во полупиръ, Владиміръ Князь распотъшитса, ходитъ по свой гриднѣ, расчесываетъ черныя кудри и предлагаетъ подвиги богатырямъ. Одинъ изъ нихъ вызывается, выпиваетъ подносимую чашу, и тогда:

Разгоралася утроба богатырская,
И могучія плечи расходилися.

Богатырь ѣдетъ въ дальній путь, на трудный подвигъ и прославляетъ вновь свою богатырскую силу.

Вотъ общій очеркъ событій, конечно различныхъ между собою, нашей народной эпопеи; но содержаніе ея, какъ мы сказали, лежитъ не въ событій, а въ жизни самой. Теперь постараемся опредѣлить общій характеръ нашей эпопеи.

Праздникъ, пиръ — составляетъ колоритъ Владиміровыхъ пѣсенъ; но этотъ пиръ, какъ и вся жизнь, имѣетъ христіанскую основу. Христіанство есть главная основа всего Владимірова міра. На этой-то христіанской основѣ является богатырская сила и удаля молодого, могучаго народа.—Эти пиры, эта жизнь имѣетъ и Всерусское значеніе; видимъ здѣсь собранную всю Русскую землю, собранную въ единое цѣлое Христіанскою Вѣрою, около Великаго Князя Владиміра, просвѣтителя земли Русской. Радость, проникнувшая жизнь, послѣ возрожденія Христовымъ ученіемъ, является, какъ праздникъ, какъ постоянный братскій пиръ (это особенно ясно изъ словъ лѣтописи). Богатыри, бояре, купцы, крестьяне и всякіе гости съѣхались въ Кіевъ со всѣхъ сторонъ. Изъ Ростова Великаго — Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ; изъ Галича — Казаринъ Петровичъ и Дюкъ Степановичъ; съ Юга Россіи — Дунай сынъ Ивановичъ; Добрыня Никитичъ — родомъ изъ Рязани (по пѣснямъ); изъ Великаго Новгорода — Ставръ бояринъ; Чурила — изъ-подъ Кіева; наконецъ изъ Муромъ — Илья Муромецъ Ивановичъ; о родинѣ другихъ говорится неясно. Могучій, пирующий хоръ богатырей въ то же время хранитъ землю Русскую отъ враговъ и хищниковъ.

Женщины принимаютъ дѣятельное участіе въ этой громкой жизни подвиговъ. Онѣ часто также носятъ кюяки, панцири, кольчуги, также выѣзжаютъ въ поле искать бранныхъ опасностей.

Сила въ пногда не уступаетъ мужской. Такова Настасья Королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афросиньи Королевишны, супруги Великаго Князя Владимира, отличавшейся влюбчивымъ сердцемъ. Такова жена Ставра боярина Василиса Микулшпа (Николаевна). Прибавимъ, въ дополнение къ этой мужественности женщинъ, образъ, совершенно Русской, Царь-Дѣвцы; вспомнимъ преданія объ Амазонкахъ, о Чешской Власкѣ, в все это вмѣстѣ, утверждая за Славянскою жёнщиною независимость и равныя права съ мужчиной даже въ ратномъ дѣлѣ, совершенно уничтожаетъ тѣмъ самымъ всякую мысль о рабствѣ или угнетеніи женщинъ у Славянъ.

Отношенія богатырей къ Великому Князю почтительны, но неподобострастны; они вольно собрались вокругъ него, зовуть его краснымъ солнцемъ, солнцемъ Киевскимъ, охотно служатъ ему службы; но ни въ чемъ не выражается униженное ихъ отношеніе къ Великому Князю. Съ Великою Княгинею они еще менѣе чинятся.

Битвы и подвиги, свадьбы и ппы, составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится воля и приволье. Но весь этотъ шумный міръ, еще много хранящій въ себѣ слѣдовъ недавняго язычества, проникнуть уже, какъ сказали мы выше, лучами Христовой Вѣры. Такимъ образомъ первое и главное, что выдается изъ этого міра Владиміровыхъ пѣсенъ, — это Христіанская Вѣра; она постоянно и всюду основа жизни; особенно слышится это въ пѣсни о Калпѣ Царѣ, особенно видится, даже и въ сказочномъ образѣ Ильи Муромца, причтеннаго въ дѣйствительной жизни нашею Церковью къ лику Святыхъ. Всѣ богатыри — православные, и постоянно повторяется богатырское приговье, когда пріѣзжаетъ православный витязь къ неправославному Государю:

Пѣту у тя Спасова образа,

Некому у тя помолитися, —

А и не за что тебѣ поклонитися.

Вмѣстѣ, и согласно съ началомъ Христіанской Вѣры, выдается начало семейное, основа всего добраго на землѣ. Богатыри почтительны къ отцу и матери. Такъ Добрыня, отправляясь на трудный подвигъ, проситъ благословенія у матери; такъ заступается за мать Гордень, такъ съ родительскимъ благословені-

онъ ѣдетъ на подвиги Илья Муромецъ. Но особенно ярко проявляется то же начало въ позднѣйшей пѣсни Новгородской: объ удаломъ Васильѣ Буслаевѣ: Василій съ своей дружиною перебилъ почти весь Новгородъ въ заранѣ условленной съ нимъ схваткѣ; тогда мужики (мужи) Новгородскіе идутъ къ его матери просить защиты; она посылаетъ за сыномъ дѣвушку Чернавушку; та идетъ, схватываетъ Василья за руки и тащитъ къ матери, которая сажаетъ его за замки и затворы. — Какъ бы ни старались въ словѣ «тащитъ» найти другой смыслъ, отношенія сыновія Василья къ матери очевидны.

И такъ, сила богатырская является у насъ, осѣненная чувствомъ Православія и чувствомъ семьи: безъ чего не можетъ быть истинной силы.

Теперь поговоримъ о самыхъ богатыряхъ въ отдѣльности.

Каждый изъ богатырей имѣетъ свою особенность, свой опредѣленный, живой, вполне художественный образъ, проведенный вѣрно сквозь всѣ пѣсни, гдѣ только объ немъ говорится. Взаимныя ихъ отношенія очерчены довольно ясно, даже и въ томъ видѣ нашей эпопеи, въ какомъ дошла она до нашихъ временъ, но нѣкоторые намекн даютъ право думать, что эти отношенія должны быть еще живѣе и опредѣленнѣе.

Люди, о которыхъ упоминаютъ Владиміровы пѣсни, суть слѣдующіе: Великій Князь Владиміръ, Добрыня Никитичъ, Чюрла Пленковичъ, Алеша Поповичъ, Екимъ Ивановичъ, Иванъ гостивый сынъ, Иванъ Годиновичъ, Горденъ Блудовичъ, Дунай сынъ Ивановичъ, Потокъ Михайло Ивановичъ, Дюкъ Степановичъ, Соловей Будиміровичъ, Михайло Казаринъ, Ставръ бояринъ, Бермята Васильевичъ — старый бояринъ, Данило Ловчанинъ, Данило Игнатьевичъ и сынъ его Иванъ Даниловичъ, Илья Муромецъ, Дмитрій богатый гость, Гришка Долгонолый боярскій сынъ, Путятинъ Путятювичъ; наконецъ сорокъ Каликъ со Каликою. Упоминаются однажды: Самсонъ Колывановичъ, Суханъ сынъ Домаштьевичъ, Святогоръ, Полканъ, семь братьевъ Сбродовичей, мужики Зелешане (Заолешане), два брата Хапиловы. Изъ враждебныхъ лицъ: король Золотой Орды, Этмануиль Этмануловичъ, Король Задонскій, Калпнъ Царь, Змѣй Горынычъ, Тугаринъ Змѣевичъ, Збуть Борисъ Королевичъ. Женщины: княгиня Афросинья и сестра ея Настасья Королевишны, Марина Игнатьевна Блудова жена, Чесо

ва жена, жена Добрыни Настасья Дмитріевна, Грозная Настасья Ныкулишна, Василіса Микулишна, и другія.

Поговоримъ прежде всѣхъ о томъ, около котораго собрался всѣ эти славные богатыри и гости, о Великомъ Князѣ Владимірѣ; повторяемъ, что мы говоримъ не объ историческомъ, а о сказочномъ и пѣсенномъ Владимірѣ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Святое крещеніе, принятое Великимъ Княземъ Владиміромъ, христіанское значеніе, которое приобрѣлъ онъ для Руси и Православія, вытѣснило изъ памяти народной прежнюю языческую жизнь его; народъ удержалъ въ своей памяти лишь обповлеченнаго христіанскимъ ученіемъ князя; и хотя въ пѣсняхъ не имѣеть онъ ни величаваго, ни строгаго вида, но за то въ немъ не встрѣчается и слѣдовъ языческой жизни. Въ пѣсняхъ ни слова не говорится о томъ женолобїи, которое обладало Владиміромъ до принятія Св. крещенія. Въ началѣ пѣсень Владиміръ является холостымъ и женится на Афросинѣ Королевишнѣ, дочери Этмануила Этмануловича, короля въ Золотой Ордѣ; какъ говорится въ пѣснѣ. Вѣроятно, здѣсь рѣчь идетъ о Византійскомъ Императорѣ; но Орда, какъ туча, облегла Русскую землю, заслонила отъ нея всѣ окрестныя страны, такъ что всякой иностранецъ, тѣмъ болѣе всякой врагъ, ставился въ нашихъ пѣсняхъ Ордынцемъ, послѣ пашествія Татаръ.

Владиміръ въ пѣсняхъ не одаренъ богатырскою силою, не имѣеть даже храбрости, часто смущается и пугается предъ бѣдою; въ особенноти страшень ему грозень посоль изъ Орды; — однимъ словомъ, образъ его въ пѣсняхъ вовсе не величавъ. Но за то образъ этотъ вполне добродушенъ, но за то привѣтъ и ласка — его неотъемлемыя качества. Добрая душа грѣеть людей, и страшно-могучіе богатыри Владиміра, отъ подвиговъ которыхъ онъ иногда не знаетъ самъ, куда дѣваться, любятъ его, служатъ ему охотно и зовуть: «красное солнышко, ласковый Владиміръ Князь!» — Постоянно радушный и ласковый хозяинъ, Владиміръ является, въ пѣсняхъ, почти всегда на веселомъ пиру съ своими гостями. — Большая часть пѣсень начинается такъ:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
 У славнаго Князя Владиміра,
 Было пированье, почестный пиръ,
 Было столованье, почестный столъ,
 На многи Князи, бояра,
 И на Рускіе могучіе богатыри,
 И гости богатые.
 Будеть десь въ половипу дна;
 Будеть пиръ во полупирѣ;
 Владиміръ Князь распотѣшился,
 По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
 Таковы слова поговариваетъ.

Таковъ Владиміръ; но не такова его супруга. Она влюбчива и сластолюбива: лице совершенно вымышленное. Въ рассказахъ о богатыряхъ мы увидимъ ближе Владиміра и супругу его.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

Самое названіе: Добрыня, уже обрисовываетъ нравъ этого богатыря;—и точно, доброта и прямотушіе его отличительныя свойства. Добрыня—дядя Владиміра по лѣтописямъ и племянникъ его по пѣснямъ. Въ дѣтствѣ Добрыня пошелъ купаться на Израй рѣку; тамъ унесъ его Змѣй Горынчище и хотѣлъ сожрать; но Добрыня убилъ змѣя, зашелъ въ его пещеру, перервалъ по ламъ его дѣтенышей и освободилъ тетку свою Марью Дивовну, сестру Князя Владиміра. Позднѣе, Добрыня постоянно служитъ Великому Князю Владиміру, какъ одинъ изъ самыхъ могучихъ и надежныхъ богатырей. Пѣсня говоритъ, что

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
 У ласкова, осударь, Князя Владиміра,
 Три года Добрынюшка столичалъ,
 Три года Никитичъ приворотничалъ.
 Онъ столичалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
 На десятый годъ погулять захотѣлъ.

Гуляя по улицамъ Кіевскимъ, Добрыня выстрѣлилъ изъ лука по голубямъ, сидѣвшимъ подѣ косяцатымъ окномъ на теремѣ Марины Игнатьевны.

А вспѣла вѣдь тетивка у туга лука,
 Взыла да пошла калена стрѣла.

Но поскользнулась его лѣвая нога, дрогнула правая рука, не попалъ онъ въ голубей, а попалъ въ окошко, разшибъ зеркало стекольчатое, пошатнулись бѣлодубовые столы, плеснулись питья медвяныя. Марина умывалась въ это время, спльно разпѣвалась и, чтобы наказать Добрыню, взяла его слѣды молодецкіе, положила на огонь вмѣстѣ съ дровами и приговаривала, чтобы такъ же разгоралось сердце у Добрыни Никитича. Приговоръ подѣйствовалъ: хлѣба не ѣсть и не спать Добрыня. Рано по утру пошелъ онъ къ заутренѣ и оттуда пошелъ на широкой дворъ къ Маринѣ; тамъ увидѣлъ онъ Змѣя Горычичища (слѣдовательно змѣй ожилъ, какъ ту же способность имѣетъ и Тугаринъ Змѣевичъ) и

Тутъ ему за бѣду (обиду) стало.

Добрыня взбѣжалъ на красное крыльцо, ухватилъ бревно въ охватъ толщины, взбѣжалъ на сѣни косящатыя. Марина и Змѣй подняли брань и угрозы на Добрыню, но Добрыня выхватилъ свою саблю (1), и Змѣй побѣжалъ, поджавши хвостъ, не слушая словъ Марины, его удерживавшей. Но Марина въ гнѣвъ обратила Добрыню въ гнѣдаго тура и пустила его далече во чисто поле къ девяти другимъ турамъ, тоже превращеннымъ богатырямъ:

Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,

Всѣмъ атаманъ—золотые рога.

Пропалъ безъ вѣсти Добрыня Никитичъ; но на пиру у Князя Владимира расхвасталась Марина своей мудростью и разболтала, что обратила девять богатырей и десятого Добрыню въ гнѣдыхъ туровъ. Слышали эти рѣчи похваленныя и мать Добрыни Аѳимья Александровна, и крестная мать его Анна Ивановна. Видя горестъ матери и сама раздраженная похвалкою Марины, Анна Ивановна кинулась на Марину, сбила съ ногъ и била, приговаривая, что она мудренѣе ея, что она обернетъ ее сукою.

Женское дѣло прелестивое,

Перелестивое, перепадчивое:

(1) Въ пѣсняхъ вездѣ употребляется сабля, а не мечъ; эта замѣна, вѣроятно, слѣдствіе казачкаго вліянія или вообще время позднѣйшихъ. Оружіе древнихъ Славянъ былъ мечъ. Когда Козаре пришли войною на Полянѣ и потребовали дань, то Поляне дали отъ дыма мечъ. Не добра эта дань, Князь, сказали своему Князю Козаре, мы деремся оружіемъ острымъ съ одной стороны, т. е. саблями, а ихъ оружіе обоюду остро, то есть, мечъ. Ш. С. Р. Л. Т. I. стр. 7.

Марина обернулась касаточкой, полетѣла въ чистое поле, сѣла къ Добрынѣ на правой рогъ и говоритъ ему:

Пагулялся ты Добрыня во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило
И зыбучія болота напрокучили.
Хочешь ли жениться, возьмешь ли меня?

А право возьму, ей-богу возьму, отвѣчаетъ Добрыня, да еще дамъ тебѣ поученьице. Обернула Марина Добрыню опять добрымъ молодцомъ, сама обернулась дѣвицею: вѣпчался онъ вокругъ ракитова куста, — указаніе на языческой обычай, за которымъ слѣдовало (какъ видно изъ пѣсень) и настоящее христіанское вѣчаніе. Добрыня, можетъ-быть съ намѣреніемъ, или остается только при одномъ языческомъ обычаѣ, или не спѣшитъ христіанскимъ вѣчаніемъ. — Пришелъ Добрыня вмѣстѣ съ Мариной въ ея теремъ и говоритъ: Гой еси, моя молодая жена, у тебя въ теремѣ нѣтъ Спасова образа.

Не кому у тя помолитися,
Не за что стѣнамъ поклонитися.
Чай моя острая сабля заржавѣла.

Сказавъ это, началъ Добрыня учить свою жену. Первое ученье — отрубилъ ей руку, приговаривая: не надобна мнѣ эта рука, трепала она Змѣя Горынчища; потомъ, также приговаривая, отрубилъ ей ногу, наконецъ и голову съ языкомъ, сказавши:

А и эта голова мнѣ непадобна.
И этотъ языкъ мнѣ непадобенъ:
Зналъ олъ дѣла еретическія.

Такая строгая казнь, совершенная съ полнымъ спокойствіемъ Добрынею, не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣль обвиненія въ жестокости. Это обычай всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ, подобный поступокъ лишень злобы и свирѣпости, вытекающихъ уже изъ личнаго ощущенія. Гдѣ постоянно играютъ палицы, копья и стрѣлы, тамъ главное дѣло подвигъ, а жизнь становится дѣломъ второстепеннымъ, и большаго уваженія къ ней не оказывается. Надобенъ уже личный подвигъ духа, чтобы возвыситься надъ воззрѣніемъ, зависимымъ отъ своего времени, — къ истинѣ воззрѣнія, независимаго ни отъ какого времени.

Добрые и прямые, но часто суровые, богатыри всё подчинены своему времени, въ немъ ходять и дѣйствуютъ. Одинъ изъ нихъ стоитъ выше всѣхъ ихъ, и по силѣ руки, и по силѣ духа, одинъ возвышается надъ удалымъ временемъ разгула силы физической, одинъ какъ можно рѣже прибѣгаетъ къ ней, одинъ вполне щадить жизнь человѣка и исполнѣнъ благодушенъ и кротокъ — это крестьянинъ, богатырь Илья.

Что поступокъ Добрыни съ Маринюю и другіе въ подобномъ родѣ не мѣшаютъ ему быть добрымъ — въ доказательство тому служить пѣсня объ немъ и Василь Казимировичъ, помѣщенная въ 1 томѣ Московскаго Сборника. Въ этой пѣснѣ Великій Князь Владиміръ посылаетъ Василь Казимировича отвезти дани и пошлпы къ Батыю Царю (позднѣйшая вставка). Батый Царь, не обращая вниманія на принесенныя дани и пошлпы, спрашиваетъ у Василь Казимировича: нѣтъ ли съ нами умильна (умѣльна, отъ слова: умѣть) игрока поиграть въ тавлен вальящатыя. Добрыня садится играть съ Царемъ и скоро выигралъ игру. Тогда Царь Батый предлагаетъ бороться съ его Татарами; Добрыня опять выходитъ; противъ Добрыни три бойца Татарина. «Батый Царь, говоритъ Добрыня, какъ прикажешь ты мнѣ бороться: со всѣми ли вдругъ, или по одиночкѣ?» — Какъ хочешь, такъ и борись, отвѣчаетъ Царь. Добрыня всѣхъ трехъ бросилъ о землю. Тогда Батый предлагаетъ стрѣлять изъ лука. Добрыня опять выходитъ; Батый велитъ принести лукъ, Добрыня натягиваетъ, лукъ ломается, Добрыня требуетъ свой дорожный лукъ. Натянувъ его, онъ спрашиваетъ: «Царь Батый, куда стрѣлять, по Татарамъ или въ чистое поле?» Куда хочешь, отвѣчаетъ Царь. Но если Царю Батыю все равно, то Добрыни не все равно; ему жалко стало стрѣлять по Татарамъ, и онъ выстрѣлилъ въ чистое поле по дубу. Стрѣла разбила дубъ;

Еще стрѣла не уходилася,
Залетѣла въ пещеру бѣлокаменную,
Убила змѣя троеглаваго.
Скочили робята на добрыхъ копей,
Не дали робята ни дани, ни пошлпы;
Уѣзжали робята въ стольный Кіевъ градъ (1).

(1) Московскій Сборникъ, 1852 г. т. I стр. 336—341. Слово *робята* не употребляется о богатыряхъ у Кириши Данилова; тамъ оно значить *дѣти*, смывля. — Слѣдующая пѣсня о Добрыни — изъ Сборника К. Д.

Мы видимъ здѣсь, что Добрыня шадитъ жизнь невѣрныхъ враговъ, хотя самъ ихъ царь даетъ ему позволеніе стрѣлять по нимъ.

Однажды на пиру, во полуириѣ, раснотѣшился Владиміръ и сказалъ: не можетъ ли кто изъ богатырей очистить дорогу прямоѣзжую до его любимаго тестя, грозна короля Этмапуила Этмануловича?—Для этого надобно вырубить Чудь бѣлоглазую, прекротить (укротить или уничтожить) Сорочину долгополую, Черкець Пятигорскихъ, Калмыковъ съ Татарами, всѣхъ Чюкчей и Алюторъ.

Втапоры большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему Князю отвѣта нѣтъ.

Изъ скамьи богатырской выступаетъ Добрыня Никитичъ.

Гой еси сударь ты мой дяюшка,
Ласково солнце, Владиміръ Князь!
Пѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ —
Быть передъ Княземъ невольникомъ.
Я сослужу службу дальнюю,
Службу дальнюю, заочную.

Добрыня берется все исполнить, выпиваетъ подвешенную ему чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, и идетъ къ матушкѣ, просить благословія великаго. Благослови меня, матушка! говорить онъ ей:

Дай мнѣ благословіе на шесть лѣтъ,
Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.

Мать говоритъ ему,—какъ хороши ея простыя слова:

На кого покидаешь ты молоду жену,
Молоду Настасью Пикулишну?
За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успѣлъ ты отпраздновать радости своей, —
Да передъ княземъ расхвастался въ походъ идти.

Что же мнѣ дѣлать, и какъ же быть, сударыня матушка, отвѣчаетъ Добрыня; изъ чего же насъ богатырей Князю и жаловать?—Мать даетъ ему свое благословіе великое. Добрыня идетъ прощаться съ молодой женой:

Жди меня, Настасья! шесть лѣтъ,

говорить оъ ей; не дожدهшься,—жди двѣнадцать, потомъ ни,
хоть за князя, хоть за боярина,—

Не ходи только за брата названнаго,
За молодаго Алешу Поповича.

И поѣхалъ Добрыня. Ѣздитъ недѣлю, ѣздитъ другую, и дѣлаетъ
свое дѣло: рубить Чудь бѣлоглазую, Сорочину долгополую и
прочихъ:

Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.

Совершилъ Добрыня свой подвигъ. Между тѣмъ прошло шесть,
потомъ и двѣнадцать лѣтъ; никто на Настасѣ не сватается. По-
сватался Великій Князь Владимиръ за Алешу Поповича. Настасья
согласилась, и свадьба поѣхала къ вѣнцу. Въѣзжаетъ въ это время
Добрыня въ Кіевъ и ѣдетъ по улицамъ; старые люди переговари-
ваютъ между собою:

Знать де полетка соколиная,
Видѣтъ и поѣздка молодецкая:
Что быть Добрынь Никитичу.

Приѣхалъ Добрыня на свой дворъ, соскочилъ съ коня, привя-
залъ его къ дубовому столбу, къ кольцу булатному. Некому
встрѣтить Добрыню; стара уже его матушка. Идетъ Добрыня въ
свѣтлую гридню, молится Спасову образу, кланяется своей ма-
тушкѣ. Здравствуй, сударыня матушка, говорить оъ ей.

Въ домѣ ли женушка моя?

На этотъ вопросъ сына заплакала мать и сказала: чадо мое
милое, твоя жена за мужъ пошла за Алешу Поповича; они те-
перь у вѣнца стоятъ. Ни слова Добрыня; идетъ показаться Вели-
кому Князю. Въ то время воротился Владимиръ отъ вѣнца со
свадьбою и сѣлъ пировать за убранные столы.—Добрыня прихо-
дитъ на пиръ, молится Спасову образу, кланяется Князю и Кня-
гнѣ и на всѣ четыре стороны. Здравствуй, Владимиръ Князь,
говорить оъ, и съ душой Княгиней Апраксѣвной:

Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ Князю службу заочную,
Сѣзидилъ въ дальны орды вемирныя
И сдѣлалъ дорогу прямоѣзжую
До твоего тестя любимаго.

Я вырубилъ Чудь бѣлоглазую, прекротилъ Сорочину долгопо-

люю, Черкесь, Калмыковъ, Татаръ, Чюкчей всѣхъ и Алюторъ.—
Исполать тебѣ, добрый молодецъ! сказалъ Владиміръ, что слу-
жишь Князю вѣрою и правдою. Тогда Добрыня сказалъ:

Гой, еси сударь, мой дялюшка,
Ласково солнце Владиміръ Князь!
Не диво Алешѣ Поповичу —
Диво Князю Владиміру:
Хочеть у жива мужа жену отнять.

Тогда засуетилась Настасья, хочеть прямо прыгнуть къ До-
брынѣ и обезчестить столы. — Душка Настасья Никулишна! го-
ворить ей Добрыня:

Прямо не скачи, не безчести столы;
Будеть пора—кругомъ обойдешь.

Взялъ тогда Добрыня за руку жену и вывелъ изъ-за убранныхъ
столовъ; извинился передъ Княземъ Владиміромъ, да и Алешѣ
Поповичу сказалъ такое слово:

Гой еси, мой названный братъ,
Алеша Поповичъ младъ!
Здравствуй, женившись, да не съ кѣмъ спать.

Намъ извѣстенъ весьма замѣчательный вариантъ этой прекрас-
ной пѣсни. — Въ вариантѣ многое измѣнено, иное добавлено.
Первоначальною основною пѣснію мы считаемъ помѣщенную въ
сборникѣ Кириши Данилова, но вѣроятно и она дошла до насъ
не въ настоящемъ своемъ видѣ; но крайней мѣрѣ думаемъ, что
въ ней должны были находиться тѣ добавленія, которыя встрѣ-
чаются въ той же пѣснѣ, въ вариантѣ намъ извѣстномъ: измѣне-
нія, въ ней находящіяся, сами по себѣ прекрасны, но излагать
подробно варианта этой пѣсни мы не намѣрены, ибо недавно
была она предложена читателямъ (Р. Б. Т. 1.) и безъ сомнѣнія
прочтена ими съ заслуженнымъ ею полнымъ вниманіемъ; ука-
жемъ только на добавленія и главныя измѣненія.

Когда Добрыня прощается съ женой и позволяетъ ей выдти
хотя за князя, хотя за боярина, только не за Алешу Поповича,
въ вариантѣ прибавлено такъ:

..... хоть за мужъ иди
Хоть ты за Князя, иль за боярина,
Иль за гостя за торговаго,

Иль за мурзынку за Татарина; —
 Не ходи за Алешу за Поповича,
 За бабьего пересмѣшничка,
 За судейскаго перелестничка.

Эти слова, дополняя характеръ Алешы Поповича, объясняютъ, почему такъ онъ противень Добрыни. Сильному мужу, да и всякому мужчине въ полномъ смыслѣ этого слова, презрительнѣе бабій пересмѣшникъ, забавляющій ихъ своими пересмѣхами, или бабій шутъ. Судейской *перелестникъ* тоже, что прелестникъ; слово: прелестъ употреблялось въ смыслѣ соблазна, въ древнемъ нашемъ языкѣ; слово же *лестъ* почти тоже, что *ложь*. Здѣсь перелестникъ употреблено въ древнемъ значеніи: перелестникъ судейской тотъ, кто *перельщаетъ* (прельщаетъ) судей, т. е. кто соблазняетъ ихъ чѣмъ бы то ни было или обманываетъ: еще низкая черта Алешы, возмущающая чистую душу Добрыни. Какъ въ одномъ этомъ отзывѣ Добрыни объ Алешѣ оба богатыря живо и характерно обрисованы!

Къ числу добавленій можно отнести слова Добрыни, которыми заключается пѣсня, помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ. Въ пѣснѣ (Сб. К. Д.) сказано только: извѣстился князю Владимиру и сказалъ Алешѣ Поповичу и т. д.; здѣсь нѣтъ словъ, сказанныхъ Алешѣ Поповичу, но есть слова, сказанныя Владимиру, которыя могли быть и въ пѣснѣ древняго сборщика; въ нихъ слышна насмѣшливая шутка, очень здѣсь уместная; вотъ эти слова Добрыни:

Клапьяюсь я къ себѣ на почестный пиръ:
 У меня дѣло не пасеное,
 Зелено вино не куренное
 И помянцо не вареное.

Пѣсня во многомъ измѣнена. Добрыня ѣдетъ не службу служить князю Владимиру, а погулять и поискать себѣ сопротивника; уѣзжаетъ на двѣнадцать лѣтъ; жена идетъ замужъ за Алешу, не дождавшись назначеннаго срока. Добрыню извѣщаетъ объ этомъ конь его. Добрыня падаетъ коню въ ноги и проситъ *переставить домой* (какъ хорошо это выраженіе!) черезъ три часа съ минутою. Конь исполняетъ его просьбу. Узнавъ отъ матеря, что жена пшла за мужъ за Алешу, Добрыня идетъ на пиръ къ Алешѣ, *по тихохоньку, по смирнехоньку*, переодѣвшись вѣроятно, ибо его тамъ не узнаютъ, идетъ съ гусями, играетъ два наигрыша; по-

слѣ втораго напгрыша, въ которомъ заключается намекъ на настоящее обстоятельство, жена догадывается и подноситъ ему чару зелена вина, которую Добрыня опоражниваетъ, беретъ жену за руку и говоритъ слова, выше нами приведенныя. У Алеши на свадьбѣ Владиміръ тысяцкимъ, а дружкой Илья Муромецъ.

Пѣсня Сборника К. Д. древиѣе и гораздо болѣе совпадаетъ съ тономъ и ходомъ остальныхъ богатырскихъ пѣсней; въ ней болѣе древиныхъ приемовъ рѣчи и оборотовъ языка, и мы, какъ сказали, считаемъ ее подлинною и основною. Впрочемъ пѣсня, признаваемая нами за вариантъ, также несомнѣнной далекой древности и сложена была вѣроятно вскорѣ за первой пѣсней. Удивительно и отрадно, что пѣсня эта поѣтся и что весь древній видъ слова в поэзіи живетъ неизмѣнно въ устахъ народа.

АЛЕША ПОПОВИЧЬ И ЕКИМЪ ИВАНОВИЧЬ.

Алеша Поповичъ родомъ изъ Ростова. Лице совершенно иного нрава. Этотъ богатырь—хитрый плутъ, беретъ обманомъ и скоро готовъ на худое дѣло. Въ пѣсняхъ, не вшедшихъ сюда, онъ упоминается, какъ безсовѣстный соблазнитель. Но съ Алешей Поповичемъ есть другой богатырь, Екимъ Ивановичъ. Екимъ Ивановичъ—это страшная, но смиренная и безотвѣтная сила, всегда находящаяся въ услугахъ у другихъ богатырей. Онъ гораздо сильнѣе Алеши Поповича, но какъ будто самъ этого не знаетъ; въ дѣло самъ собой онъ безъ крайности не пускается, а спрашиваетъ у Алеши, какъ онъ велитъ. Самъ Дунай беретъ его съ собою, предпочитая цѣлой дружинѣ. Алешѣ Поповичу онъ очень выгоденъ; онъ пользуется Екимомъ, какъ вѣрнымъ мечомъ, который никогда не подумаетъ присвоивать себѣ своихъ подвиговъ; Екимъ—его работникъ не только въ дѣлѣ военномъ: онъ заботится и о коняхъ, пускаетъ ихъ въ лугъ, поить. Екимъ полезень Алешѣ, когда нужно прочитать что-нибудь: Алеша не знаетъ грамотѣ, Екимъ, напротивъ, грамотѣ ученъ. Не имѣетъ ли какого-нибудь соотношенія съ этимъ богатыремъ поговорка: *Екимъ простота?*—Алеша Поповичъ упоминается часто въ пѣсняхъ; но одна посвящена собственно ему:

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясны соколы вылетывали,

Выѣжали два могучіе богатыри:
 Что по имени Алешинька Поповичъ младъ,
 А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
 Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
 Стремяно въ стремяно богатырское.

Ничего не наѣхали въ чистомъ полѣ богатыри, не видали ни птицы перелетной, ни звѣря прыскачаго; они наѣхали въ чистомъ полѣ только на три широкія дороги: между трехъ дорогъ лежитъ горючъ камень, а на камнѣ подпись. Братецъ Екимъ Ивановичъ, говоритъ Алеша, ты въ грамотѣ поученный человекъ; посмотри, что на камнѣ подписано. — Екимъ соскочилъ съ коня и прочелъ. Три дороги были расписаны на камнѣ: одна въ Муромѣ, другая въ Черниговѣ, третья въ Кіевѣ, ко ласкову князю Владимиру. — Которой дорогой изволишь ѣхать, братецъ Алеша Поповичъ? спрашиваетъ Екимъ. — Лучше намъ ѣхать къ Кіеву, ко ласкову Князю Владимиру, отвѣчаетъ Алеша. Богатыри повертели добрыхъ коней и поѣхали къ Кіеву. Не доѣхавъ до Сафать рѣки, они остановились покормить коней на зеленыхъ лугахъ и разставили два бѣлые шатра. Алеша легъ *опочивъ держать*. Спустия немного времени, стреноживъ коней и пустивъ ихъ на зеленый лугъ, легъ и Екимъ въ свой шатеръ отдыхать. Прошла осенняя ночь. Рано встаетъ Алеша, умывается утренней зарей (росой на зарѣ), утирается бѣлой ширинкой, на Востокъ молится Богу. Скоро сходилъ за конями Екимъ Ивановичъ, сводилъ ихъ попоить на Сафать рѣку, и Алеша приказалъ ему скорѣ сѣдлатъ коней. Богатыри собираются продолжать путь свой къ Кіеву, тутъ приходятъ къ нимъ калпка переходжій (странникъ, какъ говоритъ теперь народъ). Удалые молодцы, говоритъ онъ имъ, я видѣлъ Тугарина Змѣевича; въ вышину онъ трехъ сажень, промежу плечъ косая сажень, промежу глазъ калена стрѣла;

Конь подъ нимъ—какъ лютой звѣрь;
 Изъ хвляща пламень пышетъ,
 Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Братецъ, калпка переходжій, присталъ къ нему Алеша,

Дай мнѣ платье каличье,
 Возьми мое богатырское;

дай мнѣ твою подорожную шелепугу. — Калпка не отказываетъ.

Они мѣняются платьемъ. Алеша беретъ шелепугу въ пятьдесятъ пудъ (другая была въ тридцать), и идетъ на Сафаты рѣку. Тугаринъ завидѣлъ его, заревѣлъ зычнымъ голосомъ; дрогнула зеленая дуброва, Алеша Поповичъ едва живъ идетъ; Тугаринъ спрашиваетъ Алешу: Калика перехожій! гдѣ видѣлъ, гдѣ слышалъ ты про молодого Алешу? Я бы его копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ. — Тугаринъ Змѣевичъ, отвѣчаетъ Алеша, прикинувшись каликою, подѣвзжай поближе ко мнѣ; я не слышу, что ты говоришь. — Тугаринъ подѣхалъ; Алеша поровнялся съ нимъ, ударилъ его шелепугою по головѣ и разшибъ ему голову. Упалъ Тугаринъ; Алеша вскочилъ ему на черную грудь, и Тугаринъ взмолился: Калика перехожій! не ты ли Алеша Поповичъ? Если ты, то побратаемся! — Алеша не повѣрилъ врагу, отрѣзалъ ему голову, снялъ съ него цвѣтное платье, надѣлъ на себя, сѣлъ на его коня и поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ. Екимъ Ивановичъ и калика перехожій увидали ѣдущаго Алешу, не узнали, въ испугъ вскочили на коней и поскакали къ Ростову. Нагоняетъ ихъ Алеша. Тогда Екимъ обернулся и думая, что за ними скачетъ Тугаринъ, выхватилъ боевую палицу въ тридцать пудъ и кинулъ въ Алешу позадь себя; палица угодила въ грудь, вышибла Алешу пѣзъ сѣдла, и упалъ онъ на землю. Екимъ соскочилъ съ коня, кинулся къ врагу, чтобы разороть ему грудь (обыкновенный приемъ у всѣхъ богатырей), и увидалъ на груди его золотой крестъ. Тогда догадался Екимъ, заплакалъ и сказалъ каликѣ: по грѣхамъ случилось надо мною; я убилъ своего брата названнаго. — Сталъ Екимъ съ каликой трясти и качать Алешу, дали ему заморскаго питья, — и Алеша всталъ здоровымъ. Онъ обмѣнялся опять съ каликой платьемъ. Уложили въ чемоданъ платье Тугариново, сѣли на коней и всѣ поѣхали къ Кіеву, къ ласкову Князю Владиміру. Приѣхали въ Кіевъ на княжескій дворъ, соскочили съ коней, привязали ихъ къ дубовымъ столбамъ и пошли въ свѣтлыя гридни.

Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевѣ,
И на всѣ четыре стороны.

Князь Владиміръ говоритъ имъ: добрые молодцы! скажите, какъ васъ по имени зовутъ: по имени можно вамъ дать мѣсто,

по отечеству можно пожаловать.—Меня, Государь, отвѣчаетъ Алеша, зовутъ Алешею Поповичемъ; я изъ Ростова, сынъ стараго попа соборнаго. — Алеша Поповичъ, говоритъ ему Владиміръ, обрадовавшись, садись по отечеству въ большое мѣсто, въ передній уголокъ; въ другое мѣсто богатырское, въ дубовую скамью противъ меня; въ третье—куда самъ захочешь. И такъ Владиміръ даетъ ему у себя три мѣста, изъ которыхъ первое по отечеству, по отцовской чести, а второе по личнымъ заслугамъ, и наконецъ въ третьихъ — право сѣсть, гдѣ угодно; Алеша воспользовался этимъ правомъ, не сѣлъ въ первыя два мѣста, а сѣлъ съ своими товарищами на палатный брусъ.—Спустя немного времени, двѣнадцать богатырей несутъ на доскѣ изъ краснаго золота Тугарина Змѣевича и посадили его въ большое мѣсто. Подлѣ Тугарина сидѣла Княгиня Апраксѣевна.—И такъ Тугаринъ ожилъ; это ничего, это въ пѣсняхъ сплошь да рядомъ; но какъ онъ явился на пиру у Князя Владиміра? Это появленіе нѣскольکو странно; но во 1-хъ, оно, вѣроятно, объясняется въ самыхъ пѣсняхъ; мы не имѣемъ ихъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, во всей полнотѣ; можетъ быть, Тугаринъ былъ прежде знакомъ Владиміру. Во 2-хъ, въ открытыя палаты Князя Владиміра, на пиръ его, всѣмъ открытый, могъ явиться всякой, тѣмъ болѣе богатырь; слѣдовательно и Тугаринъ. Продолжаемъ разсказъ. — Догадливые повара понесли яства сахарныя и питья медвяныя заморскія. Гости стали пировать. Тугаринъ нечестно (не почтительно, не съ уваженіемъ) хлѣба ѣсть: мечеть за щеку по цѣлой ковригѣ, а ковриги монастырскія; нечестно онъ и пьетъ: охлестываетъ по цѣлой чашѣ въ полтретья ведра; мало того, онъ ласкается къ княгинѣ. — Смотритъ Алеша съ своего палатнаго бруса и говоритъ: Ласковый Владиміръ Князь!

Что у тебя за болванъ пришелъ?

Что за дуракъ неотесапый?

Печестно у Князя за столомъ сидитъ,

онъ ласкается, собака, къ княгинѣ, цѣлуетъ ее въ уста сахарныя, насмѣхается тебѣ, Князю. А у моего сударя батюшки была собачица старая, на силу таскалась по подстолюю и подавлялась костью та собака; я схватилъ ее за хвостъ да бросилъ подъ гору: Тугарину тоже отъ меня будетъ. Почернѣлъ Тугаринъ при этихъ

словахъ, какъ осенняя почъ; сталъ свѣтель Алеша, какъ свѣтлый мѣсяць. Опять попесля кушанья повара и принесла бѣлую лебедь,—Княгиня стала рѣзать бѣлую лебедь, обрѣзала лѣвую руку, завернула рукавчикомъ, опустила подъ столъ и сказала: княгини, боярыни! или миѣ рѣзать лебедь, или смотрѣть на милую жизнь мою, на молодого Тугарина Змѣевича.—А Тугаринъ взялъ бѣлую лебедь и всю вдругъ проглотилъ, да еще тутъ же ковригу монастырскую. Заговорилъ опять Алеша на палатномъ брусу: Ласковый Владиміръ Князь!

Что у тебя за болванъ сидитъ?
 Что за дуракъ неотесапим?
 Печестно за столомъ сидитъ,
 Печестно хлѣба съ солью ѣсть:
 По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
 И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ; ●
 У моего сударя батюшки,
 У Федора попа Ростовскаго,
 Была коровища старая,
 На силу по двору таскалася;

Заблалась она на поварию къ поварахъ, выпила чашъ прѣсной браги, да съ него и лопнула; я взялъ ее за хвостъ да бросилъ подъ гору: Тугарину тоже отъ меня будетъ. Потомилъ опять Тугаринъ, какъ почъ осенняя, выхватилъ булатное чингалище и бросилъ въ Алешу. Алеша былъ вертокъ и увернулся отъ удара, чингалище подхватилъ Екимъ Ивановичъ и сказалъ Алешѣ: самъ въ него бросаешь или миѣ велишь? Самъ не бросаю и тебѣ не велю, говоритъ Алеша; завтра я съ нимъ перевѣдаюсь. Я бьюсь съ нимъ о великой закладъ: не о стѣ, не о тысячѣ рублей, а объ своей буйной головѣ. Вскочили на погн, услыжавъ эти слова, князья и бояре, всѣ спѣшать принять участіе въ закладѣ, всѣ увѣрены въ побѣдѣ Тугарина, всѣ за него держать большія деньги. Одинъ владыка Черниговскій держитъ за Алешу. Тугаринъ вышелъ вонъ, сѣлъ на коня и поднялся на крыльяхъ *бу-мажныхъ* летать подъ небесами. Вскочила Княгиня и стала пекать Алешѣ, что не далъ поспѣть милому другу. Не сталъ ее слушать Алеша, поднялся съ товарищами и вышелъ вонъ. Они сѣли на коней, приѣхали на Сафать-рѣку и, пустиши коней въ зеленые луга, легли спать. Алеша не спалъ всю поч. и со сле-

зани молился Богу: создай, Боже, тучу грозную, тучу съ градомъ и дождемъ.

Алешины молитвы доходны ко Христу:

Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ и дождемъ, замочило у Тугарина бумажныя крылья, и упалъ онъ, какъ собака, на землю. Екимъ пршшелъ къ Алешѣ и сказалъ, что видѣлъ Тугарина на землѣ. — Алеша скоро спарядился, сѣлъ на коня, взялъ одну острую саблю и поѣхалъ къ Тугарину. Увидалъ Тугаринъ Алешу и заревѣлъ зычнымъ голосомъ: молодой Алеша Поповичъ! хочешь ли, я спалю тебя огнемъ? хочешь, копемъ стопчу, или копьемъ заколю?—Молодой Тугаринъ Змѣевичъ! отвѣчаетъ Алеша, ты бился со мной о великой закладъ, драться одинъ на одинъ, а за тобой теперь силы и смѣты нѣтъ на меня, на Алешу.—Тугаринъ оглянулся назадъ; въ то время Алеша подскокнлъ и срубилъ ему голову: упала голова на землю, какъ пивной котель. Алеша соскочилъ съ коня, отвязалъ чембуръ, прокололъ уши у головы Тугарина, привязалъ къ коню и привезъ въ Кіевъ на княжечепчій дворъ; среди двора бросилъ онъ голову. Князь Владиміръ увидалъ Алешу, повелъ его въ свѣтлыя грдпп, посадилъ за убранные столы, и пошелъ ширъ для Алешин Поповича. Среди шира сказалъ Владиміръ своему гостю: молодой Алеша Поповичъ! ты далъ мнѣ свѣтъ въ одинъ часъ. Живи въ Кіевѣ, служи мнѣ Князю Владиміру, я стану тебя вдоволь жаловать. — Алеша не ослушался и сталъ служить Князю вѣрою и правдою. Но Княгиня бранила Алешу, что онъ разлучилъ ее съ ея милымъ другомъ, съ молодымъ Тугариномъ Змѣевичемъ. Матушка Княгиня Аираксѣвна, отвѣчала ей на это Алеша,

Чуть не назвалъ я тебя сукою.

Вотъ единственный славный подвигъ, совершенный богатыремъ Алешою Поповичемъ, единственный, о которомъ упоминаютъ наши пѣсни; въ этой пѣснѣ какъ будто воздается возможная честь Алешѣ, но и здѣсь правдивое народное слово выставляетъ Алешу, въ настоящемъ свѣтѣ, такимъ, каковъ онъ есть: оба раза, какъ видимъ, побѣда досталась ему по милости обмана, конечно дерзкаго. Въ оба раза не рѣшился онъ выступить на открытый честный бой. Добрый и всегда послушный Екимъ, который спибъ по ошибкѣ Алешу съ коня, очевидно его сильнѣе. Впрочемъ въ

дерзости у Алеши нѣтъ недостатка. Хотя въ пѣсняхъ не сохранилось объ Алешѣ еще какого-нибудь разсказа, но пѣсни во многихъ мѣстахъ дополняютъ его характеръ. Такъ Добрыня (см. выше), уѣзжая, позволяетъ женѣ своей выдти, послѣ известнаго срока, за кого ей угодно, хоть за Татарина, только не за Алешу, за бабьяго пересмѣшника—выраженіе, очень мѣткое и выказывающее все презрѣніе истиннаго мужчины къ такого рода людямъ. Кромѣ того, тутъ же называется онъ судейскимъ перелестникомъ, соблазнителемъ, подкупающимъ судей, слѣдовательно человѣкомъ безнравственнымъ. Такъ въ прекрасной пѣспѣ: Сорокъ каликъ со каликою, напоминающей отчасти Юсіфа Прекраснаго и Пентеорію, Алеша выступаетъ съ очень невыгодной стороны. — Сорокъ каликъ со каликою изъ Боголюбова монастыря идутъ на богомолье въ Іерусалимъ; близъ Кіева встрѣчаютъ они Князя Владимира, который охотится за звѣрьми и птицами, съ Княземъ Добрыня. Калики просятъ у Князя святую милостыню. Мпѣ нечего вамъ дать, отвѣчаетъ Владимиръ, я здѣсь потѣшаюсь охотою, а ступайте вы въ Кіевъ къ Княгинѣ. Калики приходятъ и просятъ у Княгини милостыни. Княгиня ихъ угощаетъ. Калики собираются въ путь и просятъ надѣлать ихъ въ дорогу золотомъ. Но у Княгини не то на разумѣ. Атаманъ каликъ ей очень понравился и она посылаетъ Алешу Поповича (какъ видно онъ ужъ въ ладахъ съ Княгинею) уговорить атамана придти къ ней поспѣть въ долгой вечеръ, поговорить забавныя рѣчи. Алеша сталъ уговаривать: но не уговорилъ Алеша благочестиваго атамана и получилъ отказъ. Княгиня осердилась и послала Алешу прорѣзать суму у атамана и положить туда серебряную чарочку, которою Князь пьетъ на пріѣздѣ. Алеша исполнилъ порученіе и зашилъ гладко суму; какъ только пошли калики, не простившись съ Княгиней, она послала Алешу въ ноговию за ними. Онъ нагналъ ихъ.

У Алеши вѣжество не рожденное (не природное),

говоритъ пѣсня. Онъ до того дошелъ въ своей наглости, что, зная все дѣло, завелъ ссору съ каликами, началъ ругать ихъ ворамъ и разбойниками: вы-то, калики, бродите по крещеному міру; что украдете, своимъ зовете; обокрали вы Княгиню. — Калики не дали ему себя обыскивать, и Алеша, поворчавъ, поѣхалъ къ Кіеву. Въ то время какъ пріѣхалъ Алеша, пріѣхалъ съ охоты и

Владимиръ, и съ нимъ Добрыня. Княгиня посылаетъ Добрыню за каликами. Добрыня, не знающій ничего объ этомъ дѣлѣ, не ослушался на сей разъ Княгини, поѣхалъ и настигъ каликъ въ чистомъ полѣ,

у Добрыни вѣжество рожденное (природное) и ученое.

Онъ соскочилъ съ коня, самъ бьетъ челою и проситъ атамана, чтобъ онъ не навелъ на гнѣвъ Князя Владимира.

Прикази обыскать калики переходіе,
Нѣтъ ли промезу васъ глупаго?

Калики исполняютъ его просьбу.

Мы не рассказываемъ всей этой прекрасной пѣсни, ибо она не относится къ нашей задачѣ, т. е. къ пѣснямъ собственно богатырскимъ. Мы взяли изъ нея, что нужно было намъ для опредѣленія характера Алеши. Здѣсь ярко обрисованъ Алеша, грубый и безчестный, и тѣмъ ярче, что рядомъ съ нимъ честный и вѣжливый Добрыня.—Вспомнимъ также, что Илья Муромецъ (см. въ I. т. М. С.) не хочетъ, чтобы Алеша шелъ драться съ Козарскимъ богатыремъ, ибо Алеша корыстолюбивъ, заглядится на золото и серебро и будетъ побитъ.—Наконецъ въ двухъ неизданныхъ пѣняхъ, находящихся въ знаменитомъ драгоцѣнномъ собраніи Русскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, Алеша является, какъ безсовѣстный соблазнитель. Илья Муромецъ, встрѣтивъ дѣвицу, обманутую Алешей, говоритъ: я не зналъ прежде того, а то бы я съ Алешей перевѣдался и снесъ бы я Алешѣ буйну голову.

И такъ лицо Алеши Поповича очерчено очень явственно, очень живо и полно; очень вѣрно сохранена характеристика дерзкаго и ловкаго обманщика, но вовсе не храбраго воина, бабьяго пересмѣшника и вмѣстѣ готоваго на всякое худое дѣло.

ДУНАЙ.

Не похожъ Дунай на другихъ богатырей; очевидно пришлецъ изъ чужихъ странъ, буйный духомъ, онъ отличается какою-то особою горделивою осанкою. Объ немъ извѣстна одна только пѣсня, въ которой рассказывается о женитьбѣ Великаго Князя Владимира. Въ этой пѣсни очевидно являются намеки на какую-то прежнюю жизнь Дуная, намеки, неясные для васъ, но безъ со-

жизни ясны для тех, кѣмъ и кому пѣлись пѣсни, ибо эти на-
мекы—какъ бы что-то известное. Въ одномъ мѣстѣ Дунай гово-
ритъ самъ о себѣ, что онъ служилъ въ семи ордахъ, семи коро-
лямъ. Удалой дружинникъ, Дунай наконецъ остался въ службѣ
православнаго Князя Владиміра, и самъ является уже православ-
нымъ витяземъ. Такъ рассказываетъ пѣсня о жепитьбѣ Князя
Владиміра и о подвигахъ Дуная.

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ, у ласкова Князя Владиміра было
прощанье почестный пиръ, было столованье почестный столъ.
Много на пирѣ было князей и бояръ и Русскихъ могучихъ бо-
гатырей.

А в будетъ день въ половину дня,
Княжецкій столъ во полустолъ;
Владиміръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гривѣ похаживаетъ,
Черныя кудри расчесываетъ,

И говоритъ такое слово: Князь, бояре, могучіе богатыри!

Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
Только я Владиміръ Князь холостъ хожу,
А я холостъ я хожу, не женать гуляю;

А кто знаетъ мнѣ *сопротивницу*? (слово замѣчательно: т. е.
ту, которая была бы *сопротивъ* меня, мнѣ равная, какъ гово-
рится, на примѣръ: *онъ супротивъ ея не будетъ*, т. е. онъ ему
не равенъ, онъ ему не пара; здѣсь удержанъ въ словѣ еще осо-
бенный отгѣнокъ противоположности). Кто знаетъ мнѣ *сопротив-*
ницу? говоритъ Владиміръ, *сопротивницу* знаетъ, красную дѣви-
цу, статную станомъ, совершенную умомъ, бѣлое лицо у ней,
какъ бѣлый снѣгъ, щеки, какъ маковъ цвѣтъ, черныя брови,
какъ соболи, ясныя очи, какъ у сокола? — На вопросъ Князя
большой прятется за меньшаго, отъ меньшаго нѣтъ отвѣта Кня-
зю. Тогда изъ-за стола княжецкаго, изъ скамьи богатырской вы-
ступилъ Иванъ, гостинной сыпъ, вскочилъ на богатырское мѣсто
и сказалъ зычнымъ голосомъ: Ласковый Владиміръ Князь! бла-
гослови предъ тобою слово молвить. Я Иванъ бывалъ въ Золотой
Ордѣ, у грознаго Короля Этмануила Этмануловича; видѣлъ я
въ дому у него двухъ дочерей; первая дочь — Настасья, вторая
Афросинья;

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему
 За тридцать замковъ булатными;
 А и бушны вихри—не выхнутъ на ее,
 А красное солнце—не печетъ лицо.

Иванъ описываетъ ея красоту словами самого Владимира и прибавляетъ: посылай, Государь, Дунай свататься. — Владимиръ велѣлъ налить чару зелена вина въ полтора ведра и поднести Ивану за хорошаго слова. Призываетъ Владимиръ въ спальню къ себѣ Дунай и говоритъ ему: Дунай сынъ Ивановичъ! Сослужи мнѣ службу заочную: съѣзди въ Золотую Орду къ грозному Королю, Этманублу Этмануиловичу, для добраго дѣла, для сватанья, на его любимой дочери, на Афросиньѣ Королевиши; бери моей золотой казны, бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей. Сказавъ это, Владимиръ подноситъ Дунаю въ полтора ведра чару зелена вина и въ полтретья ведра турій рогъ сладкаго меду; Дунай выпилъ и чару зелена вина, и турій рогъ меду сладкаго. Разгорѣлась утроба богатырская и разошлись могучія плечи у Дуная, и Дунай говоритъ: Ласковое солнце, Владимиръ Князь! Не падо мнѣ твоей золотой казны, не падо трехъ сотъ жеребцовъ, не падо могучихъ богатырей. Дай одного мнѣ молодца, Екима Ивановича, который служитъ Алешкѣ Поповичу.—Владимиръ Князь тотчасъ самъ руками привелъ Екима къ Дунаю.—Поѣхали богатыри; ѣдутъ ведѣлю, другую, и приѣхали въ Золотую Орду. Соскочили они середь королевскаго двора, привязали копей къ дубовому столбу и пошли въ бѣлокаменную палату. — Король въ Золотой Ордѣ! говоритъ Дунай:

У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ
 Нѣту Спасова образа:
 Не кому у тя помолитися,
 А и не за что тебѣ поклонитися.

Король говоритъ на это Дунаю, а самъ усмѣхается: Дунай сынъ Ивановичъ!

Али ты ко мнѣ приѣхалъ по старому служить и по прежнему?

Король въ Золотой Ордѣ! отвѣчаетъ Дунай, приѣхалъ я къ тебѣ не по старому служить и не по прежнему. Я приѣхалъ къ тебѣ для добраго дѣла, для сватанья. На твоей дочери Афросиньѣ хочеть жениться Князь Владимиръ.—Оскорбился (почему-то) этимъ

Король, рветь на головѣ черныя кудри, бросаетъ ихъ о *кирящеть* полъ и говоритъ: Дунай сынъ Ивановичъ! Если бы ты не служилъ у меня вѣрою и правдою, я бы велѣлъ посадить тебя въ погреба глубокие и уморилъ бы голодною смертию за твои бездѣльные слова. Оскорбился Дунай, разгорѣлось богатырское сердце; онъ обнажилъ саблю и сказалъ: Король Золотой Орлы! Если бѣ я у тебя въ дому не бывалъ, хлѣба-соли не ѣдалъ, ссѣкъ бы по плечи тебѣ буйную голову. — Король заревѣлъ зычнымъ голосомъ; борзые псы заходили на цѣпяхъ. Псами затравить Дуная хочетъ Король. Екимъ Ивановичъ! кричитъ Дунай,

Что ты сталъ, да чего глядишь?

Псы борзые заходили на цѣпяхъ.

Екимъ бросился опрометью на широкой дворъ; *мурзы, улановья* не допускаютъ Екима до добраго коня, до тяжелой палицы мѣдной. Не попала Екиму палица желѣзная, попала ему ось тѣлесная; зачалъ ея помахивать Екимъ, со всѣхъ сторонъ валяются враги; перебилъ Екимъ множество людей, и избилъ пять сотъ кобелей меделлицкихъ. — Видя это, Король закричалъ зычнымъ голосомъ: Дунай Ивановичъ!

Уими ты своего слугу вѣрнаго;

Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена,

Бери мою любимую дочь Афросинью. — Дунай оставилъ Екима и пошелъ къ высокому терему, гдѣ сидитъ Афросинья за тридцатью замками булатными, гдѣ

Буйныя вѣтры не вихнутъ на нее,

Красное солнце лица не печеть.

У этихъ палатъ были желѣзныя двери; крюки и пробои были по булату злачены. Дунай сталъ передъ замкнутыми дверями и сказалъ: хоть ногу изломить, а двери выставить! Онъ пнулъ въ желѣзныя двери, сломались булатные крюки, и всѣ палаты зашатались. Изъ дверей бросилась испуганная дѣвица, какъ угорѣлая, и хочетъ цѣловать Дуная въ уста. Дунай сказалъ: Афросинья Королевишна! какъ

Ряженой кусь—да не суженому ѣсть!

Не цѣлую я тебя въ сахарныя уста.

А и Богъ тебя красную дѣвицу мигуетъ:

Достанешься ты Князю Владимиру.

Дунай взялъ ее за правую руку и повелъ изъ палатъ на широкой дворъ. Богатыри и красная дѣвица хотѣли уже садиться на коней, какъ спохватился тутъ Король Золотой Орды и просить Дуная, чтобъ онъ подождалъ его мурзъ и улановъ. Дунай исполняетъ его просьбу, и Король отправляетъ своихъ мурзъ и улановъ везти за Дунаемъ богатое приданое: золото, серебро, жемчугъ и драгоценные камни. Скоро, собравшись, всѣ поѣхали къ городу Кіеву; ѣдутъ недѣлю, ѣдутъ другую; тутъ же везутъ и золотую казну.—Не доѣхавъ ста верстъ до Кіева, наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ; взманилъ его этотъ слѣдъ, и Дунай сталъ наказывать Екиму:

Гой еси Екимъ сынъ Ивановичъ!
Вези ты Афросинью Королевишну
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласковому Князю Владиміру,—
Честно, хваляно и радостно.
Было бы намъ чѣмъ похвалиться
Великому Князю во Кіевѣ.

Сказавъ это, самъ Дунай поѣхалъ по свѣжему бродучему слѣду; ѣдетъ онъ трое сутокъ,

Въ четвертыя сутки слѣдъ дошелъ.

На потѣшныхъ лугахъ, куда всегда ѣздитъ Владиміръ Князь охотиться, стоитъ бѣлый шатеръ; въ шатрѣ держитъ опочивъ красная дѣвица. Эта красная дѣвица — Настасья Королевишна, сестра Афросиньи; другую жизнь вела она, и сильнымъ витяземъ ѣздилъ вольно по полямъ. — Дунай вынулъ изъ налучна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, вытянулъ за ухо калену стрѣлу съ тетивою и хлеснулъ по сыру дубу; вспѣла тетива, дрогнула земля отъ богатырскаго удара; стрѣла угодила въ дубъ,

Изломала его въ черенъя ножевыя.

Какъ угорѣлая, бросилась дѣвица изъ шатра; Дунай ударилъ её, сшибъ съ ногъ и выдернулъ булатное чингалыще, чтобы разрѣзать ей грудь; дѣвица взмолилась ему: удалой доброй молодецъ! Не коли ты меня дѣвицу до смерти. Я отпросилась у ба-тюшки съ тѣмъ, что кто побьетъ меня въ чистомъ полѣ, за того мнѣ и замужъ идти. Обрадовался Дунай ея слову и думаетъ своимъ разумомъ:

Служилъ я Дунай во семи ордахъ,
 Во семи ордахъ, семи Королямъ,
 А не могъ себѣ выжить кресныя дѣвицы;
 Нонѣ я нашель во чистомъ полѣ
 Обручницу, сопротивницу.

Обручались Дунай съ Настасьей и обвѣчался вокругъ ракова куста. Дунай отобралъ у дѣвицы брачное вооруженіе, кольчугу и панцырь и куякъ, приказалъ ей надѣть простую бѣлую епанчу и поѣхалъ съ ней къ Киеву. Въ это время ѣхалъ Князь Владиміръ отъ вѣнца, и у повобрачнаго Князя пошелъ свадебный пирь. Дунай пріѣхалъ къ соборной церкви и просить у Архидіакона позволенія обвѣнчать его съ Настасьей. Дуная обвѣнчали (1), и новыя молодые поѣхали къ Князю Владиміру, соскочили съ коней на его широкомъ дворѣ, и Дунай послалъ сказать Князю:

Доложитесь Князю Владиміру:
 Не о томъ, что идти во свѣтлыя грѣдны,—
 О томъ, что не въ чемъ идти Княгинѣ молодой:
 Платья женскаго только и есть одна епанечка бѣлая.

Князь Владиміръ догадался; знаетъ онъ, кого послать: послалъ онъ Чурплу Пленковича, выдать цвѣтное женское платье.—Здѣсь прямо памекъ на особенность Чурилы, которая полнѣе раскрывается въ другой пѣснѣ, собственно о немъ. Выдали платье, богато снарядили Княгиню новобрачную, повели молодыхъ въ свѣтлыя грѣдны и посадили за столъ. Теперь уже двѣ сестры сѣли за однимъ столомъ. Молодой Дунай Ивановичъ

Женилъ онъ Князя Владиміра,
 Да и самъ тутъ же женился,
 Въ томъ же столѣ столовати сталъ.

Прошло много времени. У Князя Владиміра, у солнышка Святославича, была веселая пррушка. На пррушкѣ пьяный Дунай разхвастался, что въ Киевѣ нѣтъ ему равнаго стрѣльца стрѣлять изъ лука въ цѣль. Княгиня (жена Владиміра) сказала на это: Любимый мой зять, Дунай Ивановичъ! Нѣтъ въ Киевѣ такого стрѣльца, какъ сестра моя Настасья Королевишна.—Обидно стало Дунаю; сей часъ захотѣлъ онъ испытать, кто лучше стрѣляетъ.

(1) Здѣсь послѣ языческаго обряда вѣнчанія слѣдуетъ Христіанскій.

Мечуть жеребій; достается стрѣлять жецѣ Дуная (она вѣроятно была тутъ же на пиру), а Дунаю держать на головѣ золотое кольцо. Отмѣрили мѣсто на версту. Держить Дунай на головѣ золотое кольцо; Настасья патянула лукъ, вытянула калену стрѣлу; запѣла тетива у тугого лука; каленая стрѣла сшибла золотое кольцо. Бросились пскать к князю и бояре, увидали каленую стрѣлу, и на ея перьяхъ золотое кольцо. Тогда Дунай становилъ молодую жену на свое мѣсто. Княгиня принялась его уговаривать: Зять мой любимый, Дунай Ивановичъ! Это была шуточка пошучепа.—Жена его тоже говорила ему: оставимъ стрѣлять до другаго дня; въ моей утробѣ могучій богатырь. Первой стрѣлой ты не дострѣлишь, второй стрѣлой перестрѣлишь, третьей стрѣлой въ меня угодишь. — Князю, бояре и сильные могучіе богатыри уговаривали Дуная, но Дунай озадорился, и опять ставилъ на мѣсто свою жену. Она стала его упрашивать и кланяться ему. Любезный мой *Ладушка*, говорила она Дунаю, оставь шутку на три дня, хоть не для меня, но для своего сына не рожденнаго; завтра рожу тебѣ богатыря: ему не будетъ сопротивника. Не повѣрилъ Дунай и поставилъ жену свою на мѣсто цѣлп. Стала жена держать золотое кольцо на головѣ. Первой стрѣлой не дострѣлилъ Дунай, второй перестрѣлилъ; третьей въ нее угодилъ. Прибѣжалъ Дунай къ женѣ, выхватилъ булатное чингалше, разпоролъ ей грудь; изъ утробы выскочилъ удалой молодецъ и сказалъ: Сударь мой батюшка! Если бѣ даль ты мнѣ сроку на три часа, я бы на свѣтѣ былъ въ семь семерицъ получше и поудальѣ тебя. Опечалился молодой Дунай Ивановичъ, ткнулъ себя чингалшемъ въ грудь и кинулся въ быструю рѣку.

Потому быстра рѣка Дунай слыветъ;
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧЬ.

Этотъ богатырь также имѣетъ свой, совершенно особенный обликъ.—Это пзѣженный щеголь и волокита; объ свлѣ его нѣгдѣ не говорится, онъ знаменитъ своею дружиною; но онъ пахотпся въ числѣ богатырей, и нѣтъ повода считать Чурплу не заслуживающимъ этого званія. За то много говорятъ пѣсня о пышности и щегольствѣ Чурплы. Вспомнимъ, что ему поручаетъ Вла-

днмиръ и платье выбрать для новобрачной, жены Дуная.—У Чурилы, какъ видно изъ пѣсни, своя сильная дружина, и онъ сперва живетъ отдѣльно и пезависимо. Это богатырь-начальникъ дружины, роскошный, щеголеватый, изнѣженный и волокита. О Чурилѣ, въ Сборникѣ Кирши Дапилова, говорятъ только одна пѣсня.

Пѣсня начинается, какъ большею частію начинаются пѣсни о богатыряхъ и пврахъ Владимира: т. е. въ Кіевѣ, у Князя Владимира, идетъ ппровоанье-почестный пиръ на князей, бояръ и богатырей, и Владимиръ Князь на пиру распотѣшился. — Въ это время, когда весело стало Князю Владимиру, подошли къ нему незнакомые люди; ихъ всѣхъ человекъ за триста, всѣ они избиты и изранены. Они творять жалобу Владимиру. — Свѣтъ Владимиръ Князь! говорятъ они, мы ѣздили по чистому полю, вверху рѣки Черегн, въ твоемъ государевомъ займищѣ. Ничего мы не наѣхали въ полѣ, и не видали ни звѣря прыскачаго, ни птицы перелетной. Мы наѣхали въ чистомъ полѣ на толпу молодцевъ, человекъ за пятьсотъ; они повыловили и повыгнали звѣрей, и насъ избили, изранили. Нѣтъ тебѣ, Государю, добычи, а отъ тебя, Государь, намъ жалованья нѣтъ; дѣти и жены пошли по міру.—

Владимиръ Князь, стольной Кіевской,
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не ушла еще эта толпа со двора, пришла другая толпа, человекъ за пятьсотъ; это были все охотники рыболовы, и тоже всѣ избиты, изранены, и тоже творять жалобу: Свѣтъ Владимиръ Князь! ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ, на твое княженецкое счастье, ничего не поймали. Встрѣтили мы людей, человекъ за пятьсотъ; повыловили они бѣлую рыбицу, щукъ, карасей и мелкую рыбешку. Намъ нѣтъ добычи, Государь, а тебѣ приношу, а отъ тебя, Государь, нѣтъ жалованья; дѣти и жены пошли по міру. —

Владимиръ Князь, стольной Кіевской,
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не сошли эти толпы со двора, пришли вдругъ двѣ другія толпы; первая толпа—сокольники, вторая толпа—кречетники; и всѣ они избиты, изранены, и также творять жалобу: Свѣтъ Влади-

міръ Князь! Ыздили мы по полю чистому, вверху Черегн, по твоему государеву займищу, на потѣшныхъ островахъ, на твое княжепечкое счастье. Ничего мы не видали; не видали сокола и кречета перелетнаго. Наѣхали мы только на молодцевъ за тысячу человекъ. Они повыхватали всѣхъ ясныхъ соколовъ и повывловили бѣлыхъ кречетовъ, а насъ избили, изранили; называются дружиною Чуриловою (1). — Кто это Чурила? спросилъ Владимиръ, схватившись за это слово. — Выступилъ старый Бермята Васильевичъ и сказалъ: я давно, Государь, знаю про Чурилу; онъ живетъ не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца.

Дворъ у него на семи верстахъ;
 Около двора желѣзный тынъ;
 На всякой тынникѣ по маковкѣ,
 А и есть по жемчужникѣ;
 Среди двора свѣтлицы стоятъ,
 Грядки бѣлодубовы,
 Покрыты сѣдымъ бобромъ;
 Потолокъ черныхъ соболей;
 Матицы-то валженыя;
 Поль—середа (2) одного серебра;
 Крюки да пробов по булату злачены.
 Первые у него ворота вальшататы,
 Другія ворота — хрустальныя,
 Третьи ворота — оловячныя.

Услышавъ это, Владимиръ захотѣлъ видѣть дворъ Чурилы Пленковича, скоро собрался вмѣстѣ съ Княгинею, взялъ съ собою князей, болръ и могучихъ богатырей, взялъ Добрыню Никитича и стараго Бермяту Васильевича. Собралось ихъ всѣхъ пятьсотъ человекъ.

И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.

(1) Свидѣтельство о Чуриловой дружинѣ, по нашему мнѣнію, очень важно и служить въ то же время доказательствомъ древности самой пѣсни. Изъ этого свидѣтельства видно, что, во время древнихъ первыхъ Князей, были какъ бы независимые отдѣльные начальники дружинъ, и цѣлыя дружины, довольно самостоятельныя и самовольныя. Мы знаемъ, что была своя дружина у Свѣнелды; вѣроятно, что мужи, имена которыхъ встрѣчаемъ въ договорахъ Олега и Игоря, имѣли такія же дружины. — Это не значитъ, впрочемъ, чтобъ эти дружины могли дѣлать съ народомъ, что хотѣли. Сильный и самобытный, конечно ставилъ онъ предѣлы ихъ своеволію.

(2) *Середа* — сплошная цѣльная масса (середа) — здѣсь плоская.

Пріѣхали къ его двору; ихъ встрѣчаетъ старый Пленъ (отецъ Чурплы).

Для Князя и Княгини
Отворяетъ ворота вальштаты,
А Князьмъ и боярамъ — хрустальныя,
Простымъ людямъ — ворота оловячныя.

Наѣхало полною дворъ гостей. Пленко Сарожепниъ повелъ Князя и Княгиню въ свѣтлыя гриди, посадилъ ихъ въ почетное мѣсто; посадилъ князей, бояръ и могучихъ Русскихъ богатырей, — начался пиръ; поспели и яства и питья заморскія, чтобы развеселить Князя.

Веселая бесѣда, на радости день;
Князь со Княгинею веселъ сидитъ.

Посмотрѣлъ Владиміръ въ косящетею окно и увидалъ въ полѣ толпу людей. — По грѣхамъ не случилось меня дома, сказалъ Владиміръ,

Ко мнѣ ѣдетъ Король изъ Орды,
Или какой грозенъ посоль.

Старый Пленко лишь только усмѣхается, а самъ подчуется: «Изволь ты, Государь Князь, со Княгинею и со всѣми своими князьми и боярами, кушать. Не Король ѣдетъ изъ Орды и не грозенъ посоль, а ѣдетъ храбрая дружина сына моего, молодого Чурплы Пленковича; когда онъ будетъ передъ тобою, Государь, тогда пиръ будетъ во полупирѣ, будетъ столъ во полустолѣ». — Опять пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются; день вечерѣетъ, закатывается красное солнышко, въ полѣ сгущается толпа, человекъ за пятьсотъ и до тысячъ:

Ѣдетъ Чурпла ко двору своему;
Передъ нимъ несутъ *подсолнечники*, (!)
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.

Пріѣхалъ Чурпла къ своему двору; прежде его прибѣжалъ скорыходъ, заглянулъ на дворъ и увидалъ, что не куда ѣхать Чурплѣ съ дружиною и съ добычею. Тогда поѣхалъ Чурпла съ товарищами на свой окольный дворъ, тамъ они остановились и принарядились. Догадался Чурпла, что дѣлать; онъ взялъ золотые

(1) *Золотикъ*; у Стефана Яворскаго: *солнечника*.

ключи, пошелъ въ подвалы глубокіе, взялъ оттуда золота, сорокъ сороковъ черныхъ соборей, другой сорокъ лицъ *Печерскихъ* и камку бѣлохрущатую; пришелъ Чурла къ Князю Владиміру и положилъ передъ пниъ на убранный столъ подарки. Рады были Князь и Княгиня, и Князь сказалъ: Чурла Пленковичъ!

Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ Чурла въ Кіевѣ жить, Князю служить.

Чурла не послушался Князя Владиміра, сей часъ велѣлъ осѣдлатъ коня, и всѣ поѣхали въ Кіевъ градъ, къ ласковому Князю Владиміру.

Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ.

Пріѣхали, соскочили съ коней, пошли въ свѣтлыя гряди и сѣли за убранные столы. Слова пирь. Владиміръ посылаетъ Чурла Пленковича звать къ себѣ въ гости князей и бояръ;

А зваго приказалъ братъ со всякаго по десяти рублевъ. (1)

Чурла всѣхъ обошелъ, всѣхъ позвалъ, зашелъ къ Бермятъ Васильевичу, къ его молодой жепѣ, къ Катерпиѣ прекрасной, и позамѣшкался тамъ. Владиміръ Князь ждетъ его, что долго замѣшкался; наконецъ, спустя немного, пришелъ Чурла Пленковичъ:

Втапору Владиміръ Князь ни во что положилъ;
Чурла пришелъ, и столъ пошелъ.

Пили, ѣли, прохлаждались на веселомъ пиру, и наконецъ разѣхались по домамъ.

Путру, рано рапешенько,
Рапо зазвонили къ заутрѣ.

Князья и бояре пошли къ заутрѣ; въ то утро выпала пороша снѣгу, — и нашли они свѣжій слѣдъ; удивляются князья и

---

(1) Весьми замѣчательное указаніе. И такъ этотъ Княжескій пирь — складчина. Пирь складчиною — явленіе совершенно Русское и древнее; вспомнимъ *братчину*; на пр. братчину Никольщину, гдѣ складочный пирь и вмѣстѣ сомъ, въ которомъ выбирается и пировой староста.—Это также чисто общинное явленіе; это — вольное видоизмѣненіе самой самородной общины, ея отпрыскъ, если такъ можно выразиться. Къ такимъ же общиннымъ явленіямъ, возникшимъ изъ самой коренной общины, причисляемъ мы артель (не ротель ли?) и также казацкое устройство.

боляре: или заяць скакаль, или бѣль горностаѣ.—А другіе усмі-
хаются и говорятъ: это не заяць скакаль и не бѣль горностаѣ,—

Это шель Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Характеристика этого богатыря очень полно и вѣрно обрабо-
тана уже въ одной этой пѣснѣ. — Его щегольство доходитъ до
того, что передъ нимъ песуть зоптякъ отъ солнца. Отношенія
его къ женѣ Бермяты, о которыхъ упоминается мимоходомъ, до-
статочно дополняютъ его характеръ. — Мы уже говорили, что
Чурилѣ поручаетъ Владиміръ выбирать женское платье. Чурила
еще является мелькомъ, но и тутъ вѣрный своему характеру, въ
одной пѣснѣ, именно о Дюкѣ Степановичѣ. Богатый Дюкъ на
пирѣ Владиміра сталъ отламывать у калача верхнюю корочку, а
нижнюю откладывать прочь;

А во Кіевѣ былъ счастливъ добръ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ.
Оговорилъ онъ Дюка Степановича:
Что ты, Дюкъ, чѣмъ чваннисья?—
Верхню корочку отламываешь,
А нижню прочь откладываешь.

Пѣсня очень тонко выражаетъ здѣсь тотъ же характеръ Чу-
рилы; кто самъ склоненъ къ чванству, тотъ замѣтитъ чванство
другаго и обидится имъ: кто щеголь, тотъ прежде всѣхъ замѣ-
титъ щегольство другаго и, какъ скоро оно въ большихъ размѣ-
рахъ, также обидится имъ.—Надо прибавить, что Дюкъ молодой,
богатъ, олътъ великолѣпно и красавецъ собой, — такъ что всѣ
засмотрѣлись на него, когда онъ вошелъ въ грядню, на пирѣ
Владиміра.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Среди молодыхъ сильныхъ могучихъ богатырей, одинъ только
старъ: богатырь Илья Муромецъ, далеко превосходящій силою
всѣхъ остальныхъ.—Пѣсня не придаетъ ему обыкновеннаго при-
словья: *удалый*; и точно—въ немъ нѣтъ удалства. Всѣ подвиги
его степенны, и все въ немъ степенно: это тихая, непобѣдимая

сила. Онъ не кровожаденъ, не любитъ убивать и, гдѣ можно, уклоняется даже отъ нанесенія удара. Спокойствіе нигдѣ его не оставляетъ; внутренняя тишина духа выражается и во внѣшнемъ образѣ, во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ.—Въ богатырѣ этомъ, не смотря на его страшную, внѣ всякаго соперничества, силу, слышится еще болѣе сила духа. — Этотъ неодолимо-могучій и кроткій богатырь — крестьянинъ.

Въ собраніи пѣсень Кирши Данилова, три пѣсни говорятъ объ Ильѣ Муромцѣ. Кромѣ ихъ извѣстны еще другія; изъ нихъ одна напечатана въ Москвитянинѣ (1843 № 11), другая въ Московскомъ Сборникѣ (т. 1.). Есть также печатная объ немъ сказка съ лубочными картинками, и наконецъ объ немъ много въ народѣ разсказовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ. Воспользуемся всѣмъ, что напечатано и что сохранилось въ народѣ (сколько мы знаемъ) о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ. Илья Муромецъ пользуется общезвѣстностью больше всѣхъ другихъ богатырей. Полный неодолимой силы и непобѣдимой благости, онъ, по нашему мнѣнію, представитель, живой образъ Русскаго народа.

Въ селѣ Карачаровѣ, близъ Мурома (оно и теперь еще находится тамъ), жилъ крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ; у него былъ сынъ Илья (Муромецъ). Илья съ малыхъ лѣтъ не владелъ ногами и сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ.—Однажды отецъ и мать его и вся семья были на работѣ. Илья оставался одинъ дома.—Приходятъ въ домъ два старца, подходятъ къ нему и говорятъ, чтобъ онъ принесъ имъ напитокъ.—Я безъ ногъ, отвѣчаетъ Илья, и сижу сиднемъ тридцать лѣтъ. Поди и принеси намъ напитокъ, говорятъ ему старцы. Желая исполнить ихъ требованіе и напоить прохожихъ старцевъ, Илья Муромецъ подымается на ноги и.... встаетъ; онъ идетъ и приноситъ старцамъ цѣлое ведро. Выпей самъ, говорятъ ему они; Илья выпиваетъ.—Что ты въ себѣ слышишь? спрашиваютъ старцы. — Слышу въ себѣ силу, говоритъ Илья, дерево съ корнемъ вырву изъ земли.—Принеси еще ведро.—Илья идетъ за другимъ ведромъ и приноситъ. Выпей и это ведро, говорятъ ему старцы. Илья выпиваетъ. — Что ты въ себѣ слышишь теперь? — Если бы кольцо ввернуть въ землю, отвѣчаетъ Илья, я бы повернулъ землю. — (По другимъ разсказамъ: если бы утвердить столпъ между землею и небомъ, я повернулъ бы столбъ).—Это много, говорятъ ему; принеси третье ведро.—Илья

приносить третье ведро. Выпей, говорят старцы, Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось противъ втораго раза. — Будетъ съ тебя и этого, говорятъ старцы, и уходятъ. — Замѣчательно это преданіе. Доброе дѣло возвращаетъ Илья употребленіе ногъ и даритъ странную силу: добрымъ дѣломъ начинаются его подвиги, его богатырская жизнь. — Илья, оставшись одинъ, идетъ къ своимъ на работу. Они (по рассказамъ, сколько я помню) рубили лѣсъ. Смотрите-ка, Илья идетъ, заговорили всѣ, увидавъ его. Илья тутъ же началъ помогать имъ и принялся съ корнемъ рвать деревья. Ясно стало всѣмъ, что Илья богатырь.

Богатырь Илья Муромецъ собрался на богатырскіе подвиги, добрымъ на радость, злымъ на страхъ. Онъ проситъ великаго благословенія у отца и у матери, и падаетъ имъ въ ноги. Отецъ и мать даютъ ему благословеніе великое, и Илья ѣдетъ въ Кіевъ дорогою прямоѣзжею, по которой ужъ давно никто не ѣздитъ, которая ужъ давно залегла; на этой дорогѣ въ лѣсу свилъ себѣ гнѣздо на семи дубахъ Соловей разбойникъ. Этою-то прямою дорогою поѣхалъ Илья. Во время пути, идучи пѣшкомъ по берегу Оки, въ узкомъ мѣстѣ (быть можетъ, коня онъ велъ за поводъ), встрѣтился Илья съ богатыремъ, Зюзей, который шелъ в одну тянулъ разшиву бичевой. Мѣсто было узкое; разойтись трудно. Съ дороги! кричалъ спѣсиво Зюзя. Не понравилась эта хвастливость Илья. Самъ съ дороги, отвѣчаетъ онъ Зюзю. — Зюзя, кивнувъ бичеву, пошелъ къ Илья, чтобъ дать ему отвѣдать своей богатырской силы (изъ рассказа видно впрочемъ, что они знали другъ друга, или тутъ сказали свои имена). Не вступаетъ съ нимъ въ бой Илья, не хочетъ драться. Илья хватаетъ Зюзю на руки и кидаетъ вверхъ. Летитъ Зюзя вверхъ и потомъ летитъ внизъ; сто разъ успѣлъ онъ сказать на полетѣ: виновать, Илья Муромецъ, впередъ не буду! — Илья подхватилъ его на руки, поставилъ на землю и продолжалъ свой путь.

До сихъ поръ все, сказанное нами, взято изъ устныхъ рассказовъ народа, изъ сказки съ лубочными картинками и частію изъ пѣсни, напечатанной въ Москвитянищѣ; теперь къ этому присоединяются пѣсни изъ собранія Кириши Данилова.

Въ темныхъ лѣсахъ Брынскихъ поѣхалъ Илья на девять дубовъ; на этихъ девяти дубахъ жилъ Соловей разбойникъ. Заслышалъ Соловей разбойникъ конскій топотъ и поѣздку богатырскую.

засвисталъ по соловьяному, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣриному; конь палъ на корачки подѣ Илью. Говоритъ коню Илья Муромецъ:

А ты волчья съть, травяной мѣшокъ!
 Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
 Не слышалъ ты свисту соловьянаго,
 Не слышалъ ты шипу змѣинаго,
 А того ли ты крику (реву?) звѣринаго,
 А звѣринаго крику, туринаго!

Илья вынулъ каленую стрѣлу и пустилъ въ Соловья разбойника, попалъ ему въ правой глазъ, и

Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
 Комомъ ко сырой землѣ.

Илья Муромецъ подхватилъ Соловья на руки и привязалъ къ сѣдельной лукѣ. Проѣхалъ Илья крѣпкую воровскую заставу, подъѣзжаетъ къ Соловьеву подворью: на семи верстахъ дворъ у Соловья, около двора желѣзный тынъ; на всякой тынникѣ по маковкѣ и по богатырской головѣ. Жена Соловья увидала издали Илью Муромца, бросилась съ чердака, стала будить своихъ девять сыновей:

А встаньте. обудитесь, добры молодцы,
 А девять сыновъ, ясны соколы!

Ступайте въ подвалы, берите ключи, отмыкайте ларцы, берите золотую казну, выносите на широкій дворъ и встрѣчайте удалаго добра молодца. Чужой человекъ ѣдетъ сюда и везетъ въ торокахъ отца вашего.—Но девять сыновъ Соловья разбойника не то думаютъ; они думаютъ обернуться черными воронами съ желѣзными носами, и разклевать на части Илью Муромца.—Подъѣзжаетъ богатырь ко двору разбойника. Бросилась къ нему жена Соловья и молитъ его: бери, удалой доброй молодецъ, золотой казны, сколько надобно; отпусти Соловья разбойника, не вези его въ Кіевъ. Грубо поговариваютъ девять сыновъ Соловья.—Не обращаетъ вниманія Илья на ихъ рѣчи, ударилъ онъ своего добраго коня, и только его и видѣлъ,

Что стоялъ у двора дворянскаго.

Какъ соколъ, летитъ Илья и приѣзжаетъ въ Кіевъ на дворъ

княженицѣй; соскакиваетъ съ коня, привязываетъ къ дубовому столбу и идетъ въ свѣтлую гридню, молится Спасу со Пречистою, кланяется Князю и Княгинѣ, и на всѣ четыре стороны. У Великаго Князя Владиміра былъ въ то время почестный пирь, и много было на пиру князей и бояръ, много сильныхъ-могучихъ богатырей. Ильѣ подносятъ чару зелена вина въ полтора ведра; Илья беретъ одной рукой и выпиваетъ однимъ духомъ. Ты скажись, молодець, говоритъ ему ласковый Князь Владиміръ, какъ тебя по имени зовутъ: по имени можно тебѣ мѣсто дать, по отечеству можно пожаловать.—Ласковый стольный Владиміръ Князь! отвѣчаетъ Илья, меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; я проѣхалъ дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города Мурома, изъ села Карачарова.—Могучіе богатыри говорятъ на это: Ласковое солнце, Владиміръ Князь!

Въ очахъ дѣтина завирается.

А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?—

Залегла та дорога тридцать лѣтъ

Отъ того Соловья разбойника.

Говорить на это Илья Муромецъ: Владиміръ Князь!

Посмотри мою удачу богатырскую:

Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ.

Князь Владиміръ пошелъ вмѣстѣ съ Ильею на широкой дворъ посмотрѣть его богатырской удачи. Вышли тутъ и князья, и бояре, и богатыри: Самсонъ Колывановичъ, Суханъ, сынъ Домантевичъ, Святогоръ, Полканъ, семь братьевъ Сбродовичей, мужикъ Залешане (Заолешане) и два брата Хапловы (такъ именуется пѣсня); всего ихъ было тридцать молодцовъ. Илья сталъ угоаривать Соловья: послушай меня, Соловей разбойникъ:

Посвисти, Соловей, по соловьиному,

Пошипъ, змѣи, по змѣиному,

Зряккай—(заревъ), звѣрь, по турьиному,

И потѣшь Князя Владиміра.

Соловей засвисталъ по соловьиному, оглушилъ князей и бояръ, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по турьиному.—Князья и бояре испугались, напозлались по двору на корачкахъ, тутъ же и сильные могучіе богатыри. Со двора разбѣжались кони, и самъ Владиміръ Князь съ дорогой Княгиней едва живъ стоятъ и говорить Ильѣ:

Илья Муромецъ сынъ Ивановичь, уйми ты Соловья разбойника:
эта шутка намъ не надобна.

Очевидно, что Илья остался въ Кіевѣ и сѣлъ богатыремъ за княжой столъ. Изъ другихъ пѣсенъ видно, что онъ оберегаетъ Русскіе предѣлы; въ лубочной сказкѣ говорится, что онъ разбѣлъ идолище. — Въ Сборникѣ Кирши Данилова нѣсколько разъ говорится объ Ильѣ въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, которыя болѣе и болѣе опредѣляютъ его могучій, спокойный, важный и тихій образъ.

На Кіевъ подымался злой Калинъ Царь.—Калинъ Царь имѣетъ весь видъ Татарскаго Хана: его нашествіе дышетъ, въ пѣснѣ, ужасомъ нашествія Татарскаго,—анахронизмъ очевиденъ: явленіе позднѣйшее перенесено въ древнѣйшую эпоху. Впрочемъ сама пѣсня тѣмъ не менѣе древняя.—Вмѣстѣ съ Калиномъ собралось силы на сто верстъ во всѣ четыре стороны. Не дошедъ до Кіева за семь верстъ, Калинъ сталъ у Днѣпра, написалъ ярлыки скорописчатые, выбралъ огромнаго Татарина выше всѣхъ ростомъ, и послалъ съ ними въ Кіевъ. Въ ярлыкахъ написано,

•Что возьметъ Калинъ Царь стольный Кіевъ градъ,
А Владимира Князя въ полонъ полонить,
Божьи церкви на дымъ пустить.

Татаринъ сѣлъ на коня и пріѣхалъ въ Кіевъ на княженецкій дворъ: соскочилъ Татаринъ съ коня; онъ не вяжетъ коня, не приказываетъ, бѣжить въ свѣтлыя гриди,

А Спасову образу не молится,
Владимиру Князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ.

Татаринъ бросилъ ярлыки на круглый столъ передъ Великимъ Княземъ Владиміромъ и, уходя, выговорилъ слово:

Владиміръ Князь, стольный Кіевскій!
А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
Безъ бою, безъ драки великія
И безъ того кроволитія напраснаго.

Опечалился Владиміръ; на скоро распечаталъ и прочелъ ярлыки.

По грѣхамъ надъ Княземъ учинилося—
Богатырей въ Кіевѣ не случилось,

А Калинъ Царь подъ стѣною, и съ Калиномъ страшная сила.

Не окончено было еще это дѣло, еще не выѣхалъ изъ Кіевъ Татаринъ, а Василій пьяница взбѣжалъ на стрѣльную башню, взялъ свой лукъ разрывчатый и перьяную стрѣлу, и выстрѣлилъ въ Калина Царя; въ него не попалъ, попалъ въ зятя его, Сартыка, прямо въ правый глазъ, и ушибъ его до смерти. Оскорбилъ Калинъ: какъ! еще первую бѣду враги его не свалили съ плечъ, а ужъ другую затѣяли: убили его любимаго зятя. Калинъ послалъ другаго Татарина къ Князю Владиміру, чтобы выдали виноватаго.

Но вотъ, спустя немного времени, съ полуденной стороны,

Что ясный соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ,

мчится на конѣ старый богатырь, Илья Муромецъ. Приѣхалъ въ княженецкій дворъ,

Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ Князю со Книгинею,
И на всѣ четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается:
Гой еси, сударь Владиміръ Князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесанный!

Въ отвѣтъ, Князь Владиміръ подалъ Ильѣ ханскіе ярлыки. Илья прочелъ. Пособи мнѣ, Илья Муромецъ, сказалъ Владиміръ, думашку думать: сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ, безъ бою, безъ драки, безъ кроволитія напраснаго?—Ни о чемъ не печалься, Владиміръ, Князь Кіевскій, отвѣчаетъ Илья, Богъ нашъ Спасъ оборонитъ насъ, Пречистая и всѣхъ сохранитъ. Насыпай мису чистаго серебра, другую краснаго золота, третью скатнаго жемчуга, и поѣдемъ со мной къ Калину Царю съ своими честными подарками. Этотъ Татаринъ дуракъ прямо насъ доведетъ. — Князь нарядился поваромъ, замарался котельною сажею и поѣхалъ съ Ильею въ станъ Татарскій. Приѣхавъ, Илья соскочилъ съ коня, кланяется Царю и говоритъ: Калинъ Царь, злодѣй Калиновичъ! Прими дорогіе подарки отъ Великаго Князя Владиміра,

А и дай ты намъ сроку на три дня,
Въ Кіевъ намъ приуправиться,

Отслужить обѣдню съ панихидами,
 Какъ де служить по усопшимъ душамъ,
 Другъ съ дружкой проститися.

Вотъ чего требуетъ Илья; понятенъ смыслъ этого требованія. Царь отвѣчаетъ: Илья Муромецъ! Выдайте намъ виноватаго, который застрѣлилъ моего любимаго зятя.—А ты слушай. Калинь Царь, что велѣть, говоритъ Илья, прими подарки отъ Великаго Князя Владимира; гдѣ намъ искать этого человѣка и вамъ отдавать? — Калинь принялъ подарки съ бранью и срока не далъ. Обидно стало Ильѣ, что не далъ Калинь Царь сроку ни на три дня, ни на три часа, и сказалъ онъ ему:

Собака, проклятый ты Калинь Царь!
 Отойти съ Татарами отъ Кіева!
 Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Обидно стало и Царю такое слово; онъ велѣлъ Татарамъ схватить Илью. Схватили Илью,

Связали ему руки бѣлыя
 Во крѣпки чембуры шелковые.

Вновь оскорбился Илья; но еще терпѣть и повторять только Царю слова свои:

Собака, проклятый ты Калинь Царь!
 Отойти съ Татарами отъ Кіева!
 Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Вновь разсерженный, Калинь Царь плюетъ Ильѣ въ ясны очи, говоря: всегда хвастливы Русскіе люди. Весь опутанъ стоитъ передо мною, да еще хвастаетъ.—Сильно оскорбился Илья; за великую досаду показалось ему, что плюетъ ему Царь въ ясныя очи:

Вскочилъ въ полдрева стоячего,
 Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ....

Не допускаютъ Илью до добраго коня и до его тяжелой палицы, до мѣдной, литой въ три тысячи пудъ. Схватилъ Илья Татарина за ногу, того самаго, который ѣздилъ въ Кіевъ, и началъ Татариномъ помахивать:

Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
 Куды отвернетъ—съ переулками;

А самъ Татарину приговариваетъ:
 А я крѣпокъ Татаринъ не ломится,
 А я жловать, собака, не изорвется.

Видно, не тому дивится Илья, что вокругъ него валялся Татары, а тому, что Татаринъ, который ему служить вмѣсто палицы, не ломается и не рвется; это шутка силы, все вокругъ себя превосходящей. Какое нужно спокойствіе силы, чтобы замѣтить крѣпость Татарина въ такую минуту и чтобы пошутить такъ. Но только сказалъ Илья свои слова, какъ оторвалась Татарская голова,

Угодила та голова по силѣ вдоль

и на полетѣ бьетъ и ломить Татаръ. Побѣжали Татары, потонули въ болотахъ и рѣкахъ. Воротился Илья къ Калину Царю, схватилъ его въ бѣлыя руки и приговариваетъ:

Вась-то царей не бьютъ не казнятъ,
 Не бьютъ не казнятъ и не вѣшаютъ!
 Согнетъ его корчагою,
 Воздымалъ выше буйной головы своей,
 Ударилъ его о горючъ камень,
 Разшибъ его въ крохи пирожныя. (1)

Бѣгутъ остальные Татары и заклиняются:

Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
 Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей.
 Не ужь-то въ Кіевѣ всѣ таковы?
 Одинъ человекъ всѣхъ Татаръ прибилъ.

А Илья Муромецъ пошелъ искать товарища своего, Василья Игнатьева пьяницу: онъ одинъ въ Кіевѣ поднялъ руку на Татаръ, и Илья идетъ искать его; скоро нашелъ онъ его на Петровскомъ кружалѣ и привелъ къ Князю Владиміру.

А пьетъ Илья довольно зелена вина
 Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
 И называетъ Илья того пьяницу
 Василья братомъ названнымъ.

Въ этомъ разсказѣ также является нравъ и обычай Ильи. Какъ

(1) Вмѣсто: пирожныя, въ изданіи Сборника К. Д. поставлены точки; это замѣненіе сдѣлано нами, ибо къ крохамъ придется и этотъ эпитетъ.

Онъ, какъ медлитъ онъ идти на бой, какъ онъ долго-ль, и только въ крайнемъ случаѣ, когда лопнуло накого терпѣніе и вооружается онъ всею грозною своею силой, — какъ онъ необоримо могучъ и великъ. — Въ этомъ образѣ ^{Вотъ} любимаго Русскаго богатыря какъ не узнать образа самого Русскаго народа.

Другой рассказъ объ Ильѣ, находящійся въ Сборникѣ Кирши Данилова, полонъ такихъ намековъ, которыхъ нѣтъ возможности разрѣшить безъ новыхъ данныхъ. Здѣсь является новое лице: Збуть Борисъ Королевичъ, сынъ, или внукъ Задонскаго Короля. Перескажемъ и этотъ рассказъ.

Изъ славнаго города Кіева выѣзжали два могучіе богатыря: Илья Муромецъ и братъ его названный, Добрыня Никитичъ; они выѣхали на чистое поле, вверху рѣки Черегн, и подѣхали къ Сафать-рѣкѣ. Тогда Илья сказалъ: молодой Добрынюшка Никитичъ! поѣзжай ты за горы высокія, а я поѣду подлѣ Сафать-рѣки. — Добрыня поѣхалъ на высокія горы, наѣхалъ на бѣлый шатеръ, и подумалось ему, что въ шатрѣ сильный могучій богатырь. Изъ бѣлаго полотнянаго шатра вышла баба Горынынка и завела ссору съ Добрынею. Добрыня соскочилъ съ коня и кинулся на бабу Горынынку: начался бой; бились они палицами тяжкими.

У нихъ тяжкія палицы разгорались,
И бросили они палицы тяжкія;
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.

Между тѣмъ Илья Муромецъ ѣздилъ подлѣ Сафать-рѣки, наѣхалъ на бродучій слѣдъ и поѣхалъ по слѣду: увидалъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ, Збуга Бориса Королевича. — Въ это время молодой Збуть Королевичъ отвязывалъ отъ стремени выжлока и спускалъ съ руки яснаго сокола; онъ выжлоку наказываетъ:

А тепере мнѣ не до тебя пришло.
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ
И корми свою буйну голову. —
И ясну соколу онъ наказываетъ:
Полети ты, соколъ, на сине море
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Замѣчательна минута, въ которую является Збуть почему отпускаетъ онъ и выжлока и сокола, почему молодому богатырю не до нихъ пришло—неизвѣстно; но минута эта не обыкновенная, не незначительная въ его жизни. — Илья подѣзжаетъ къ нему. Молодой Збуть Королевичъ пустился на стараго богатыря Илью Муромца и выстрѣлилъ ему въ грудь изъ тугого лука; онъ попалъ ему въ грудь, но видно, это ничего Ильѣ Муромцу. Онъ (Илья Муромецъ):

Не бьетъ его палицей тижкою,
Не вымаетъ изъ нагушна тугой лукъ,
Изъ колчана калепу стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Королевича;

онъ только схватилъ его въ бѣлыя руки и бросилъ выше дерева; не взвѣдѣлъ свѣту кинутой на воздухъ Королевичъ, и назадъ летитъ къ землѣ. Илья подхватилъ его на богатырскія руки, положилъ на землю и сталъ спрашивать его дяднну (дѣднну?), отчину. — Еслибъ я сидѣлъ у тебя на груди, отвѣчаетъ Збуть Королевичъ, я споролъ бы тебѣ бѣлую грудь.—Илья далъ ему почувствовать силу своей богатырской руки, и Збуть сказалъ, что онъ —того короля Задонскаго. Заплакалъ тогда Илья Муромецъ,

Гляючи на свое чадо милое.

Поѣзжай, говорить онъ Збуту, поѣзжай, Збуть Борисъ Королевичъ, къ своей матушкѣ. Если бъ ты попалъ на нашихъ Русскихъ богатырей, не отпустили бы они тебя живаго отъ Кіева.— Збуть поѣхалъ и пріѣхалъ къ Царю Задонскому, къ своей матушкѣ, и сталъ ей рассказывать: я ѣздилъ, матушка, на потѣшныя луга Князя Владиміра; въ полѣ наѣхалъ я на стараго богатыря и выстрѣлилъ ему въ грудь; схватилъ меня въ руки старый богатырь среди чистаго поля, чуть не забросилъ меня за облако, и опять подхватилъ на руки.—Тогда мать Збута ударилась о землю и говорить въ слезахъ: О, Збуть Борисъ Королевичъ! За чѣмъ наѣзжалъ ты на стараго богатыря? Не надо бы тебѣ съ нимъ драться; надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ и надо бы тебѣ ему поклониться о праву руку до сырой земли; по роду онъ тебѣ батюшка, старый богатырь Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

Въ это время Илья поѣхалъ на высокія горы искать названнаго брата Добрыню Никитича. Онъ нашелъ его, все бьющагося съ

бабой Горынинкой; чуть душа его въ тѣлѣ *полуднуеть*.—Ты не умѣешь драться съ бабой, Добрыня Никитичъ, сказалъ ему Илья Муромецъ, надо драться иначе.—Услыхавъ слова Ильи, покори-лась баба Горынинка и сказала: не ты меня побилъ, Добрыня Никитичъ, а побилъ меня старый богатырь Илья единымъ сло-вомъ.—Добрыня вскочилъ на грудь бабѣ Горынинкѣ, выхватывалъ чингалище и хотѣлъ спороть ей грудь; но она взмолилась Ильѣ Муромцу: Илья Муромецъ, не прикажи мнѣ рѣзать грудь; у меня много въ землѣ и золота и серебра.—Илья схватилъ Добрыню за руки, и баба Горынинка повела ихъ къ своему глубокому погребцу. Стали Илья съ Добрыней у глубокаго погребца и удивля-ются богатыри, что много золота и серебра, и цвѣтнаго, все Рус-скаго, платя. Оглянулся Илья Муромецъ въ широкое поле; въ это время Добрыня Никитичъ срубилъ бабѣ голову.

Эта пѣсня замѣчательна въ отношеніи художественномъ, въ отношеніи характеристики богатырей, и наконецъ своими намека-ми. Какъ художественна въ пѣснѣ минута, когда отвязываетъ Збуть выжлока отъ стремени и спускаетъ сокола съ руки; это многозначительная минута въ его жизни; но почему? но какъ?— неизвѣстно; объ этомъ можно только догадываться. Сама эта неизвѣстность составляетъ художественную прелесть. Это минута, вывчеченная изъ жизни; она сама ярко освѣщена, но ее окру-жаетъ туманъ неизвѣстности прошедшихъ и настоящихъ обстоя-тельствъ. Это особенный, чисто художественный взглядъ на жизнь, когда вырванное изъ нея явленіе, поставленное ярко пе-редъ нами, даетъ предчувствовать много другихъ явленій, его окружающихъ и съ нимъ связанныхъ, теряющихся въ безконеч-номъ пространствѣ жизни, когда при этомъ, чисто частномъ яв-леніи, человекъ чувствуетъ все многообразіе и безконечность жиз-ни, его окружающей. Здѣсь частное явленіе выходитъ передъ вами какъ будто съ обрывками, которые и сообщаютъ ему такой характеръ. Далѣе: какъ хорошо, и художественно хорошо, это простое движеніе Ильи, когда наглядѣлся онъ на золото и сереб-ро, и вдругъ захотѣлось ему оглянуться въ поле, движеніе, ко-торымъ воспользовался Добрыня на бѣду бабѣ Горынинкѣ.—От-носительно характеристики богатырей, эта пѣсня тоже очень важна. Какъ благодущенъ Илья, который богатыря, пустившаго ему въ грудь стрѣлу, только хватаетъ на руки, кидаетъ на воздухъ,

опять подхватывает и кладет невредимаго на землю, давъ ему почувствовать стою силу. Много также высказываютъ его собственные слова, отличающія его отъ другихъ витязей: если бы ты попался нашимъ Русскимъ богатырямъ, они бы не отпустили тебя живаго отъ Кіева.—Наконецъ, онъ хватаетъ за руку Добрыню, не давая ему рѣзать грудь у бабы Горыниинки; только пользуясь тѣмъ, что Илья заглядѣлся въ поле, Добрыня срубаетъ голову бабѣ.—Какъ всюду здѣсь явственно выступаетъ Илья, этотъ могучій выше сравненія, благодушный богатырь!—Въ этой пѣснѣ есть замѣчательный намекъ, необъяснимый при томъ видѣ и количествѣ пѣсенъ, въ какомъ онѣ намъ извѣстны. Збуть Королевичъ—сынъ Илья. Въ своемъ отвѣтѣ Илья, онъ не называетъ себя сыномъ Короля Задонскаго, а просто говоритъ: *я того Короля Задонскаго*; по этому отвѣту, онъ могъ принадлежать къ его семьѣ или роду, быть его внукомъ, происходить отъ него. Не говорится, чтобы его мать была женою Короля Задонскаго. Когда Збуть рассказалъ своей матери о встрѣчѣ съ Ильею, въ пѣснѣ говорится:

Еще втапоры его (королевича) матушка,
Того Короля Задонскаго.

Здѣсь этотъ оборотъ вовсе не значить, чтобы она была матерью Короля Задонскаго; она — мать Королевича. Выраженіе: *того Короля Задонскаго*, имѣетъ свой отдѣльный смыслъ. Мы не имѣемъ причины заключить изъ этого выраженія, чтобы мать Збута была женою Короля Задонскаго; она могла быть его дочерью, принадлежать къ его семьѣ. По всему мы, кажется, должны скорѣе предположить, что она дочь Задонскаго Короля; намъ кажется, что и неоконченный оборотъ самый съ родительнымъ падежомъ можетъ скорѣе означать это, какъ и вообще нисходящую линію. Припомнимъ, что въ этомъ смыслѣ говорилось: *Храбраго Долорукаго*, и пр.; что такимъ образомъ явились прозвища: *Живаго*, *Благо* и пр.—Алеша Поповичъ также говоритъ про себя: меня зовутъ Алешею Поповичемъ, изъ города Ростова,—стараго попа соборнаго.—Но если справедливо наше предположеніе, и мать Збута — дочь или родственница Задонскаго Короля, то тѣмъ не менѣе требуетъ объясненія самое обстоятельство. Илья Муромецъ, не такъ же ли, какъ Рустемъ, былъ нѣ-

когда въ гостяхъ у Короля Задонскаго, женился на его дочери или родственницѣ, и уѣхалъ, уступая требованіямъ своей богатырской жизни или даже обязанности? Будемъ ждать, чтобы какая-нибудь вновь узнанная пѣсня объяснила намъ эту загадку; во всякомъ случаѣ, мы несомнѣнно увѣрены, что объясненіе можетъ быть только такое, которое вполне согласуется съ чистымъ, благимъ и великимъ образомъ перваго Русскаго богатыря.

Есть еще пѣсня, очень важная для характеристики Ильи Муромца, вотъ она:

Далече, далече, въ чистомъ полѣ, что ковыль трава въ чистомъ полѣ шатается, ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человекъ, старый богатырь, Илья Муромецъ; конь подъ нимъ, какъ лютый звѣрь; онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ. На этотъ разъ было съ Ильей много денегъ. На богатыря нападаютъ станишники или разбойники; окружили его со всѣхъ сторонъ,

Хотятъ его стараго ограбить,
Съ душой, съ животомъ разлучить хотятъ.

Братцы станишники, говорить имъ Илья Муромецъ,

Убить меня стараго вамъ не за что,
А взять у стараго нечего.

Илья вынулъ изъ налушна крѣпкій лукъ, вынулъ каленую стрѣлу:

Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу.

Вспѣла тетива у тугого лука, угодила стрѣла въ крѣпкой дубъ, изломала дубъ въ черенья ножевые. Станишники попадали съ коней, лежатъ безъ памяти на землѣ. Опомнившись, они бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу и просятъ взять ихъ въ вѣчное холопство (службу), обѣщая дать рукописанье служить ему до вѣку. На это Илья отвѣчаетъ имъ только:

А и гой есть (есте) вы братцы станишники!
Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ сыну Пленковичу
Про стараго казака Илью Муромца.

Въ этой краткой пѣснѣ является Илья со всѣми своимъ характеромъ. На него нападаютъ разбойники: онъ можетъ ихъ всѣхъ

перебить: но онъ не хочетъ кровопролитія; онъ показываетъ имъ свою силу, разбиваетъ стрѣлою въ дребезги дубъ и тѣмъ удерживаетъ ихъ нападеніе. Величавое благодушіе Ильи здѣсь все на виду. Пѣсня оканчивается намекомъ на какія-то отношенія къ Чурилѣ Пленковичу, намекомъ, необъяснимымъ покуда.

Въ Московскомъ Сборникѣ (т. 1.) помѣщена пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ и о другихъ богатыряхъ; она сохранилась въ очень древнемъ видѣ (хотя, конечно, есть и позднѣйшіе наросты) и чрезвычайно замѣчательна. Въ ней разсказанъ бой богатырей съ богатыремъ изъ земли Козарской. Тамъ сказано: земли Жидовской, но мы принимаемъ объясненіе А. С. Хомякова, который такъ разумѣетъ землю Жидовскую. — Названіе земли Козарской землею Жидовскою показываетъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайную древность самой пѣсни; ибо, слѣдовательно, въ эту эпоху было въ свѣжей памяти, что Козаре исповѣдуютъ вѣру Жидовскую.—Разскажемъ, хотя вкратцѣ, эту замѣчательную пѣсню.

Подъ Кіевомъ стоитъ богатырская застава; на заставѣ атаманъ — Илья Муромецъ; податаманъ — Добрыня Никитичъ, есаулъ — Алеша Поповичъ. Кромѣ того были у нихъ Гришка боярскій сынъ и Васька долгополый. — Всѣ богатыри были въ разъѣздѣ: Гришка жилъ кравчпмъ; Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ; Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ; Добрыня ѣздилъ за охотою къ синему морю. Возвращаясь съ охоты, увидалъ Добрыня *ископытъ великую*. А. С. Хомяковъ говоритъ, что это означаетъ глыбу, вырванную копытомъ изъ земли: мы, можетъ быть, только опредѣлимъ его мысль, если скажемъ, что это не глыба, вырванная изъ земли, а изъ самого копыта выпавшая земля, прежде туда набившаяся. — Увидавъ эту ископытъ, а ископытъ была величнною съ пол-печи, догадался Добрыня, что тутъ проѣхалъ сильный богатырь. Приѣхавъ на богатырскую заставу, онъ собралъ братію приборную (т. е. гдѣ всѣ одинъ къ другому прибраны и составляютъ братской союзъ, гдѣ есть и общая казна) и говоритъ: что устояли мы на заставѣ, братцы, что глядѣли? Мимо заставы нашей проѣхалъ богатырь. — Стали думать, кого послать за дерзкимъ богатыремъ. Хотѣли послать Ваську долгополага.—Это не ладно, говоритъ Илья Муромецъ, запутается Васька въ длинныхъ поляхъ и пропадетъ по напрасну.—Рѣшили

послать Гришку, боярскаго сына. — Не ладно, говоритъ опять Илья Муромецъ,

Гришка рода боярскаго —
Боярскіе роды хвастливые;

призахвастается онъ на бою и пропадетъ по напрасну. — Рѣшились на Алешу Поповича. — Не ладно, говоритъ опять Илья, Алеша увидитъ на богатырѣ много золота и серебра, засмотрится, и пропадетъ по напрасну. — Какъ вѣрно опять выставляется здѣсь характеръ Алеши, онъ же и завѣдываетъ общемою казною: какъ видно, деньги по его части, и можно положиться на него, что онъ копѣйки не пропуститъ. Рѣшили послать Добрыню, и Добрыня поѣхалъ и нагналъ богатыря; но когда помчался на него огромный Козарской богатырь, когда задрожала земля и вода въ озерахъ изъ береговъ выступила, — Добрыня радъ былъ только, что могъ ускакать отъ страшнаго противника. Приѣхалъ Добрыня на заставу и рассказалъ все, какъ было. — Больше замѣнитъ не кѣмъ, говоритъ Илья, видно ѣхать самому атаману. — Поѣхалъ Илья и нагналъ Козарина; онъ также помчался на Илью, также задрожала земля и выступила вода изъ озера, но не испугался Илья, и начался страшный бой. Палицы, сабли и копыя изломались и были брошены; идетъ рукопашный бой; они бьются до вечера, до полуночи, до бѣла свѣта. Поскользнулась нога у Ильи и упалъ онъ на землю. Козаринъ съѣлъ ему на грудь, вынулъ чингалище, чтобъ пороть бѣлую грудь и смѣется надъ Ильею. Лежитъ Илья подъ богатыремъ, но помнить онъ, что

Написано было у Святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ,
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ побитому.

На землѣ, втрое силы прибыло у Ильи, онъ ударилъ въ грудь Козарина и вскинулъ его на воздухъ. Вскочилъ Илья, отрубилъ ему голову и ѣдетъ на богатырскую заставу. Встрѣчаетъ его Добрыня со всей братьею. Илья сбрасываетъ голову съ копыя и говоритъ только:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экова чуда не наѣзживалъ.

Въ этой прекрасной и многозначительной пѣсни, въ которой

Илья Муромец такъ выпукло и ясно выдается, образъ его все тотъ же: та же неодолимая сила и то же спокойствіе: отсутствіе всякаго раздраженія этой силы въ бою, и отсутствіе всякаго тщеславія и похвальбы въ побѣдѣ; прѣхавши, Илья не хвастаетъ и не удивляется своей побѣдѣ,—онъ говоритъ только, что тридцать лѣтъ не наѣзживалъ такого чуда. Постоянно и вездѣ представляетъ Илья полное и великое сочетаніе силы духовной и тѣлесной; духовная умѣряетъ грубость и матеріальность тѣлесной силы, которая безъ нея была бы безправна и оскорбительна.

Но создавъ богатыря страшной силы, народная фантазія не остановилась на этомъ. Она создаетъ еще богатыря: необъятную громаду и необъятную силу; его не держитъ земля; на всей землѣ нашелъ онъ одну только гору, которая можетъ выносить его страшную тяжесть, и лежитъ на ней, неподвижный. Прослышалъ о богатырѣ Илья Муромецъ, и идетъ съ нимъ помѣрять силы; онъ отыскиваетъ его и видитъ, что на горѣ лежитъ другая гора; это богатырь. Илья Муромецъ, не робѣя, выступаетъ на бой, вынимаетъ мечъ и вонзаетъ въ ногу богатырю. — Никакъ я зацѣпилъ за камушекъ, говоритъ богатырь. Илья Муромецъ наноситъ второй ударъ, сильнѣе перваго.—Видно я зацѣлъ за прутья, говоритъ богатырь, и обернувшись прибавляетъ: это ты, Илья Муромецъ: слышалъ я о тебѣ; ты всѣхъ сильнѣе между людьми, ступай и будь тамъ силенъ. А со мною нечего тебѣ мѣрять силы; видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; я и самъ своей силѣ не радъ.

Какъ бы въ дополненіе и объясненіе къ образу Ильи Муромца, какъ бы въ отвѣтъ на сокровенный вопросъ: почему не могло быть силы, еще болѣе громадной, чѣмъ у Ильи,—народная фантазія ставитъ предѣлы силѣ богатырской, и создаетъ образъ силы необъятной, чисто внѣшней, матеріальной, не пужной и безполезной даже тому, кто ею обладаетъ. Это сила уже безъ воли. Здѣсь сила приближается уже къ стихіи, какъ сила воды, вѣтра, и не возбуждаетъ ни зависти, ни соревнованія. Грустенъ образъ этого одинокаго богатыря, лежащаго на единственной подымающей его горѣ, о которомъ и не упоминается больше въ разсказахъ,—и еще болѣе выигрываетъ богатырь Илья Муромецъ, величайшая *человѣческая сила*, соединенная и съ силою духа.

Въ разсказѣ о громадномъ богатырѣ, Ильѣ Муромцѣ какъ бы на сей разъ отступаетъ отъ своего обычая и права. Въ самоѣ дѣлѣ нигдѣ и никогда Ильѣ не испытываетъ силы, не выказываетъ ее, не тѣшится ею, какъ другіе богатыри; она всегда у него полезное орудіе для добраго дѣла только; не любитъ крови его мирная, вовсе не воинственная душа. Здѣсь же напротивъ онъ идетъ мѣрять силу.—Но нужно было народной фантазіи такое соперничество, чтобы высказать мысль народную; — къ тому же чисто ви́шняя и громадная сила вызвала и въ Ильѣ эту сторону силы ви́шней, и на сей разъ онъ является только, какъ богатырь; но онъ мѣрять силу съ богатыремъ-стихіей, съ воплощеннымъ чудомъ, и здѣсь понятно и возможно такое желаніе въ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ.

Мы старались, сколько возможно яснѣе, очертить образъ Ильи Муромца, перваго Русскаго богатыря — и крестьянина, образъ; вѣрно сохраненный во всѣхъ разсказахъ и пѣсняхъ, какъ это можно было видѣть изъ всѣхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ нами. Сила и кротость, ви́шнія битвы, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, и миръ внутренній, вслѣдствіе высокаго православнаго строя его души, непобѣдимость богатыря и смиреніе Христіанина, однимъ словомъ, соединеніе силы тѣлесной и силы духовной—таковъ нашъ Русской богатырь Ильѣ Муромецъ.

Мы должны сказать еще объ одной весьма замѣчательной пѣснѣ, о которой мы уже упоминали мелькомъ въ нашей статьѣ. Это пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ; она помѣщена въ Москвитянинѣ (1843. № 11). Образъ Ильи Муромца въ ней не тотъ, каковъ во всѣхъ остальныхъ пѣсняхъ и разсказахъ; но пѣсня составляетъ совершенный особнякъ и очевидно, по самому сочиненію, древности позднѣйшей. Это можно видѣть уже и потому, что она представляетъ цѣлое, съ началомъ и концомъ, тогда какъ древнія пѣсни дошли до насъ только въ отрывкахъ одной великой эпопеи; къ тому же въ пѣснѣ этой не говорится о многихъ обстоятельствахъ, извѣстныхъ намъ изъ другихъ пѣсней и преданій. Кромѣ того, отношенія Владимира и богатырей между собою, какъ видно, не тѣ; встрѣчаются слова эпохи позднѣйшей, на пр. *ваша милость*, какъ зинтеть Владимира, *слуги*, *всѣ Государевы вотчины*, — слова, не встрѣчаемыя (что очень замѣчательно) въ пѣсняхъ древнихъ. Владимиръ называется даже однажды Царемъ.

Тѣмъ не менѣе, пѣсня эта—произведеніе чисто народное и древнее, но только эпохи позднѣйшей; сверхъ всего этого, многія выраженія, обстановка и вообще складъ всей пѣсни показываютъ, что это не древняя Владиміровская пѣсня съ позднѣйшими наростами, но что она *сочинена* была въ позднѣйшее время, и въ свою очередь имѣетъ паросты послѣдующаго времени; языкъ чисто сохраняетъ свой древній складъ и силу. Илья Муромецъ послужилъ здѣсь канвою, конечно по какимъ нибудь отношеніямъ, для поваго народнаго созданія. И понятно, что какую-нибудь особую, небывалую прежде мысль, народъ воплотилъ въ образъ своего народнаго богатыря. И такъ, признавая эту пѣсню все за произведеніе народное, мы признаемъ за нею важное и великое значеніе. Но ея не надобно смѣшивать съ древними пѣснями объ Ильѣ Муромцѣ, какъ не надобно смѣшивать древняго и живущаго до сихъ поръ въ общемъ народномъ преданіи Ильи Муромца съ Ильєю этой исключительной, но все же чисто народной и не даромъ сложившейся пѣсни. Пѣсня эта рассказываетъ всю повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ, и по этому говоритъ и о многихъ пзвѣстныхъ уже обстоятельствахъ; встрѣчаются и выраженія цѣлкомъ изъ древнѣйшихъ пѣсень; но всему придавъ особый, только здѣсь встрѣчающійся отпечатокъ; расскажем эту замѣчательную пѣсню.

Въ этой пѣснѣ также Илья Муромецъ проситъ благословенія отца на дальнюю дорогу; ѣдучи въ Кіевъ дорогою, которая залегла тридцать лѣтъ, онъ также сшибаетъ стрѣлою Соловья съ гнѣзда и везетъ его съ собою.

Илья Муромецъ пріѣзжаетъ къ городу Кудашу и избиваетъ облегшую городъ Литовскую силу. Это прибавка. Въ пѣснѣ измѣненію нѣсколько встрѣча Ильи Муромца съ сыновьями Соловья, которымъ Соловей не велитъ драться съ Ильей, а поднести ему золота и серебра, но Илья не прельщается на это. Есть рассказъ о дочерп Соловья, которая была на Дунаѣ перевозчицей и не хотѣла перевезти Илью Муромца. Сошедши съ лошади и взявъ поводъ въ лѣвую руку, Илья парвалъ правою рукою дубовъ съ вореньями, сдѣлалъ мостъ, перешелъ и убилъ дочь Соловья. Этотъ рассказъ тоже прибавленіе. Но далѣе, опять, также какъ въ древнихъ пѣсняхъ, пріѣзжаетъ Илья Муромецъ на дворъ княжецкій съ Соловьемъ разбойникомъ, также входитъ на ширь

Князя Владимира, также кланяется ему и на всѣ четыре стороны.... но не тотъ же пріемъ встрѣчаетъ крестьянинъ Илья. Владимиръ говоритъ ему:

Еще здравствуй ты дѣтина шельшина (сельщина),
 Ты дѣтина шельшина, да деревенщина!
 Ты откуль ѣдешь, да откуль идешь?
 Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ?

Илья Муромецъ отвѣчаетъ: я—города Мурома, села Карачарова,
 Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ;

Я пріѣхалъ ко вашей (и) ко милости,
 Прочистилъ я дороженьку да прямохожую,
 Прямохожую да прямоѣзжую,
 А изъ Мурома да до Бидаша,
 А изъ Бидаша да до Кіева,
 Все до вашей (и) да до милости,
 Я убилъ (ушибъ) Соловья вора-разбойничка.
 Воръ-разбойничка—да воръ Ахматова,
 Да привезъ его къ вамъ на показанье.

Врешь ты дѣтина.— шельщина, полыгаешься, отвѣчаетъ ему Владимиръ, пздѣваешься падо мною Княземъ.— Иди на свой широкій дворъ, говоритъ Князю Илья, пзволь смотрѣть Соловья разбойничка.—Князь падѣлъ богатую шубу, зарукавья и ожерелья, и повелъ его слуги подъ руки на его широкій дворъ. Тамъ

У Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ;

у стремени привязанъ Соловей—разбойничкъ. Князь проситъ его повспстать по соловьиному. Соловей отвѣчаетъ:

Я не твой хлѣбъ и кушаю,
 Не тебя Князя-вора и слушаю!

Тогда Князь проситъ Илью, чтобъ онъ заставилъ Соловья повспстать по соловьиному, Илья исполняетъ просьбу Князя; Соловей слушается Ильи, засвисталъ, забилъ въ ладоши, зашипѣлъ и заревѣлъ, тогда:

Темны дѣсы къ землѣ преклонилися,
 Мать рѣка Смородина со пескомъ сохутилася.
 Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
 Полетѣло изъ дымолокъ (трубъ) кирпичье заморское,

Полетѣли изъ оконницъ стекла аглицкія,
Еще Князь-отъ стоитъ да въ худой душѣ (чуть живъ).

Князь просить Илью унять Соловья разбойника. Илья сталъ унимать его по своему, схватилъ за черныя кудри, ударилъ о землю, кинулъ вверхъ выше наугольной башни и хлопнулъ его напоследокъ о сырой камень. Такъ погибъ Соловей разбойникъ. Илью повели слуги подъ руки, посадили его съ краю стола, и съ краю скамьи (а не въ большое мѣсто). Тогда самъ Илья говоритъ: Славный Князь Кіевскій и Владимірскій! дай мнѣ обѣручную чашу зелена вина въ полтора ведра.—Несутъ чашу Ильѣ: онъ беретъ одной рукой и выпиваетъ однимъ духомъ. Ему кажется еще мало. Дай, говоритъ Илья, еще чашу обѣручную зелена вина въ два ведра.—Илья взялъ одной рукою чашу и выпилъ однимъ духомъ. Тутъ Илью *маленько ошабурило*, онъ хотѣлъ поладиться, поправиться и поломалъ дубовыя скамьи и погнулъ желѣзныя сван; а у Князя было много гостей, бояре, купцы, богатыри. Илья Муромецъ поприжалъ ихъ всѣхъ въ большой уголъ. Князь говоритъ Ильѣ: Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!

Помѣшалъ ты всѣ мѣста да учения,
Погнулъ ты у насъ сван да всѣ желѣзныя.
У меня промежъ каждымъ богатыремъ
Были сван желѣзныя,
Чтобъ они въ миру да напивалися,
Напивалися да не столкнулися.

Князь сверхъ того просить Илью: изволь у насъ попить, поѣсть, изволь у нашей милости воеводой жить. Но Илья отвѣчаетъ:

Не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть,
Не хочу я у васъ воеводой жить.

Онъ всталъ на ноги, онъ вынулъ шелковую плетку о семи хвостахъ съ проволокой, онъ сталъ гостей поколачивать, да поворачивать, бьетъ и самъ приговариваетъ:

На приѣздѣ гостя не уподчивали,
А на поѣздахъ да не учествовали, —
Эта ваша мнѣ честь не въ честь.

Всѣхъ до единого избилъ Илья, не оставилъ никого на сѣмена.

Еще Царь-то въ ту пору, да въ то времечко
Собольей шубкой закунулся. —

Илья-то тутъ—и былъ, и нѣтъ. —

Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти,

Нынѣ и до вѣку.

Изъ послѣднихъ словъ видно, что Илья скрылся куда-то, и тѣмъ оканчивается о немъ пѣсня, напоминающая своимъ окончаніемъ сказаніе о Маркѣ Кралевицѣ и Фридрихѣ Барбаруссѣ.

Кромѣ богатырей, о которыхъ мы такъ подробно говорили, есть и другіе богатыри того же Владимірова времени; о нихъ говорится въ Сборникѣ Кирши Данилова. Скажемъ и о нихъ; но отдавать такой же подробный отчетъ объ этихъ богатыряхъ мы не считаемъ нужнымъ, ибо особенности ихъ не выдаются въ тѣхъ по крайней мѣрѣ пѣсняхъ, которыя дошли до насъ; вѣроятно, все это нашли бы мы въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя намъ неизвѣстны; намеки на другія пѣсни или рассказы о богатыряхъ встрѣчаются и здѣсь. Изъ всѣхъ другихъ пѣсенъ Сборника К. Д. видно, какъ всѣ витязи, всѣ удалые молодцы съѣзжались со всѣхъ сторонъ «къ городу Кіеву, ко ласковому Князю Владиміру», и не только витязи, но и бояре и купцы богатые, да и всѣ, кого только манилъ Кіевъ и Князь его, Владиміръ—красное солнышко.

Къ Владиміру ѣдетъ богатый Дюкъ Степановичъ, въ своемъ серебряномъ куякѣ и панцырѣ, въ золотой кольчугѣ, съ своимъ стрѣлами драгоцѣнными, изъ которыхъ тремъ стрѣламъ цѣны нѣтъ.

Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:

Колоты онѣ были изъ трость-дерева,

Строганы тѣ стрѣлы во Новѣгородѣ,

Клепы онѣ клеимъ осетра рыбы,

Перены они перьцеюмъ сиза орла,

А сиза орла, орла орловича,

А того орла, птицы Камскія.

Въ ухахъ у каждой стрѣлы вставлено по драгоцѣнному камню: подлѣ ушей перевито Аравійскимъ золотомъ. Самъ Дюкъ молодъ и красавецъ; всѣ гости Владиміра дивились, глядя на него, когда явился онъ среди ихъ на пиру княженецкомъ. Въ рассказѣ о Дюкѣ Степановичѣ виденъ также намекъ: ибо Владиміръ,

оскорбленный тѣмъ, что Дюкъ осудилъ его првое угощенье, и прѣхавъ въ его богатый домъ съ памѣреніемъ (какъ можно догадываться) непріязненнымъ, говорить Дюку:

Каково про тебя сказывали —
Таковъ ты и есть.

Ко Владиміру ѣдетъ и Михайло Казаршичъ, почти такъ же, какъ и Дюкъ, богато вооруженный:

А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
Что ко ласкову Князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися
И Владиміру Князю поклонитися.

У Владиміра на пиру сидитъ и Потокъ Михайло Пвановичъ. Послалъ Потока Владиміръ настрѣлять ему гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ. Потокъ не пьетъ ни пива, ни вина, молится Богу и идетъ вонъ изъ гриднн. Скоро садится Потокъ на добраго коня; только его и видѣли, какъ онъ за ворота выѣхалъ, а тамъ

Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.

Исполнилъ Потокъ просьбу Владиміра, настрѣлялъ птиць, и хочетъ уже ѣхать отъ снлаго моря, — вдругъ видитъ бѣлую лебедь; она была черезъ перо вся золотая, головка увита краснымъ золотомъ и усажена скатнымъ жемчугомъ. Взялъ Потокъ лукъ и стрѣлу, натянулъ лукъ,

Заскрипѣли полосы булатныя,
И завили рога у туга лука; —

и только что спустить было ему калену стрѣлу, какъ заговорила бѣлая лебедь: не стрѣлай меня, Потокъ Михайло Пвановичъ; я можетъ-быть пригожусь тебѣ. — Лебедь вышла на берегъ и вдругъ обернулась красной дѣвицей. Потокъ воткнулъ въ землю копье, взялъ за бѣлыя руки дѣвицу, цѣлуетъ ее въ уста. Красная дѣвица согласилась выдти за него за мужъ, опять обернулась лебедью и полетѣла къ Кіеву. Потокъ, не мѣшкая, поскакалъ туда же. Окончаніе этой пѣсни папоминаетъ извѣстный разсказъ изъ «Тысячи и одной ночи».

На богатырской скамьѣ, въ свѣтлой гриднѣ Владиміра, сидитъ и Иванъ, гостинный сынъ, хотя онъ, кажется, и не богатырь;

онъ добрый и простой малой. На пиру княжепещкомъ и Иванъ Годиповичъ, также не называемый богатыремъ: его сватаетъ Владиміръ на дочерп Дмитрія, богатаго гостя въ Черниговъ. На пиру у Князя и Старъ бояринъ. На пиру же сидятъ и Авдотья, жена Блудова (Блуда), и Авдотья, жена Чесова (Чеса). Сыпъ первой Гордепъ Блудовичъ тоже не въ числѣ богатырей, по можетъ-быть это только по ранней молодости, потому что Гордепъ — могучій юноша. Онъ заступаетъ за мать, оскорбленную на пиру Авдотьею, Чесовой женою, перебиваетъ всѣхъ ея девять сыновей, и потомъ женится на ея дочерп, Авдотьѣ Чесовичнѣ. Въ Кіевъ приходятъ и богомольцы, сорокъ каликъ со каликою, на пути въ Ерусалимъ; это пѣсня високаго достоинства и весьма замѣчательна. — Наконецъ къ Владиміру пріѣзжаетъ богатый гость, Соловей Будиміровичъ. Мы не говоримъ о немъ, какъ и о другихъ лицахъ Владимірова времени, подробно; задача нашей статьи: богатыри Князя Владиміра, но не весь міръ его. Со временемъ, можетъ быть, мы скажемъ о всей этой праздничной эпохѣ, также и о послѣдующихъ, какъ представляются онѣ въ нашихъ пѣсняхъ. Пѣсня о Соловѣ Будиміровичѣ прекрасна; она начинается этими многозначущими словами, которыя могутъ быть эпиграфомъ къ Русской народной поэзіи:

Высота ли высота, поднебесная,
Глубота, глубота—океанъ море,
Широко раздолье по всей земли!

Въ этихъ стихахъ становитъ себѣ размѣры Русской человѣкъ, — и какіе размѣры!

Въ Московскомъ Сборникѣ (Т. II) (1) помѣщены 12 старинныхъ Русскихъ пѣсней, пзъ которыхъ три относятся къ періоду В. К. Владиміра; объ одной пзъ нихъ мы уже говорили; она вариантъ пѣсип, помѣщенной въ собраніи Кирина Дашилова. Двѣ другія повѣствуютъ о совершенно неизвѣстныхъ намъ богатыряхъ: одна о Данилѣ Ловчанннѣ; другая—о Данилѣ Игнатъевичѣ и сыпъ его Иванѣ Дашиловичѣ.

(1) Московскій Сборникъ т. II, по разнымъ обстоятельствамъ, не могъ быть изданъ, а потому и пѣсни остались не напечатанными. Впрочемъ собраніе пѣсней П. В. Кирннскаго издается теперь Московскими Обществомъ Люб. Рус. Словесности, и упоминаемая въ статьѣ К. С. Аксакова пѣсня будетъ въ свое время, и вѣроятно скоро, напечатана.

Разсказывать содержаніе пѣсенъ мы подробно не станемъ. Такъ недавно предложенныя любознательности читателей и особенно въ настоящее время, когда вопросъ народности Русской началъ наконецъ сильно занимать, т. е. образованное, Русское сословіе, отъ народности давно оторвавшееся, — пѣсни эти вѣроятно прочтены съ полнымъ вниманіемъ, котораго вполне онѣ заслуживаютъ; было бы излишне ихъ пересказывать, какъ это дѣлали мы, говоря о пѣсняхъ Кириши Данилова. Но собраніе Кириши Данилова издано давно, многими забыто, и самая книга приобрѣтается не совсѣмъ легко; подробное изложеніе содержанія было здѣсь кажется вполне у мѣста.

Пѣсня о Данилѣ Ловчанинѣ, хотя въ общемъ совершенно имѣетъ и складъ и строй пѣсенъ о временахъ Владиміра, находящихся въ Сборникѣ Кириши Данилова, но въ частностяхъ отъ нихъ отличается. Такъ, въ ней нѣтъ этого непремѣннаго торжественнаго начала, какъ скоро пѣсня начинается съ описанія пира Владимірова во стольпомъ городѣ во Кіевѣ и пр. Начало другое:

Не красное солнце числовалося (честовалося),
Заводилося пировацьице честное
У Князя Владиміра и пр.

Такъ Владиміръ Князь называется: нашъ батюшка, чего нѣтъ у Кириши Данилова, гдѣ называется онъ: красное солнце, ласковое солнце. Не вездѣ слышится та жилистая, такъ сказать, та богатырская и вмѣстѣ грубоватая сила слова, которая такъ постоянно слышна въ пѣсняхъ у Кириши Данилова. Есть и другія нѣкоторыя, мелкія отличія.

Въ пѣснѣ о Данилѣ Ловчанинѣ идетъ рѣчь о женитьбѣ Владиміра, или лучше о попыткѣ жениться, потому пѣсня должна, по порядку событій, предшествовать той, въ которой говорится о женитьбѣ Великаго Князя на Афросинѣ Королевишнѣ. Въ пѣснѣ, помѣщенной въ Московскомъ Сборникѣ, Владиміръ пируетъ съ своими богатырями, со всею *поленницею* (здѣсь это слово ясно употреблено въ значеніи дружины; см. в.), и на пиру говоритъ, что онъ холостъ, что надо бы найти ему невѣсту. На это отвѣчаетъ ему Путятинъ Путятовичъ, говоря, чтобы онъ взялъ за себя жену Данилы Ловчанина, грозную Настасью Никулишну. Князь Владиміръ сперва усомнился и говоритъ:

Какъ мнѣ у живаго жену отнять?

Но Путятинъ Путятювичъ сейчасъ предлагаетъ средство и совѣтуетъ Князю нарядить Данилу въ такую службу, съ которой бы онъ назадъ не воротился: послать его на Буянь Островъ, убить тамъ лютаго звѣря.—Князь соглашается и говоритъ Данилѣ, который тутъ же на пиру, чтобы онъ сослужилъ ему эту службу.—Слышалъ ли Данила совѣщаніе Путяты съ Княземъ, нѣтъ ли, объ этомъ не говорить пѣсня. Онъ молча поднялся на ноги, вышелъ на широкій дворъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ своему подворью. Жена увидѣла его изъ высокаго терема, увидѣла, что ѣдетъ онъ не веселый, повѣсивши голову и насупивъ очи въ землю. Она думаетъ, что онъ не былъ учещенъ у Князя на пиру. Но Данила говоритъ ей, что онъ былъ учещенъ и прибавляетъ:

Погубляютъ меня переметы женскіе.

Изъ этого можно заключить, что онъ если не слышалъ, то догадывался о намѣреніи Князя; но какіе и чьи женскіе переметы—это остается намекомъ.—Данила требуетъ у жены колчанъ въ полтретья ста стрѣлъ, она подаетъ ему ровно въ триста стрѣлъ, и Данила ѣдетъ къ Буяну Острову. Скоро увидалъ Данила лютаго звѣря и скоро убилъ его. Совершивъ службу, онъ сѣлъ поѣсть. Но вотъ идутъ къ нему отъ Великаго Князя девять сотъ отборныхъ молодцовъ и говорятъ ему, что пришли за его буйной головой. Данила молча поднялся на ноги, натянулъ свой лукъ, накладывалъ, стрѣлая по пяти стрѣлъ; и всѣ девять сотъ чело-вѣкъ легли отъ его руки. Но побивъ всѣхъ своихъ противниковъ, съ оружіемъ на него напавшихъ, задумался Данила. «Знать я Князю не угоденъ сталъ», сказалъ онъ, оборотилъ копье тупымъ концомъ въ землю, а вострымъ въ себя, и закололся. Тутъ малые люди остались, говоритъ пѣсня, и донесли Князю Владиміру. Князь Владиміръ собралъ поѣздъ вѣнчаться, и поѣхалъ къ Настасѣ Никулиниѣ. — Позволь проститься мнѣ съ милымъ другомъ, говоритъ Настасья Владиміру, и ѣдетъ взглянуть на мужа; она увидала, что дѣлаютъ гробницу Данилѣ; дѣлайте просторную гробницу, говоритъ она,

Чтобы было гдѣ ему положиться,

Костямъ бы его поворотиться.

Его кости богатырскія!

Пришедши къ тѣлу Данилы Ловчанна, она закололась тѣмъ же копьемъ.

Пѣсня эта имѣетъ большое художественное достоинство. Какъ хорошъ нравный и честный образъ богатыря Данилы; его грозная жена, вѣрная своему мужу, ихъ печальная судьба и все это событіе; впечатлѣніе, производимое пѣсней, необыкновенно живо и сильно. Когда къ Данилѣ приходятъ вооруженные люди, чтобы погубить его, Данила знаетъ, что они посланы отъ Князя; но онъ видитъ передъ собою вооруженную силу и онъ встрѣчаетъ ее оружіемъ.—Когда же сила побѣждена сплю, когда пѣть болѣе ся оскорбительнаго притязанія, Данила говоритъ: видно я сталъ негоденъ Князю, и убиваетъ себя. Въ этихъ словахъ все не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства. Пѣть, отношенія богатырей къ В. Князю (какъ мы видѣли это въ особенности у Кириши Данилова) были основаны на свободной привязанности, на любви, на общемъ, согласномъ какъ хоръ, строй жизни; — они нарушены теперь: Богъ знаетъ за что, до того не влюбилъ Князь Данилу, что послалъ цѣлую дружину убить его, — и грусть обняла богатыря; онъ видитъ, что нарушенъ весь прежній согласный строй жизни, — и убиваетъ себя. Въ этой пѣснѣ не очень выдержанъ характеръ Владиміра, который здѣсь дѣлаетъ черный поступокъ; хотя въ пѣсняхъ характеръ его постоянно является слабымъ, но также постоянно добрымъ и привѣтливымъ. Здѣсь слабость уже переходитъ вовсе предѣлы доброты. Быть можетъ, впрочемъ, что есть другой вариантъ, гдѣ поступокъ Владиміра является какъ ипбудъ иначе, чѣмъ здѣсь.

Другая пѣсня о Данилѣ Игнатьевичѣ и сынѣ его Иванѣ Даниловичѣ не такъ замѣчательна. Богатырь Данила Игнатьевичъ принялъ схиму. Невѣрныя Орды слышали, что не стало у Князя Владиміра славнаго богатыря и прислали требовать пощипка. Некого послать Владиміру. — Двѣнадцатилѣтній Иванъ Даниловичъ, сынъ славнаго богатыря, вызывается идти на поединокъ. Князь сомнѣвается за него въ побѣдѣ; но Иванъ идетъ къ отцу просить у него благословенія. Отецъ тоже сомнѣвается за него, но даетъ ему благословеніе, даетъ копя своего и збрую богатырскую. Иванъ поѣхалъ въ чистое поле, увидалъ силу невѣрную; разъярися его конь, сронилъ юнаго всадника и поскзалъ къ монастырю, гдѣ сидитъ отецъ Ивана.—Иванъ всталъ на ноги,

схватилъ Татарина и побилъ Татаринѣмъ всю силу невѣрную. Совершивъ подвигъ, Иванъ разправилъ шатеръ и легъ почивать. Между тѣмъ Данила, увидавъ воротившагося коня, прискакалъ на пемъ самъ къ шатру, сшибъ стрѣлою бѣлый шатеръ и увидалъ сына. Тогда оба они поѣхали къ Князю Владиміру:

Князь Владиміръ встрѣчалъ ихъ съ образами мѣстными
И служилъ молебны честныя.

Бой Ивана Данилыча съ Татарами есть перемѣщенію въ эту пѣсню боя Ильи Муромца съ Татарами же (см. в.). По тамъ этотъ бой вполнѣ у мѣста и вытекаетъ изъ всей пѣсни; здѣсь же это кажется намъ чистымъ заимствованіемъ. Пѣсня очень сжата и лишена подробностей.

Самый складъ и той и другой пѣсни вполнѣ древній, вполнѣ однопакый съ пѣснями Владимірова времени въ Сборникѣ Кириши Данилова; но объ пѣсни, въ особенности вторая, болѣе сжаты и имѣютъ частныя несходства; онѣ подверглись, какъ кажется, большому измѣненіямъ. Впрочемъ это понятно. Собраніе пѣсень Кириши Данилова спискомъ своимъ относится къ половинѣ, или около, прошедшаго столѣтія, а само собраніе составлено, можетъ быть, и гораздо прежде, можетъ быть и до Петровскаго переворота; во всякомъ случаѣ, тѣмъ древнѣе записана пѣсня, тѣмъ болѣе должна она сохраняться въ своемъ настоящемъ древнемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ сказали мы, богатырскія пѣсни, запечатанныя въ Москов. Сборникѣ (Т. I и II), признаемъ мы вполнѣ за древнія и народныя, вполнѣ принадлежащія къ разряду пѣсень о временахъ Владиміра, находящихся въ собраніи Кириши Данилова, и какъ по этому отношенію, такъ и по своему собственному достоинству, пѣсни эти составляютъ драгоценное приобрѣтеніе истинно народной литературы.

Кромѣ богатырскихъ пѣсень, пѣсень историческихъ, въ Моск. Сборникѣ помѣщены пѣсни, не принадлежащія къ этому разряду, но древность и подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Вместе съ тѣмъ въ этихъ пѣсняхъ живеть та вѣчная красота, то несомнѣнное величіе, которымъ запечатлѣны истинныя творенія народа, конечно величайшаго и истиннѣйшаго мудреца и поэта; а какой же народъ болѣе достоинъ названія народа, если не народъ Русской?

Хотя это и выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи, но мы хотимъ обратить вниманіе читателей и на эти пѣсни.

Пѣсня объ орлѣ, объ отдѣльномъ, но полномъ событіи, замѣчательна своею простотою. Орелъ свыкается съ орлицей, свили они гнѣздо на деревѣ, на берегу моря; но налетѣла непогода, всколыхалось море, подмыло дерево, и потопило и гнѣздо, и орлицу и дѣтей. На что были мнѣ орлица, дѣти и гнѣздо воскликнулъ молодой орелъ, взлетѣлъ высоко и ударился сверху о горючъ камень; вотъ и все содержаніе; но пѣсня проникнута пластически-поэтической красотой, которая особенно чувствуется при описаніи завиванія гнѣзда.

Какъ хороша пѣсня о Васильѣ князѣ! Князь значить здѣсь повобращный, тоже значить и княгиня, бояре здѣсь свадебный чинъ.—Идучи отъ златаго вѣнца, утонулъ повобращный. Его молодая княгиня идетъ въ монастырь и проситъ прорубить три окошка: одно къ святому Благовѣщенію, другое на родную сторону, третье на синее море, гдѣ потонулъ ея вѣнчанный мужъ, Василій князь. Самый строй этой пѣсни, вся она дышетъ силою и всею святостію супружескаго чувства.

Той же несказанной красоты народнаго слова полны пѣсни и о соколѣ, жалующемся на свои крылья, не унесшія его отъ золотой клѣтки и отъ серебряной нашествки, и о кукушкѣ, жалуемой на сокола, разорившаго ея гнѣздо.

Но пѣсня о падшемъ воинѣ въ особенности хороша. Изъ за лѣса летитъ орелъ и несетъ въ когтяхъ руку молодецкую «солдатскую» (очевидно вставка); на рукѣ золотой перстень, на печаткѣ персти написано, напечатано:

Моему батюшкѣ челобитьще;
Родной матушкѣ низкой поклонъ,—
Низкой поклонъ до сырой земли;
Малымъ дѣтушкамъ благословешще;
Милой женѣ—на двѣ волюшки:
Хоть за мужъ поди, хоть вдовой сиди;
А мнѣ молодцу такъ Господь велѣлъ
Положить буйну головушку
На чужой дальней сторонущкѣ!...

Какъ полны эти слова глубокаго, исполненнаго тишины и бл.

гости; не ревниваго, правдиваго чувства, безъ всякихъ восклицаній и порывовъ!....

Пѣсня объ изгнанномъ сынѣ—отрывокъ изъ цѣлой жизни; она принадлежитъ къ произведеніямъ художественнымъ такого рода (мы говорили о нихъ выше), которыя вырываютъ минуту или явленіе изъ жизни и даютъ предчувствовать всю многосложную ея полноту, всѣ многообразныя ея звуки.—Уѣзжаетъ изгнанный сынъ—почему и какъ? Нензвѣстно,—изъ дома его провожаютъ три сестры и спрашиваютъ, когда онъ будетъ назадъ; онъ еще надѣется воротиться, когда разольются рѣки. Но прошелъ годъ, и другой, и все нѣтъ; сестры пошли искать его и въ лѣсъ и въ небо и въ море. — Здѣсь чрезвычайно поэтическое изображеніе сестеръ, устремившихся искать брата. — Старшая сестра нашла брата убитымъ.

Пѣсня о бѣгущемъ конѣ по дорогѣ — конечно отрывокъ; но и въ этомъ видѣ она прекрасна: ибо изображеніе бѣгущаго коня, сбившаго съ себя на бѣгу и сѣдло и сбрую,—пластично въ высшей степени.

Пѣсня объ освободившемся плѣнникѣ исполнена той же отрывочной красоты, о которой мы говорили; какъ хорошо здѣсь замерзаніе Дуная. Плѣнникъ видитъ, что Дунай покрылся тонкимъ льдомъ, и нельзя ему перейти на другую сторону; его горе вдругъ принимаетъ образъ пѣсни, и онъ запѣваетъ:

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль ты родимая,
Родимая, прохладливая!
Знать то мнѣ на тебѣ не бывати,
Отца съ матерью не видати!—

Пѣсня про старину небывалую исполнена особенной шутки, которую очень любитъ Русской народъ: сильнѣе чувствуемъ истину, когда видимъ нелѣпность; но эта нелѣпность принимаетъ тогда непременно характеръ шутки, запечатлѣнный важностью, и Русской народъ любитъ, шутки ради, играть такими нелѣпостями; такія шутки имѣютъ серьезный тонъ и нелѣпность является какъ бы съ полными правами на дѣйствительность, отъ чего именно подобная шутка такъ художественна и смѣшна.

Трудно вполне передать все изящное достоинство поэтических произведений; вообще на достоинство это можно скорее наметнуть или указать. — То же должно относиться, и может быть еще больше, къ народной поэзіи. — Но всего лучше говорить за себя сами пѣсни, и наши Русскіе читатели, не даромъ посещая славное имя своего народа, конечно и отзовутся, и поймутъ, и оцѣнятъ съ наслажденіемъ всю красоту родныхъ пѣсень.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ СКАЗКАМИ И ПѢСНЯМИ РУССКИМИ. (1)

(По поводу одной статьи).

Въ 21 № Москвитянина 1852 года помѣщена занимательная статья г. Шепинга, объ Иванѣ царевичѣ. Мы вполне уважаемъ постоянное трудолюбіе автора, и это самое заставляетъ насъ высказать ему наше мнѣніе со всею откровенностью.

Г. Шепингъ, какъ видно изъ самаго заглавія статьи, считаетъ Ивана царевича народнымъ Русскимъ богатыремъ. Имя Ивана царевича принимаетъ здѣсь г. Шепингъ за общее родовое имя разныхъ Ивановъ, о которыхъ много сказокъ въ народѣ. Но только въ одной сказкѣ (сколько намъ извѣстно) названъ Иванъ богатыремъ; въ остальныхъ же онъ богатыремъ не называется и не изображается; онъ—просто любимецъ тайныхъ чародѣйныхъ силъ, ему помогающихъ. Въ сказкѣ же, гдѣ названъ онъ Русскимъ богатыремъ, ничего особенно народнаго въ немъ не является.—Впрочемъ не объ этомъ хотимъ мы поговорить.

Г. авторъ далѣе сравниваетъ Ивана царевича и находитъ сходство въ немъ съ лицами пѣсней Владиміровыхъ: съ Иваномъ, гостиннымъ сыномъ, съ Иваномъ Годиповичемъ, съ богатырями Пльєю, Добрыней и пр.—Находя въ пѣсняхъ о первыхъ двухъ лицахъ общій характеръ Ивановскихъ сказокъ, г. авторъ говоритъ:

«Хотя въ нашихъ эпическихъ пѣсняхъ и не упоминается ни гдѣ объ Иванѣ царевичѣ, тѣмъ не менѣе мы найдемъ много сходнаго съ нашимъ преданіемъ въ личности и дѣйствіяхъ *Алеша Поповича и Добрыни Никитича* и въ особенности (?) *Дуная Ивановича и Ильи Муромца*, быть можетъ, потому именно, что они оба *Ивановичи*» (стр. 23).

(1) Напечатана въ 153 № Моск. Вѣдом. 1852 года. Пр. Пзд.

Мы, напротивъ, здѣсь никакого сходства ни въ чемъ и насколько не находимъ.

Ошибка автора произошла, кажется, отъ взгляда его на сказки и пѣсни; по его мнѣнію, «почти положительно сказать можно, что подлинно Русскія простонародныя сказки входили нѣкогда въ составъ нашихъ эпическихъ пѣсень» и проч. (стр. 20). Разницу между сказками и пѣснями считаетъ онъ дѣломъ времени, изустнаго преданія, личнаго произвола рассказчика, и т. д. (стр. 21).

Мы несогласны съ этимъ.

Между сказками и пѣснями, по нашему мнѣнію, лежитъ рѣзкая черта. Сказка и пѣсня различны изначала. Это различіе оставилъ самъ народъ, и намъ всего лучше прямо принять то раздѣленіе, которое онъ сдѣлалъ въ своей литературѣ. *Сказка—складка* (вымыселъ), а *пѣсня—быль*, говоритъ народъ, и слова его имѣютъ смыслъ глубокій, который объясняется, какъ скоро обратимъ вниманіе на пѣсню и сказку.

Предметъ пѣсни или религіозный (стихи), или народный: народныя событія, историческая и бытовая жизнь; или частный: событіе и чувство личное. Все это—*быль*. Пѣвца и сочинителя въ пѣснѣ не слышно. Иногда попадаетъ въ ней припѣвъ, гдѣ поющій обращается къ слушателю: «здравствуй хозяинъ съ хозяйшкою» и пр.; но это не измѣняетъ дѣла. Припѣвъ уже не пѣсня; онъ является по окончаніи пѣсни; въ немъ спѣвшій пѣсню обращается къ слушателямъ обыкновенно за наградой. Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ пѣсняхъ эпическихъ повѣствуются невѣроятныя дѣла, но они повѣствуются, какъ дѣла, бывшія дѣйствительно, *быль* (отсюда и слова *быль* (фактъ) и *былина*).

Совсѣмъ другое *сказки*. Съ самыхъ первыхъ словъ дается знать, что это вымыселъ. Сказки безпрестанно сама называетъ себя сказкою; она даже начинается обыкновенно такими словами: «Начинается сказка отъ сивки отъ бурки, отъ вѣщей коурки, отъ богатырскаго посвисту, отъ молодецкаго воѣзду.» Нѣсколько разъ повторяется въ теченіи сказки: «скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается.» Рассказчикъ слышенъ постоянно; постоянно предъ нимъ слушатель; постоянно слышна даже какая-то затаенная шутка надъ всѣмъ рассказомъ, шутка, которая наконецъ проявляется въ окончаніи сказки, обыкновенно

при описаніи. иира, гдѣ разскащикъ, обращаясь прямо къ себѣ, говоритъ: «Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.»

Такъ сказываются сказки, даже и теперь; таковъ ихъ настоящій видъ. Печать отчасти измѣнила ихъ, но не взглянула основнаго общаго ихъ характера.

Къ сказкѣ, кажется, преимущественно должна относиться поговорка: *красно поле рожью, а рѣчь чужью* (вымысль).

Изъ этого же значенія пѣсни, какъ были, и сказки, какъ вымысла, выходятъ, что само содержаніе сказокъ, мѣсто дѣйствія и лица—существенно различны отъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ географія можетъ быть плоха, но это происходитъ отъ незнанія. Въ сказкѣ, очень сознательно, разскащикъ нарушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства, говоритъ о тридесяти царствѣхъ, о небывалыхъ странахъ и всякихъ диковинкахъ. Отсюда выходятъ также, что содержаніе эпическихъ пѣсенъ народа—всегда лица или событія его народной жизни. Пѣсни—всегда народны. Сказка же, напротивъ, уходитъ въ чужіе края, и, какъ вымысль, носитъ гдѣ угодно. Значеніе вымысла даетъ возможность пользоваться чужою фантазіею, и потому многія изъ сказокъ зашли къ намъ цѣликомъ изъ чужихъ краевъ (наиболѣе съ востока); нѣкоторыя переименованы по своему, и почти всѣ говорятъ о странахъ чуждыхъ. Само собою разумѣется, что самое изложеніе, *слозь* народныхъ Русскихъ сказокъ принадлежитъ Русскому человѣку; что если, въ своихъ сказкахъ, народъ не всегда самъ выдумщикъ, то всегда разскащикъ; что и чужое, переименовая его или нѣтъ, рассказываетъ онъ по своему; и это-то изложеніе придаетъ сказкѣ народный характеръ и цѣну, независимо отъ ея содержанія. Въ какой же мѣрѣ самое содержаніе той или другой сказки выражаетъ народный духъ,—это уже особый, очень важный и занимательный вопросъ, рѣшаемый при разсмотрѣніи самихъ сказокъ.

Какъ на различіе между пѣснями и сказками, можно также указать на элементъ волшебный. Въ сказкахъ онъ постоянно присутствуетъ, и почти всѣ герои сказокъ находятъ себѣ опору и помощь въ волшебствѣ и волшебникахъ. Въ пѣсняхъ хотя нельзя не признать чародѣйственнаго элемента, но онъ всегда на враждебной сторонѣ, противенъ Русскому духу, и богатыри Русскіе

не только не почерпаютъ въ немъ силъ, но постоянно ведутъ съ нимъ бой, прибѣгая съ молитвою къ одному Богу. Правда, есть пѣсня о Волхвѣ; но это преданіе (а не вымыселъ) о древнемъ сильномъ чародѣѣ, который *самъ* герой пѣсни, и стоитъ совершенно одиноко между всѣми богатырями старины, глубже всѣхъ уходя въ древность; слѣдовательно эта пѣсня составлять исключеніе не можетъ. Всѣ же богатыри и вообще всѣ герои пѣсенъ, начиная съ Ильи Муромца до Гордея, не водятся ни съ волшебствомъ, ни съ волшебниками, а вездѣ бьютъ и преслѣдуютъ ихъ, какъ мы уже сказали объ этомъ (1).

Г. Шепингъ находитъ сходство въ языкѣ и выраженіяхъ между сказками и пѣснями; по тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. И тамъ и здѣсь языкъ Русской, народный; и тамъ и здѣсь подчиненъ онъ извѣстнымъ сочетаніямъ словъ, эпитетамъ, и пр. Такое сходство необходимо; оно основано только на единствѣ языка. Но если взглянуть попристальнѣе, то сейчасъ увидишь существенную разницу языка и слога пѣсеннаго съ сказочнымъ. Стоитъ обратить вниманіе хоть на тѣ отрывки сказокъ, которые приводитъ г. Шепингъ, выставяя ихъ въ примѣръ сходаства. Вотъ нѣкоторыя выраженія: «Шелкъ не рвется, булатъ не трется, ярвицкое золото въ грязи не ржавѣетъ.» Или: «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей полымя.»

Всякой, думаю я, согласится, что самый слогъ, отрывистый и скорый, пересыпанный близкими другъ отъ друга приемами, показываетъ, что сказка *сказывалась* *говоркомъ* или даже *скороговоркой*, а не пѣлась. Теперь, не угодно ли сравнить какую-нибудь пѣсню, на пр.:

Да изъ Орды золотой земли,
Изъ тоя Могозен богатыя,
Когда подымался злой Калинь Царь,
Злой Калинь Царь Калиновичь...

(1) Намъ могутъ указать, пожалуй, на то, что рѣка Смородина щадитъ безвременнаго молодца, что Ильмень озеро посылаетъ богатую добычу Садку. Но это не волшебство и не волшебники; это олицетворенныя силы природы, благопріятствующія иногда человѣку. Сверхъ того, челоѣкъ не входитъ здѣсь съ ними въ какія-нибудь близкія сношенія. Ему посылаетъ милость озеро или рѣка. Богатырь Потокъ женится на чародѣйкѣ, но какъ-будто самъ того хорошенько не понимаетъ. Крестная мать Добрыни говоритъ Маринѣ, что она *мудре* ея; но эта угроза, а чародѣйства ея мы не видимъ нигдѣ въ пѣсняхъ.

ИЛИ

Немного съ Дюкомъ живота пошло, —
 Что кулакъ и панцырь чиста серебра....

ИЛИ

А и буйные вѣтры не вихнуть на ее,
 А красное солнце не печетъ лице....

ИЛИ

А и ты мать быстра рѣка, ты быстра рѣка Спородина;
 Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды кониные.... (1).

Вы видите, что рѣчь здѣсь не торопится, медлитъ и очевидно указываетъ, что она должна пѣться. Эти повторенія, эти вставочныя: *что, а и, тотъ* и пр., показываютъ очевидно, что они нужны были какъ для гармоніи пѣнія, такъ и для оттѣнка самого слога, совершенно особеннаго, слога собственно пѣсеннаго.

И такъ, кромѣ того необходимаго сходства, которое вытекаетъ изъ единства языка. мы, напротивъ, видимъ рѣшительную, глубокую и существенную разницу между слогомъ пѣсенъ и слогомъ сказокъ.

Очевидно, что поэтическимъ произведеніемъ считалась только пѣсня, и, подобно какъ въ древности Римскій поэтъ называется *vates*, пѣсня зовется *былью*. Къ пѣснѣ также относится замѣчательная пословица: *изъ пѣсни слова не выкинешь*.

Что касается до вопроса, стихами ли писаны пѣсни, то мы здѣсь о немъ распространяться считаемъ неумѣстнымъ. У насъ уже написана статья о богатыряхъ Князя Владиміра (о другихъ лицахъ тогоже времени мы не говоримъ въ ней), которая, можетъ быть, появится въ непродолжительномъ времени; въ ней коснулись мы вопроса о Русскихъ стихахъ. Здѣсь же скажемъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ свое мнѣніе. — У нашего народа

(1) Мы написали эти отрывки изъ пѣсенъ старинныя, какъ читаются они въ сборникѣ Кирши Данилова; но напишите ихъ хоть сплошною строкой, все выйдетъ тоже. Кстати, мы не видимъ, почему не удержатъ имени Кирши Данилова за сборникомъ этихъ древнихъ пѣсенъ, изданныхъ, а не собранныхъ Калайдовичемъ. Калайдовичъ издавъ сборникъ древнихъ пѣсенъ, кѣмъ собранныхъ, не извѣстно. Преній издатель увѣрялъ, какъ свидѣтельствуемъ Калайдовичъ, что на заглавномъ листѣ стояло имя Кирши Данилова. Въ какой степени это вѣрно, рѣшить не беремъ; но ужъ если нужно какое-нибудь названіе этому драгоценному сборнику древнѣйшихъ народныхъ пѣсенъ, то лучше и основательнѣе удержатъ за нимъ названіе сборника Кирши Данилова.

стиховъ собственно нѣтъ, т. е. нѣтъ данныхъ условныхъ формъ, по которымъ можно было бы писать Русскими стихами. Русской стихъ рождается и образуется въ ту минуту, какъ онъ говорится; это есть гармоническое сочетаніе словъ, гармоническое сочетаніе рѣчи, не подлежащее никакимъ, заранѣе готовымъ условіямъ, и неуловимое внѣшнимъ образомъ, возникающее согласно съ поэтическимъ настроеніемъ духа. Первоначально пѣніе сопровождало такую рѣчь. Она дѣлится, какъ на аккорды, на особыя сочетанія звуковъ слова, на цѣлыя гармоническія реченія, которыя, если хотите, назовите стихами, но вы не подведете ихъ ни подъ какія условныя правила стиховъ. Эту гармоническую рѣчь можемъ мы встрѣтить всюду, въ грамотахъ, въ посланіяхъ и т. д., между прочимъ, мы встрѣчаемъ ее въ посланіи Гермогена; вотъ его слова, которыя мы раздѣляемъ на отдѣльные стихи:

Согласось про старыхъ то слово,
Что красота граду старые мужи.

(Ак. Арх. т. II, стр. 290).

Какъ замѣчательное, глубокое чувство гармоніи въ Русской поэзіи, является пелюбовь нашего народа къ рпемѣ, музыкальность которой слишкомъ груба, матеріальна, нагла, такъ сказать. Рѣдко, рѣдко попадетъ она въ важной пѣснѣ, и то совершенно особеннымъ образомъ. Русской народъ употребляетъ ее почти всегда только для шутокъ, да и часто замѣняетъ ассонансомъ, не столько осязательнымъ, какъ рпема.

Но мы отдалились въ сторону; возвратимся къ Ивану царевичу.

Повѣствованіе объ Иванѣ царевичѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, объ Иванушкѣ дурачкѣ и пр.— есть сказка и, слѣдовательно, къ пѣснямъ быть отнесено не можетъ. Сказавъ это, мы рѣшительно отдѣлили сказочнаго Ивана отъ всего міра пѣсень, въ которыхъ можетъ встрѣтиться Иванъ, сходный по имени, но только по имени, съ сказочнымъ Иваномъ, только чисто наружно, не болѣе; а это не сходство.

Сверхъ того, мы видимъ, что даже нѣтъ здѣсь и наружнаго сходства. Г. Шепингъ дѣлаетъ многія сближенія между Иваномъ сказочнымъ и въ особенности между Иваномъ гостпнымъ сыномъ, а также между Ивпомъ Гоудиновичемъ, лицамъ Владиміровыхъ пѣсень. Если паходить сходство (какъ находить г. авторъ) въ

томъ, что Иванъ гостинный сынъ званія купеческаго, а Иванъ сказочный (въ иныхъ только сказкахъ) званія крестьянскаго; что у Ивана гостиннаго сына — бурый конь, а у Ивана сказочнаго — сивка-бурка, то послѣ этого всюду можно найти сходство: и у Дюка Степановича конь бурый. Конь Ивана гостиннаго сына говорить; но и конь Добрыни, въ одной изъ пѣсенъ, еще неизданныхъ, говорить. Сивка же бурка, напротивъ, не говорить, и имѣеть совсѣмъ другое значеніе. Этимъ-то и ограничивается все сходство. Съ Иваномъ Годиновичемъ сходства еще меньше. А между Иваномъ сказочнымъ и между Ильєю Муромцемъ Ивановичемъ и Дунаемъ Ивановичемъ есть сходство развѣ только въ томъ, что оба эти богатыри—Ивановичи; на это сходство между прочимъ указываетъ авторъ (см. выше). Впрочемъ между Ильєю и Иваномъ авторъ хочетъ видѣть сходство въ характерѣ того и другаго; на это, кажется, не нужно и возражать; на это возражаютъ всего сильнѣе самъ Илья и Иванъ, если ихъ только поставить рядомъ.

И такъ между сказочнымъ Иваномъ и лицами Владиміровыхъ пѣсенъ нѣтъ даже и наружнаго сходства, кромѣ такого, по которому чуть не всякой человекъ можетъ попасть въ Иваны, или имѣть съ нимъ что-нибудь общее.

Кромѣ этихъ замѣчаній на главное значеніе статьи автора, скажемъ нѣсколько замѣчаній на отдѣльныя его заключенія.

Авторъ говоритъ о смѣшеніяхъ въ нашихъ пѣсняхъ Татарскаго съ Польскимъ, и приводитъ въ примѣръ выраженіе: «сидятъ мурзы улановья» (стр. 18). Онъ видитъ, конечно, смѣшеніе въ томъ, что мурзы поставлены рядомъ съ словомъ улановья. Но уланъ слово Татарское и очень старинное на Руси. Оно упоминается въ древнихъ грамотахъ и стоитъ тамъ выше Татарскихъ князей. Напр. въ грамотѣ 1508 года, въ шертной записи царя Абдуль-Летифа говорится: «и мнѣ Абдыль-Летифу царю и мнѣ уланомъ и княземъ и нашимъ казакомъ» (Соб. Г. Г. и Д., т. II, стр. 32). Народъ выраженіемъ своимъ: мурзы улановья, показалъ здѣсь ту историческую память, которая часто проникаетъ въ самую отдаленную древность; такъ въ пѣснѣ о Калинѣ царѣ, гдѣ говорится о нашествіи Татарскомъ на Кіевъ, удержано имя Сартака, сына Батыева.

Г. Шепнигъ приводитъ мѣсто изъ Сборника Кирши Данилова, гдѣ перечисляются нѣкоторые Русскіе богатыри; вотъ это мѣсто:

Выходили тутъ князи бояра,
 Всѣ Русскіе могучіе богатыри;
 Самсонъ богатырь Колывановичъ;
 Суханъ богатырь сынъ Домантьевичъ,
 Святогоръ богатырь и Полканъ другой,
 И семь-то братьевъ Збродовичей,
 Еще мужики были Залешана,
 А еще два брата Хопиловы,
 Только было у Князя ихъ 30 молодцовъ....

«Отыскать имена этихъ 30 молодцовъ — вещь для насъ теперь невозможная», говоритъ авторъ (стр. 19). Но онъ нѣсколько ошибается. Часть этихъ молодцовъ уже названа въ предыдущемъ изчисленіи. Пѣсня, переставая вычислять, говоритъ разомъ: только было у князя ихъ 30 молодцовъ. *Только* значитъ здѣсь: однимъ словомъ.

Видя въ Афросинѣ королевичнѣ особый типъ женскій, авторъ говоритъ: «Эта бѣдная и слабая дѣвица, смиренно покоряющаяся волѣ родителей», и пр. (стр. 35). Но Афросинья королевична вовсе не похожа на этотъ образъ. Она была «любимая» дочь; берегли ее, какъ сокровище, за замками, берегли и отъ солнца и отъ вѣтра; — и только. Ни на жалкую, ни на слабую она не похожа, а еще менѣе послѣ замужства.

Подъ мужественный типъ женскій подводитъ авторъ Настасью Дмитріевну; но она вовсе не героиня: она рѣшается измѣнить мужу и погубить его: это еще не придаетъ лицу ни воинственнаго, ни мужественнаго характера.

Авторъ, въ доказательство древней привязанности простаго народа къ имени Иванъ, приводитъ одну весьма знаменательную, по его мнѣнію, пословицу, «выражающую вполнѣ всю любовь Русскаго человѣка къ имени Ивана: «Горе мужъ Григорій, лучше хоть болвана да Ивана» (стр. 36).

Странно.—Позволяемъ себѣ замѣтить, что авторъ, по нашему мнѣнію, не вникнулъ въ значеніе именъ собственныхъ въ нашихъ пословицахъ. Если изъ этой пословицы выводить любовь къ имени Ивана, то надобно вывести отвращеніе къ имени Григорія. Положимъ, имя Иванъ—употребительно (и только), но имя Гри-

горій вовсе не въ пренебреженіи. Подобное употребленіе собственныхъ именъ въ пословицахъ, прибауткахъ, шутливыхъ пѣсенкахъ и разсказахъ, у насъ не рѣдко. Оно объясняется вообще желаніемъ, вполне художественнымъ, придать полную живость образу; употребленіе же такого или другаго имени вызывается рѣкою и иногда музыкальнымъ значеніемъ слова, тѣмъ значеніемъ, по которому *ролля* звуками выражаетъ вялаго чешовѣка, и по которому *фалалей* значитъ розиня. Въ настоящемъ случаѣ, имена вызваны рѣмой, и вся пословица—шутка, шутка надъ тѣмъ, что какъ-будто вся бѣда въ томъ, что мужъ Григорій, а не Иванъ!

Иванъ и Марья встрѣчаются вмѣстѣ, какъ имена самыя употребительныя. Приводя пословицу: Иванъ былъ въ Ордѣ, а Марья вѣсти сказываетъ, г. Шепингъ ставитъ въ скобкахъ вопросительный знакъ послѣ словъ: въ Ордѣ. Мы не понимаемъ этого знака вопроса. Пословица очевидно временъ Татарскаго ига. Шутка здѣсь заключается въ томъ, что одинъ съѣздилъ куда-нибудь далеко, а разсказываетъ, вмѣсто него, другой. Это все равно, какъ еслибъ теперъ сказали: Иванъ ѣздилъ въ чужіе края, а Марья разсказываетъ новости.

Вотъ наши замѣчанія. Мы сочли нужнымъ сдѣлать ихъ трудолюбивому автору. Это взаимная обязанность людей, для которыхъ занимательны вопросы науки (1).

Въ заключеніе скажемъ наше мнѣніе о сказкѣ: Иванъ царевичъ, со всѣми ея вариантами. Г. авторъ, кажется, справедливо во всѣхъ этихъ сказкахъ видитъ одну. Ошибка автора въ томъ, что онъ смѣшиваетъ пѣсню съ сказкой вообще, и потому сближаетъ пѣсни Сборника Кириши Данилова съ сказкою объ Иванѣ. — Нечего и думать сравнивать Ивана съ Ильею Муромцемъ, совершенно осо-

(1) Нельзя не замѣтить здѣсь странной ошибки, въ которую впадаютъ два известные наши собиратели пѣсенъ, повѣрій и пр.: гг. Сахаровъ и Терещенко. Оба они, въ числѣ народныхъ игръ, говорятъ объ одной, которую называютъ: *безъ соли* (Сахарова, т. I. народныя игры стр. 74—75; Терещенко, часть IV, стр. 30). Описываютъ они ее довольно вѣрно и почти одинаково; тѣмъ непонятнѣе названіе, которое они придаютъ ей. Я самъ въ дѣтствѣ игрывалъ не разъ въ эту игру, а потому разскажу ее, какъ она игралась. Двое садятся другъ противъ друга, какъ бы образуя заставу; остальные проходятъ промежъ ихъ; какъ скоро проходящіе говорятъ: *безъ соли*, ихъ не трогаютъ. Какъ скоро скажутъ они: *съ солью!* они должны бѣжать, что есть духу. ибо тутъ ихъ ловятъ сидящіе, не вставая однаково съ мѣстъ. Это явно намекаетъ на таможенную пошлину съ соли. Восклицаніе же: *безъ соли соль!* очевидно не имѣетъ смысла.

Беннымъ, несравненнымъ, единственнымъ лицомъ, богатыремъ по преимуществу Русскимъ, выражающимъ собою Русскую землю, Русской народъ. Оставимъ же Илью Муромца въ сторонѣ; наша рѣчь теперь объ Иванѣ. Самое лице Ивана — лице, вполне принадлежащее Русскому народу, вполне Русское, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ представителемъ Русскаго народа: это только одинъ изъ Русскихъ образовъ. Иванъ—это не видный, не яркій человекъ, вовсе не глупый, но не имѣющій гордости и блеска ума, слывущій дурачкомъ и дѣлающій все лучше умныхъ. Въ этой сказкѣ есть насмѣшка, не надъ разумомъ, но надъ умомъ людскимъ, надъ тѣмъ, что считается умомъ между людьми, и вмѣстѣ надъ гордостью ума. Во всемъ разсказѣ умъ постоянно побѣжденъ смиренною простотою, находящею сочувствіе и въ сверхъестественныхъ силахъ и силахъ природы; простотѣ открывается таинственный міръ. Торжествующая простота производитъ зависть непримиримую въ тѣхъ, которые выдаютъ себя и слывуть за умныхъ. Эта исторія повторяется и теперь нерѣдко въ жизни, и ничто не обидно такъ для гордости человеческой, какъ побѣда скромнаго смиренія. Мысль сказки, объясненная нами, проводится во всѣхъ сказкахъ объ Иванѣ. Мысль вполне Русская; но она выразилась сказкою, и по этому здѣсь вся обстановка сказочна: здѣсь и тридесятое царство, и сѣрый волкъ, и сивка-бурка, и золотые дворцы и пр.

Вотъ наше мнѣніе; въ какой степени вѣрно оно, рѣшить подробное изслѣдованіе сказокъ.

Что касается до того, что въ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ называется Иванъ царевичъ Русскимъ богатыремъ, то это показываетъ только, что мѣсто дѣйствія этой сказки не въ Россіи. Въ чужихъ краяхъ Русскаго богатыря непременно назовутъ Русскимъ. Такъ говоритъ и Илья Муромецъ, обращаясь къ иноземному королевичу: если бы ты попалъ на нашихъ Русскихъ богатырей.

Есть особый отдѣлъ сказокъ: это сказки домашнія, т. е., дѣтскія, о волкѣ, медвѣдѣ, лисѣ, пѣтухѣ и пр. Онѣ исполнены невыразимой красоты и также заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія.

ЗАМѢТКА О ЗНАЧЕНІИ ИЛЬИ МУРОМЦА. (1)

Въ дѣтствѣ я не разъ слыхалъ рассказы объ Ильѣ Муромцѣ, и изъ того, что сохранила моя память, есть нѣкоторыя подробности и особенности, которыя, сколько мнѣ извѣстно, не находятъ вовсе, или, по крайней мѣрѣ, не въ томъ видѣ, въ пѣсняхъ и сказкахъ, и которыя передать во всеобщее свѣдѣніе, кажется мнѣ будуще не лишнимъ.

Рассказъ начинается, какъ обыкновенно, съ того, что Ильа Муромецъ сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ.—Однажды, когда отецъ и вся семья его были на работѣ, приходятъ къ нему двое старцевъ и говорятъ: «Ильа Муромецъ, принеси намъ напитокъ.» Ильа отвѣчалъ, что онъ встать на ноги не можетъ, и вотъ тридцать лѣтъ сидитъ сиднемъ. «Встань и принеси», говорятъ ему старцы.—Ильа Муромецъ всталъ и принесъ ведро воды старцамъ.—«Выпей самъ», говорятъ они ему.—Ильа выпилъ.—«Что ты въ себѣ слышишь?» спрашиваютъ его.—Слышу большую силу, отвѣчаетъ Ильа (2). «Поди принеси еще ведро,» говорятъ старцы.—Ильа приноситъ.—«Выпей!»—Ильа выпиваетъ.—«Что ты теперь слышишь въ себѣ?» спрашиваютъ старцы.—Если бъ свернуть

(1) Напечатана въ 1-мъ Выпускѣ пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, изд. Общества Любит. Русск. Словесности, 1860 г. *Пр. Изд.*

(2) Мнѣ помнится, онъ опредѣлялъ эту силу тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать,—во тѣмъ, я навѣрное не помню; какъ будто тѣмъ, что онъ вырветъ дерево съ корнемъ.

кольцо въ землю, отвѣчаетъ Илья: то я бы всю землю перевернулъ (1).—«Это много, говорятъ старцы, поди принеси еще ведро.»—Илья принесъ.—«Выпей.»—Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось (2).—«Довольно тебѣ этой силы», сказали старцы и ушли.—Илья всталъ и пошелъ къ своимъ на работу. Какъ только увидали его, такъ закричали, въ изумленіи: «смотрите-ка: Илья идетъ (3)!»—

Когда Илья, взявъ благословеніе у отца и матери, пустился въ путь, по направленію къ Кіеву, то, слѣдуя берегомъ Оки, встрѣтилъ онъ въ узкомъ мѣстѣ богатыря (помнится, Зюсю, по имени), который одинъ тащилъ разшиву. «Съ дороги!» кричалъ богатырь. Обидно показалось Ильѣ; онъ не далъ дороги, схватилъ богатыря въ руки и кинулъ вверхъ, и потомъ опять подхватилъ его на руки и поставилъ на землю. Богатырь пока летѣлъ вверхъ и падалъ внизъ, успѣлъ сказать сто разъ: «виновать, Илья Муромецъ, впередъ не буду.» Здѣсь нельзя не замѣтить приѣма Ильи, къ которому онъ не разъ прибѣгаетъ въ схваткахъ богатырскихъ: приемъ этотъ—схватить на руки и кинуть вверхъ, а потомъ подхватить и безвредно опустить на землю. Илья бьетъ не охотно, только въ крайнихъ случаяхъ; а гдѣ нѣтъ этой непріятной для него необходимости, онъ только показываетъ, безвредно, свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себѣ, чтобы заставить смириться своего врага: такъ мечетъ онъ вверхъ своихъ противниковъ; такъ, когда нападаетъ на него толпа разбойниковъ онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ, который разлетается въ дребезги,—и разбойники падаютъ на землю.

Я слышалъ еще слѣдующій рассказъ. Илья Муромецъ послѣ многихъ, совершенныхъ имъ, богатырскихъ подвиговъ, не найдя себѣ равнаго слою, заслушалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей

(1) Помнится и такой отвѣтъ: „если бѣ утвердить столбъ отъ земли до неба, то я бы этотъ столбъ повернулъ.“

(2) Не помню, на сколько: въ половину ли, или до той силы, какая послышалась послѣ перваго ведра.

(3) Я не помню ясно, на какой работѣ была семья Ильи; но помню, что онъ принималъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была рубка лѣса, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.

землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать, гору, и лежить на ней.—Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежить огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучекъ,» говоритъ богатырь. — Илья, напрягну всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ зацѣлъ», говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и сказалъ ему: «А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ, нашелъ себѣ гору и лежу на ней.»—

Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ, — весьма замѣчательнъ. Очевидно, что онъ *выходитъ вни разряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ свои степени; не всѣ богатыри этой первоначальной эпохи одинаково носятъ на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, одинъ дальше, другой ближе къ людямъ. Къ такимъ богатырямъ принадлежатъ, кажется, тѣ, которыхъ вдругъ одного за другимъ, по именамъ только и при случаѣ, изчисляетъ пѣсня Владиміровой эпохи, которые, Богъ знаетъ откуда, появляются толпою и о которыхъ въ ней ничего не повѣствуется. Таковы Полканъ, Святогоръ, и др.; съ теченіемъ времени, при повтореніи пѣсенномъ, значеніе ихъ могло забыться и образъ утратить свой отпечатокъ. — Не ихъ ли должно разумѣть подъ «старшими богатырями» (см. первую пѣсню заключительнаго VI-го разряда), которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку. Недавно найденная однимъ просвѣщеннымъ любителемъ старины, превосходная древняя пѣсня о Святогорѣ говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Пѣсня рассказываетъ именно, какъ Святогоръ хотѣлъ найти вѣсь или тяготу земли, — т. е. такую тяжесть, которая бы равнялась тяжести земли, — хотѣлъ найти и поднять эту тяжесть: дѣло чисто тита-

ническое. — Такая же, выступившая за обыкновенные предѣлы, титаническая міровая сила обняла **Илью**, когда онъ, послѣ второго ведра, сказалъ: «поверну всю землю.» Но старцы умѣрили эту силу и возвратили ее въ предѣлы силы человѣческой.—**Илья Муромецъ** не принадлежитъ къ титанической, но къ богатырской эпохѣ; онъ есть величайшая, первая *человѣческая* сила.

О БРЕСТЬЯНСТВѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

О СОСТОЯНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССИИ (1).

НАРОДНАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОВЩИНА. ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ ЗЕМЛѢ. ОТНОШЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ КЪ ПОМѢЩИКАМЪ.

Личнаго права на землю не было.

Участіе общины во всѣхъ дѣлахъ.

Земля принадлежала или была во владѣніи всей семьи.

Отчина звѣчила лишь право, или даже отношеніе, переходящее отъ отца, а вовсе не собственность, тѣмъ менѣе поземельную. Новгородъ называется отчиной въ періодъ своей независимости. Мстиславъ Мстиславичъ называетъ Новгородъ своею отчиною, ибо тамъ былъ его отецъ; это была золотая пора Новгородской независимости (Полн. Собр. Р. лѣт. т. III, стр. 31).

Значеніе вотчинниковъ не было значеніе собственниковъ; помѣщичья собственность и свобода распоряженія ими не должны

---

(1) Черновая рукопись, писанная, кажется, въ періодъ времени отъ 1852 до 1856 года, въ разные сроки. Мы предпосылаемъ ей найденныя нами на особомъ листѣ замѣтки автора, заключающія въ себѣ планъ или конспектъ предполагаемаго имъ изслѣдованія.—Авторъ нахѣревался пересмотрѣть всѣ акты и грамоты, касающіяся отношеній поземельной собственности и владѣнія въ древней Руси; кромѣ предлагаемой рукописи, есть еще особая выписка изъ актовъ, которая помѣщена вслѣдъ за настоящей статьею. Хотя взглядъ автора открывается довольно опредѣленно изъ замѣтокъ, при каждой отдѣльной выпискѣ, изъ вступленія къ статьѣ, изъ конспекта ея, тѣмъ не менѣе однако нельзя не пожалѣть о томъ, что весь этотъ матеріалъ остался безъ окончательной обработки. Впрочемъ одна изъ сторонъ задачи, именно вопросъ о переходѣ крестьянскомъ послѣ укрѣпленія и о значеніи самого укрѣпленія, разсмотрѣнъ авторомъ довольно полно и подробно въ статьѣ о Бѣлевской Виллюоникѣ (см. ниже).

Мы полагаемъ, что людямъ, занимающимся историческими изслѣдованіями, будетъ интересно прочесть самыя выписки автора, какъ потому, что онѣ сопровождаются замѣтками, объясняющими его воззрѣніе, такъ и потому, что сводъ историческихъ данныхъ о такомъ важномъ вопросѣ нашей древней общественной жизни уже самъ по себѣ не безполезенъ въ нашей исторической литературѣ. Нѣкоторыя слова, не разобранныя нами или пропущенныя авторомъ, во всякомъ случаѣ вставленныя нами по догадкѣ, напечатаны прописными буквами и въ скобкахъ. Пр. изд.

насть смущать: это была потомственная передача своего отношенія къ землѣ, своего права пользованія землею, — и полное имъ распоряженіе. Права вотчинника ограничивались правами общины на землю, которую прогнать съ земли онъ не могъ. Пустопорожня вотчина представляла возможность населенія, и была не въ собственности, а во владѣніи.

Землевладѣніе было общее. Если отчинство не было общимъ явленіемъ, то оно только имѣло свою особенность, отличавшую ее отъ другихъ видовъ землевладѣнія, не болѣе. Отчина есть право отца. Отсутствие личной поземельной собственности, и значеніе при томъ служилыхъ.

Что такое было личное какъ бы владѣніе крестьянина?

Вотчинникъ имѣлъ государственное значеніе и потому не былъ *господиномъ*, баринномъ. Онъ былъ похожъ на тѣхъ мужей, которымъ, въ первой древности, раздавали города въ управленіе, даже на князей удѣльныхъ. Не надобно забывать самостоятельность ввѣренной вотчиннику общины.

Вотчинникъ не былъ *господиномъ*, имѣлъ значеніе государственное: это была воля князя удѣлить ему часть своей власти надъ частію своей земли, которая не принадлежала опять ему, но въ которой онъ былъ государемъ. Есть выраженіе: *съ судомъ и съ данью*. Очевидно, что вотчинникъ судилъ крестьянъ и людей своихъ не своимъ произвольнымъ, но установленнымъ государственнымъ судомъ и бралъ за судъ опредѣленные пошлины, въ чемъ состояла выгода вотчинника. Это въ особенности видно при судѣ смѣсномъ съ людьми не вотчинными. Сверхъ того всѣ вотчинники постоянно носятъ титулъ *государя*.

Послѣ укрѣпленія крестьянъ (крѣпостное состояніе до Петра вовсе не было такимъ, каково оно нынѣ), крестьяне не утратили ни правъ своихъ, ни устройства. Они лишь не переходили съ земли на землю, и сейчасъ поняли населенную и обрабатываемую ими постоянно землю, какъ свою собственность, какъ собственность общины; убѣжденіе (справедливое), твердо существующее и доселѣ у нашихъ крѣпостныхъ и не крѣпостныхъ крестьянъ. — Устройство крѣпостныхъ крестьянъ (до Петра) было вполне общинное, такое же, какъ и не крѣпостныхъ. Какъ у вторыхъ относительно государевыхъ чиновниковъ, волостелей, такъ у другихъ (*первыхъ*) относительно помѣщиковъ — (*были*) свои выбор-

дые цѣловальники, такіе и губные и пр. Кажется, что община крѣпостныхъ крестьянъ не ограничивалась предѣлами помѣщичьей владѣнія, но была шире и состояла изъ многихъ деревень, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ или не помѣщикамъ.

Замѣчательно, что право законнаго перехода встрѣчается почти до самаго Петра.

Видно, что грамотность, при общинномъ устройствѣ и необходимости участвовать въ общихъ дѣлахъ и прикладывать руки и проч.,— была распространена.

Въ доказательство государственнаго значенія помѣщиковъ можно служить то, что они имѣли своихъ тиуновъ даже до позднѣйшихъ временъ. (Судъ, вѣроятно, совершался по Судебнику, ибо судъ былъ государственный, по законамъ; истцы могли и всегда *жаловаться на неправду*) судьи или помѣщика, какъ частнаго человѣка.)

Что касается до совокупнаго владѣнія, то имена дѣтей въ грамотахъ не должны показывать только потомственнаго владѣнія, значить, что дѣти не имѣютъ права вмѣшиваться, а внучата могутъ. Въ такомъ случаѣ и ихъ бы должно было упомянуть. Да если бы имѣніе принадлежало лично самому владѣльцу, то не было бы нужды и упоминать дѣтей; но на имѣніе вся семья имѣла права. Понятно теперь, что при отцѣ упоминаются дѣти и не упоминаются внучата и дальнѣйшіе потомки, ибо дѣло идетъ о имѣющихся на лицо членахъ семьи, которые слѣдовательно имѣютъ голосъ, а вовсе не о потомственномъ владѣніи, не о лицахъ, имѣющихъ еще явиться, которыя голоса слѣдовательно имѣть не могутъ. Продажа и прочіе акты дѣлаются обязательно равно для всего потомства: примѣровъ такихъ продажъ и прочихъ актовъ много. Любопытно посмотреть продажу имущества другаго рода—движимаго. Продажа и прочіе акты имѣній дѣлались такимъ образомъ (съ согласія семьи) безусловно для всего потомства, или обозначались (также и для потомковъ имѣющія силу) условія.

Видно, что устройство монастырскихъ деревень было совершенно государственное. Вѣроятно такое же было и помѣщичье. И такъ, *личнаго господства* не было. Государевы крестьяне могли распорядиться своею землею, кажется также и монастырскіе; вѣроятно и помѣщичьи; конечно, и другія сословія.

Общинное начало было и въ монастырѣ; любопытно отношеніе посада къ монастырю.

Ввозныя грамоты имѣютъ сходство и близость съ помѣщичьими или вотчинными; а между тѣмъ это не помѣщики: это показываетъ, что право помѣщиковъ и государственныхъ намѣстниковъ было одно и то же, или близко. Теперь понятно кормленіе; помѣщичье право было то же самое; это съ своей стороны показываетъ, что здѣсь былъ одинъ характеръ, именно характеръ государственный.

Видно изъ актовъ, что вотчинникъ могъ деревни свои отдавать также въ вотчины, ему подчиненныя; однимъ словомъ, повторять у себя государственное устройство, ибо это было одно и то же.

Видно изъ актовъ, что крѣпостной крестьянинъ могъ быть поручникомъ, что показываетъ самостоятельное его значеніе.

Видно изъ актовъ, что крѣпостной крестьянинъ могъ вступать во всѣ законныя обязательства.

Видно изъ актовъ, что крѣпостныя деревни имѣли всѣ права свободныхъ, и вмѣстѣ съ государевыми и монастырскими деревнями составляли одну общину, которая выбирала себѣ всей —общаго голову.

Въ статьѣ надо рассмотреть: 1) отношеніе крестьянъ къ владѣльцамъ, 2) отношеніе крестьянъ къ государству, 3) отношеніе крестьянъ другъ къ другу внутри и внѣ вотчины, 4) отношеніе крестьянъ къ землѣ и вообще владѣнію и собственности.

О СОСТОЯНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССИИ.

Отъ просвѣщенныхъ противниковъ древней Руси часто слышишь подобныя на нее обвиненія: «укрѣпленіе крестьянъ есть дѣло древней Руси. Безчеловѣчное крѣпостное право ею установлено и перешло отсюда и въ наши времена.»

Подобныя обвиненія, впрочемъ ничѣмъ недоказанныя, на древнюю жизнь нашу, не новость. Въ настоящемъ случаѣ обвиненіе очень тяжело, но справедливо ли оно?

Кто говоритъ, милостивые государи, крѣпостное право наше — дѣло возмутительное. Но виновата ли въ этомъ древняя Русь?

Мы хорошо знаемъ, каково наше современное крѣпостное право; но существовало ли оно въ древней Руси?— Не должно забывать, что мы смотримъ сквозь призму настоящаго и можемъ какъ разъ ошибиться. Ничто такъ не сбиваетъ, какъ сходство словъ, буквенное сходство. Такое или другое слово можетъ быть получило уже совсѣмъ иное значеніе въ наше время, а мы, встрѣчая его въ древнихъ актахъ, придаемъ ему намъ теперь понятное значеніе, — и ошибаемся. Кто знаетъ, быть можетъ и по вопросу о крѣпостномъ состояніи съ нами случается то же самое. Быть можетъ и теперь призма современнаго дѣла и смыслъ современнаго слова вводятъ насъ въ ошибку.

Не лучше ли, воздержавшись отъ обвиненій, обратиться къ самой древней Руси и вникнуть въ самое дѣло, на основаніи древнихъ свидѣтельствъ, которыя издаются въ такомъ количествѣ? Изысканія здѣсь необходимы, ибо нигдѣ не описано устройство это подробно въ какой-нибудь особой статьѣ; это было и не нужно для того времени, ибо устройство было всѣмъ извѣстно. Предки наши не думали, что потомки такъ разорвутъ связь жизни съ своимъ прошедшимъ, съ своею родною землею, такъ потеряютъ память, что вся древняя жизнь, жизнь истинно Русская, будетъ для нихъ темнымъ лѣсомъ. Между тѣмъ это случилось. Переворотъ Петра отшибъ у насъ память, но теперь, когда Русское чувство въ насъ пробудилось, намъ, *отдѣльнымъ личностями*, стоить великихъ трудовъ понимать Русскую жизнь и все ея устройство, созданное *народомъ*. — Когда берешься за грамоты, когда видишь передъ собою эту, совершенно самостоятельную, самобытную жизнь, это многостороннее, такъ выработавшееся устройство, — испытываешь постоянно одно чувство: видяшь, что все это опредѣленно, свѣтло и ясно, какъ день, для тогдашнихъ современниковъ (гораздо болѣе, чѣмъ наше устройство для насъ), и въ то же время темно, какъ ночь, для насъ, ихъ потомковъ. — По этому необходимы внимательныя изысканія. Понять Русскую жизнь — вотъ главный, вотъ пока единственный подвигъ современныхъ Русскихъ, тѣхъ, которые подчинились Петровскому перевороту. — Современный бытъ крестьянъ есть важное пособіе къ пониманію Русской жизни. Крестьянинъ, простой народъ, сберегъ въ себѣ Русскую жизнь, заключенную въ его кругъ и лишенную теперь общаго Всероссійскаго объема.

Крестьянинъ не помнить, можетъ быть, историческихъ событій Руси; но онъ помнить духъ Русской жизни, ибо обладаетъ имъ и доселѣ, сохранивши его въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, отъ временъ до-Рюриковскихъ.

Обвиняютъ Русь въ укрѣпленіи крестьянъ, какъ въ какомъ-то общественномъ дѣлѣ, какъ въ цѣломъ воззрѣніи общественномъ. Но забываютъ, что прежде всего укрѣплены были не всѣ крестьяне, а только безземельные, переходные, что множество крестьянъ жили цѣлыми волостями и принимали къ себѣ переходныхъ крестьянъ, какъ и помѣщики. Послѣ укрѣпленія, крестьяне переходные остались гдѣ кто жилъ. Въ какое же положеніе стали волости и посады, въ которыхъ были переходные крестьяне? Чтобъ были крѣпостные крестьяне у посадовъ и волостей, того не оказалось. Вѣдь не называемъ же мы государственныхъ крестьянъ, не имѣющихъ права перехода, крѣпостными, а между тѣмъ укрѣпленіе коснулось крестьянъ государственныхъ совершенно *равно*, какъ и помѣщичьихъ.

Послѣ этого маленькаго предисловія, приступаемъ къ изслѣдованіямъ о томъ, каково было состояніе крестьянъ въ древней Руси до самаго Петра.

Во времена до-Рюриковскія видимъ мы народное устройство; объ этомъ я уже напечаталъ изслѣдованіе: народъ призвалъ добровольно князей и сохранилъ свое народное устройство; его голосъ былъ слышанъ постоянно и громко не только въ Новгородѣ, о которомъ никто не сомнѣвается, но и на всемъ пространствѣ Русской земли; вѣче собиралось и имѣло великое значеніе. Доказательства тому приведены въ той же статьѣ. Подъ словомъ *люде* въ лѣтописи разумѣется народъ, безъ различія состояній. и эти *люде*, этотъ *народъ* дѣйствуетъ и подаетъ голосъ. Очевидно, что здѣсь предположить какую-нибудь зависимость отъ высшихъ классовъ, предположить какую-нибудь аристократію невозможно: и князь и мужи княжіе, бояре, бьютъ челомъ народу. Для устройства и порядка были начальники и вожди, но они не владѣли народомъ и стояли подъ его верховною властію, — какъ и теперь во многихъ оброчныхъ деревняхъ старосты, сотскіе и прочіе, которымъ *каждый* въ міру совершенно послушенъ, во *всѣ* міръ ихъ выше и можетъ смѣнять и наказывать. Со времени призванія Варяжскихъ князей, видимъ мы съ одной стороны

князя и его дружину, его мужей, съ другой—народъ, сохранявшій, какъ сказали мы, свое значеніе. Князь былъ призванъ народомъ, какъ военачальникъ и какъ судья, за что и получалъ известное вознагражденіе. Народъ чтлъ призваннаго князя, ибо призвалъ его добровольно и уважалъ самъ свою добрую волю; народъ изгонялъ его, когда онъ почему нибудь не нравился, но ни одинъ свой князь не былъ убитъ народомъ.

Призванный князь, имѣя подъ властію своею цѣлую область, отдавалъ разные города мужамъ своимъ, которые въ городахъ этихъ представляли лице князя и пользовались его значеніемъ, значеніемъ государевымъ, какъ его подручники.—Было бы смѣшно думать, что князья раздавали города въ собственность, когда и сами они не могли сказать этого про подвластную имъ область; очевидно, что мужъ княжій представлялъ лице князя, и положеніе народа вѣреннаго ему округа нисколько не измѣнялось: и потому народу было все равно. Это раздаваніе городовъ было распорядкомъ чисто княжимъ съ его дружиною, промежь себя. Государь поступался своею властію или частію власти и выгодами этой власти, т. е., судомъ и данью, своему мужу, который и становился къ народу въ тѣ же государственныя отношенія; поступался князь своему мужу или въ благодарность за его прежнія услуги, или вмѣсто жалованья за службу, или же для удобнѣйшаго управленія областью.—Семень или Петръ въ воеводахъ, народу было все равно, какъ скоро воевода не владѣлъ ими, а имѣлъ извѣстный предѣлъ своей власти, не могъ поступать какъ собственникъ, стоялъ къ народу въ отношеніяхъ государственныхъ, имѣлъ однимъ словомъ значеніе *Государя*. Онъ не могъ произвольно стѣснять народъ, который стоялъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ власти государственной; нарушать эти отношенія, которыя признавалъ и самъ князь, онъ не могъ.—Чего же больше? Народу было нужно, чтобъ его народное устройство сохранялось; къ остальному онъ былъ совершенно равнодушенъ. Отсюда же объясняется и это равнодушіе къ перемѣнѣ князей, изгнавшихъ другъ друга, равнодушіе къ ихъ родовымъ счетамъ, къ ихъ тревожной ревности и междоусобіямъ. Народъ виѣшивался въ дѣло, или когда любилъ почему-нибудь лично князя, или когда онъ ему не нравился, или когда онъ оскорблялъ его народную волю, или когда онъ (*народъ*) не хотѣлъ терпѣть отъ междоусоб-

ныхъ войскъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ говоритъ и любимому князю: ступай, мы не хотимъ изъ-за тебя терпѣть; потомъ, если будетъ для тебя благопріятное время, приходи опять. Въстѣ князя бывалъ въ городахъ часто и бояринъ, и даже князь Половецкій. Вотъ примѣры изъ лѣтописи (1).

И такъ, независимость народная нисколько не нарушалась, собственности не было, государственныя отношенія не перемѣнялись, и по этому дѣло не измѣнялось.

Никто, вѣроятно, не будетъ съ нами спорить, что въ древней Руси, въ эпоху междоусобій, таково было устройство, и что княжіе люди были княжіе намѣстники (2). Переходимъ ко временамъ позднѣйшимъ.

Между этимъ состояніемъ властвованія надъ народомъ, о которомъ мы говорили, на основаніи нашихъ лѣтописей, и тѣмъ, которое открывается намъ съ XIII вѣка, когда уже мы имѣемъ подлинныя грамоты, указывающія съ большею подробностью и опредѣленностью на отношенія власти къ народу, есть пробѣлъ, который восполняется самъ собою.—Изъ Новгородскихъ грамотъ именно XIII вѣка, видно, что села могутъ быть *держаны* боярами и другими княжими людьми. *Держать землю, городъ* — есть выраженіе чисто государственное, отсюда: *державецъ* и наконецъ *самодержецъ, держава*. — И такъ, обстоятельство, что *болгары держали села*, въ лѣтописяхъ не встрѣчается; это какъ-будто пробѣлъ, но, какъ мы сказали, онъ восполняется самъ собою. Очень естественно, что точно также, какъ относительно волостей и городовъ, такъ относительно селъ и деревень, Государь поступался, когда имѣлъ на то какія-нибудь побудительныя причины, частію своей власти и своихъ доходовъ, своему боярину или во-

(1) Примѣры не приведены: впрочемъ они известны изъ прежнихъ статей автора. *Пр. изд.*

(2) Съ боку, рукою автора, приписано слѣдующее: „Воевода, мужъ княжій, не былъ собственно чиновникомъ, не былъ и собственникомъ; онъ былъ подручникъ своего князя, котораго князь могъ смѣнить когда ему угодно; онъ не былъ владѣтелемъ. Владѣтелемъ онъ не могъ быть, ибо и самъ князь не былъ владѣтелемъ, и народъ отказывалъ въ послушаніи даже и князю, когда имѣлъ на то свои причины. (Мужи княжіе имѣли и дружины свои, но только дружины, а не народную силу; разница съ феодализмомъ очевидна уже потому, что народъ иначе относился какъ къ Государю, такъ и къ его мужамъ, и потому, что не было феодальной независимости людей). (Князья подъ Ольгомъ суще). (Были мужи и воеводы при князѣ).“—

обще слугѣ своему, при чемъ общія отношенія народа къ государственной власти нисколько не измѣнялись. — Слово *держать* прямо указываетъ на государственныя отношенія. — Но кромѣ этого, можно было село *купить* и *принять въ подарокъ*. — Это впрочемъ нисколько не измѣняетъ дѣла. Точно такъ же, какъ государственная власть уступала мужу часть своего права, такъ и мужъ могъ передать его другому даромъ или за деньги; это было ужъ дѣло того, кто имѣлъ у себя село или деревню; во всякомъ случаѣ онъ не дарилъ и не продавалъ и власти не передавалъ болѣе того, что самъ получилъ, т. е. свои государственныя отношенія, узаконенную ихъ выгоду, пошланны, ловли и пр. — Дальнѣйшія изслѣдованія должны подтвердить это — (1).

Въ доказательство словъ нашихъ разберемъ подробнѣе Новгородскія грамоты. — Въ *Новгородской договорной грамотѣ съ княземъ Ярославомъ*, 1265 г. (Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. I, № 1), да и

(1) Съ боку рукою автора приписано, какъ замѣтка для себя, которую онъ, вѣроятно, хотѣлъ потомъ внести въ текстъ статьи, слѣдующее:

„Въ Уставѣ Св. В. Ки. Владимира (1) упоминаются „города, погосты и свободы;“ села—у Нестора. Здѣсь является поступка князей власти съ согласія жены и дѣтей. Кромѣ того поступка десятины—въ пользу церкви.

„Уставъ Смоленскаго князя Ростиславна (1150) (2): въ немъ уже упоминается о селахъ, давнихъ церквамъ, т. е. о вѣхъ тѣхъ выгодахъ, которыя князь имѣлъ отъ этихъ селъ, и вмѣстѣ и о тѣхъ трудахъ, за которые онъ имѣлъ выгоды, но положеніе народа непамятливо. Иначе, въ ту эпоху особенно, и допустить нельзя. Замѣчательно, что въ этой грамотѣ упоминается также о данихъ, какія, кромѣ князя, получали съ селъ: „что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика дань, либо княжа, либо княгинина или *чѣмъ си хощи*,“ чѣмъ бы то ни было: предполагается что въ княженіи могли быть и постороннія дани, т. е. тѣ, которыя платились мужамъ княжизмъ, получавшимъ себѣ земли, волости или села въ управленіе и зажившихъ лице князя.—Князь получалъ, конечно, дань и отъ этихъ вѣренихъ селъ, но частью ихъ онъ поступался мужамъ своимъ, которымъ вручалъ городъ, волость, свободу или село.

„Изгон, вѣроятно, были первоначально переходные люди, бродяги (тамъ же: „Село Дросенское, со всего и съ землею“).

„Владная грамота преподобнаго Варлаама Хутинскому монастырю, 1192—1207 г. (3), прямо говорить о давнихъ селахъ, которыя, конечно, въ міру ему принадлежали и которыми онъ отъ себя поступилъ монастырю, при чемъ опять отношенія селъ нисколько не измѣнялись: передавались выгоды и вмѣстѣ съ тѣмъ судъ законный.

(1) Дополн. къ акт. Истор. т. I, № 1.

(2) Дополн. къ акт. Истор. т. I, № 4.

(3) Дополн. къ акт. Истор. т. I, № 5.

въ позднѣйшихъ грамотахъ, первое требованіе, *чтобы князь волости Новгородскія держалъ Новгородскими мужами, а не своими, а даръ бы отъ тѣхъ волостей шелъ князю.* Въ этомъ требованіи высказывается желаніе, чтобы всѣ государственные представители князя (князь мужами держать волости) были Новгородцы. Всякое тѣснѣйшее сближеніе съ властію князя, постоянно призываемаго, хотять устранять Новгородцы; на основаніи же этого говорятъ они въ грамотахъ, чтобы ни княгиня, ни бояре, ни дворяне князя, не держали, не покупали и даромъ не принимали сель; слѣдовательно, въ Новгородѣ было у кого купить и принять въ даръ села. Мы должны предположить лица, которыя держали села въ Новгородской области, которымъ самъ Государь Новгородъ, какъ Государь, роздалъ ихъ; и точно изъ выраженія Новгородской же грамоты видимъ мы, что это было: *«А кому раздавалъ волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новгородци, тебе тѣхъ волостей безъ вины не лишати.»* И такъ, волости могли раздаваться; такимъ же образомъ могъ раздавать Новгородъ и села. Призываемый князь былъ ограничиваемъ въ этомъ дѣйстви: *«А бесъ посадника тобѣ волостей не раздавати.»* Въ слѣдующей грамотѣ (тамъ же, № 2, 1265 г.) прямо говорится: *«А Городецъ, княже, далъ Дмитрій съ Новгородци Иванку, а того ти, княже, не отъяти.»* Здѣсь есть еще ограниченіе: чтобы князь не ставилъ, не учреждалъ свободъ (слободъ, объ этомъ надо сказать особо) *по Новгородской волости.* Здѣсь замѣтимъ кстатп, что волость значить *власть*, право суда и т. д., и въ то же время значить землю, находящуюся подъ такою властію: что говорить въ нашу пользу, а пменно въ томъ, что здѣсь не разумѣется просто такой-то округъ, а округъ съ управленіемъ своимъ. Вслѣдствіе этого обоюднаго значенія (которое соблюдается, кажется, когда говорится о раздаваніи волостей), слово волость иногда употребляется то въ одномъ, то въ другомъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, значеніи. Такъ, когда князь хотѣлъ лишить Твердислава посадничества, Новгородцы напомнили ему условіе: *безъ вины мужа волости не лишати.* Изъ послѣдующихъ грамотъ дѣло становится еще яснѣе.

Изъ послѣдующихъ грамотъ очевидно, что князь, и не только князь, покупалъ села въ Новгородѣ; слѣдовательно были тѣ, которые могли продать. Новгородъ въ своихъ договорныхъ грамо-

тахъ, слѣдовавшихъ большею частію за раздорами и войнами съ княземъ, разбирается съ княземъ и возвращаетъ всѣ села и земли Новгородскія къ Новгороду, которыя зашли за князя, княгиню, ихъ бояръ и слугъ, а также и Владыку; надо вспомнить, что эти отношенія князя сопровождались часто (*искомъ?*): «*которое село зашло бесъ кунъ, то бесъ кунъ поидеть къ Новгороду; а кто купилъ, а тый знаетъ своего истьца, или дѣти его: истьца или не будетъ, ни дѣтій его, — цловати ему хрестъ; како истьца не свѣдаетъ, взяти ему куны, колико будетъ даль по исправъ, а земля къ Новгороду.*» (Тамъ же, № 7, 1305 г.) Изъ этого возвращенія заплаченной суммы, изъ возможности пска, видно было, что и тогда купля и продажа сель существовала и признавалась; но, какъ сказали мы, это ни мало не доказываетъ, чтобы села составляли собственность. Продавалось не село, по мое отношеніе къ селу, состоявшее въ извѣстныхъ пошлинахъ и выгодахъ, мною получаемыхъ, соединенныхъ, и иногда не соединенныхъ (какъ надѣмся увидѣть впже) съ судомъ. Дальнѣйшія грамоты должны это показать яснѣе. Останавливаемся пока на томъ, что въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ самомъ Новгородѣ уже были владѣтели городовъ (Городецъ), слободъ («*что свободъ Дмитривытъ и Андривытъ и что сельцо тянуло къ тымъ свободамъ*», — Собр. Г. Гр. и Док. т. I, № 6, 1305 г.) и также сель; владѣтели эти имѣли государственное значеніе, впервые высказавшееся въ княжихъ мужахъ еще при Рюрикѣ. Новгородъ также раздавалъ города, волости и села. Вотъ выраженіе, которое прямо указываетъ на это, и показываетъ, если угодно, помѣстное право; впрочемъ это зависѣло отъ Государя, ибо ужъ это его было дѣло поступаться частью своей власти и доходовъ: народу же было все равно, какъ скоро государственныя отношенія не пзмѣнялись, а они не пзмѣнялись: «*А что сель и свободъ Дмитривытъ, то дали есме былъ Андрью, до живота Андрьева, въ хрестыное цлование, а потомъ Новгороду то все* (тамъ же, № 10 и 11, 1307 г.).»—Въ слѣдующей грамотѣ указывается на два лица, которымъ розданы были волости: князь великій Андрей и весь Новгородъ дали Федору Михайловичу городъ стольный Псковъ (какъ видно съ согласія Пскова), и онъ едь хльбъ... А Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корѣлюю.—Здѣсь употреблено даже выраженіе, кото-

рое встрѣчается часто въ позднѣйшія времена и которое выражаетъ, какъ первоначальное отношеніе княжнихъ мужей, такъ и послѣдующее отношеніе воеводъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ. Мы знаемъ, что это кормленіе было не что иное, какъ представленіе лицу *положенныхъ* доходовъ съ города или съ села, которые уступалъ этому лицу Государь. Впрочемъ, объ этомъ надѣмся поговорить яснѣе ниже. — Про обонхъ, и Федора Михайловича и Бориса Константиновича, говорится, что имъ *даютъ деньги за ихъ села*. И такъ, они въ это время купили и села, которыя однако, при возникшемъ неудовольствіи Новгорода, возвращаются Новгороду: купленные выкупаются, а не купленные отбираются такъ.

Съ нѣкоторыми измѣненіями, тѣ же условія повторяются и въ послѣдующихъ Новгородскихъ грамотахъ. Изъ нихъ мы видимъ:

1) Новгородъ раздавалъ города, волости и села, раздавалъ ихъ на всю жизнь; могъ также и брать ихъ назадъ, въ случаѣ своего неудовольствія. Раздаваніе это было такое же, какъ и мужамъ княжимъ. Оно было государственное; примѣръ тому Псковъ и Корѣла; то же простиралось и на села, которыя давались пожизненно, какъ видно изъ примѣра селъ и свободъ Дмитріевыхъ, отданныхъ Андрею пожизненно, въ крестное цѣлованье.

2) Села и земли и свободы продавались и покупались; стало быть были люди, имѣющіе на то право, владѣвшіе землями. Взять въ расчетъ свободное состояніе Новгородскаго народа, а также предъидущія указанія, мы можемъ предположить, что отношенія селъ къ владѣльцамъ были такія же, т. е. государственныя отношенія, на которыя указываютъ выраженія о Борисѣ Константиновичѣ и Федорѣ Михайловичѣ ко Пскову и Корѣлѣ, т. е.: *ьсть хлѣбъ, кормиться*. Если Новгородъ или вообще (*князь*), могъ отдавать по жизни земли и села и волости, то онъ могъ дать ихъ въ наслѣдство, при чемъ отношенія владѣльцевъ становились также наслѣдственными, какъ и самихъ Государей. — Это было бы важно, если бъ села и пр. отдавались въ собственность, въ личный произволъ; но если отношенія государственныя, отношенія извѣстныя, опредѣленныя, не измѣнялись (а это было такъ, что надѣмся увидѣть ниже), то пожизненное или наслѣдственное владѣніе, положенія (*подчиненныхъ*) нисколько не измѣняло. Оно было важно для лица владѣльца, ибо давало ему доходъ, кото-

рый уступалъ ему Государь изъ своего дохода, жалуж, или по другой причинѣ; эти-то финансовыя отношенія, пронстекающія изъ его государственнаго значенія, владѣльца къ городу, волости, селу, слободѣ, и составляли его главныя отношенія (1).

Обращаемся къ другимъ грамотамъ.

Въ началѣ XIV вѣка видимъ мы духовныя и договорныя грамоты Московскихъ князей (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I). Въ этихъ грамотахъ также упоминаются города, волости и села княжия; какъ въ Новгородскихъ, встрѣчается и здѣсь требованіе, чтобы въ удѣлахъ другъ друга сель не покупать. «ни боярамъ» (стр. 44). Видно, что главное—доходъ. Говорится о купленныхъ селахъ, о селахъ боярь. Упоминается вотчина и кормленье. Бояре могутъ переѣзжать отъ князя къ князю; въ села ихъ не вступается тотъ князь, отъ котораго они отѣхали.

Въ началѣ же XIV вѣка мы имѣемъ *жалованную грамоту* (1338—1340 г.) *Юрьевскому монастырю* (2); въ ней замѣчательно выраженіе: «кто сядетъ на земли святого Юрья»; и такъ, здѣсь указывается и возможность придти и поселиться на землѣ (это еще не значить, чтобы приходящіе были безземельные). Крестьяне (здѣсь *люди*) освобождаются отъ суда волостелей (кроме татбы, разбоя и душегубства), и судъ передается монастырю; самое это означеніе права суда, и потомъ то, что онъ замѣняетъ судъ государевъ, показываетъ, что отношеніе владѣльца къ крестьянамъ не было произвольное, и что судъ производился только не лицомъ княжимъ, а монастырскимъ, но былъ такой же. Сверхъ

(1) Съ боку руки автора сдѣланы слѣдующія замѣтки:

— Можно сдѣлать сравненіе съ Екатерининскимъ жалованьемъ крестьянамъ.

— Какъ могъ быть переходъ, когда на 10 лѣтъ льготы?

— Какъ князя имѣли, кроме городовъ, села, такъ вотчинники (мужи) имѣли, кроме сель, посады и города.

— Значеніе слова волость: и *тамгою* и *цѣлыми волостями городскими*.

— Какъ на князя пахали и платили дань и оброкъ, такъ и на помѣщика пахали и платили дань, оброкъ.

— Если вотчинникъ и помѣщикъ могъ продавать вотчину и помѣстье (возможность продавать помѣстье очень важна), такъ онъ могъ продавать и князю (продажа была своего отношенія).

— Любопытно общее отношеніе князя и частное его отношеніе къ волостямъ его. Это вытекаетъ изъ того, что общее отношеніе переходило къ другому князю, а частное отношеніе оставалось въ его родѣ. Особый характеръ и отъноскъ покупки княжеской у другихъ князей.

(2) Акты Археограф. Эксп. т. I, № 4.

того, Государь освобождаетъ ихъ отъ дани, въ замѣнъ которой они платятъ владѣльцу. Государь уступаетъ владѣльцу свой доходъ.—Замѣчательно, что архимандриту запрещается принимать тяглыхъ людей Волоцкихъ, также людей изъ отчины Великаго Князя изъ Москвы.

Другая грамота (1361—1365 г.) (1) въ сущности такого же содержания, но подробнѣе; говорится о людяхъ, кого перезоветъ архимандритъ изъ-за рубежья, «или кого въ городѣ посадитъ во Тфери и въ Кашинѣ;» говорится: «судитъ ихъ и дворянъ дасть монастырскій тивунъ одинъ.» Тивунъ ясно указываетъ на государственное устройство, на что указываетъ еще выраженіе: *дворянъ дасть*. Это былъ уже государственный порядокъ; это видно изъ того, что въ судѣ «дворянъ дасть тотъ», та сторона, «на чьемъ ищутъ». Это же государственное устройство доказывается тѣмъ, что въ судѣ смѣсномъ монастырскій тивунъ судитъ съ сельскимъ, съ княжими судьями вмѣстѣ. Устройство монастырскихъ вотчинъ—все равно, какъ и другихъ. Судъ въ настоящей грамотѣ безъ исключенія.

(Очевидно — государственныя отношенія; что, надѣмся, подтвердится еще болѣе дальнѣйшими грамотами.)

Къ этому же времени относится *грамота Рязанскаго князя Олега* (2), весьма замѣчательная. Это жалованная грамота Ольгову монастырю на село. Подобной жалованной столь подробной грамоты, до сего времени мы не имѣемъ. Всѣ предъидущія или очень неопредѣленны, или даютъ заключить, что были у монастырей жалованныя земли. — Грамота замѣчательна тѣмъ, что князь Олегъ даетъ село, *сладивъ съ владыкою и съ боярами*, «въ свободу» (въ слободу?). Изчисленіе, съ чѣмъ дается село, показываетъ, что дѣло идетъ о доходахъ, о выгодахъ села, прежде всего судебныхъ. Село дается съ *винами*, т. е. съ пошлиной за вино; съ *поличнымъ*, т. е. съ пошлиной за поличное; «съ *рязаньскою и съ шестьюдесятью*» — мы объяснить пока не беремся, но въ заключеніе прямо говорится: «и со всеми пошлинами»; потомъ указывается на поземельныя выгоды: борти, и поземь, и озера, и бобры, и перевѣсища. — Важно еще въ этой грамотѣ

(1) А. Ар. Эксп. т. I, № 5.

(2) Акты Истор. т. I, № 2. 1351—1387 г. *

то, что въ ней говорится о прежнихъ временахъ, когда прадѣды Олега ставили церковь Святыя Богородицы и съ ними 300 бояръ и 600 мужей: тогда дали дому Святыя Богородицы 9 земель бортовыхъ, пять погостовъ, — при каждомъ погостѣ высчитываются *семь*. Погостъ, какъ видно изъ одной грамоты, имѣлъ большое значеніе въ іерархіи общинъ, такъ что къ погосту тянутъ села, а къ селу деревни и починки; всѣ выгоды изчисляются тѣ же (рѣзанка была, кажется, монета, а шестьдесятъ, вѣроятно шестидесятная, пошлина съ шестидесяти, ясная для современниковъ). И такъ, указаніе здѣсь и на древнѣйшія времена: то же выгоды — и государственное значеніе. Здѣсь же упоминается о селахъ, данныхъ боярами, и объ «Ольговской околицѣ», вѣроятно пошлинѣ, данной мужами. Судъ предоставляется монастырю безъ исключенія. Волостелямъ, данникамъ и ямщикамъ нѣтъ дѣла до монастырскихъ людей. Сверхъ того, какъ еще новую выгоду, даетъ Олегъ Рязанское мыто и побережное.

Другія грамоты (прежде 1402 г.) того же князя Олега, данная монастырю Солотчинскому (1), похожи на предъидущую грамоту, только въ сокращенномъ видѣ; въ нихъ прямо говорится: *съ шестьдесятъ*. Въ одной изъ этихъ грамотъ сказано: а кого зоветь къ себѣ людей, и тягость имъ «не надобѣ на три лѣта»; и такъ, предполагается, что они останутся на три года и даже болѣе трехъ лѣтъ, иначе бы могли только и приходять на льготные три года.

1363—1389 г. *Жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю* (2), съ освобожденіемъ отъ всѣхъ пошлинъ и съ предоставленіемъ полнаго суда, съ правомъ «слугамъ Сергіевымъ» не цѣловать креста, «сироты ихъ стоятъ у креста», т. е. за нихъ цѣлуютъ крестъ ихъ сироты, т. е. крестьяне.

Очень замѣчательна *уставная грамота В. К. Василия Димитріевича и митрополита Кипріяна о митрополичьихъ селахъ* (1389 или 1404 г.) (3). Здѣсь является совершенно государственный распорядокъ въ митрополичьихъ волостяхъ. Между прочимъ замѣчательно условіе, напоминающее условіе Новгородскихъ грамотъ: «а бояромъ и слугамъ князя великого и митрополичимъ

(1) Ак. Истор. т. I, № 13 и 14.

(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 7.

(3) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 9.

земль Лутовскиахъ не купити, а которыми будутъ покупимы, а тѣмъ лѣзти вонъ, а серебро свое взяти». Впрочемъ, право суда на Луху имѣло свое видоизмѣненіе: «*Судити митрополиту Лутовца съ волостелемъ или съ доводищикомъ, а судѣе моему великого князя не быти*». Въ иныхъ же селахъ монастырскихъ право суда то же, какъ и въ другихъ грамотахъ: «*въ тѣхъ селамъ князю великому не всылати, не судити: вѣдаютъ ихъ и судятъ игумены; а будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ на помы*». — Это выраженіе показываетъ, что судъ извѣстный и прибытокъ опредѣленный; это даетъ возможность, что и внутренній судъ вотчинный былъ такой же, также опредѣленный, но прибытокъ шелъ уже вотчиннику одному, и конечно прибытокъ такой же опредѣленный, какъ и государственный, какъ и при судѣ смѣсномъ. Вообще государственное устройство — въ области и власти митрополичей.

Въ 1391 году есть *установная грамота митрополита Киприана* (1) по случаю жалобы монастырскихъ крестьянъ на игумена въ томъ, что игумень наряжаетъ дѣло не по пошлинѣ и беретъ пошлины, которыхъ не брали прежніе игумены. Для этого митрополитъ спрашиваетъ прежняго игумена, какъ было? и тотъ опредѣляетъ — какъ. Изъ этого опредѣленія видимъ мы, что это были такія повинности, какія были и у государственныхъ (*сель?*), разумеется видоизмѣнявшіяся у нихъ. Тутъ нѣтъ ни слова о притѣсненіяхъ по суду или проч., все дѣло въ пошлинахъ и обязанностяхъ. Грамота важна, какъ возможность жалобы.

Жалованная грамота (около 1400 г.) князя Ярославскаго Толскому монастырю (2) въ томъ же родѣ; замѣчательно, что если крестьяне монастырскіе и волостные свяжутся судомъ (судъ смѣсной), то судъ судитъ самъ князь.

Жалованная грамота Звенигородскаго князя Юрія Даниловича Савво-Сторожевскому монастырю 1404 г. (3). Грамота съ освобожденіемъ отъ княжскихъ пошлинъ, съ правомъ суда, кромѣ душегубства, и еще съ особенными выгодами. — *Истцево на обѣ стороны*, если правъ или виноватъ монастырскій человекъ (въ судѣ смѣсномъ); если же городской или волостной — истцево

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 11.

(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 15.

(3) Ак. Истор. т. I, № 15.

волостелямъ и ихъ тиунамъ. Употребляется: слово *вина* въ томъ, кажется, смыслѣ, какъ выше въ грамотѣ Олега.

Жалованная грамота Нижегородскаго князя Александра Ивановича Благовѣщенскому монастырю (1410—1417 г.) (1). Эта грамота отличается отъ другихъ и очень замѣчательна. Здѣсь упоминается о монастырскихъ людяхъ въ *городѣ* и въ *селахъ*. Игумень платитъ дань за пшхъ по силѣ, «*коли придетъ княжая дань*»: кромѣ того люди монастырскіе избавляются отъ мыта, тамги, побережнаго, костки, восмничаго, избавляются отъ разныхъ княжескихъ намѣстниковъ, отъ разныхъ повинностей и отъ суда княжаго, кромѣ душегубства и разбоя. При судѣ смѣсномъ прибыткомъ дѣлятся пополамъ.—Замѣчательно, что «*тутошнихъ людей становыхъ игумень въ монастырь не примаеть.*» Изъ этого видно 1) ограниченіе, если угодно, перехода даже въ тѣ времена, которое потомъ и послѣ Бориса распространилось на людей тяглыхъ и (можетъ быть) на всѣхъ, кого застало это распоряженіе; но вольные, гулящіе люди продолжали рядиться въ крестьяне (ихъ положеніе занимательно: могли ли они переходить? Если могли, то слѣдовательно разрядъ переходныхъ крестьянъ, ограниченный, оставался; впрочемъ, кажется рядныя ихъ не таковы, какъ прежде, и въ нихъ есть нѣкоторое ограниченіе); 2) возможность перехода людей, вѣроятно осѣдлыхъ и тяглыхъ. (Это, надѣмся, будетъ виднѣе изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ.) Пришлымъ людямъ не изъ отчины князя Нижегородскаго и изъ другихъ княженій (здѣсь также ограничивающее условіе перехода) льгота на 10 лѣтъ, «*а уживуть десять лѣтъ и они потянутъ съ старожилци по силѣ.*» — Десятилѣтній срокъ привилегіи, выраженіе «старожилци», — все это показываетъ, что не на годъ селились крестьяне, но что могли оставаться дольше, съ тѣмъ селиться; что это было въ понятіяхъ. — и что такъ и случалось, если давались льготы на 10 лѣтъ и если ужъ были старожилцы.

Жалованная Новгородская грамота около 1411 г. (2) также очень замѣчательна. Въ отвѣтъ на челобитье на вѣчѣ, Новгородъ на вѣчѣ же даетъ грамоту, гдѣ опредѣляетъ поралье посадничье

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 17.

(2) Ак. Ист. т. I, № 17.

и тысяцкаго; это, какъ видно, пошлаина съ пашни («40 бѣгъ, съва, 10 хлѣбовъ»). Особенно замѣчательно здѣсь положеніе: кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему мѣрянику тянути въ Двинскую слободу; а который Двиляникъ слободчаникъ почнетъ жити на земль Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ. Изъ этого видно, что могли переходить осѣдлые крестьяне и не вотчинные, изъ области въ область, изъ общины въ общину, и переходя примыкали къ той общинѣ, куда переходили. — Замѣчательно также, что въ той же грамотѣ говорится о Савельѣ Григорьевичѣ и его братьѣ, которые владѣли землею и водою и проч. (вѣроятно крестьяне были тутъ же или могли придти), и которые, и дѣти ихъ, подтверждаются здѣсь въ своемъ владѣніи. — И такъ, вотъ прямое доказательство владѣнія въ Новгородѣ, и того, что если Новгородъ подтверждалъ, то онъ конечно и давалъ владѣнія.

1410—1417 г. *Жалованная грамота Нижегородскаго В. К. Данила Борисовича Спасско-Благовѣщенскому монастырю* (1) также очень замѣчательна. Эта грамота освобождаетъ отъ всякой пошлыны приходящихъ людей на село и пустоши монастырскія. Здѣсь говорится, кого къ себѣ перезовутъ людей и тутошнихъ старожильцевъ. Это подтверждаетъ нашу мысль (развѣ не своихъ ли старожильцевъ?); — они не платятъ пошлыны на три года; кого же перезовутъ изъ другихъ княженій, то освобождаются отъ пошлыны, на сколько времени, не сказано; далѣе говорится о пришлыхъ людяхъ, кажется, вообще. — Право суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ; виноватый съ обѣихъ сторонъ (въ смѣсномъ судѣ) и въ винѣ и въ продажѣ и во всѣхъ пошлынахъ подлежитъ своей сторонѣ. — «А будетъ правезъ на монастырскомъ челоуцѣ, ино правитъ архимандричъ приставъ, а не встворитъя виноватъ, и намѣстници мои (князя) пристави дадутъ да и судятъ». — Далѣе говорится вообще: «а какъ отсидятъ тѣ люди пришлые свои урочные лѣта, и они потянутъ въ дань съ монастырскими людьми по силамъ». Архимандритъ платитъ за нихъ самъ дань по силѣ. — Замѣчательно очень, что въ грамотѣ говорится: *и что ми сказывалъ Малахій*

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 18.

архимандритъ, что перенялъ моихъ сиротъ, Черныцовыхъ дѣтей такихъ-то, а они пошли изъ мое (княжой) отчины и онъ ихъ у себя осадилъ, — эти люди предоставляются также архимандриту. При слѣдствіи, если придетъ слѣдъ на монастырскія земли, къ кому на чью землю, и государь тое земли, обрѣзъ у него возметъ, и пр. Очень замѣчательно:—Государемъ земли называется владѣлецъ; это видно изъ выраженія, и изъ того, что говорится о дворѣ и поляхъ. Государь не имѣетъ земли какъ собственникъ, владѣетъ только ею, и это понятіе владѣнія, отношенія къ землѣ, перенесено и на крестьянъ, ибо, по понятіямъ Русскимъ, земля вообще не есть собственность, а только предметъ владѣнія.

Жалованная грамота Улицкаго князя Андрея Владиміровича Троицкому Сергіеву монастырю, 1414 г. (1), даетъ освобожденіе отъ дани и пошлинъ, кромѣ опредѣленнаго оброка въ Удинскомъ селѣ съ деревнями, и освобожденіе отъ суда, съ предоставленіемъ онаго игумену или кому прикажетъ, кромѣ душегубства. Ничего особеннаго нѣтъ въ грамотѣ этой.

Жалованная грамота Нижегородскаго В. К. Александра Іоанновича Спасо-Евѣмїеву монастырю, прежде 1418 г. (2). Освобождаются отъ дани и пошлины (но вѣроятно не отъ оброка) деревни и новоселки; также отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя. Въ смѣсномъ судѣ условія извѣстныя. Замѣчательно, что если «кто будетъ старожилцевъ (прежде тутъ въ этихъ деревняхъ и на выселкѣ живущихъ) моихъ людей изъ тѣхъ деревень разошлись, а придутъ опять на свои мѣста, ино что давали мой оброкъ въ дань весишь десять алтынъ, ино имъ не надобъ тотъ оброкъ на два года». — Послѣ двухъ лѣтъ опять оброкъ (который, вѣроятно, платили села и деревни монастырскія). Кого къ себѣ перезоветь изъ другаго княженя, а не изъ вотчины князя, тѣ освобождаются отъ дани и пошлины на десять лѣтъ, а отживуть тѣ люди пришлые свои урочныя лѣта, тогда они потянуть въ тотъ оброкъ. И такъ, оброкъ, за исключеніемъ льготныхъ лѣтъ, платили монастырскія села и деревни, по крайней мѣрѣ здѣсь.

(1) Ак. Ар. Эк. т. 1, № 19.

(2) Ак. Ист. т. 1, № 25.

Ист. соч. К. Аксѣева.

Жалованная грамота В. К. Василия Дмитріевича митрополиту Фотію 1421 г. (1).

Въ этой грамотѣ Василій Дмитріевичъ позволяетъ митрополиту купить *волостную* деревню (у кого? вѣроятно у волости?) Доселѣ эта деревня (говорится въ грамотѣ) тянула судомъ и всѣми пошлпнами къ волости къ Талшѣ, а теперь потянетъ судомъ и всѣми пошлпнами къ митрополиту Фотію: кромѣ дани княжой и яму, ей не тянуть къ волости ни чѣмъ. — Самое то, что деревня та же тянетъ къ волости показываетъ, что не разрушается государственная связь вотчиннымъ положеніемъ. Теперь вопросъ: населенная или нѣтъ эта деревня? Она могла быть населенная; въ такомъ случаѣ въ вотчину переходили люди осѣдлые съ землею (на это есть постоянные примѣры), следовательно и они могли быть въ вотчинѣ. Кромѣ крестьянъ собственно переходныхъ, могли ли крестьяне осѣдлые переходить? Вѣроятно. — Любопытно, могъ ли помѣщикъ согнать крестьянина? Едва ли, безъ особеннаго договора, по крайней мѣрѣ. — Быть можетъ, разница была очень мала и укрѣпленіе единственно только укрѣпило къ землѣ, какъ государственныхъ, такъ и вотчинныхъ крестьянъ, при чемъ отношенія ихъ остались тѣ же, ставши только постоянными относительно лицъ. — Во всякомъ случаѣ переходные вотчинные крестьяне вѣроятно жили и по долгу на своихъ мѣстахъ: льготы простирались даже на 20 лѣтъ.

Въ этой же грамотѣ говорится: «*а тутошнихъ людей волостныхъ.... не приимать.*» И такъ, крестьяне осѣдлые волостные могли переходить, и переходить въ вотчины. Это въ то же время показываетъ, что вотчины не представляли по крайней мѣрѣ лучшихъ отношеній (теперь казенный крестьянинъ ни за что не захочетъ сдѣлаться помѣщичьимъ). *Крыпостные и казенные* стали крестьяне послѣ укрѣпленія). Даже если бъ это (т. е. переходъ) относилось и не къ осѣдымъ, у нихъ были свои переходные, которые тянули съ ними міромъ вмѣстѣ. Какъ скоро укрѣпленіе было сдѣлано, крестьяне приняли землю какъ свою собственность, что, какъ преданіе, перешло и доселѣ у помѣщичьихъ крестьянъ: они говорятъ: мы ваши (т. е. въ государственномъ смыслѣ подчиненности, какъ бы сказалъ народъ Русской Госу-

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 20.

дарю), а земля наша. — Замѣчательно выраженіе *примать*, а не *перезывать*. Людямъ, перезваннымъ изъ иныхъ княженій, льгота на 10 лѣтъ отъ дани и яму, слѣдовательно отъ всѣхъ повинностей; послѣ того (10-ти лѣтъ)—ямъ и дань.—Деревня вѣроятно была пуста или частью населена, и быть можетъ людьми тоже переходными.

Жалованная грамота В. К. Василия Димитріевича Спасско-Благовъщенскому монастырю 1423 г. (1) сходна съ грамотой Нижегородскаго В. К. Данила Борисовича. Здѣсь освобождаются (перезванные люди) отъ пошлинъ на три года и на 10 лѣтъ (а по грамотѣ Нижегородскаго В. К. Данила Борисовича перезванные изъ другихъ княженій безъ срока). Но видно, что льготы были и послѣ срока, потому что *послѣ срока потянуть* («въ дань», по выраженію Нижегородской грамоты); впрочемъ изъ послѣдующихъ словъ тоже видно и въ Московской грамотѣ (*съ монастырскими людьми по силѣ*).

Жаловались ловли—чистыя выгоды.

Жалованная грамота В. К. Василия Димитріевича митрополиту Фотію 1425 г. (2). Грамота не подробна, какъ другія. Людямъ, перезваннымъ изъ другихъ княженій, а не изъ Великаго Княжества, льгота на 15 лѣтъ, а старожильцамъ (прежде бывшимъ или теперь живущимъ?) на 5 лѣтъ. Судъ предоставляется митрополиту, кромѣ душегубства. Здѣсь обозначается яснѣе, при судѣ смѣсномъ, выгода отъ суда вообще: *«а волостели мои и изъ тѣни не емлютъ у митрополита челоуѣка, ни у правого, ни у виноватого ничего, а митрополичь судья не вступается потому жь ни въ правого ни въ виноватого.»* Вотъ выгода отъ суда. Очевидно, что пошлины были опредѣленныя и общія, одинаковыя; иначе было бы неизмѣнно какъ нибудь объ этомъ сказано.—*«А истцево доправливати того приставу, чей будетъ виноватъ.»* Особенности грамоты еще: въ случаѣ несогласія судей (смѣсныхъ) судить Великій Князь, и обонхъ истцовъ становятъ передъ нимъ. Татя и разбойника казнятъ оба судьи вмѣстѣ (*съ одного за одно*); которой судья не казнить, тотъ самъ отъ князя будетъ казненъ.

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 21.

(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 23.

Жалованная грамота В. К. Василя Дмитріевича Спаско-му монастырю, 1425 г. (1). Замѣчательно, что въ этой грамотѣ говорится о людяхъ *купленыхъ*, дается льгота людямъ *купленнымъ* и *перезваннымъ*, на 10 лѣтъ; судъ также предоставляется архимандриту, и какъ бы тоже на 10 лѣтъ. Но это вѣроятно не довольно понятно сказано, ибо деревня принадлежала, какъ видно, монастырю еще прежде грамоты. Вообще грамота похожа на другія грамоты. Замѣчательно выраженіе: «и кого архимандрить въ той деревнѣ *посадитъ* своихъ людей, купленыхъ, или кого *перезовутъ* людей.» — Купленные люди могли быть при постоянныхъ войнахъ, при которыхъ конечно было много плѣнниковъ. Замѣчательно выраженіе: *посадитъ, поселитъ*. Что же это значитъ? Значитъ ли, что они получали свободу и могли переходить? Вѣроятно, ибо иначе образовался бы цѣлый отдѣлъ, еще въ то время, крестьянъ *невольныхъ*, въ родѣ старинныхъ холопей, — но такого отдѣла рѣшительно нѣтъ; до укрѣпленія крестьяне были, какъ кажется, *осѣдлые*, жившіе волостями, имѣвшими постоянно землю, — и *переходные*, хотя и первые могли переходить. Послѣ укрѣпленія, крестьяне *переходные* сравнивались съ *осѣдлыми*, которые вѣроятно тоже потеряли право перехода (вѣроятно ограниченные только обязанностью нажплить жильца и землю не положить впускъ). Разницы же между вотчинными и государственными никакой не было послѣ укрѣпленія (2), и отношенія ихъ къ власти были одинаковыя государственныя. У вотчинниковъ были, какъ, кажется, очевидно можно предположить, и *осѣдлые* крестьяне.

Данная грамота Княгини Маріи Спасо-Евѣиміеву монастырю, послѣ 1425 г. (3). Княгиня отдаетъ свое село; весьма вѣроятно, что тутъ были крестьяне *осѣдлые*; здѣсь есть замѣчательное выраженіе, указывающее ясно на государственныя отношенія и сверхъ того на такія же, какъ (и) были вообще: «дала есмь свое село Омущкое.... *такъ какъ было при моемъ князи и при мнѣ, и съ судомъ и съ татьбою и съ поличнымъ и съ тамгою и со всѣми пошлинами*». Здѣсь очевидно *передается* княжій судъ;

(1) Ак. Ист. т. I, № 2.

(2) Авторъ, вѣроятно разумѣетъ: тотчасъ послѣ укрѣпленія, или въ которое время послѣ, во всякомъ случаѣ до Петра. *Прим. ижд.*

(3) Ак. Ист. т. I, № 29.

вчисленіе: «татьба, поличное», указываетъ на его стороны, на выгоды (пошлины) суда, и далѣе говорится: «и съ тамгою и со всѣми пошлинами». Это кажется очевидно. — Срока здѣсь нѣтъ; о перезывѣ не говорится: село очевидно населенное. «Душегубство» предоставляется В. К. Василью Васильевичу.

Жалованная грамота Рязанскаго В. К. Иоанна Θεодоровича Солотчинскому монастырю, 1430—1456 г. (1). Эта грамота замѣчательна своимъ сходствомъ съ Олеговой грамотой: *рязань, вина, шестьдесятъ*. Монастырю Великій Князь даетъ свое село съ уѣздомъ «*по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ*».... (въ географическомъ или административномъ смыслѣ?); здѣсь въ грамотѣ говорится о селѣ; съ нивами и съ пожнями, со всею пашнею. — Людей должны звать съ нныхъ сторонъ, и кого призоветъ изъ яного княженія, даць и ямъ отиѣняется на три года, а кого призоветъ въ одномъ княженіи (т. е. только въ своемъ, не за предѣлами княжества, но конечно не княжихъ людей) — на два года. Здѣсь тоже не говорится о судѣ, а изчисляются только забавленія отъ чиновниковъ и судейскія (можетъ быть и другія) пошлины, между прочимъ «*татиинъ рубль*», указывающій прямо на выгоду суда. Судъ впрочемъ можно предполагать, — иначе въ чемъ же вознагражденіе судѣ, лишенному своихъ пошлинъ, если бъ этотъ судья не былъ самъ вотчинникъ? Замѣчательно также: «*а пожаловалъ есмь его бояриномъ своимъ Прокофьемъ Θεодоровичемъ, столникомъ Яковомъ Ивановичемъ, чашникомъ своимъ Семеномъ Гльбовичемъ, чашникомъ же Θεодоромъ Юрьевичемъ.*» — Сомнительно, что бъ это значило, что онъ даетъ боярина, стольника и чашниковъ монастырю, особенно, когда боярамъ и вольнымъ слугамъ воля. Здѣсь вѣроятно пропущено слово *съ*, какъ это часто встрѣчается въ древнихъ грамотахъ. Вспомнимъ, что Олегъ Рязанскій давалъ грамоты, *сдававъ съ своими бояры*. Въ окончаніи другой грамоты Олеговой, о которой мы уже упоминали (см. выше: прежде 1402 г. Ак. Ист. № 13), то же говорится и конечно тоже значить *съ*. («А пожаловалъ есмь столникомъ своимъ Александромъ Гльбовичемъ и чашникомъ своимъ Григоріемъ Яковлевичемъ.»)

Откупная Обонежская грамота 1434 г. (2). Очень замѣча-

(1) Ак. Ист. т. I, № 36.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 27.

тельна, какъ доказательство финансоваго значенія суда. Судъ конечно нисколько не переменялся отъ того, что передавался за деньги; отдавались, передавались пошлпны судныя. Здѣсь и сказано яменно *по старинѣ*.—Судъ государственный.—То же надо предполагать при помѣстьяхъ и вотчинахъ, при выгодѣ отъ доходовъ. Это надѣемся доказать яснѣе далѣе.

Жалованная грамота Углицкаго князя Дмитрія Юрьевича Троицкому Сергіеву монастырю 1434—1447 г. (1). Освобождаются села и деревни монастырскія отъ даней и пошлпнъ, кромѣ оброка и городского дѣла, «*коли учинуть городъ рубити*»; кого людей перезовуть — и тѣмъ людямъ «*въ той же оброкъ потянути*». И такъ, кромѣ тѣхъ, кого перезовуть, — были уже крестьяне.—Судъ монастырскій (игуменовъ), кромѣ душегубства.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю 1435—1446 г. (2). Освобождается отъ даней данщику и отъ ониски онщика (вѣроятно, онисываетъ игумень самъ); сказано: «*а то игумену безпечно*».

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Терапонтовой пустыни около 1437 г. (3). Даются пустоши; кого перезовуть людей изъ иного княженья, на десять лѣтъ избавляются отъ дани, повинностей и пошлпнъ. Избавляются отъ суда княжихъ тиуновъ и волостелей, кромѣ душегубства. Въ смѣсномъ судѣ судить, вмѣстѣ съ княжимъ волостелемъ, игуменовъ посельской. *А правъ ли, виноватъ ли, — игуменовъ игумену, oprичъ истцевы вины; а волостной правъ ли, виноватъ ли, волостелю во всякъ пошлпнахъ.* — Выраженіе: *или кого людей откупивъ посадить*.

Жалованная грамота Тверскихъ князей Отрочю монастырю 1437—1461 (4). Подробная грамота. Сперва избавляются отъ дани и пошлпнъ (къ городу и волостямъ) всѣ духовные и слуги монастырскіе и ключники и вольные люди (т. е. не тяглые, гулящіе). Также и спроты (люди земскіе, крестьяне, тягловые), «*кто иметь судити*» (т. е. кто сидитъ) на землѣ монастырской. Избавляются отъ даней и пошлпнъ («*къ городу, ни къ волостемъ*»).

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 28.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 30.

(3) Ак. Ар. Эк. т. I, № 31.

(4) Ак. Ар. Эк. т. I, № 34.

Всѣ эти знаютъ архимандрита «службою и подможенъемъ дому церковному святое Богородици.... И къ тому кого еще людей перезоветь архимандритъ изъ-зарубежья.... или кого въ городъ посадить во Тфери и въ Кашинь» (не въ смыслѣ ли Тверской и Кашинской области?)—также отъ всѣхъ податей избавляются. — Судъ предоставляется монастырю вполнѣ, «судитъ ихъ и дворянъ дастъ монастырской тивунъ одинъ». Въ смѣсномъ судѣ монастырскій тивунъ съ посельскимъ судятъ вмѣстѣ съ княжими судьями, прибитокъ по поламъ. — *Дворянинъ* въ смыслѣ дворскій. Когда придетъ посоль пзъ Орды.... «ио тогды архимандритъ съ тыхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку Тверскимъ кунами.... Такоже архимандриту изъ ишея отчины людей волостныхъ въ монастырскіе села не примати, а приметъ ли кого, ио пятыхъ имати.... какъ намъ будетъ любо».

Грамота замѣчательная; и дань и судъ вполнѣ отдаются. Замѣчательно, что у монастыря *ключники*, *тиунъ*, *дворяне* (дворскіе); также слово: *половникъ*. — Замѣчательно, что въ городъ можно было посадить.

Жалованная грамота Тверскаго В. К. Бориса Александровича Срътенскому женскому монастырю 1437—1461 (1). Грамота также вполнѣ льготная, освобождающая отъ всѣхъ пошлннъ и отъ суда. Говорится о земляхъ монастырскихъ, о *слободкѣ Ерусалимской во городѣ*. — Употребляется слово *сирота* (въ смыслѣ крестьянина). «А придетъ моя дань Великаго Князя неминуная, и игуменья сберетъ сама дань съ тыхъ людей, да пришлетъ къ моеи казнѣ. А слободчаномъ ихъ бору моего Великаго Князя не косить.» (Вѣроятно, тоже повинность.)

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Чернопонтовой пустыни 1438 г. (2). Этою грамотою позволяется («ослободилъ есмь») купить: пустоши? у Тупика (быть можетъ, Тупику продать): нѣсколько словъ здѣсь не разобрано. — Если это вотчинникъ, то важно, что здѣсь нужно было соизволеніе князя. Вѣроятно такъ и было сначала, какъ относительно волостей (см. выше), такъ и вотчинъ. Людямъ, перезваннымъ

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 35.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 36.

изъ иного княженія, или кого окупивъ посадятъ, льгота отъ дани и пошлянъ на 20 лѣтъ. Судъ монастырской, кромѣ одного душегубства.—Бѣлозерцы или волостные люди; Бѣлозерцы—въ смыслѣ горожанъ—(можетъ быть съ уѣздомъ).—Намѣстникъ въ городѣ, волостель въ волости.

Жалованная грамота Улицкаго князя Дмитрія Юрьевича Троицкому Сергіеву монастырю 1440 г. (1). Судъ монастырской, кромѣ душегубства.—«А Бѣжецкоя верху людей, игумену, или его приказщику, въ ту слободу къ себѣ не примати». (Дается село Присѣцкое съ деревнями).—Замѣчательно: «намѣстники мои Городецкіе и ихъ тѣни не всылаютъ дворянъ своихъ въ то село.» Употребляется слово сирота, тоже въ смыслѣ крестьянина. *Провѣздный судъ* (провѣздъ для суда по судебнымъ дѣламъ). Замѣчательно: «а о посадничьхъ, какъ было при Великомъ Князѣ и пр. Изчисляются князья.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича и матери его В. К. Софьи Витовтовны Спасо-Евзимиѣву монастырю, послѣ 1440 г. (2). Дается село племянника В. Князя по волѣ его, съ тѣмъ, чтобъ архимандритъ не продавалъ и не мѣнял этого села изъ дому Святаго Спаса.

1404. *Духовная грамота Федосы (3):* мужъ ея убитъ холопами. Въ ней она оставляетъ свое имущество приемышу Тимошкѣ и село Горѣтовское съ деревнями. Людей полныхъ мужа своего и своихъ отпускаетъ, послѣ себя. Послѣ себя же, по велѣнью мужа, даетъ Сядору Перенечпну Неберещеной починокъ, «куда мужа ея топоръ ходилъ».

Жалованная грамота Можайскаго князя Ивана Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю 1443 г. (4). Дается монастырекъ Юрій Святой, и Поповское. А кто иметъ жити (кто слѣдится или кто поселится) людей старожильцовъ—освобождаются отъ всякой дани и всякой пошныны. Судъ—монастырю безъ ограниченія.—Старожильцы—вѣроятно прѣжде здѣсь жившіе или же прѣжде поселившіеся и живущіе.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 37.

(2) Ак. Истор. т. I, № 38.

(3) Ак. Истор. т. I, стр. 484.

(4) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 38.

Жалованная грамота Великаго Князя Дмитрія Юрьевича Благовѣщенскому монастырю 1446 г. (1). Говорится о томъ, что ихъ люди монастырскіе старожилы, которые разошлись по инымъ мѣстамъ, если придуть къ нему въ деревни въ монастырскія опять жить на свои мѣста, или въ дворы подъ монастырь: такъ имъ на пять лѣтъ не надобна княжая дань. — А кого къ себѣ призовуть жить людей изъ иныхъ княжешій, тѣмъ на десять лѣтъ. Сверхъ того, и тѣ и другіе избавляются отъ всякихъ пошлинъ. Судъ предоставляется монастырю безъ ограниченія. «А отсидятъ его люди урочные лѣта и они потянутъ въ мою дань по силѣ.» Въ этой грамотѣ ясно различаются льготы урочныхъ лѣтъ отъ льготъ вотчинныхъ вообще. Въ другихъ грамотахъ, не столько ясныхъ, надо, кажется, то же подразумѣвать. Замѣчательно: «а куды архимандритъ пошлетъ на монастырскую службу старцовъ своихъ или бѣлицовъ, ни ватагу или на иную службу, и пошлинники мои и поватажники поватажного у нихъ не емлютъ, ни мое великіе князю пошлинники»; были очевидно и другіе еще, монастырскіе или привилегированныхъ людей пошлинники.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Василья Ярославича черницъ Анны Федоровой 1446 г. (2) Эта грамота похожа на всѣ другія вотчинныя грамоты. Избавленіе отъ пошлинъ (съ предоставленіемъ ихъ, конечно, вотчиннику), избавленіе отъ суда, кромѣ душегубства (съ предоставленіемъ суда вотчиннику), тѣмъ людямъ, кто иметъ жити въ ея селѣ и въ деревняхъ. Замѣчательно, что вотчина принадлежитъ старицѣ; также слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ числѣ пошлинъ, отъ которыхъ избавляются вотчинные крестьяне, находится (какъ и въ другихъ грамотахъ) сѣнокосъ («ни луга моего косити»), слѣдовательно работа полевая, которая переходила къ вотчиннику.

Жалованная грамота Великой Княгини Софіи Витовтовны Щерапонтову монастырю 1448 г. (3) Дается монастырю деревня и съ селищи и съ пустошми (вѣроятно, селище — пустое село, или мѣсто, гдѣ было село). «Кого къ себѣ иужень призоветъ людей жити изъ иныхъ княженей, а не изъ моихъ волостей,

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 39.

(2) Ак. Арх. Эксп. т. I, стр. 464.

(3) Ак. Ар. Эк. т. I, № 41.

ни изъ мѡихъ сель Великіе князики».... избавляются отъ всякой дани и пошлыны. Видно, что избавлялись также отъ описи земель.—Избавляются отъ суда, кромѣ душегубства (татьяба съ личнымъ поименована, какъ подлежащая суду монастыря). Великая Княгиня даетъ не свою деревню, а деревню въ Янгосарѣ Ивана Юрьевича конюшаго (купленную нмъ у Петра Карповича); тутъ же находится его грамота на свои земли въ Янгосарѣ (вотчину), данныя нмъ тому же монастырю. — Кажется, это одна и та же вотчина.

Посельской былъ въ вотчинахъ (монастырскихъ).

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Марья Копниной и сыну ея Ѳедору 1449 г. (1). Первая, кажется, грамота изъ извѣстныхъ—вотчинная, лицу. — На запустѣлыя и поросшія лѣсомъ пустоши свои, кого къ себѣ они перевезутъ (это все равно, что перезовутъ) людей «*тутюшнитъ старожилцовъ, которые прежь того тутюжь жили, или кого къ себѣ перевезутъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ моея вотчины Великого князя, ино тѣмъ людемъ инокняженцомъ*»... они избавляются отъ всякой дани на 10, а старожилцы на 5 лѣтъ, и отъ другихъ пошлынъ (отъ другихъ, вѣроятно, не на срокъ, а вообще, какъ это видно было изъ другой грамоты). Избавляются также отъ суда, кромѣ душегубства. Вѣдаютъ и судятъ Марья и ея сынъ Ѳедоръ. Въ смѣсномъ судѣ прибитокъ на полы. — «*А отсидятъ тѣ люди свои урочные лѣта и они потянутъ въ мою дань по силѣ.*» (Всѣ другія льготы, вѣроятно не срочныя, вѣроятно остаются за ними по прежнему). Грамота вотчинная ни чѣмъ не различается отъ вотчинной грамоты монастырю.

Жалованная грамота Митрополита Гоны Андрею Аванасьеву 1450 г. (2) Изъ этой грамоты видимъ, что уже митрополитъ съ своей стороны даетъ льготы купившему въ его волости пустошь (Голямовскую).—Разумѣется, опъ даетъ льготы отъ своихъ митрополичьихъ пошлынъ и повинностей; но тѣмъ не менѣе онъ, въ свою очередь, поступаетъ судомъ и данью. — Въ грамотѣ говорится: «*кого Андрей перезоветъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ волости, ни изъ сель Пречистыя Богородици, и тѣмъ*

(1) Ак. Ар. Ѳк. т. I, № 44.

(2) Ак. Ар. Ѳк., т. I, № 45.

людехъ кривымъ... не надобны разныя повинности и пошлины; также освобождаются отъ суда, который предоставляется Авдрею (опять въ той мѣрѣ, въ какой судъ принадлежалъ митрополиту).—Здѣсь есть также своего рода ограниченіе. Андрей не долженъ принимать ни крестьянъ волостныхъ (Романовцевъ), ни селчапъ церковныхъ. —Замѣчательно, что въ управленіи митрополичьемъ повторяется устройство государственное: волостели, доводчики съ своимъ назначеніемъ и вѣстѣ кормаи и поборами. —Замѣчательно также, что эта грамота подтверждена другимъ митрополитомъ, Θεодосіемъ. Вѣроятно, государство не вмешивалось въ это распоряженіе внутри владѣнія, въ эту новую переуступку или передачу права.— Вотчинники могли также поступать, что надѣмся увидѣть ниже.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Иваку Печелину 1450 г. (1) Эта грамота освобождаетъ «кто у него въ томъ селѣ и въ деревняхъ иметь жити людей.» Это мѣсто не пустое (село съ деревнями); къ тому же, кто иметь жити (кто случится, кто бы ни жилъ, теперь и впередъ, вѣроятно), а не перезоветь.—Освобождаются отъ разныхъ повинностей и пошлинъ; между прочимъ *ни снѣгъ мочитъ когити*; также: *ни портное* (?). Освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татѣбы съ поличнымъ. Разумѣется, остальной судъ предоставляется вотчиннику (хотя здѣсь сказано только: *а вѣдаетъ своимъ люди всѣхъ*; обыкновенно вѣдаетъ и судитъ; что здѣсь надо также разумѣть, доказывается тѣмъ обычнымъ постановленіемъ о судѣ смѣсномъ). Въ судѣ смѣсномъ присудъ (прибытокъ) на полы.—Эта грамота замѣчательна еще тѣмъ, что она—подтверженіе. Въ началѣ говорится: «*по правдыа своего грамотъ Великаго князя Ивана Даниловича*» и проч.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Ферапонтовой пустыни 1450 г. (2) Князь жалуесть игумена тѣмъ, что кого перезоветь людей на купленные имъ (у монастыря) земли, тѣ люди освобождаются отъ дани и всякой пошлинны; также отъ суда, кромѣ душегубства; а въ судѣ смѣсномъ — какъ обыкновенно, но есть нѣкоторая особенность: «и

(1) Ак. Ар. Эк. т. I. № 46.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I. № 47.

въ правдѣ и въ силѣ иужновъ иужну, а волостелевъ — волостелю, окричь исцесвы еиы» (вѣроятно, пошлины).

Три грамоты Бѣлозерскаго князя о серебрянникахъ и пр., около 1450 г. (1). Грамоты очень замѣчательны; въ нихъ, едва ли не въ первый разъ, говорится о Юрьевѣ днѣ и устанавливается день этотъ, какъ срокъ. *Отказывать* употреблено въ смыслѣ *выводить отъ другаго за себя*. Волоцкой староста показалъ грамоту братіи Ферапонтовой пустыни, что они (староста вѣроятно съ крестьянами) могутъ принимать на Волочекъ, *въ путь*, монастырскихъ половниковъ *въ серебрь* (очевидно, отношенія денежные), среди лѣта и всегда, и кто выдетъ половникъ серебрянникъ, ему платиться (онъ долженъ платиться) на два года безъ росту.—Князь пожаловалъ монастырь тѣмъ, чтобы Федоръ Константиновичъ (чей путь) принималъ отъ Юрьева дня до Юрьева дня, а принималъ бы монастырскихъ людей серебрянниковъ «о Юрьевъ дни о осенемъ;» и кто поидеть тогда изъ нихъ въ путь, «и онъ тогда и денги заплатитъ, а ту есми полѣтнюю подернилъ» (не ошибка ли есми: не значить ли это порядная на лѣто серебрянника? едва ли. Вѣроятно, разумѣется здѣсь та грамота, на которой основывался Волоцкой староста; есми находится и въ слѣдующихъ фразахъ). Вѣроятно серебрянникъ значило здѣсь челоуѣкъ, нанмавшагося и платившаго деньги за работу или брашаго плату: серебро—деньги. Серебрянникъ — это какъ если бы сказали: денежникъ. Серебрянниковъ запрещается выпускать между Юрьевымъ днемъ и Юрьевымъ днемъ.—Естественнѣе предположить, что имъ платилось; впрочемъ, нельзя сказать навѣрное.— «А которые будутъ вышли (т. е. прежде) въ монастырскомъ серебрь въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро».—Надо разумѣть такъ, что на которыхъ (вышедшихъ до этой грамоты) остались монастырскія дѣвьи (а это могло быть при платежѣ и съ той и съ другой стороны), тѣ должны были додѣлывать (какое дѣло? Они переходятъ въ волость.) на эти же деньги (кому, монастырю? вѣроятно), «а въ серебрь бы вели поруку, а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили.» — Чтобы денегъ не заплативъ, они на эти деньги дѣлали, а какъ придетъ осень, срокъ, такъ бы они и деньги заплатили.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 48.

Другая боярамъ и прочимъ, говорить о томъ же предметѣ. За-мѣчательно выраженіе: «людей монастырскихъ серебрянниковъ, и половниковъ и рядовыхъ людей и Юрьевскихъ.» То есть, какъ кажется, людей нанимавшихся или селившихся и работавшихъ изъ за денегъ изъ половины, по ряднымъ и по сроку Юрьева дни. Здѣсь половникъ отдѣленъ отъ серебрянника; но это могло быть соединено, какъ видно въ предъидущей грамотѣ («монастырскіе половники въ серебрѣ»). Бояре и дѣти боярскіе отказыва-ютъ, какъ пишетъ князю игуменъ, «не о Юрьевѣ дни, иныхъ о Рожествѣ, а пныхъ о Петровѣ дни.» «И вы бы такъ серебряни-ковъ и половниковъ и свободныхъ (слободжапъ) не отказывали, а отказати серебряника и половника о Юрьевъ дни, да и се-ребро заплатитъ, а послѣ Юрьева дни отказа отъ серебряни-ка нить. Въ началѣ говорится обо многихъ, потомъ о полов-никѣ и серебрянникѣ, наконецъ объ одномъ серебрянникѣ; впро-чемъ, заплата серебра должна относиться только къ серебрян-нику. — Серебро принималось въ древности въ смыслѣ денегъ; такъ какъ вѣроятно этотъ порядокъ велся изстари, то значеніе серебра въ смыслѣ денегъ удержалось здѣсь, обратившись какъ бы въ терминъ.

Слѣдующая грамота В. К. Василья Васильевича опредѣляетъ Юрьевъ день.—Здѣсь очевидно отказать употреблено въ смыслѣ взять или вывести къ себѣ отъ другаго. *И тѣхъ ихъ людей монастырскихъ всѣхъ и серебряниковъ (отдѣляются отъ дру-гихъ), мои намѣстници и волостели и поселскіе, и слобод-щики и всякой кто ни буди.»* Стало быть, всѣ могли отка-зывать, выводить за себя.—Первая грамота относится къ Черо-птову монастырю, вторая и третья къ Кириллову монастырю.

Жилованная грамота Великой Княгини Маріи Ярославны Чухломскому Покровскому монастырю 1450 г. (1) Освобождает-ся монастырской починокъ, кто людей.... тамъ живетъ, отъ разныхъ пошлинъ и отъ суда (безъ исключеній). Это распро-страняется (какъ кажется) на людей пришлыхъ и старожильцевъ, хотя эти наименованія употреблены не въ началѣ грамоты.

Грамота В. К. Василья Васильевича во Владимірѣ 1453 г. (2).

(1) Ак. Истор. т. 1, № 49.

(2) Ак. Ар. Эк. т. 1, № 50.

Грамота эта обращена къ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, во Владимирь, къ посельскимъ и прикащикамъ въ села Великихъ Книгинь, «и въ боярскія села всѣ и въ Марьины села Федоровы, и въ монастырскія во всѣ села.» Самое это изчисленіе вмѣстѣ селъ показываетъ, что различія между ними не было. (Подобное именовавіе вмѣстѣ встрѣчается также, и еще замѣчательнѣе, и въ другихъ, важныхъ случаяхъ).—Посельской вѣроятно былъ выборный; впрочемъ, надобно справиться. — Запрещается ѣздить незванымъ въ монастырскія села по праздникамъ, по шрамъ и по братчинамъ.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1453 г. (1) Грамота освобождаетъ людей старожильцевъ, жившихъ и прежде тутъ, кого призовуть, на 10 лѣтъ, и призванныхъ изъ иныхъ княженій (на данныя «земли и пустоши», между тѣмъ выше сказано, что дается и Поновское съ деревнями) на 15 лѣтъ отъ дани. Въ этой грамотѣ ясно различена эта льгота на урочныя лѣта отъ общей обыкновенной льготы, остающейся за вотчинными (и другими подобными) крестьянами постоянно. Далѣе сказано: *такъ жъ тѣмъ людямъ монастырскимъ, которые нынѣ живутъ и пришлымъ ихъ людямъ, которыхъ перевозуть къ себѣ на тѣ земли, не надобно и проч.*—избавляются отъ пошлинъ и повинностей, и отъ суда, кромѣ душегубства. Въ судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; о монастырскомъ человѣкѣ прибавлено (если не то, такъ подобное встрѣчается и въ другихъ грамотахъ): *и не емлютъ у него ничего.*

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1453 г. (2) Грамота сначала говоритъ о льготахъ соловарныхъ. Потомъ говоритъ о данѣ князя Юрья Дмитріевича: поновѣ дворѣ и ихъ (монастырскихъ) деревняхъ и пустошахъ: *«и кого къ себѣ въ тотъ дворъ, да въ тѣ деревни и на тѣ пустоши людей окуливъ посадятъ,»* тѣ избавляются отъ дани, пошлинъ и повинностей и отъ суда, кромѣ душегубства. Здѣсь замѣчательно во первыхъ то, что говорится о дворѣ; во вторыхъ, что говорится объ окупныхъ людяхъ; можетъ

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 51.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 52.

быть другіе подразумѣваются; въ третьихъ то, что сказано: ни къ старостѣ не тянуть, ни въ которыя пошлины, ни въ которое дѣло; въ четвертыхъ: *ни двора волостелина не ставятъ*. — Эта повинность, то же сравнивающая отношенія волостеля съ вотчинникомъ. — Не сказано, что судить монастырь, но это непременно разумѣется и важно здѣсь, какъ доказательство, что иногда не все въ грамотахъ говорится. О судѣ смѣсномъ также, какъ и въ другихъ грамотахъ. Имъ же доказывается монастырскій судъ.

Жалованная грамота В. К. Марьи Ярославовны Троицкому Сергіеву монастырю 1453 г. (1). Эта грамота освобождаетъ старошльцевъ и кого перезовутъ изъ шшихъ княженій, *а не изъ Великаго княженія и изъ моихъ селъ*, или кого откупя посадить, отъ пошлинъ и повинностей (между послѣдними: *ни города не дѣлають . . . . . ни портнаго не дають*) и отъ суда, кромѣ душегубства. Судъ монастырскій. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю около 1453 г. (2). Грамота замѣчательная. Въ ней, *по приказу своею оспожи, своею матери*, Великимъ Княземъ даются села съ деревнями къ монастырю, что къ нимъ изъ старины потягло, за исключеніемъ земель волостныхъ, данныхъ Великимъ Княземъ своей матери къ тѣмъ ея селамъ и деревнямъ. Села и деревни даются монастырю съ хлѣбомъ и животновою и съ половиною *«серебра лѣтнего на людехъ»*, со всѣмъ, что есть въ тѣхъ селлахъ и деревняхъ, кромѣ людей *страдающихъ и кромѣ суда, «судъ мой Великаго Князя.»* — И такъ, здѣсь не отдается судъ, слѣдовательно выгоды могли заключаться въ пошлинахъ не судныхъ, въ наймѣ земли и пр. Самое исключеніе суда показываетъ значеніе суда государственное.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Спасо-Евхиміеву монастырю около 1453 г. (3). Въ грамотѣ сказывается просто, что дается село и глушица. Никакихъ подробностей нѣтъ; это умолчаніе также замѣчательно.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому

(1) Ак. Ар. Экс. т. I, № 53.

(2) Акт. Истор. т. I, N 54.

(3) Ак. Ист. т. I, № 55.

Сергіеву монастырю 1455 г. (1). Грамота эта освобождаетъ старожильцевъ, или кого къ себѣ ищуменъ или его приказчикъ *перевезутъ* изъ другихъ княженій, на 10 лѣтъ отъ дани и отъ пошлннъ и повинностей (мы уже говорили, что надо различать урочныя льготы отъ общихъ обыкновенныхъ освобожденій отъ пошлннъ и пр.; вѣроятно урочныя льготы—дани), и отъ суда, кромѣ душегубства.—О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Сверхъ того, разныя другія финансовыя льготы.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1455 — 1462 г. (2). Грамота замѣчательна. Въ ней говорится, что Великій Князь.... *велелъ былъ* своему волостелю судить монастырскихъ крестьянъ, и *поициа*.... ему судить не велѣлъ; «*въ судъ вѣдаетъ ищуменъ своихъ людей самъ*», по старымъ его Великаго Князя грамотамъ. Опредѣляется, однако, кромѣ волостелю отъ монастыря. Сказано объ освобожденіи отъ пошлннъ *праветчиковъ* и *доводчиковъ*. — Замѣчательно, что судъ былъ взятъ и отданъ; весь этотъ вопросъ о судѣ показываетъ, что онъ былъ важенъ и имѣлъ государственное значеніе.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1455 — 1462 г. (3). Также очень замѣчательна. Въ ней запрещается ѣздить на пиръ къ монастырскимъ людямъ (въ селѣ и деревняхъ); между прочимъ названы: *боярскіе люди*. Сверхъ того запрещается выводить изъ того села и деревень монастырскихъ старожильцевъ: извѣстное ограниченіе перехода.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Кириллову монастырю 1455 г. (4). «*Что дали имъ въ монастырь Корта да Шудебъ, дворъ Максимовскій, по души по Максимовъ, въ городъ въ Дмитровъ, тяглою, на посадъ*»: кто будетъ у нихъ жити тамъ, тѣ люди монастырскіе освобождаются отъ дани, пошлннъ и повинностей (въ числѣ ихъ княжой сѣвность); также выраженіе: *ни съ слугами, ни съ черными людьми съ городскими*....; также освобождаются отъ суда, кромѣ душе-

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 56.

(2) Ак. Ист. т. I, № 58.

(3) Ак. Истор. т. I, № 59.

(4) Ак. Арх. Эксп. т. I, стр. 463.

убства. — Между прочимъ, ловчіе княжіе ихъ не посылають на юсей и медвѣдей.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Аѳанасію Внукову съ дѣльми 1455 г. (1). Кого къ себѣ призоветъ, изъ другихъ княжений, на промѣнныя княземъ, на его кушлю, земли, «съ деревнями, съ живущими; и съ пустошми, и съ починки, и съ лѣсы,» или кого окупивъ посадить, тѣ люди старожильцы и пришлые и окупленные освобождаются отъ данн на двадцать лѣтъ, и отъ другихъ пошлинъ и повинностей (вѣроятно, не на срокъ); также отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Также избавляются отъ рыбной пошлины; свободный торгъ *сущемъ* и рыбою на Бѣлоозерѣ въ городѣ, *съ частями*. Особенность на счетъ возможности грамоты на грамоту: «*а на сю грамоту грамоты моеи не дамъ.*»

Договорная Новгородская грамота 1456 г. (2) (дополнительная). Замѣчательна тѣмъ, что говорится о земляхъ Ростовскихъ, купленныхъ или даромъ взятыхъ Новгородцами, которыхъ они отступаются Великимъ Князьямъ.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Кириллову монастырю 1456 г. (3) Эта грамота освобождаетъ, кого призвать изъ иныхъ княжений, отъ данн на 10 лѣтъ; также людей призванныхъ и тутошнихъ ихъ людей старожильцевъ отъ пошлинъ и повинностей и отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и тѣбы съ поличнымъ. — О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. — Замѣчательно: «*а тяжлыгъ людей имъ мѡицъ Великого Князя дань-сказъ писемныхъ* (описанныхъ писцами) *въ то имъ село и въ деревни къ себѣ не приимати.*» (Собственныхъ ли крестьянъ Государевыхъ или Государственныхъ?) И такъ вотъ своего рода ограниченіе перехода.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича 1460 г. (4). Половина села погорѣвшаго съ хлѣбомъ освобождается отъ данн и отъ другихъ пошлинъ на три года, а послѣ трехъ лѣтъ, сказано: «*потянутъ въ мою дань съ своею братьей съ Митрополицими сельчаны по силѣ.*» Здѣсь сказано только о данн?

(1) Ак. Арх. Эк. т. I, стр. 406.

(2) Ак. Ар. Эк. Т. I, № 58.

(3) Ак. Ар. Эк. Т. I, № 60.

(4) Ак. Ар. Эк. т. I, № 63.

Ист. соч. К. Аскакова

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю около 1460 г. (1). Грамота очень замѣчательна. Людей, которые вышли изъ ихъ селъ (въ Углицком уѣздѣ), въ села Великаго Князя, Великой Княгини, или въ боярскія села, *сего лѣта не хотя ѣхати на мою службу Великому князю къ берегу*, Великій князь велитъ выводить къ монастырю опять назадъ. А которые люди живутъ въ ихъ селѣхъ и нынѣ, *и князь Великій тѣхъ людей не велитъ пуцати прочь*. Вообще ли говорится здѣсь, и навсегда ли запрещается? Можетъ быть только по этому случаю, по отношенію къ береговой службѣ.— Ограниченіе перехода очень замѣчательное.

Жалованная грамота Тверскаго В. К. Бориса Александровича прежде 1461 г. (2) Князь продалъ монастырю село съ деревнями и пустошами (свое ли?) *и что къ тому селу издавна пошло*, за 10 рублей и 10 воловъ.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1461 г. (3). Освобождается дворъ монастырской въ Дмитровѣ отъ дани, пошлпнъ и повинностей. Даютъ съ того двора оброкъ рубль. Замѣчательно.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Спасо-Евхиміеву монастырю прежде 1462 г. (4). Замѣчательно выраженіе: *«что ихъ ватага.»* Также выраженіе о волостеляхъ, что они ставятся межъ ихъ деревень и пр.; *«пошлой де станъ покня.»* Замѣчательно вообще слово *станъ*; должно быть отношеніе между *станомъ* и *становищемъ* Ольги.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Спасо-Евхиміеву монастырю прежде 1462 г. (5). Замѣчательно выраженіе: *люди дворные*. Также выраженіе: *князи мои и бояре и дѣти боярскіе*. Изъ этого видно, что князья составляли сперва нѣчто особое и что дѣти боярскіе (какъ думаетъ Бѣляевъ) были точно люди боярскіе. — Люди дворные поставлены послѣ дѣтей боярскихъ; если это дворяне, то этимъ подтверждается (какъ думаетъ Бѣляевъ), что дѣти боярскіе были выше дворянъ.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I. № 64.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I. № 65.

(3) Ак. Ар. Эк. т. I. № 69.

(4) Ак. Истор. т. I. № 70.

(5) Ак. Ист. т. I. № 71.

Грамота В. К. Иоанна Васильевича на Бѣлоозеро послѣ 1462 г. (1). Очень замѣчательна, потому что она обращена на Бѣлоозеро къ городскому сотнику и всѣмъ крестьянамъ, и на городокъ на Фодосьинѣ и на другія мѣста, и говорится о серебряникахъ, которыхъ они (тѣ, къ кому обращена грамота) отказываютъ (за себя). Изъ грамоты видно, что серебро значило деньги. «Который крестьянинъ скажется что онъ виноватъ въ серебрѣ,» т. е. долженъ, то должно было заплатить за него монастырское серебро и можно было тогда крестьянина вывезти; а который крестьянинъ скажется *монастырю серебромъ не виноватъ* (не долженъ), въ томъ серебрѣ надо было дать поруку монастырю (который разумѣется находилъ, что крестьянинъ долженъ), а крестьянина (я думаю такъ) ставить передъ Великимъ Княземъ.

Жалованная грамота Митрополита Феодосія Борису Тютчеву, Запись Бориса Тютчева, Запись Григорья Киселева, и жалованная грамота Митрополита Даниила крестьянину Мелетію Новикову 1462—1527 г. (2). Очень замѣчательны всѣ эти акты. Въ первомъ Митрополитъ жалуетъ (для Великаго Князя Ивана Васильевича) Тютчева пожизненно селомъ *церковнымъ и своимъ*, съ тѣмъ, чтобъ его ни кому ни дать, ни освоить, ни продать, ни промѣнять. Послѣ Бориса село опять *въ домъ Пречистой Богородицы* со всѣмъ, что примыслитъ Борисъ серебра, лѣба и животины. Запись Тютчева имѣетъ то же содержаніе. Запись Киселева такого же содержанія. — Жалованная грамота Митрополита Даниила крестьянину замѣчательнѣе всѣхъ. Митрополитъ Даниилъ жалуетъ своего изстариннаго крестьянина (старожильца) *Деметья, Мелетія Нестерова сына Новикова, Филимонова внука* деревнями со всѣми угодьямъ; даетъ ему на тѣ деревни льготы на 10 лѣтъ для того, что тѣ деревни позапустили отъ меженины; послѣ же 10 лѣтъ *«миль (Митрополиту) его пооброчити.»* На сколько же дается вообще, не сказано. *«А на селѣ и на пустоши и на лѣсъ ему людей призывать и деревни ставить и слободу собирать, и лютные ему грамоты на урочъ давати....»* Этимъ деревень и пр. не долженъ онъ ни основывать, ни окняжить, ни обоярять и пр. Грамота эта нисколько

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 73.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 74.

не различается содержаніемъ своимъ отъ предъидущихъ; слѣвательно крестьянинъ стоитъ совершенно наравнѣ съ други сословіями. Мало того, крестьянину дается еще больше: пр. перезывать людей, давать льготныя грамоты; съ этимъ вмѣ конечно предоставляется ему судъ или по крайней мѣрѣ дохъ отъ деревень пашенный или оброчный.—Итакъ, крестьянинъ, значенію своему и правамъ, нисколько никого не стоялъ ни былъ параннѣ со всѣми, а еще можетъ быть имѣлъ свои пр. имуществва.—Видно также, что крестьянинъ вотчинный не от. чался отъ другихъ крестьянъ. Вообще сословіи въ древней Ру не было. — Не было ли, можетъ быть, это и вотчинная грамсъ тѣмъ, чтобъ не выходить изъ предѣловъ области духовной? Во всякомъ случаѣ значеніе крестьянина здѣсь велико и важн значеніе свободнаго человѣка и имѣющаго права.

Жалованная грамота Улицкелю Князя Андрея Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1462—1467 г. (1). «Что сажють собѣ купили (что они говорятъ что купили) въ моей о чинь въ Улицкой, въ Кинелскомъ стану, деревню Татар новскую, землю боярскую,» у такихъ-то вотчинниковъ. Стар жильцы этой деревни или кого къ себѣ перезовуть, не изъ о чины князя, освобождаются отъ поминннхъ и повинностей, такъ отъ суда, кромѣ одного душегубства. Между прочимъ, пр. предоставляется игумену. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенн «Также къ тѣмъ людямъ монастырскимъ намѣстники и вол стелины (люди?), и доводчики, и боярскіе люди, поборовъ низъ ни какихъ не берутъ» и пр. Самовольство ли это эти людей, или извѣстное ихъ право, или дозволенное дѣло, или і определенное отношеніе? Далѣе (здѣсь же) рѣчь идетъ о правахъ и почлегахъ, о чемъ не рѣдко встрѣчается запрещеніе.

Замѣчательно, что все духовенство и слѣдовательно, всѣ цер ковныя владѣнія, Епископн, составляли одно цѣлое подъ вл стію святителя (Епископа). Это видно изъ грамоты Митрополитъ Θεодосія (2).

Жалованная грамота Рязанской В. К. Анны Васильевны С лотчинскому монастырю 1464—1501 г. (3). Вотчина, борть, дав

(1) Ак. Ист. т. I, № 74.

(2) Ак. Истор. т. I, № 77. 1463 г.

(3) Ак. Истор. т. I, № 80.

ная Зачатейскому монастырю В. К. Софьей Дмитріевной дается (возвращается, кажется) Солотчинскому (*вѣдать та вотчина по старинѣ самимъ*) монастырю, который обязанъ давать къ Зачатейскому монастырю известную подать (которая, кажется, превышаетъ доходъ, получавшійся съ этой вотчины Зачатейскимъ монастыремъ).—Замѣчательно здѣсь—борть дается съ бортикомъ. Ошибутся очень, если подумаютъ, что и бортикъ былъ отдаваемъ, какъ собственность. Это значить, что отношенія бортика къ прежнему владѣльцу передавались другому владѣльцу, и только; владѣльцы могли между собою мѣняться, и отношеніе бортика оставалось то же, какое бы оно ни было. Изъ другихъ указашій ясно видно, что это было отношеніе свободное.

Жалованная грамота Рязанской В. К. Анны Васильевны Солотчинскому монастырю 1464—1501 г. (1). Кого призовутъ людей на село, куплю вотчинника, придавную имъ монастырю,—*съ иныгъ сторонъ*, тѣ освобождаются отъ всякой пошлыны (*«тялосты»*) на 5 лѣтъ; очевидно, что и отъ суда также; но прямо здѣсь это не сказано; сказано: *«не вѣзцають»* (не вѣзжаютъ); между тѣмъ, поименованы судныя пошлыны, что еще болѣе утверждаетъ финансовое значеніе суда, преимущественность этого значенія.—*«А пожаловала есмь ево казначемъ своимъ....»* Съ казначемъ? Или казначемъ, въ смыслѣ того, что передается отношеніе, служебное или другое? Кажется, въ этомъ смыслѣ. Тогда надо и въ другихъ такихъ же случаяхъ (это встрѣчается, кажется, особенно въ Рязанскихъ грамотахъ) такъ понимать.—Встрѣчается выраженіе: *околица* (округъ). Также въ числѣ пошлынь: *шестьдесятъ* и др.—Рязанскія грамоты между собою сходны.

Жалованныя грамоты избавляли и просто отъ пошлынь.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Митрополиту Филиппу 1465 г. (2). Кто въ селахъ и деревняхъ, данныхъ монастырю Федоромъ Клобукомъ, *иметь людей жити*, избавляются отъ пошлынь и повинностей, кромѣ церковной пошлыны, также отъ суда, кромѣ душегубства. Въ случаѣ татбы и разбоя съ поличнымъ судить самъ князь. О судѣ смѣломъ, какъ обыкновенно.

(1) Ак. Пет. т. I, № 81.

(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 75.

Откупалась данга.

Жалованная грамота Тверскаго В. К. Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю около 1465 г. (1) Дворъ съ поляною куплею въ Кашинѣ на посадѣ у Фодосѣи Казаршиной монастыремъ:—освобождаются люди, которые въ немъ станутъ жить,—и кто уищетъ въ томъ дворѣ жити людей,—отъ дани, пошлинъ и довинностей, и отъ суда (эти люди именуются въ грамотѣ и дворниками), кромѣ разбоя, душегубства и татьбы съ поличнымъ. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.

Грамота В. К. Иоанна Васильевича Суздальскимъ и Юрьевскимъ намѣстникамъ и посельскимъ 1466—1478 г. (2). Эта грамота обращена въ Суздаль и Юрьевъ къ намѣстникамъ, и въ села Великокняжія и въ слободы, и въ боярскія села и въ слободы, къ посельскимъ.—Были ли посельскіе во всѣхъ селахъ?—Если такъ, и если посельскій былъ чиновникъ, то надобно ихъ (чиновниковъ такихъ) предположить и въ боярскихъ селахъ. Грамота о томъ, чтобы монастырскихъ крестьянъ, вышедшихъ *сеи зими о Сборъ*, воротить опять на старыя мѣста до Юрьева дня до осеняго.

Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославовны Перехтскому тиуну и праветчику 1466—1478 г. (3). Эта грамота утверждаетъ, чтобы относительно сельца, даннаго Васильемъ Борисовичемъ, и сельца ихъ Лихоревскаго, поступать по жалованной грамотѣ на «село Фодоровское и на деревни.» Замѣчательно, неоднократно встрѣчающееся, подтвержденіе князя, какъ скоро кѣмъ-либо дается (и вообще кажется приобрѣтается) село въ монастырь; относительно другихъ вотчинниковъ—кажется нѣтъ или не всегда.

Жалованная грамота Ростовскаго Архіепископа Вассіана Кириллову монастырю 1468 г. (4). Освобождаются въ двухъ церквахъ въ селахъ монастырскихъ, въ Романовѣ слободкѣ—игумены, попы или дьяконы отъ дани и пошлинъ и отъ суда десятинниковъ Архіепископскихъ; судятъ монастырской игумень;

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 79.

(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 83.

(3) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 84.

(4) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 85.

въ духовномъ дѣлѣ относится къ Архіепископу. «А пожаловалъ есмь своими бояры, Некрасомъ Ивановымъ сыномъ, да Семейномъ Кузминымъ сыномъ, да Ивановъ старцемъ Баскаковымъ.» Полагать ли здѣсь: съ? Я думаю, что такъ.—У Архіепископа тоже были бояре; онъ совѣтовался съ ними.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1471 г. (1). Говорится, чтобы вѣдать свой монастырь Живоначалныя Троицы на Березникъхъ, да земли, данныя боярами и дѣтьми боярскими къ этому монастырю. — Кого насадятъ жить людей — тѣ люди освобождаются отъ дани на 10 лѣтъ; также (безсрочно, конечно) отъ пошлинъ и отъ повинностей, и отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. — О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно (а исцово допривятъ на синоватомъ — кажется это не вездѣ). — Отсидѣвъ 10 лѣтъ, потянуть въ княжую дань по силѣ. — Замѣчательно здѣсь выраженіе, которое, кажется, не вездѣ встрѣчается: *ни къ сотскимъ, ни къ дворскимъ съ черными людьми не тянутъ ни въ которые протори ни въ розметы.*

Видно владѣніе лицъ и, кажется, крестьянъ—изъ списка Двинскихъ земель (2).

Жалованная грамота Вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю 1471 г. (3). Кого къ себѣ на пустоши перезовутъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ вотчины князя, ни изъ волостей, ни изъ селъ, тѣ освобождаются отъ пошлинъ и повинностей; освобождаются отъ суда и въ душегубствѣ (какъ именно сказано). Замѣчательно выраженіе: *въ душегубство не вступаются ни которыми пошликами.* О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Замѣчательно выраженіе: *а въ правдѣ и въ вильтъ и въ посульхъ и въ переводъхъ, во всѣхъ судовыхъ пошлинахъ мои волостели и ихъ тиуни знаютъ себя своего человека во всемъ.*—Это уже ясно указываетъ на финансовыя отношенія, на финансовое значеніе суда. — Финансовое отношеніе, вотъ что составляло выгоду суда, что жаловалось, передавалось и т. д. Эти пошлинны, эта выгода была строго опредѣлена, это показы-

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 88.

(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 94.

(3) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 95.

ваетъ, что судъ былъ одинаковъ, кто бы его ни производилъ; выгода быть судьей состояла только въ пошлинахъ. Это свидѣтельствуесть о превосходномъ административномъ устройствѣ, если переменна лица ничего не значила. Съ другой стороны, судъ былъ утвержденъ и обезпечиваемъ присутствіемъ земскихъ людей, и такимъ образомъ спасалось нравственное значеніе суда. Къ тому же должность судьи могла ввѣряться человѣку, извѣстному своими достоинствами.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евзиміеву монастырю 1472 г. (1). Кто будетъ жить у нихъ на земляхъ, данныхъ имъ княземъ Ногтевымъ, тѣ па десять лѣтъ освобождаются отъ Великокняжой дани, также (конечно, не на срокъ) отъ пошлинъ и повпппостей; также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; «*а исцо-во правятъ на виноватомъ.*»

Данная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евзиміеву монастырю 1472 г. (2). Грамота ни о чемъ не распространяется; сказано: «*а не вступается у нихъ въ то село никто.*»

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евзиміеву монастырю 1473 г. (3) на то же село. Кто будетъ у нихъ въ селѣ жити, тѣ освобождаются на семь лѣтъ отъ дани, также (конечно, не на срокъ) отъ пошлинъ и повппностей; также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; «*а присудомъ дѣлятся на помы.*» «*А людей имъ въ то село моимъ Великого князя не принимати.*»

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю 1473 г. (4). Этой грамотой подтверждаются вотчины монастырскія, освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; если игуменъ общаго суда судить не захочетъ (*судить самъ князь.*) Въ подтвержденіи того же князя, говорится объ освобожденіи отъ пошлинъ и опять о судѣ; по здѣсь нѣтъ (быть можетъ пропущено) исключенія душегубства.—Выраженія: «*а смѣшается судъ моимъ людемъ городскимъ, или волостнымъ или сельскимъ.... Въ тѣхъ*

(1) Ак. Истор. т. I, № 83.

(2) Ак. Истор. т. I, № 84.

(3) Ак. Истор. т. I, № 87.

(4) Ак. Арх. Эксп. т. I, стр. 474.

селахъ въ монастырскихъ и въ слободахъ, и въ деревняхъ, и на пустошяхъ, и на лѣсахъ.—Намѣстники, волостели, посельскіе, тиуны.—Замѣчательно, что въ подтвержденія говорится: «*асмляется судъ тѣмъ людемъ монастырскимъ съ волостными людемъ, и поселской, съвѣстясь съ волостелемъ, судить*».—Въ числѣ вотчинъ (*изчисленныхъ въ грамотѣ*) кажется есть и отъ крестьянъ, ибо сказано: *жеребей который Ивашко Кабачикъ заложилъ игумену Христофору: «пожю» тамъ-то—«свой жеребей».*

Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославовны 1473—1478 г. (1). Кто будетъ держать монастырскія варницы, митрополичій соловарь, и кто у него въ варницахъ и дворахъ будетъ жить и въ починкѣ, повары или водоливы, или окупленные люди домовые, тѣ варницы, дворы и починки освобождаются отъ дани, пошлнъ и повинностей; ихъ (*повинностей*) много, въ томъ числѣ: «*ни закосное*», также: «*ни плочки, ни половниковъ*»; также освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства: «*и въдаетъ и судить тѣхъ людей вслѣхъ митрополичъ соловарь, или кому прикажетъ.*» О сѣсномъ судѣ, какъ обыкновенно. Здѣсь судитъ—*соловарь*.—Употреблено выраженіе: *митрополичъ христіаникъ*. Разбой же и татьбу съ полчинымъ судить сама Великая Княгиня.

Отводный списокъ Новоторжскихъ земель 1476 г. (2) «Князь велики пожаловалъ владыку Ноугородского, и боярь Ноугородскихъ землямъ въ Торжку, которыя были приведены къ селомъ Великого князя.»

Жалованная грамота Улицкаго князя Андрея Васильевича 1476 г. (3). Князь освобождаетъ монастырю слободу *сбирати*; кого перезовутъ въ ту слободку изъ иныхъ княженій, — тѣ люди слобожане освобождаются отъ дани на двадцать лѣтъ. А кого къ себѣ перезовутъ изъ княжой отчины «*безвытныхъ людей, или себѣ откупивъ посадятъ*» (вѣроятно изъ княжой же вотчины), тѣ освобождаются отъ дани на десять лѣтъ. Разумѣется, и тѣ и другіе—слобожане. Также освобождаются (не на срокъ разумѣется, и разумѣется и тѣ и другіе) отъ пошлнъ и повинностей. «*А тѣмъ людемъ писаннымъ и выплымъ въ ту слободку*

(1) Ак. Арх. Эк. т. I, № 99.

(2) Ак. Арх. Эксп. т. I, № 101.

(3) Ак. Арх. Эк. т. I, № 102.

имъ не приимати.» — Также слобожане освобождаются (мы употребляемъ это слово, хотя оно и не точно выражаетъ дѣло; тутъ нѣтъ никакого жалованья; судъ только передается; правительство поступаетъ судомъ) отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. — «Также у тѣхъ слобожанъ кто стануть гости на подворьяхъ съ иныхъ городовъ, и на мѣстникомъ и тивуномъ и вѣсѣмъ пошлинникомъ не являются; ни пошлинъ ни дають ни которыхъ, опричь церковныхъ пошлинъ; а являются имену съ братьею или ихъ приказщику.» — Подъ гостями нельзя разумѣть только гостей въ теперешнемъ смыслѣ. — Пятно свое. Освобожденіе отъ рыболовнаго оброка. — Запрещеніе очеь часто встрѣчаемое ѣздить незваному на пиры и на братчины. Это очень важно; эти пиры и братчины указываютъ на общественныя шированья; доселѣ они ведутся у крестьянъ; только на такіе пиры, пользуясь ихъ общественностью, и можно было ѣздить незванымъ и втираться.

Запись Новгородская о церковномъ судѣ (названіе не совсѣмъ вѣрное), прежде 1477 г. (1) «Братица судитъ какъ судья» (вѣроятно на пиру братчины и.....) (2).

Жалованная Новгородская грамота Троицкому Сергіеву монастырю (3). Освобождаетъ отъ торговыхъ пошлинъ въ Двинской землѣ, и старцевъ ихъ и вотаминовъ и оскачевъ не судятъ тамъ ни въ каковъ дѣль, ни съ поличнымъ. — Система пошлинъ таже. — Замѣчательно освобожденіе отъ суда, конечно въ духѣ пошлинъ. «А кто сю нашу жалованную грамоту перестунить».... Новгородъ совершенно какъ Государь, да онъ такъ и называется.

Жалованная грамота Митрополита Геронтія Благовѣщенскому и Константино-Еленскому монастырямъ 1478 г. (4). Освобожденіе архимандрита отъ дани и пошлинъ, также попа Никольскаго монастырскаго Добраго села; также отъ суда. Судъ надъ Никольскимъ пономѣмъ, надъ духовными, и надъ слугами монастырскими и крестьянами («Христіанъ»), предоставляется архимандриту.

(1) Ак. Арх. Эк. т. I, № 103.

(2) Одно слово неразобрано. *Прим. изд.*

(3) Ак. Арх. Эк. т. I, № 104, 1477 г.

(4) Ак. Арх. Эк. т. I, № 105.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Слассо-Евонимеву монастырю 1479 г. (1). Кого перезовуть къ себѣ жить людей на ихъ пустую и поросшую лѣсомъ слободку, — съ ту слободку, на тѣ пустоши, — изъ другихъ княженій, тѣ пришлые люди освобождаются отъ дани на десять лѣтъ, также отъ всякихъ пошлинъ и повинностей (разумѣется, не на срокъ); также отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; «а присудомъ дѣлятся на полы.» Послѣ десяти лѣтъ — дань по силѣ (очевидно, не болѣе; эта оговорка встрѣчается и въ другихъ такихъ же подобныхъ грамотахъ). «А людей имъ къ собѣ на тѣ пустоши тѣмъ же не примати.» — Вотъ уже ограниченіе перехода. Укрѣпленіе ничего болѣе въ себѣ не представляетъ, какъ распространеніе всеобщее и подтвержденіе этого правила.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича 1484 г. (2). Освобожденіе крестьянъ вотчинника въ купленной и приданой вотчинахъ — отъ пошлинъ и повинностей, кромѣ церковныхъ пошлинъ, также отъ суда, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ личнымъ. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; присудъ по поламъ. Замѣчательно подтвержденіе: сказано: «наиѣстникомъ Вологодскимъ и ихъ тиуномъ о судѣ сее у него грамоты рушити не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити о судѣ по тому» и пр.

Передавались пошлины, напримѣръ *пятно*; дѣло нисколько не измѣнялось; крестьянинъ платилъ точно такъ же и тоже. Это ужъ дѣлалось у государства промежь себя. — Само собою разумѣется, не разрывалась община. Русская земля представляетъ цѣлую общину, надъ которой государственная власть дробится, совокупляется, передается и дѣлится межъ собою главную свою выгоду — финансовыя отношенія, а община постоянно цѣльна и таже.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Гридь Степанову 1484 г. (3). Грамота весьма замѣчательная. Кого къ себѣ вотчинникъ перезоветъ людей въ деревню и на пустоши, изъ другихъ княженій, или кого окупивъ посадить, тѣ люди пришлые и окупленные освобождаются на урочное время отъ княжой дани. «А къ старость имъ Шубачскому съ тѣ

(1) Ак. Истор. т. I, № 88.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 111.

(3) Ак. Арх. Эк. т. I, стран. 477.

слыми людьми не тлнуты, ни съ какіе проторы, ни съ разме ты, никаки дѣлы.» Это очень замѣчательно; и такъ, здѣсь освобождаются отъ обязанности (къ) окружающей общинѣ. Это можетъ быть должно подразумѣвать и при другихъ грамотахъ. Стараго не волостель. Впрочемъ, здѣсь очевидно — выгоды фпнасовыя; въ дѣлахъ общины, въ пзбраніяхъ вѣроятно всѣ участвовали, и община не раздѣлялась. «А волостели мои Шубачскіи и ихъ тиуни, Гриди, и его людей и его дѣтей не судятъ ни съ чемъ» и пр. Также очень замѣчательно, что здѣсь названъ и самъ Грдя и его дѣти. Въ другихъ грамотахъ этого нѣтъ. — Въ нихъ, какъ видно, не считалось нужнымъ упоминать объ этомъ; это подразумѣвалось и выражалось словами, что судятъ князь или его боярпнъ. — Впрочемъ, и здѣсь объ этомъ говорится; упомянуты и люди («а кому будетъ каково дѣло до Гриди и до его дѣтей, или до его людей, ипо ихъ сужу язъ самъ князь Мпхайло»); слѣдовательно, это нѣсколько противорѣчитъ нашему предположенію. — Судъ предоставляется вотчиннику, кромѣ душегубства.

Грамота В. К. Іоанна Іоанновича Галицкимъ намѣстникамъ и Соли-Галицкой волостелю и вотчинникамъ 1485 г. (1). Грамота эта любопытна своимъ обращеніемъ: «къ намѣстникомъ и къ Соли къ Галицкой къ волостелю и всѣмъ пошлинникомъ.» Это прямо указываетъ на пошлинное финансовое значеніе суда. Употребленіе (*грамоты*) также: «онъ собѣ держитъ иныхъ дѣлъ пошлинниковъ моихъ,» указываетъ на то же значеніе.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Еввиміеву монастырю 1485 г. (2). Замѣчательно, что между разными угодыми упоминаются два селища: селище Благовѣщеское и селище Бережець. Кажется, селище было мѣсто села или пустое село.

Жалованная грамота Углицкаго князя Андрея Васильевича 1486 г. (3) Кто въ монастырскомъ дворѣ на Угличѣ на посадѣ учнутъ жити дворники, освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ полчнымъ; вѣдаетъ и судитъ Прилуцкой

(1) Ак. Истор. т. 1, № 95.

(2) Ак. Истор. т. 1, № 96.

(3) Ак. Арх. Эк. т. 1, № 119.

посельской. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; присудъ по полагъ.

Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича Ивашку Глядищеу 1487 г. (1) Освобождаются люди, кто у него иметь жити людей, отъ дани, пошлннъ и повинностей; также отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Въ грамотѣ есть разныя подробности. Замѣчательно: «*биль челоуж мойей Великой Княжии Софьи и съ своею вотчиною*» за отчину, о вотчинѣ, вмѣстѣ съ вотчиною? или отнести къ пожиловаль?—«*Сужу (его) язъ самъ князь Великій, или моей Великія Княжии бояринъ введеной.*»

Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, 1488 г. (2). Тѣ, кто учнутъ въ селѣ и въ деревняхъ жить, и тѣхъ ихъ людей къ дворскому, ни къ сотикуму, съ черными людьми не тянутъ ни въ какіе протори, ни въ розметы. Также освобождаются отъ суда, кромѣ одного душегубства.—Пятно свое (для копей монастырскихъ людей).

Уставная Бѣлозерская грамота 1488 г. (3) Очепь замѣчательна. Выраженіе: «а городскимъ людемъ Бѣлозерскимъ посажаномъ» (посадскимъ?). «А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тиуномъ безъ сотиковъ и безъ добрыхъ людей, не судити судъ.» Люди подчиненные, въ случаѣ обиды отъ начальниковъ, сами могли намечивать на ихъ сроки.

Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича 1488 г. (4) Кто въ селѣхъ и деревняхъ (монастыря) учнетъ жити крестьямъ ихъ и людей, освобождаются отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; *истцево допривязтъ на виноватомъ.*

Устройство пошлннъ было и въ духовномъ вѣдомствѣ, и было освобожденіе отъ пошлннъ въ самомъ вѣдомствѣ.

Грамота Звенигородскаго князя Андрея Васильевича Сторожевскаго монастыря игумену Діонисію 1490 г. (5) Грамота

(1) Ак. Арх. Эк. т. 1, № 120.

(2) Ак. Арх. Эк. т. 1, № 122.

(3) Ак. Арх. Эк. т. 1, № 123.

(4) Ак. Арх. Эк. т. 1, № 124.

(5) Ак. Истор. т. 1, № 100.

чрезвычайно важная. Она уравниваетъ подать и повинности села, освобожденнаго отъ княжескихъ даней. Кажется очевидно здѣсь рѣчь идетъ о платѣ монастырю. Село освобождается отъ податей князю, подати переходятъ въ руки вотчинника, здѣсь — монастыря. Грамота устанавливаетъ эти подати. Чрезвычайно важно: 1) указывается на финансовое отношеніе, 2) на опредѣленность этихъ отношеній. Эта грамота есть нѣкоторымъ образомъ уставная, показывающая, что не дѣйствовалъ произволъ вотчинника, здѣсь — монастыря. Опредѣленность эта конечно существовала и вездѣ, но грамоты дѣлались не нужными или по силѣ обычая, или потому, что не было какихъ-нибудь особенныхъ установленій отношеній, какъ можетъ быть здѣсь.

«А келарю вели судити, а присудь ему.» Ясно указываетъ это на финансовое отношеніе. Вѣроятно, всякой келарь судилъ; но въ судѣ лицо не много значило; сверхъ того конечно вниманіе обращалось на личное достоинство судьи, а потому выборнымъ отъ народа судъ (1) ограничивался свободно.

«А сю грамоту держи въ казнь, впрокъ инымъ дьяла и шумновъ.» Важное и ясное указаніе на значеніе этой грамоты, какъ уставной. — Грамоту надо знать. — Надо посмотрѣть, нѣтъ ли еще такихъ грамотъ.

Замѣчательно постоянное опредѣленіе крестьянской пашни.

Жалованная грамота Волоцкого князя Бориса Васильевича 1493 г. (2) Отдается монастырю деревня въ оброкъ.

Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1494 г. (3). Кто живутъ въ селахъ и деревняхъ (монастырскихъ), освобождаются отъ пошлявъ и повинностей, кромѣ одного монастырскаго яму; также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. *«А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тѣици шуменова приказника, ни моимъ судомъ Великого князя, ни боярскимъ судомъ, не судятъ ихъ людей.»* — Пятно свое.

Жалованная грамота Волоцкой княгини Іуліаны Михайлов-

(1) То есть: произволъ суда. Изд.

(2) Ак. Арх. Дк. т. I № 129.

(3) Ак. Арх. Дк. т. I, № 131.

ны, *Ирпикъ Баламутовой и сыну ея Васюку* 1495 г. (1) Кто имѣтъ жити людей (въ ихъ деревнѣ Матвѣевской) освобождаются отъ пошляинъ и повинностей; также отъ суда, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ полничнымъ. О судѣ смѣсноу, какъ обыкновенно; присудъ по полямъ.

Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича Спасо-Евсѣиміеву монастырю 1495 г. (2) Замѣчательно, что здѣсь князь беретъ пожни и пашенную землю монастырскую и даетъ «къ деревьсю бортику Гридькп.» — Князь даетъ вѣсто этого другія.

Судебникъ Великаго князя Иоанна Васильевича 1497 г. (3) Кажется, пошляина таже, какъ и въ монастырскихъ уставныхъ грамотахъ, т. е. съ рубля два алтына и пр.—надо справиться. — Правая грамота могла быть у холопа и у робы. — Слова: государь—господинъ.—Грамота битая. На битаго?—

Холопъ и роба могли имѣтъ на государя правую грамоту.

Замѣчательно: *на государя*. Значеніе этого слова и выраженія. — *Пожемной государь*.

«А безъ дворского и безъ старосты и безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.»

Земля хотѣла предоставить себѣ чисто нравственное внутреннее вліяніе, зная само по себѣ вѣншее значеніе суда, значеніе вѣншей правды и соблазнъ суда.

Характеръ наследственности виденъ, и домашняго даже разпорядка; потому что судъ не измѣнялся, все равно. Бояре и боярскіе дѣти. Недѣльщикъ и племянники и люди.—Между собою домашнимъ образомъ могли распорядиться судомъ, ибо судъ не измѣнялся.

Кормленіе съ судомъ боярскимъ и безъ боярскаго суда. Но главное дѣло кажется кормленіе.

Приставъ могъ быть посланъ на намѣстника, волостеля, боярина и проч.

Юрьевъ день.—Плата за пожилой дворъ, за годъ, четверть и т. д.—Изъ этого однако видно, что крестьянинъ могъ жить и по долгу на одномъ мѣстѣ, не переходя.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 132.

(2) Ак. Истор. т. I, № 102.

(3) Ак. Истор. т. I, № 103.

Для всѣхъ по вопросу о владѣннн одинакой судъ. Срокъ владѣннн для суда три года. Для Великаго Князя шесть лѣтъ.

О холопствѣ замѣчательно, и не ясно.

Таможенная Бѣлозерская грамота 1497 г. (1) Тамга и пятно коневое отдаются на откупъ; подобно тому былъ и откупной судъ, и съ этой же финансовой стороны давался онъ въ вотчинахъ. Это предполагаетъ превосходное устройство суда, если онъ могъ собственно приносить выгоды съ финансовой стороны, и оставался все тѣмъ же при перемѣнѣ лицъ.

Кажется, что городской человекъ потому самому (*что онъ городской*) уже могъ торговать.

Кажется, что городъ состоялъ изъ горожанъ и посажанъ.

Жалованная грамота Царя Магмедъ-Аминя Троицко-Песочному монастырю 1498 г. (2) Очень интересна. Вотъ Татарскій Царь вступаетъ въ управленіе, и отношенія все тѣ же, тѣ же пошлины, и памѣстники и пр. И такъ, перемѣна лицъ ничего не перемѣняла и не взмѣняла. Это очень важно. Царь даетъ лѣсъ монастырю. Кого перезовутъ жить на тотъ лѣсъ, тѣ освобождаются отъ царской дани, отъ всякихъ пошлинъ и повинностей; а отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Окончаніе грамоты такое, какъ и у князей и у Царей; «А кто ся ослушаетъ сее моеи грамоты, быти ему отъ Магмедъ-Аминя Царя въ казни и въ продажь.»

Жалованная грамота Волоцкаго князя Иоанна Борисовича Симоновскому монастырю 1498 г. (3) Кто станеть жить въ селахъ и деревняхъ монастырскихъ, тѣ освобождаются отъ дани, пошлинъ и повинностей; замѣчательно: «*окромъ посадничии половини.*» Также отъ суда, кромѣ одного душегубства. Въ случаѣ разбоя и татьбы съ полничнымъ, между монастырскими людьми, судить архимандритъ или его приказникъ и докладываетъ князю или его боярина введеннаго. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.—За дань и за всѣ пошлины даютъ князю, оброкомъ, ежегодно въ казну восемь рублей.—Грамота замѣчательна. Она вѣсколько похожа на откупную.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 134.

(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 135.

(3) Ак. Ист. т. I, № 106.

Жалованная грамота Волоцкого князя Федора Борисовича Симоновскому монастырю 1499 г. (1) Изчисленіе пожалованныхъ владѣній замѣчательно; замѣчательно также: «*да и люди... что были за Давыдомъ, за діакономъ;*» также: «*пожаловалъ есми ихъ селищомъ Онкудовымъ, какъ было за Давыдомъ за діакономъ.*» Даются разныя права и преимущества. Старожильцы и кого перезовутъ изъ пныхъ княженій, освобождаются отъ пошлывъ и повинностей. Судъ монастырской, кромѣ душегубства и разбоя. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.—Кто принять изъ зарубежья въ волость, не являетъ волостелямъ; при замуштвѣ и жештьбѣ за рубежъ, также не являютъ волостелямъ.—Грамота замѣчательна особенностью изложенія и выраженія.

Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича Костромскому Намѣстнику боярину Судимонту, и послушная его же Владимірцамъ, около 1499 г. (2). Придается ему другая половина Костромы, съ правдою. Очевидно не часть суда или возможность власти припималась въ расчетъ, а финансовое значеніе, доходы; первое не могло быть, властолюбію не было мѣста. Здѣсь прямо указывается на доходъ, ибо билъ челомъ Яковъ Захарьичъ, что сытымъ быть обоимъ на Костромѣ не съ чего. Яковъ Захарьичъ получилъ городъ Владиміръ.

Послушная грамота такая же, какъ и вотчинниковъ и помѣщиковъ.

Жалованная грамота Волоцкого князя Федора Борисовича Юсифову Волоколамскому монастырю 1500 г. (3) Грамота замѣчательна своей подробностію и разными особенностями. Князь даетъ свою деревню, «*да къ тому есми придалъ половину слободки Тимошеевской, что нынѣ за Ивашкомъ за Поповичемъ;*» кто тамъ иметъ людей жити, тѣ освобождаются отъ княжой дани, отъ всякихъ пошлывъ и повинностей. Замѣчательно (въ числѣ пошлывъ): «*ни развинское, ни подымное.*» Также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. «*А кому будетъ чего искати на монастырскомъ приказщикъ, ино ихъ сужу язъ князь Федоръ Борисовичъ, или мой бояринъ*

(1) Ак. Истор. т. 1, № 108

(2) Ак. Истор. т. 1, № 110.

(3) Ак. Ар. Эк. т. 1, № 136.

Ист. соч. К. ЛЕВАНОВА.

сведкою. Выраженіе: *ихъ*, можетъ быть относится къ монастырю. Что значить *ихъ*? Не значить ли это, — какъ и въ другихъ мѣстахъ, — что крестьяне могли жаловаться на прикащиковъ и на вотчинниковъ, и что тогда судилъ князь? — Замѣчательно: ловить рыбу *кереводы*. — Въ числѣ особенностей замѣчательно: «*а кто изъ зарубежья придетъ жити въ монастырскія деревни, или кто придетъ изъ зарубежья гостить, а не съ торгомъ, и они волостелю и ихъ тиуну не являютъ.*»

Подтверженія этой грамоты замѣчательны; въ нихъ очевидно государственное устройство монастырскихъ вотчинъ: прикащики и доводчики; выраженіе: «*и пошлины съ судныхъ дѣлъ смлютъ на монастырь:*» — вотъ и выгода вотчины. — Замѣчательно выраженіе: «*монастырскихъ крестьянъ и ихъ подсудниковъ.*»

Жалованная несудимая грамота Болотовскому монастырю 1500 г. (1) — Монастырь избавляется отъ суда Архіепископа, кромѣ духовныхъ вещей, также отъ откупа и пошлинъ духовенству; также освобождается отъ пошлинъ гражданскому начальству. — Здѣсь внутри духовнаго вѣдомства дѣлается тоже самое, что и въ государствѣ; все то, что получалъ монастырь, получаетъ онъ и послѣ этой грамоты, только не даетъ въ дальнѣйшія руки. Положеніе тѣхъ, кто давали пошлины, не перемѣняется. Людей на варницахъ монастырскихъ не судятъ намѣстники и тиуны, кромѣ душегубства, разбоя и татбы съ поличнымъ. Кто *учнетъ жити людей* въ ихъ селахъ и деревняхъ, освобождаются отъ суда (гражданскаго), кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ. О судѣ смѣспомъ, какъ обыкновенно; *а присудомъ дѣлаетъ на помы*. Игумень или ихъ прикащикъ подлежитъ суду Новгородскихъ намѣстниковъ, а не тиуповъ ихъ; далѣе говорится о владычныхъ десятинникахъ и людяхъ, которымъ воспрещается *въѣзжать къ ихъ* (монастырскимъ) *людемъ и къ христіаномъ*. Это, или подобное, въ другихъ грамотахъ, говорится о гражданскихъ чиновникахъ. Есть и другія права о пирахъ и братчявахъ, о попрошатаяхъ. — Грамота замѣчательна.

Жалованная грамота Ростовскаго Архіепископа Тихона Кириллову монастырю 1501 г. (2) Освобождаются игумень, пошъ

(1) Ак. Истор. т. I, № 111.

(2) Ак. Ар. Дк. т. I, № 137.

и дьякоу у монастырской церкви, отъ дани и пошлннъ.—Отво-
щеніе игумена монастыря прямо къ Архіепископу.—Эта грамота
также доказываетъ государственное устройство вотчинъ, и по-
всюду одно и то же.

Грамота Перевитскаго князя Феодора Васильевича 1502 г. (1).
Князь беретъ себѣ деревню у монастыря на всю свою жизнь и
платитъ по полтинѣ на годъ.

*Жалованная грамота Волоцкаго князя Феодора Борисовича
Игнатію Кожухову 1505 г. (2).*

*Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Спасо-Евви-
міеву монастырю 1506 г. (3).*

Помѣстная запись Григорья Фекина съ братьями 1510 г. (4).
Монастырь даетъ помѣстье, котораго обѣщаются они не осваи-
вать, ни окняживать, ни продать.

*Память Григорію Загрязскому (дѣло о Князѣ Василіѣ Ива-
новичѣ Шемякинѣ 1517—1523) (5).* Человѣкъ радный разнится
отъ молодаго.

*Жалованная несудимая грамота Чухломскому Покровскому
монастырю 1518 г. (6).*

Грамота посельскому Бобкову 1519 г. (7). Замѣчательно, что
посельскому поручается отвести спорную землю монастырю.

*Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Суздальско-
му Покровскому монастырю 1526 г. Монастырь женскій (8).*

*Грамота В. К. Василья Іоанновича Феодору Ромоданову
1533 г. (9).*

Грамота очень замѣчательна; она представляетъ примѣръ уда-
ленія съ земли крестьянина, неисполняющаго условія. И такъ,

(1) Ак. Истор. т. I, № 113.

(2) Тамъ же, № 115.

(3) Тамъ же, № 116.

(4) Тамъ же, № 118.

(5) Тамъ же, № 124. стр. 183.

(6) Тамъ же, № 125.

(7) Тамъ же, № 126.

(8) Тамъ же № 131. Авторъ, повидимому, хотѣлъ обратить вниманіе на то обсто-
тельство, что женскому монастырю даются такіе же права, какъ и мужскому: «
судаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей (кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ)
игумена Ульяна съ сестрами, сама во всемъ, или кому прикажутъ. Пр. изд.

(9) Тамъ же, № 134.

вотчинникъ имѣлъ право удалить крестьянина, какъ скоро былъ правъ. Но не безъ суда. Въ грамотѣ упоминается именно судъ, и потомъ, хотя крестьянинъ былъ обвиненъ, ему дается срокъ *возитъся вонъ* мѣсяць, а не вывозится (*вонъ* ужъ не повторяется) въ теченіи срока, тогда уже *выметываютъ вонъ*.

Уставная грамота крестьянамъ села Высоцкаго 1536 г. (1). Очень замѣчательна. Эта уставная грамота не содержитъ въ себѣ никакихъ привилегій; это означеніе пошлинъ судныхъ и другихъ. Въ началѣ грамоты обыкновенное: *пожаловалъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что такое устройство и опредѣленіе пошлинъ (даже одинаковое) было и всюду. Ошибочно было бы предположить, что у другихъ крестьянъ порядокъ былъ не тотъ; точно то же можно сказать и объ устройствѣ крестьянъ вотчинныхъ. Встрѣчающіяся уставныя вотчинныя грамоты не должны считаться за исключеніе, и предположеніе, что у другихъ крестьянъ того не было, совершенно ошибочно. — Одинъ обычай былъ во всей Россіи. Грамоты, его обнаруживающія (кромѣ льготныхъ), были явленіемъ случайнымъ, по какимъ бы то ни было причинамъ. Очень можетъ быть, что это была своего рода пошлина. Съ грамоты взято два рубля. Съ грамотъ льготныхъ иногда не берется, и объ этомъ часто въ нихъ говорится. — И такъ, эта грамота можетъ служить важнымъ указаніемъ, что частное означеніе устройства нисколько не показываетъ, что устройство было частное, а напротивъ (какъ скоро нѣтъ льготъ) указываетъ, что и вообще было такъ; это, впрочемъ, доказывается и другими свидѣтельствами, между прочимъ губными грамотами.

Грамоту надобно изучить между прочимъ: волостель не переѣзжаетъ до году своихъ чиновниковъ. Постоянно встрѣчающееся употребленіе *убитый* на полѣ, въ смыслѣ *побѣжденный*, и какимъ образомъ встрѣчается, — доказываетъ, что на полѣ напротивъ *убитыхъ* не было, а были *побѣжденные*.

Грамота В. К. Иоанни Васильевича въ станы и волости Переславскаго уѣзда 1537 г. (2).

О томъ, чтобъ не торговали при монастырѣ. Очень замѣчательно, что здѣсь просятъ избавить отъ торга, что это невыгодно для крестьянъ.

(1) Тамъ же, № 137.

(2) Тамъ же, № 138.

Жалованная несудимая грамота Корьльскому Николаевскому монастырю 1542 г. (1).

Можно, кажется, предположить, что были вотчинныя грамоты и безъ суда, и безъ иныхъ преимуществъ; впрочемъ можетъ быть были, въ особенности относительно преимуществъ, и нарушенія. Замѣчательно, что въ подтвержденіи Царя Іоанна IV сказано: «*опричь душегубства и татьбы съ полными*», а разбойныя дѣла предоставлены губнымъ старостамъ.

Жалованная грамота Новгородскаго архіепископа Феодосія Георгиевской церкви въ Юсковичахъ 1543 г. (2).

Эта грамота дана по просьбѣ крестьянъ; вмѣсто всѣхъ пошлинъ, священникъ ихъ съ причтомъ долженъ давать урокомъ за все про все извѣстную плату. Также даются имъ же и некоторые другія льготы, можетъ быть сопряженныя съ этимъ. — Замѣчательно, что здѣсь просятъ крестьяне, и грамота и жалованье («*и изъ ихъ пожаловалъ*») относятся къ нимъ. Въ подтвержденіяхъ жалованье относится и къ ихъ священнику и къ причту. Замѣчательно въ окончаніи одного подтвержденія: «*а впредь про пусто сыскати.*»

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Корьльскому Николаевскому монастырю 1545 г. (3).

Позволяется завести соляныя варницы, и кто тамъ станетъ жить, тѣ освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства и татьбы съ полными. Грамота похожая на другія подобныя финансовыя грамоты. — Замѣчательна особенность выраженія о судѣ смѣсномъ: «*тутю жъ въ судѣ сидятъ*». Въ судѣ сидеть, конечно, значило судить. По истеченіи урочныхъ лѣтъ, даютъ извѣстную плату на годъ, до описи писцовъ. Важно, что для соляныхъ варницъ занимаетъ монастырь землю, не ему принадлежащую, и конечно эта земля становится уже монастырскою; очень важно, что даже вопроса о непринадлежности нѣтъ, а сказано: что нѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ ни пашень, ни покосовъ, ни угодій, ни урожаевъ ничьихъ никакихъ. — И такъ, трудъ, употребленіе, вотъ право на землю, земля бывала занимаема, но не дѣлалась и не была собственностью. — Пустошь можно было имѣть, съ цѣлю ея обрабо-

(1) Тамъ же, № 141.

(2) Тамъ же, № 142.

(3) Тамъ же, № 144.

тать или пользоваться ею, какъ будущее поприще труда, или выгоду поземельныхъ. И монастырь могъ долго медлить устройствомъ варницъ, но ради этого устройства занималъ онъ землю. Просто же имѣть землю какъ *собственность* было нельзя. Понятія земли, какъ собственности, не существовало.

Грамота Суздальскимъ городовымъ прикащикамъ и дамыцкы 1547 г. (1).

Жалованная несудимая грамота Вассіановой Строкинской пустынь 1547 г. (2).

Позволеніе рубить лѣсъ, ставить дворы, называть людей, пахать пашню. Кажется, и здѣсь надо разумѣть не монастырскую землю, а просто пустую. Позволяется перебивать, только не писменныхъ и не тяглыхъ. Избавляются отъ суда и пр., кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ. Замѣчательна особенность выраженія о судѣ смѣсномъ: «*своихъ людей въ судъ берутъ.*» Право пятна монастырское, промежъ монастырскихъ крестьянъ. Вѣроятно это было и вообще въ вотчинныхъ имѣніяхъ. *Новожонкой убрूसъ*: въ пѣсняхъ невѣста поетъ объ убрूसѣ.

Грамота Суздальскимъ городовымъ прикащикамъ Печая Тумскому и Андрею Перешевникову 1547 г. (3). Монастырская свобода на посадѣ стала на ихъ землѣ *селецкой*.—Выраженіе: «*съ городцкими съ черными людьми.*»

Жалованная несудимая грамота попамъ и церковнымъ причтамъ въ царскихъ селахъ 1547 г. (4).

Избавляются отъ суда *посельскаго*, отъ суда, кромѣ духовнаго, самого митрополита, и пошлины митрополитскихъ, за которыя за всѣ пошлины даютъ ежегодно извѣстную плату съ выти; попы вѣдаютъ причты.—Судить ихъ всѣхъ Царь или его дворецкой.—Любопытна какъ примѣненіе привилегій (отчасти) суда и пошлинъ.

Жалованная грамота Новгородскаго архіепископа Феодосія Покровской церкви въ селѣ Вьюршинъ 1549 (5).

Грамота льготная, похожая на ту, въ которой жалуются крестьяне (см. выше грамоту Георгіевской церкви въ Юсковичахъ).

(1) Тамъ же, № 145.

(2) Тамъ же, № 147.

(3) Тамъ же, № 148.

(4) Тамъ же, № 149.

(5) Тамъ же, № 150.

Здѣсь же, вмѣсто крестьянъ, жалуются дѣти боярскіе, помѣщичи. Грамота довольно любопытна.

Судебникъ Иоанна IV, 1550 г. (1). Замѣчательно самое начало: *Судъ Царя*. Оно напоминаетъ въ Новгородѣ и Псковѣ и въ другихъ областяхъ: *судъ княжой*. Этимъ показывается, что у Государя — былъ свой судъ, ему собственно принадлежащій, какъ будто отдѣлъ суда. Выдается финансовое значеніе.

Можно было жаловаться на намѣстниковъ, волостелей и пр. — Холопъ и роба могли имѣть правыя грамоты, на государя, господина, и отпускныя.

Русская Правда, Судебникъ Иоанна III, Судебникъ Иоанна IV, былъ — устройство, кажется, собственно Государева суда, и поэтому здѣсь совѣщался Государь съ своими совѣтниками, не совѣтуясь съ Землею. При Алексѣѣ же Михайловичѣ, когда *Уложеніе* было задумано шпире, собрана была на совѣтъ вся Земля. Впрочемъ, если устройство судное было и общее, не только Государево, то переходъ отъ вѣча къ Земской Думѣ совершился не вдругъ и поэтому не сейчасъ созывается Земская Дума; голосъ Земли слышался на основаніи земскаго устройства, при которомъ онъ раздавался безпрестанно, при всякомъ случаѣ. Впрочемъ очевидно, что если и не говорится объ устройствѣ земскомъ, то оно было, и по этому самому не находило себѣ формальнаго гдѣ-нибудь выраженія. — Правительство все еще было отдѣльная государственная власть, какъ и слѣдуетъ, но конечно дружественная.

Съ одной стороны государственный чрезвычайный расчетъ, преимущественно финансовый, и даже формальность; съ другой, въ жизни народа, частной и общественной, совершенное отсутствіе расчета, въ особенности финансоваго, и всякой формальности. Правда внѣшняя и правда внутренняя.

Потомъ, кажется, идетъ *боярской судъ*. — «А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ судити, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ.» — Грамоты этого суда пишутъ земскіе дьяки. — «А безъ старосты и безъ цѣловальниковъ суда не судити.» — Староста и цѣловальники имѣли большое значеніе.

Можно было требовать къ суду пристава, намѣстника, боярина и пр.

(1) Ак. Истор. т. I, стр. 219.

Значеніе удѣльныхъ князей. Они переходили на степень обыкновенныхъ вотчинниковъ; впрочемъ, въ сущности тутъ нѣтъ разницы, ибо устройство государственное.

Дополнительные указы къ Судебнику.

Въ обыскѣ спрашиваются всѣ, и рядомъ поставлены и князья и дѣти боярскіе и духовные крестьяне (1).

И земля бы изъ службы не выходила (2).

Статья изъ Соборнаго Уложенія о святительскомъ судѣ 1551 г. (3).

Очень замѣчательна; отсюда видно, что въ духовномъ судѣ постоянно присутствовала Земля (4). Участіе Земли выступаетъ здѣсь еще сильнѣе. — Про крестьянъ монастырскихъ сказано, что ихъ *судятъ* сами архимандриты и игумены и управу имъ по суду *чинятъ*. Болѣе не сказано ничего; а между тѣмъ мы знаемъ, что были уставныя грамоты. — Слово: *судъ*, уже въ самомъ себѣ заключало понятіе опредѣленнаго законнаго, а не произвольнаго дѣйствія, понятіе юридическое.

Царская жалованная грамота тремъ придворнымъ дякамъ пльчимъ 1551 г. (5).

Замѣчательно, что здѣсь жалуется «давымъ приставствомъ» нѣкоторыхъ монастырей, за Государево казенное жалованье.

Видно, что крестьяне могли искать на князьяхъ. Замѣчательно, что встрѣчается часто: князья и дѣти боярскіе. («Чего будетъ искати Троецкимъ Сергѣева монастыря... крестьянамъ... на князьхъ и на дѣтехъ на боярскихъ»).

Опись Корѣвскаго Николаевскаго монастыря 1551 г. (6). Опись любопытна; въ числѣ другихъ грамотъ, названа: «*грамота архіепископа Поугородскаго уставная.*»

(1) Ак. Истор. т. 1, стр. 254.

(2) Тамъ же, стр. 270.

(3) Тамъ же, стр. 279—280.

(4) Для подтвержденія словъ автора укажемъ на одно мѣсто изъ многихъ: «а по ряднымъ грамотамъ и по духовнымъ... и въ боѣхъ и въ грабежѣхъ и въ прочихъ во всякихъ дѣлѣхъ, окрѣ духовныхъ дѣлъ, поповъ и діаконовъ и всѣхъ причетниковъ... повелѣваютъ святители боярамъ своимъ судити, а у бояръ въ судѣ сидѣти... градскимъ старостамъ и цѣловальникомъ, да земскому діаку.» Въ другомъ случаѣ—земскимъ старостамъ, и пр. (стр. 275). *Прим. изд.*

(5) Тамъ же, № 157.

(6) Тамъ же, № 158.

Данная грамота Казанскому архіепископу Гурію 1555 г. (1). Грамота замѣчательна. Дана по указу царскому всѣмъ воеводамъ, конечно въ Казанскомъ Государствѣ.

Замѣчательны выраженія: дано «земли на пашню на двѣ тысячи четвертей.» Потомъ идутъ собственные имена и села по названіямъ. Потомъ даются рыбныя ловли и проч.—«*Да архіепископу жъ дали слободу.... на сто дворовъ крестьянскихъ.... Да ему жъ дано мѣсто на посадь.... на его дворовые люди*», т. е. живущіе въ дворахъ, дворники.

Тарханская грамота Кирило-Бѣлозерскому монастырю 1556 г. (2). Грамота замѣчательна. Изъ нея, кажется, видно (что видно и изъ другихъ грамотъ), что продавали крестьяне свои участки и полосы. — Изъ нея видно, что волостные крестьяне свободно мѣнялись своими землями и деревнями. — Изъ нея видно, что были *городовые* цѣловальники. Изъ нея видно, что были въ духовныхъ мѣнiachъ цѣловальники. Видно вообще, что было сильное земское устройство. Видно, что умѣли грамотъ крестьяне; впрочемъ, священники иногда прикладывали руки за нихъ, или сами по себѣ, и крестьянамъ не было лютой нужды всѣмъ подписываться.

Уставная грамота Переяславскаго уѣзда, царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ, 1556 г. (3).

Грамота чрезвычайно замѣчательна.—Это, если угодно, откупная грамота, ибо «*за ключничъ и за поселничъ и за ихъ пошлинныхъ людей присудъ и за всь пошлыны*» даютъ крестьяне пзвѣстную сумму денегъ. — Значеніе финансовое суда, значеніе определенное, выступаетъ здѣсь ясно.—Очевидно, что лицо мало имѣло вліянія, произвола не было; сверхъ того, какъ уже мы сказали, нравственное значеніе суда спасалось участіемъ, присутствіемъ народа. Замѣчательно, что тутъ же прибавлено, конечно, не новое, а обычное: «*а сбирати имъ тотъ оброкъ самимъ, по пашнямъ и по животомъ и по промысламъ.*» Ясное указаніе, какъ и на какомъ основаніи платились подати.

«*А крестьяномъ отказыватися изъ города въ волость и изъ волости въ городъ, на единъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева*

(1) Тамъ же, № 162.

(2) Тамъ же, № 163.

(3) Тамъ же, № 165.

днѣ осеннего и недѣля по Юрьеву днѣ осеннему; а дворы по жимыя платятъ....» и проч. Чрезвычайно важное свидѣтельство.

«А въ судѣ и у записки у всякихъ дѣлъ, у зубныхъ старостъ и у излюбленныхъ судей, сидѣти волостнымъ лутчимъ крестьяномъ, а судные и обыскные списки и всякіе дѣла зубнымъ старостамъ и излюбленнымъ судьямъ и лутчимъ крестьяномъ велѣти писати діаконъ земскимъ, передъ собою,» и пр. Также очень замѣчательно.

Вотчинникъ, имѣніе котораго освобождалось отъ намѣстничьяго суда, не платилъ однако же за присудъ: въ этомъ было его награжденіе; онъ самъ долженъ былъ брать этотъ присудъ, какъ скоро онъ судилъ. Другой выгоды для него не было. — Между тѣмъ крестьяне, судившіеся сами, платили за присудъ казнѣ; въ этомъ для нихъ могла быть выгода собственнаго суда, все же изъятаго отъ разныхъ личныхъ случайностей суда намѣстничьяго. То, что для помѣщика важны были пошлины суда, показываетъ опять, что отношенія его къ крестьянамъ были не произвольны. что судъ былъ государственный, опредѣленный. — Кажется, были вотчинныя грамоты безъ суда; это доказываетъ еще болѣе то же. — Судъ — особая привилегія, государственное опредѣленное, а не личное произвольное право, и статья опредѣленныхъ доходовъ. — Выраженіе, кажется встрѣчающееся въ другихъ свидѣтельствахъ: *съ данью и съ судомъ*.

Царская грамота во Владимірѣ, выборному старостѣ Аримакову, 1558 г. (1).

Грамота замѣчательная; изъ ея смысла можно заключить, что здѣсь въ области не было намѣстниковъ, а были выборные старосты: заключеніе это, кажется, вѣрно. — Въ такомъ случаѣ, это еще болѣе увеличиваетъ важность грамоты: 1) видно, что устройство выборныхъ старостъ, вѣроятно, такое же, какъ и въ предъидущей грамотѣ, было и въ другихъ мѣстахъ; 2) видно, что монастырскія деревни могли подлежать выборному старостѣ, слѣдовательно входить въ округъ общины. Здѣсь особая льгота, отъ того изъбавляющая.

Послушная грамота села Малаго Городища крестьянамъ, пожалованнымъ Спасо-Евѣиміеву монастырю, 1562 г. (2).

(1) Тамъ же, № 166.

(2) Тамъ же, № 167.

Грамота замѣчательна. Говорится, чтобы всѣ *«крестьяне... Архимандрита Аврамя съ братьею слушали, пашню на нихъ катали и оброкъ имъ платили, чѣмъ васъ изоброчатъ, до тѣхъ мѣстъ, доколъ за ними то село и деревни писцы наши или большіе мѣрщики опишутъ и измѣряютъ.»*—Весьма важно. Изъ словъ: *чѣмъ васъ изоброчатъ*, не надо заключать, что оброкъ былъ произвольный. Онъ былъ, конечно, опредѣленный; конечно могъ измѣняться въ частныхъ, но непременно на извѣстномъ основаніи, такъ что произвольность здѣсь не имѣла мѣста. Что это выраженіе не показываетъ произвола, это доказывается уставными монастырскими грамотами.—Сверхъ того, очень важно, что здѣсь сказано: до писцовъ и мѣрщиковъ.—И такъ, отношенія къ крестьянамъ вотчиннымъ опредѣлялись государствомъ. Если это такъ, это важности огромной. — *Доходъ помѣщиковъ, вотчинниковъ*: эти слова, очевидно, надо понимать, какъ доходъ опредѣленный. Вѣроятно послѣ писцовъ такое выраженіе могло быть употреблено.—При неопредѣленности, еще до писцовъ, какъ скоро имѣнье поступало въ чье распоряженіе, могло быть выраженіе: *чѣмъ изоброчатъ*, но, какъ мы сказали, и здѣсь было извѣстное основаніе. Какъ же скоро это выраженіе встрѣчается одно, то надо разумѣть, что подразумѣвается: до писцовъ, и, во всякомъ случаѣ, здѣсь надо понимать опредѣленное отношеніе, по крайней мѣрѣ на извѣстномъ опредѣленномъ основаніи, что выходило почти то же.

Иказная память князьямъ Шуйскому и Оболенскимъ, назначеннымъ на воеводство въ новозавоеванный Полоцкъ, 1563 г. (1)

«Для своего дѣла и земскаго»: встрѣчается вообще очень часто.—Велится судить на основаніи обычаевъ тамошнихъ. Но все-таки Русская система выборовъ и земскихъ дьяковъ, выбранныхъ изъ земскихъ людей, прилагается.

Упоминаются въ Полоцкѣ бурмистры.

Говорится, чтобы оберегать земскихъ и черныхъ людей.

Тамга по обычаямъ, и бани, и всякія пошлины, какъ прежде сего у нихъ было.

Велится записать въ книги все устройство селъ и деревень всякихъ, вѣроятно для устройства отношеній. Упоминается о

(1) Тамъ же, № 169.

пашнѣ боярской и крестьянской. Все велѣно выспросить и записать въ книги. Между тѣмъ, выраженіе: боярская и крестьянская пашня и др., и то, что это записывается въ книги, покрываетъ опредѣленность,—по крайней мѣрѣ, думаемъ, во всяком случаѣ высказываетъ взглядъ Русской на вещи, который могъ здѣсь выступить ярче, ибо страна новозавоеванная. Велѣно сыскивать сель и деревень по книгамъ Полоцкимъ, бывшимъ прежде сего, которыя приказано достать.

Царская грамота въ Вышковскій станъ (о губныхъ цѣловальникахъ), 1565 г. (1).

Старостамъ, цѣловальникамъ, сотскимъ, пятидесятскимъ, десятскимъ и всемъ крестьянамъ. Повашему выбору, велѣно быть цѣловальникамъ. Дать подмогу «на сесь годъ съ сохи и полтинъ, съ дву сохъ по рублю, съ тѣхъ съ дву сохъ, съ которыхъ съ дву сохъ тотъ цѣловальникъ избранъ.» Впередъ така же подмога, покуда набранный будетъ цѣловальникомъ.

Царская грамота въ Суздаля Якову Наумову 1565 г. (2).

Говорится о писцовыхъ книгахъ. Это былъ важнѣйшій документъ и въ политико-экономическомъ и въ судебномъ и въ финансовомъ и во всякомъ отношеніи.

Отчинная грамота дяку Василью Щелкалову, и грамота послушная въ Недоходовъ станъ (помѣстная), 1571 г. (3).

Чрезвычайно точно и опредѣленно различіе между разными возрастами деревни: починокъ, деревня, сельцо, село. — Раздѣляется между двумя имѣнье да домъ; весьма справедливъ раздѣлъ. Слово *боярской* употребляется въ общемъ значеніи: боярской дворъ (а не домъ), боярская пашня. Усадище, кажется, въ смыслѣ усадьбы. Здѣсь заключается смыслъ и сада, ибо говорится выше о боярскомъ садѣ съ прудами.

Послушная грамота говорить всемъ крестьянамъ, чтобъ они помѣщика слушали, пашню на него пахали и оброкъ ему помѣщиковъ платили; конечно, и пашня и оброкъ опредѣлялись правительствомъ; земли въ помѣстьѣ—только средняя (950 четей съ осминою) и худая (230 четей съ осминою), «и обою пашни

(1) Тамъ же, № 175.

(2) Тамъ же, № 177.

(3) Тамъ же, № 180.

среднія и худыя земли 1181 четверть; за добрую землю съ наддачею 930 четей съ осминою» (?). Не уравниеніе ли это? Не значить ли, что эти 1181 четверть земли средней и худой равняются 930 четей съ осминою—земли доброй?

Жалованная грамота Новгородскаго Архіепископа Леониды Николаевскому Особному монастырю, на Кречевъ, 1572 г. (1) Въ числѣ пошлинъ упоминается: *кормъ и даръ*. Здѣсь надобно искать законнаго источника взятокъ.

Послушная грамота Улицкаго уѣзда, села Правдина крестьянамъ, отданнымъ въ отчину въ монастырь, 1572 г. (2) Слушать Архимандрита съ братьею; пашню на нихъ пахать, и оброки, чѣмъ ихъ они изоброчать, платить.

Послушная грамота Архіепископа Леониды крестьянамъ села Усадица, отданнымъ въ помѣстье, 1572 г. (3)

«И вы бѣ... всѣ крестьяне, Шестого Лутохина читили и слушали во всемъ, и пашню на него пахали и оброкъ ему денежной и хлѣбной платили, чѣмъ онъ васъ изоброчить.» Далѣе помѣстье это было отдано Истомѣ Левскому, и потомъ отдано женѣ и дѣтямъ Шестого Лутохина, при чемъ сказано, чтобы «всѣмъ крестьянамъ новыхъ помѣщниковъ... слушати и пашня на нихъ пахати и оброкъ всякой хлѣбной и денежной платити, по старшѣ.»

Помѣстная грамота Новгородскаго Архіепископа Леониды Собійскимъ дѣтямъ боярскимъ Девятому и Ивану Епишковымъ, 1573 г. (4).

Чтобъ «всѣ крестьяне... читили и слушали во всемъ, и пашню на нихъ пахали, и оброкъ имъ всякой хлѣбной и денежной платили, чѣмъ онъ изоброчать, а онъ... въдаютъ и судятъ во всемъ, по сей нашей грамотѣ.»—Заключеніе грамоты почти обыкновенное, часто встрѣчающееся. Замѣчательно выраженіе: «пожаловаль.... полюбжею живущую»—населенною, живую?

Помѣстная грамота Новгородскаго Архіепископа Леониды боярину ево Василю Оомину 1574 г. (5).

(1) Тамъ же, № 181.

(2) Тамъ же, № 182.

(3) Тамъ же, № 183.

(4) Тамъ же, № 185.

(5) Тамъ же, № 190.

Обыкновенная; нѣсколько замѣчательны слѣдующія слова «а дако то помѣстье Василью Григорьевичю на время, до тѣхъ мѣстъ, какъ его Государь Царь и Великій Князь пожалуетъ здѣсь въ великомъ Повѣтородѣ велитъ ему дати помѣстье, а тогда у Василья Григорьевича се помѣстье и грамота жало валная взяти».

Царская грамота Казакскому воеводѣ, князю Булакову 1574 г. (1). Дѣлались злоупотребленія при переходѣ крестьянъ въ томъ, что брали дорого за пожилое. «Емлютъ за дворя по жилому да полувытноту по пяти рублевъ.»

Грамота В. К. Симеона Бекбулатовича Шуйскому городовому прикащику Блудову 1576 г. (2).

Каблуковъ бьетъ челомъ, что его помѣстье, списанное сошнымъ письмомъ съ другими (такими-то) помѣстьями, платитъ ямскія депьги и всякія подати одно за всѣхъ.—И такъ, сошнымъ письмомъ помѣстья списывались вмѣстѣ, и подати платились совокупностью извѣстнаго числа помѣстій.

Послушная грамота В. К. Симеона Бекбулатовича.... разныхъ деревень крестьянамъ, 1576 г. (3) Очень важная. Говорится: «вотчинниковъ доходъ», потомъ говорится, чтобы вотчинникъ вѣдалъ свою вотчину (новую) по старымъ крѣпостямъ, по которымъ вѣдалъ свою старую вотчину.

Посыльная грамота Новгородскаго Архіепископа Александра кравчему Шеткеву 1577 г. (4). Видно значеніе и важность писцовыхъ книгъ.—Берется помѣстье у одного и отдается другому, и чтобъ крестьяне прежняго помѣщика «ни въ чемъ не слушали впередъ, и подъ судъ къ нему не приходили.»

Тарханная грамота Новгородскаго Архіепископа Александра 1577 г. (5). Выраженіе: живущего: «осталось живущего у всѣхъ трехъ престоловъ обезъ съ двадцать и съ пашнями.»—Кормъ опредѣленъ: «чернаго корму дать гривны.»

(1) Тамъ же, № 191.

(2) Тамъ же, № 195.

(3) Ак. Ар. Эксп., т. I, № 290.

(4) Ак. Истор., т. I, № 196.

(5) Тамъ же, № 198.

Царская жалованная грамота Суздальскому Епископу Варлааму 1578 г. (1). Грамота замѣчательна, въ особенности по изчисленію повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ. Замѣчательно выраженіе: «и недѣльщики наши и ихъ племянники.» При сочиненіи не худо грамоту перечестъ. Еще выраженіе: «а пожалую котораяго своего намѣстника, или волостелей.... дамъ имъ свою жалованную грамоту и на грамотчики, о корму, и о судѣ, и о всякихъ пошлинахъ, и о повозѣхъ, а на сю мою грамоту грамотъ нѣтъ.» Еще: «а вышло... въ четыре годы семьдесятъ шесть семей, а запустило шестдесятъ вытей.»

Послушная грамота Новгородскаго Архіепископа Александра крестьянамъ пожалованнымъ въ помѣстье, 1578 г. (2). При хлѣбномъ и денежномъ оброкѣ упоминается «и всякой мелкой доходъ». Выраженіе: «а онъ васъ (крестьянъ) вѣдаетъ и судитъ во всемъ и розправу межъ вами чинитъ.»

Царская грамота въ Каргополь цѣловальникамъ, старостамъ и земскимъ судьямъ, 1578 г. (3). Эта грамота освобождаетъ Александровъ Ошевневъ монастырь отъ податей и повинностей. Грамота начинается такъ: «Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Каргополь на посадъ, даннымъ цѣловальникомъ Ушачку Бѣляеву съ товарищи, да посадскому старостѣ Никифорку Буракову, да околородному старостѣ Оомкѣ Ильину, и земскимъ судьямъ Иванку Намтелеву съ товарищи, и кто по нихъ иные данные цѣловальники и старосты и судьи будутъ.»

Царская грамота въ Пермь Великую 1580 г. (4) Грамота начинается такъ: «отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Пермь Великую, въ Чердынь, старостамъ и цѣловальникомъ и всѣмъ Чердынцомъ, лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ.» Царь не велѣлъ Пермскимъ намѣстникамъ и другимъ своимъ чиновникамъ вмѣшиваться въ дѣла Богословскаго монастыря, кромѣ извѣстныхъ случаевъ, и обращается ко всѣмъ Чердынцамъ, чтобъ они берегли строителя Варлама съ братьею и ихъ крестьянъ отъ Пермскихъ намѣстниковъ и дру-

(1) Тамъ-же, № 200.

(2) Тамъ-же, № 201.

(3) Тамъ-же, № 202.

(4) Тамъ-же, № 207.

гихъ чиновниковъ. Очевидно, здѣсь признается за народомъ, за общиною, законное право и юридическое значеніе относительно Государства.

Царская грамота на Двину къ земскимъ судьямъ 1582 г. (1). Грамота весьма замѣчательная и при сочиненіи должна быть прочтена. Грамота начинается такъ: «отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, на Двину, Чюхченемскіе волости земскимъ судьямъ Карпу Алаокову да приписному земскому Богдану Матвѣеву, да Ухтоостровскіе волости Семену Яковлеву, да Ровдогорскіе волости Семену Демидову, да Великокурскому судью Роману Семенову сыну Антонову.» Уменьшительныхъ нѣтъ, а въ другихъ грамотахъ встрѣчается; кажется, уменьшительнымъ не нужно придавать такой важности. Выходить, что крестьяне строили церкви и монастырь, и деревни къ монастырю подпускали и покупали; «и монастыремъ де и церковною казною и тѣми деревнями владѣли они жъ» (крестьяне).

Царская тарханная грамота Митрополиту Діонисію на слободку Святославлю, 1584 г. (2). Любопытна, какъ показывающая тождество правъ Государя и помѣщика; здѣсь какъ бы является средина.

Царская тарханная грамота Горицкому Воскресенскому двичьему монастырю 1586 г. (3). Дается въ вотчину Государемъ сельцо съ деревнями и съ пустошии, изъ своихъ черныхъ волостей; были ли тутъ владѣющіе крестьяне, или же и это были земли, на которыя крестьяне приходили? (Кажется, такъ.) Да и были ли вообще владѣющіе крестьяне? Были ли вообще владѣльцы, по крайней мѣрѣ собственники земли? Не приходили ли постоянно временно занимать землю, а эта временность могла разширяться на неопредѣленное пространство?

Царская жалованная грамота Царицѣ инокини Александрѣ 1587 г. (4). *Посопное село.* Дано дворцовое село, дворцовое посопное. Дворцовыя посопныя села встрѣчаются.

Дополнительныя статьи къ Судебнику. 1588—1597 г. (5).

(1) Тамъ-же, № 211.

(2) Тамъ-же, № 215.

(3) Тамъ-же, № 217.

(4) Тамъ-же, № 218.

(5) Тамъ-же, стрлш. 420—422.

Бѣгле крестьяне не тѣ ли, которые выбѣжали до срока, до Юрьева дня?—Прочеть при сочиненіи.

Обильная грамота Аркажскому монастырю 1588 г. (1). Упоминаются устроеныя книги, кажется вмѣсто писцовыхъ.

Тарханная грамота Новгородскаго Архіепископа Александра церкви Св. Великомученика Димитрія 1589 г. (2). Замѣчательно, что помѣщики могли, съ своимъ помѣстьемъ, мѣнять приходъ.

Царская жалованная грамота Царицѣ инокинь Александрѣ 1589 г. (3). Освобожденіе отъ всѣхъ податей и повинностей; право суда, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, Царицѣ, черезъ ея приказныхъ людей. Выраженіе (встрѣчающееся, впрочемъ, кажется не рѣдко): «и отъ того де вотчина ея запустѣла, крестьяне разбрелися розно.» Замѣчательно, что Борисъ Годуновъ (подтвердившій сію грамоту), именуется: *всєа Русіи Самодержецъ*, тогда такъ Ѳеодоръ и Василій Шуйскій просто пишутъ себя (въ этой же грамотѣ) *всєа Русіи*.—Жена царевича именуется Царицею.

Отписки Царю Путивльскаго воеводы Григорья Борисова 1589 г. (4). Замѣчательно, что говорится объ атаманѣ съ товарищи: «да Якову жъ, Государь, съ товарищи, по твоей Государевой грамотѣ, мы, холопи твои, мѣста подъ дворы указали, и оны дворовъ не ставятъ, а сказываютъ, что де имъ ставить дворовъ нечьмъ.»

Царская жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю 1591 г. (5). Дается лугъ изъ Конюшеннаго Приказа, изъ доходовъ Годунова. По конюшеннымъ оброчнымъ книгамъ девяносто пятого году былъ тотъ лугъ на оброкъ за крестьяниномъ; оброкъ давался Годунову.

Царскій наказъ Астраханскимъ воеводамъ Князю Сицкому и Пушкину 1591 г. (6). Говорится про книги приходу и расходу

(1) Тамъ-же, № 222.

(2) Тамъ-же, № 224.

(3) Тамъ-же, № 226.

(4) Тамъ-же, № 228.

(5) Тамъ-же, № 229.

(6) Тамъ-же, № 230.

Государевымъ декамъ и хлѣбу.—Упоминаются *Рославскія суна*. Грамота показываетъ большую заботливость.

Тарханная грамота Новгородскаго Митрополита Варлаама причту выставочной Ильинской церкви 1592 г. (1). Замѣтливо: «а кого... вѣнчаетъ въ роду и въ племяни и въ кумовствѣ и въ сватовствѣ, или не по знамени бракомъ»..... (*).

(1) Тамъ-же, № 235.

(*) Здѣсь оканчивается рукопись. На поляхъ ея, въ разныхъ мѣстахъ, находятъ слѣдующія замѣтки автора, которыя по содержанию своему не могли войти въ изданный текстъ статьи, и должны были вѣроятно найти себѣ мѣсто потомъ, въ продолженіи задуманнаго авторомъ сочиненія, или при окончательной обработкѣ всего матеріала.

Пр. изд.

„Губнаго старосту *всѣ* выбирать, безъ различія крѣпостныхъ и не крѣпостныхъ.

„Говорится о старинныхъ крестьянахъ *до* укрѣпленія

„Устройство вотчинныхъ цѣловальниковъ.

„Петръ сдѣлалъ мѣхъ старинными холопами.

„Переходъ былъ и изъ осѣдлыхъ.

„Если привилегіи давались на 5, 10, 15 лѣтъ, то предполагалось, что они не уддутъ въ теченіе года или вообще не такъ скоро.

„Помѣстья и вотчины замѣняли жалованье и на оборотъ.—Увольненіе отъ податей также замѣняло жалованье.

„Крестьянинъ, продавая свой жребій, продавалъ свое отношеніе. Когда же покупали бѣломѣстцы, то выходило столкновеніе ихъ правъ съ правами общины.

„Русь не понимала рабства, . . . къ тому же въ ней нѣтъ ни либерализма ни рабства. Свободная страна. Западъ началъ съ рабства, прошелъ сквозь бунтъ и хвастаетъ холопскою дерзостью либерализма . . .

„Западъ имѣеть опытность грѣха; онъ ужъ узналъ всѣ мерзости и установилъ свои отношенія. Кому же какъ не лѣзъ всѣмъ лисѣмъ (*морки*) знать? Русь не имѣла этой опытности и по неволѣ попала въ рабство.

„Большая разница между грѣхомъ и порокомъ. Въ древней Руси есть грѣхи, но нѣтъ пороковъ.“

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛОЖЕНІЯ И ЗНАЧЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ, КАКЪ У ПОМѢЩИКОВЪ, ТАКЪ И ВООБЩЕ (1).

АКТЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. Ч. I.

1361—1365 г. *Грамота удѣльныхъ князей Тверскому Отрочью монастырю* (стр. 2).

«Тако же и *сиротамъ* кто иметь сѣдѣти на землѣ Святое «Богородици Отрочьа монастыря» и проч.

И такъ вотъ еще въ XIV ст. встрѣчается это слово; но значить ли оно просто крестьянина? можетъ быть здѣсь оно имѣеть и особое значеніе, пбо упоминается послѣ исчисленія духовныхъ, послѣ слугъ монастырскихъ и *вольныхъ людей*. Сиротамъ вычи-

---

(1) Это заглавіе стоитъ на II-мъ отдѣлѣ записной книги автора, носящей заглавіе: Записокъ объ Русской Исторіи, и раздѣленной на два отдѣла. Въ 1-мъ отдѣлѣ помѣщены замѣтки на акты и грамоты, разнообразнаго содержанія; во 2-мъ собраны тѣ, которыя относятся къ положенію крестьянъ въ древней Руси. Разу-меется, строгаго раздѣленія тутъ быть не можетъ, но вѣрнее своему плану: пред-ставить какъ можно цѣльнѣе взглядъ автора на важнѣйшія стороны нашей исторіи внѣшней и внутренней, мы помѣщаемъ здѣсь эти замѣтки, какъ спеціальныя изслѣ-дованія. Замѣтки же I отдѣла записной книги автора отнесены нами къ III-му отдѣлу историч. сочиненій К. С. Аксакова подъ заглавіемъ: Мелкія статьи и раз-ныя замѣтки. *Прим. изд.*

сляютъ вновь данныя льготы, съ прибавленіемъ: «*ни служба ни дѣло княже, ни дворскіи, ни старосты отъ ихъ не займаютъ ни про что.*» Далѣе говорится, кажется, о правахъ вообще. Вѣроятно грамота подъ словомъ *сирота* разумѣетъ людей, отъ князя зависящихъ, и конечно крестьянъ, людей земскихъ.

«А смѣшаются судомъ монастырскіи люди съ волостными людьми, судить монастырскій *тиунъ* съ *посельскимъ* вмѣстѣ съ нашими судьями.»

И такъ здѣсь съ одной стороны судилъ *тиунъ* монастыря; съ другой *тиунъ* *посельской* (власть отъ Земли) и *судьи княжи* (власть отъ Государства). Очевидно, что Государство не исключало Земли, и Земля съ Государствомъ не смѣшивалась.

1363—89 г. *Грамота Троицкому монастырю В. К. Дмитрія Иоанковича* (стр. 3).

«А слугамъ Сергѣевымъ креста не цѣловати, *сироты* ихъ стоять у креста.»

Здѣсь это слово вообще какъ бы относится къ монастырскимъ людямъ, которые потому и называются сиротами; они въ попеченіи монастыря. Но предыдущее показываетъ нѣчто особое. Имѣеть ли смыслъ это слово еще о поселяющихся людяхъ? Во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ титулу *человѣка земскаго*.

1391 г. *Грамота Митрополита Кипріяна Константиновскаго монастырю* (стр. 6—7).

«Что ни били челомъ *сироты монастырскіе*;» далѣе: «*игуменъ сироты держи*», а *сироты* «*игумена слушайте.*»

Здѣсь вообще говорится о людяхъ, можетъ быть, и вѣроятно даже, собственно о крестьянахъ монастырскихъ. Но здѣсь попечительство церкви, кажется, нѣсколько государственное, ставлю людей (земскихъ) въ похожее, кажется, отношеніе, какъ и попечительство самого Государства, хотя слово *сирота* еще болѣе здѣсь прилично. Но (*это*) тѣмъ болѣе показываетъ, что при отношеніи къ Государству этимъ словомъ выражалось понятіе не простой и прямой власти, а попечительства и защиты.

1435 г. *Два договорныя взаимныя грамоты Василья Василь-*

свѣча Темнаго, Дмитрія Шемяки и Дмитрія Краснаго съ Васильемъ Косымъ (стр. 20—23).

«А съ дворомъ челоуѣка тяглоу въ городѣ не купити.»

1437—1461 г. *Жалованная грамота В. К. Тверскаго Бориса Александровича и удѣльныхъ Тверскихъ князей Отрочью монастырю* (стр. 26—27).

Здѣсь встрѣчаемъ любопытное указаніе на крестьянскія работы.

...«Придетъ къ намъ коли изъ Орды посоль силень, а не мочно будетъ его оправадити, ино тогда Архимандритъ съ тѣхъ свиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку Тверскимъ кунани.»

И такъ *половничество*: вотъ что пока видимъ въ древней Руси.

1449 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Марьѣ Колпикой и сыну ея Феодору* (стр. 33).

Освобождаются отъ дани пришлые на земли ихъ крестьяне; старожильцы на пять, инокняженцы на десять лѣтъ. Дается право суда, суда государственнаго, oprичъ душегубства. Самыхъ ихъ судитъ самъ Великій Князь или его боярищъ введенный. Очевидно, что здѣсь землевладѣлецъ имѣлъ относительно крестьянъ государственный характеръ суди, и вовсе не собственникъ ихъ. О правахъ его на нихъ и не говорится. Въ грамотѣ сказано и о судѣ смѣсномъ, и прибавлено: «а прибытками ея дѣлятъ на полы.» И такъ владѣлецъ получалъ обыкновенныя пошлины отъ суда. Это еще болѣе подтверждаетъ его *государственное*, а не *помѣщичье* значеніе.—Съ другой стороны это показываетъ, что онъ не могъ произвольно распоряжаться въ имѣніи.

1450 г. *Жалованная грамота Митрополита Іоны Андрею Лванасьеву* (стр. 34).

Грамота въ томъ же родѣ; лишь вмѣсто Великаго князя — Митрополитъ.

Вмѣсто *люди* и *челоуѣкъ* употреблено видѣ *христианы*, *христианинъ*.

Около 1450 г. *Грамоты Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича и В. К. Василья Васильевича а) Феодору Константино-*

вичу, б) *Бѣлозерскимъ камѣстникамъ, боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и пр.*, в) *Кириллову монастырю* (стр. 35—36).

Употребляется слово *половникъ*, устанавливается или утверждается порядокъ условій и отношеній около Юрьева дня. Но надобно еще разъ обратить вниманіе на грамоты эти.

1453 г. *Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославны Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 39—40).

Замѣчательны въ жалованной грамотѣ (какъ въ этой, такъ и въ другихъ), когда говорится о земляхъ монастырскихъ и о заселеніи ихъ, слѣдующія слова: «или кого откупа посадятъ.» Кого же можно было откупить? Вѣроятно холоповъ, людей, можетъ быть, кабальныхъ, но вѣроятнѣе холоповъ вѣчныхъ, или же плѣнниковъ, т. е. пами взятыхъ въ плѣнъ.

1456 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Кириллову монастырю* (стр. 45—46).

«А тяглыхъ людей имъ моихъ Великаго Князя данскихъ писемныхъ въ то имъ село и въ деревни къ собѣ не приимати.»

И такъ люди Великаго Князя, крестьяне его можетъ быть имѣли тоже право перехода.—Что значить: *данскіе письменные*? Во всякомъ случаѣ вѣроятно здѣсь разумѣются крестьяне.

Около 1460 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 48).

Замѣчательно, что эта грамота велитъ воротить людей, вышедшихъ изъ монастырскихъ сѣлъ въ другія, въ томъ числѣ и Великаго Князя и Великой Княгини (не хотѣвшихъ ѣхать на береговую службу Великаго Князя), и не велитъ находящихся и теперь въ монастырскихъ селахъ выпускать.

В. К. ЮАННЪ III.

1462—1505 г.

1462—1527 г. *Двѣ жалованныя грамоты отъ митрополитовъ Θεодосія и Дакііли и двѣ записи отъ Тютчева и Киселева*, содержанія одинаковаго съ грамотами, ибо въ нихъ вы-

сказываются тѣ же условія, на которыхъ пожалованы грамоты. Запись Киселева говорить о митрополитѣ Зосимѣ (стр. 53—54).

Въ высшей степени замѣчательны! Это пожалованныя грамоты отъ митрополитовъ на пожизненное владѣніе (Тютчеву и крестьянину Мелетію Новикову) съ условіемъ, чтобъ этой земли не *осваивать*, ни продавать и проч., но что эта земля должна потомъ воротиться къ церкви: ибо это земля церковная. Вся замѣчательность, что вторая грамота дана *крестьянину* Новикову и не разнится ни чѣмъ отъ первой, данной Тютчеву; она еще подробнѣе только; въ ней нѣтъ выраженія: «до его живота», но за то говорится (между прочимъ, «ни *осваивати*, ни *окняжити*, ни *обокрити*» и пр.) «ни по душѣ не дать.» Видно, что это было пожизненное владѣніе. «А на селищи и на пустоши и на льсъ людей ему призывати, и деревни ставити, и слободу сбирати, и мотные ему грамоты на урокъ (вѣроятно на назначенное время) давати, посмотри по мѣстамъ, какъ будетъ пригоже.»—И такъ видно, что положеніе крестьянина было совершенно свободное, что онъ пользовался тѣми же правами, какъ и другіе, что владѣніе землею и призываніе крестьянъ не было правомъ исключительнымъ для какого-нибудь сословія, что сословія въ смыслѣ Западномъ не было, и что крестьянинъ могъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи, какъ и другіе, крестьянъ. Самыя условія (совершенно сходныя съ предъидущими) показываютъ, что между нмъ и Тютчевымъ не было разницы относительно-смысла пожалованныхъ грамотъ. Впрочемъ, надо найти еще сильнѣйшее свидѣтельство.

Около 1465 г. *Жалованная грамота Тверскаго В. К. Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 57—58).

Льготы людямъ, которые учнутъ жити во дворѣ, съ полною купленномъ.

Около 1466—1478 г. *Грамота В. К. Иоанна Васильевича Суздальскому и Юрьевскому намѣстникамъ и посельскимъ* (стр. 61).

Любопытна, какъ относящаяся къ положенію крестьянъ того времени. Въ грамотѣ говорится о принужденіи крестьянъ, вышедшихъ прежде Юрьева дня, воротиться и сѣсть на старыя мѣста до Юрьева дня осеняго.

1473—1478 г. *Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославны объ льготахъ митрополичьимъ саркицамъ* (стр. 77—78).

Упоминается: «не надобѣ ни дань, ни ямъ.... ни половниковъ»; также: «Митрополичь христіанинъ» (крестьянинъ, конечно).

1476 г. *Грамота Улицкаго князя Андрея Васильевича Покровскому монастырю* (стр. 79).

«А кого къ себѣ перезовуть жити изъ моей отчины безытныхъ людей, или себѣ откупивъ посадятъ.»

1487 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Ивашку Глядящему* (стр. 89—90).

Замѣчательно, что, Ивашко Глядящій былъ челомъ и съ своею вотчиною. . . т. е. былъ челомъ со своимъ имѣньемъ и всѣмъ имуществомъ, т. е. былъ объ имѣньѣ и всемъ принадлежащемъ имуществомъ. Очевидно, что не всѣ вотчинники имѣли привилегіи. И такъ мысль 1) о безсиліи государства ложна; напротивъ, эти права были жалованье, какое и теперь дается, разныя привилегіи и т. п., а привилегія на право суда—происходила изъ особаго значенія, которое имѣло служилое сословіе, къ которому принадлежали и служилые землевладѣльцы. Тоже (или сходно), что жалованныя грамоты монастырямъ. Потомъ 2) кажущееся безсиліе государства было—его должныя границы, указывающія на значеніе земли, явственно бывшее тогда; и если ужъ угодно видѣть здѣсь безсиліе государства, то это и было хорошо.

Говорится о судѣ смѣсномъ, но не говорится о прибыткѣ.

Нѣкоторыя особенности касательно суда и пошлинъ.

Судъ надъ самимъ Ивашкомъ Глядящимъ или его прикащикомъ — Князя Великого или боярина введенного (какъ и въ другихъ такихъ грамотахъ, кажется, во всѣхъ; здѣсь бояринъ Великой Княгини, которой Ивашко Глядящій былъ челомъ).

1488 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 91).

Замѣчательно, что какъ въ этой грамотѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ (но, кажется, позднѣйшихъ относительно), когда говорится о судѣ смѣсномъ, не говорится о раздѣлѣ прибѣтка или присуда; впрочемъ, можетъ быть это подразумѣвается.

1488 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Кириллову монастырю* (стр. 94—95).

Замѣчательно, что здѣсь говорится: «*крестьянъ ихъ и людей*», «*и ихъ крестьянъ и монастырскихъ людей*». Какъ будто крестьяне и люди отдѣляются другъ отъ друга. Такъ, кажется, не встрѣчалось прежде.

1494 г. *Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 97—98).

«А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тіуни игуменова приказника ни моимъ судомъ, Великого Князя, ни боярскимъ судомъ, не судятъ ихъ людей.» (Т. е. не относясь къ Великому Князю или боярамъ?)

1497 г. *Таможенная Бѣлозерская грамота* (стр. 99—101).

«А имати имъ тамга и церковная пошлина и платно съ Великого Князя селчанъ, и съ Великіе Княгини селчанъ, и съ митрополитичихъ, и съ княжихъ, и со владыччихъ, и съ монастырскихъ, и съ боярскихъ, и съ грамотниковъ, и со всѣхъ безъ оминки, чей бы кто ни былъ.»

Если здѣсь подь словомъ *грамотниковъ* нельзя разумѣть крестьянъ свободныхъ, то вѣроятно они разумѣются подь общимъ выраженіемъ: *всѣхъ*. Слово же *чей* вовсе не значить (по крайней мѣрѣ не значило прежде) непремѣнно принадлежанія, а просто *какой*, или подобное.

В. К. ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ.

1505—1533 г.

1512 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Иоанновича Давыду Сырневу* (стр. 126—127).

Въ этой грамотѣ замѣчательно во 1), что кажется всѣ крестьяне Великаго Князя и другіе подходили подь одинъ общій разрядъ, составляли одно цѣлое—крестьянъ, земскихъ людей, и вѣроятно имѣли между собой земскую связь до самаго Петра Великаго. Здѣсь они вообще называются *Бѣлозерскими сохами* и потомъ уже говорится: *всякими крестьянами*. Подь это раз-

предѣленіе сохъ могли, кажется, входить, вмѣстѣ, всякіе крестьяне; вотъ это любопытное мѣсто:

«На ямскомъ дворѣ вельлѣ хоромы подплати хрестьяноу Бълозерскими сохами, волостью Андоюю, да волостью... (именованія «волостей», «волостокъ», «слободокъ» и «села») жюми Великого Князя селчяны, и митрополичи, и владычними, и боярскими, и монастырскими, и черными, и вѣми безъ омыли, чей кто ни буди.»

Эта земская связь соблюдалась и послѣ укрѣпленія. Для Государства они были—*Государевы, помѣщичьи* и пр., для себя—*земскіе люди, община.*

2) Вмѣстѣ съ Сырневымъ (онъ посланъ въ Ергольскій ямъ) приказывается быть у наряда Ергольскимъ ямщикамъ (двумъ помѣщичью).

1513 г. *Грамота В. К. Василья Иоанновича въ Бълозерскіи волости, Своару и Гневу* (стр. 127).

Замѣчательная грамота. Она писана къ крестьянамъ: *«старостаѣ и десяцкимъ и вѣмъ хрестьяноѣ»*, объ обереженіи старцевъ Ниловы пустыни. — Замѣчательно, что при Царѣ Фодорѣ Иоанновичѣ эта грамота была подтверждена.

1516 г. *Жалованная отчинная грамота В. К. Василья Иоанновича Василью Алексѣеву и сыну его Артему* (стр. 132).

Здѣсь проще, короче и какъ-то яснѣе выражается то право помѣщика, о которомъ мы говорили выше: *«пожаловалъ... тѣми деревнями въ вотчину и съ судомъ»* (т. е. съ правомъ общаго, государственнаго суда, съ его прибыткомъ, пошлинами, — это какъ-то слышится въ самомъ выраженіи).

1517 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Иоанновича Степанку, Осифку и Володкю Фодоровымъ и Ромашкю Фролову* (стр. 132—133).

«Се язъ Князь Великій Василей Ивановичъ всея Русіи пожаловалъ есми Степанка да Осифька да Володкю Фодоровыхъ дѣтей Лукина да Ромашка Фролова сына въ Устюзскомъ уѣздѣ, въ Вондокурской волости лѣсомъ дикимъ старымъ, липовымъ раменьемъ...» съ дозволеніемъ ставить дворы, перезывать крестьянъ съ освобожденіемъ на 15 лѣтъ отъ пошлинъ, съ правомъ суда и проч. Кто были поименованные владѣльцы? Такъ какъ

ихъ было четыре, такъ какъ всѣ имена въ уменьшительномъ, то приходитъ мысль, не были ли это крестьяне. Тогда этотъ документъ былъ бы очень важенъ; въ немъ было бы дано крестьянину и право суда, какъ помѣщику.

1522 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Иоанновича Кассіано-Учешскому монастырю* (стр. 139—141).

«А лучится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ съ городскими людами и съ становыми или съ волостными.»

Замѣчательно, что здѣсь упоминаются три разряда, вѣроятно государственные: *городскіе, становые, волостные.*

ЮАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ IV.

1533—1584.

1536 г. *Уставная Онежская грамота* (стр. 152—154).

«Старость и всѣхъ людей Онежскіе земли.»

«А намѣстникъ нашъ и его тиунъ, безъ старостъ и безъ лучшихъ людей суда не судяты.»

«А скоморохомъ у нихъ въ волости сыно не играти; а кто у нихъ учнетъ въ волости играти сыно, и старосты и волостные люди вышлютъ ихъ изъ волости вонъ, а пени имъ въ томъ нѣтъ.»

1539 г. *Губная Бѣлозерская грамота* (стр. 163—165).

Очень важное и кажется первое свидѣтельство. — Она обращается къ: «княземъ и дѣтемъ боярскимъ, отчинникомъ и помѣщичикомъ и всѣмъ служилымъ людемъ, и старостамъ, сотцкимъ, и десятцкимъ и всѣмъ крестьяномъ моемъ Великого Князя, и митрополичимъ и владычнимъ, вняжимъ, и боярскимъ, и помѣщичиковымъ, и монастырскимъ, и чернымъ, и псаремъ, и осочнякомъ, и перевѣстникомъ, и бортникомъ, и рыболовомъ, и бобровникомъ, и оброчникомъ и всѣмъ безъ омены, чей кто ни буди» (т. е. какой кто ни буди). — Говорится, чтобъ они сами казнили разбойниковъ, выбравши въ головы челоуѣка три или четыре дѣтей боярскихъ, «да съ ними старость и десятицкихъ»

«и лутчиѣхъ людей крестьянъ, человекъ пять или шесть» (также въ головы, ибо ниже это видно).

Обращается, кажется, опять вниманіе на то, *вѣдомый ли лихой человекъ* (1).

Требуются списки всѣхъ ихъ (судебныхъ) дѣйствій и обстоятельствъ. «Въ земскомъ дѣлѣ или въ брани въ какой ни буди.» Здѣсь какъ бы противопоставляется брань земскому дѣлу. Замѣчательно, что ни судьи выборные, ни народъ не пользуются ни прибыткомъ, ни пошлиною, ни жалованьемъ, и никакимъ вознагражденіемъ. Головы отдають имѣнне разбойниковъ потерпѣвшимъ отъ нихъ, а объ остаткѣ вѣлно отписать въ Москву.

1540 г. *Губная Соль-Галицкая грамота* (стр. 169)—170).

Она написана: «сотскимъ и старостамъ и десятскимъ и *всѣмъ городскимъ людямъ и слобожаномъ*, мѣстмъ Великого Князя «дворцовыхъ слободокъ и монастырскихъ слободокъ и всѣхъ «слободокъ городскимъ людямъ, которые живутъ у Соли *въ родѣ и на посадѣ.*»

Люди городскіе и слободскіе—также люди земскіе; по крайней мѣрѣ здѣсь видно, что Великій Князь обращается къ суду народному и народпой расправѣ. Если бы здѣсь встрѣтились люди и служилаго сословія, то они здѣсь дѣйствуютъ и являются какъ Земля, объемяются общимъ земскимъ объемомъ и земскимъ дѣломъ. Замѣчательно здѣсь выраженіе, нѣсколько разъ повторяющееся: «*то есмь положили на вашихъ душахъ.*» Въ грамотѣ предоставляется право судить и казнить смертью разбойниковъ.

«А у пытки бѣ *стоятъ дворской да цѣловальники и лутчіе люди.*»

Говорится о *дьякѣ земскомъ.*

Говорится о рукоприкладствѣ знающихъ грамотѣ городскыхъ людей.

Кажется, тоже судъ безъ всякого вознагражденія.

(1) Замѣчанія на эту грамоту находятся въ 1-мъ отдѣлѣ записной книги автора, но на поляхъ его рукою написано: „должна быть отнесена ко 2 отдѣлу“ — (т. е. о крестьянахъ). Замѣтка же о вѣдомомъ лихомъ человекѣ относится, разумеется, къ 1 отдѣлу и имѣетъ связь съ прочими, помѣщенными въ немъ замѣтками. См. вѣск.

Весь городъ, кажется, принималъ участіе. Выраженіе: *всѣмъ городомъ*. Настоящее свободное земское управленіе, хотя говорится о *десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ*.

Говорится: *безъ нашего вѣдома*: «и вы бѣ, *безъ нашего вѣдома*, тѣхъ всѣхъ людей сами.... имали, да.... обыскивали.... да ихъ бы есте казнили смертью *безъ нашего вѣдома*.» Впрочемъ объ имѣніи и распоряженіи и вознагражденіи разбойничьимъ имѣніемъ истцовъ посылался списокъ въ Москву. А списокъ о судѣ давался «*прикащикомъ нашимъ Усолскимъ городовымъ*.» — Но это что были за чиновники?

Вообще грамота очень замѣчательна.

1541 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Бѣлозерскому намѣстнику Воронцову* (стр. 170).

«*И ихъ людей и хрестьянъ монастырскихъ*.»

Какъ-будто здѣсь есть раздѣленіе между людьми и крестьянами; впрочемъ оно не вездѣ, кажется, и не вездѣ опредѣленно встрѣчается.

1541 г. *Два губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Тверскомъ, Новоторжскомъ, Старицкомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ* (стр. 170—174).

Грамоты очень замѣчательныя вообще.

Замѣчательно, что здѣсь какъ что-то особенное упоминается Новгородская земля (впрочемъ, можетъ быть, это значило особый округъ; однако другой округъ не упоминается).

Замѣчательно чрезвычайно, что принадлежность монастырямъ (именно по этой грамотѣ) и вообще кому бы то ни было не лишала крестьянъ ихъ общаго, административнаго, такъ сказать государственнаго или лучше земскаго значенія. Чувство и значеніе народа въ нихъ пробуждались.

Замѣчательно (какъ доказательство этого общаго ихъ значенія) ихъ соединеніе съ другими крестьянами (съ княжими, боярскими и прочими *со чьми нибудь*). Здѣсь они сливаются всѣ сплошь въ одно цѣлое, и общія дѣла судять не иначе, какъ сообща.— (Что не всѣ повторены, это ничего не значить).

«*А случится Троицкимъ Сергіева монастыря со княжими и съ боярскими и со чьми нибуди крестьяны, и съ городскими*

*людьми и съ волостными и селчаны и съ митрополитыи и со
владычными, дѣло каково въ розбойномъ дѣль, а имъ....»*

Грамота относится къ Троицкимъ крестьянамъ, а говорится и
о другихъ. Слѣдовательно и другіе имѣли право, или по губнымъ
грамотамъ или и безъ нихъ, сами по себѣ. Последнее вѣроятнѣе.

Вообще грамота требуетъ большаго вниманія....

ПО ПОВОДУ «БЪЛЕВСКОЙ ВИВЛЮИКИ» ИЗДАННОЙ
Н. А. ВЛАГИНЫМЪ. (1).

Въ первыхъ двухъ томахъ этого изданія помѣщена писцовая книга 1632 года. Едва ли нужно распространяться о великой важности писцовыхъ книгъ и о необходимости ихъ изданія. Искренняя благодарность почтенному издателю, который сверхъ того въ предисловіи своемъ представилъ нѣкоторые, весьма важные выводы изъ издаваемыхъ имъ актовъ.

Писцовыя книги—это самостоятельное дѣло древней Руси, дѣло, по истинѣ громадное и великое, особенно, если взять въ расчетъ бѣдность средствъ той эпохи. Вся Русская земля является описанною въ этихъ книгахъ съ большою подробностію, и оцѣненною по качеству почвы. Чтобъ видѣть, какъ дѣлается описаніе, обратимся къ писцовой книгѣ, которая передъ нами, и предметомъ которой одинъ Бѣлевскій уѣздъ. Въ каждомъ имѣніи обозначена приблизительно мѣстность; сказано: какое оно: вотчина или помѣстье; село, сельцо или деревня, или пустошь; сочтено, кромѣ помѣщичья или вотчинникова двора, число дворовъ жилыхъ, дворовъ пустыхъ и дворовыхъ мѣсть; перечислены поименно всѣ живущіе въ нихъ люди: дворовые (или *люди* собственно, какъ мы это и теперь употребляемъ), крестьяне и бобыли; перечислены поименно хозяева пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣсть, съ обозначеніемъ, куда, къ кому именно, и когда они вышли. Вымѣрено количество земли въ каждомъ имѣніи съ подраздѣленіемъ на пашню паханую, господскую, крестьянскую и бобыльскую, на пашню паханую ваѣдомъ (въ пустошахъ), на пашню перелогомъ и пашню заросшую лѣсомъ; обозначено, или десятинами, или верстами, пространство лѣса и сказано, въ ка-

---

(1) Напечат. въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. т. III.

кой лѣсъ ѣздитъ для всякаго употребленія; опредѣлено копна а иногда сверхъ того и десятинами, количество сѣна; сказано сколько въ имѣніи сошнаго письма *въ живущемъ* или *въ пуст* и сколько платить въ сошное письмо *съ живущего*. Наконецъ указано, на основаніи какого оффиціального акта находится имѣніе во владѣніи. Сверхъ того приводятся особыя обстоятельства если они встрѣчаются, какъ-то: споръ объ имѣніи, или особыя промыслы. Полнота описанія видоизмѣняется отъ самаго предмета, т. е., гдѣ нѣтъ напр. крестьянской или господской пашни тамъ она и обозначена быть не можетъ, и т. д. При описаніи послѣ розничнаго исчисленія, подводятся итоги; сперва въ каждомъ имѣніи, потомъ идутъ итоги по роду имѣній (помѣстья эти или вотчины, служилыхъ людей или монастырскія); потомъ итоги въ цѣломъ стану, — въ каждомъ порознь (въ Бѣлевскомъ уѣздѣ 8 станомъ); наконецъ итоги во всемъ Бѣлевскомъ уѣздѣ. Итоги эти обхватываютъ собою все, исчисляя и вотчинниковъ, и помещиковъ, по ихъ званію, и крестьянъ, и бобылей, и дворовыхъ, и наконецъ самыя предметы владѣнія, по различнымъ ихъ качествамъ. Нельзя (безъ уваженія смотрѣть на эти огромныя труды нашей до-Петровской гражданственности, и нельзя не сознаться, что правительство древней Россіи по крайней мѣрѣ знало Россію, знало страну, которую управляло.

Писцовыя книги требуютъ не только чтенія, но изученія; по этому мы, въ нашей статьѣ, пишемъ не критическую обработку Бѣлевской писцовой книги, полную и удовлетворительную, а тѣ выводы, заключенія и замѣчанія, которые представляются сама собою, даже при первомъ чтеніи.

Самое важное, что возбуждаетъ вниманіе изслѣдователя, это отношеніе крестьянъ къ помещикамъ и вотчинникамъ; на это писцовая книга Бѣлевскаго уѣзда даетъ болѣе или менѣе важныя указанія. Писцовая книга, изданная г. Елагинымъ, относится къ 1632—35 годамъ и была (какъ замѣчаетъ справедливо издатель уже не первое послѣ междоусобицъ).

Имѣнія помещичьи и вотчинниковы представляются въ трехъ видахъ: 1) крестьяне (и бобыли) пахутъ пашню на помещика и на себя; 2) крестьяне пахутъ пашню только на себя; 3) въ имѣніи помещика нѣтъ ни бобылей, ни крестьянъ; между тѣмъ въ имѣніи есть иногда значительная запашка. Последнее

обстоятельство очевидно указывает на то, что пашня производилась и наймомъ. Кто нанимался, въ какихъ отношеніяхъ находились наемные къ помѣщику, объ этомъ мы сказать опредѣлительно ничего пока не можемъ.

Отношенія количества пашни крестьянской къ пашнѣ господской весьма разнообразны, и ихъ трудно подвести подъ правила или объяснить, т. е., для насъ трудно, при нашемъ трудномъ пониманіи древней Руси. Имѣнія здѣсь опять можно подраздѣлить на три рода. 1) Есть имѣнья, гдѣ запашка господская и крестьянская довольно ровны, напримѣръ: въ имѣньи стольника Стрѣшпева, на 13 человекъ крестьянъ и бобылей: «пашни паханья помѣщиковы 10 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни паханья 12 четвертей» (I. стр. 3.). Въ помѣстьѣ Григорья Ермолина сына Чемоскина, на 15 человекъ крестьянъ и бобылей: «пашни паханья помѣщиковы 10 четвертей, да крестьянскія бобыльскія пашни 12 четвертей» (I. стр. 113). 2) Есть имѣнья, въ которыхъ господская запашка превышаетъ много крестьянскую; но заключить изъ этого, что крестьяне были угнетены и обременены пашнею — нельзя, ибо часто, при числѣ тутъ же означенномъ крестьянъ, не было никакой физической возможности обработать это количество земли, напримѣръ: въ помѣстьѣ Бориса Лукьянова сына Косово, на одного бобыля: «пашни паханья помѣщиковы 8 четвертей, да бобыльскія пашни паханья 2 четверти» (I. стр. 56). Въ помѣстьѣ Кузьмы Дмитріева Панюкова, на одного бобыля: «пашни паханья помѣщиковы 10 четвертей, да бобыльскія пашни паханья 2 четверти» (I. стр. 94). Одинъ бобыль нашеть 12 четвертей въ полѣ! Но вотъ еще примѣръ: въ имѣньи два бобыля; между тѣмъ: «пашни паханья вотчинниковы 30 четвертей, да бобыльскія пашни паханья 4 четверти.» (I. стр. 315). Здѣсь на каждаго бобыля приходится 17 четвертей въ полѣ или 8½ десятины! Есть ли какая нибудь возможность обработать? Иначе объяснить нельзя, какъ предположивъ въ такомъ случаѣ особый наемъ, но, слѣдовательно — напять было можно, слѣдовательно — были руки. Предположивъ же наемъ, сказать, сколько пахалъ крестьянинъ на помѣщика, — нельзя.

Есть наконецъ имѣнья, въ которыхъ крестьянская запашка превышаетъ господскую, напримѣръ: въ помѣстьѣ Никфора Павлова сына Уколова, на двухъ крестьянъ и одного бобыля:

«пашни паханыя помѣщиковы 6 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни 10 четвертей» (стр. 138). Въ помѣстьѣ недо- росля Гаврилы Тимоеева сына Мухортого, на 5 человекъ крестьянъ и бобылей 6 четвертей пашни паханой помѣщичьей, а крестьянской и бобыльской—16 четвертей (стр. 184). Въ вотчинѣ Ивана Тимоеева сына Бунина, на 5 крестьянъ да на 3 бобыля, на 8 человекъ, пашни паханой вотчинниковой 10 четвертей, да крестьянской и бобыльской—20 четвертей. Въ вотчинѣ Никифора Семенова сына Вельяминова во всѣхъ имѣніяхъ на 100 (на 104?) человекъ крестьянъ и бобылей,—пашни помѣщиковой 10 четвертей, крестьянской и бобыльской — 150 четвертей (впрочемъ, въ первомъ имѣніи нѣтъ пашни помѣщичьей вовсе, а во второмъ 10 четвертей пашни помѣщичьей приходятся на 50 четвертей пашни крестьянской и бобыльской). Довольно и этихъ примѣровъ.

Второй разрядъ имѣній,—это тотъ, гдѣ крестьяне пашутъ на себя; помѣщику, вѣроятно, платится оброкъ. Напримѣръ: въ помѣстьѣ Никифора Васильева сына Юшкова пашни помѣщичьей нѣтъ, крестьянинъ и бобыль пашутъ на себя 6 четвертей (15—16). Въ помѣстьѣ Аванасья Тимоеева сына Бунина пашни помѣщичьей нѣтъ, крестьянинъ и бобыль тоже пашутъ на себя 6 четвертей (стр. 44). Пропорція эта иногда измѣняется, и крестьянинъ пашетъ на себя меньше 3 четвертей. Въ помѣстьѣ Князя Шуйскаго, — помѣстьѣ большомъ, — нѣтъ пашни помѣщичьей, а только крестьянская и бобыльская; 483 человекъ крестьянъ и бобылей пашутъ 796 четвертей.

Третій разрядъ имѣній,—это тотъ, въ которомъ нѣтъ ни бобылей, ни крестьянъ, но есть помѣщичья пашня; очевидно, она производилась паимомъ, напримѣръ: въ помѣстьѣ Венедикта Сафонова сына Гамова, въ полдеревнѣ, только одинъ дворъ помѣщиковъ; ни людей, ни крестьянъ, ни бобылей; а между тѣмъ «пашни паханыя помѣщиковы 5 четвертей» (I. стр. 23). Въ помѣстьѣ Ильи Дашилова сына Кузменкова, въ которомъ тоже нѣтъ никого: всего одинъ дворъ помѣщиковъ, нѣтъ даже ни пустыхъ дворовъ, ни мѣстъ дворовыхъ, — «пашни паханыя помѣщиковы 10 четвертей» (I. стр. 55). Въ помѣстьѣ Феоктиста Калинина сына Арцыбашева также нѣтъ никого: «пашни паханыя помѣщиковы 10 четвертей» (I, стр. 101—102). Въ помѣстьѣ Ерофея Микитина сына Охотникова—20 четвертей пашни, хотя нѣтъ ни

крестьянъ, или бобылей (I. стр. 238). Примѣровъ можно привести множество. — Какъ скоро рѣчь идетъ не о деревнѣ, хотя и пустой (какъ въ приведенныхъ примѣрахъ), а о пустоши, гдѣ есть пашня, то говорится, что пашня пахана *наѣдомъ*. Иногда такая запашка бываетъ велика, напримѣръ: у Никиты Михайлова сына Воейкова въ помѣстьѣ: «поль-пустоши Красныхъ Колокъ и съ отѣзжею землю, а въ ней пашни наѣдомъ пахано 40 четвертей» (I. стр. 241). Въ помѣстьѣ Ивана Тимоеева сына Бунина «пашни паханыя наѣдомъ 50 четвертей» (I. стр. 423). При отсутствіи въ имѣннѣ помѣщика крестьянъ, пашня въ пустоши, достигающая иногда значительнаго размѣра, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ, также не можетъ быть иначе объяснена, какъ наймомъ. Въ неоспоримое свидѣтельство, что наемъ существовалъ въ древней Руси, можетъ быть приведено слѣдующее мѣсто изъ Бѣлевской писцовой книги, гдѣ говорится о поповской вотчиннѣ: «и въ ней на ихъ (поповъ) двѣ трети—пашни паханыя наѣзжія изъ найму 28 десятинъ» (II. стр. 139). Но ктоже были эти наемные люди? Люди гулящіе, бродяги? Во всякомъ случаѣ, надобно предположить ихъ большое число, ибо даже въ населенныхъ имѣніяхъ только ихъ участіемъ можемъ объяснить несообразность запашки относительно числа рабочихъ рукъ. Въ какія отношенія становились эти вольно-наемные къ помѣщику и вотчиннику? Не были ли они тоже, что переходные крестьяне? Изъ чего работали они, изъ платы, или изъ доли въ хлѣбѣ? Все это вопросы, еще ждущіе разрѣшенія. Но существованія вольно-наемнаго труда въ до-Петровской Россіи, въ древнемъ Русскомъ хозяйствѣ, и существованія этого труда въ значительныхъ размѣрахъ, — отрицать нельзя. Если же вольно-наемный трудъ такъ давно былъ у насъ извѣстенъ, то, въ настоящую минуту, это допускаетъ важныя соображенія и подкрѣпляетъ еще болѣе мнѣніе о возможности его въ наше время, при новыхъ условіяхъ, то есть, предполагая, что крѣпостные крестьяне будутъ надѣлены землею и станутъ въ совершенную независимость отъ помѣщика, внѣ всякой обязательности труда, а у помѣщика останется одна земля. Иные боятся, что поля останутся необработанными. Противъ этого опасенія возражало Сельское Благоустройство. Думаемъ, что примѣръ до-Петровской Руси здѣсь весьма важенъ; указываемъ на нее, основываясь на писцовыхъ книгахъ. Вольно-

наемный трудъ, весьма не чуждый и теперь Русскому народу, — не новость въ Россіи. Въ древней Руси видимъ, что часто у помѣщика только одна земля, безъ крестьянъ, и между тѣмъ иногда значительная запашка.

Кромѣ этихъ выводовъ, писцовая книга Бѣлевскаго уѣзда приводитъ еще къ другому важному выводу. Часто читаемъ мы въ ней, что крестьянинъ или бобыль сшелъ безвѣстно; читаемъ также, что онъ сшелъ за такого-то. Г. издатель думаетъ, что законъ Годунова не исполнялся, что жизнь не усвоила его; но мы приходимъ къ иному заключенію. — Разсмотримъ внимательно это важное явленіе. — Прежде всего странно, что писцовая книга записываетъ просто: сшелъ за такого-то, въ такой-то уѣздъ, въ такую-то деревню. Казалось бы, что нарушеніе закона какъ бынибудь отозвалось, обозначилось въ актѣ Правительственномъ, каковы писцовыя книги; можно бы сказать хоть: *сбѣжалъ*. Между тѣмъ, эта спокойная рѣчь: *вышелъ, сшелъ*, есть какъ бы явное признаніе права перехода тѣхъ, о которыхъ говорится эта рѣчь. — И точно, въ той же писцовой книгѣ, вмѣстѣ съ выраженіемъ, какъ на примѣръ: «дворъ пусть Васки Купрянова; Васка *вышелъ* въ Бѣлевской же уѣздъ, въ деревню Абишь, за Степана Бутенева» (I. стр. 9), мы встрѣчаемъ: «а тѣ крестьяне живутъ *бѣгавъ* въ разныхъ городѣхъ» (I. стр. 30). Или:.... «*выбѣжали* въ прошломъ во 136 году и во 138 году, а живутъ *бѣгавчи* въ Елецкомъ уѣздѣ» (I. стр. 360). Или же: «а сынъ его Данилко *сбѣжалъ* на Елецъ» (II. стр. 124). И такъ писцовая книга даетъ чувствовать нарушеніе закона и называетъ *бѣглыми* иныхъ крестьянъ. Намъ могутъ возразить, что здѣсь рѣчь идетъ не о переходѣ за помѣщика: но мы встрѣчаемъ, на примѣръ, и такое выраженіе: «Дворъ пусть Ивашки Васильева, а Ивашко живетъ *бѣгавчи* за Неустройкомъ Остафьевымъ, вышелъ во 135 году; дворъ пусть Ондрюшки Глушка, а Ондрюшка сшелъ безвѣстно» (I. стр. 124). И такъ писцовая книга умѣетъ же, гдѣ надо, и не просто записывать, а означать нарушеніе закона. Это еще болѣе придаетъ силы тѣмъ мѣстамъ, гдѣ о крестьянинѣ сказано, что онъ просто сшелъ за такого-то. Писцовая книга очевидно различаетъ, между крестьянами перешедшими, крестьянъ бѣглыхъ отъ небѣглыхъ, слѣдовательно, имѣвшихъ право перейти. — Но что же это значить? По нашему мнѣнію, это значить, что

переходъ существовалъ и по закону, но что были условія, при которыхъ онъ и не допускался. Считаемо не лишнимъ представить всѣ случаи, встрѣчающіеся въ Бѣлевской книгѣ, касающіеся до перехода крестьянъ за помѣщиковъ, какъ законнаго (по нашему мнѣнію), такъ и незаконнаго, или бѣгства (1). Писцовая книга, очевидно, отличаетъ одно отъ другаго.

Вотъ крестьяне сбѣжавшіе:

«Дворъ пусть Ивашки Васильева: а Ивашко живетъ бѣгаючи за Неустройкомъ Остафьевымъ, вышелъ во 135 году» (I. стр. 124).

«Дворъ пусть крестьянской Фильки да Оськи Гавриловыхъ, Оська умеръ, а Филька живетъ, бѣгаючи, въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ, въ Погорѣльскомъ стану, за Яковомъ Кологривовымъ, въ деревнѣ Животовѣ» (I. стр. 374).

«Дворъ пусть крестьянской Ефимка Ларионова; Ефимко живетъ, бѣгаючи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ Рудкомъ стану за Иваномъ Траханиотовымъ въ деревнѣ Стояновѣ» (I. стр. 452).

«Дворъ пусть Антошки Ларина, а Антошка живетъ бѣгаючи въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ, въ деревнѣ Кузинской, Бунино тожъ» (I. стр. 44).

«Мѣсто дворовое крестьянское пусто Степки Бобракова, да пасынка его Прохорка; Степка умеръ, а жена его Арина съ сыномъ съ Прохоркомъ живетъ, бѣгаючи, за бояриномъ за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ Верхне-Рудкой волости» (I. стр. 24—25).

Вотъ крестьяне перешедшіе:

(1) Кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ говорится о крестьянахъ, что они *сбѣжали* или *ушли*, говорится иногда, при описаніи пустыхъ дворовъ въ мѣшнѣ, что крестьяне эти *вывезли* такимъ-то.—Это выраженіе не значитъ, чтобы здѣсь крестьянинъ игралъ страдательную роль, чтобы здѣсь было насиліе; это дѣлалось съ согласія крестьянина и показывало только, что помѣщикъ хлопоталъ объ этомъ. Въ писцовой Бѣлевской книгѣ иногда просто говорится, что *вывезъ* такой-то; иногда что *вывезъ насиліемъ*, иногда, что *вывезъ по Государевой грамотѣ*, иногда, что *вывезъ по старинѣ*, т. е., по старому своему праву, старому своему крестьянина, а не такъ, какъ кажется, думаетъ г. издатель: по старому обычаю. Въ доказательство этому приводимъ: «мѣсто дворовое бобильское пусто, Стенки Левовтѣва; отдалъ (отданъ) по старинѣ Ивану Полтеву въ прошломъ 7135.» (II. стр. 71). По нашему мнѣнію, три остальныхъ выраженія ясно показываютъ, что первое (просто: *вывезъ*) означаетъ: вывозъ не насиліемъ, не по Государевой грамотѣ и не по старинѣ; слѣдовательно, здѣсь подразумѣвается свободный переходъ.

«Дворъ пусть Васки Купреянова; Васка вышелъ въ Бѣлевской же уѣздъ, въ деревню Абинь, за Степана Бутенева».

«Игнашко и Федка и Ивашко (бобыли) сошли въ Лебедянской уѣздъ за боярина за Ивана Никитича Романова» (I. стр. 83).

Дворъ пусть Сеньки Фляпова, а Сенка живетъ въ той же деревнѣ Снегубовой, за Данпломъ Беклемишевымъ со 131 году» (I. стр. 92).

«Дворъ пусть крестьянской Данилка Кудянова, Данилка вышелъ за Ивана Чемоданова во 123 году» (I. стр. 110).

«Дворъ пусть крестьянской Федки Васильева сына Касымова, а Федка сшелъ въ Мценской уѣздъ за Константина Ивашкина, въ деревню Бортищю» (I. стр. 186).

«Дворъ пусть Микифора Дмитриева, вышелъ въ томъ же во 135 году, за Степана Стрешнева, въ Бѣлевской же уѣздъ, въ село Болото» (I. стр. 343).

«Дворъ пусть Васки Григорьева, вышелъ въ 7140 г., а живетъ въ Орловскомъ уѣздѣ за сыномъ боярскимъ за Сенькою Анохинымъ» (I. стр. 445).

«Дворъ пусть крестьянской Ивашки Афремова, а Ивашка сшелъ во 139 году, а живетъ въ Болховскомъ уѣздѣ за Данпломъ Милославскимъ» (I. стр. 472).

Самое важное въ настоящемъ случаѣ — найти перешедшихъ крестьянъ *записанными* въ писцовой книгѣ за тѣми помѣщиками и вотчинниками, къ которымъ они перешли; здѣсь бы заключалось полное оффиціальное признаніе права перехода. Крестьянъ, перешедшихъ въ другой уѣздъ, сослѣднить нельзя, ибо передъ нами книга только Бѣлевскаго уѣзда. Иныхъ и въ этомъ уѣздѣ не встрѣчается; таковы всѣ тѣ, которыхъ мы привели выше; но большая часть изъ *перешедшихъ* (говоря именно о тѣхъ, которыхъ можно сослѣднить) отъ однихъ помѣщиковъ къ другимъ — *записаны* въ писцовой книгѣ за тѣми помѣщиками, къ которымъ они перешли; слѣдовательно, по нашему мнѣнію, они имѣли и за ними признавалось это право. Вотъ эти крестьяне:

1. Станъ Погорѣльской. «Дворъ пусть Ивашки Евсеѣва; сшелъ 7125 году, а живетъ въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ, за Спасскимъ монастыремъ, въ деревнѣ Кураковъ» (I. стр. 381).

Въ Сныховскомъ стану, а въ Вырскомъ тожъ, мы находимъ

вотчину Спасскаго монастыря, деревню Куракову (полдеревни), и въ ней, въ числѣ крестьянскихъ дворовъ:

«Ивашко Евсѣевъ, прозвище Корноухъ съ зятемъ съ Аноеренкомъ Тимофеевымъ» (II. стр. 267).

Во всѣхъ другихъ имѣніяхъ Спасскаго монастыря, какъ нарочно, нѣтъ ни одного Ивашка Евсѣева, но, пожалуй, можно сказать, что здѣсь сходство именъ весьма возможно, ибо имя обыкновенно. Далѣе:

2. Станъ Рудкой. «Мѣсто дворовое (и) крестьянское пусто Савки Возгривцева, — вышелъ за Илью да за Василя Безобразовыхъ» (I. стр. 417).

Въ томъ же стану, въ вотчинѣ Василя Безобразова, читаемъ: «Да крестьяне Савка да Куземка да Петрушка Степановы дѣти *Возгривцева*, съ племянники съ Ерошкою да съ Васьюкою Федоровыми» (I. стр. 488).

Надѣмся, что здѣсь мудрено предположить иного Савку; прозвище довольно характеристично, и больше нигдѣ здѣсь не встрѣчается. А то, что у Савки здѣсь братья и племянники, нисколько не должно наводить сомнѣнія, ибо очень могло быть, что онъ и перешелъ за Безобразова, чтобъ быть вмѣстѣ съ родными. Съ другой же стороны примѣровъ рознаго жительства между близкими родными и переходовъ ихъ, одинъ отъ другаго, встрѣчается тоже не мало (1).

3. Въ Рудкомъ стану. «Мѣсто (дворовое) Симонки Сиимова да сына его Сидорка, да пасынка Ивашка Петрова; сошли, тому лѣтъ съ 12, а живутъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ за Петромъ Юшковымъ, въ деревнѣ Игнатьевѣ» (I. стр. 504).

Въ томъ же стану, въ описаніи вотчины Петра Иванова сына Юшкова, читаемъ:

«Деревня Игнатьева, а Корина тожъ.... а въ ней.... дворъ

(1) Впрочемъ въ томъ же стану встрѣчается еще вотчина Ильи и Василя Безобразовыхъ, деревня Тельча, гдѣ въ числѣ крестьянскихъ дворовъ читаемъ: «Савка Даниловъ съ племянникомъ съ Ивашкомъ Силеверстовымъ, да съ зятемъ съ Трофимкомъ Феоктистомъ (овимъ?), а прозвище"... (I, стр. 464—465). Прозвище не означено. Здѣсь имѣнье принадлежитъ обоимъ Безобразовымъ и потому представляеть болѣе сходства; но прозвище: Савка Возгривцевъ, не дозволяетъ сомнѣваться. Здѣсь Впрочемъ прозвище неизвѣстно; но едвали можно предположить, чтобъ оно было то же. Жаль, что, при означеніи перехода, не названо имѣнье, куда перешли, какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ.

пустъ крестьянской Ивашки да Сидорки Симоновыхъ... сошли безвѣстно во 138 году» (I. стр. 462).

Итъ, кажется, сомнѣнія, что это тѣ же крестьяне. Тамъ оставалось у нихъ (такъ какъ они сошли давно) дворовое мѣсто; а здѣсь (такъ какъ они сошли недавно)—пустой крестьянской дворъ.

4. Станъ Дураковскій, въ числѣ крестьянскихъ дворовъ: «Ивашко Ѳедоровъ съ сыномъ съ Пронькою, да внукъ его Савоска Ивановъ, сшелъ (внукъ, конечно) во 137 году, за Никифора Хлопова въ Бѣлевскій же уѣздъ» (II. стр. 89).

Въ томъ же стану, въ описаніи помѣстья Никифора Никитина сына Хлопова, деревни Бесѣдиной, читаемъ:

«А въ ней на его жеребей бобыль Алешка Фирсовъ съ племянникомъ съ Савостькою Ивановымъ» (II. стр. 109).

И такъ Савостька отъ дѣда, пзъ крестьянъ, перешелъ къ дядѣ, въ бобыли. Подобные примѣры встрѣчаются (см. юридич. акты).

5. Станъ Благовѣщенской. «Мѣсто (дворовое) Ѳедки, прозвище Клубника, а Ѳедка сшелъ въ Бѣлевской же уѣздъ за Богдана Нестерова, въ деревню Передѣль во 127 году» (II. стр. 151).

Въ Дураковскомъ стану читаемъ:

«Большаго приходу за подъячимъ за Богданомъ Нестеровымъ въ помѣстьѣ полъ-деревни Передѣли, на р. Выркѣ; а въ ней на его Богданову половину крестьянскихъ дворовъ.... Ѳедка Андреевъ» (II. стр. 103).

Прозвища: «Клубника», здѣсь итъ; но прозвище существовало за нимъ въ старомъ мѣстѣ; а здѣсь могли этого прозвища и не знать и этимъ прозвищемъ его не звать. Къ сожалѣнію, при описаніи помѣстья Чебышова, откуда перешелъ Ѳедка, не сказано его отчества, которое могло бы окончательно увѣрить, что это тотъ самый крестьянинъ.

6. Станъ Вырской, а Сныховской тожъ. «Дворъ пустъ крестьянской Палуки Ильина, а Палунка вышелъ за Ивана Давыдова, въ деревни (ю) Завалихинову, во 134 году» (II. стр. 244).

Въ томъ же стану, въ помѣстьѣ Ивана Никифорова сына Давыдова, въ деревнѣ Завалихинѣ, въ числѣ дворовъ крестьянскихъ, читаемъ:

«Савка Максимовъ съ зятемъ съ Полуектомъ Ильинымъ» (II стр. 245).

Полунка — уменьшительное отъ Полуектъ, а отчество: Ильинъ,

при означеніи имени помѣщика и названія деревни, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ тождествѣ крестьянина.

И такъ изъ всѣхъ случаевъ перехода, встрѣчающихся въ Бѣлевской писцовой книгѣ и бывшихъ внутри Бѣлевскаго уѣзда (въ другихъ уѣздахъ мы изслѣдовать не можемъ безъ ихъ писцовыхъ книгъ),—почти всѣ перешедшіе крестьяне находятся въ имѣніяхъ, куда они перешли, и записываются за вотчинникомъ или помѣщикомъ въ писцовую книгу.

Видимъ здѣсь два обстоятельства:

1) Писцовая книга, говоря о большей части перешедшихъ крестьянъ, употребляетъ старое выраженіе, что они *вышли, сошли*, не опорочиваетъ ихъ, не называетъ бѣглецами, тогда какъ это выраженіе употребляется о нѣкоторыхъ.

Случайно это быть не могло; ибо писцовая книга актъ оффиціальныи, правительственный; выраженіе же: «бѣжали», много значило передъ закономъ того времени. Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича прямо говорится объ употребленіи этого выраженія въ писцовыхъ книгахъ. Въ главѣ II, судъ о крестьянѣхъ, въ статьѣ 5: «а про крестьянъ и бобылей тѣхъ дворовъ въ писцовыхъ книгахъ написано, что тѣ крестьяне и бобыли *бѣжали* изъ-за нихъ въ прошлыхъ годахъ до тѣхъ писцовыхъ книгъ».... Въ статьѣ 6: «А изъ-за него бѣглецы крестьяне и бобыли по суду и по сыску и по писцовымъ книгамъ будутъ отданы» и проч.—Послѣ этого мы видимъ всю важность выраженія *бѣжали*; это выраженіе и встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ; оно, слѣдовательно, было въ употребленіи. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ оно не употребляется, не употребляется оно не просто, не случайно, не безъ причины; слѣдовательно, тамъ, гдѣ о перешедшихъ крестьянахъ не говорится, что они *бѣжали*, не придается переходу и значенія бѣгства.—И такъ мы думаемъ, что съ полнымъ значеніемъ употребляется въ писцовыхъ книгахъ иногда: *бѣжали*, иногда: *вышли*; и то и другое—юрдическіе термины, которыхъ нельзя было перемѣшивать. Мы и не можемъ предполагать это при осмотрительности и точности нашихъ оффиціальныхъ актовъ. Въ примѣръ этой осмотрительности и точности, можемъ привести слѣдующія слова въ описаніи помѣстья Образцова.... «да пустыхъ дворовъ крестьянскихъ: дворъ пустъ, написано было *Сенки*, а переправлено Стенки Сергѣева прозвище Хромъ», (I. стр. 232).

2) Перешедшіе крестьяне *записываются* за вотчинниками и помѣщиками, за которыхъ перешли они, записываются въ *писцовую книгу*, безъ всякой оговорки. Это есть уже самое явное признаніе, что крестьяне эти имѣли право перейти. Писцовая книга есть официальный документъ, источникъ права и мѣсто справокъ.

И такъ переходъ или выходъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ 1630-хъ годахъ, въ царствованіе Михаила Феодоровича, существовалъ не только *de facto*, но и *de jure*, ибо, очевидно, онъ признается въ писцовыхъ книгахъ. Съ другой стороны мы видимъ, что писцовая книга говоритъ объ иныхъ крестьянахъ: живеть, бѣгаючи, сбѣжалъ. Какъ же согласить это?

Объясненіе, вытекающее отсюда само собою, есть то, что, при существованіи признаваемого перехода, были и такіе случаи, гдѣ переходъ этотъ не допускался, было, кромѣ перехода, и бѣгство. Что же значило: перейти, и что значило: бѣжать? Какіе же это случаи, когда переходъ считался бѣгствомъ?

Переходъ съ самыхъ древнихъ временъ подлежалъ извѣстнымъ условіямъ, и переходъ безъ соблюденія этихъ условій, былъ, конечно, бѣгствомъ. Крестьянинъ, до указа Бориса Годунова, заключавшій условіе съ помѣщикомъ или вотчинникомъ на годъ, на пять, на десять лѣтъ и болѣе, и ушедшій отъ него до Юрьева дня или вообще до срока, былъ, конечно, въ этомъ смыслѣ бѣглый. Это же объясненіе можемъ мы допустить и въ разсматриваемое нами время, но по крайней мѣрѣ какъ объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ бѣгства. Вообще же бѣгство значило несоблюденіе условій и правилъ перехода. Въ чемъ именно заключались они—объяснить это теперь пока еще трудно. Переходъ существовалъ при Михаилѣ Феодоровичѣ: это, по нашему мнѣнію, ясно изъ Бѣлевской писцовой книги; слѣдовательно, бѣглые при существованіи перехода (о которыхъ говорится въ писцовой книгѣ) были тѣ, которые не соблюдали правилъ перехода и, можетъ быть, между прочимъ, не остались у помѣщика до условеннаго срока. Обратимся къ поряднымъ; намъ кажется, что онѣ болѣе или менѣе объясняютъ дѣло. Въ порядныхъ, относящихся ко времени до укрѣпленія, видимъ мы, что крестьяне рядятся часто на неопредѣленный срокъ и обозначаютъ въ порядныхъ лишь льготные года. Такъ въ 1556 году, крестьянинъ Федоръ Кононовъ ря-

дятся за монастырь Николы Чудотворца безъ всякаго обозначенія времени; можно думать напротивъ, что онъ порядился жить на-долго, ибо въ порядной говорится: «а давати ему съ этой деревни оброку въ домъ Святого Николы Чудотворца хлѣба ржи и овса пять коробей въ новую мѣру, съ году на годъ» (Акт. юрид. стр. 196). Въ 1576 году крестьяне Василья Басланова рядятся за Николу Чудотворца въ Говеряжскомъ погостѣ на неопредѣленное же время, выговаривая себѣ два льготные года и беря монастырскую подмогу, за что они должны обстроиваться и распхать пашню; послѣ двухъ льготныхъ годовъ должны они платить оброкъ и работать, какъ другіе крестьяне; если же уйдутъ, не стживя льготныхъ годовъ и не исправивъ всего того, что должны были сдѣлать, тогда они должны возвратить монастырскую подмогу. Порядная 1582 года также не опредѣляетъ срока и также признаетъ взысканіе, въ случаѣ ухода безъ исполненія условій. Порядная 1590 года тоже говорить о четырехъ льготныхъ годахъ и о взысканіи «за дворовое поставленіе (непоставленіе) и за нераскашку». Порядная 1596 года крестьянина съ крестьянами тоже не опредѣляетъ срока, но говорить, что договаривающійся долженъ заплатить въ мѣрь рубль денегъ, если покинетъ землю впустѣ, не насѣетъ, и жильца (т. е., вмѣсто себя) не посадить. Порядная 1599 года весьма интересна; тогда уже существовалъ знаменитый указъ о укрѣпленіи (быть можетъ, существовалъ онъ и прежде). Крестьянинъ говорить въ порядной, что онъ жилъ за Николою Чудотворцемъ въ крестьянахъ, «да вышелъ вонъ изъ-за Николы побѣгомъ» и, выбѣжавъ, жилъ за Борковыми въ бобыляхъ. Что это значить? Значить ли, что онъ сбѣжалъ, не исполнивъ своихъ условій, въ родѣ приведенныхъ выше, или, что теперь нельзя было иначе перейти, какъ побѣгомъ? Думаемъ первое, ибо переходъ, очевидно, существовалъ; къ тому же, окончаніе этой порядной совершенно сходно съ порядными до этого времени. Игумень Вязцкаго монастыря Николы Чудотворца билъ челомъ на Борковыхъ, и тѣ ему отдали крестьянъ, *не ходя на судъ*, сказано въ порядной. Это можетъ показаться уже новымъ порядкомъ вещей, уже строгимъ проявленіемъ новаго закона объ укрѣпленіи; но далѣе порядная (тутъ только собственно она начинается) совершенно сходна съ порядными до эпохи укрѣпленія. «И меня, Игнаша,» говорить быв-

шіи крестьянинъ, теперешній бобыль, «игумень съ братією... *порядили* въ крестьяне, на пашню». Онъ долженъ поставить избу, распахать пашню и проч., а за дворовое поставленіе ему дано льготы на четыре года; дали ему подмоги безкабально и безъ отнимки; если же онъ условій не исполнитъ и жить не придетъ, то на немъ взысканія десять рублей Московская. Точно такая же порядная встрѣчается намъ 1599 и 1601 годовъ. Въ порядныхъ 1624, 1626 годовъ есть новое обязательство: ни за кого другаго не рядиться; но какъ скоро это—порядная, то, слѣдовательно, это—вольное условіе; къ тому же и здѣсь за неисполненіе условія полагается взысканіе денежное (Акты юр. 196—205). Какая порядная съ крѣпостнымъ человѣкомъ, да и какъ могли быть порядная, если не было перехода? Нельзя же предполагать, чтобъ всѣ эти крестьяне были люди гулящіе, съ воли. Въ порядной 1630 года говорится: «А не учну я Василей у Пречистые Богородицы Тифина монастыря у игумена Васьяна съ братьею въ деревни на Теплухнѣ, на своемъ участкѣ, по своему приговору жити, или учну гдѣ на сторонѣ въ крестьяне рядитца, или въ иную монастыршину, или пойду въ иную бояршину за кого-нибудь жити, и Пречистые Богородицы Тифина монастыря игумену Васьяну съ братьею взяти на мнѣ на Василья за денежную и за хлѣбную подмогу и за лготу денегъ тридцать рублей Московская по сей рядной записи» (Акты юрид. стр. 206). И такъ здѣсь опять только денежное взысканіе. Въ другой записи того же года прибавлено: «и впередъ мы Пречистые Богородицы Тифина монастыря крестьяне». (Акт. юрид. стр. 207). Въ другихъ рядныхъ, крестьянинъ даетъ на себя право тому, за кого онъ рядится, взять его (крестьянина) отовсюду, куда бы онъ потомъ ни рядился. Здѣсь сами крестьяне отнимаютъ у себя право перехода. Между тѣмъ по Бѣлевской писцовой книгѣ видно, что переходъ существовалъ. Нельзя, слѣдовательно, думать, чтобъ это лишеніе себя права перехода было общимъ условіемъ рядившихся крестьянъ. Думать, что переходившіе крестьяне были все вольные люди, и что, слѣдовательно, переходъ былъ привилегіей людей вольныхъ, — нельзя. ибо въ ихъ рядныхъ, которыя мы имѣемъ, мы видимъ, что они лишаютъ себя права перехода. Изъ поручныхъ въ крестьянство усматривается тоже самое; мало того: тамъ есть выраженіе, указывающее на главное, можетъ быть,

условіе при переходѣ; именно въ числѣ того, чего дѣлать не должны тѣ, за которыхъ ручаются, говорится: «или за волюсть выдуть, и тѣ свои жеребьи въ пустѣ покинуть» (Акт. юрид. стр. 298); тогда на поручикахъ, между прочимъ, лежатъ какъ обязанность: «на тѣ жеребьи жильцы». Въ поручной 1641 года ясно говорится, что поручикамъ, кромѣ неви, должно: «и на тотъ жеребей жильца нажылити, а до жильца всякое сдѣлье и подати тивуты намъ же» (Акт. юрид. стр. 229).

Все это вмѣстѣ заставляетъ думать, что переходъ не былъ запрещенъ, но подвергнутъ тѣмъ или другимъ ограниченіямъ. Бѣлымъ еще не называется всякой тотъ, кто только вышелъ, но, вѣроятно тотъ, кто ушелъ, не исполнивъ условій перехода и, между прочимъ, до срока. Мы видимъ, что, во времена до укрѣпленія, переходившіе крестьяне часто рядились на неопредѣленный срокъ жить за такимъ-то; въ случаѣ несоблюденія сего условія, крестьянинъ возвращалъ подмогу или платилъ пеню. Быть можетъ, послѣ укрѣпленія, въ такомъ точно случаѣ, тотъ, за кого рядился крестьянинъ, кромѣ денежной пени или вмѣсто нея, могъ требовать назадъ самого крестьянина и заставить работать на себя столько времени, сколько въ рядной написано, а такъ какъ тамъ просто сказано: жить за такимъ-то, послѣ льготныхъ годовъ, и т. далѣе, то это понималось (и, вѣроятно, прямо и писалось въ томъ смыслѣ), какъ пожизненная работа. Но и это вошло не вдругъ; сперва въ рядныхъ послѣ укрѣпленія, въ рядныхъ на неопредѣленный срокъ или на всю жизнь, видимъ мы, что тоже полагается въ случаѣ, если крестьянинъ будетъ рядиться на сторонѣ, выйдетъ за другаго, — денежное взысканіе; потомъ въ такихъ рядныхъ дается право взять самого крестьянина отовсюду, куда бы онъ ни порядился. И такъ бѣглый крестьянинъ былъ крестьянинъ, не исполнившій условій перехода и ушедшій до срока. До укрѣпленія, заплатя пеню, онъ удерживалъ свою личную независимость, и не былъ обязанъ выполнять условно обѣщаннаго; послѣ укрѣпленія, онъ не могъ отступить отъ условій, а обязанъ былъ выполнить весь договоръ и жить столько, сколько въ записи написано. Въ этомъ состояло запрещеніе выхода; онъ былъ подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ. Конечно, кто рядился за кого на всю жизнь, тотъ, по новому закону, и долженъ былъ у него оставаться всю жизнь. Не все ли это

равно, — скажутъ намъ: вѣдь рядныя, дошедшія до насъ, изъ эпохи укрѣпленія всѣ таковы. Это не все равно, — отвѣчаемъ мы: рядная показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, прежде рядной лицо договаривающееся свободно, хотя бы въ рядной оно добровольно лишало себя свободы. А потомъ, не всѣ рядныя дошли до насъ; быть можетъ, онѣ и не всѣ пожизненныя. И вотъ, какъ подтвержденіе нашей мысли, приводимъ поручную (что все равно), помѣщенную въ Бѣлевской Вивлюевкѣ, въ приложеніяхъ: поручная относится къ 1681 году. Приведемъ всю эту замѣчательную рядную:

«Се азъ Бѣлевцы посадкїе люди, Борпсъ Матвѣевъ сынъ Коноплинъ, да язъ Титъ Микитинъ, сынъ Дубынинъ, да язъ Бѣлевскїй стрѣлецъ Михаило Яковлевъ сынъ Грачевъ, въ нынѣшнемъ во 189 году Ноября въ 26 день поручили ся есмы мы по крестьяннѣ Ивана Васильевича Курѣвскаго, по Филипу Иванову сыну, Казельской его деревни Повиткиной въ томъ, что ему Филипу, за нашею порукою, жить въ деревнѣ Повиткиной за нимъ Иваномъ Васильевичемъ во крестьянствѣ и всякую работу работать съ своею братьею въ рядъ, и тягло, и всякая подать платить по очереди, съ сего числа годъ, до ста девяносто года Ноября 26 число, изъ-за него Ивана Васильевича не сбѣжать. А будетъ онъ Васильевъ, за нашею порукою, съ сего числа года, за нимъ Иваномъ Васильевичемъ во крестьянствѣ въ деревнѣ Повиткиной жить не станетъ, изъ-за него Ивана Васильевича, не дождавъ года, сбѣжить, — и на насъ на поручникахъ вмѣсто его всякая работа, всякія подати, и платежъ спома взяти ему Ивану Васильевичу на насъ поручникахъ. И на то послухъ Яковъ Ивановъ сынъ Риловъ. А поручную запись писалъ Бѣлевской площади подъячей Федка Ярославцевъ. Лѣта 7189, Ноября въ 26 день.»

Вотъ и поручная (тоже, что рядная) не на всю жизнь, но на опредѣленный срокъ, и зменно на годъ, и даже отъ Юрьева дня до Юрьева дня. Это сильно говоритъ въ пользу того, что переходъ существовалъ. Крестьянинъ, о которомъ рѣчь, ушедши не дождавъ года, былъ бы бѣглый; а по прошествіи года былъ бы крестьянинъ по праву перешедшій. Отъ чего же, скажутъ намъ, не сказано, чтобы отыскать его, и чтобы онъ отработалъ свой срокъ? Отъ того, что срокъ очень малъ, и не стоило хлопотать

изъ-за этого. За него же отвѣчали поручители и работой (чего въ древнихъ поручныхъ мы не встрѣчаемъ). Вся тяжесть укрѣпленія падала на крестьянъ, рядившихся на долгій, или на неопредѣленный срокъ, или просто на всю жизнь (а такъ рядились во время перехода за долго до укрѣпленія). Имъ отъ этихъ условій не позволено было откупаться. Въ рядныхъ стало обозначаться право взять крестьянина тому, за кѣмъ онъ поручился жить. Въ поручныхъ стало появляться обязательство отвѣчать за такого работою. Крестьяне, рядившіеся на краткіе сроки, на годъ напримѣръ, ради краткости срока, вѣроятно, не отыскивались; но за то поручники отвѣчали работой за крестьянина и вообще его замѣняли въ его крестьянскихъ обязанностяхъ.

Вотъ наше объясненіе того, въ чемъ заключалось ограниченіе перехода, — мнѣніе, которое мы представляемъ однако еще какъ догадку, ибо дѣло само требуетъ большихъ наслѣдованій. Существованіе же перехода не только *de facto*, но и *de jure*, по крайней мѣрѣ во времена царствованія Михаила Федоровича, считаемъ мы, основываясь на Бѣлевской писцовой книгѣ и на приведенныхъ актахъ — несомнѣннымъ.

Обращаемся къ Бѣлевской писцовой книгѣ:

Въ писцовой книгѣ замѣчаемъ мы чрезвычайно важную особенность: въ сошное письмо (т. е., въ казну государеву) платилось только съ имѣнья населеннаго; другими словами, въ сошное письмо платили крестьяне пашенные. Какъ скоро у помѣщика имѣнье въ пустѣ, или какъ скоро у него есть пашня, хотя и большая, но нѣтъ крестьянъ, тогда въ сошное письмо не платится. И такъ крестьяне платили за землю прямо государству: отсюда прямой выводъ, что и землю получали они отъ государства; если же государство распоряжалось землею и брало за землю, то отсюда вытекаетъ другой выводъ, что земля не была помѣщичья, что государство не думало помѣщикамъ или вотчинникамъ уступать эту землю въ собственность: помѣщикъ и вотчинникъ (одинъ временно, другой наслѣдственно) *пользовался* землею и доходомъ, который она приносила, и только; а земля съ собственности онъ не имѣлъ. Въмѣстѣ съ этими двумя выводами, образуется еще третій, что помѣщикъ *не могъ*, не имѣлъ права, не дать земли крестьянину, ибо въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы право лишить государство его дохода, чего предполо-

жить нельзя. Скажутъ: помѣщикъ и самъ изъ собственной выгоды этого бы не захотѣлъ; пусть такъ, но тѣмъ не менѣе онъ не имѣлъ права поступать иначе. Такія соображенія, вытекающія логически, представляютъ отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ въ ипомъ видѣ, нежели какъ воображаютъ это многіе судьи древней Руси.

Коснувшись столь важнаго вопроса, какъ быть крестьянъ въ древней Россіи, мы, само-собою разумѣется, въ статьѣ нашей, посвященной замѣчаніямъ на Бѣлевскую Вивлюепку, не имѣемъ цѣли изслѣдовать его подробно; но тѣмъ не менѣе выскажемъ здѣсь наше мнѣніе, основанное на историческихъ свидѣтельствахъ, выскажемъ въ видѣ тезиса, имѣющаго быть развитымъ и подтвержденнымъ историческими доказательствами.

Помѣщикъ и вотчинникъ, до укрѣпленія и послѣ укрѣпленія, не былъ собственникъ ни имѣнія вообще, ни земли. — Земля не была помѣщичья. Земля Русскаго народа принадлежитъ Русскому народу и, чрезъ него, государству, какъ вышнему его представителю. Какъ собственность всего Русскаго народа, она находится въ пользованіи или владѣніи у того или другаго лица, не переходя въ его частную собственность. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи явился и наконецъ опредѣлился государь, земля стала называться государевою, вовсе не въ смыслѣ частной собственности государя, какъ лица, но въ смыслѣ чисто государственномъ, ибо государство имѣетъ въ немъ своего представителя. Государь владѣетъ землею Россіи не на частномъ, а на государственномъ правѣ. Государь, какъ глава государства, дѣйствуетъ государственно чрезъ своихъ представителей, намѣстниковъ и вообще людей служилыхъ, являющихся органами государственной дѣятельности. Когда государь посылаетъ въ городъ своего мужа (какъ выражались въ древности) съ тѣмъ, чтобъ онъ правилъ этимъ городомъ, значить ли, что онъ отдаетъ ему городъ въ собственность? Государь поступаетъ ему частію своей власти и доходовъ, сохраняя въ то же время надъ нимъ общую верховную власть. Таковы были, со временъ Рюрика, мужи, державшіе подъ нимъ города, таковы были потомъ намѣстники и воеводы. Точно такое же значеніе имѣли помѣщики и вотчинники. Государь поступаетъ частію своей государственной власти и доходовъ помѣщику, и только. Имѣніе помѣщика нисколько не становилось собствен-

востію помѣщика, даже и мысли этой не существовало. Помѣщикъ владѣлъ своимъ помѣстьемъ, а вотчинникъ вотчпнокю на правѣ государственномъ. Если ужъ подымать вопросъ, кому, въ ближайшемъ смыслѣ, въ болѣе тѣсномъ объемѣ, принадлежитъ земля въ имѣньи помѣщика, такъ она принадлежитъ населенію, а онъ владѣеть ею на государственномъ правѣ. Это то же самое отношеніе, въ малыхъ размѣрахъ, какое существуетъ для всей Россіи въ цѣлости. Кому принадлежитъ земля Россіи? Русскому народу, а государь владѣеть ею на государственномъ правѣ. Въ силу этого-то государственнаго права, которымъ государь поступаетъ въ меньшихъ размѣрахъ и въ тѣсныхъ предѣлахъ своему мужу, служилому человѣку, — владѣеть помѣщикъ и вотчинникъ своимъ имѣніемъ. — Отношенія помѣщика или вотчинника къ населенію были, въ свою очередь, чисто государственныя; въ жалованныхъ грамотахъ встрѣчается выраженіе, что жалуются помѣстье или вотчина: съ данью и съ судомъ, т. е., съ правомъ суда. Помѣщикъ и вотчинникъ бралъ отъ суда опредѣленные пошлины, въ чемъ состояла его финансовая выгода; судилъ онъ, слѣдовательно, какъ судья, по законамъ государства, по которымъ всѣ судились; это особенно выдается, когда говорится о судѣ смѣсномъ, гдѣ помѣщикъ судилъ вмѣстѣ съ волостелемъ (или вообще съ государственнымъ чиновникомъ): и «присудомъ дѣлятся по поламъ», что показываетъ однородный судъ. Крестьяне помѣщичьи и вотчинничьихъ совершенно также свободны и полноправны, какъ и другіе крестьяне; при выборѣ губнаго старосты, напримѣръ, крестьяне всѣхъ владѣній въ цѣлой округѣ (помѣщичьи и вотчинничьихъ, государевы, монастырскіе) соединяются въ одну общину и вмѣстѣ выбираютъ. Оброкъ, который платили, и пашня, которую пахали крестьяне на помѣщика и вотчинника, были въ замѣнъ разныхъ податей и повинностей, которыя платили крестьяне государству, и составляли помѣщичью доходъ. Скажутъ: этотъ доходъ составлялъ главную цѣль при пожалованіи имѣніемъ; но у насъ и воеводамъ давали города въ кормленіе (мы объяснили, что это значило опредѣленное жалованье, — не болѣе). Если жаловали для дохода, то все-таки жаловали государственнымъ званіемъ; государственность отношенія отъ этого не измѣнялась. Есть сильное основаніе думать, что помѣщикъ и вотчинникъ не могъ заставлять крестьянъ пахать на

себя столько, сколько захочетъ, ни налагать количество оброка по своей волѣ. Хотя мы не намѣрены были приводить въ нашѣмъ настоящемъ изложеніи свидѣтельства историческія, но однако укажемъ на грамоту царя Іоанна Васильевича въ сельцо Ленково; въ ней находится слѣдующее мѣсто: «и вы бѣ всѣ крестьяне, которые въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ и въ селицахъ живутъ. Ивана да Гаврила, да Федора Семеновыхъ дѣтей Лазарева слушали, оброкъ имъ *помѣщиковъ* платили и пашню на нихъ пахали, доколѣ за ними то помѣстье писцы наши или большіе мѣрщики опишутъ и измѣряютъ и *учинятъ за ними пашни по нашему указу*» (Описание города Шуи, стр. 89). Такое свидѣтельство не одно.—Между помѣщикомъ и вотчинникомъ не было никакой разницы во внутреннихъ, такъ сказать, его отношеніяхъ къ имѣнію; разница въ томъ, что отношенія помѣщика становились наследственными, переходя въ отношенія вотчинника. — Скажутъ: какъ же вотчина не была частной собственностью: вотчину можно было продать, подарить? Но здѣсь продавалось и дарилось лишь отношеніе вотчинника. Отдавались въ вотчину и рыбныя ловли; ловли можно было продать; но здѣсь продавалась не рѣка, не берегъ, не земля, а ловля, то есть, доходъ; здѣсь слѣдовательно нѣтъ другой собственности, кромѣ дохода. Это почти то же, что акціи, не дающія никакой собственности въ предпріятіи, кромѣ права на извѣстный дивидендъ. Дарилось и продавалось не болѣе того, что имѣлось. А отношенія помѣщика и вотчинника не были отношенія собственника. Ограниченіе права перехода или такъ называемое укрѣпленіе крестьянъ, если даже понять его, какъ полное прикрѣпленіе къ землѣ и полное лишеніе права перехода, нисколько не измѣнило отношеній помѣщика и вотчинника къ крестьянамъ. Какъ прежде, такъ и послѣ, мы встрѣчаемъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, болѣе или менѣе значительныхъ, все государственное устройство, встрѣчаемъ цѣловальниковъ, выборныхъ судей, приговоры сходки, и наконецъ земскихъ дьячковъ, писавшихъ приговоры сходки. Доселѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ существуетъ, или хотъ извѣстенъ по имени, *Земской*; теперь онъ чисто служилый человекъ, помѣщичій; онъ значить, болѣею частію, конторщикъ, писарь. Мы долго не умѣли себѣ объяснить этого названія, пока не встрѣтили въ древней Россіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земскихъ дьячковъ,

писавшихъ приговоры сходки. Земской нашего времени—это выродившееся юридическое лицо древней Руси, въ названіи котораго слышится отголосокъ древняго самостоятельнаго быта теперешнихъ помѣщичьихъ крестьянъ.—Акты показываютъ намъ примѣры официальныхъ договоровъ помѣщика съ своими крестьянами, договоры, которые не мыслимы при нашемъ крѣпостномъ состояніи. Въ актахъ юридическихъ, изд. г. Калачевымъ, помѣщена запись договорная о строеніи церкви между дворянами и крѣпостными крестьянами, 1698 года; приводятся имена и тѣхъ и другихъ, и тѣ и другіе становятся совершенно наравнѣ; грамота оканчивается словами: «и договорную запись писалъ, по ихъ дворянскому и крестьянскому велѣнью,» и проч. (стр. 698—699). Въ любопытной (хотя и несправедливой по многимъ выводамъ) статьѣ г. Побѣдоносцева: «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ (№№ 11 и 12), приводятся свидѣтельства, подтверждающія нашу мысль. Мы не согласимся съ г. Побѣдоносцевымъ въ томъ, чтобы помѣщичье управленіе до Петра было снимкомъ съ государственнаго управленія; оно не было снимкомъ. Это не помѣщикъ завелъ у себя такое управленіе; а это было тоже государственное управленіе, какъ и во всей Россіи, которое измѣнить помѣщикъ не имѣлъ права, ибо самъ онъ былъ только государственное лицо и стоялъ чисто въ государственныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, людямъ свободнымъ, лишь прикрѣпленнымъ къ землѣ, и то не совсѣмъ (а вовсе не къ нему). Доказательство, что состояніе помѣщичьихъ крестьянъ до-Петровской Россіи было однородно съ государственнымъ, есть между прочимъ и то, что крестьяне бѣгають, какъ отъ помѣщиковъ къ Государю, такъ и отъ Государя къ помѣщикамъ, что теперь не мыслимо. Укажемъ на современные выраженія, въ которыхъ слышится государственное значеніе нѣкогда помѣщичьихъ отношеній. Крестьяне иногда говорятъ про помѣщика: мы его *державы*. Слово *держать* есть почти терминъ государственный. Въ сѣверныхъ губерніяхъ употребляется, для означенія общаго управленія и совокупности вѣсколькихъ деревень, слово: *столь*, разумѣется въ своемъ государственномъ значеніи, т. е. однородно съ словомъ: *столь* Кіевскій, Владимірскій и пр.

И такъ до Петра помѣщичьи и вотчинниковы крестьяне были

люди свободные и полноправные; помѣщики и вотчинники находились къ нимъ лишь въ государственныхъ юридическихъ отношеніяхъ. По этому крѣпостной до Петра и крѣпостной послѣ Петра не имѣютъ между собою никакого сходства, сходство лишь въ словахъ, въ буквѣ. Крѣпостной крестьянинъ до-Петровскій еще менѣе похожъ на крѣпостнаго крестьянина нашихъ временъ, чѣмъ земской до-Петровскій на земскаго современнаго: слово одно, да смыслъ не тотъ. Мы, Русскіе XIX столѣтія, одинаково понимаемъ, что значить наше крѣпостное состояніе! Страшный, безчеловѣчный смыслъ его намъ хорошо извѣстенъ. Принимая это слово въ его, всѣмъ намъ хорошо извѣстномъ, значеніи, мы говоримъ, что крѣпостнаго состоянія въ Россіи до Петра не было. Крѣпостное состояніе есть дѣло преобразованной Россіи. Самое титло до-Петровскаго вотчинника и помѣщика: *государь*, указывало на его государственное значеніе; *баринъ* неизвѣстенъ въ древней Россіи. *Баринъ*—есть также произведеніе преобразованной Петровской Россіи.

Обращаясь вновь къ Бѣлевской писцовой книгѣ, мы въ ней находимъ подтвержденіе сказанному нами. Нигдѣ не говорится, чтобъ земля принадлежала помѣщику или вотчиннику; при описаніи имѣнія говорится лишь о помѣщиковой и вотчинниковой пашнѣ; подъ этимъ разумѣется опять таки не земля, а пашня; на ряду съ помѣщичьей и вотчинниковой пашней говорится о пашнѣ крестьянской. Лѣсъ тоже не составлялъ, кажется, собственности помѣщика. Замѣчательно, что крестьяне пользуются лѣсомъ государственнымъ, вѣзжимъ лѣсомъ; но тамъ, гдѣ и нѣтъ крестьянъ, позволяется вѣзжать въ этотъ общій лѣсъ; кому же? помѣщику или крестьянамъ, которые могутъ у него явиться? Думаемъ и то и другое; въ такомъ случаѣ и помѣщикъ *пользовался* лѣсомъ отъ государства. Вообще права помѣщика на лѣсъ не ясны. Есть напримѣръ выраженіе: «а сѣно и лѣсъ вопче (помѣщику) съ братомъ его по дачамъ» (1, стр. 12), и другія тому подобныя. Но здѣсь разумѣется не помѣщикъ, какъ собственникъ, а само имѣніе помѣщика. Это яснѣе видно въ выраженіи о вотчинѣ Мезницовыхъ (жеребей деревни Гришиной): «а усадный лѣсъ межъ рѣчекъ Ракитны и Городенки по заповѣдную черту вопче съ помѣшки *ко всей деревнѣ Гришиной*» (I. стр. 313). Также: «а усадный лѣсъ позади дворовъ деревни Хвоще-

вой вопче всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по дачамъ ко всей деревни Хвощевоу» (I. стр. 444). (Усадный лѣсъ принадлежалъ, кажется, уже къ имѣнью). Говорится также напримѣръ: «а околица и выгонъ въ деревнѣ Абни Осипу Суддешеву вопче съ помѣщиками». (I. стр. 23). Или также: «колодець (помѣщику) вопче съ дядею его» (I. стр. 66—67). Наконецъ: «а вода имать в животина повть (помѣщику) въ колодець вверху вопче» (I. стр. 84). Очевидно, вода не есть собственность помѣщика. Наконецъ еще: «лѣсъ (помѣщику) на дрова и на всякое угодые въ холму вопче съ помѣщиками» (II. стр. 8). А мы знаемъ изъ писцовой же книги, что именно въ лѣсъ на дрова и на всякое угодые предоставляется вѣзжать крестьянамъ; слѣдовательно, они здѣсь подразумѣваются. И такъ рѣчь идетъ объ имѣннѣ, которое *за помѣщикомъ* (или вотчинникомъ; см. выше привед. примѣры). Изъ всѣхъ приведенныхъ мѣстъ можно, кажется, заключить, что крестьяне и помѣщики *пользовались* лѣсомъ государственнымъ. Что такіе лѣса, какъ большой Бѣлевской, большой Рыданской, Кулутинской, были лѣса государственные—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но мы видимъ, что помѣщикамъ и крестьянамъ отъ государства *отводится въ пользованіе* лѣсъ усадный, какъ кажется, принадлежащій къ имѣнію. Можно, кажется, съ достовѣрностію заключить, что лѣсъ не былъ частной собственностью и давался не *въ собственность*, а *въ пользованіе*. Быть можетъ, поросли на десятинахъ и хворостинникъ не входили въ расчетъ (1).

Въ помѣстьѣ Шуйскаго, при изчисленіи крестьянъ, мы встречаемъ *земскаго дьячка*: «Игнашко Олексѣевъ, земской дьячекъ» (I. стр. 406.) Это новое доказательство о существованіи этихъ земскихъ дьячковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

(1) Вотъ еще примѣры, по которымъ видно, что лѣсъ отводится къ имѣннѣ са-мому. Въ помѣстьѣ Степана Гаврилова сына Новосильцева: «лѣсу дровянаго и на всякое угодые къ селу Горлякову межъ рѣчекъ Строевой и Черепавы по большуу дорогу» (II. стр. 195). Также: «лѣсъ усадный и болото и выгонъ и всякое угодые вообще помѣщику съ подьячимъ съ Осипомъ Васильевымъ ко всей деревни» (I. стр. 417). Мы видимъ, что и пашенный лѣсъ тоже отводится ко всему имѣнью; напримѣръ, въ помѣстьѣ Богдана Ильина сына Плещеева (гдѣ есть и другіе помѣщики): «лѣсу пашеннаго ко всей деревнѣ 2 десятины» (II. стр. 147). Также, въ вотчинѣ Петра Семенова сына Воейкова: «а лѣсъ пашенной, и непашенной, и болотной вопче съ Спаскимъ монастыремъ, ко всей деревнѣ Кураковоу» (II. стр. 266).

Наконецъ въ приложеніяхъ, весьма любопытныхъ, читаемъ мы опись имѣнья, сельца Высокаго съ деревнями; это не слишкомъ большая вотчина; въ ней всего 66 дворовъ. Между тѣмъ въ ней встрѣчаемъ мы цѣловальника: «а по сказкѣ старосты Куземки Анякѣва да цѣловальника Корнюшки Сергѣева (II. Приложенія стр. 19). Потомъ въ этой же описи говорится о вотчинномъ архивѣ и о собраніи въ немъ челобитныхъ крестьянскихъ; описаніе этого архива любопытно; приведемъ это мѣсто: «Ящикъ у старосты въ житницѣ съ писмами, съ отписми всякихъ государевыхъ платежей со 188 году, и челобитныя крестьянскія подлинныя, и книги старостины приѣмныя и расходныя, который нынѣ въ старостахъ ходитъ, — Куземки Аникеева, и иные всякіе мелкіе крестьянскіе писма, и тотъ ящикъ, запечатавъ, посланъ къ Москвѣ» (II. Приложенія, стр. 19). Это съ своей стороны показываетъ чисто государственныя отношенія, а не господскія (понимая это слово въ современномъ смыслѣ, которому опять научила насъ преобразованная Петромъ Россія), и подтверждаетъ нашу мысль, высказанную нами, что значеніе помѣщика и вотчинника до Петра, было чисто государственное, и что помѣщичьи и вотчинничьи крестьяне были люди свободные и полноправные столько же, сколько и государственные крестьяне.

Кромѣ общихъ выводовъ, сдѣланныхъ нами, писцовая книга Бѣлевскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ много любопытнаго и вызываетъ замѣчанія, которыя мы и представляемъ читателямъ.

Мы видимъ, что крестьянинъ переходилъ и не за помѣщика, на примѣръ: «мѣсто Омелянка Кузмина; сшелъ въ Бѣлевской же уѣздъ, въ козачью деревню Федяшеву въ 7131 году» (I. стр. 504).— Мѣсто жительства однихъ крестьянъ съ другими и даже съ козаками не было разграничено, какъ скоро жили они въ одной и той же деревнѣ, на примѣръ: въ селѣ Бакнѣ, въ жеребьи Григорья Ильина сына Гоконова (село безъ жеребья за Бобриковскими козаками): «крестьянинъ его Григорьевъ (помѣщика), Ждавко Петровъ сынъ Чеботаревъ живетъ на старомъ своемъ усадѣ, межъ козачьихъ дворовъ Елисейка Савельева, да Максимка Зиновьева» (II. стр. 35).—Видно, что крестьянинъ могъ бросать свое дѣло, и, не переходя, шататься тутъ же въ имѣніи, какъ видно, не принуждаемый помѣщикомъ къ работѣ и не выгоняемый; вотъ, на примѣръ, выраженіе, замѣчательное какъ вы-

раженіе: въ помѣсть Василя Савельева сына Чернышева: «Володька умеръ, а сынъ его волочится межъ дворовъ» (II. стр. 99).— Видимъ также, что правительство иногда давало крестьянину нное назначеніе; напримѣръ, при описаніи помѣстья Племянниковыхъ: «дворъ (крестьянскій) Гарасимка Фомина; взять въ Корачевъ въ пушкари» (I. стр. 433). Также находимъ: «мѣсто дворовое крестьянское пусто Родки Дорофеева, а Родка шель на Елецъ въ козаки во 124 году (I. стр. 144).

Въ новое доказательство самостоятельности помѣщичьихъ и вотчинничьихъ крестьянъ можемъ привести слѣдующее мѣсто: въ описаніи церковной земли говорится: «а въ ней пашни паханыя наѣздомъ 20 четвертей, да лѣсомъ поросло 12 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ, и съ тѣмъ, что владѣли деревни Гашины крестьяне» (II. стр. 144). А эта деревня — помѣщичья, принадлежавшая двумъ помѣщикамъ. Присутствіе двухъ или нѣсколькихъ помѣщиковъ въ одномъ селѣ или одной деревнѣ не разрывало, кажется, нисколько ея общиннаго единства.

Въ писцовой книгѣ говорится, при описаніи имѣній, о прокопныхъ земляхъ; кажется, это были земли разчищеныя для пашни. изъ лѣсу, отведеннаго къ имѣнью. Напримѣръ, при описаніи церковной земли, говорится: «да прокопныя земли, что они прокопаны изъ усаднаго и изъ угоднаго своего лѣсу, позади дворовъ, на Быковомъ десятина, отъ межи Прокофіева помѣстья Воейкова, деревни Олоновой» (I. стр. 383). Приводимъ еще примѣръ, изъ котораго, кажется, видно, что крестьяне сами разчищали пашню, какъ бы отъ себя, именно, въ имѣнныя Якова Петрова сына Кологривова: «да примѣрныя прокопныя земли, что прокопали двоя Яковлевы крестьяне сверхъ его вотчинной дачи, въ деревнѣ Боровнѣ, изъ пашеннаго лѣсу 20 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ» (I. стр. 240). Эта земля признается и записывается писцовой книгою. Для большаго доказательства, что крестьяне дѣйствовали здѣсь самостоятельно, отъ себя, можемъ привести еще слѣдующее мѣсто: при описаніи помѣстья Василя Андреева сына Павлова: «да прокопныя земли, что при(о)копали его жъ Васильевы крестьяне изъ угоднаго *своего* лѣсу, и съ луговою землею, что у рѣки Оки, что прежь сего пахивали и нынѣ пашутъ, въ тѣмъ же полямъ тоужъ деревни 25 четвер-

тей» (II. стр. 216—217). Здѣсь прямо сказано, что лѣсъ крестьянской; но если не было раздѣла между лѣсомъ помѣщичьимъ и крестьянскимъ, то здѣсь слово *своего* относится до имѣнья вообще, до лѣса, имѣнью принадлежащаго, пользоваться которымъ имѣли одинакое право и помѣщикъ (или вотчинникъ) и крестьяне.

Въ имѣньяхъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, определяется иногда крестьянамъ тѣхъ и другихъ: пахать пашню черезъ десятину *для тѣсноты*, т. е. чтобъ избѣгать тѣсноты, или вслѣдствіе тѣсноты. Напримѣръ: «а пашню пахать Лаврентьевымъ крестьянамъ и бобылямъ съ Ивановы крестьяны и бобыли Кологриваго, съ Васильемъ Дурнымъ (тоже помѣщикъ) для тѣсноты черезъ десятину» (I. стр. 216). Еще примѣръ: «а пашню пахать князь Семеновымъ людямъ и бобылямъ (т. есть, людямъ—бобылямъ; ибо кромѣ бобылей ничего не показано) съ помѣщики (помѣщиковъ всѣхъ пять) для тѣсноты черезъ десятину» (II. стр. 155). Также: «а пашня пахать Микифоровымъ людямъ, и крестьянамъ и бобылямъ (опять здѣсь «люди» значать крестьяне и бобыли; ибо показана только крестьянская и бобыльская пашня) съ Юрьевыми крестьяны и бобыли, въ деревнѣ Ильинѣ слободкѣ, для тѣсноты черезъ десятину» (II. стр. 162).—О какой пашнѣ говорится здѣсь? Крестьянской или помѣщичьей? Вѣроятно, разумѣлась и та и другая. Но въ выраженіи: крестьянамъ пахать,—слышно какъ будто прямое распоряженіе крестьянъ пашнею. Приводимъ еще примѣръ, гдѣ это яснѣе: «а пашни пахать Михайловымъ (Ивановымъ) людямъ и крестьянамъ и бобылямъ съ Васильевы люди, и съ крестьяны (пропущено: и съ бобыли), *по любовному ихъ договору*, черезъ десятину» (II. стр. 99).

Это прямое, самостоятельное такъ сказать, отношеніе крестьянъ къ пашнѣ выражается даже въ тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія мы встрѣчаемъ со стороны крестьянъ, въ томъ, что они устроивали пашню *насильствомъ*; напримѣръ: въ имѣньѣ Кондратя Омелянова сына Сулдешева, въ жеребьи деревни Карловой, нѣтъ даже никакихъ дворовъ, а только «селище пустое Ѳедки Ефанова, что переселился тотъ Ѳедка Ефановъ съ стараго своего мѣста на новое мѣсто, выкопавъ его Кондратьевы рощи насильствомъ, и то селище, по сыску стороннихъ людей,—Кондратьевы рощи Сулдешева, а старое дворовое мѣсто Ѳедки Ефанова писано за Афо-

нашемъ Суддешевымъ» (II. стр. 8). Въ этомъ имѣннѣ Кондратьи Суддешева есть пашня 12 четвертей, паханая, конечно, наѣдомъ. — Въ описаніи имѣнья Аванася Суддешева мы читаемъ: «дворъ помѣщиковъ, что былъ тотъ дворъ прежде сего крестьянина его Ѳедки Ефанова да сына его Игнашки, а Ѳедка да Игнашка сошли безвѣстно во 136 году» (II. стр. 39). Конечно, этотъ Ѳедоръ Ефановъ смель послѣ того, какъ поселился было у Кондратьи Суддешева (иначе не сказано было бы: безвѣстно), и опустѣлый дворъ его занялъ (быть можетъ, на время) помѣщикъ. — Вотъ еще примѣръ: цѣлая деревня, вотчинника Троханіотова, деревня Столпова (Стоянова?) переселилась на монастырскую землю, какъ кажется, оставаясь за прежнимъ помѣщикомъ, ибо, при описаніи вотчины Троханіотова (I. стр. 491—493), всѣ эти крестьяне деревни Столповой (Стояновой) поименованы. При описаніи монастырской вотчины Пречистыя Богородицы Свѣнскаго монастыря упоминается объ этомъ обстоятельстве, говорится, что «Ивановы крестьяне и бобыли Троханіотова поселились съ стараго своего мѣста за монастырскую вотчину Пресвятыя Богородицы Свѣнскаго монастыря за село Студениково, дворы и гумна и огороды огородили, да тожь Ивановы крестьяне и бобыли Троханіотова пропахали усаднаго монастырскаго лѣсу позади своихъ дворовъ 6 десятинъ, въ пашню вверхъ по рѣкѣ по Козельнѣ, по правую сторону у рѣки Козельны» (I. стр. 498). Монастырь вступилъ въ споръ объ этой землѣ: былъ большой обыскъ и на обыскѣ показали, что «Бѣлевскаго уѣзда Рудскаго стану Ивановы вотчины Троханіотова деревни Стояновы крестьяне, въ прошломъ въ 7126 году, переселились съ стараго своего на новое мѣсто не по государеву указу, собою насильствомъ, Свѣнскаго монастыря вотчины, села Студеникова на монастырскую землю и на усадный лѣсъ, позади села Студеникова за дворами.» (I. стр. 449). Былъ судъ, и дѣло было рѣшено тѣмъ, что вся спорная земля была вновь отмежевана и записана въ отказныхъ писцовыхъ книгахъ за монастыремъ; крестьяне Троханіотова высланы изъ дворовъ вонъ «на старыя ихъ усадья, гдѣ они прежде того жили»; а всѣ ихъ дворы, со всѣми угодьями и прокопкою пашнею, отказаны монастырю. Во всемъ этомъ дѣлѣ дѣйствуютъ сами крестьяне, самостоятельно; инициатива вся съ ихъ стороны; объ вотчинникѣ же упоминается косвенно и отдаленно.

При описаніяхъ имѣній, мы часто встрѣчаемъ пустыя крестьянскіе и бобыльскіе дворы, пустыя дворовыя мѣста. И тѣ и другіе остаются не тронутыми. Принадлежали ли они помѣщику? Кажется нѣтъ; оставаясь пустымъ, дворъ ждалъ новаго жильца и соблюдался для него. Пустое дворовое мѣсто тоже, кажется, было неприкосновеннымъ, ибо тоже помѣщику уже не принадлежало, а принадлежало тому крестьянину, который вздумалъ бы на немъ поселиться: это былъ *крестьянскій* пустой дворъ, *крестьянское* дворовое мѣсто, и принадлежать могли они только крестьянину. Намъ наводитъ на эту мысль то, что при описаніяхъ имѣній встрѣчаются старыя мѣста дворовыя крестьянскія, которыя однако остаются неприкосновенны и записываются въ писцовыя книги; напримѣръ: «да старыя пустоты пятнадцать мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пусты» (I. стр. 355), или еще выразительнѣе: «да старыя пустоты два мѣста дворовыхъ, а чье именованъ, того никто не упоминуть» (II. стр. 186). Также: «да мѣсто дворовое крестьянское пусто, старыя пустоты, а чье именованъ того никто не поминуть (I. стр. 433). Это показываетъ уже большую старину; тѣмъ не менѣе дворовыя мѣста соблюдаются неприкосновенно и записываются въ писцовую книгу.—Какъ подтвержденіе нашей мысли, можемъ мы привести въ примѣръ: «Село Городищи на рѣкѣ на Окѣ, а въ немъ мѣсто церковное великаго Чудотворца Николы, да четыре мѣста церковныхъ дворовъ пусты: мѣсто попово, мѣсто дячково, мѣсто понамарево, мѣсто просвирницыно» (I. стр. 433). Не говоря уже о церковномъ мѣстѣ, мы можемъ утвердительно сказать, что дворовыя мѣста служителей церковныхъ могли принадлежать только такимъ же служителямъ церковнымъ, не именно тѣмъ же самымъ лицамъ, но лицамъ, носящимъ тоже званіе и опредѣлившимся на тѣ же мѣста къ той же церкви.—Такъ водится и теперь въ имѣніяхъ; дворъ священника не принадлежитъ ни помѣщику, ни ему лично, но тому священнику, который займетъ это мѣсто въ селѣ. Въ гражданскомъ устройствѣ, домъ губернатора принадлежитъ тому, кто будетъ губернаторомъ. Въ древней Руси при существованіи перехода, домъ крестьянина не былъ собственностью помѣщика, былъ неприкосновененъ, и тогда, когда оставался пустымъ, онъ принадлежалъ крестьянину, тому, который придетъ и поселится въ немъ, порядившись съ помѣщикомъ или вотчинникомъ. Таково

184
 снв нос
 (I. стр.
 За пол
 ичични
 ил вотч
 и за д
 і госуд
 и ту в
 мотъ і
 претст
 юсть п
 имено
 Возр
 скольк
 ю дво
 и боби
 при б.
 значит
 риса (I
 ка Ол
 бобы.
 Больш
 ошнб
 ния
 пашн
 ровъ.
 ловъ
 да т
 что
 чало
 знач
 вст
 нив
 ры.
 ко
 это
 шн
 св

ие предположеніе, которое требуетъ еще доказательствъ болѣе ясныхъ и болѣе ясныхъ (1).

Въ постепенномъ ходѣ населенія въ древней Россіи мы встрѣимъ: починокъ. Это былъ *починный* шагъ населенія; шагъ этотъ ялся крестьяниномъ, приходившимъ на-новое мѣсто, строивъ дворъ и разчищавшимъ пашню; поэтому имя, которое носитъ починокъ, есть, очевидно, имя крестьянское. Приведемъ мѣры; въ описаніи помѣстья Аванасья Тимоѣева сына Буни- «да къ той же деревнѣ припущена въ пашню пустошь, что гъ починокъ Олеша Карпова» (I стр. 420). Въ описаніи по- тья Волокиты Еенимова сына Сухачева: «да къ ней же (къ де- нѣ) припущены въ пашню два починка: починокъ Федора Сѣ- аго, да починокъ Семена Ушакова» (I. стр. 427—428). Въ савіи помѣстья Михайла Васильева сына Племянникова и пле- ника его: «да къ ней же (къ деревнѣ) припущено въ пашню инокъ Гвоздевъ» (I. стр. 432).

ѣнно показывается вообще, не раздѣльно, помѣщичье или вот- ничье, отъ крестьянскаго и бобыльскаго (2), но встрѣчаемъ ако, при описаніи монастырской вотчины Пресвятыя Богоро- ы Свѣнскаго монастыря: «да крестьянскаго сѣна по рѣкѣ Окѣ рѣки Яблонки 110 копенъ.... да крестьянскаго сѣна въ Ко- ѣихъ лугахъ 200 копенъ.... да крестьянскаго и бобыльскаго

) Пашъ въ возраженіе могутъ указать на одинъ только, приведенный нами же мѣръ, что помѣщикъ поселился во дворѣ, безвѣстно куда сшедшаго крестьянина. помѣщикъ могъ поселиться временно въ пустомъ дворѣ; а потомъ, все же дворе) онъ не сломалъ и не распахалъ и не продалъ; онъ самъ въ немъ поселился, и жить,—становился жильцомъ, и, построивъ себѣ свой дворъ и переехавъ въ , онъ, какъ думаемъ мы, не могъ считать оставленный дворъ своимъ собствен- ію и, напримѣръ, продать.

) Безъ сѣна крестьяне не могли быть; слѣдовательно, когда сѣно показывается ще за помѣщикомъ, здѣсь подразумѣваются и крестьяне. Это еще болѣе под- ждаетъ мысль, что, когда говорится о лѣсѣ,—тоже подразумѣваются крестьяне, дтверждаетъ также, что выраженіе о лѣсѣ: «ко всей деревнѣ „имѣетъ прямое сніе, ибо о сѣнѣ говорится такъ же; а чтобъ крестьяне не имѣли своего сѣна, о конечно предполагать не будетъ. Вотъ примѣры: въ описаніи помѣстья князя ля, князь Юрьева сына Горчакова: „а сѣно и лѣсъ вопче съ Семеномъ да ариемъ Лавроними ко всей деревни Вырску“ (II. стр. 254). Въ описаніи по- ья Ивана Федорова сына Слѣпущкина: „Дубровы отхожі сѣножатныя у деревни ьеновской старой Скрылевой 10 десятинь съ полудесятиною; сѣна ставтеса копенъ. Лѣсу пашеннаго у деревни Столыпинской 4 десятины. А лугъ и сѣ- тная дуброва и лѣсъ вопче у всѣхъ помѣщиковъ, ко всей деревнѣ Котолано- (II. стр. 157).

сѣна косить около дубовыхъ мостовъ по дубовомъ 300 копенъ» (I. стр. 495, 496 497).

За недостаткомъ официальныхъ документовъ, слова крестьянъ вотчинника могли, какъ видно, служить основаніемъ для признанія вотчины за нимъ. Приводимъ примѣръ: «А писана та вотчина за дьякомъ, за Иваномъ Софоновымъ, по сказкѣ бобылей его, а государевы жалованпья вотчинныя грамоты и никакія крѣпости на ту вотчину не положилъ» (I. стр. 494). Это опять показываетъ независимыя отношенія къ вотчиннику и полноправность крестьянъ, безъ чего слова ихъ не могли бы внушать довѣренность правительству и равняться съ официальнымъ документомъ, именно въ этомъ вопросѣ: чья вотчина?

Возражая намъ, могутъ указать намъ на встрѣчающіяся нѣсколько разъ въ Бѣлевской писцовой книгѣ слова: крестьянинъ во дворѣ, бобыль во дворѣ,— и вывести изъ этого, что крестьянъ и бобылей могли брать помѣщики и вотчинники въ дворовые; но при ближайшемъ разсмотрѣніи, мы видимъ, что это выраженіе значитъ совсѣмъ не то. Напримѣръ, въ помѣстьѣ недоросля Бориса Семеева сына Толстаго: «да крестьянинъ во дворѣ: Петрушка Олексѣевъ съ племянникомъ съ Тараскомъ Даниловымъ, да бобыль во дворѣ: Гришка Сергѣевъ съ сыномъ съ Захаркомъ.»— Больше ни крестьянъ, ни бобылей въ этомъ помѣстьѣ нѣтъ; стало, ошибиться трудно. Что же? Тутъ же мы читаемъ: «пашни паханыя помѣщиковы 17 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни паханыя 6 четвертей.»— Наконецъ, при изчисленіи дворовъ, мы читаемъ: «дворъ крестьянской, людей въ немъ два человѣка, да дворъ бобыльской, людей въ немъ два жъ человѣка, да три мѣста дворовыхъ пустыхъ бобыльскихъ» (I. 281). Ясно, что выраженіе крестьянинъ во дворѣ, бобыль во дворѣ,—не означало дворовыхъ; они, какъ видимъ, являлись во всемъ своемъ значеніи пашенныхъ крестьянъ и бобылей. — Примѣры этому встрѣчаются не одинъ разъ въ Бѣлевской писцовой книгѣ; крестьянинъ во дворѣ, бобыль во дворѣ, имѣютъ и свою пашню и дворы.— Намъ скажутъ, можетъ быть, что крестьяне и бобыли только считались дворами, а жили во дворѣ помѣщика; но если бы это было и такъ, то вся разница была бы въ томъ, что помѣщикъ давалъ имъ в себя во дворѣ помѣщеніе, а сами они, по своему значенію, занятіямъ и отношеніямъ къ помѣщику и къ

другихъ, оставались вполнѣ крестьянами и бобылями.—Но и этого мы допустить не можемъ; ибо дворы ихъ, какъ, напримѣръ, здѣсь въ приведенномъ нами мѣстѣ, перечисляются вмѣстѣ съ другими, между дворовъ помѣщика, людскихъ, и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ, которыя имѣютъ ужь не переносное, а прямое значеніе. Наконецъ даже самое выраженіе: «дворъ крестьянской, людей съ немъ два человекъ,» не допускаетъ, по нашему мнѣнію, предположенія, чтобы дворъ здѣсь принимался въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ семьи крестьянской.—И такъ выраженіе *во дворѣ* значить что нибудь иное, но нисколько не значить «двороваго», и ни въ какомъ случаѣ не касается и не нарушаетъ самостоятельности крестьянина или бобыля, о которыхъ говоритъ это выраженіе. Приведемъ еще примѣры: Въ помѣстьѣ Кирила Кузмина сынъ Кундюзова: «дворъ помѣщиковъ, да бобыль во дворѣ Ивашко Олексѣевъ» (I. стр. 285); при изчисленіи: «дворъ помѣщиковъ, да дворъ бобыльской» (I. стр. 286). Здѣсь яснѣе видно, что дворъ бобыльской настоящій дворъ: всего два двора, и они поставлены рядомъ. Въ вотчинѣ Никиты Михайлова сына Воейкова, всего одинъ крестьянинъ; это крестьянинъ во дворѣ; но это семья большая: «да крестьянинъ во дворѣ Карпикъ Тимофѣевъ сынъ Резановъ, съ племянникомъ съ Захаркомъ Ильинымъ, да у Захарки три сына Олешка да Кирюшка да Бориско, да приемышь Кирило Степановъ» (I. стр. 340). При изчисленіи говорится: «дворъ крестьянской, людей въ немъ шесть человекъ» (I. стр. 341). Другаго двора крестьянскаго быть не можетъ, ибо въ вотчинѣ нѣтъ другихъ крестьянъ; сказано: шесть человекъ; пересчитываемъ число, — тоже самое. Сомнѣнія нѣтъ, что дворъ крестьянской—дворъ Карпика, который показанъ съ семьей «во дворѣ». И такъ выраженіе: *во дворѣ*, имѣетъ какое-то свое особое значеніе, и *крестьянинъ во дворѣ* имѣлъ свой дворъ, на что съ своей стороны указываетъ здѣсь и объемъ семьи.

Кажется, примѣровъ довольно. Въ писцовой книгѣ точно встрѣчается бобыль безпашенный, вѣроятно, разорившійся и обѣднѣвшій; но объ немъ сказано иначе. Въ помѣстьѣ Ивана Григорьева сына Муромцева: «дворъ помѣщиковъ, да дворъ люцкой Тимошки Юдина, да съ нимъ бобыль Федка Кондратьевъ сынъ Князевъ» (II. стр. 41). Здѣсь нѣтъ слова: во дворѣ; но ясно, что бобыль живетъ въ людскомъ дворѣ. При изчисленіи пустыхъ мѣстъ, оче-

видно, именуется пустое мѣсто этого самого бобыля: «мѣсто Федки Князева» (II. стр. 42). Пашни бобыльской не означается (тогда какъ это всегда бываетъ, хотя бы былъ и одинъ бобыль, какъ здѣсь на примѣръ), при изчисленіи, бобыльскій дворъ не именуется. Говорится только: «дворъ помѣщиковъ, да дворъ людской, да 4 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ» (II. стр. 42). Очевидно, это бобыль безпашенный, живущій въ людскомъ дворѣ, что могло всегда случиться, какъ отдѣльное исключительное явленіе; но объ этомъ бобылѣ не сказано выраженіе: во дворѣ, и это еще болѣе съ своей стороны доказываетъ наше мнѣніе касательно этого выраженія.

Крестьянская семья является въ томъ же составѣ, въ какомъ является она и теперь, такую, какъ мы опредѣлили ее въ нашей статьѣ о древнемъ бытѣ Славянъ. Она многочисленна и часто принимаетъ въ себя стороннихъ родственниковъ и даже не родственниковъ, имѣя въ себѣ, при высокомъ семейномъ своемъ значеніи, значеніе союза, общины (семья—отъ соиматься—сеймъ). Въ одномъ изъ примѣровъ нашихъ можно видѣть такой составъ семьи. Но приведемъ еще примѣры: «Микитка Конаевъ съ сыномъ съ Олешкою, да съ племянникомъ съ Онтошкою Омельяновымъ, да съ нимъ же Савка Фроловъ да пасынокъ его Федька Ортемьевъ сынъ, прозвище Четекинъ» (I. стр. 330). «Микифорко Офонасьевъ съ дѣтми съ Тараскомъ да съ Наумкомъ, да съ зятемъ съ Офонкою Ивановымъ» (I. стр. 287). «Бобыль Степашко Родионовъ съ шуриномъ съ Никонкомъ» (I. стр. 4).

При монастырскихъ имѣніяхъ упоминаются бобыли безпашенные, которые питаются отъ церкви Божіей (I. стр. 364), или изъ пахму (II. стр. 130). Упоминаются также *дѣтеньши*. Они жили и во дворѣ монастырскомъ (I. стр. 373) и своими дворами (II. стр. 129). Во второмъ случаѣ говорится о томъ, что они пахали: «пашни пахатныя монастырскія *дѣтеньшевы пахоты* середніе земли 30 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ» (II. стр. 130).

Дворовые слуги, или *люди* собственно, называются при описаніи cadaго имѣнія въ началѣ поименно, но въ итогѣ считаются только ихъ дворы, тогда какъ дворы крестьянъ и бобылей не только пересчитываются, но повторяется въ итогѣ сколько человекъ въ крестьянскихъ, сколько въ бобыльскихъ дворахъ. Примѣровъ не приводимъ, ибо примѣры въ каждомъ описаніи

имѣнія. Когда въ имѣніи н есть *люди*, но нѣтъ ни крестьянъ, ни бобылей, то, хотя бы и была запашка (разумѣется въ такомъ случаѣ наймомъ)—про имѣнье говорится: сошнаго письма *съ пустою* столько-то. Какъ же скоро есть крестьяне или бобыли (хотя бы одинъ), говорится: сошнаго письма *съ живущимъ* столько-то. Прнмѣровъ не считаемъ нужнымъ приводить, ибо ихъ множество. Платилось государству съ живущаго, а не съ пустоа, то есть, платили крестьяне государству за землю. Помѣщикъ же или вотчинникъ, хотя бы у него и была пашня наймомъ, не платилъ государству, ибо онъ получалъ землю въ пользованіе отъ государства, какъ жалованье, и, обрабатывая наймомъ, самъ платилъ за обработку.

Люди не сосчитывались при итогѣ; но замѣчательно, что *дѣловые* люди сосчитывались при итогѣ; именно: въ вотчинѣ Евстратя Михайлова сына Воейкова сперва въ началѣ называются поименно живущіе во дворѣ дѣловые люди, а потомъ въ итогѣ они сосчитываются, именно: «дворъ вотчинниковъ, а людей въ нихъ (въ немъ?) дѣловыхъ восемь человекъ» (I. стр. 338). Впрочемъ, за то они не имѣютъ своихъ дворовъ. Въ помѣстьѣ Богдана Ильина, сына Плещеева, называются поименно дѣловые люди, живущіе въ дворѣ помѣщичьемъ, но въ итогѣ впрочемъ не сосчитываются. Быть можетъ, это пропускъ (II. стр. 146—148). Упоминаются еще въ имѣннѣ помѣщика: «дешевые (1) люди» (I. стр. 286). Они живутъ тоже во дворѣ помѣщика.

Встрѣчается пустой дворъ людской, именно въ помѣстьѣ Петра Иванова сына Иванова: «дворъ пусть людской Никонки Авдѣева» (I. стр. 438). Встрѣчается даже, въ помѣстьѣ Ивана Васильева сына Кондырева: «дворъ пусть людской Аевонки Елизарьева; сшелъ безвѣстно въ 135 году» (II. стр. 221). Обстоятельство любопытное. Едва ли мы можемъ опредѣлительно сказать, что такое были въ древней Руси *люди*.

Говорится о *людской* пашнѣ, именно: въ вотчинѣ Петра Семенова сына Воейкова: «пашни паханья людскія пахоты 2 четверти съ осминою» (II. стр. 265). Въ вотчинѣ Ивана и Гаврила Тимофеевыхъ дѣтей Бунинныхъ, въ одномъ имѣннѣ: «пашни паханья середнія земли людскія пахоты пять четь»; въ другомъ имѣннѣ:

(1) Слово: дешевые, разумѣется, должно понимать не въ современномъ, денежномъ значеннѣ.

«пашни паханыя худыя земли людскія пахоты 5 четъ» (II. Приложенія, стр. 3—4). Обстоятельство весьма замѣчательное. На кого пахали люди? Вѣроятно на себя; а то бы было упомянуто: пашня помѣщикова, какъ упомянуто: монастырская, при дѣтенышевой пашнѣ.

Дворовое мѣсто, вѣроятно, не имѣло другаго значенія, какъ мѣсто, гдѣ былъ дворъ. Это доказывается тѣмъ, что въ помѣстьѣ Данила Иванова сына Беклемишева упоминается: «дворовое мѣсто помѣщикова» (I. стр. 89). Въ вотчинѣ Татьяны Ивановой дочери Юшкова Григорьевой жены Житова: «мѣсто дворовое вотчинниково» (II. стр. 207). Въ помѣстьѣ Степана Гаврилова сына Новосильцева упоминается: «дворъ помѣщиковъ пустъ» (II. стр. 195).

Службу начинали служить съ пятнадцати лѣтъ: «а какъ недоросль Тихонко въ службу поспѣетъ и будетъ въ пятнатцати лѣтъ, и ему съ того помѣстья государева служба служить» (I. стр. 217).

Изъ писцовой же книги видно, что такое была четверть. Четверть была полдесятины; приводимъ мѣсто: «на ихъ двѣ трети пашни паханыя наѣзжія изъ найму 28 десятиць, а (въ?) четвертную пашню 56 четвертей»; «а на ихъ треть пашни паханыя изъ найму 14 десятиць—а четвертною пашнею 28 четвертей»; «....а въ ней пашни паханыя наѣзжія 42 десятины, а четвертною пашнею 84 четверти» (II. стр. 139—140).—Сѣна на десятину приходилось 20 копенъ; на примѣръ: «Дубровы отхожія сѣножатныя у деревни Парфеновской, старой Скрылевы, 10 десятиць съ полудесятиною; сѣна ставится 210 копенъ» (II. стр. 157). Тотъ же расчетъ вездѣ; уклоненіе, которое мы замѣтили только однажды, гдѣ на то же число десятиць показано 200 копенъ (II. стр. 156),—вѣроятно, опечатка.

Вотъ наши выводы и замѣчанія, при первомъ чтеніи Бѣлевской писцовой книги. Они далеко не изчерпываютъ богатаго содержанія ея, которое, конечно, подастъ поводъ нашимъ ученымъ ко многимъ другимъ выводамъ и замѣчаніямъ. Пожелаемъ, чтобъ больше издано было у насъ писцовыхъ книгъ и чтобъ почтенный издатель Бѣлевской писцовой книги продолжалъ свое полезное изданіе. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что желательно было бы видѣть менѣе опечатокъ и менѣе сокращеній, иногда затрудняющихъ даже чтеніе. Но это бездѣлица. Закключаемъ нашу статью истинною благодарностью почтенному издателю.

ЗАМВЧАНІЯ.

НА

ЛЪТОПИСИ АКТИ, И ГРАМОТЫ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ЛѢТОИНСЬ НЕСТОРА (1).

(по Лаврентьевскому списку).

907 г. Походъ Олега на Грековъ.—Ясно, что въ отдаленной древности при Олегѣ было то же, что и послѣ. Ясно, по нѣкоторымъ выраженіямъ, что города вовсе не сливались другъ съ другомъ въ одно цѣлое, подъ властью его находящееся, что у городовъ были свои князья, и что позднѣйшій раздѣлъ земли было вовсе не пагубное нововведеніе, но существовалъ и всегда, по крайней мѣрѣ съ начала нашей исторіи. (Впрочемъ, раздѣлъ слово невѣрное, ибо и цѣлаго прежде не было; было *несоединеніе*.) Такимъ образомъ объясняется позднѣе Князь Малъ; а то иначе не знаешь, откуда взялся онъ.—Въ требованіи Олега дана *на города* ясно высказывается самостоятельность городовъ.

912 г. Договоръ съ Греками. Изъ этого договора еще яснѣе видно, что были князья, кромѣ Олега, въ Русской землѣ; посланные были отъ Олега и отъ нихъ. Эти князья были подъ рукою Олега; вѣроятно зависимость самая легкая, по тому уже, что послы были отъ нихъ, и по тому, какъ упоминается объ нихъ въ теченіи договора. Сверхъ того, князья эти вовсе не имѣли характера самовластнаго, ибо въ договорѣ и во множествѣ другихъ мѣстъ, особенно впоследствии, ясно видно самостоятельное значеніе земли. Однимъ словомъ: Русская земля не покорялась единому Князю Рюрикова племени, но образовывалась изъ отдѣльныхъ городовъ и земель самостоятельныхъ, управлявшихся своими князьями, точно такъ какъ и впоследствии, съ тою раз-

---

(1) Черновая неоконченная рукопись, принадлежащая, вѣроятно, къ концу 40-хъ или къ началу 50-хъ годовъ. Сначала идутъ общія замѣчанія, потомъ замѣтки подъ заглавіемъ: „замѣчанія въ хронологическомъ и генеалогическомъ отношеніи.“ Мы соединили ихъ вмѣстѣ, исключивъ все, что не представляетъ интереса по отсутствію даже намёка на особенность мысли автора. *Изд.*

нищю, что князья эти въ началѣ не всѣ были Рюрикова племена. И позднѣе встрѣчаемъ подобный примѣръ: Половца—Князя Русскаго. — Города въ землѣ были самостоятельны, могли допустить или призывать князей.

944 г. Игорь, совокупивъ *Варяговъ, Русь и Полянъ, Славянъ и Кривичей, и Тиверцовъ и Печенъговъ*.... Важно это соединеніе земель, но вѣроятно это дѣлалось съ воли этихъ отдѣльных народовъ (общинъ) и князей ихъ. Договоръ даже это доказываетъ.—Игорь созываетъ дружину и думаетъ: *совѣтъ дружины*.

945 г. Договоръ съ Греками. *Равно другого свѣщанья* можетъ быть значить здѣсь свѣщанье объ одномъ и томъ же дѣлѣ — договорѣ; о двухъ также можетъ быть экземплярахъ договора.

Изъ договора ясно видно, что онъ былъ заключенъ отъ Великаго Князя и отъ *другихъ* князей и отъ Земли Русской, что видно особенно изъ начала и далѣе въ теченіи договора. Прямо говорится: *Игорь*—посолъ Игоревъ, и *общіе* послы, потомъ изчисляются ихъ имена и въ заключеніи говорится: *посланіи отъ Игоря великаго Князя Русскаго и отъ всякая княжья и отъ всѣхъ людий Русскія земля*. Сверхъ того, важно самое изчисленіе пословъ; имена искажены, но ясно видно, что здѣсь не только имена пословъ, но и князей, отъ которыхъ посланы. Такъ первый, *Вусфастъ*, отъ лица *Святослава*, Игорева сына; *Искулы* (непонятное имя) отъ княгини Ольги, *Ульбъ* отъ *Владислава*, изъ чего можно предположить, что тогда былъ князь этого имени въ Руси, *Кикицаръ* отъ *Передславы*, тоже кажется княгини Русской, *Азандръ* отъ *жены Ульба* (здѣсь конечно утрачено имя); *Ульбъ* могъ быть тоже князь; это имя еще разъ встрѣчается: *Ольбъ* въ друг. сп. *Ульбъ*; слѣдовательно, *жены Ульбъ* конечно можетъ не относиться къ двумъ симъ *Ульбамъ*, но еще къ третьему, который, вѣроятно, былъ князь.—Вѣроятно въ спискѣ много и другихъ именъ пославшихъ, но это темпо и должно быть ошибочно переписано; но кажется, что чистыя окончанія на *овъ* и *евъ*, соотвѣтствующія слову: *Игоревъ*, указываютъ на лица пославшія. — Далѣе замѣчательно, что въ началѣ договора сказано: *послы и гости*. И такъ, тутъ должны быть посланные и отъ Земли (какъ и упоминается въ заключеніи списка именъ пословъ). Имена эти вѣроятно начинаются отъ: *конецъ Адувъ*, тѣмъ болѣе, что здѣсь

изъ 26 именъ только одно встрѣчается на *свѣ* и то вѣроятно не какъ прилагательное притяжательное отъ собственнаго имени: *Вузьльвь*. Оканчивается списокъ именами чисто Славянскими: *Синко* и *Боричь*, можетъ быть это выборные и отъ другихъ еще чиновъ народа и отъ простыхъ людей.

Значеніе городовъ (Кіева, Чернигова, Переяславля и друг.) является и здѣсь.

Здѣсь въ договорѣ говорится всегда или почти всегда отъ лица Грековъ; вѣроятно отъ этого, въ теченіи договора, обращеніе почти вездѣ къ Игорю. Тогда какъ въ договорѣ Олеговомъ, гдѣ говорится преимущественно отъ лица Русскихъ, обращеніе почти всегда—къ Руси или отъ Руси—Земли.

Видно, что при Игорѣ уже былъ Перунъ.

916 г. Война съ Древлѣнами. У Древлѣнъ былъ свой князь, конечно свой избранный, объ этомъ ясно говорить его Славянское имя: *Маль*. Но замѣчательно, что при описаніи войны объ немъ почти не упоминается, а говорится просто: Древлѣне. Это ясно указываетъ на земскій характеръ князя. Здѣсь впрочемъ ясно видно отношеніе данн, которое было къ князю Кіевскому. Сверхъ того видны отношенія между землями (Кіевомъ и Древлѣнами) болѣе враждебныя, разобщенныя, чуждыя, несоединенныя, нежели потомъ. Замѣчательно, что Древлѣне называютъ Игоря княземъ Русскимъ. Важно также, что Древлѣне посылаютъ *лучшихъ мужей*:—мы знаемъ, какъ долго впоследствии сохранился тотъ же порядокъ вещей, какъ долго стояла Земля въ своемъ образѣ; теперь хранится она до времени, Богъ дастъ, у крестьянъ. При взятіи Изкоростѣня говорится: *старѣйшины же града изпиша*: опять указаніе на земское устройство Древлѣнъ.—*Посла насъ Древлѣнская земля*, говорятъ посланные, тогда какъ тамъ былъ князь. А *наши князи добри суть* и проч., ясно показываетъ, что Древлѣнская земля имѣла своихъ князей. Въ другое посольство Древлѣне избираютъ лучшихъ мужей, *иже держашу Деревьску землю*. Наконецъ Древлѣне говорятъ о посланныхъ: *кдѣ суть дружина наша*. Вотъ опять значеніе дружины, народное и не военное кажется. Князи Древлѣнскіе были еще *земскіе* князи, старосты, не имѣвшіе характера государственнаго, тогда какъ Кіевскіе Рюрикова роду имѣли уже значеніе государственное. Кажется, князья могли быть *свои и призванные*.—

Есть еще одно замѣчательное обстоятельство: налагается дань на Древлѣнь; двѣ части идутъ къ Кіеву и одна къ Вышегороду, *бо Вышегородъ градъ Волыинъ*. И такъ у Ольги былъ свой (удѣльный) городъ. Отсюда кажется вытекаетъ возможность послать отъ себя *посла*. Вѣроятно былъ городъ и у Святослава.— Все это должно служить дополненіемъ предъидущему.

947 г. Ольга пошла къ Новгороду. Установленіе даней по Мстѣ, по Лугѣ; ловища по всей землѣ, и проч. Устройство земли, кажется намъ, *государственное*.

955 г. Крещеніе Ольги. Разсказъ замѣчательный по истинѣ и живости. — Терпимость была свойствомъ даже и языческихъ Славянъ.

968 г. Печенѣги приходятъ въ первый разъ на Русскую землю. Ольга съ вѣнуками въ Кіевѣ была осаждена. Здѣсь опять видна самостоятельность въ совѣщаніяхъ народа (люде). Кіевляне послали къ Святославу, говоря, что онъ чужой земли ищетъ и блюдетъ, и проч. Замѣчательно выраженіе, въ первый кажется разъ: *аще ти не жаль отчины своя*. — *Прѣтчичь* — Русское и южнѣе еще имя.

969 г. Святославъ говорилъ, что Переяславецъ на Дунаѣ середѣ земли его, *яко ту вся благая сходятся*. Это по крайней мѣрѣ не показываетъ привязанности князя къ одному городу, княженію, землѣ.

970 г. Святославъ (упоминается ясно) посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега у Древлѣнь.—Новаго мы тутъ ничего не видимъ. И прежде города и земли имѣли отдѣльныхъ князей, но здѣсь опредѣлительно объ этомъ говорится; здѣсь же въ первый разъ является нѣсколько сыновей. Новгородцы приходятъ и просятъ себѣ князя. Призваніе вѣроятно было не только у Новгородцевъ и проч., но и у другихъ земель; тѣмъ не менѣе дѣло первоначальнаго призванія Новгородцами Рюрикова рода сохраняетъ свое значеніе. И такъ, призваніе повторяется; отсюда ясно, что Новгородцы могли имѣть и могли просить себѣ князя, что показываетъ въ то же время ихъ самостоятельность и отдѣльность. Они обращаются къ Рюрикову племени; но могли обратиться и къ другому. Это ясно видно изъ послѣдующихъ за просьбою словъ, изъ угрозы ихъ: *аще не поидете къ намъ, мы пальземъ князя собѣ*. И такъ, самостоятельность земли, каждой

самой по себѣ, и даже отдѣльность. Отношенія къ князю совершенно свободныя, какія существовали и потомъ такъ ясно и такъ долго.—*Не князья дѣлили земли, а земли дѣлили князей. Не земли дѣлились на князей, а князья дѣлились на земли.*

971 г. Святославъ, его война съ Греками. Выраженіе: *цѣлова царя*, кажется, ясно значить не лобзаніе, а привѣтствіе, — отъ *чело*. — Святославъ заключаетъ миръ. Въ договорѣ, хотя и выступастъ, но не такъ ярко, какъ въ договорахъ предъидущихъ, значеніе князей и даже земли. Это лично происходитъ отъ краткости самаго договора и отъ характера Святослава. Договоръ начинается, какъ и другіе, словами: *равно другого сѣщанья*; но здѣсь это должно, кажется, означать другой списокъ договора. Употреблены выраженія: *Святославъ Князь Русской и Святославъ Великій Князя Русской*. Пословъ нѣтъ и сказано прямо: *азъ Святославъ Князь Рускій*. Замѣчательно выраженіе: «азъ же и со мною и подо мною.» Воинственный характеръ Святослава, характеръ вождя, даже завоевателя, отличаетъ его, кажется, отъ всѣхъ другихъ князей.

977 г. Ярополкъ идетъ на Олега, не изъ родовыхъ отношеній, а по наущенію Свѣцельда, который говорилъ, чтобы отнять у него *волость* (что значить *власть*, *владѣніе*, а не землю: новое обличеніе *государственности*, отъ *земли* отдѣльной). Олегъ погнбъ, Владиміръ бѣжалъ, Ярополкъ посадилъ посадниковъ въ Новгородѣ. Изъ всего этого уже видны отношенія городовъ и земель къ князьямъ, и равнодушіе первыхъ къ послѣднимъ. — *И бы володѣя оданъ въ Руси*. Замѣчательно; ибо здѣсь къ Руси причисляется Новгородъ; съ другой стороны, какъ будто устраняются другіе возможные князья, по крайней мѣрѣ тѣ, которые имѣли характеръ государственный.

980 г. Владиміръ возвращается изъ-за моря, высылаетъ посадниковъ Ярополковыхъ и остается въ Новгородѣ; все это говоритъ о равнодушіи гражданъ и народа. Съ другой стороны, какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ случаяхъ, граждане, и вообще народъ, не терпѣли нисколько отъ перемѣны власти, ни грабительства, ни наказаній, ни разореній: это показываетъ и равнодушіе, и даже право на равнодушіе, законность его. — Владиміръ посылаетъ къ Рогволоду въ Полотскъ. Объ этомъ упоминается безъ удивленія, и приводится только объявленіе, какъ

о вещи, кажется, обыкновенной. Рогволодъ, Князь Полоутской, пришелъ изъ-за моря, и владѣлъ въ Полотскѣ. (Вѣроятно, онъ былъ подъ рукою Великаго Князя Кіевскаго). Упоминается тутъ же, кстати, и о Турѣ въ Туровѣ: можно заключить, что Туръ также былъ пришедшій (призванный) князь. И такъ, не одинъ Рюрикъ и родъ его былъ призванъ. Призванія были и кромѣ Рюриковскаго рода; вѣроятно, это было не въ одномъ Полотскѣ и Туровѣ; вѣроятно, о такихъ и подобныхъ, можетъ быть и *своимъ* (непризванныхъ) князьяхъ упоминается въ договорахъ. Впрочемъ, конечно, князь призванный имѣлъ уже значеніе Государя. Это видно изъ равнодушія къ нему и изъ того, что народъ переходилъ въ подчиненіе къ другому князю совершенно безнаказанно. Это не то, что Древляне съ *своимъ* княземъ *Маломъ*, гдѣ Древляне, народъ, на первомъ мѣстѣ и сами дѣйствуютъ, хлопоча о себѣ и о князѣ, и о женитьбѣ его, сами воюютъ и приемятъ страшную мечь. Имена Рогволода и Рогнѣды совершенно Русскія (Славянскія), что подтверждаетъ, что за моремъ были и Славяне. — Блудъ думаетъ предать Ярополка: «*Граждане же не бѣльзи убити его,*» т. е. гражданами. Значить, граждане были довольны Ярополкомъ, но не столько дорожили имъ, чтобы драться за него и противиться Владимиру. — Потомъ, далѣе Варяги требуютъ окупа съ города (Кіева). Владиміръ обѣщаетъ и не даетъ. Они захотѣли идти въ Греки. — Владиміръ отпускаетъ, избравъ отъ нихъ мужей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ, которымъ и роздалъ города (вѣроятно, какъ посадникамъ). Видно неприязненное отношеніе (вовсе не единоплеменное) Владиміра къ Варягамъ, которые можетъ быть (и даже вѣроятно) были не Русскіе.

Замѣчательно, что при всѣхъ вспоможеніяхъ Варяговъ, они никогда не зовутся уже *Русью*; точно какъ-будто *вся* Русь перешла къ Славянамъ. Впрочемъ и лѣтописецъ говоритъ: *пояша по собѣ всю Русь*. Это подтверждаетъ мнѣніе, что Варяги было названіе собирательное и что они могли состоять изъ разноплеменныхъ. Такимъ образомъ можно думать, что посольство было отправлено къ Варягамъ Русскимъ, конечно соплеменнымъ, — какъ и говорятъ лѣтописецъ ясно: *идоши за море къ Варягамъ къ Руси: сице бо ся зваху тѣи Варязи Русь, яко и друзіи зовутся Свъе, друзіи же Урмане, Анляне, друзіи Гѣте: тако и си*. Замѣчательно, что нѣсколько строкъ выше, когда говорится о

покореніи *Варягами*, они называются *Варягами* просто, а не *Русью*; слѣдовательно, посланіе было очевидно не къ нимъ, т. е. не къ тѣмъ, которые покорили было Новгородъ Далѣе лѣтописецъ говоритъ: *отъ нихъ прозвася Русская земля Поугородьци* (т. е. Новгородцы отъ нихъ прозвались Русскою землею), *ти суть людье Поугородьци отъ рода Варяжска, преже бо быша Словени*. Чего яснѣе? т. е., что Новгородцы сама суть отъ рода Варяжскаго, Варягамъ, конечно призваннымъ, соплеменные, ибо прежде были Славяне; слѣдовательно Варяги (опять, конечно, призванные) Славяне. Лѣтописецъ говоритъ ясно здѣсь, что Новгородцы потому Варяжскаго рода, что были Славяне, считаетъ слѣдовательно, что Славянское происхожденіе соединяетъ Новгородцевъ и Варяговъ. И такъ, здѣсь лѣтописецъ ясно свидѣтельствуетъ о соплеменности Варяговъ (призванныхъ) съ Славянами (Новгородцами).—Замѣчательно употребленіе слова *скомъ* прямо въ смыслѣ денегъ: *ресус, ресуніа*.

Вишедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же преже сказано. Гдѣ? Это показываетъ, что въ Несторовой лѣтописи было включено то, чего (кажется) теперь не находится.

И нача вняжити Володимеръ въ Кіевъ единъ. Здѣсь опять какъ-будто соединеніе княжеской власти въ Русской землѣ въ одномъ лицѣ, и заключеніе другихъ князей, но нельзя думать, чтобъ это было такъ; во 1) противъ этого говоритъ княженіе Рогволодово въ Полотскѣ и Турово въ Туровѣ, а между тѣмъ о единовластіи Ярополка употреблено было то же выраженіе или еще сильнѣе; во 2) здѣсь замѣчательно выраженіе: *въ Кіевѣ*, которое въ то же время ослабляетъ понятіе о единовластіи.—Владиміръ началъ ставить *кумиры*. Мнѣ кажется, можно достоверно предположить, что кумировъ въ Руси не было прежде, и слово это въ первый разъ здѣсь встрѣчается. Правда, говорится выше (при Игорѣ) о холмѣ, на которомъ стоялъ Перунъ, но, по моему, это еще неопредѣленное выраженіе. Можетъ быть боги, о которыхъ упоминаетъ при Владимірѣ Несторъ, были и прежде въ Россіи; но едва ли были *кумиры*, и конечно не было человѣческихъ жертвоприношеній; по крайней мѣрѣ, прежде не упоминается о нихъ, а здѣсь говорится: *оскверняху землю тербами своими, и осквернися кровью земля Руска и Толмъ отъ*. Это выраженіе показываетъ, что прежде этого не было, но

осквернилась земля.—Владиміръ посадилъ Добрыню въ Новгородѣ. Добрыня, пришедши, поставилъ кумирь надъ рѣкою Волховомъ, «и жряху ему людье Ноугородстїи акн Богу.» — Упомянутое объ этомъ, и въ такихъ выраженїяхъ, свидѣтельствуешь, что этого не было прежде. Иначе нечего было бы объ этомъ упоминать, особенно же упоминать какъ о вещи новой, которая заводилась.

982 г. Вятичи снова поднимають войну и Владиміръ снова побѣждаетъ ихъ. Когда говорится *Вятичи, Ятвяги* и т. п., то, кажется, разумѣются народы безъ князей или имѣвшіе своихъ князей—старѣйшинъ безъ государственнаго значенія.

Крещеніе Владимірово. Владиміръ прежде всего созываетъ бояръ и старцевъ городскихъ и рассказываетъ имъ о всѣхъ вѣраxъ; они для испытанія совѣтуютъ послать пословъ. Во всемъ этомъ видно сознаніе, что своя, языческая вѣра не хороша. Потомъ возвращаются послы, которые превозносятъ Вѣру Христіанскую Православную; здѣсь весь совѣтъ Владиміра воспоминаетъ въ доказательство словъ Владиміра, что Святая Ольга приняла крещеніе. Наконецъ Владиміръ спрашиваетъ уже просто: *идь крещенье приимемъ? Гдѣ ти любо*, отвѣчаютъ ему. Рѣшившись принять крещеніе отъ Грековъ. Владиміръ пошелъ на нихъ войною. Въ лѣтописи это не объясняется, но неудивительно, что Великій Князь Русской, еще язычникъ, хотѣлъ дать такой оборотъ своему желанію, и просьбѣ придать грозный видъ, видъ требованія. Наконецъ Владиміръ крестился и многіе съ нимъ. Онъ прибылъ въ Кіевъ; всему Кіеву повѣстилъ онъ объ этомъ и прибавилъ: *кто не обрящется завтра на рѣкѣ, противень мнѣ да будетъ*. Это слово не надо понимать ни въ современномъ смыслѣ отвращенія, ни въ болѣе древнемъ смыслѣ врага и противника; а просто это значило: тотъ мнѣ противорѣчить, тотъ противъ меня, ибо желаніе мое—крещеніе. Весь народъ пошелъ, говоря: если бъ это не было хорошо, то не было бы принято княземъ и боярами. — Хорошо, когда есть такая взаимная довѣренность, но не одна эта довѣренность была причиною принятія народомъ крещенія; надо вспомнить, что В. К. Ольга и множество Кіевлянъ были уже Христіанами. Вообще не надо думать, чтобы принятіе Вѣры Православной было дѣломъ распоряженія власти, не надо думать, чтобы примѣръ Князя и примѣръ бояръ были причиною

такого событія. Этотъ народъ, такъ легко обратившійся въ началѣ, показалъ потомъ, какъ дорога, какъ дороже всего на свѣтѣ для него Вѣра, и какъ ни казни, ни муки не могутъ въ немъ поколебать ее. Однакожъ народъ этотъ, явившій столько силы и твердости въ сохраненіи Православной Вѣры, такъ легко ее принялъ? Какъ же объяснить это? Однимъ. Благодать сошла на Русскую землю. Русская земля крестилась, какъ младенецъ.

Пирь Владиміровы. Любовь, братство, раздѣленіе нищи, святыя трапезы, все это освятило пирь; и вслѣдъ за принятіемъ Христіанства видимъ мы пирь, въ которыхъ участвуютъ нищіе и убогіе, которые согрѣты какимъ-то теплымъ, пріятнымъ свѣтомъ и сіяютъ ясностью веселія. Живо остались они въ памяти народной, гдѣ краснымъ солнцемъ именуется Владиміръ. Они были вѣроятно и прежде, но Христіанская Вѣра освятила ихъ и придала имъ свое высокое значеніе и свойство.

996 г. Владиміръ, совершивъ церковь Святой Богородицы, далъ ей отъ имѣнья своего и городовъ *своихъ* десятую часть. Въ этотъ день онъ сдѣлалъ великій праздникъ *боляромъ и старцомъ людскимъ* (едва ли старцы не были собственно народные, земскіе люди; по крайней мѣрѣ, они, кажется, всегда упоминаются вмѣстѣ съ боярами, слѣдовательно не то, что бояре).—Печенѣги приступаютъ къ Василеву. Владиміръ избавляется отъ опасности и воздвигаетъ церковь въ Василевѣ Св. Преображенія. Праздникъ, восьмидневный, «я сзываше *боляры своя и посадники, старыишны по всѣмъ градомъ и люди многи.*» Владиміръ возвращается къ Кіеву на Успенье Пресвятой Богородицы; вновь праздникъ «сзываше *безчисленное множество народа.*» Милостыни. «Бѣ бо Владиміръ любя дружину, и съ ними думая о странъ землѣмъ и о ратехъ, и уставѣ землѣмъ.»

997 г. Владиміръ идетъ въ Новгородъ *по верховнѣи волѣ*, т. е. за *верховнымъ войскомъ*, точно также, какъ говорится: низовые города, низовые люди. И такъ, и тогда это народное географическое раздѣленіе Русской земли уже существовало. Это показываетъ, что при возможной отдѣльности княженій и при собственной самостоятельности городовъ и земель, Русская земля была однакоже соединена тѣсно и представляла нѣчто цѣлое.

1015 г. Смерть Владиміра. Бояре плакали о немъ, какъ о *заступникѣ ихъ земли*. Замѣчательное выраженіе, показывающее, кажется, значеніе князя.

Святополкъ. Ни прежде, ни послѣ такихъ злодѣйствъ не было. Святополкъ явился въ Русской землѣ какъ чуждое явленіе на которое она смотрѣла съ ужасомъ. Онъ погибъ съ шумомъ и явился на себѣ казнь Кайнову. Слова, которыми объ немъ отзывается лѣтописецъ, показываютъ, какое необыкновенное чудовище былъ Святополкъ въ Русской землѣ.—Замѣчательно, что дружина Борисова говорить Борису: сядь на столѣ отцовскомъ, у тебѣ дружина отцовская и войско. Какъ видно, что дружина (подъ этимъ словомъ разумѣтся, вѣроятно, и совѣтъ мужей) не раздѣляла или не стѣснялась мыслями о престолонаслѣдіи, имѣвъ основаніемъ понятіе о свободномъ признаніи князя, который любъ, котораго хотять.... Во всѣхъ дѣлахъ Святополка видно первое и преждевременное стремленіе къ единодержавію и вмѣстѣ къ самодержавію; это стремленіе къ власти совершенно отличается отъ послѣдующаго властолюбиваго стремленія князей Русскихъ, которые стремятся не къ самодержавію, а къ старшинству; лишь въ XV столѣтіи видимъ мы стремленіе къ единовластію.—Здѣсь слѣдуютъ слова лѣтописца о власти Царской и вообще Государевой, слова, которыя противорѣчатъ и Русскому пониманію и, кажется, истинному пониманію Христіанскому. Эти слова—понятіе духовенства, образовавшееся въ Греціи, слова Византійскія; вотъ уже когда они сказались и вотъ еще когда началась гроза, впоследствии разразившаяся надъ Русскою землею.

Святополкъ старается подарками привлечь къ себѣ Кіевлянъ; очевидно, онъ былъ въ нихъ не увѣренъ.

Ярославъ. Дружина. Новгородцы возстали на Варяговъ, очевидно, что возстали жители Новгорода, народъ. Потомъ говорится, что нарочитыхъ мужей призвалъ Ярославъ и избилъ. Далѣе. Ярославъ говорить сожалѣя: о любя моя дружино, а Новгородцы говорятъ: если братія наша избита, мы можемъ бороться за тебя.—Здѣсь дружина не отдѣляется отъ понятія о Новгородѣ. Слѣдовательно, или Новгородъ называется дружиною, что невозможно, или была городская дружина, о которой здѣсь говорится, что кажется несомнѣнно (или же дружиной назывались нарочитые мужи: «скажите предъ дружиною», но для этого слово дружина, какъ титулъ, уже слишкомъ опредѣленно). Но очевидно кажется, что здѣсь не княжеская дружина, и не весь Новгородъ (говорится о избитой дружинѣ Новгородской, конечно не город-

скаго населенія).—Вѣроятно, здѣсь разумѣется дружина городская, народная.

1016 г. Битва и побѣда Ярослава надъ Святополкомъ; очень живо въ лѣтописи. И тутъ нѣтъ слова, что война ведется противъ *старшаго* брата. (Вспомнимъ также совѣтъ дружины Борисовой сѣсть на столѣ отцовскомъ, безъ всякаго вопроса о правѣ и порядкѣ престолонаслѣдія.)

1018 г. Болеславъ приходитъ съ Святополкомъ. Ярославъ собираетъ Русь и Варягъ и Славянь. Здѣсь Русь отдѣльно отъ Варягъ и также отъ Славянь.

Ярославъ Самовластецъ. Замѣчательно это выраженіе: оно явно показываетъ: *единодержавіе*; *самовластецъ* относительно другихъ князей, т. е., что не было ему *совмѣстныхъ*, съ нимъ владѣвшихъ, а владѣлъ онъ *самъ, одинъ*. — Русская земля уже значить южная Русь.

Изяславъ. Замѣчательно опять употребленіе слова: *дружина*; здѣсь народъ хочетъ высадить дружину свою изъ погребя. (Не говорится, впрочемъ, чтобъ дружина Кіевская была посажена въ погребъ.) Здѣсь слово это или означаетъ прямо *дружину народную* или *дружину* въ смыслѣ *друзей*, согражданъ (но и объ тѣхъ не говорится, чтобы были посажены; можетъ быть это пропущено). Въ смыслѣ же темницы тутъ употребляется: *порубъ*.

Вышегородъ. Замѣчательно, что Вышегородъ держалъ *Чюдинъ* (не князь). Здѣсь рѣчь идетъ можетъ быть собственно о *городѣ* (крѣпости, замкѣ); говорится (выраженіе замѣчательное): «и бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь.»

Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ. Вина на послѣднихъ двухъ изгнанія брата старшаго и Великаго Князя, безъ причины и безъ всякаго повода.—Всеволодъ уступилъ Кіевъ Изяславу. Здѣсь является старшій братъ, какъ жертва, а другіе: Святославъ, какъ обидѣнный, а Всеволодъ, какъ раскаявшійся и снявшій обиду. Это состояніе опредѣлило какъ будто всю судьбу трехъ родовъ. Лѣтописецъ хвалитъ Изяслава и очень ясно возражаетъ на возможные противорѣчія. Нѣтъ причины сомнѣваться въ его справедливости.

Всеволодъ. Что Всеволодъ былъ кротокъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Здѣсь, между описаніемъ княженія Всеволода, мы могли живо почувствовать всю строгость и добросовѣстность словъ св. Нестора, какъ лѣтописца, при разсказѣ о перенесеніи мощей св. Феодосіа.

Въ старости Всеволодъ возлюбилъ смыслъ *умытъ*. (И такъ, дружина вѣроятно поновлялась.)

Замѣчательны слова Мономаха, съ такою ясностію опредѣляющія порядокъ престолонаслѣдія: *Аще сяду на столъ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ прежде отъ отца его былъ.*

Святополкъ. Замѣчательно, что когда послѣ начала княженія Святополка, пришли Половцы, Святополкъ *не сдумалъ съ дружиною отцовскою и дяди своего*, но сотворилъ совѣтъ съ *пришедшими съ нимъ*. Слѣдовательно, дружины княжескія (здѣсь ясно видно, что это княжескія дружины) оставались послѣ своего князя въ томъ городѣ, гдѣ онъ былъ, и изъ отрицательнаго выраженія должны мы заключить, что онѣ удерживали право совѣта, какъ скоро другой князь заступалъ мѣсто ихъ князя. Здѣсь говорится еще о дружинѣ Изяслава и Всеволода.

Ратиборова дружина. Слѣдовательно дружина была и не у князя; въ другихъ спискахъ: Ратиборова *чадъ*. Итларева дружина.

Вообще надо сказать, что *дружина*, кажется, не была чѣмъ-то условнымъ, опредѣленнымъ; кажется, вмѣсто нея, употреблялись слова: *чкдъ, отроки, мужи* (бояре, старцы). — Едва ли была она опредѣлена и въ числѣ, ибо съ дружиною часто сидятъ въ *комнатѣ*.

Приде Изяславъ, сынъ Володимерь изъ Курска къ Мурому, пріяна и Муромци. Здѣсь то же, что и въ другихъ земляхъ. Народъ принимаетъ князей, когда хочетъ, не вмѣшиваясь въ ихъ права, не по ихъ правамъ, а по своему хотѣнію; вообще равнодушенъ къ князьямъ; иногда нѣкоторыхъ ихъ любить.

Святополкъ и Владиміръ зовуть Олега, чтобы порядить о Русской землѣ, какъ бы защитить Русскую землю, на земской совѣтъ (первая Земская Дума) къ Кіеву: *предъ епископы и предъ шумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ градскими людьми* (очень замѣчательно).

Олегъ отвѣчалъ: *нѣсть мене льпо судити епископу, ли шуменомъ, ли смердомъ*.

Замѣчательно употребленіе слова: *смердъ*. Мнѣ кажется, что изъ этого мѣста можно заключить, что смердъ не было лицо низкое: ибо это слово относится здѣсь къ мужамъ (боярамъ, дружиннѣ), или по крайней мѣрѣ къ людямъ градскимъ. Не было

ли это самое простое обыкновенное названіе народа, которое Олегъ могъ употребить въ презрительномъ смыслѣ, который смыслъ въ словахъ его съ другой стороны допускать можно.

Припомнимъ вину, поставленную Новгородскому князю: *еже не блюдетъ смердъ.*

Зовутъ Олега положить порядъ въ Кіевъ, *яко то есть старѣйшій градъ въ земли во всей Кіевъ.* — (Старѣйшинство городовъ.)

Ясное доказательство, что *Нѣмцы* прямо происходятъ отъ *нѣмой*: «*Югра же люди есть языкъ нѣмо*»; дальше: «*Югра же рекоша.*» Слѣдовательно не значить, чтобы они не могли говорить, а что говорили они *нѣмо*, непонятно (какъ *нѣмые*).

Мстиславъ требуетъ дружины у Олега, которую онъ захватилъ. Здѣсь дружина въ смыслѣ воинскомъ, какъ кажется. Далѣе: *Мстиславъ:... распусти дружину по селамъ.* Здѣсь дружина, кромѣ смысла воинскаго, принимается уже въ обширномъ значеніи войска или тому под.; является уже многочисленною, а не той, которая не разстается съ княземъ.

1097 г. Замѣчательна эта чудная рѣчь на сѣздѣ князей. Замѣчательно также здѣсь утвержденіе положенія или рядъ, основанный на отчинствѣ, *каждо да держитъ отчину свою.*

Святополкъ, схвативъ Василька, не рѣшается поступить съ нимъ преступно, не спросивъ народа. Святополкъ, созва *боляръ и Кыльнъ* (народъ) *и рѣша боляре и людье.* Слово *люди*, общее для всѣхъ людей, употребляется и какъ названіе для людей простыхъ, незнатныхъ, сливающихся въ одну массу, имѣющихъ достоинство только человѣка.

Въ это время употреблялось еще древнее названіе мѣсяцевъ, которое такъ скоро исчезло въ Россіи: *мѣсяцъ Грудень, рекше Ноябрь.*

Василько говоритъ про другихъ Князей: *дайте ми дружину свою молодию.* И такъ, стало быть была и младшая дружина, или это значить молодыхъ изъ дружины, молодую часть дружины.

И сбиша Угры, яки въ мльч, яки се соколъ сбъиваетъ галчю. Прекрасное выраженіе, живо рисуящее положеніе войска, на котораго нападаютъ съ двухъ сторонъ.

Приде внезапно и зая Володимирць, а Мстиславъ затворися въ градъ съ засадою, иже быша у него Берестьяне, Пиняне,

Володимерцы. Что значить здѣсь *Володимерцы*? Не есть ли это названіе города, кромѣ крѣпости, или просто жители, которыхъ захватилъ печально Давыдъ? Слово *засада* не значить ли гарнизонъ? Но *градъ* рѣшительно значить крѣпость.—Можно кажется такъ опредѣлять Русской *городъ*. *Градъ*—крѣпость и *горожанинъ*, *гражданинъ*;—*мѣсто* и *мѣщанинъ* (въ Ипат. *мѣстецъ*) и потомъ предметіе—городъ внѣ крѣпости. *Мѣсто* не значило городъ, а только часть города, внѣ града, или города, въ смыслѣ крѣпости. *Посада*—*посадскій*.

Святоша и Путята взяли городъ Владиміръ, въ которомъ сидѣлъ Мстиславъ, убитый на сраженіи, сынъ Святошана, и посадили посадника Святополкова Василя. И такъ городъ, въ которомъ сидѣлъ князь (городъ удѣльный, если угодно), могъ быть занятъ княжимъ посадникомъ.

Проншествія, рассказанныя подъ 6605, внесены не по ошибкѣ, подъ 6606 и 6607, какъ сказано въ примѣчаніяхъ; но вѣроятно и даже несомнѣнно они и были въ этихъ годахъ, и рассказанныя подъ однимъ, оцъ, послѣдующими словами, распределены по годамъ; это доказывается словами: *а на другое лѣто* (при рассказѣ подъ 6605) и вкратцѣ рассказывается, что рассказывается подробно подъ 6608; слѣдовательно, предъидущій рассказъ относится къ 6607. Такъ сдѣлано лѣтописцемъ съ полнымъ сознаниемъ, ибо говорится, при краткомъ рассказѣ подъ 6606, *якоже и въ прежнее лѣто сказашъ*.

Князья говорятъ другимъ князьямъ: *а холопы наша выдайта и смерды*. Здѣсь подъ 1100 годомъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописи слово *холопъ*. Оно упоминается въ Русской Правдѣ, но кажется въ другомъ смыслѣ; здѣсь *холопы* поименованы вмѣстѣ съ *смерды*, какъ слова, означающія разное. *Смерды* употребляются въ значеніи народа, земли, а *холопы* значать здѣсь вѣроятно уже людей *служилыхъ*, не земскихъ. *Холопы* и *смерды*, *люди служилые* и *народъ*, *люди земскіе*.— Неужь-то же сама дружина получала уже названія холоповъ? Надо помнить, что сказано: *холопы наша*.

Удержаніе Мстислава и всѣ обстоятельства дѣла ясно показываютъ независимость Новгорода, а вмѣстѣ и другихъ городовъ. Вольный голосъ громко раздается и внятно слышенъ....

ЗАМѢЧАНІЯ НА АКТЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, Ч. I.

(Записки объ Русской Исторіи, отд. I.)

1338—1340 г. *Жалованная грамота Иоанна Давидовича*, стран. 2. Говорится, что люди, которые сядутъ на землѣ Юрьева монастыря, на Волокъ, не надобѣ имъ потянути къ городу ни въ которую дань. Здѣсь намекается на отношеніе города къ лежащимъ внѣ его землямъ. Замѣчательно выраженіе: «живутъ въ брезѣ В. Князя.» Также: «а то судитъ ему Богъ и святой Георгій» — сходно съ встрѣчающимся часто *ать, ать*: сходно съ Латинскимъ *ut*.

1361—65 г. *Грамота Князей удѣльныхъ*, стран. 3. Въ судѣ монастырскомъ: «судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ.» Въ судѣ смѣсномъ: «а дворянъ даетъ тотъ, на чьемъ ищутъ.» Замѣчательно. И такъ дворянинъ былъ что-то опредѣленное, какъ послухъ, свидѣтель, или какъ понятой. Или же надо другое подразумѣвать подѣ этимъ словомъ, т. е. не просто ли хозяина, владѣльца двора?

1398 г. *Уставная Двинская грамота В. Кн. Василія Дмитріевича*, стран. 8.

«А возмутъ прощеніе, не выйда изъ пиру, и камѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего.» — Повторяется тоже при новомъ случаѣ. Далѣе: «дворяномъ хоженного былка.... Дворяне и подвойскіе позовутъ ихъ къ суду.» Изъ всего этого еще болѣе подтверждается, что дворянинъ есть чиновникъ и даже въ опредѣленномъ смыслѣ.

Около 1398 г. *Договорная грамота В. Кн. Василія Дмитріевича и Кн. Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича, съ Тверскимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и дѣтьми его*, стр. 9.

«А *ѣъ Витовту ми цѣлованіе сложити.*» Изъ этого выраженія видно, что здѣсь стало быть не было клятвопреступленія, ибо не клялся вѣроятно на вѣчный миръ, а съ тѣмъ, что могутъ оставить его, когда угодно. Подобное тому встрѣчается въ лѣтописяхъ. Кажется, число клятвопреступленій въ нашей исторіи, при внимательномъ разсмотрѣніи, должно весьма уменьшиться.

«А на старыхъ ти мытъхъ имати съ воза по морткѣ о бѣ ушкой» (стр. 10). И такъ, это не была монета, а именно звѣриная шкура; или по крайней мѣрѣ первообразъ ея былъ таковъ. «А проѣдетъ мытъ, мытника у завора не будетъ, — мыта и промыты нѣтъ; а стижетъ его мытника, инъ возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ.» Замѣчательно, какъ понятіе о чиновникѣ и объ отношеніи его къ закону.

«А судить межъ насъ обчей судъ людемъ старшимъ». Очень важно; и такъ князья и въ это время признавали надъ и между собою судъ старшихъ людей, не князей конечно, ибо выше поименованы просто имена судей («*Полукарпъ, Михайло, Иванъ и Климентій*»). Такъ еще просто и безъ лишнихъ притязаній, такъ близко къ человѣчеству было Государство! Такое Государство не могло быть еще бременемъ.

«А кто холопъ или роба имется тяти съ осподаремъ и пошлется на правду, а не будетъ по нихъ поруки, ино ихъ обинити.» Очень важно. Ибо, слѣдовательно, холопъ могъ судиться съ господиномъ, чего теперь уже нѣтъ послѣ знаменитаго преобразования Петра. — «А на холопъхъ дани не имать, а на которыхъ ключники поцѣлуютъ.» Темное мѣсто. — «А сею цѣлованія не сложити, а править.» Эта оговорка отчасти подтверждаетъ вышесказанное о цѣлованіи.

1407 г. *Договорная, взаимная грамота между Полоцкомъ и Ригою*, стр. 11.

Замѣчательна въ филологическомъ отношеніи. Также тѣмъ, что здѣсь является самостоятельность города Полоцка. Литовскій Князь называется *осподарь*. Замѣчательно еще выраженіе: «*аже будетъ межи мейстеремъ Зидвинскимъ или которымъ опосль будетъ, межи земли и людьи, ино купцови чистъ путь его товару*» и проч.—*Земля и люди*—можетъ быть въ этомъ выраженіи также высказывается раздѣленіе земскихъ и служилыхъ людей или *Земля и Государство*.

1410—1417 г. *Жалованная грамота Нижегородскаго В. К. Данила Борисовича Спасско-Благовъщенскому монастырю*, стр. 13—14.

«*Ни столбикъ, ни поселской.*» Здѣсь столбникъ вѣроятно не значить то, что послѣ, и даже вѣроятно это званіе не произошло отъ Государева стола.

«*А что ми сказывалъ Малахій Архимандритъ, что перенялъ моихъ сиротъ, Черныцовыхъ дѣтей, Вешняка, да Палку да Яковка....*» Здѣсь опять употребляется слово: *сирота*, по крайней мѣрѣ тоже, какъ видно, о земскихъ людяхъ. «*А у кого учинится какова гибель и кто пригонитъ какой слѣдъ на монастырскіе земли, на Мигино и на тѣ пустоши, къ кому на чью землю, и государь тое земли обрѣзъ у него возьметъ да слыдомъ ведетъ.*» Земли монастырскія, — слѣдовательно *государемъ земли называется крестьянинъ*. Очень важно; ибо во 1) это показываетъ отношеніе крестьянина къ землѣ, свободное и самостоятельное. Во 2) это указываетъ какъ бы вообще на отношеніе къ землѣ; даетъ возможность обладанія ею безъ понятія принадлежности, собственности. — Слово *государь* здѣсь много значить. Таковы отношенія Государя къ Землѣ, гдѣ онъ государствуетъ, которая вовсе не есть его собственность. — Слово *государь* повторяется въ томъ же смыслѣ черезъ нѣсколько строкъ.

1423 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Дмитріевича Спасско-Благовъщенскому монастырю*, стр. 15. Замѣчательна по сходству съ жалованной грамотой Нижегородскаго Князя тому же монастырю.

1434 г. *Откупная Оболенская грамота*, стр. 18. Замѣчательна тѣмъ, что откупается у Великаго Князя судъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, преимущественно по рѣкамъ; конечно ради судейскихъ пошлинъ. Странно; но этотъ судъ могъ быть отданъ людямъ хоронимъ. — Потомъ видно, что главное здѣсь состояло въ пошлинахъ, которыя получало Государство, и которыя оно отдавало на откупъ.

1434—1447 г. *Жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю отъ Углицкаго Князя Дмитрія Юрьевича*, стр. 19. Замѣчательно, что между данными привилегіями исключается одна: «*коли учнутъ городъ рубити, и имъ дѣлати жъ*». Кажется, важность городской постройки высказывается въ Русской Правдѣ.

1435 г. *Договорная грамота Василя Темнаго, Дмитрія Шемяки и Дмитрія Краснаго съ Галицкимъ Княземъ Василюмъ Косымъ*, стр. 20.

Замѣчательна, не встрѣчающимся, кажется, прежде, выраженіемъ: «*а мнѣ безъ твоего видѣнія не канчивати;*» тогда какъ выше о себѣ В. Князь говорить: «*а не канчивати ти безъ мене.*»—«*А о чемъ ся судьби наши сопруть и ни ся зовуть на третей, а не изберуть третего, ино имъ третій язъ Князь Великій.*» Вотъ значеніе Государя! Вотъ значеніе помѣщика. Такимъ образомъ спасалось единогласіе.

Замѣчательно уже наглое выраженіе В. К., тоже прежде, кажется не встрѣчающееся: «*и у кого что отъялъ будетъ* (это ошибка; надо сказать: *буду*, ибо во взаимной грамотѣ Василя Косаго сказано: *будешь*), *того ти всею подо мною блюсти.*»—Другая взаимная договорная грамота между тѣми же князьями, только со стороны Василя Косаго, есть повтореніе первой; впрочемъ есть любопытныя различія. Между прочимъ, вмѣсто: *безъ твоего видѣнія,* сказано: «*безъ твоего вѣданія.*»

1437—1440 г. *Договорная грамота В. К. Тверскаго Бориса Александровича и Тверскихъ удѣльныхъ Князей съ В. К. Василюмъ Василевичемъ и съ удѣльными князьями Дмитріемъ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ*, стр. 25—26.

Тверь—за домъ Святаго Спаса. — Грамота совершенно между равными князьями.—Въ ней также упоминается о общихъ между ними судьяхъ, и называются прежнія имена судей.—Замѣчательно, что Тверь вступаетъ за Новгородъ: «*А съ Новымъ ти городомъ жити по старинѣ, какъ было при вашемъ прадѣдѣ, при Великомъ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ, и при Великомъ Князѣ Семенѣ Ивановичѣ, и при вашемъ прадѣдѣ и при Великомъ Князѣ Дмитрѣ.*»

Также есть какъ-будто отличіе между *братъею младшею* и *братъею меньшею*: и то и другое довольно опредѣленно упоминается въ грамотѣ: «*Ни подѣ моею братъею подѣ молодшею, подѣ Княземъ Ѳеодоромъ... ни подѣ нашею братъею меньшею.*» Первая была кажется старше.

1437—1461 г. *Жалованная грамота Тверскаго Вел. Кн. Бориса Александровича и удѣльныхъ Тверскихъ Князей Отрочю монастырю*, стр. 26—27.

Вновь встрѣчается слово: *сирота*, «*Тако же и сиротамъ, кто имѣть судити*»... Но они же называются просто *люди*: «*и не судитъ тѣхъ людей*».... Также далѣе: «*и къ тому кого еще людей перезоветь Архимандритъ изъ зарубежья*»... Есть ли здѣсь различіе, или здѣсь *монастырскіе люди* называются *сиротами*? — Вновь встрѣчается слово: *дворянинъ*: «*судитъ ихъ и дворянъ даеть монастырскій тивунъ одинъ*»...

1437—1461 г. *Жалованная грамота В. К. Тверскаго Бориса Александровича Срътенскому женскому монастырю*, стр. 27.

Вновь употреблено слово: *сирота*, и, кажется, рѣшительно въ смыслъ монастырскихъ крестьянъ: «*и кто на тѣхъ мѣстахъ живетъ сиротъ.*» Замѣчательно, что здѣсь отъ монастырскаго суда (отъ суда *изуменыи*) не исключаются ни душегубство, ни разбой, ни татьба съ поличнымъ. Впрочемъ, это же находимъ и въ вышеприведенной жалованной Тверской грамотѣ. — «*А дворянскимъ, ни соцкимъ, ни старостамъ, тѣми людьми не наряжать.*» Вѣроятно были это чиновники Великаго Княженія, но чиновники, кажется, земскіе. *Дворянскій* не имѣеть ли сближенія съ словомъ: *дворянинъ*? — «*А слободчаномъ ихъ бору моего Великаго Князя не косить.*» И такъ, другіе слободчане вѣроятно косили. Но это ничего особеннаго не имѣеть: это было родъ дани: обкосить княжій боръ или лугъ. На эти отношенія къ князю надо будетъ еще обратить вниманіе.

1440 г. *Жалованная грамота Улицкаго Князя Димитрія Шемяки Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 29.

«*Намѣстници мои Городецкіе и ихъ тиуки не всылаютъ дворянъ своихъ въ то село*».... Выраженіе замѣчательное: *своихъ дворянъ*; это конечно не значить, чтобы они, какъ Князь, могли имѣть своихъ дворянъ, но значить, что дворяне были къ нимъ прикомандированы, составляли часть ихъ чиновниковъ, и что подъ именемъ дворянина разумѣлся чиновникъ въ смыслѣ и значенія опредѣленномъ.

«*А учинится татба межъ ихъ сиротъ монастырскихъ*»... Слово *сирота* здѣсь ясно употреблено съ прилагательнымъ *монастырской*. Но все это рѣшительно не мѣшаетъ, чтобы земскіе люди назывались сиротами относительно Государевой или Государственной власти.

«А о посадницияхъ, какъ было при В. Князь Иванъ Даниловичъ».....

1448—1454 г. Жалованная Новгородская грамота Троицкому Сергиеву монастырю, стр. 32. Забчателенъ невольнo величавый тонъ этой грамоты: «Весь Господинъ Великій Новгородъ.»

Около 1450 г. Посланіе Митрополита Іоны Польскому Королю Казимиру IV, стр. 36. Забчательно употребленное выраженіе (касательно Великаго Князя и Польскаго Короля) «о вашихъ дѣлахъ о земскихъ.»

1456 г. Договорная грамота Великаго Новгорода съ В. Князьми Василиемъ Васильевичемъ и Иваномъ Васильевичемъ, стр. 42. Эта грамота совершенно положе (развѣ съ малымъ отличіемъ) на старыя грамоты.

1456 г. Договорная (дополнительная) грамота Новгорода съ тѣми же князьми, стр. 43—45.

Выраженіе: по Новгородскому слову и по Новгородской грамотѣ, т. е. по словесному и письменному наставленію. — Въ этой грамотѣ есть особенности; въ ней между прочимъ говорится: А суда имъ у Князя у Великою Памьстниковъ въ Новгородъ не отымати, развѣ ратной вѣсти или городъ коли имутъ дѣлати, безъ хитрости, а вѣчными грамотамъ не быти.» Страшно особенно послѣднее: тѣмъ болѣе, что въ томъ же году (1456 до Іюля), въ слѣдующей грамотѣ, является «вѣчный дѣлкъ Яковъ.» А на слѣдующей страницѣ 1470 (вѣрно ошибка, вѣрно надобно 1460) года является «Вѣчная грамота.»

Въ этой дополнительной грамотѣ забчателны также слова: «а ильдутъ насъ обихъ Великихъ Князей въ Руской земль» (это значить, не въ Новгородской земль: Новгородъ себя Руской землею и не называетъ; здѣсь Русская земля — Москва, какъ представительница соединенія, цѣлаго), ино имъ посолство правити обихи Великихъ Княземъ и исправы просити у обихъ».... Видно, какъ уже соединялъ самъ Василій Васильевичъ себя съ своимъ наслѣдникомъ въ одинъ Государевъ родъ, въ одного непрерывнаго Государя.

1457 г. Грамота В. К. Василія Васильевича, стр. 46.

Рѣчь идетъ о томъ, чтобъ пожаловать крестьянъ: не ѣздить ненормальною дорогою чрезъ Даниловскія пустоши, черезъ земли

Митрополита: «А кто тою дорогою некошлюю иметь право ѡддти, и азъ тѣмъ не велѣлъ пропускати да велѣлъ есми изъ бити, а еще отъ меня отъ Великого Князя бити тѣмъ съ клзми.» Замѣчательно, что здѣсь въ грамотѣ это право пропуска съ его послѣдствіями предоставлено самимъ крестьянамъ, но это не просто первобытное состояніе, а духъ и направленіе Русской жизни, въ которой такое значеніе и самостоятельность имѣла Земля и часто распоряжалась сама. Это признавалось и предоставлялось ей и самимъ Государствомъ.

1459—1470 (вѣроятно 1460). *Жалованная Новгородская грамота Соловецкому монастырю*, стр. 46.

Великолѣпная, величавая грамота, въ которой дышетъ Русская жизнь съ ея величіемъ и простотой. — Замѣчательно выраженіе: «а боярамъ Новгородскимъ, и Корѣльскимъ дѣтемъ.» Что значить тутъ дѣти? Не сродно ли это какъ-нибудь съ боярскими дѣтьми?

1460 г. *Жалованная грамота В. К. Василя Васильевича*, стр. 47. Замѣчательно названіе: *селчанъ*. Впрочемъ, это понятно.

Около 1460 г. *Двѣ жалованныя грамоты Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю*, стр. 48. Замѣчательно то, что въ первой грамотѣ сказано: «или дѣти боярскіи, или мои дворьныи люди.» А во второй: «и дѣти боярскіе и дворяне.» Какъ-будто дворные люди замѣнено словомъ: *дворяне*?

В. К. ЮАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

1462—1505.

Примѣчаніе. Множество жалованныхъ грамотъ свидѣтельствуетъ о великомъ количествѣ пошлинъ, отъ которыхъ эти грамоты освобождали. Изъ этого и изъ прочаго выводимъ заключеніе:

Что все *управленіе* въ быту общественномъ предоставлено было самой Землѣ. Государству во всѣхъ его и малыхъ проявленіяхъ предоставленъ былъ *судъ*.

Множество пошлинъ еще болѣе подтверждаетъ эту мысль. Государство было у Земли на жалованьѣ, и такъ какъ оно не вхо-

дѣло въ ея общественное управленіе и вмѣстѣ не пользовалось соединенными съ этимъ управленіемъ доходами, то оно и обращало вниманіе на пошлину, награду своего попечительства, или, лучше, защиты. Вообще защита — вотъ значеніе и долгъ Государства. Попечительство его состоитъ въ улучшеніи удобствъ для жизни, а вовсе не въ управленіи. Государство нисколько не наставникъ.

Когда освобождаются, освобождаются и отъ суда, разчитываютъ прибытокъ. Кажется, что судъ имѣлъ преимущественно значеніе пошлины.

1465—1470 г. *Грамоти В. К. Іоанна Васильевича Новгородскому архіепископу Іонъ*, стр. 58. Очень замѣчательна. Но мѣстами весьма позднѣйшій языкъ.

1470—1471 г. *Договорная грамота Новгорода съ Польскимъ Королемъ Казиміромъ IV*, стр. 62.

Грамота очень замѣчательная.—Новгородъ рѣшился прибѣгнуть къ Польскому Королю, но изъ этой же грамоты видно, что это было дѣло невозможное: пбо, имѣя право и власть призывать кого угодно, Новгородъ однако же чувствовалъ, что Польскаго Короля трудно призвать. — Въ договорную грамоту входятъ условія, о которыхъ и не говорится, о которыхъ и не нужно говорить съ Русскимъ Великимъ Княземъ; и это условія важныя: это вопросъ религіозный. Дѣло идетъ о Вѣрѣ.

Замѣчательныя мѣста:

«А Великому Новгороду у твоего намѣстника суда не отъимати, oprичъ ратной вѣсти и городоставленія.» Это условіе было и выше, въ договорѣ съ Великими Князьями.

«Со всемъ Великимъ Новымъ городомъ съ мужи волными.» Видно, что Новгородъ чаще, нежели прежде, говоритъ о своей вольности, въ сомнительную для нея минуту.

«А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣсть, какъ боярина, такъ и житего, такъ и молодшего, такъ и селянина; а судити сму въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно.»

И такъ всякой пмѣть тутъ же (въ Новгородѣ) судиться. Замѣчательно: всѣхъ равно.

«А дсржать тебѣ, честны Король, Велики Новгородъ съ

воли мужей волныхъ, по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ.»

«А Новгородскіе послове цюловаши крестъ Новоздродкою душою.»

Грамота, повидному, сходна съ древними; однако кажется, есть отиѣны. — Слѣдуетъ сличить.

1471 г. *Дѣя договорныхъ Новгородскихъ грамоты со Великими Князьями Иоанномъ Васильевичемъ и Иоанномъ Иоанновичемъ*, стр. 66. Новгородцы все называютъ себя мужами вольными. О вѣчныхъ грамотахъ повторено: «а вѣчнымъ грамотамъ не быти.» Но это странно, пбо тутъ же вѣчная грамота. — Грамота сходна съ прежнею договорною грамотою съ тѣми же Великими Князьями. Есть выраженіе, намекающее на городовое, можетъ быть, раздѣленіе Новгорода: «Кто почнетъ имати по концевѣ, и по рядомъ, и по стамъ, и по улицамъ. ...»

1471 г. *Судная Новгородская грамота*, стр. 69—72.

Грамота начинается: «доложа Господы Великихъ Князей... и по благословенью нареченнаго на архіепископство.... Теофила. Се покочаши посадники Новгородцкіе, и тысяцкіе Новгородцкіе, и бояря и житыи люди, и купци, и черныи люди, вся пять концовъ, весь Государь Велики Новгородъ, на вѣчь на Ярославль двору....»

Далѣ говорится о судѣ святительскомъ: «А судити ему (Теофилу) вьсьхъ равно, какъ боярина, такъ и житыего, такъ и молодчего человека.»

Замѣчательно далѣ выраженіе: «А кто кого позоветъ въ сель позовкою или дворяниномъ....» Вообще грамота замѣчательная; ее слѣдуетъ разобрать подробно, преимущественно въ судебномъ отношеніи.

1471 г. *Отказная Новгородская грамота на Двинскую землю*, стр. 72. «Къ старостамъ и ко вьсьмъ христіаномъ.»

Прежде 1477 г. *Запись Новгородская о церковныхъ судѣхъ*, стр. 79. Грамота замѣчательная; и въ филологическомъ отношеніи на нее надо обратить вниманіе. «Братщина судитъ, какъ судыи:» — замѣчательное выраженіе.

1477 г. *Жалованная Новгородская грамота Троицкому Сергиеву монастырю*, стр. 80. Тотъ же величавый характеръ Новгородской; грамота вѣчная.

Прежде 1479 г. *Духовное завѣщаніе преподобнаго Евфросина Псковскаго*, стр. 83.

«*Ни Нѣмецкого платія носити*» (чернецамъ): замѣчательно.

Около 1480 г. *Грамота Улицкаго Князя Андрея Васильевича Бѣжецкому Городецкому сотнику*, стр. 84. Чтобы сотникъ не наряджалъ крестьянамъ никакого дѣла (не тянулъ ихъ къ Городецку.)

1482 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича*, стр. 84.

Здѣсь дается монастырскимъ Троицко-Сергіевскимъ крестьянамъ особый приставъ; и въ то же время говорится, что если придетъ къ нимъ другой приставъ, то чтобы люди монастырскіе не давались ему на поруку, не ѣздили къ сроку; также, если кто возьметъ па нихъ безсудную не по срочной даннаго имъ пристава, та безсудная не въ безсудную. — Мы указываемъ здѣсь на эту грамоту потому, что въ ней видно тогдашнее положеніе Земли: именно, видно, что она призывалась участвовать въ соблюденіи законовъ, въ сохраненіи привилегій, не была безгласною массой, которой обязанность — молчать, какъ бы несправедливо съ ней ни поступали, не была жертвою Государства, какъ теперь.

Прежде 1486 г. *Губная (уставная) Московская запись*, стр. 87.

Грамота замѣчательна въ судебномъ отношеніи, также въ отношеніи къ удѣльному состоянію того времени. Есть выраженіе, когда говорится о судѣ и объ искѣ передъ большимъ намѣстникомъ: «*а судья за нимъ идетъ (придетъ), своего прибытка смотритъ.*» То есть, своихъ законныхъ, судебныхъ пошлинъ (и можетъ быть своего права судьи, условленнаго самимъ ходомъ дѣла; — впрочемъ, это надо еще опредѣлять). — «*При Іоаннъ при Дмитреевичъ.*» Вѣроятно говорится о бояринѣ Иванѣ Дмитріевичѣ. — Грамота стоитъ изслѣдованія.

1486 г. *Жалованная грамота Улицкаго Князя Андрея Васильевича*, стр. 89. Льготы (освобожденіе отъ суда и пошлинъ) простираются даже на людей, живущихъ въ городѣ (на посадѣ), въ дворѣ монастырскомъ (дворники.)

1488 г. *Уставная Бѣлозерская грамота*, стр. 92.

Подробное и внимательное распределеніе пошлинъ. Видно, что пошлина была главное для Государства (и кажется, на оборотъ,

несколько не важно для Земли; для нея важною была жизнь: иначе произошло бы столкновение.)

«А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тиуномъ безъ сотуковъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ.»

«А кому будетъ Блгозерцомъ, горожаномъ и становымъ людемъ и волостнымъ, обида отъ намѣстниковъ и волостелей, и отъ тиуновъ обида и отъ доводчиковъ, и они сами сроки намѣтываютъ на намѣстниковъ и на волостелей и на ихъ людей.» Эти оба мѣста очень важны.

1495 г. Жалованная грамота Волоцкой Княгини Іуліаны Михайловны, стр. 98. Кто у нихъ (помѣщиковъ) въ той деревнѣ иметъ жити людей (просто, не говорится крестьянъ.)

1500 г. Жалованная грамота Волоцкого Князя Феодора Борисовича Іосифову Волоколамскому монастырю, стр. 102. Замѣчательны подтвержденія этой грамоты при Царѣ Феодорѣ и при Самозванцѣ:

1) «А Ржевскимъ намѣстникомъ, и ихъ тиуномъ, и воеводамъ Ржевскимъ, и Осташковскіе слободы воеводамъ, судити ихъ монастырьскихъ приказчиковъ и доводчиковъ, которые въ ихъ Осташковской слободѣ на приказъ будутъ,»—тогда какъ прежде прикащиковъ судилъ самъ Государь, Великій Князь, или Князь.

2) «А судятъ тѣхъ своихъ Осташковскія слободы крестьянъ монастырьскіе приказчики и доводчики, и пошлики съ судныхъ дѣлъ емлютъ на монастырь.»—Здѣсь ясно уже высказывается послѣдними словами финансовое значеніе суда, и то, что судъ монастырскій и т. д. былъ не частный, произвольный, а общій, государственный.—Конечно, то же былъ и судъ помѣщичій.

1503 г. Письма Польской Королевы Елены къ отцу ея, В. К. Іоанну Васильевичу, къ матери, В. Княгинѣ Софьѣ Ѳоминичнѣ, и къ братьямъ, Василью и Юрію Іоанновичамъ, и отвѣтъ Великаго Князя, стр. 104—110.

Въ посланіи Іоанна: «А и не къ тебѣ къ одной посылалъ, и ко всей Руси посылалъ, которые держатъ Греческой законъ....» Ясно, что здѣсь Руси, значить Русскимъ. Это выраженіе напоминаетъ къ Варягамъ-Руси т. е. къ Варягамъ Русскимъ или къ Русскимъ Варягамъ.—Замѣчательны посланія, какъ обозначающія семейныя отношенія, и характеръ Елены и Іоанна.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ.

1505—1533 г.

1506 г. *Уставная грамота Переяславскимъ рыболовамъ*, стр. 114.

Это привилегія на особенное административное устройство. За-мѣчательно слѣдующее мѣсто:

«А безъ старосты и безъ лучшихъ людей волостелю и его тиуну суда не судити никакого.»

Была ли это новость, была ли это старина? Что жизнь земская была старина, была первоначальное явленіе въ Россіи, сомнѣваться въ томъ, кажется, трудно. Но это могло быть возвращеніемъ прежнихъ правъ, или огражденіемъ земской жизни отъ нарушеній, или облеченіемъ ея въ новый образъ. Мы думаемъ послѣднее. При образованіи Государства, Земля, сохраняющая свою силу, должна была стать въ особыя отношенія къ нему, къ этому множеству чиновниковъ, которое возникло. Позднѣе, сама Земская Дума, вмѣсто вѣча, это показываетъ. — Подобныя грамоты умножаются съ большими и большими правами Земль, показывающими, что Государство пребывало въ основныхъ первоначальныхъ своихъ съ нею отношеніяхъ.

1506 г. *Уставная грамота, Марининской трети, Артемоновскаго стана крестьянамъ*, стр. 116.

Сходная грамота съ предыдущей, съ вышесказаннымъ огражденіемъ земскихъ правъ. За-мѣчательно слѣдующее: «А скомороломъ у нихъ въ волости ирати не освобождаетъ.»

Чье это требованіе, Земли или Государства? Думаю: Земли, ибо выраженіе такъ показываетъ. *Не освобождаетъ скоморохамъ*: видно, что этого скоморохи желали, и это запрещеніе объявлено Земль, какъ будто удовлетвореніе ея желанія.

1507 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Переяславскимъ сокольникамъ*, стр. 118. Привилегія, данная нѣсколькимъ чловѣкамъ; они освобождаются отъ суда и поборовъ и подчиняются суду Великаго Князя или его сокольничаго.

1509 г. *Жалованная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Іоанновича Григорью Нелидову съ дѣтьми*, стр. 120. Здѣсь го-

ворится о судѣ ихъ надъ тѣми людьми, ² которые бы у нихъ поселились, и не сказано объ исключеніяхъ.

1509 г. *Уставная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Иоанновича Каменскаго стана бобровникамъ*, стр. 120. Сходная съ предъидущими привилегированными грамотами. Въ ней тоже говорится: «А безъ дворьского и безъ лутчиѣхъ людей ловчему и его тиуну суда не судити никакова».

Догадка наша о скоморохахъ подтверждается: «А скоморозомъ у нихъ ловчей и его тиунъ силно ирати не ослобожаетъ: кто ихъ пуститъ на дворъ доброволко, и они тутъ ирабтъ; а учнутъ у нихъ *скоморохи* по деревнямъ ирати силно, и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенко».

1509 г. *Грамота В. К. Василья Иоанновича*, стр. 122. «Княземъ, и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ, и встѣмъ служивымъ людемъ».

Чуть ли не въ первый разъ такое воззваніе, такое выраженіе, въ которомъ признается и называется служилое сословіе.

1515 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Иоанновича Владимірскому Дмитріевскому собору*, стр. 129. Замѣчательно, что здѣсь говорится о церковныхъ (не монастырскихъ) деревняхъ и жалуется здѣсь бѣлое духовенство.

Замѣчательно слѣдующее выраженіе: «вѣдаютъ и судятъ своихъ христіанъ, и людей, и хоругвониковъ, и угольниковъ, и строевъ».... Христіане (крестьяне) отъ людей отдѣлены.

1518 г. *Жалованная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Иоанновича дворецкому Василью Вельямикову*, стр. 134. Въ грамотѣ говорится о позволеніи купить деревни у разныхъ лицъ съ правомъ продать, промѣнять и даромъ отдать. Ни о какихъ льготахъ и привилегіяхъ не говорится. — Исчисляются угодыя, упоминаются пожни; о пашнѣ не говорится.

1520 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Иоанновича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 135. Грамота замѣчательна по подтвержденію при Грозномъ (1551). Въ грамотѣ, какъ обыкновенно, дается право суда надъ крестьянами, людьми; говорится о судѣ смѣсномъ, и потомъ, также по обыкновенію, прибавляется: «А кому будетъ чего искати на ижумень Іаковль съ братьею, или на ихъ прикащикъ, ино ихъ сужу азъ Князь Великій или бояринъ мой сведеный». Въ подтвержденіи же го-

воротятся: А кому будетъ чего искати на Троицкомъ игумень, ино его судить отецъ нашъ Макарій Митрополитъ всея Русіи, или кто по немъ иный Митрополитъ будетъ; а старцовъ Троицкаго Сергіева монастыря межъ себя судить Троицкой игумень Артемей, или кто иный игумень будетъ; а кому будетъ чего искати на ихъ монастырскомъ приказщикъ, и на слугахъ, и на монастырскихъ крестьянхъ, ино ихъ сужу язъ Царь и Великій Князь или мой бояринъ введеный».—Во всемъ прочемъ грамота подтверждается.

1525 г. Отрывокъ свидѣтельнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳеодорѣ Жарскѣмъ съ допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Аванасію, стр. 141—145. Чрезвычайно важный памятникъ прежней жизни, мѣній, бесѣды, в той эпохи исторической.

1533 г. Грамота В. К. Василья Іоанновича, стр. 149. Упоминаются цыловальники.

ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВЧЪ ІV.

1533—1584.

1534 г. Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, стр. 150. Здѣсь говорится объ осадныхъ дворахъ въ Суздаль и въ Костромѣ, и о людяхъ, которые учнутъ тамъ жить; но здѣсь, какъ видно изъ подтвержденія, разумѣются дворники. Замѣчательно, что, какъ въ этой, такъ и во многихъ грамотахъ, Царь Іоаннъ подтверждаетъ свои же грамоты Великаго Князя.

1536 г. Грамота В. К. Іоанна Васильевича Переславскимъ городовымъ прикащикамъ, стр. 154. Упоминается о сошной пашнѣ, просто, не говоря чья (крестьяне монастырскіе). Выраженіе таково: «а пашки де у нихъ сошныя въ тѣхъ сельхъ и въ деревняхъ полбодиннадцати сохи». У нихъ относится конечно къ игумену съ братією; но такъ какъ они защищаютъ крестьявъ своихъ, то они могли говорить и о крестьянской пашнѣ.

1537 г. Уставная грамота Владимірскаго ульзда Ильмехотскаго стана бобровникамъ, стр. 155. Въ этой грамотѣ жалуютъ

ся нѣсколько бобровниковъ бобровыми деревнями. Кажется, бобровая ловля отдавалась на откупъ или на аренду. Замѣчательно, что здѣсь освобождаются они отъ суда *намыстничьяго*, кромѣ душегубства, но не отъ *волостеля*, про котораго сказано, что онъ: «*ходитъ по сей нашей грамотѣ*», — и которому принадлежитъ судъ.—Разныя другія льготы.

1537 г. *Чинъ поставленія Митрополита Иоасафа. Избраніе его и исповданіе Православной Вѣры, и повольная ему грамота Новгородскаго архіепископа Макарія*, стр. 158. Значеніе власти свѣтской выступаетъ сильно передъ властію духовной. Государь сидитъ съ архіепископомъ вмѣстѣ, рядомъ, на возвышеніи въ Успенскомъ Соборѣ. Епископы и прочіе, приходя, кланяются Государю и архіепископу до полу.—Были Великаго Князя дьячки (пѣвчіе).—Значеніе митрополита и виѣшнее его явленіе. Во время процессіи по городу «*подвойскіе народъ отсылають*». Но это ничего не значить, ибо это выраженіе упоминается и тогда, когда митрополитъ идетъ благословлять *народъ и весь градъ*.

Великій Князь называется уже здѣсь, еще неофициально, *Царемъ*, также и Самодержцемъ. Митрополитъ исповѣдуетъ не соторитъ ничего противъ божественныхъ и священныхъ правилъ, хотя бы царь, князь великій, или многіе князья къ тому и смертію его принуждали.—Вообще очень замѣчательно.

1539 г. *Грамота В. К. Иоанна Васильевича Переславскому духовенству*, стр. 163. Иоаннъ Васильевичъ извѣщаетъ, что онъ (свѣтская власть), по просьбѣ игумена Данила, «*на его мѣсто устроилъ въ томъ монастырь въ архимандриты, его же Данилова постриженника старца Ларіона*».

1542 г. *Грамота В. К. Иоанна Васильевича, Керетчакамъ и Ковдянамъ*, стр. 175. «*А земскимъ людемъ лутчимъ и середнимъ на судъ данцики и слободчикъ быти у себя не велать*». Въ этомъ главное состояла жалоба Керетчанъ и Ковдянь.—И такъ, вотъ доказательство, что присутствовали земскіе люди на судѣ и прежде, и присутствіе ихъ, какъ видно, имѣло если не огромное, то очень важное значеніе.

«*А выбрали деи они въ цѣловалники, всею волостью, Григорья Семенова сына Тряску.... и мнѣ бѣ ихъ пожаловати, у Керетцкихъ и у Ковденскихъ данциковъ и у слободчика тѣмъ*

цѣловальникамъ быти на всякомъ судѣ, а безъ цѣловальниковъ бы данщикомъ и слободчикомъ суда не судити, да которые цѣловальники грамотъ умѣютъ, и тѣмъ бы цѣловальникомъ къ суднымъ спискамъ у данщиковъ и у слободчиковъ руки прикладывати, да тѣмъ же бы цѣловальникомъ у нихъ и у розбойничихъ дѣлъ сидѣти и розбойничьи дѣла дѣлати по зубной грамотѣ.» Земля здѣсь проситъ подтвердить свое распоряженіе. Надо бы справиться, была ли прежде жалованная грамота на то, о чемъ просится? конечно нѣтъ, ибо было бы о томъ въ сей грамотѣ упомянуто. И такъ, Земля сама распорядилась и уже выбрала цѣловальниковъ. Здѣсь («и мнѣ бы ихъ пожаловати велѣти») проситъ она только о подтвержденіи. Вѣроятно, подобнаго значеніе Земли и въ другихъ случаяхъ и мѣстахъ; даже самые цѣловальники—не царское учрежденіе и жалованье, а устройство и распоряженіе самой Земли; жалованья же грамоты не что иное, какъ грамоты подтвердительныя (иногда можетъ быть и возобновительныя, по желанію самой Земли, тамъ, гдѣ это земское устройство могло утратиться). Если земскіе люди (цѣловальники же въ иныхъ случаяхъ) только присутствовали на судѣ, то какое это сильное нравственное, чпсто земское вліяніе!

1543 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 178. «А кто у нихъ учнетъ жити людей у Соли, у варницы и во дворѣхъ, повары и водошвы и всякіе казаки».—«А которые казаки приходцы».... Замѣчательно употребленіе слова казакъ.

1544 г. *Уставная грамота Звѣнигородскаго уѣзда дворцоваю Андреевскаго села крестьянамъ*, стр. 179. Эта грамота жалованная несудимая. Крестьяне освобождаются отъ суда намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ *опричь душегубства и разбоя и татбы съ полчнымъ*. Также какъ и въ грамотахъ жалованныхъ помѣщикамъ; сверхъ того и другія общія (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя) льготы отъ государственныхъ чиновниковъ. Вмѣсто помѣщика—здѣсь *поселской*; но объ немъ сказано: «и онъ у нихъ ходитъ о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ (писано).» Что же тутъ опредѣлено? Тутъ опредѣляются *финансовыя* отношенія суда, что составляло и главную выгоду помѣщиковъ; хотя въ грамотахъ помѣщикамъ не говорится опредѣленно, но конечно отношеніе это было опредѣленное, ибо выраженіе: *а при-*

быткомъ ся дѣлать на помѣшникъ или Государевъ чиновникъ, прибытокъ котораго былъ безспорно опредѣленъ, показываетъ, что эта опредѣленность существовала и для помѣшника, существовала, вѣроятно, по аналогіи, и въ его собственномъ судѣ. — Любопытно, нѣтъ ли грамоты, въ которой съ подробностью опредѣляется прибытокъ помѣшника отъ суда.

«А безъ старосты ему (посельскому) и безъ лутчихъ людей суда не судити». Замѣчательно. Это одно общее устройство, какое встрѣчается и въ волостяхъ, и въ большихъ размѣрахъ, и конечно принадлежитъ (въ ту эпоху) и всей Русской землѣ.

«А скоморохомъ у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ силно не ирити, а попрошатаемъ, конюхомъ и псаремъ и инымъ попрошатаемъ по тому селу и деревнямъ по тому же силно не ѣздити, не просити ничего».

Изъ этого, кажется, видно, что скоморохи не были привилегированные, а совершенно самовольные, безправные надѣдатели; и посѣтители крестьянъ; они сравнены съ другими попрошатами нельзя думать, чтобы и другіе попрошатаи, даже неозначенные, были привилегированы; здѣсь нѣ льгота отъ нихъ, а просто запретъ отъ нихъ, какъ отъ притѣснителей, отъ самовольныхъ людей. Иначе было бы сказано: они явятъ грамоту, или что-нибудь въ этомъ родѣ. А здѣсь просто велѣно ихъ давать на поруку.

«Наши воеводы, князи, и дѣти боярскіе, и всякіе силные ѣздоки у нихъ въ селѣ и въ деревняхъ пашенныхъ и въ оброчныхъ не ставятся.» Что значить *силные ѣздоки*? *Насильные*, вѣроятно. Были, слѣдовательно, *пашенныя и оброчныя деревни*.

Выраженіе: «*Крестьяне, селчане и деревеньщики.*» — Система пошлинъ и сборовъ отъ государства понятна и законна; это самое лучшее отношеніе государства, на которое оно имѣетъ полное право.

1545 г. *Жалованная грамота В. К. Иоанна Васильевича*, стр. 181. — *Печатью путною.* Что именно это значить?

1545 г. *Разрядный и разметный списки*, стр. 184—195. «Съ *блмыхъ и съ тямыхъ дворовъ....*» «*Да съ Поугородцкихъ же посадовъ, и съ пригородовъ съ посидовъ, и съ рядовъ, и съ погостовъ....*» — *Однорядки, или сермяги, крашены* (одежда, въ которую должны были быть одѣты пищальники). — «Съ *силмыхъ*

людей» (вмѣсто лучшихъ).—«И болре и камѣстники и дворетцкіе и ѡйки приговорили» (пзмѣненія въ раскладкѣ).—Гривенка значила фунтъ.

«Въ Новогородѣ въ Великомъ тмлыхъ дворовъ, гостилыхъ и черныхъ....» «А съ блыхъ дворовъ не тмлыхъ....» «Истарны тмнутъ (дворы, принадлежащіе попу, дьякону, ппщальницкіе и пр.) всякое тмяло съ черными людьми, потому что деи ть дворы всть стоятъ на черной земль на тмялой на посадккой и тмнутъ съ черными людьми.» Значеніе землн (территоріи).

«Ть дворы писецъ Иванъ Олексевъ отдалъ земцомъ за обжу.» Земцы — земскіе люди? «И съ тьмъ дворомъ, что на земцовъ земль.»

Раскладка вообще по дворамъ.

1546 г. Двѣ грамоты В. К. Іоанна Васильевича Улицкимъ и Бѣлозерскимъ ямщикамъ, стр. 195. Видно, что ямщеп были самостоятельны и распоряжались сами по Яму. В.-Княжеская грамота относится къ нпмъ (къ такому-то съ товарщцу). Выраженіе: «Наши посланники и обыщики и высылщики и городовые розсылщики.»

1546 г. Грамота В. К. Іоанна Васильевича Третьяку Гнѣвашову, стр. 198. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе названіе:—«Словенского Волочка» крестьяне (Бѣлозерскаго уѣзда).

Споръ крестьянъ съ монастыремъ о владѣніи: «И мы.... дали судью тебя Третьяка Гнѣвашова (монастырю). А Словенского деи Волочка крестіане.... взяли судью Михалка Лукина сына Волошенинова.» Сильно замѣчательно. «И ты бь съ тьмъ судьею свѣтася, взявъ съ собою старость и цѣловалниковъ и туюшнихъ старожилцовъ» на ть спорныя земли ѡхалп, тѣхъ бы земель досмотрѣлп, да по обыску бы тамъ «межи уиинили и ямы покопали, и граки поклали, и розъѣзжіе имъ подавали.»

«А ни одинъ бы васъ (nemo vestrum, unus vestrum) безъ одного на ть спорныя земли не пздилъ.

«А идь будетъ наряжена тебь (Гнѣвашову) наша служба, и ты бь на нашу службу ѡхалъ, а на сю бы еси грамоту не олашивался.»

1546 г. Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Вят-

чанамъ Шестаковского городка, стр. 199. Замѣчательна въ высшей степени. Изъ этой грамоты видно, какъ образовывался городъ, какъ село переходило въ гражданскую общину. Видно, что крестьяне могли это дѣлать сами. Видно, что (и слѣдовательно) всѣ поземельныя владѣнія крестьянъ оставались въ ихъ собственности. Правительство поощряло такое построение городковъ. Связь села съ городомъ не разрывалась. — Грамота замѣчательна чрезвычайно.

Шестаковцы могли ставить дворы и призывать жить людей. Поселившимся *посля описи* и вновь приходящимъ *неписаннымъ* и *не тѣлымъ*, льгота отъ даги и повинностей на 10 лѣтъ.

Замѣчательно здѣсь выраженіе, что: деревни и починокъ *садились*. Замѣчательно, что они уже и называются *Шестаковцами*. — Что въ наше время ревизія, то были тогда писцовыя книги, повторявшіяся отъ времени до времени, какъ оцѣнка имущества. Вотъ это было хорошо!

Замѣчательно выраженіе: *посля большихъ писцовъ*; также выраженіе: *въ истую уплату безъ росту* (платить должникамъ).

1546 г. Грамота В. К. Иоанна Васильевича въ Каргополь, стр. 200. Пошла за подлогъ: «*рубль на меня, на Великого Князя, и рубль на соба*» (намѣстнику). Встрѣчается слово: *казаки*.

1547 г. Жалованная мѣловная грамота князю Кубенскому на отчину, стр. 204. «*А кто у него.... учнутъ жити людей и христіанъ, и тѣмъ его людемъ и христіаномъ*.

Просто сказано: *А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей и христіанъ князь Михайло Ивановичъ, самъ во всемъ или кому прикажетъ; а кому будетъ чего искати на княжъ Михайловыхъ людѣхъ и на христіанѣхъ, ино ихъ сужу азъ, Царь и Великій Князь.*» —

Это списокъ; вѣроятно обыкновенное при семъ ограпиченіе и объясненіе пропущено; впрочемъ оно можетъ очень и подразумеваться.

1547 г. Царская грамота прикащику села Воробьева, стр. 205. «*Слобжане Воробьевскія слободы и Воробьевскіе селчане и деревенщики.*» И такъ, вотъ какъ росла, образовывалась деревня: *слобода, село, деревня*, да еще *починокъ*, какъ намъ пзвѣстно. Одно изъ другаго свободно возникало. Въ грамотѣ 1546 г. (Шестаковцамъ) есть пменно о возниканіи слободы («*слободу коиптъ на В.*

Князя»), и говорится въ то же время уже о новомъ возникшемъ городѣ. Это замѣчательно очень и слѣдуетъ обратить на это вниманіе.

1548 г. *Жалованная грамота Старицкаго князя Владиміра Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 206. Въ *Болгарской волости* сельцо Кастьяново (Старицкаго уѣзда). «За голову вѣры четыре рубли.... въ томъ вѣры, ни продажи нѣтъ....»—Запрещеніе скоморохамъ поставлено въ одноѣмъ разрядѣ съ запрещеніемъ не брать (князьямъ, боярамъ и пр.) силою ничего. Не могло же послѣднее быть привилегіею.

1549 г. *Губный наказъ селамъ Кириллова монастыря*, стр. 213. Замѣчательная очень грамота.—Государь назначаетъ по видимому старостъ губныхъ и цѣловальниковъ; но вѣроятно они были выбраны и онъ только подтверждаетъ, ибо всегда это дѣлалось такъ, да и тутъ говорится: «вельѣз есмь у нихъ быти.... въ губныхъ старостахъ, въ выборныхъ головахъ.» Обыщниками и недѣльщиками были крестьяне недовольны. «Обыскивати.... князми, дѣтми боярскими и всѣми служилыми людьми, и старостами и сотскими и десятскими и всѣми крестьяны.» Обыскивали и князми? Что значитъ, что за князми прямо боярскіе дѣти? Не разрядъ ли особый князей?—Видно раздѣленіе на служилыхъ и не служилыхъ.

Видно, что устройство было и въ другихъ мѣстахъ такое же (въ городахъ и въ волостяхъ)

Допускается, что при небольшихъ дѣлахъ выборнымъ головамъ, межъ себя поговоря, можно и не всѣмъ вмѣстѣ дѣла дѣлать, смотря по близости; но великія дѣла всѣмъ вмѣстѣ. «И вы бы о тѣхъ великихъ дѣлахъ съзжались изо всѣхъ становъ и изъ волостей въ городъ на Бѣлоозеро.»

Видно, что старосты могли служить и службу Государеву: «а которые старосты нашу службу служить», позволяется дѣлать безъ нихъ всѣ дѣла, кромѣ того, когда разбойники «доведутся до смертные казни.»

1550 г. *Царскій приговоръ объ исполненіи въ Московскомъ уѣздѣ дѣтей боярскихъ*, стр. 216. Форма: «Царь и В. Князь приговорилъ съ бояры.»—Выраженіе: «Помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, лутчихъ слугъ.»

1551 г. *Царская жалованная грамота Каринскимъ Тата-*

ражъ Чекашъ Аземетесу и сыну его Езыкшшу, стр. 217. Изъ грамоты видно, что писцы отъ времени до времени описывали (оцѣняли, слѣдовательно) и воды,—и назначался оброкъ.—А какъ тѣ воды писецъ нашъ опишетъ, и имъ съ тѣхъ водъ оброкъ давати въ мою казну, по писцовымъ книгамъ по жеребьемъ по-вытно.»

1551. *Соборный приговоръ о запрещеніи духовенству приобретать вотчины, стр. 218.*

Замѣчательно. Кажется, первая попытка ограничить владѣнія духовныхъ. Замѣчательно запрещеніе въ Твери, въ Микулинѣ, въ Торжку, въ Оболенску, на Бѣльозерь, на Рязани, продавать иногородцамъ вотчины и отдавать ихъ въ монастырь безъ доклада царскаго. (Также было и прежде по уложенію В. Князя Василія Ивановича.)

«Родъ ихъ... дадутъ.»—Употребленіе глагола во множ. числѣ.

1551 г. *Соборные приговоры по жалобницамъ Новгородскихъ священниковъ, стр. 220.*

«И старостаи и цѣловальникомъ продажи въ судѣ не чинити ни которыми дѣлы.»—(Судъ архіепископскій. Какое же вмѣшательство могли имѣть старосты и цѣловальники?)

Священники и дьяконы выбирались; но выбирались ли они уже изъ поставленныхъ, или изъ духовнаго званія только, и также изъ мірянъ? вѣроятно всѣ три случая были. Замѣчательная грамота.

1551 г. *Таможенная Бѣльозерская грамота, стр. 222.*

«А кто купитъ челоуька въ полницу, и ему давати намѣстнику ставленаго съ головы по алтыку—а діку имати, которой полныя пишетъ, съ головы по алтыку жъ....» Наслѣдственные ли это холопы? или полное холопство, на которое можно было уговариваться? Въ такомъ случаѣ, какъ же продажа? Развѣ какъ передача; но возможна ли она была?

Надо справиться.—Грамота замѣчательная.

1551 г. *Окружный Царскій Наказъ, данный вслѣдствіе Столаваго Собора, стр. 226.*

Изъ него видно, что земское управленіе имѣло особый самостоятельный характеръ и что оно имѣло большое участіе въ управленіи церковномъ, что очень замѣчательно.

1552 г. *Уставная Важская грамота, стр. 231—239.*

Замѣчательна въ высшей степени, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ.

«А изъ становъ и изъ волостей хрестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ откazu.» Далѣе: «А на пустыи имѣ мѣста на Вапѣ, въ Шенкурь и въ Вельскомъ стану на посадѣ и въ станьхъ и въ волостьхъ на пустоши и на пустыи деревни, хрестьянъ называти.» Далѣе: «А на пустыи имѣ мѣста дворовые (гдѣ дворы), въ Шенкурь и въ Вельску на посадѣ и въ станьхъ и въ волостьхъ, въ пустыи деревни и на пустоши и на старыи селища, хрестьянъ называти и старыи имѣ своихъ тяглицовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводитъ казадѣ безсрочно и безошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, идѣ кто въ которой деревни жилъ прежде того.»—У кого же были эти хрестьяне, очевидно переходныи? У посадскихъ людей, у хрестьянъ же, у земскихъ людей вообще, у цѣлой волости. Очевидно, что переходъ былъ не право хрестьянъ вообще, а состояніе, возникшее случайно, хрестьянъ бездомныхъ, лишившихся земли своей отъ разныхъ обстоятельствъ. Хрестьяне, жившіи на земляхъ (своихъ), не стали бы переходить; самая мысль о переходѣ не возникаетъ при состояніи хрестьянъ-землевладѣльцевъ. Переходныи же хрестьяне сажались (по условіямъ) на земляхъ, которыя находили: помѣщичьи ли онѣ были или хрестьянскія, какъ и видно въ этой грамотѣ. — И такъ, это не было какое-то помѣщичье право или отношеніе къ хрестьянамъ; это просто былъ наемъ земли, на условіяхъ, чья бы она ни была, хрестьянамъ безземельнымъ. Любопытно знать, какъ коснулось укрѣпленіе хрестьянъ переходныхъ въ земляхъ хрестьянскихъ или вообще областныхъ. Не были ли они сравнены въ правахъ, не отдава ли имъ была власть на землю? — Если это такъ, то конечно такое же значеніе имѣло укрѣпленіе и помѣщичьихъ хрестьянъ, т. е. надѣленіе хрестьянъ землею, при чемъ помѣщикъ сохранялъ право судьи (государственное), и владея землею общесъ хрестьянамъ, получалъ выгоды. Въ хрестьянскихъ же земляхъ быть можетъ собища получали выгоды хрестьяне-землевладѣльцы или — такъ какъ владѣніе было общее — вся область, весь міръ (что вѣроятнѣе). Любопытно знать отношенія судебныи и другія отъ міра или области (отъ хрестьянъ), какъ въ этой грамотѣ, къ хрестьянамъ переходнымъ.

«А на судъ и съ обыску и во всякихъ дѣльхъ у излюбленныхъ головъ у Шенкурцовъ у десяти человекъ быти Шенкурцомъ посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурью; а у Вельскихъ излюбленныхъ головъ у Павла у Муравьева съ товарищи у десяти жъ человекъ быти Вельскимъ посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, колкимъ будетъ пригоже, чтобы отъ нихъ никому ни съ чемъ силы и обиды и продажи безльпичные не было.» Далѣе: «А у записки и у всякихъ дѣль.... а съ ними (съ головамъ сидѣти) лутчимъ людемъ посадскимъ и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, и вельти имъ всякіе дѣла записывати передъ собою да тѣ записки всякихъ дѣль держати за своими печатми.» — Изъ этихъ выписокъ мы видимъ, что при тѣхъ и другихъ десяти головахъ, которые судили всѣ дѣла, сидѣли и присутствовали лучшіе и даже просто люди изъ всѣхъ сословій, которые не судили; они присутствовали только; этимъ самымъ давалась имъ правственная сила, суду давалась извѣстность, онъ подвергался общественному мнѣнію. Взоръ Земли былъ постоянно открытъ и устремленъ на дѣла, совершаемыя въ ней по управленію.

Замѣчательно, что Шенкурцы и др. взялись платить деньгами въмѣсто оброковъ чиновникамъ, объ оставленіи которыхъ просили («за намѣстничъ кормъ»). Какая же выгода была Государю отъ этихъ оброковъ, если ему платили съ устрепеніемъ этихъ чиновниковъ? Откупали ли они эти мѣста? Но если и могло это случаться, то конечно не всегда, даже рѣдко. Впрочемъ, тутъ есть выраженіе: «а какъ тѣ излюбленные головы.... пойдутъ къ намъ, къ Москвѣ, съ нашею казною, за намѣстничъ откупъ.» Платили ли они (чиновникъ) изъ своихъ доходовъ? Или надо было Государю ихъ наградить особенно? (едва ли это причина; для содержанія у нихъ были помѣстья). — Или просто откупались Шенкурцы отъ государственнаго управленія, и доказывали вмѣстѣ, что не оброкъ былъ имъ тягостенъ, а управленіе? Во всякомъ случаѣ грамота называется откупною («по ихъ жаловальной откупной грамотѣ»). — Впрочемъ, конечно, поборы намѣстничьи и прочихъ чиновниковъ если не всѣ, то частію были казенные. Въ грамотѣ говорится: «а пошлинъ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣль со всякихъ и съ разбойныхъ дѣль не имати, а за на-

млстничъ бы и за тиуновъ кормъ... и за присудъ, и за корчму» и проч.

«... Денеъ съ росты... хлѣба съ наспы.» Были проценты и на хлѣбъ («насопъ»). «Денги обрубные или хлѣбъ обрубной... поведьлно написанъ» (по кабаламъ.) — Проценты? «На пять шестой по розчету.» Надо обратить вниманіе на это устройство. «Тиуна отставити.»

Въ перечисленіи 20 именъ очень мало прозвищъ родовыхъ, больше прозвищъ личныхъ, и больше всего вовсе безъ прозвищъ. «Межь себя управа чикити во всякихъ дѣльхъ земскихъ.»

Вообще грамота чрезвычайно важная и любопытная. Слѣдуетъ ее знать, сколько можно болѣе.

1554 г. *Акты, относящіеся къ Собору на Матвея Башкина*, стр. 241—249.

Замѣчательны чрезвычайно, относительно духовенства и той дѣятельности духа, которая постоянно совершалась въ Русскомъ (Великорусскомъ) челоувѣкѣ. Замѣчательны слова Башкина о записныхъ отъ насъ, о холопахъ (но не о крестьянахъ, что важно; слѣдовательно крестьяне не были въ такомъ положеніи). Вообще замѣчательны чрезвычайно и слѣдуетъ ихъ знать подробно.

1554 г. *Соборная грамота въ Соловецкой монастырь о заточеніи Троицкаго игумена Артемія* (прикосновеннаго къ дѣлу Башкина), стр. 249—256.

Чрезвычайно важный документъ для исторіи духовенства и для исторіи общественнаго мышленія, собственно релігіознаго.

1554 г. *Уставная грамота дворцовыхъ Аванасевскаго и Васильевскаго сель крестьянамъ*, стр. 256.

Намѣстники, третчики и тиуны тѣхъ крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, «а вьдаетъ и судитъ тѣхъ моихъ крестьянъ тѣхъ сель и деревень поселской, у котораго поселского тѣ села и деревни въ приказъ будутъ.» Былъ ли поселской выборный? Вѣроятно.—Грамота сходна съ грамотами помѣщичьими; вмѣсто помѣщика поселской (относительно суда и управленія).—Вѣроятно и помѣщикъ, какъ судья (не произвольный, а по закону), былъ желательнѣе для крестьянъ.

Боярскимъ людемъ ѣздитъ на пиры, скоморохамъ играть, по-прошатаямъ просить—запрещается (или: отъ всего этого крестьяне освобождаются). Вѣроятно, все это было злоупотребленіе, а

не право какое-нибудь: потому что дальше говорится: «а кому у насъ приѣзжимъ людемъ прилучится стати, и они себѣ кормъ свой и конской купятъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ.»—На это права конечно никакого не было.—И эта грамота стоитъ вниманія.

1555 г. *Акты объ отпускѣ въ Казань тамошнему архіепископа Гурія*, стр. 257.

«Водою святою покропити градъ и народъ.» Кажется, не боялись Понедѣльника наши предки.

Слово *градъ* и тогда употреблялось, какъ крѣпость, а слово *мѣсто* для означенія города и также селеній безъ крѣпости. Здѣсь *мѣсто* говорится вмѣсто *городъ*: «и мѣста, и народъ.» Далѣе: «до новаго мѣста Чебоксарь, идѣже благоволитъ Богъ граду быти на Чебоксарь.... И доведѣ Богомъ уреченнаго мѣста преимекитаго и славнаго града Казаки.... И иди на городъ со кресты, и обойди градъ весь по стѣнѣ.» Въ *городъ*,—за *городомъ*; въ этомъ же смыслѣ.

Замѣчательно, какъ говорится о приведеніи Татаръ къ крещенію. Внушается, чтобы кротко обходился архіепископъ съ новокрещеными, «да и протчи видѣ невѣрнии таковое благочестіе».... поревнуютъ креститься. Прекрасно обращеніе къ архіепископу. Прямо говорится, чтобы крестить только тѣхъ Татаръ, которые «своею волею, а не отъ неволи», захотятъ того. Архіепископу дается подвигъ заступничества, милости. Онъ защищаетъ, оказываетъ привѣтъ Татарамъ крещенымъ, желающимъ креститься и невѣрнымъ.—Сказано: «приводити ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводити.»

При изчисленіи не упоминается простой народъ (Русской).... «Гостемъ и торговымъ людемъ».... Слѣдовательно, крестьяне еще въ Казани не поселялись.—Акты очень замѣчательны.

1555 г. *Уставная грамота Переславскимъ рыболовамъ*, стр. 261. — Отставаются чиновники Государевы и допускаются земскіе, выборные всю Землю. Довѣренность къ Землѣ. — Замѣчательно выраженіе: «жалючи крестьянство.»

«А другу имъ и роду своему и племени въ томъ не норовити.» Замѣчательно (и это вообще кажется), что пошлинъ съ судебныхъ дѣлъ при земскомъ управленіи не полагается. Здѣсь даже и на Государя нѣтъ. Потомъ, на другой годъ эта грамота допол-

нена именно тѣмъ, что въ предупрежденіе пустыхъ *безличныхъ* всковъ и поклеповъ—вѣдно выборнымъ старостамъ брать пошлины съ судебныхъ дѣлъ, но отнюдь не для себя (*«а самимъ судьямъ тѣми пошлинами не користоватись»*), а присоединять ихъ къ общему казенному оброку. — Что значить: *«Опрічь мыта сухого?»*

«И впродѣ только намъ и земля управа ихъ будетъ любя, и мы съ ихъ вытей, что за ними пашни, пошлины и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того пожалуемъ.»

1555 г. *Уставная грамота Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Засецкихъ волостей крестьянамъ*, стр. 264.

Грамота такая же. — Также безъ жалованья земскіе выборные люди; доходы же волостелей, чиновниковъ Государя, теперь уничтоженныхъ, обращаются на Государя, въ видѣ оброка депежнаго. Оброкъ, говорится, чтобъ сбирала *«по животомъ и по промысламъ.»* — Избавляются и отъ Государевыхъ пошлинъ въ дѣлахъ судебныхъ (*«безпошлинно и безволокитно»*).... Оброкъ у нихъ принимаютъ *безпосулно* и отпускаютъ изъ Москвы *безволокитно*.

Крестьяне являются самостоятельной общиной; избираютъ и прикладываютъ свои руки къ спискамъ; въ такомъ случаѣ бумага не была для него страшна, да и безъ всякаго сомнѣнія можно заключить, что грамотность между ними была распространена.

1555 г. *Приговорная грамота Троицко-Сергіевскаго монастырскаго Собора*, стр. 267.

Запрещается держать *«скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей, ни розбойниковъ.»*

Кажется, губной староста былъ общій для всякихъ крестьянъ, для всего округа; здѣсь и для крестьянъ монастырскихъ.

1556 г. *Царская жалованная грамота Татарскимъ Князьямъ, на деревни въ Вятскомъ уѣздѣ*, стр. 267.

Грамота, какъ и другія подобныя. Государство не отдавало ни крестьянъ, ни людей въ рабственность, но поступалось частью своей власти и доходовъ частному лицу, служилому. Это была сдѣлка промезъ себя. Положеніе крестьянъ нисколько не змінялось. Вотчинникъ или помѣщикъ имѣлъ государственное званіе; получалъ судъ и дань: судилъ по законамъ и бралъ законную дань. Государство давало это какъ милость, какъ жало-

ванье, и замѣняло своего волостеля; помѣщикъ или вотчинникъ бралъ часть государственныхъ доходовъ; а крестьяне то, что платили волостелю, платили помѣщику или вотчиннику, и нисколько не измѣнялись въ своемъ устройствѣ, отношеніяхъ, правахъ и значеніи.

1556 г. *Царская грамота Кириллову монастырю*, стр. 268.

Монастырю позволяется купить вотчину, или продать. При продажѣ вотчинъ, вотчинникъ продавалъ свое право; точно такъ какъ бы кто продавалъ подрядъ, процессъ и пр. Вотчинникъ не былъ здѣсь собственникъ, онъ могъ продать только свое отношеніе къ общинѣ, которое не измѣнялось, и мы знаемъ, какое было это отношеніе. Для крестьянъ тоже это было все равно, ибо они не зависѣли отъ личнаго произвола, не были собственностью; это почти то же, какъ если бы судья продалъ другому свое мѣсто; а мы знаемъ, что былъ и судъ откупной. Эта продажа нисколько не измѣняетъ самаго дѣла, и крестьяне также свободны.

1556 г. *Уставная Двинская грамота*, стр. 271.

Грамота замѣчательная; сверхъ обыкновеннаго суда дается судъ губной. Изъ грамоты видно, что и другія волости управлялись также.

«А въ оброцѣхъ и во всякихъ податѣхъ тѣ христіане, посадскіе и волостные люди верстаются по животоу и по промыслу и по угодьямъ сами.» Выборные судьи выбираютъ сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, *которые бѣ были добры и прямы и всѣмъ крестьяномъ любы.*—У выборныхъ людей во всякихъ дѣлахъ сидятъ лутчіе люди.

Отставляется поле.

Здѣсь выборные судьи, какъ скоро ихъ выберутъ, приходятъ въ Москву для крестнаго цѣлованья. Въ другихъ предъидущихъ грамотахъ, они (называются, кажется, старостами, по крайней мѣрѣ иногда) приводятся къ крестному цѣлованью на мѣстѣ.

1557 г. *Послушная грамота Кашинскаго уѣзда, села Розмецова крестьянамъ*, стр. 273. Отдается село монастырю, бывшее прежде за помѣщикомъ Бѣлковымъ. Говорится о монастырской пашнѣ и помѣщиковомъ оброкѣ. Вѣроятно, такая была и у Государя. — Вѣроятно также, что гдѣ не было пашни, тамъ оброкъ былъ больше; а гдѣ была пашня, тамъ оброкъ былъ меньше,

или совѣтъ не было оброка.—Вѣроятно, пашня бывала в употребленіи.

1558 г. Царская грамота въ Соль Вычегодскую, стр. 277.—
...«Къ Соли Вычегодской на посадъ и въ Усолской уездъ, старостамъ: Омелянку Топнику, да черныхъ деревень старость Печейку Корчаль, да Пачеозерского села Судецкому старость Гришь Дементьеву.»

Здѣсь, кажется, три рода старость и три мѣстности: вторые два: староста черныхъ деревень и староста села; вѣроятно того, къ которому тянули деревни, которое могло быть и не черное. Это не мѣшало имѣть селу и деревнямъ особыхъ старость, особенно если они были разпородны. Первый староста былъ вѣроятно староста посадскій.

Выражается забота о крестьянахъ: «чтобъ отълюдь имъ которыми дѣлы крестьянству убытка не было.»

1560 г. Отрывокъ уставной грамоты селамъ Троицкаго Сергіева монастыря, и Выпуска о судныхъ пошлинахъ, собираемыхъ съ крестьянъ онаго, стр. 278. Въ высшей степени замѣчательны. Требуютъ подробнаго разсмотрѣнія. Изъ этихъ актовъ видно, что вотчинное устройство монастырское было чисто государственное: всѣ пошлины и судъ и чиновники—совершенно государственные («посельскій, доводчикъ, недѣльщикъ, цѣловальникъ»). Грамота требуетъ подробнѣйшаго сличенія, собственно въ частностяхъ, съ подобнымъ устройствомъ не вотчиннымъ.

Нѣтъ никакой причины думать, чтобы и другія вотчины, не монастырскія, не были устроены точно также. Грамоты монастырямъ и лицамъ на вотчины—совершенно однѣ и тѣже; также въ нихъ не означается внутреннее устройство вотчины, также говорится, что *вдаеть и судить самъ или кому прикажетъ* (въ швахъ съ судомъ и съ данью, что уже намекаетъ на государственное устройство), и также говорится о судѣ смѣсномъ, въ которомъ уже есть указаніе на государственное устройство вотчинъ (иначе бы не было равенности суда и прибытка), на то, что одинаковое устройство было *внѣ* вотчинъ и *въ* нихъ; дѣло слѣдовательно и все состояніе нисколько не перемѣнялось при отдаваніи въ вотчину деревень. Это указаніе здѣсь вполне оправдывается. Вотъ оно какое было вотчинное устройство! — Та же государственность; та же община.

1561 г. *Оброчная грамота Замосковной Вохонской волости, Бобровкичей полусохи крестьянамъ*, стр. 279. Грамота очень замѣчательная. Крестьяне садятся на оброкъ, освобождаются отъ разныхъ государственныхъ податей и отъ суда, и все это оплачиваютъ деньгами. Финансовое значеніе суда здѣсь ясно подтверждается. Одна деревня (всѣхъ девять), принадлежащая къ той же волости, Ковригина, была прежде на оброкъ у частнаго лица (Берняты), получавшаго съ крестьянъ оброкъ и вѣроятно точно также (или отчасти) избавлявшаго ихъ и отъ пошлинъ и отъ суда. Тогда сходило съ 8 другихъ деревень дани въ казну (Государя князя Владиміра Андреевича) по два рубля безъ четверти; съ девятой же деревни, Ковригина, 16 р. Бернятъ, да 40 алтынъ въ Государеву казну, да со всѣхъ девяти деревень еще 60 алтынъ. Теперь всѣ эти девять деревень освобождаются отъ всякихъ пошлинъ и отъ суда и платятъ за то 51 р., да пошлинъ два алтына съ рубля (вѣроятно съ этой же суммы). — Въ доказательство финансовыхъ отношеній въ этой грамотѣ сказано, что они судятся сами, и въ то же время говорится: *то они платятъ за волостеликъ присудъ*. — Также говорится, чтобы ихъ судьямъ (излюбленнымъ крестьянамъ) судить и пошлины имать по Государевой уставной грамотѣ. — И такъ пошлины съ суда 1) имъ передавались, 2) были опредѣленныя. — Эта грамота очень важна: она указываетъ прямо на смыслъ вотчинныхъ грамотъ и, если угодно, есть сама вотчинная грамота, съ тою разницею, что здѣсь вотчинникъ сама крестьянская община, откупившая себѣ у государства это право; а въ другихъ случаяхъ вотчинникомъ былъ или монастырь, которому давалось это право изъ благочестивой цѣли, или человекъ служилый, которому замѣняло оно жалованье, и было иногда наградой, иногда удобствомъ управленія. Впрочемъ, плата извѣстная бывала и здѣсь. Во всякомъ случаѣ отношенія были государственныйя, опредѣленныя, преимущественно финансовыя, и положеніе крестьянъ во всякомъ случаѣ нисколько не измѣнялось. — Крестьянинъ пользовался всѣми правами въ государствѣ и постоянно былъ лице свободное.

Судъ въ грамотѣ не опредѣленъ и не сказано о судѣ смѣсномъ.

1561 г. *Судная грамота Удѣльнаго Князя Владиміра Андреевича Замосковной Вохонской волости, Бобровкичей полусохи крестьянамъ*, стр. 280. Грамота весьма замѣчательная. Очевидно

это та, о которой говорится въ предъидущей, оброчной, грамотѣ. Она по содержанію своему, въ иныхъ мѣстахъ, какъ бы шире объема полусохи, какъ бы относится ко всей волости и только примѣнена къ полусохѣ. Впрочемъ, въ ней нѣсколько разъ прямо говорится о полусохѣ; съ другой стороны полусоха все же, не смотря на свое особое устройство, находилась внутри волости, составляла часть ея, и носила, кажется, ея названіе (что видно изъ выраженія: *на своихъ же волоцкихъ*). — Говорится, чтобъ въ извѣстныхъ случаяхъ судить съ губными старостами вмѣстѣ выборнымъ судьямъ; слѣдовательно судъ переходить за предѣлы полусохи. Вѣроятно, какъ это можно предположить, судъ вообще въ такихъ дѣлахъ становился обширнѣе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ (например обыскъ). Безчестіе *посадскимъ* людямъ и *волостнымъ добрымъ* пять рублевъ, женамъ вдвое, крестьянину пашенному и непашенному—рубль, женѣ вдвое.— Здѣсь слѣдовательно говорится и о посадѣ, сюда же, кажется, входящемъ. Кромѣ того въ грамотѣ есть въ высшей степени любопытное мѣсто: «А крестьяномъ отказыватися изъ города въ волость и изъ волости въ городъ, одинъ срокъ въ году, за недѣлю Юрьева дни осеннего и недѣля по Юрьевъ дни осеннемъ; а дворы пожилые» и пр. Въ извѣстныхъ случаяхъ высылаются вопъ изъ волости. Между тѣмъ говорится, что *въ судѣ и у записки, и у всякихъ дѣлъ у губныхъ* (старость) и у *излюбленныхъ* *судей* (полусохи) сидѣти *волостнымъ лучшимъ* крестьяномъ. Говорится: «а кто у нихъ въ волости *жекился*». Замѣчательны отношенія къ породцамъ и пріѣзжимъ людямъ.—Говорится: о *земскихъ дьячкахъ, земскомъ ларцѣ*, о рукоприкладствѣ и печатяхъ губныхъ старость, излюбленныхъ *судей* и лучшихъ крестьянъ. — Какое было устройство остальной волости? Можетъ быть то же, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ пошлахъ. — Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (очень не многихъ) судъ тянулъ къ Москвѣ. — Грамота подтверждена чрезъ 6 лѣтъ Иоанномъ IV.

1561 г. *Уставная грамота Соловецкаго монастыря Бѣжецкаго верха села Пузырева крестьянамъ*, стр. 283. Въ высшей степени замѣчательна. Грамоту надо знать въ совершенствѣ.— Это уставная грамота вотчинному селу, указывающая вполне на государственное устройство. Какія бы пошлыны ни были, но онѣ устраняли произволъ власти и устанавливали правомѣрные отноше-

нiя между крестьяннпомъ и вотчиннпомъ. Здѣсь все опредѣлено, и государственность отношенiй, одинаковая съ бывшею во всей Россiи, вѣдна на каждомъ шагѣ. — Нѣкоторые мѣста въ особеннсти замѣчательны. Грамота относится къ селу; это устройство села, по говорится и о волости (конечно монастырской), съ которою въ иныхъ случаяхъ село соединяется. Название *доводчика*. Опредѣленiе суда: судить прикащикъ, священникъ и пять или шесть крестьянъ, добрыхъ и середнихъ. — При продажѣ или мѣнѣ лошади или коровы за волость — *явка, а межъ себя купятъ или мѣняють* — пошлины нѣтъ. При продажѣ хоромины — дать на поруку, что поставитъ такую хоромицу, какую продалъ. Кто не придетъ (рано) на монастырскую работу, на томъ заповѣди двѣ деньги (а не наказанiе). — Вѣроятно, и судъ былъ собственно для дѣлъ между ими, какъ судъ государственный. — Могу ли вотчинникъ наказывать крестьянъ въ случаѣ непослушанiя? Не думаю. Онъ долженъ былъ жаловаться. — Если прикащикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ *въ честь, сверхъ урочнаго дѣла*, то корнить тѣхъ, кто придетъ, монастырскии хлѣбомъ. Слѣдовательно, дѣло было «урочное, а не произвольное. — Замѣчательно также весьма: *«а у которыхъ крестьянъ въ поляхъ роици, и имъ тѣхъ роици беречи.»* И такъ, у самыхъ крестьянъ могу быть особо лѣсъ, вѣроятно въ соединенiи съ жеребьемъ. — Могутъ между собою дворами и землями мѣняться и продавать, доложая прикащику. Кто продастъ свой жеребiй, а самъ пойдетъ за волость, брать похоромное сполна, *«а съ купца имати порядное посмотря по земль и по угодыю.»* Это чрезвычайно замѣчательно. Теперь вопросъ: кто купецъ? Свой ли, или могу быть и постороннiй? Слово *порядное* или предполагаетъ, что заключилъ рядъ свой, не постороннiй, приобрѣтая еще земли и угодыя, или же предполагаетъ посторонняго, который рядился. — Далѣе: *«А по грѣхамъ кому не поживеться и похочеть пойти изъ волости вонъ, а купца на его жеребей не будетъ, и на томъ имати похоромное сполна, а его выпускаи по сроку.»* — Здѣсь опять вопросъ: кого надо разумѣть? Кажется, посторонняго. И такъ, постороннiй могу покупать вотчинную землю (въ невоичинныхъ мы это видимъ положительно), и переходнiй крестьянинъ могу свою землю продавать; сверхъ того, вся община владѣла землею. — Очевидно, что здѣсь совершенно иныя возрѣнiя, совершенно самостоятель-

ный, особенный взглядъ, какъ относительно земли, такъ и вообще, который надобно понять. Подъ словомъ купли и продажи не надобно разумѣть понятія собственности. Не значить, что если я продаю вещь, такъ это моя собственность. Нѣтъ, здѣсь надобно разумѣть только отношеніе человѣка къ вещи и передачу этихъ отношеній, не болѣе; тогда все объяснится. — Свой жеребій, свое отношеніе къ участку могу я передать кому, угодно, даромъ или за деньги. Общинѣ и дѣла нѣтъ до лица; Верховное владѣніе принадлежитъ ей, раздаются жеребьи, съ извѣстными отношеніями къ міру, а кто именно сидитъ на жеребьѣ, общинѣ что до этого за дѣло. Община Русская еще выше и свободнѣе, чѣмъ мы думали. Она вполне сильна, и лице въ пей свободно. — Грамота говоритъ сверхъ того, что въ случаѣ неудовольствія на прикащикъ, крестьяне, могутъ жаловаться монастырю. — Замѣчательно еще выраженіе, что если кто, выдастъ дочь, то прикащику.... *съ отводикъ хлѣбъ да калачъ.* Намѣкаетъ ли это на, обычай водить къ жениху, или просто значить, что отведутъ на сторону дочь?

1562 г. *Сотная изъ писцовыхъ книгъ на Переславскую рыболовную волость*, стр. 287. Очень любопытна. Перечисляются всѣ дворы и жилья, и также пустыя мѣста и всѣ по именамъ. Что значить *пустые дворы*? Въ отсутствіи только были хозяева или перешли въ другое село и въ другія отношенія? Замѣчательно, что пустыя дворы и мѣста удерживаютъ названіе своихъ хозяевъ. Вѣроятно, это же было и въ вотчинахъ и въ другіхъ волостяхъ. Именемъ владѣльца называлась земля, и въ этомъ выражалась не принадлежность ея какъ собственности, а отношеніе владѣльца къ землѣ. Земля или дворъ такого-то, означало не собственность, а владѣніе или вообще какое бы то ни было отношеніе человѣка къ предмету.

«Дворъ Иванко Пшеница, ходитъ по дворамъ.» Вѣроятно здѣсь обозначалась его должность.

«Дворъ вдова Устинья Степанова жена, да къ тому жъ двору припущенъ дворъ Ивашка Мартынова.» Замѣчательно. — Не было ли тутъ сдѣлки между владѣльцемъ двора и другимъ, которому далъ онъ поселиться на своей владѣмой землѣ и который зналъ ужъ его прежде?

«Въ Шюрминь переулкѣ два двора волостелиныхъ.»

«На посадь рыболови жь дворы Добрянского десятка.» Дворы рыбацья могли быть и на посадь.

«И всьхъ рыболовскихъ дворовъ девяносто девять, а людей тожъ; въ нихъ: человекъ средней, молодчикъ девяносто восемь человекъ, да два дворра волостелины, да двадцать одинъ дворъ пустъ, да сорокъ мьсть пустыхъ. А сошного письма соза и полчетверти сози.» Замѣчательно и служить важнымъ указаніемъ.

«Да рыблове жь дають Царю и Великому Князю откупъ за волостелины и за ихъ пошлинныхъ людей (т. е. людей волостеля, пользующихся пошлинами), по откупнымъ жалованнымъ грамотамъ.»

Замѣчательно здѣсь слово *откупъ*, указывающее опять на известное определенное финансовое значеніе суда, въ этомъ отношеніи составлявшаго выгоду, и какъ таковая выгода предоставлявшаяся вотчинникамъ. Кажется, рыбацья Переяславская слобода управлялась сама, и отсюда *откупъ*. Замѣчательно выраженіе *за волостелины*, т. е. доходы. Опять указаніе на значеніе финансовое суда и вообще на отношеніе къ государству. Платился ли откупъ волостелю (если кругъ волости, отъ жалованныхъ грамотъ только суживался) или одному Государю, какъ финансовое вознагражденіе? Государю онъ платился во всякомъ случаѣ, и вѣроятнѣе, что Государю одному.

1563 г. Царская грамота Бѣжецкаго Верха въ Городецкій уездъ Ширяю Лопакову, стр. 289. Въ высшей степени важная грамота. Ее нужно знать. Изъ грамоты видно, что крестьяне вотчинные князей Прозоровскихъ перевели къ себѣ монастырской торгъ отъ крестьянъ монастырскихъ. 1) Все дѣло идетъ между крестьянами тѣми и другими, а объ вотчинникахъ и монастырѣ почти не упоминается. 2) При изчисленіи виноватыхъ вотчинниковыхъ крестьянъ, говорится о *цѣловальникахъ и земскихъ дячкахъ*. Это прямо указываетъ на одинаковое устройство вотчинныхъ крестьянъ, какъ и во всемъ государствѣ: устройство государственное. Въ вотчинахъ были вотчинные *цѣловальники и земскіе дячки*. Устройство монастырскихъ вотчинъ дополняетъ это устройство.—Въ еще большее доказательство, что здѣсь идетъ дѣло о вотчинныхъ чиновникахъ, является также то обстоятельство, что крестьяне изчисляются два раза, сперва того, а потомъ другаго вотчинника, и при каждомъ изчисленіи упоминается *цѣловаль-*

никъ и земскій дьячекъ.—Въ доказательство тому: Государь обращается не къ этимъ цѣловальникамъ, а посылаетъ своихъ. Въ грамотѣ говорится даже, что, въ одномъ случаѣ, участвовали и многіе разныхъ волостей цѣловальники. Это также очень важно и показываетъ нравственное значеніе цѣловальника, всюду, гдѣ бы онъ ни явился.

Важно даже самое дѣло переведенія торга, показывающее самостоятельность.

Въ этомъ дѣлѣ прикащики вотчинные и крестьяне дѣйствуютъ за-одно.

Важно устраненіе въ этомъ дѣлѣ вотчинниковъ. Нѣтъ ни како-го къ нимъ обращенія; также не видать нисколько подчиненности крестьянъ прикащикамъ.—Независимость крестьянъ очевидна. И они и прикащики мирятся и отвѣчаютъ мимо вотчинниковъ. Само собою разумѣется, что какъ ходатаи, они (вотчинники) явиться могли.

Вообще видно независимое состояніе и государственное отношеніе вотчинныхъ крестьянъ, да и всѣхъ вообще.

1563 г. *Таможенная Весьегонская грамота*, стр. 291. Грамота очень замѣчательная, въ ней сперва излагается дѣло о переводѣ торга, заключающееся въ предъидущей грамотѣ. Потомъ рѣшеніе этого дѣла и уставъ таможенныхъ пошлинъ.

Въ жалобѣ князя Прозоровскаго говорится, что его вотчинные крестьяне продаютъ въ своихъ деревняхъ людямъ: «для государей своихъ пошлины» (чтобы выплачивать пошлину своимъ вотчинникамъ?). Когда именуется вотчинные прикащики, сказано: *и ихъ товарищи и крестьяне* такіе-то.—Отдѣлить или итъ: *товарищи и крестьяне?*

Выраженіе про Царя: «*былъ на своей Государевъ службѣ*» (на войнѣ).—Про прикащиковъ говорится: *во крестьянъ своихъ мѣсто*; ясно, что *свой* не показываетъ еще принадлежности.

«*Весьского села (монастырскаго) посадской человекъ*» (купить товаровъ на лавку); стало быть *торговый*.

«*А окладывати таможенникомъ товаръ, съ цѣловальники и съ людьми съ добрыми*».

1564 г. *Чинъ поставленія Митрополита*, стр. 297. Замѣчательно все-таки, что объ этомъ чинѣ приговорилъ Царь Іоаннъ IV съ освященнымъ соборомъ и со всеми бояры.—Послѣ по-

ставленія митрополита, пирь у Государя и «за столомъ быти архимандритомъ и мученомъ и мкожествъ народа.»

Самодержавіе сильно обнаруживается и объ себѣ напоминаетъ. 1564 г. *Оброчная наддѣлочная грамота Юрьеву монастырю*, стр. 300. Замѣчательно, что здѣсь говорится объ оброчной тонѣ и сказано: «а тянути нъ оброчной, къ Федоровской пожни Дескичнкова.»—Замѣчательно также, что здѣсь перекупаютъ тонѣ другъ у друга и падають.

1564 г. *Грамота Митрополища Аванасія крестьянамъ Селцкой волосту*, стр. 301. Грамота пишется: «въ нишу волость селца, старостаиъ и сотскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ, и мостовицикамъ, и перевозчицомъ и всѣмъ крестіаномъ Селцкія волости.» Показываетъ устройство, какъ видно изъ самой общины вытекающее. Впрочемъ, въ митрополчнхъ владѣніяхъ, которыя были такъ обширны, и предполагать иначе нельзя. Конечно государственное отношеніе власти тутъ было во всей силѣ. Это должно быть еще видѣть и яснѣе изъ другихъ грамотъ.

1564 г. *Уставная грамота Соловецкаго монастыря Сумской волости крестьянамъ*, стр. 303. Грамота чрезвычайно замѣчательная. Ея надо знать. Она показываетъ устройство монастырскихъ вотчинъ. Здѣсь и цѣловальники, и тиунъ, и доводчики, и биричъ, и пошлныи судныя, и кормъ; вообще все устройство государственное. Но конечно оно держалось безъ всякой гарантіи. Монастырь даетъ грамоту, и эта грамота есть не что иное, какъ утвержденіе земскаго устройства съ одной стороны и государственныхъ отношеній съ другой.—Очевидно, что грамота эта ничего новаго не вноситъ, да видно и изъ самой грамоты, что есть и другія подобныя ей и что вообще это устройство установившееся. Грамота—въ отвѣтъ на челобитье крестьянъ, которые писали, что между ними смущенье въ тяглахъ и разрубахъ.—Отъ чего возникъ такой случай, неизвѣстно; впрочемъ, смущенье имѣеть здѣсь особый смыслъ, ибо въ монастырской грамотѣ говорится, что она дается для того «чтобы у васъ въ волости промежь вами да и съ иными нашими волостками и съ деревнями впередъ смущенья не было,» т. е. неровности въ разкладкѣ и потому споровъ. Споры могли возникнуть потому, что здѣсь есть столкновение съ государствомъ. Монастырь, чтобъ устранить споры, указываетъ на земское же устройство.

Замѣчательно, что здѣсь говорится о казакахъ волостныхъ и деревенскихъ, къ которымъ тоже обращена грамота. Подъ казакми надо разумѣть пришлыхъ вольныхъ работниковъ; это слово и теперь еще употребляется между крестьянами въ этомъ смыслѣ.

«Земскихъ людей и казаковъ.» Противупоставленіе это замѣчательно.

Есть поголовная плата свыше пятнадцати лѣтъ. Но это не подушная; это уже плата съ силъ.—Эта же поголовная плата соединена (въ одномъ мѣстѣ) съ платою по величинѣ торга.

Употребляется слово *головщина* въ древнемъ, кажется, смыслѣ. Вообще грамота очень важна и требуетъ изученія.

1564 г. Царская грамота въ Бѣжецкіѣ, Верхъ на Городецкое Шеряю Лонакову, стр. 304. Эта грамота—подтверженіе о торгѣ Весъегонскомъ.—Опять дѣло касается только до прикащиковъ, а не до вотчинниковъ. Грамота довольно интересна.

1566 г. Жалованная грамота удѣльнаго Князя Владиміра Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю, стр. 309. «На села, и на деревни, и на слободы, и на дворы, и у солей на варницы.» Эта грамота замѣчательна нѣкоторыми особенностями. Такъ говорится, сперва кажется особенно, о торгующихъ монастырскихъ крестьянахъ и о ихъ преимуществахъ. «Которые изъ люди крестьяне и дворники изъ торгуютъ монастырскимъ товаромъ.» Впрочемъ можетъ быть это относится и вообще ко всѣмъ, какъ можно заключить изъ дальнѣйшихъ словъ. Эти торгующіе освобождаются отъ пошлинъ, повинностей и отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. Въ числѣ пошлинъ и повинностей кормъ княжяго коня и сѣнокосъ; также: «ни туковаго не платятъ,» и прочія пошлины и повинности довольно замѣчательныя.

«А которые изъ села и деревни и слободы и дворы, въ Дмитровскомъ, въ Боровскомъ, и въ Звенигородскомъ, и въ Романовскомъ, и въ Стародубскомъ уездахъ, и тѣ изъ люди, въ тѣхъ нашихъ городѣхъ, городовыхъ дѣлъ не дѣлаютъ никакихъ, пошлинъ не даютъ никакихъ же, потому что у нихъ Живоначальныя Троицы и у Чудотворцевъ Сергія и Никона свой городъ они дѣлаютъ и кроютъ тѣми селы и деревнями и слободами и дворы Дмитровскими свой городъ, и ячмюу на нѣ»

варять и зелье дѣлають тѣми же келы и деревнями и слободами и дворы Дмитровскими:

Выраженія: «А людемъ ихъ и крестьянѣмъ въ томъ силы и продажи нѣтъ» (при душегубствѣ, если не сыщется виновный): «Намѣстникомъ и волостелемъ... на мыты, мытчиномъ и посланникѣмъ.» Вообще грамота замѣчательна, имѣетъ разныя особенности.

1566 г. *Поручная запись по недѣльщикъ*, стр. 311. Очень любопытна: 1) потому, что здѣсь чиновникъ, хоть и мелкой, является на отвѣтственности общественной. Если это отношеніе было и къ другимъ высшимъ должностямъ, то это очень важно. — Вообще порука не денежная, но нравственная, есть великое обезпеченіе и очень важна: это уже показываетъ совокупное мнѣніе нѣсколькихъ и соединяетъ ихъ съ поручаемымъ въ одно нравственное лицо. 2) Замѣчательно, что въ числѣ непозволенныхъ дѣлъ упоминается: *людей своихъ и племянниковъ не посылать съ записями*; также съ приставными «неписмаиныхъ» бздоковъ, — не грамотныхъ вѣроятно. — Ручаются девять человекъ: пять разсылочныхъ дѣтей боярскихъ, одинъ площадной подъячій и три владѣльца дворовъ (дворники?): «Губа колачникъ съ Соколицы, Василий скотникъ съ Елавокы улпцы, Терентій хлѣбникъ съ Соколицы.» Рукѣ приложили три нослуха, какого званія не сказано; сверхъ того трѣе дѣтей боярскихъ, площадной подъячій, и скотникъ. Это показываетъ грамотность, тѣмъ болѣе что не сказано: вмѣсто такого-то руку приложилъ. Весьма вѣроятно, что остальные подписи не были сочтены нужными; не приложили руки только четверо. Подписи не имѣютъ никакой особенной послѣдовательности, перемѣшаны какъ попало.

1567 г. *Богомольная грамота Митрополита Филиппа въ Кирилловъ монастырь*, стр. 312—313. — Между прочимъ, чтобы поминсь о устроении земскомъ.

1569 г. *Царская грамота на Бялоозеро*, стр. 313.

Государь взялъ на себя монастырское село «съ денежнымъ оброкомъ и съ монастырскимъ хлѣбомъ»; вмѣсто того далъ имъ село съ деревнями «съ посопнымъ хлѣбомъ и съ мелкимъ доломомъ.» Изъ всего этого видно, что и финансовыя отношенія селъ были опредѣлены и извѣстны.

1569 г. *Царская жалованная грамота*, стр. 313.

Эта грамота дана откупнымъ таможенникамъ, какъ видно простыми людьми, взявшимъ тамгу и всѣ таможныя пошлины и привязную пошлину; ихъ не судятъ ни въ чемъ, кромѣ душегубства, разбоя и татбы съ поличнымъ, Владимірскіе волостели и ихъ тиуны и выборные земскіе судьи. Судъ имъ особый. «А съ дворовъ имъ съ своихъ всякіе подати дивати съ своею братьею ровню.» Это выраженіе должно указывать на ихъ званіе: вѣроятно городскіе или посадскіе люди.

Замѣчательно здѣсь выраженіе: «наши площадные недѣльщики, и даные приставы, и ихъ племянники, по нихъ не пздятъ» и пр. Это какъ будто противорѣчитъ поручной записи по недѣльщикѣ, выше изложенной.

Кажется, навѣрно можно сказать, что откупъ въ древней Руси — былъ передача: опредѣленныхъ выгодъ, которыя могли увеличиваться и уменьшаться не отъ откупщиковъ, а отъ худа дѣлъ самихъ, отъ народа, отъ случая. Откупщикъ же не могъ уменьшить известной цѣны, которая платилась и безъ откупа; это уже сдѣла между имъ и государствомъ, а состояніе народа и его отношенія отъ того нисколько не измѣнялись. Откупъ теряетъ въ такомъ случаѣ всю свою безирравственность, а вся земля, народъ, остается по прежнему вполне независимъ отъ этихъ откуповъ, вполне цѣленъ и неизмѣняемъ.

1570 г. *Уставная грамота митрополита Кирилла*, стр. 314. Эта уставная грамота касается церковныхъ пошлинъ (съ сельской церкви Архангела Михаила). Любопытно, что устройство митрополичьяго вѣдомства, его владѣній, было совершенно то же, какъ и въ государствѣ, даже устройство самого духовенства. Это очень интересно, и требуетъ вниманія и разсмотрѣнія. Изъ настоящей грамоты это также видно довольно ясно.

1570 г. *Царская грамота въ Устюжну Желѣзо-Польскую*, стр. 315. Старица Александрѣ дается Устюжна Желѣзо-Польская, посадъ и деревни. Любопытно обращеніе грамоты: *на посадъ, старостамъ и сотцимъ и пятидесятцимъ и десятицимъ и всемъ крестіаномъ посадцимъ людемъ*. О судѣ не сказано; сказано только, что недѣльщики отъ старицы Александры. Во всякихъ дѣлахъ и управяхъ велѣно имъ (къ кому грамота) прїѣзжать въ Москву къ Челнщеву, который во всемъ «по нашему приказу указъ чинитъ.»

1571 г. *Купчая на село Михайловское съ деревнями*, стр. 315.

Подъячій Августовъ долженъ былъ по приговору суда заплатить Щелкалову и его женѣ безчестья (за ложный доносъ 600 р.; въ уплату взята у него его вотчина (до его же челобитью); при описи отчины говорится: «*пашни боярскіе и крестьянскіе.*» Изъ этого, а также изъ другихъ грамотъ видно, что, крестьянская пашня была определена, и слѣдовательно не зависѣла отъ произвола вотчинника. Вѣрно дать купчую на вотчину Щелкалову, и купчею называется эта самая грамота; это очень замѣчательно.

Не упоминается о крестьянахъ.—Вообще грамота замѣчательна; въ особенности по денежному счету и по оцѣнкѣ имущества.

1571 г. *Царскій наказъ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ*, стр. 316. Грамота чрезвычайно важная; ее надобно знать.

Важно то, что она обращена ко всѣмъ и вотчиннымъ и не-вотчиннымъ крестьянамъ, что показываетъ равенство правъ.

Важно, что здѣсь помѣнованы помѣщики и вотчинники, и потому помѣщичьи и вотчинные крестьяне.

Наконецъ важно, что здѣсь грамота относится рѣшительно ко всѣмъ.

Хотя здѣсь и не говорится, но можно основательно предполагать, что и здѣсь губные старосты — выборные. — Изъ грамоты можно видѣть, что губное устройство было повсемѣстно.

«*А поязы на немъ взыти выти.*» — Отъ языка?

Если правительство и принимало въ расчетъ при обыскѣ большинство, это было уже его дѣло: оцѣнка мнѣній или слуховъ. Но обыскъ былъ не судъ и слѣдовательно онъ не судилъ по большинству; онъ не сосредоточивалъ, не рѣшалъ, не опредѣлялъ мнѣнія, а просто былъ людское мнѣніе.

Огромное значеніе обыска.

Важно отношеніе къ опричиннѣ, которое надо разобрать; тамъ были свои губные старосты и смѣсной судъ.

Очевидно, что губное устройство не было жалованное; слово: пожаловать — ничего не значить.—Грамоту надо изслѣдовать внимательно.

1571 г. *Таможенная Новгородская грамота*, стр. 320.

Замѣчательна прежде всего тѣмъ, что собирается пошлина на Торговой сторонѣ, въ Государевой Опричиннѣ. Новгородцы Со-

ѣйской стороны платять пошлину. Есть таможенные головы и цѣловальники. Головы, кажется, поставленные отъ правительства, а цѣловальники, кажется, выборные.

Изъ Новгородскаго уезда, изъ рядовъ, изъ волостей, и изъ погостовъ.

Недоборъ берется вдвое только въ такомъ случаѣ, когда на тамошниковъ доведутъ неправды.—Грамота очень замѣчательна и требуетъ внимательнаго изученія....

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ДЛѢ ДѢТЕЙ (1).

ПОСВЯЩЕНІЕ

РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

Хотѣ вашъ возрастъ, дѣти, не даетъ вамъ вполне чувствовать, что такое родная земля для человѣка, какой великой союзъ природы и духа и, вслѣдствіе ихъ, жизни, объемлетъ и совокупляетъ людей въ одинъ народъ,—какъ велика связь, соединяющая каждого съ его народомъ: но вы уже знаете, что вы Русскіе, но болѣе или менѣ слышали въ про старину, видали или знаете Москву; но чувство любви къ своей родной землѣ конечно уже знакомо вамъ, дѣти, уже пробуждается въ васъ, растетъ, и по этому требуетъ новой пищи. Вамъ уже хочется знать судьбу родной земли вашей и моей; и поэтому нашей,—знать, что было съ нею, что такое она теперь, какъ стала она тѣмъ, что теперь, и куда лежитъ ея путь? Сами того не зная, еще съ младенческаго возраста, вы уже принадлежите родной землѣ и сроднились съ нею; она окружаетъ васъ собою и своими попеченіями. Это небо, эти далекія поля, эта бодрая зима, широкія рѣки—все ужъ это сроднилось съ вами. Вашъ взглядъ ужъ видѣтъ крестьянина, сохранившаго народный бытъ и народную одежду. Родина уже пропѣла вамъ свои первыя колыбельныя пѣсни, и продолжаетъ, можетъ быть, забавлять васъ хороводами, играми и другими пѣснями. Но нашъ самый важный союзъ съ родиной, это есть Русская рѣчь, которая раздается въ вашихъ устахъ, это родной языкъ—неотъемлемый признакъ народа, къ которому при-

(1) Неоконченное сочиненіе, писанное, вѣроятно, въ началѣ 50-хъ годовъ. Изд.

надлежитъ человѣкъ, его знамя между другими племенами въ человечествѣ. Грустно мнѣ теперь вспомнить, что есть между вами, дѣти, такіе несчастные, которые лишены союза съ родною землею (о которомъ я говорилъ сейчасъ), лишены даже роднаго языка, стало быть бросили родное знамя, и, какъ переметчики и измѣнники, идутъ подъ знаменемъ чуждымъ. Конечно виноваты не сами эти несчастные, — виновато воспитаніе, и по этому къ дѣтямъ относится сожалѣніе, а упрекъ отибсется къ людямъ взрослымъ. — И думаю однако, что число Русскихъ дѣтей, которыя вполне заслуживаютъ это названіе и которымъ посвящаю я свою книгу, растетъ болѣе и болѣе, а собраніе Русскихъ попугайчиковъ и обезьянокъ (иначе не могу я назвать дѣтей, болтающихъ на чужихъ языкахъ и воспитанныхъ иностранцами) уменьшается съ каждымъ днемъ. — Пожалѣемъ объ этихъ несчастныхъ и пожелаемъ, чтобъ они, сколько возможно, избавились отъ этой иноземной порчи. — Обращаюсь къ вамъ опять, Русскія дѣти! къ тѣмъ, которыя оправдываютъ это названіе и которымъ ужъ хочется знать про свою родную землю. Вотъ вамъ разсказъ о судьбахъ нашей Русской земли, вотъ вамъ ея исторія. Разсказъ простой и краткой. Со временемъ, выросши, вы обратитесь сами къ лѣтописямъ и грамотамъ. А пока я жѣлалъ бы, чтобы эта книга могла достаточно удовлетворить вашему требованію и быть вамъ истинно во благо и въ пользу.

II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мое намѣреніе было положить Русскую исторію въ простомъ и непремѣнно вѣрномъ разсказѣ, по лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ, но чтобъ въ тоже время это не было ни представленіемъ Русской исторіи (чего Боже сохрани) на иностранный ладъ или подражаніемъ иностраннымъ историческимъ сочиненіямъ, ни также сухимъ буквеннымъ переложеніемъ или сокращеніемъ лѣтописей, хотя, какъ сказалъ я выше, историческую вѣрность (заключающуюся не въ буквѣ) поставилъ я

основаніемъ своего труда. Я вовсе не хочу поддѣлываться подѣ дѣтской языкъ: всякая поддѣлка есть ложь, и потому дурна и цѣли благой не достигаетъ. Я постараюсь написать языкомъ, общимъ для всѣхъ возрастовъ. Будь только языкъ простъ — и дѣти поймутъ его.

Считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Русской исторіи.... (1)

—
III.

ГЛАВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ

или

ВСТУПЛЕНИЕ.

—
Въ равнинѣ, занимаемой теперь Европейскою Россією, жили издревле народы Славянскіе; они жили тамъ не одни. Къ сѣверу отъ нихъ обитали Финскіе народы, а на югѣ народы Азіатскаго происхожденія. Извѣстія о Славянахъ встрѣчаются очень давно, даже до Рождества Христова, если полагать, что Скифы — Славяне; но намъ не нужно восходить такъ далеко въ древнюю исторію. Хотя въ исторіи древней яркимъ и обильнымъ свѣтомъ озарены иныя земли, какъ-то: Греція и Римъ, за то тѣмъ сильнѣйшій мракъ обнимаетъ все находящееся за предѣлами странъ этихъ, и падающіе туда отблески смущаютъ еще болѣе своимъ невѣрнымъ освѣщеніемъ.—Любопытно и полезно рѣшить, что было въ этомъ полумракѣ, но это задача особыхъ изысканій, а не разсказа о Русской землѣ, откуда пошла и стала она.

(1) Здѣсь мы помѣщаемъ только начало „предисловія“: все остальное внесено авторомъ въ статью, „о Русской исторіи“, обработанную гораздо позднѣе и особо отъ „Исторіи для дѣтей“, и напечатанную въ нашемъ изданіи на стр. 17. См. также примѣчаніе къ этой статьѣ.

Изд.

Славянскіе народы жили не только въ предѣлахъ теперешней Россіи, но въ восточной и сѣверной частѣ теперешней Германіи, тамъ, гдѣ теперь королевства Прусское и Саксонское и имперія Австрійская; они также жили въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Турціи; слѣды ихъ видны даже въ нынѣшней Греціи въ Морей. Не нужно говорить, что въ Россіи и теперь живутъ Славяне. Россія, единственное, независимое государство Славянское, громко говоритъ сама за себя. Она одна—Славянская между другими державами; но за то она и могущественнѣе всѣхъ.—Между тѣмъ нужно сказать, что Славянскія племена живутъ тамъ же, гдѣ жили и прежде, хотя многія изъ нихъ исчезли, оиѣмчались, обѣтѣдьявились, отуречились, даже огречились; другія хранятъ свою народность подъ властью державъ чуждыхъ, а нѣкоторыя находятся подъ ихъ покровительствомъ.

Начнемъ же повѣсть нашу.

Въ древнія времена, племена Славянскія разделились по разнымъ мѣстамъ и приняли, большею частію, отъ тѣхъ мѣстъ, разныя прозванія. Славяне, говоритъ древнѣйшій летописецъ нашъ Св. Несторъ, сѣдѣли по Дунаю и оттуда разошлись и расселились. Такъ ли было, мы не знаемъ, но достоверно расположеніе племенъ Славянскіхъ, описанное Несторомъ. Оттуда вышли Чехи и Моравы, прозваніи отъ рѣки Моравы; тоже Славяне—Хорваты, Сербы и Хорутане; живущіе въ настоящее время въ предѣлахъ Россіи, какъ и первыя два племени. Съ Дуная же тѣснимые ушедшими на нихъ Волохами, двинулись Славяне на Вислу и, поселившись тамъ, прозвались Ляхами; отъ тѣхъ Ляховъ произошло имя Полянь (Поляховъ и Поляковъ): ихъ не надо смѣшивать съ Полянами Кіевскими. Можетъ быть, Ляхи, Льси, Леши (отъ льсовъ) соотвѣствовали Древлянамъ (отъ деревъ); а Поляне были тамъ и здѣсь (отъ прилежащихъ полей), имѣя, и тѣ и другіе Поляне, одно имя, но различаясь, каждыя между собою, какъ и прочія отдѣльныя племена Славянскія.—Другіе Ляхи назвались Лутичами, Мазовшанами, Поморянами. Другіе Славяне (не сказано къмъ-либо тѣснимые), пришли и поселились по Дибирю, и назвались Полянами, а другіе (сосѣди ихъ) Древлянами. Славяне же сѣли между Припятью и Двиною, и назвались Дреговичами. Тѣ, которые сѣли по Двинѣ, назвались Полочанами отъ рѣчки Полоты, впадающей въ Двину. Поселившіеся по рѣкамъ: Деснѣ, Сепмъ и Сулѣ, на-

звались Сѣверянами. Дульбы и Бужане жили по Бугу (гдѣ нынѣ Вельняне, Воляняне, прибавляетъ Несторъ). Лутичи и Тиверцы (изъ которыхъ первыхъ Несторъ причисляетъ къ Ляхамъ) были многочисленны и сидѣли по Днѣстру до Дуная и даже до моря. Отъ Ляховъ же были два брата: Радимъ и Вятко. Радимъ съ родомъ своимъ сѣлъ по рѣкѣ Сожѣ, и отъ него прозвались Радимичами; а Вятко, съ родомъ же, по Окѣ рѣкѣ, отъ него прозвались Вятичами. Въ верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра сидѣли Кривичи; городъ ихъ — Смоленскъ. Кривичи и Сѣверяне одноплеменны съ Полочанами. Наконецъ, Славяне поселились также на берегахъ озера Ильмена, и прозвались своимъ именемъ (т. е. Славянами). Они построили городъ и назвали его Новгородъ.

Сверхъ того, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи жили народы иноплеменные, дававшіе дань Русь (во время Нестора, какъ можно заключать изъ словъ его): Чудь, Меря (на Ростовскомъ озерѣ и на Клешии озерѣ), Весь (на Бѣльозерѣ), Мурома (на Окѣ рѣкѣ, при впаденіи ея въ Волгу), Черемисы, Мордва, Пермь, Печора, Ямъ, Литва, Зимогола, Корсы, Порога (Ларова), Ливь (Ливь). — Названіе этихъ народовъ, да и самые народы, болѣе ея частью и теперь сохранились, и потому мѣсто ихъ жительства легче опредѣляется. Всѣ они относятся къ Финскому происхожденію.

Надобно упомянуть еще о Варягахъ; они сидѣли по берегамъ моря Балтійскаго, и даже далѣе къ западу. Сколько можно заключить, это было имя собирательное, имя дружины, какъ на прѣмя козаковъ.

Несторъ сообщаетъ слѣдующее сказаніе изъ древнихъ временъ: Святый Апостолъ, Андрей Первозванный, изъ Синопіи пришедши въ Корсунь, вступилъ въ устье Днѣпровское, пошелъ вверхъ по Днѣпру, и сталъ, случайно, на берегахъ Днѣпра подъ горами. Вставъ на другой день, сказалъ онъ ученикамъ, съ нимъ бывшимъ: «видите ли сія горы? На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, здѣсь будетъ великій градъ и воздвигнетъ Богъ многія церкви.» Св. Андрей взошелъ на горы, благословилъ ихъ, поставилъ крестъ и, помолившись Богу, сошелъ опять съ горы, гдѣ потомъ былъ Кіевъ. Св. Андрей продолжалъ путь свой вверхъ по Днѣпру и пришелъ къ Славянамъ, гдѣ нынѣ Новгородъ; тамъ видѣлъ онъ

обычаю ихъ; видѣлъ, какъ они моются и сѣкутъ себя, парясь, и удивился. Потомъ направилъ онъ путь къ Варягамъ, и потомъ пришелъ въ Римъ. Повѣствуя тамъ, сколькихъ научилъ онъ учению Христову и что видѣлъ, онъ сказалъ: «Я видѣлъ дивное въ Славянской землѣ; видѣлъ я тамъ деревянныя бани; люди растопятъ ихъ жарко, раздѣвнутся нагіе, обольются квасомъ, возьмутъ мелкіе прутья и бьютъ сами себя до того, что едва будутъ живы; потомъ обольются водою студеною и оживутъ, опять; и тогда дѣлаютъ они во всѣ дни, ни кѣмъ не мучимые, но мучатъ сами себя; и то творять не мовенье себя, а мученье.» Слышавшіе это удивлялись.—Разсказъ этотъ любопытенъ, ибо кто не узнаетъ здѣсь нашихъ Русскихъ бань, точно въ томъ видѣ и теперь, какъ разсказываетъ объ нихъ Несторъ.

Племена Славянскія имѣли каждое свой обычай и нравы. Изъ нихъ Поляне держали обычай отцовъ своихъ, кроткой и тихой; видно, что онъ сохранился, ибо объ нихъ говорится у Нестора въ настоящемъ, а о прочихъ племенахъ въ прошедшемъ. Прочіе же племена, о которыхъ упоминаетъ Несторъ, жили дико среди своихъ языческихъ игръ и плясокъ.

Вотъ немногія событія изъ отдаленнаго времени.

Между Полянами, жившими особо, было три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лябедь. Три брата жили на трехъ горахъ: Кій—гдѣ убожь Боричевъ; Щекъ—гдѣ теперь Щеловица, а Хоривъ—гдѣ теперь Хоревница. Они построили городъ во имя старѣйшаго брата и назвали его Кіевъ; были они мужи мудрые и разумные, назывались Поляне, и отъ нихъ—Поляне Кіевскіе (и до сегодня, прибавляетъ Несторъ). Сей Кій княжилъ въ родѣ своемъ; онъ, какъ повѣствуютъ, ходилъ къ Новгороду и былъ принятъ тамъ съ честью. На возвратномъ пути, пришедши къ Дунаю, полюбилъ онъ мѣсто и срубилъ малый городокъ, чтобы поселиться тамъ съ своимъ родомъ, но окрестные жители его не допустили; мѣсто же получило названіе: городище Кіевецъ.—Кій возвратился въ Кіевъ, гдѣ онъ, братья его и сестра умерли.

Послѣ сихъ братьевъ родъ ихъ началъ держать княженіе между Полянами. Но Древяне имѣли свое особое княженіе или управленіе, Дреговичи—свое, Славяне Новгородскіе—свое, но,

какъ видно, соединенно съ Полочанамъ, а можетъ быть съ Кривичами и съ Сѣверянами.

Хотя Славянскія племена, какъ видно, жили и управлялись отдѣльно, но можно, кажется, сказать, что они составляли союзы между собою. Такъ по крайней мѣрѣ понимаемъ и не совсемъ ясныя слова Нестора, изъ которыхъ, кажется намъ, видно, что было два такихъ союза: Славяне Новгородскіе, Полочане, Кривичи и Сѣверяне. Съ другой стороны: Полѣне, Древляне, Радимичи; Вятичи, Сѣверяне и Хорваты. Про послѣднихъ Несторъ говоритъ: жили въ мирѣ; но если бы это значило въ мирѣ (тишина), то не стоило бы, кажется, говорить о томъ, когда далѣе говорится о браняхъ между Древлянами и Полянами. Напротивъ, объ устройствѣ, въ какомъ они находились, во всякомъ случаѣ упоминать стоить, хотя бы оно потомъ и нарушалось. Здѣсь *миръ* (не думаемъ, чтобъ установлено было тогда какое-либо различіе въ правописаніи этого слова) надо понимать какъ наше *миръ*, что значить *союзъ*—*вѣсть*, и что собственно одно съ *миромъ*, ибо союзъ предполагаетъ миръ, тишину; по этому понятію Русское общество непременно соединено съ понятіемъ о *мирѣ* и *тишинѣ*. Можетъ представиться другое сомнѣніе: какъ Сѣверяне участвуютъ и въ томъ и въ другомъ союзѣ? Мы можемъ отвѣчать, что это предполагаетъ только не вполне ясное выраженіе о первомъ союзѣ; потому, что невозможнаго мы тутъ не видимъ; наконецъ, что здѣсь можетъ быть и описка. — Во всякомъ случаѣ, вотъ наше предположеніе.

Но впослѣдствіи Поляне терпѣли отъ нападений Древлянъ и другихъ сильныхъ народовъ. Наконецъ на нихъ нашли Козаре и потребовали дани. Поляне, подумавъ, дали имъ отъ дыма мечь. Козаре отнесли эту дань своему князю и старѣйшинамъ, говоря: вотъ мы нашли новую дань. Откуда? спросили ихъ. Въ лѣсу, на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою, отвѣчали они. Что дали? Они показали мечь. Не добра дань, князь, сказали Козарскіе старцы. Наше оружье остро съ одной стороны—сабля, а у нихъ оружье обоюду остро—мечь. Будутъ они брать дань на насъ и на иныхъ странахъ,—что и сбылось.

Вотъ что сообщаетъ Несторъ о временахъ отдаленныхъ, гдѣ еще онъ не говоритъ о лѣтосчисленіи. Далѣе устанавливаетъ онъ

числа, начиная съ возшествія на престолъ Михаила, царя Греческаго, ибо при немъ приходила Русь на Царь-градъ, — т. е. съ 852

О доисторическомъ, выразимся такъ, времени Русской земли мы сказать можемъ:

Хотя Несторъ не говоритъ, чтобы у Славянскихъ племенъ были князья, однако изъ послѣдующихъ его словъ мы видимъ, что они у нихъ были; но князья эти едва ли имѣли характеръ Государя; это были старшины народные, и вотъ причина, по чему Несторъ ихъ князьями не называетъ. Въ немногихъ происшествияхъ, которыя описываетъ Несторъ, онъ говоритъ: Кіеве Новгородци и пр., не упоминая о князьяхъ, изъ чего, особенно же изъ Новгородскихъ свидѣтельствъ, мы можемъ заключить, что въ племенахъ Славянскихъ, при старшинахъ, народъ управлялся самъ собою, сходясь на сходку, какъ и теперь сходятся крестьяне. Однимъ словомъ: мы видимъ быть народный, народные обычаи, быть сельскій и мирный, но никакого такъ называемаго гражданскаго устройства и ничего государственнаго не видимъ. Передъ нами Славянская земля, но не Славянское государство.

Хорошо было бы, если бы можно было жить, той ли, другой ли землѣ, просто; если бы не нужно было ни законовъ, ни войскъ; если бы нравственный бытъ, внутренняя правда, были такъ сильны, что не нужно было бы государственнаго устройства, не нужно было бы правды внешней, наружной. Потому что (это и доказательство не требуетъ) вся сила заключается въ правдѣ внутренней и въ нравственномъ бытѣ; и бѣда странъ, гдѣ правда наружная такъ обольститъ людей, что замѣнитъ собою правду внутреннюю. — Обратимся для большей ясности къ частной жизни человѣка. Многихъ останавливаетъ совѣсть, но не всѣхъ, и потому для тѣхъ, кому совѣсти мало, мало суда внутреннего, — нуженъ судъ и наказаніе внешнее; но конечно вся сила въ совѣсти, и достоинство тогда только есть въ человѣкѣ, когда онъ остановленъ совѣстью, а не страхомъ наказанія. И худо будетъ, если люди, зная, что есть законъ, что есть правда наружная, такъ избалуются, что не будутъ уже справляться съ совѣстью, а только съ тѣмъ, подходитъ ли что подъ законъ; тогда все живое въ нихъ пропадетъ, они потеряютъ внутреннюю правду, слѣдовательно нравственное достоинство, и будутъ бук-

вами безъ души. По этому, признавая законъ, долженъ беречь человѣкъ свою совѣсть, не предаваясь весь правдѣ наружной и закону. По этому, принимая Государство, должна беречь себя Земля, т. е. беречь нравственный бытъ свой и свою внутреннюю правду, не предаваясь Государству и не обольщаясь его блестящей наружностью и формальнымъ порядкомъ, и по этому не стараясь сама обратиться въ Государство. (Лекарство можетъ стать вреднѣе болѣзни.) Да, хорошо бы, если бы Землѣ, или народу (что одно) можно было жить Землею, безъ помощи Государства; хорошо бы, да трудно.

Земля Славянская, или, лучше, земли Славянскія, въ томъ смыслѣ, что при одномъ земскомъ устройствѣ онѣ все же не были соединены въ одно, — земли Славянскія жили Землями; но пришлось увидеть, что жить такъ трудно. Съ одной стороны (что самое главное) драчливые сосѣди не давали имъ мира, а съ другой стороны и внутреннія неурядица или, такъ сказать, извѣстный отдѣлъ неурядицъ внутреннихъ мѣшала имъ жить спокойно и въ тишинѣ. Пользуясь ея миромъ, враги вносили войну, овладѣвали ею; вновь поднявшись, Земля прогоняла ихъ, но впереди грозилло опять то же: могла ли она безопасно возвращаться къ миру своей жизни, къ тому человѣческому быту, до котораго далеко, далеко было другимъ Европейскимъ племенамъ?

Земля или могла быть завоевана, или должна была стоять вѣчно на стражѣ, чтобы хранивъ свою жизнь; но это самое значило уже отказаться отъ жизни, именно отъ жизни Землѣ своей, мирной и тихой. Славянской Землѣ жить стало трудно. Почувствовалась нужда и необходимость Государства (что-то будеть!). Отсюда начинается Русская исторія.

Г Л А В А I-я.

Призваніе князей. — Рюрикъ.

Въ 859 году, по Рождествѣ Христовѣ, Варяги брали дань на Чуди, на Славянахъ (Новгородскихъ), на Мери и на всѣхъ Кри-

вчяхъ, а Козаре брали дань на Полянхъ, на Сѣвернахъ и на Вятичахъ по бѣлкѣ и вѣверицѣ съ дыма.

Такимъ образомъ и на сѣверѣ и на югѣ племена Славянскія были подъ властію иноплеменниковъ.

Въ 862 году, Новгородцы, Кривичи и съ ними Чудь поднялись и прогнали Варяговъ за море. Земли Славянскія освободились, но неустройство возникло въ нихъ; въ нихъ не было управы, родъ возставалъ на родъ; возникли междоусобія и внутреннія войны. Съ другой стороны, если бы Земля и одолѣла свои тревоги, кто бы могъ поручиться, чтобы вновь не падали сосѣди, и народъ, живущій въ мирѣ, не покорили снова? Кто бы могъ поручиться, чтобы снова не возникли неустройства? — Чтобы обезопасить себя отъ того и другаго, Земля должна была бы быть постоянно на стражѣ и вѣшной и внутренней. Очевидно, что при этомъ невозможна свободная мирная жизнь, въ особенности Славянская. Людямъ (народу) понадобилась посторонняя сила, изъ-за которой они могли бы жить вольно, спокойно и мирно, хранить обычаи, права и всю свободу своей земской жизни, — понадобилась, какъ бываютъ нужны латы челоуѣку домъ отъ непогоды. — *И такъ Земля, сама, добровольно* (явленіе безпримѣрное), *рѣшилась призвать Государство на помощь.* Новгородцы, Кривичи и Чудь сказали: *поищемъ себѣ князя, который бы нами владѣлъ и судилъ по правдѣ.* Но и здѣсь народъ не хотѣлъ выбрать князя изъ среды своей. Призывая только защиту государственную, съ Землею несмѣсную и отъ нея отличную, народъ хотѣлъ себѣ посторонняго государя, съ Землей ничего общаго не имѣющаго. Исторія не представляетъ намъ другаго подобнаго примѣра; нѣтъ народа, который бы такъ сознательно захотѣлъ Государства, но за то нѣтъ и народа, который бы такъ постоянно отдѣлялъ себя отъ Государства. Ибо опъ (народъ Славянскій) хотѣлъ его сознательно, и это созваніе стало для него спасительнымъ; ибо онъ зналъ и понималъ, что такое и для чего Государство нужно, захотѣлъ *Государя посторонняго.* — И такъ, Славяне, Кривичи, Чудь пошли на чужбину за море къ Варягамъ, не къ тѣмъ, которые владѣли ими и которыхъ они прогнали, но къ Варягамъ Русскимъ или Варягамъ-Руси — имъ единоплеменнымъ по общему Славянскому происхожденію, но совершенно имъ чуждымъ и составля-

ющимъ совершенно отдѣльное отъ нихъ племя и по мѣсту жительства и по образу жизни), и сказали: *вся Земля наша велика и обильна, но наряда* (устройства, управленія, — нарядъ не то, что порядокъ) *въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами.*

Это событіе есть исходная точка и опредѣляетъ всю дальнѣйшую Русскую исторію.

На приглашеніе вызвались три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ своими семьями. Забравши съ собой всѣхъ Русскихъ, какіе съ ними были между Варягами, они пришли сперва къ Славянамъ и поставили городъ (прежде городъ значилъ крѣпость, и конечно не каменную) Ладогу; въ ней поселился старшій братъ Рюрикъ; Синеусъ на Бѣлозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Отъ сихъ пришельцевъ пошло названіе Русской земли. Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли. Рюрикъ принялъ всю власть одинъ; поставилъ городъ надъ Волховомъ у Ильмена озера, прозвалъ его Новгородомъ и остался тамъ княжить. Раздавши волости мужамъ своимъ, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро, онъ послалъ ихъ ставить города.—Въ это время два мужа, два боярина Рюриковыхъ, по не его племени, именемъ Аскольдъ и Диръ, выпросили у князя позволеніе идти въ Царьградъ со всеми своими сродниками. — Они пошли по Дибирю и увидали городокъ на берегу его; на вопросъ: чей это городокъ? жители отвѣчали, что этотъ городокъ былъ поставленъ время братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ, которыхъ ужъ нѣтъ, а они вмѣстѣ съ ихъ родомъ платятъ дань Козарамъ.—Аскольдъ и Диръ, съ согласія жителей, остались въ городѣ, призвали къ себѣ многихъ Варяговъ, освободили Кіевъ отъ Козаръ и стали княжить надъ Полянами.

Въ 866 году, Аскольдъ и Диръ собрали войско и пошли на Грековъ при Императорѣ Греческомъ Михаилѣ. Императору, который шелъ въ это время войною на Агарянъ, Греки послали вѣсть, что Русскіе (тогда еще язычники) идутъ на Константинополь; узнавши это, онъ воротился немедленно. Между тѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ *судъ* (гавань), истребили много народа и обступили въ двухъ стахъ ладьяхъ Константинополь.—А въ Константинополѣ молился Богу. Императоръ, Патріархъ всю ночь провели въ моленіи передъ образомъ Влахернской Божіей

Матерь, потомъ святую ризу Богородицы, вынести съ хвалебными пѣснями на берегъ, омочили въ морѣ. Была тишина, море было спокойно; но едва омочили святую ризу—вдругъ встала буря съ вѣтромъ, подняла страшные валы, раскидала и разбила о берегъ Русскія лодки, такъ что немногіе изъ Русскихъ, избѣгнувъ отъ бѣды, воротились домой.

Аскольдъ и Диръ, видѣвши чудо и сильно имъ проникнутые, вмѣстѣ съ другими Русскими, крестились въ христіанскую вѣру, какъ говорятъ Греческіе писатели.

Между тѣмъ Рюрикъ княжилъ въ Новѣгородѣ. Есть извѣстія, что онъ слишкомъ далеко сталъ простирать свою власть, что Новгородцы не захотѣли сносить ее, говоря, что имъ придется быть рабами, и много пострадать отъ Рюрика и отъ его рода, что Рюрикъ убилъ Вадима, храбраго своего противника, и другихъ его единомышленниковъ.—Позднѣйшія дѣйствія и свойства Новгородцевъ не противорѣчатъ этимъ извѣстіямъ.

Въ 879 году Рюрикъ умеръ, поручивъ сына своего Игоря, бывшаго еще младенцемъ, Олегу, своему родственнику.

ОЛЕГЪ.

Оставленіе Новгорода.—Кіевъ.—Названіе Руси переносится съ Сѣвера на Югъ.

Олегъ не долго оставался въ Новѣгородѣ. Въ 882 году онъ, собравъ большое войско изъ Варяговъ, Чуди, Славянъ, Меря, Веси, Кривичей, пришелъ къ Смоленску съ Кривичами, принявъ городъ во власть свою и посадилъ въ немъ своего мужа. Хотя Рюрикъ былъ призванъ и Кривичами, но Смоленскъ, какъ кажется, не былъ имъ занятъ; упоминается только о Полоцкѣ, тоже городѣ Кривичей. Или Смоленскіе Кривичи не участвовали въ призваніи, или еще не былъ посланъ доселѣ туда никто изъ княжиль мужей. Во всякомъ случаѣ очевидно, что Олегъ занялъ городъ мирно.—Помедши оттуда внизъ, онъ взялъ Любечъ и посадилъ тамъ своего мужа. — Наконецъ, пришелъ онъ къ горамъ Кіевскимъ и узналъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ тамъ. — Олегъ

оставилъ главное войско назадъ, и въ ладьяхъ, спрятавши въ нихъ вооруженныхъ воиновъ, пришлылъ самъ, взявши съ собою Игоря, подь *Угорское* (такъ называлось мѣсто на берегу). Оттуда послалъ опъ къ Аскольду и Дирю съ такою рѣчью: «Мы гости (купцы); идемъ въ Грецію отъ Олега и отъ Игоря княжича; придите къ намъ, своимъ единоплеменникамъ.» Аскольдъ и Диръ повѣрили лукавой рѣчи и пришли къ Олегу. Въ ту же минуту воины выскочили изъ лодокъ и окружили ихъ. «Вы не князи, сказалъ имъ Олегъ, и не княжого рода, но я княжого рода, и вотъ (опъ указалъ на Игоря, котораго въ это время вынесли) сынъ Рюриковъ.» Аскольдъ и Диръ были убиты послѣ этихъ словъ и похоронены на горѣ. Кіевляне, добровольно или нѣтъ, согласились принять Олега, и опъ сталъ княжить въ Кіевѣ. — Будь Кіевъ матерью городовъ Русскихъ, сказалъ Олегъ, и слово его исполнилось. — Прозваніе Русской земли утвердилось также здѣсь, перешедши вмѣстѣ съ Олегомъ съ сѣверной Руси на южную, которая собственно по этому и называлась Русью въ теченіи долгаго времени.

Олегъ началъ строить города, установилъ дани Славянамъ, Кривичамъ и Мери, и учредилъ, чтобы Новгородъ ежегодно платилъ Варягамъ 3000 гривенъ, ради мира, сказано въ лѣтописи, т. е., какъ видно, этою данью устроивались отношенія Новгорода къ Кіеву и упрочивался взаимный миръ. Вмѣсто князей были въ Новгородѣ посадники.

Отъ чего Олегъ оставилъ Новгородъ? Не могъ ли опъ ужиться съ Новгородцами, наскучилъ ли ему Сѣверъ, только опъ вышелъ изъ Новгорода, и, какъ кажется, съ намѣреніемъ не возвращаться въ оный, ибо взялъ съ собою и малолѣтнаго Игоря. — Едва ли это не было по желанію самихъ Новгородцевъ: припомнимъ, что есть извѣстія о ссорѣ Рюрика съ Новгородцами, неукротимый нравъ ихъ, который выступаетъ очень ярко въ послѣдующія времена, — все заставляетъ думать, что они, говоря ихъ выраженіемъ, указали Олегу путь. Но, вѣроятно, это было сдѣлано мирно и съ обоюднаго согласія, ибо Новгородцы были въ войскѣ Олега и потомъ платили Варягамъ 3,000 гривенъ, ради мира, чтобы не ссориться и жить своею (земскою) независимою жизнію. Посадникъ замѣнялъ князя и вѣроятно назначался отъ князей; но съ посадникомъ имъ было свободнѣе....

СЕМИСОТЛѢТІЕ МОСКВЫ. (1)

Въ 1847 году, 28-го Марта, минеть семьсотъ лѣтъ столицѣ Русской земли, Москвѣ.

Москва упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ 1147 году, 28-го Марта. И такъ это число можно считать числомъ ея историческаго рожденія. — Москва поминеть время удѣловъ; она была основана Георгіемъ Владиміровичемъ, сыномъ Мономаха, княземъ Суздальскимъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ князей удѣльнаго времени. Она вошла сперва въ разрядъ удѣльныхъ городовъ. Младшая между другими городами Русскими, она была основана на тѣхъ же общихъ Русскихъ началахъ, вытекла изъ той же жизни и, разумѣется, исполнилась тою же жизнью: она является потомъ въ борьбахъ удѣльныхъ городовъ, — въ борьбахъ и браяхъ, выражающихъ въ то же время стремленіе Русской земли слиться во единое цѣлое; но, — потому ли, что другіе города Русскіе приносили, съ своимъ преимуществомъ надъ прочими, слишкомъ сильную свою особенность, свою городскую, мѣстную личность, — какъ бы то ни было, только не удалось ни Кіеву, ни Владиміру, ни Твери, ни Рязани утвердить прочно свою власть, свое всеобщее значеніе столицы, значеніе, которое могло утвердиться и быть признано только при присутствіи общаго Русскаго начала. Иначе быть не могло. И такъ, — потому ли, что уже приспѣло время и исторія выбрала, случайно, можетъ быть, Москву; или потому что въ ней, въ ея особенности, лежало это общее не исключющее начало; но Москва, безъ сомнѣнія, выразила въ себѣ общее всерусское значеніе, и для насъ во всякомъ случаѣ является она представительницей общей Русской жизни, жизни всей Русской земли, жизни *земской* (собственно народной), говоря словомъ, такъ часто встречающимся въ лѣтописяхъ и грамотахъ, со времени возвышенія

(1) Напечатано въ 39 № Московскихъ Вѣдомостей 1846 года.

Москвы на степень Русской столицы. Были ли довольны князья, или нѣтъ — это по крайней мѣрѣ вопростъ; но народъ былъ доволенъ. Москва выражала собою не власть надъ Русскою землею, но власть Русской земли; и если Москва принимала участіе въ войнахъ и не рѣдко коварныхъ поступкахъ удѣльнаго времени, если она виновата въ томъ, въ чемъ былъ виноватъ каждый городъ Русской, — то она загладила вину свою, храня святую Русь и терпя за нее, выражая въ себѣ общую всерусскую жизнь. Успѣхъ, ей одной изъ всѣхъ городовъ принадлежащій, основывается на ея общемъ значеніи. — Оно обозначилось явственно, когда въ Москву была перенесена столица Митрополіи и святой Петръ сказалъ о Москвѣ сбывшееся и вѣчно имѣющее сбываться пророчество: «Аще мене, сыну послушаеши и храмъ пречистыя Богородицы воздвигнеши, и мене упокоиши въ своемъ градѣ, и самъ прославишися наѣче ихъ князей, и сынове и внуцы твои въ роды: народъ сей славеиъ будетъ во всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и Святители поживуть въ немъ, и въздуть руби его на плеча врагъ его и прославится Богъ въ немъ.» — Въ Москвѣ раздался голосъ Русской земли, зовущій подняться противъ Татаръ; въ нее стеклось и въ ней собралось ополченіе изъ многихъ городовъ Русскихъ; изъ нея пошло оно на Куликово поле. Съ тѣхъ поръ она всегда привлекала на себя удары врага, и самая лютая доля бѣдствій доставалась ей на часть; ей назначалось страданіе за Русскую землю — самое важное неоспоримое ея право и свидѣтельство, что она истинная столица Русская. — Въ нее, при Іоаниѣ IV, созвана была первая *Земская Дума* изъ городовъ и вообще изъ земли Русской. Іоаниѣ IV, свирѣпый къ боярамъ, но милостивый къ народу и соблюдавшій права его, хранилъ областную жизнь; тому доказательствомъ являются многія его грамоты, нанечатанныя въ драгоценныхъ актахъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей. Въ свирѣпостяхъ является его личность: въ этомъ же благомъ дѣйствіи духъ Москвы и Руси, что одно. Борисъ, покоряя Сибирь, въ грамотѣ своей писалъ, чтобы спрашивать Остяковъ: какъ имъ лучше. Но всего важнѣе, важнѣе всѣхъ возможныхъ доказательствъ и изысканій, сильнѣе всѣхъ сужденій и теорій — голосъ народа, голосъ Божій, который призналъ Москву своею столицею, назвалъ ее матерью Русскихъ городовъ, корнемъ Рус-

скаго царства, и возвѣстилъ къ ней народную любовь, какъ увидѣлъ ниже. Когда Дмитрій Самозванецъ взошелъ на престолъ и хотѣлъ переимѣнить Русскую вѣру, хотѣлъ попортить Русскую народность, то дальновидные Іезуиты совѣтовали ему оставить Москву, уничтожить ее, какъ столицу, и основать новую столицу: безъ этого, говорили они ему, ты нисколько не успѣешь въ своихъ намѣреніяхъ (1). Не знаемъ, видалъ ли этому совѣту Самозванецъ, и не хотѣлъ ли не успѣлъ его исполнить, только этого *при немъ* не случилось.—На Земскую Думу собирались въ Москву изъ всѣхъ городовъ, уѣздовъ и областей, и Василій Шуйскій, избранный Москвою, а не всею Землею, въ самой же Москвѣ называется Государемъ незаконнымъ и низводится съ престола.—Настало время междоусобицы, время недоумѣнія и шатающагося, время страданія для Русской земли отъ разномыслия и отъ нашествія отсюду злыхъ и коварныхъ враговъ, растерзавшихъ на части наше отечество. Въ это горькое и тяжкое время, когда казалось ни спасенія, ни выхода не было, когда новый самозванецъ, Владиславъ, Сигизмундъ, Шведы съ своимъ принцемъ, раздѣляли землю и шли на престолъ Русской, наконецъ шайки разбойниковъ опустошали всю Русь.—въ то время народъ Русской, безъ Царя, и не руководимый боярами, поднялся за Русскую землю. Онъ всталъ не за кого нибудь изъ предлагавшихъ себя ему въ Цари и въ то же время обѣщавшихъ помощь, столько нужную тогда; онъ всталъ не за Владислава, Карла и т. д.; онъ всталъ за вѣру православную и землю Русскую, противъ всѣхъ ея враговъ, сказавъ, что никого изъ нихъ не хочетъ. Такой подвигъ, казалось, былъ всего труднѣе, былъ невозможенъ противъ многочисленныхъ враговъ; но этотъ подвигъ былъ чистъ, и Русской народъ избралъ его. Грамоты изъ города въ городъ обѣгали всю Русь; одинъ городъ билъ челомъ другому и звалъ на общее земское и Божіе дѣло. Сзывали другъ друга на враговъ, сзывали идти къ Москвѣ; тутъ-то называется она матерью городовъ Русскихъ и корнемъ Русскаго царства. Вотъ слова одной окружной грамоты: «Будте съ нами обще заодно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно: только ко-

(1) Этотъ любопытный актъ хранится въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д.

•роня не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія •Матери, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы, ея же «Евангелистъ Лука написалъ; и великіе свѣтильники и хранители, •Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы» (1). Князь Пожарскій, не имѣвшій никакого притязанія на свое личное превосходство, на свою власть, былъ выбранъ, и повелъ Русскіе полки. Князь Пожарскій не выдавался пзъ народа, нисколько не имѣлъ притязанія ставить себя выше его, заслонить своимъ лицомъ земское дѣло, любить Русскую землю болѣе Русскаго народа; онъ напротивъ сознавалъ всю великость дѣла, но почиталъ себя его недостойнымъ; онъ говоритъ, что его къ такому дѣлу «бояре и вся «земля сильно приневолили» (2). Пожарскій былъ человекъ вполнѣ Русской: онъ ставилъ народъ выше лица; нигдѣ не проглядываетъ у него самолюбивое притязаніе на свою личность, въ этомъ великомъ дѣлѣ освобожденія Русской земли, гдѣ болѣе нежели когда нибудь всякая личность должна была, разумѣется, уничтожиться передъ общимъ земскимъ народнымъ дѣломъ. Только талантъ полководца припесъ Князь Пожарскій въ даръ народу, былъ безстрашенъ, былъ истинно добръ и кротокъ, и былъ вполнѣ достойнымъ, чистымъ его представителемъ (3). Онъ отказалъ Маржерету и другимъ иностранцамъ въ предлагаемой ими помощи, такими словами: поблагодаривши ихъ (кромѣ Маржерета) онъ удивляется, что Маржереть между ними, пбо Маржереть дрался за Поляковъ противъ Русскихъ и даже получилъ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ; онъ говоритъ: «и мы тому удивляемся; «такое Яковъ (Маржереть) Московскому государству зло учинилъ, «съ Польскими и съ Литовскими людьми кровь крестьянскую «пропывалъ, да и злѣе Польскихъ и Литовскихъ людей чинилъ, «и у короля за то жалованье получилъ, въ радѣ его король учинилъ; а цыпѣ бь ему намъ противъ Польскихъ и Литовскихъ «людей помогати?» — Далѣе онъ говоритъ: «да и наемные намъ «люди пныхъ государствъ цыпѣ не надобѣтъ; посямѣста были

(1) Акты, собр. Археогр. Экспедиціемъ, Т. II, № 176, стр. 298.

(2) Тамъ же, Т. II № 211, стр. 270.

(3) Слова наши подтверждаются очевидно исторіей того времени, грамотами и актами: не здѣсь въ сжатой статьѣ, но въ исторіи междоусетній долженъ вполнѣ явиться въ настоящемъ свѣтѣ Князь Пожарскій. этотъ достойный вождь Русскаго народа, вождь, съ которымъ народъ совершилъ свое великое дѣло,

«нашъ Полскіе люди сильны потому, что, за грѣхъ нашъ, Государство Московское было врозни; Сѣверскіе города были особѣ, а Казанское и Астраханское царства и Понизовные города были особѣ; а во Псковѣ былъ воръ, назвался Государскимъ именемъ, и Псковъ и Иванъ-городъ были с нимъ вмѣсте, а иные города и люди многіе были с Полскими и с Литовскими людьми.» Далѣе говорится отъ имени бояръ, дворянъ и всѣхъ людей, что нынѣ избранъ къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ стольникъ и воевода Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій - Стародубскій; что теперъ всѣ соединились, побиваютъ враговъ и отнимаютъ города. «Что гдѣ забретца зъ земли какихъ доходовъ, и мы то даемъ нашимъ ратнымъ людямъ, стрелцамъ и казакамъ; а сами мы бояре, и воеводы, и чапники, и стольники, и дворяне, и дети боярскіе служимъ и бьемся за святые Божьи церкви и за православную нашу Христіанскую вѣру и за свое отечество безъ жалованья..... И мы чаемъ милосердаго въ Тропце славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей и сами, Російскимъ Государствомъ и безъ наемныхъ людей.».... «А ныне намъ наемные люди не надобеть и договору о нихъ чинити нечево, і вамъ бы к намъ не ходити и себѣ своимъ проходомъ убытковъ не чинити.».... (1) Чисто было это великое народное дѣло, и Русской народъ отнялъ Москву, свою столицу, пострадавшую, какъ и всегда, за всѣхъ, и спасъ Русскую землю. Нигдѣ, какъ во время междоцарствія, не является глубокое, общее, всерусское значеніе Москвы для Русской земли. Все стремилось къ ней и ее именовало. Объемъ статьи не позволяетъ намъ выписывать многія мѣста изъ грамотъ; но вотъ окружная грамота Сибирскимъ городамъ, которая дошла до насъ и которою возвѣщается объ освобожденіи Москвы.

«Господину Матвѣю Михайловичу Степанъ Годуновъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ во 121 году, Декабря въ 27 день, писали ко мнѣ изъ Перми Петръ Нащокинъ да Иванъ Митусовъ, что въ нынѣшнемъ во 121 году Декабря въ 17 день писали съ Мо-

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. Часть II, № 245, стр. 606—607. Мы выписали почти половину этой драгоценной грамоты, и всю, извѣщающую объ освобожденіи Москвы. Онѣ вѣроятно извѣстны многимъ; но мы думаемъ, что никогда не худо ихъ вспомнить, особенно говоря о Москвѣ.

сквы бояринъ и воевода Князь Дмитрій Тимоѣевичъ Трубецкой да стольникъ и воевода Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской въ Пермь великую къ прежнимъ приказнымъ людямъ, что они бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди, прося у Бога милости, царствующій градъ Москву отъ попутелей и разорителей вѣры Христіанскія отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, отъ враговъ креста Христова очистили, городъ Китайъ взятъемъ взяли; которые Польскіе и Литовскіе люди сидѣли въ Кремлѣ городѣ и которые ушли изъ Китая въ Кремль же городъ, и тѣ всѣ боярамъ и воеводамъ и всей земли Московскаго Государства здалися; и бояре де и воеводы о томъ Богу хвалу воздавали, и образъ Пречистыя Богородицы и многоцѣлебныя мощи Московскихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны увидѣли, и пѣніе Божіе по многимъ храмамъ утвердилось. И намъ бы, господамъ, однолично быти надежнымъ на милость Божію; и въ Перми великой по всѣмъ храмамъ молебны пѣли съ звономъ по три дни и ко мнѣ о томъ писали, и мы на Верхотурѣ потому жъ отъ радости наполнивъ очи слезъ своихъ, Богу хвалу воздали, молебны пѣли съ звономъ по всѣмъ храмамъ; и тебѣ бы господине, про такую неизреченную Божію милость слышати, велѣти на Тюмени также по всѣмъ храмамъ молебны пѣти съ звономъ о мртѣ и о тишинѣ и о благоденствіи всего православнаго крестьянства, что милосердый Богъ утолилъ свой праведный гнѣвъ, и въ плѣнъ и въ разхищенія поганымъ языкамъ не выдалъ достальныхъ православныхъ крестьянъ; да и въ Тоболескѣ бы тебѣ, господине, о такой великой неизреченной милости Божіей велети отписать» (1).

До Петра Великаго существовала въ Москвѣ такая переключка стрѣльцовъ, когда вечеромъ въ 8 или 9 часовъ запирались ворота Кремлевскія.

«Близъ Собора Успенскаго часовый стражъ первый начинаетъ протяжно и громогласно, какъ бы на распѣвъ, возглашать: *Пресвятая Богородица, спаси насъ!* за нимъ второй въ ближнемъ притинѣ возглашаетъ: *Святые Московскіе Чудотворцы молитѣ Бога о насъ!* потомъ 3-й: *Святый Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!* потомъ 4-й: *Всѣ Святые, молитѣ Бога о насъ!* 5-й: *Славенъ городъ Москва!* 6-й: *Славенъ городъ Кіевъ!* 7-й: *Сла-*

(1) Собр. Госуд. Гр. и Догов. Ч. II, № 284, ст. 610.

всѣхъ городъ Владиміръ! 8-й: Славскъ городъ Суздаль! и такъ именуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и пр..... (1).

Многозначительное свидѣтельство! Въ этой перепискѣ раздается голосъ Русской земли; слышишь, какъ она сама себя чувствуетъ, сама себя называетъ и сознаетъ въ городахъ своихъ, въ общемъ чувствѣ себя самой, единымъ совершеннымъ цѣлымъ. Въ этомъ не придуманномъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнила всѣ города Русскіе, всю Русскую землю.

Таково значеніе Москвы, такова она, истинная столица Святой Руси. Гласъ народа, гласъ Божій, свидѣтельствуешь о ней.

Но въ 1703-мъ году была основана новая столица, городъ Санктпетербургъ..... Какой же послѣ этого удѣлъ Москвы? Имѣеть ли она еще прежнее значеніе? Въ Петербургъ, какъ извѣстно, было перенесено все управленіе.... Прежде нежели станемъ отвѣчать на нашъ вопросъ, взглянемъ на самыя событія съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ сталъ столицею. — Спасенная, соединенная и укрѣпленная Москвою, Россія представляла много силъ, и съ этими силами были ведены войны и завоевывались разныя страны; но вотъ, черезъ столѣтіе, снова собралась гроза, гроза неожиданная, невѣроятная. Съ запада шелъ Наполеонъ и велъ безчисленныя побѣдоносныя войска. Въ эту минуту бѣда, когда все смущалось предъ страшною грозою, въ эту минуту явилась Москва, опять, со всѣмъ своимъ значеніемъ столицы, какъ и прежде, и приняла на себя тяжелый ударъ новѣйшаго врага. Какъ въ 1612, такъ и въ 1812-мъ она вновь объялась пламенемъ; по всей Русской землѣ раздалось вновь ея имя: Москва! Москва! И на это имя снова поднялся Русской народъ и спасъ Русскую землю.—Такое явленіе обнаружило внутри-сокровенное и, кажется, навсегда утвердило значеніе Москвы, вѣчной столицы земли Русской, столицы народной. Здѣсь опять встречаемъ сужденіе великаго иностранца. Наполеонъ сказалъ въ разговорѣ съ Тучковымъ: «Столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденціи Государя» (2).

(1) Памятники Моск. Древ. пожит. примѣчанія, ст. 21.

(2) Описаніе отечести. войны въ 1812 году, по Выгоднншему повелѣнію сочиненное Г.-Л. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Часть II, стр. 162.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ высказано было мнѣніе, что Москва уже не дѣйствительная столица Руси, а древность и предметъ воспоминанія; спрашиваемъ только,—когда, по мнѣнію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, Москва перестала быть дѣйствительною столицею Русі: прежде или послѣ 1812 года?

Ясно для насъ и для всѣхъ истинно Русскихъ вѣчное значеніе Москвы. Она жива, и жива къ ней любовь Русскаго народа, и будетъ вѣчно живо и то и другое; бытіе ея неразлучно съ бытіемъ святой Руси. На нее крестьясь смотритъ крестьянинъ; сильно движетъ она и образованнаго Русскаго въ чужестранной одеждѣ, въ комъ пробудилось Русское народное чувство. Но болѣе всего любить и разумѣть ее народъ. Онъ называетъ ее матушкой; повторяемъ съ нимъ это слово.

Москвѣ минеть скоро семьсотъ лѣтъ. Вспомнимъ ли это мы и подумаемъ ли внимательно о судьбѣ ея и ея значеніи? Москва! Это имя болѣе именъ всѣхъ городовъ движетъ сердце Русскаго народа и всякаго истинно Русскаго человѣка. Много совершила Москва. Что совершитъ она еще?—Въ одпомъ—твердая увѣренность: если вновь налетитъ бѣда на Русскую землю, — она вновь спасетъ Русскую землю.

Любовь къ Москвѣ есть любовь къ Русской землѣ, потому что Москва имѣетъ въ себѣ не мѣстное, а общее значеніе и единство всей земли Русской.

Да здравствуетъ Москва!

Древняя.

ЗАМѢЧАНІЯ

О ПСКОВСКОЙ РЯДНОЙ ЗАПИСИ

ХІІІ вѣка. (*)

—

Съ большимъ любопытствомъ прочитавъ прекрасное изслѣдованіе И. И. Срезневскаго о рядной записи ХІІІ вѣка, найденной г. Наперскимъ, а также замѣчанія на нее К. А. Неволіна позволяю себѣ сообщить свое мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ актѣ. Текстъ грамоты, по моему мнѣнію, возстановленъ совершенно вѣрно; но съ объясненіемъ самой грамоты я не могу согласиться. Доводы Неволіна въ пользу того, что эта рядная не есть свадебная запись, но принадлежитъ къ отдѣлу рядныхъ, касающихся соглашеній по имѣнію, кажутся мнѣ справедливыми. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, едва ли можемъ мы ограничивать кругъ рядныхъ грамотъ однимъ соглашеніемъ по имѣнію. Если за основаніе нашего мнѣнія примемъ мы выраженія *уряди-тися* или *срядитися*, *рядъ*, *рядци*, то въ такомъ случаѣ рядными подъ №№ 258 и 259 (стр. 271—273 «Юридич. Актовъ») рядными назваться не могутъ, ибо этихъ словъ тамъ не находится. Если же мы примемъ за основаніе самый смыслъ рядныхъ грамотъ, т. е. значеніе договора, то кругъ рядныхъ долженъ расширяться. Если бы придираться къ выраженіямъ нашихъ древнихъ грамотъ, то можно бы замѣтить, что въ разбираемой грамотѣ сказано: *се порядниа*, какъ говорится въ грамотахъ, такъ

(*) Напечатано въ III томѣ Записокъ Археолог. Общества, стр. 221—267.

называемых *поряднытъ*; ниже впрочемъ употреблено слово: *рядъ*. Но едва ли пужно быть такъ придирчивымъ къ словамъ.

Г. Неволннъ также распространяетъ кругъ значенія рядныхъ грамотъ, но думаетъ, что онѣ-возникають въ слѣдствіе спора изъ какой бы то ни было юридической причины, прекращеніе котораго и означаютъ. Едва ли споръ есть необходимая причина рядныхъ. Вспомнимъ, что въ лѣтописяхъ *рядомъ* называется договоръ князя съ народомъ, заключаемый при самомъ началѣ княженія, какъ напримѣръ Ростиславомъ, братомъ Изяслава Мстиславича, съ народомъ Кіевскимъ.

Теперь о самой грамотѣ.

Соглашаясь вполне съ г. Неволнинымъ, что на существо ряда указываютъ слова: *роцетъ учинити промежи себе*, я однако долженъ прибавить, что расчетъ предполагаетъ не одни требованія и долги (какъ думаетъ г. Неволннъ). *Расчетъ* предполагаетъ, что первоначально были *счеты*, было какое нибудь до двухъ сторонъ касающееся дѣло, постоянная покупка одного у другаго въ долгъ, наемъ, или подрядъ. Кромѣ того, расчетъ можетъ предполагать счеты, которые бывають по общему торговому или подрядному или другому дѣлу, производямому вмѣстѣ, заодно, сообща. Употребленіе этихъ словъ *расчетъ* и *счеты* въ полномъ ходу и теперь. «*У меня съ нимъ есть счеты*» значить, что у меня съ нимъ есть какое нибудь неконченное взаимное отношеніе денежное или вещное. *Расчетъ* показываетъ окончаніе этого отношенія посредствомъ соглашенія взаимныхъ выгодъ чрезъ замѣну вещей деньгами, или на оборотъ, чрезъ замѣну самыхъ вещей или какъ нибудь иначе.

Въ грамотѣ говорится, что Тѣшата и Якимъ порядились: Якимъ взять серебро съ дѣвки (Тѣшатинной); а Тѣшата можетъ взять свою монету у жены (Якимовой), и *роцетъ учинити промежъ себя*.

Странно было бы предположить, что весь расчетъ заключался въ томъ, что у дѣвки взято серебро, а у жены монета. Мнѣ кажется, это обстоятельство упомянуто, какъ подробность, а потому говорится вообще, что они разсчитались. Неужь-то и первое и второе *складство* все заключалось въ дѣвичьемъ серебрѣ и въ женной монетѣ? Конечно нѣтъ.

И такъ: 1) *расчетъ* предполагаетъ общіе счеты или дѣла, те-

перъ поконченныя: въ этомъ смыслѣ и принимаемъ мы слово «разсчитать» въ этой грамотѣ; 2) разсчитать этотъ, въ грамотѣ, не ограничивался приведенною подробностію о серебрѣ и монистѣ, но былъ обширнѣе: иначе предположить трудно. Это же доказывается отчасти и тѣмъ, что послѣ словъ о серебрѣ и монистѣ, говорится: *и рощеть уиинили промежь себя.*

Но это только приближаетъ къ объясненію грамоты. Надобно рѣшить: *въ чемъ* былъ разсчитать и что значить *дѣвка*?

Объясняя грамоту, Н. Н. Срезневскій говоритъ: «какой-то Якимъ выдавалъ свою невѣсту, вѣроятно дочь («дѣвку»)».

Мнѣ кажется, положительно можно сказать, что *дѣвка*, не означая здѣсь невѣсты, значить *дочь*. Часто бываетъ, что слово, имѣя общее, имѣеть и частное специальное значеніе. Частное, тѣсное значеніе слова *дѣвка* есть *дочь*. Вы и теперь услышите въ народѣ такое употребленіе: *Максимови дѣвка* значить *Максимова дочь*. Но не останавливаясь на народномъ употребленіи (хотя простой нашъ народъ по языку и быту своему также важенъ для насъ, какъ лѣтописи и грамоты), я могу указать, что въ древнія времена «дѣвкой», въ смыслѣ дочери, называлась даже замужняя женщина. Я указываю на письма Елены, жены Александра Литовскаго, дочери Юанна III, которая, будучи уже за мужемъ, въ письмахъ своихъ къ отцу и къ матери писалась по большей части дѣвкой, вмѣсто дочери; напримѣръ: *ино, господине и государю отче, вспомяни, чтожь есмь служебница и дѣвка твоя.* Къ отцу и къ матери подписывается Елена такъ: *служебница и дѣвка твоя.* (Акты Арх. Эксп., стр. 104, 106, 108).

И такъ, кромѣ двухъ рядящихся лицъ, передъ нами въ грамотѣ—дочь одного, и жена другаго.

Теперь, въ чемъ же разсчитать?

Я сказалъ, что разсчитать предполагаетъ общія дѣла, общіе счета, часто по какому нибудь предиріятію, вмѣстѣ, заодно производимому, гдѣ обѣ стороны участвуютъ деньгами, имуществомъ, или чѣмъ другимъ. Въ грамотѣ принимаю я этотъ послѣдній смыслъ, т. е. общее, за одно производимое, дѣло. Подтвержденіе и объясненіе моему предположенію находится, по моему мнѣнію, въ словѣ *складство*; оно не встрѣчалось, сколько мнѣ кажется, въ нашихъ древнихъ актахъ; но у насъ есть слово *складчина*, которое можетъ служить здѣсь достаточнымъ объясненіемъ.

омъ. *Sklad* и *skladovanje* значить по-лужички то же, что складчина: такъ называются тѣ общіе подарки, та складчина свадебныхъ гостей, которая дѣлается для молодыхъ. Складчина есть соединеніе вещей или денегъ, производимое цѣлымъ обществомъ или нѣсколькими людьми. Выраженіе *такіе-то двое, трое* и пр. *сложилось*—для насъ вполне понятно.—Въ настоящемъ случаѣ, въ грамотѣ нашей, я предполагаю то же обстоятельство. Тѣшата и Якимъ сложились между собою и, какъ видно изъ грамоты, это было не одинъ разъ. Чѣмъ сложились они, вещами или деньгами—неизвѣстно; быть можетъ, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Былъ ли это торговый союзъ, былъ ли взятый на общія деньги подрядъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, такое соединеніе, *складство*, чистою монетою или драгоценными вещами, между ними было; въ грамотѣ, оба они прекращаютъ этотъ союзъ и рассчитываются. Слово *складство*, слѣдовательно, значить здѣсь *складъ* или *складчину* капиталами или вещами. Складчина бываетъ между всѣми (цѣлымъ міромъ) или между нѣсколькими лицами, а здѣсь, въ грамотѣ, между двумя. Дочь и жена складчиковъ очевидно составляютъ одну сторону, эта съ отцомъ, а та съ мужемъ.

Выраженіе «*не надобъ*» не значить только *не долженъ*; оно значить вообще: *нѣтъ дѣла такому-то до такого-то*. Въ древнихъ грамотахъ, первое выраженіе часто замѣняется этимъ вторымъ, какъ равносильнымъ. Вотъ примѣръ изъ грамотъ рядныхъ: *не надобъ отцу иумену и чернецамъ до попа до Семена, ни до его дѣтей, ни до того, что ловилъ на той ихъ водѣ, и тотъ чистъ отъ попа Семена; также и попу Семену ни до иумена Ивана, ни до чернецовъ, ни до дьякона, ни съ чѣмъ дѣла нѣтъ* (Юр. Акты, стр. 270). Выраженія *не надобъ* и *дѣла нѣтъ* встрѣчаются не въ однихъ грамотахъ, напечатанныхъ въ Юридич. Актахъ подъ названіемъ рядныхъ.

И такъ, грамота Псковская XIII столѣтія относится къ ряднымъ дѣловымъ, а не къ свадебнымъ, и значить слѣдующее:

«Перядилися Тѣшата съ Якимомъ о первой и о второй послѣдней своей складчинѣ. Якимъ взялъ серебро съ дочери Тѣшаты, а Тѣшата можетъ взять свою монисту у жены Якима. И оба они учинили промежъ себя расчетъ, а больше ни Якиму до Тѣшаты, ни Тѣшатѣ до Якима—дѣла нѣтъ, а на то послуши,» и проч.

Вотъ какъ объясняю я эту замѣчательную грамоту. Если мое объясненіе справедливо, то грамота важна, какъ указаніе на торговлю или другое подобное предіріятіе, производимое не отъ одного лица, а сообща. Впрочемъ здѣсь, *складство*, по смыслу самой грамоты, въ которой говорится и о расчетѣ, вѣроятно указываетъ на дѣло торговое. При сильномъ дѣйствіи торговли, давно уже въ Русской землѣ начавшемся, въ особенности въ Новгородѣ и Псковѣ, очей можно предположить торговля компаніи или торговля товарищества. На это, кажется, намекаетъ Псковская грамота.

Признаюсь откровенно, мнѣ не случилось прочесть замѣчаній г. Погодина; по изъ выноски, сдѣланной г. Савельевымъ на 238 стр., я вижу, что мое мнѣніе согласно съ мнѣніемъ этого почтеннаго ученаго.

Позволяю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній на мнѣніе Неволлина о времени грамотъ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича.

Г. Неволлинъ, говоря, что въ первой грамотѣ надобно разумѣть 1228 годъ истекшій, а не продолжающійся, доказываетъ это сравненіемъ съ грамотою Смоленскаго же князя Феодора Ростиславича 1284 года. Едва ли это такъ. Въ первой грамотѣ говорится: *... шлѣ быль отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣто и 200 лѣто и 8 (осьмое) лѣто и 20*. А во второй *ицѣло было отъ Рождества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двѣтъ лѣтъ и осмьдесятъ лѣтъ и три лѣта, въ четвертое лѣто, и т. д.* Употребленіе чиселъ не одинаково. Не говоря уже про то, что въ первой грамотѣ всѣ числительныя—*прилагательныя* (тысячное лѣто и двухсотое лѣто), а во второй всѣ числительныя *существительныя* (позвольте удержатъ мою терминологию), за исключеніемъ послѣдняго, отдѣляющагося отъ первыхъ,—укажу на единичныя числа. Въ первой говорится *осьмое лѣто*, а во второй *три лѣта*; соотвѣствія между числами здѣсь быть не можетъ. Вотъ еслибъ было сказано не *три*, а *третье* лѣто, и потомъ: «въ четвертое», тогда другое дѣло: но здѣсь такого соотвѣствія нѣтъ; здѣсь въ прилагательномъ видѣ употреблено «*четвертое*» и соотвѣтствуетъ, по этому употребленію, «*осьмому*» лѣту первой грамоты, которому соотвѣтствуетъ оно и по смыслу; т. е. первая писана въ 1228, а вторая въ 1284.—Можно замѣ-

тѣхъ мимоходомъ, что счисленіе первой грамоты какъ бы переведено съ Нѣмецкаго, ибо 20 поставлено послѣ 8; но переведено не совсѣмъ вѣрно: здѣсь 20 оставлено безъ слова *лѣто*, которое заставило бы произнести *двадцать*; тогда какъ надо бы, по Нѣмецки, 8 оставить безъ слова *лѣто* и написать оное при 20. Очевидно, что при переводѣ это было перепутано (1).

1853.

---

(1) Впрочемъ я долженъ прибавить, что въ пользу 1229 года говорить выраженіе (и только оно одно): *да сего лѣта*. И такъ сіе лѣто есть 1229: тогда это выходитъ особый оборотъ рѣчи.

**ВАРИАНТЪ КЪ СТАТЬЕ: ПО ПОВОДУ VI ТОМА ИСТОРИИ РОССИИ,
Г. СОЛОВЬЕВА.**

Петръ не мучился и не терзался самъ, какъ Іоаннъ.—Невольно, на основаніи сочувствія Петра къ Іоанну, рисуется сравненіе обоихъ Государей. Замѣчательно сходство въ иныхъ частныхъ проявленіяхъ. Укажемъ на нѣкоторыя.

Іоаннъ вдругъ сдѣлалъ Симеона Бекбулатовича Государемъ всея Россіи, съ титуломъ Великаго Князя, самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и ходилъ, какъ простой бояринъ. Но вся власть оставалась при немъ: онъ спялъ только съ себя царскую одежду.—Тоже самое сдѣлалъ и Петръ. Онъ одѣлъ князя Ромодановскаго въ санъ царскій, назвалъ его Кесаремъ, говорилъ ему: «Ваше Величество», и навѣсивъ на него, какъ на вѣшалку, все великолѣпнѣе царское, оставилъ при себѣ всю власть. Намъ не извѣстно, зналъ ли Петръ о поступкѣ Іоанна. Если нѣтъ, то, въ этомъ случаѣ, особенно замѣчательно такое сочувствіе обоихъ Государей. Какъ объяснить подобный поступокъ? Объяснить, кажется, можно. Здѣсь видимъ полнѣйшее самоощущеніе, слѣдовательно полнѣйшее самонаслажденіе безграничной власти. Окруженный всѣмъ блескомъ, пышностью и великолѣпемъ, всѣми атрибутами власти, произволь чувствуетъ свою связь съ этою обстановкою; онъ какъ будто съ нею дѣлитъ свою власть, какъ будто все это величіе нужно ему, какъ будто онъ на него опирается. Для произвола средней руки этотъ-то блескъ и увлекателенъ; но для произвола высшаго разряда этотъ блескъ—помѣха.—И вотъ произволь откидываетъ все то, что какъ будто дѣлать съ нимъ власть, отбрасываетъ весь ореолъ, всѣ атрибуты, все величіе, и оставляетъ при себѣ одну голую власть, безъ примѣси, безъ обстановки, безъ величія,—и онъ чувствуетъ въ то же время, что она при немъ во всей своей безграничности; здѣсь слышится произволь, власть чистую, настоящую, и конечно наслаждается. Это ощущеніе безграничной власти, во всей ея

чистотѣ, конечно испытывалось и Иваномъ Московскимъ в Петромъ Шкиперомъ. Ко всему тому нераздѣльно примѣшивалось чувство ироніи. Передъ всею великолѣпною обстановкою, въ лицѣ Великаго Князя Симеона и Кесаря Ромодановскаго, передъ этимъ бесплннымъ пзображеніемъ власти—являлась иронія самой власти, лишенной всякого величія, всякого гордаго одѣявія, власти, облекшейся въ образъ подчиненности, но тѣмъ сильнѣе чувствующей всю свою силу и безграничность. Въ Петрѣ это явилось еще рѣзче и сильнѣе, чѣмъ въ Іоаннѣ, какъ и все, въ чемъ сходились они. Что только набрасывалъ Іоаннъ IV, то Петръ доводилъ до полнаго и крайняго проявленія.

Іоаннъ, въ эпоху разгара своихъ страстей, именно тогда, когда задумалъ Опричнину, не взлюбилъ Москвы, не могъ, по крайней мѣрѣ, оставаться въ ней и сдѣлалъ для себя свое мѣстопробываніе въ Александровской Слободѣ, которая была какъ бы столица Опричнины. — И Петръ тоже удалился изъ Москвы и выстроилъ себѣ новый городъ, куда перенесъ свое мѣстопробываніе. Городъ, скажутъ, было нужно построить для удержанія береговъ Балтійскихъ; но Петръ не думалъ этимъ ограничиться; онъ хотѣлъ основать себѣ новую резиденцію, далеко отъ Москвы, на самомъ краю Русскаго Государства. Петербургъ уже при Петрѣ назывался Царствующій Градъ....

Какъ ошибочно, закоренѣлое въ людяхъ неслѣдующихъ, мнѣніе (а вѣдь такихъ людей еще много), что до-Петровская Россія чуждалась просвѣщенія и дичилась Западной Европы, и что только съ Петра явилось стремленіе къ знанію! Пусть они прочтутъ VI томъ Исторіи г. Соловьева—они увидятъ тому совершенно противное. Они увидятъ, что стремленіе къ просвѣщенію, къ заимствованію всего полезнаго отъ Европы, было и до Петра. Но какъ же имъ разстаться съ мыслию, что Петръ—преобразователь Россіи? Пусть успокоятся они. Петръ точно преобразовывалъ Россію, но не въ этомъ отношеніи. Чтоже новаго внесло знаменитое преобразование, если стремленіе къ просвѣщенію и къ сближенію съ Европою было не ново? О, много! Россія точно была преобразована: связь съ прошедшею исторіею была разорвана; вмѣсто самостоятельности явилась подражательность; Русская одежда была замѣнена иностранною; вмѣсто Русскаго языка стали употреблять Французскій. Пржнее стремленіе *усвоить*

себѣ чужое замѣнилось новымъ стремленіемъ *усвоиться* чужому: стремленіе къ знанію замѣнилось стремленіемъ къ покорному переняванью.... Намъ укажутъ на флотъ, на разработку металловъ, на всѣ прочія полезныя учрежденія, но во всемъ этомъ, то есть во всѣхъ своихъ полезныхъ дѣйствіяхъ, Петръ былъ только продолжателемъ, а во всемъ остальномъ—преобразователемъ.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ,

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

(Писано для племянницы.)

Тебя зовутъ Ольгой, милая племянница. Знаешь ли ты, что это за имя? чье оно, и кому въ честь ты это имя носишь? Вѣрно не знаешь хорошенько: такъ я тебѣ расскажу:

Прежде всего знаешь ли ты, что мы за народъ? Ты скажешь: мы Русскіе. Правда; но откуда же это слово: Русской; всегда ли мы такъ назывались? Нѣтъ, встарину мы никакъ не назывались, или лучше просто назывались: люди; не правда ли, что такъ и должно? Какое названье человѣку? человѣкъ, и довольно: лучше ужъ не придумаешь. Что же въ человѣкѣ есть такого особеннаго, почему онъ не похожъ ни на звѣрей, ни на какихъ животныхъ. Впью, что ты догадалась. Человѣкъ *говоритъ*. Вотъ чѣмъ онъ отличается отъ всего, что не человѣкъ. Это замѣтилъ нашъ народъ давно, давно, за тысячи лѣтъ, когда только-только что явился на свѣтѣ; потому мы тогда же назвали себя *Словенами*: это значить говорящіе, то есть у которыхъ есть *слово*. И такъ, назвавъ себя Словенами, мы этимъ названіемъ сказали, что мы люди, и въ то же время сказали, что люди—значить говорящіе. Выходить, стало быть, что мы, Русскіе люди, встарину назывались Словенами. *Слово* и *Слава* близки по смыслу и отъ одного корня; когда вмѣсто *Словене* говорятъ *Славяне*—и то и другое справедливо. Ты слыхала ли на святкахъ подблюдныя пѣсни? Замѣтила ли ты, что въ этихъ пѣсняхъ припѣваютъ: *Слава!* Это старинный припѣвъ, и не даромъ поется: *Слава*; отъ Славы памъ имя.—Я сказалъ, что Слава и Слово вначалѣ одно; потому можно писать Славяне и Словене. Чаше пишутъ Славяне, и я

такъ буду писать, особенно потому, что мы и теперь еще помемъ: Слава!

И такъ, мы Славяне.—Какъ же стали мы называться Русскими? А вотъ какъ:

Назадъ тому тысячу лѣтъ, жили Славяне въ Россіи отдѣльными селами, городами, племенами, и кромѣ своего имени *Славяне*, были у нихъ и прозвища по разнымъ мѣстамъ. Которые жили въ поляхъ около Днѣпра, звались Полянами; которые въ лѣсахъ—Древнями, которые на рѣкѣ Бугѣ—Бужанами; и много другихъ названій, все больше по мѣстамъ. Одни только тѣ Славяне, которые жили около озера Ильменя и на рѣкѣ Волховѣ, назывались своимъ именемъ—*Славяне*. Такъ ты видишь, что прежде въ Россіи жили Славяне все отдѣльными кучками, по племенамъ. Поляне особо, Древляне особо, Славяне Ильменскіе тоже особо, и всѣ такъ.—Славяне были народъ тихій, кроткій, пахали землю и любили жить мирно. Но другіе не Славянскіе народы имъ мирно жить не давали. Другіе народы любили разбойничать и грабить, нападали на Славянъ врасплохъ, грабили ихъ, и заставляли платить себѣ дань.—Славяне собирались и прогоняли незваныхъ пришельцевъ, и опять начинали жить мирно. Тѣ опять нападали на Славянъ, опять ихъ били, грабили и притѣсняли. Славяне опять собирались, опять прогоняли ихъ.—Ты видишь, что Славянамъ нельзя было жить, какъ они хотѣли, тихо и мирно, по человѣчески или по Славянски. Имъ приходилось бросать свою мирную жизнь, братья за оружіе и прогонять разбойничьи народы, показывая имъ, что у Славянъ есть и храбрость и сила побольше ихъ, и что Славяне любятъ миръ не потому, что они слабы, а потому, что они люди.—Народъ, который нападалъ на Славянъ съ сѣвера, были Варяги, а который съ юга,—то были Козаре. Надоѣла Славянамъ такая тревожная жизнь. И вотъ Славяне Ильменскіе, которые звались своимъ именемъ, — прогнавши Варяговъ за море, стали думать, какъ бы устроить такъ, чтобъ оградить себя отъ враговъ. — Надо тебѣ сказать, что до сихъ поръ Славяне управлялись сами собою, сходились всѣ вмѣстѣ на совѣтъ или на вѣче и вмѣстѣ съ общаго совѣта рѣшали дѣла, точно также какъ крестьяне и теперь сходятся на сходку. Но нельзя было все держать совѣтъ не расходясь, а между тѣмъ надобно было, чтобы ктонибудь безпрестанно запиная дѣлами и чтобъ не нападали

врасплохъ враги. — Думали Славяне, позвали на совѣтъ другихъ Славянъ, Кривичей, и даже не Славянъ, а народъ другаго происхожденія, называемый Чудь, и наконецъ рѣшились поставить себѣ князя, государя, который бы взялъ на себя всѣ дѣла и управлялъ ими. Однако Славяне не хотѣли разстаться съ своимъ общимъ совѣтомъ или *вѣчемъ*; они знали, что лучшее рѣшеніе то, которое всѣ согласно и единогласно примутъ, а потому и удержали свое вѣче. Князь долженъ былъ заниматься дѣлами, пока вѣче не собиралось, да и то, въ важныхъ случаяхъ, онъ и самъ долженъ былъ созывать вѣче. А когда вѣче собиралось, оно было важнѣе и выше князя, и могло князя прогнать. И такъ рѣшено было, какъ сказалъ я, на общемъ совѣтѣ поставить себѣ государя. Теперь надо было подумать, откуда его взять. — Славяне видѣли, что государь—это ужъ не ихъ власть, а чужая, и потому, чтобъ не смѣшивать своей власти народной съ властью государевой, рѣшились они призвать государя изъ чужой земли. — Изъ какой же? Рѣшили они призвать себѣ государя изъ *Варяговъ Русскихъ*, которые жили за моремъ. — Какъ видно, это были не тѣ Варяги, которые на нихъ нападали. Рѣшившись такъ поступить, Славяне, Кривичи и Чудь послали пословъ за море къ Русскимъ Варягамъ, и сказали имъ: наша земля велика и обильна, а устройства (т. е. государскаго) въ ней нѣтъ, придите княжить и владѣть у насъ. Тогда три брата изъ Варяговъ Русскихъ пошли къ нимъ съ своими семьями и взяли съ собою еще множество Русскихъ. Пришли они и стали строить крѣпость у Славянъ на берегу Ильмена и назвали Новгородъ; тамъ Рюрикъ и поселился; его братъ Синеусъ поселился въ Изборскѣ, а Труворъ на Бѣлѣозерѣ. — Отъ нихъ-то, отъ этихъ пришельцевъ Русскихъ, и прозвались Славяне, къ которымъ они пришли, Русскими, и земля Славянская прозвалась Русскою землею или Русью.

Братья Рюрика, Синеусъ и Труворъ, скоро умерли и вся власть ихъ перешла къ Рюрику, и Рюрикъ сталъ одинъ княземъ. Видно однако, что дѣло у князя съ народомъ Славянскимъ не очень-то шло ладно; видно, что Рюрикъ притѣснялъ Славянъ. Новгородцы, — такъ стали называться Ильменскіе Славяне по своему городу Новгороду, — Новгородцы не стерпѣли притѣсне-

ній и подвигались на Рюрика. Но Рюрикъ убилъ Новгородца Вадима храбраго, и ему удалось какъ-то удержаться.

Надо тебѣ еще сказать, что у Рюрика было, между другими, два съ нимъ пришедшихъ военачальника: Аскольдъ и Диръ; они съ войнами своими или съ дружиною своею пошли изъ Новгорода на югъ и пришли къ Полянамъ (тоже Славянамъ, какъ ты помнишь); у этихъ Полянъ былъ городъ Кіевъ: говорятъ, построили его три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, и назвали построенный городъ въ честь своего старшаго: *городъ Кіевъ*. У нихъ была еще сестра Лыбедь, т. е. *Леведь*. Это было еще прежде прихода Аскольда и Дира въ Кіевъ; въ это же время Поляне платили дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ предложили Кіевлянамъ, — такъ стали прозываться Поляне, по городу, — прогнать Козаръ. Кіевляне на это охотно согласились. Козаръ прогнали, и Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ княжить. Я еще не говорилъ тебѣ, что какъ Славяне, такъ и Варяги и многіе другіе народы тогда не знали еще истиннаго Бога и не были Христіане. А Греки въ это время давно ужъ были Христіане. Аскольдъ и Диръ родомъ были Варяги Русскіе; они любили войну и любили добычу, т. е. любили обогащаться на войнѣ и брать дань. — Они собрались вмѣстѣ съ своей дружиной и съ Полянами, и пошли на Грековъ, на Царьградъ или Константинополь; пошли они моремъ, дошли въ лодкахъ до самаго Цареграда. Тогда весь народъ Греческій сталъ молиться Богу о спасеніи и Патріархъ выпесъ на берегъ ризу Божіей Матери и опустилъ въ море. Какъ онъ только опустилъ, такъ сейчасъ поднялась буря на морѣ и раскидала всѣ Русскія лодки. Аскольдъ и Диръ насилу спаслись; они поняли тогда, что истинный Богъ есть Богъ Христіанскій и крестились. Потомъ стали они въ Кіевѣ княжить по прежнему.

Рюрикъ умеръ; послѣ него остался маленькій сынъ Игорьъ. Рюрикъ поручилъ и сына и власть свою родственнику своему Олегу. — Олегъ не долго ужился съ Новгородцами. Вѣрно они были недовольны, попросили его оставить ихъ. Разставались они однакожъ безъ ссоры; какъ видно, дѣло у нихъ уладилось мирно: князь оставлялъ Новгородъ, а Новгородцы соглашались платить ему за то дань, 300 гривень на лѣто. Олегъ забралъ всю свою дружину, земляковъ своихъ, Русскихъ Варяговъ, собралъ большое войско, въ которомъ были и Славяне, взялъ съ собою Иго-

ря и вышелъ изъ Новгорода. Олегъ двинулся на югъ, какъ видно съ тѣмъ, чтобъ найдти какой-нибудь городъ, занять его и поселиться тамъ и властвовать. Такимъ образомъ призванная Русь вышла изъ Новгорода, и вмѣстѣ съ нею сошло съ Новгорода и со всей сѣверной страны Славянской названіе Руси. Олегъ понесъ это названье съ собою на югъ.

Дошелъ Олегъ до Кіева и узналъ, что въ немъ княжатъ Аскольдъ и Диръ. Захотѣлось ему овладѣть Кіевомъ, и онъ для этого пустился на хитрость. Приплывъ въ ладѣ къ Кіеву, онъ послалъ сказать Асколду и Диру: я купецъ, иду отъ Рюрика и отъ княжича Игоря; приходите къ намъ, къ своимъ землякамъ. Аскольдъ и Диръ повѣрили и пришли; но вдругъ выскочили вопны изъ лодки и окружили ихъ; тогда вынесли Игоря на рукахъ.—Вы не князья, сказалъ Олегъ Асколду и Диру, я не княжого рода, а я княжого рода, и вотъ сынъ Рюрковъ; говоря это, Олегъ указалъ на Игоря. Асколда и Диру убили, а Олегъ занялъ Кіевъ. Кіевляне, равнодушные къ князьямъ своимъ, приняли Олега добровольно, видя, что противъ нихъ онъ зла не имѣетъ. Худо поступилъ Олегъ, мплая племянница, но онъ не зналъ истиннаго Бога и не былъ Христіанинъ. Онъ поселился въ Кіевѣ. Олегу Кіевъ очень полюбился. Онъ сказалъ про Кіевъ: это мать Русскимъ городамъ. Изъ Кіева Олегъ ходилъ съ войскомъ къ сосѣднимъ племенамъ Славянскимъ, изъ которыхъ нѣкоторые платили дань Козарамъ, прогонялъ Козаръ и говорилъ Славянамъ: лучше мнѣ платите дань, я не врагъ вамъ. Славяне соглашались и признавали Олега великимъ княземъ, потому что у нихъ были князья, которые соглашались быть *подъ рукою Олега*.

Игорь, между тѣмъ, выросъ и сталъ большой; однажды, на охотѣ, около города Пскова встрѣтилъ онъ молодую дѣвушку Славянку: она ему очень понравилась и онъ захотѣлъ на ней жениться. Олегъ согласился, и молодая Псковитянка въ честь Олега была названа: *Ольга*.

Черезъ четыре года послѣ этого задумалъ Олегъ идти на Грековъ, собралъ огромное войско и пошелъ на Царьградъ, в моремъ и по берегу. Дошедши до Царьграда, велѣлъ онъ вытащить лодки на берегъ и придѣлать къ нимъ колеса. Подулъ попутный

вѣтеръ и лодки пошли на колесахъ къ Царьгороду по землѣ. Греки пришли въ ужасъ и послали сказать Олегу, чтобъ онъ не губилъ города: будемъ платить тебѣ дань, какую хочешь. Олегъ согласился и отступилъ не далеко отъ города. Начался переговоры, и Греки согласились на все, чего Олегъ хотѣлъ, и заплатили огромную дань.—Олегъ повѣсилъ свой щитъ на воротахъ Цареградскихъ въ знакъ побѣды, и пошелъ назадъ въ Русскую землю и пришелъ къ Кіеву, везя съ собой множество золота, шелковыхъ тканей, и вина и плодовъ и всякихъ украшеній. Народъ дивился и прозвалъ Олега *вѣщимъ*.... Заключенъ былъ съ Греками мирный договоръ.

Олегъ продолжалъ княжить со славою. Надо тебѣ сказать, что еще прежде спрашивалъ Олегъ кудесниковъ или волхвовъ, т. е. волшебника, ворожю, который умѣлъ отгадывать: отъ чего ему умереть? Одинъ кудесникъ отвѣчалъ ему: Князь! конь твой, котораго ты любишь и на которомъ ѣдишь,—отъ него тебѣ умереть. Олегъ подумалъ и сказалъ: если такъ, то никогда на него не сяду, и больше и видѣть его не хочу. Онъ велѣлъ взять коня, кормить его и не выводить къ нему. Прошло нѣсколько лѣтъ. Олегъ пошелъ на Грековъ походомъ, какъ я разсказалъ, и воротился со славою въ Кіевъ; прошло еще четыре года, и Олегъ вспомнилъ про своего коня и призвалъ главнаго конюха. Гдѣ конь мой? спросилъ онъ его. Конь твой умеръ, отвѣчалъ конюхъ. Олегъ посмѣялся и сказалъ: не право говорить кудесники и ложь всѣ слова ихъ; конь умеръ, а я живъ. И велѣлъ Олегъ осѣдлать себя коня: хочу видѣть кости его, сказалъ онъ и поѣхалъ. Онъ пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали гнилыя кости его любимаго коня. Олегъ слѣзъ съ сѣдла и смѣясь сказалъ: отъ этого ли лба мнѣ умереть, сказалъ и ступилъ ногою на лобъ; въ это время выползла оттуда змѣя и ужалила его въ ногу. Олегъ сдѣлался боленъ, отъ того и умеръ.

Игорь сталъ княжить послѣ Олега. Древляне поднялись на него войною, но Игорь побѣдилъ ихъ и обложилъ данью больше прежней.—При Игорѣ появились Печенѣги, дикой народъ, Азіатскаго племени. Сперва они заключили миръ съ Игоремъ, а потомъ онъ принужденъ былъ воевать съ ними. Спустя довольно времени Игорь пошелъ на Грековъ. Жестоко поступали тогда невѣрные Русскіе въ землѣ Греческой, и Богъ наказалъ ихъ. Гре-

чское войско окружило ихъ, и послѣ долгой и упорной битвы Греки побѣдили. Русскіе бросились въ лодки и поплыли назадъ; но Греки встрѣтили ихъ и на морѣ съ огнемъ, который только Греки умѣли составлять. Этотъ огонь стали они пускать на Русскія лодки, и много Русскихъ погибло, а другіе едва вернулись домой. Но спустя года два-три Игорь опять собралъ большое войско, нанялъ Печенѣговъ и опять пошелъ на Грековъ, и въ ладьяхъ и на коняхъ. Услыхавъ объ этомъ, Корсунцы, т. е. Херсонцы (городъ Херсонъ теперь нашъ, а тогда былъ Греческій), послали къ Императору, царю Греческому, Роману сказать: идутъ Русскіе, итъ числа имъ, корабли море покрыли. Болгаре тоже послали вѣсть Грекамъ: идутъ Русскіе и напяли себѣ Печенѣговъ. Тогда Царь Греческій послалъ къ Игорю сказать, что онъ готовъ дать ему дань такую, какъ Олегу, даже больше. Игорь созвалъ свою дружину и сказалъ имъ рѣчь царя. Если такъ говоритъ царь, сказала дружина, такъ чего же намъ лучше: не бившись взять золото, серебро и шелковыя ткани. Какъ знать, кто одолѣетъ: мы ли, они ли; кто съ моремъ въ совѣтъ? Не на землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской: тутъ всѣмъ общая смерть.—Игорь послушалъ дружину, взялъ у Грековъ золото и шелковыя ткани на все войско и воротился въ Кіевъ; въ слѣдующій же годъ заключенъ у Русскихъ съ Греками мирный договоръ.

Дружина Игорева видно недовольна была своею добычею, она сказала Игорю: Свѣнелдовы (Свѣнелдъ былъ одинъ изъ воеводъ Игоревыхъ) воинны одѣлись я оружіемъ и платьемъ, а мы наги. Пойдемъ, князь, съ нами за данью, и ты добудешь, и мы. Игорь послушалъ и пошелъ къ Древянамъ за данью, насильно сби; а съ нихъ лишнюю дань. Собравши дань, пошли они въ свой городъ; возвращаясь, Игорь раздумалъ и сказалъ своей дружинѣ: ступайте съ данью домой, а я пойду назадъ, еще посбираю. Отпустивъ дружину, Игорь съ малымъ числомъ воиновъ возвратился къ Древянамъ, желая добыть еще больше. Услыхали Древяне, и посовѣтовавшись съ княземъ своимъ Маломъ, сказали: если волкъ повадится ходить въ стадо, то все стадо перетаскаетъ, пока не убьютъ его; такъ и этотъ: если его не убьемъ, то онъ всѣхъ насъ погубитъ.—Что идешь къ намъ? послали сказать Игорю Древяне; ты взялъ всю дань. Игорь не послушалъ ихъ.

Древляне вышли изъ города Искоростеня и убили Игоря и дружину его. Жена его Ольга была въ Кіевѣ съ маленькимъ сыномъ Святославомъ.—Древляне сказали: мы убили Русскаго (т. е. Кіевскаго) князя; выдадимъ его жепу Ольгу за вашего князя Мала замужъ, и возьмемъ и Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ что намъ будетъ угодно.—Рѣшивъ такъ поступить, Древляне выбрали почетныхъ людей числомъ 20 и отправили на лодкѣ по Днѣпру въ Кіевъ къ Ольгѣ.—Сказали Ольгѣ, что пришли Древляне. Ольга позвала ихъ: добрые ли пришли гости? сказала имъ Ольга. Да, княгиня, отвѣчали Древляне. Скажите, для чего пришли вы сюда? спросила ихъ Ольга. Древляне сказали: насъ прислала Древлянская земля съ такими словами: мы убили твоего мужа, ибо твой мужъ былъ какъ волкъ, все грабилъ и отнималъ у насъ, а наши князья добрые, они устроили Древлянскую землю. Пойди замужъ за нашего князя Мала.—Люба мнѣ рѣчь ваша, сказала Ольга; мужа своего ужъ мнѣ не воскресить, но я хочу васъ почитать завтра передъ своими людьми, а теперь ступайте въ свою ладью и гордо ляжьте въ ней; я завтра пошлю за вами, а вы скажите: не идемъ на коняхъ и пѣшіе не идемъ, несите насъ въ ладьѣ; васъ и понесутъ.—Древляне ушли.—Худыя были тогда времена, милая племянница, люди жестоко поступали другъ съ другомъ, мстили, врагамъ не прощали. Слова Ольги были только хитростью. Хорошо, что она любила своего мужа, но она ужасно за него отмстила. Древляне не догадались, что она хитритъ съ ними. На другой день пришли Кіевляне къ посламъ Древлянскимъ, говоря: Ольга зоветъ васъ на великую честь. Послы Древлянскіе сказали: не идемъ ни на коняхъ, ни на повозкахъ и пѣшіе не идемъ, несите насъ въ ладьѣ. Дѣлать нечего, отвѣчали Кіевляне, нашъ князь убитъ, а княгиня хочетъ идти за мужъ за вашего князя, и понесли ихъ въ ладьяхъ. На дворѣ Ольги была выкопана огромная яма. Кіевляне бросили туда пословъ съ ладьею. Ольга велѣла убить ихъ.—Ольгѣ было мало этого; она послала Древлянамъ сказать: если вы точно просите меня, то пришлите самыхъ знатныхъ людей, пусть приду я въ великой чести къ вамъ замужъ за вашего Князя, а то Кіевляне меня не пустятъ. Древляне послушались, выбрали лучшихъ мужей, которые управляли Древлянскою землею, и послали къ Ольгѣ. И эти послы были убиты.—Ольга опять послала къ Древлянамъ сказать: те-

перь я иду къ вамъ; устройте пиръ большой, приготовьте меду въ томъ городѣ, гдѣ вы убили моего мужа, чтобъ я могла поплакать на его могилѣ и сотворить тризну своему мужу.—Древляне приготовили пиръ, наварили меду. Ольга, взявъ немного дружины, скоро пришла къ Древлянамъ, плакала на могилѣ своего мужа, велѣла своимъ людямъ насыпать высокую могилу и потомъ сотворила тризну. Послѣ того сѣли Древляне пировать и пить, а своимъ воинамъ Ольга велѣла прислуживать Древлянамъ. Древляне спросили однако: гдѣ дружина наша, которую мы посылали за тобою? Идутъ вслѣдъ за мною съ дружиной мужа моего. Когда Древляне упились медомъ, Ольга отошла въ сторону и велѣла своей дружинѣ рубить Древлянъ. Ихъ изрубили множество. Ольга воротилась въ Кіевъ и собрала войско противъ Древлянъ.

Собравъ войско, Ольга съ маленькимъ сыномъ своимъ Святославомъ пошла противъ Древлянъ. Древлянское войско вышло имъ на встрѣчу; когда сошлись полки между собою, маленькій Святославъ бросилъ копьѣ въ Древлянъ, копьѣ пролетѣло сквозь уши лошади и ударило ея въ ноги. Свѣнелдъ и Асмодъ военачальники Игоревы крикнули: князь уже началъ; дружина! за княземъ! И Кіевляне ударили на Древлянъ, побѣдили ихъ и обратили въ бѣгство. Древляне затворились въ своихъ городахъ. Ольга устремилась къ Искоростеню, ибо Искоростенцы убили ея мужа, и стала около города съ сыномъ своимъ. Древляне Искоростенскіе, зная, что сами убили князя, зная, что ждетъ ихъ, если предадутся, крѣпко оборонялись изъ города. Цѣлое лѣто прошло, а Ольга не могла взять города, и придумала поступить такимъ образомъ: она послала въ городъ сказать жителямъ: до чего вы хотите досидѣть? всѣ ваши города мнѣ переданы сами, согласились платить дань, обрабатываютъ свои пшвы и землю. А вы хотите умереть отъ голода, не соглашаясь на дань.—Древляне сказали: мы бы рады согласиться на дань, но ты хочешь мстить за своего мужа. Ольга отвѣчала: я ужъ мстила за обиду мужа своего два раза, когда ко мнѣ приходили въ Кіевъ Древлянскіе послы, а въ третій разъ, когда творила своему мужу тризну; теперь ужъ не хочу мстить, но хочу брать съ васъ дань по малу: умирясь съ вами, пойду назадъ.—Древляне сказали: чего хочешь отъ насъ, рады дать тебѣ медомъ и мѣхами. Ольга отвѣ-

чала: теперь нѣтъ у васъ ни меду, ни мѣховъ; но я прошу у васъ малаго: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья. Я не хочу налагать на васъ тяжелой дани, какъ мой мужъ; ибо вы изнемогли въ осадѣ. . . . .

. . . . .

. . . . .

РАЗНЫЯ ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ (1).

Отечество—слово искусственное; *родина (отчизна)* вовсе не — значила того, что значить теперь. Слово *patria* нѣтъ на Русскомъ языкѣ: просто говорилось *Русская земля, земля своя, Святая Русь*. Доказательства не родового быта.

Русская История имѣетъ значеніе Всемирной Исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія Святыхъ.

Государство не есть проповѣдникъ истины. Западъ потому и развилъ законность, что чувствовалъ въ себѣ недостатокъ внутренней правды. — Приѣхавъ въ Россію, гдѣ нѣтъ такой законности, ибо есть другое начало, иностранецъ являлся во всей своей дикой натурѣ, ибо внутреннихъ преградъ для него нѣтъ, или мало. Цѣль Государства—сдѣлать не нужною совѣсть.

Просвѣщенный міръ едва ли представлялъ что-либо подобное тому легкомыслію, съ которымъ отзываются у насъ о древней Россіи. Въ этомъ легкомысліи много дѣтскаго, много желанія *казаться большими*, къ которому такъ склонны дѣти, не замѣчая, что въ эту минуту они всего болѣе дѣти. Это осужденіе, это пренебреженіе къ древней Россіи весьма похоже также на чувство мѣщанина во дворянствѣ. Конечно, это не просвѣщеніе; это полупросвѣщеніе, которое научаетъ только поднимать голову надъ всѣмъ, что кажется не просвѣщеннымъ. Похвалить древнюю Русь, — признать ее значеніе для себя — боятся какъ mauvais genre. Это все равно, что человекъ, вышедшій въ люди, вступившій въ родство съ дворянскою знатію и стыдящійся сво-

(1) Онѣ писаны въ разное время, иногда въ записныхъ книжкахъ, иногда на отдѣльныхъ лоскутахъ бумаги, иногда на поляхъ рукописей. *Пр. изд.*

его семейства, а на повѣрку выдѣтъ, можетъ-быть, что эта послѣдняя среда всего выше. Какъ видно, что мы недавно надѣли европейскій фракъ; видно, что мы еще не наглядѣлись на него, и какъ страненъ и противенъ кажется намъ зипунъ!

—
 Правительство должно опасаться рабскаго чувства къ себѣ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и вольнодумства.

—
 У насъ не было завоеванія. Петръ произвелъ искусственное завоеваніе, поставилъ отношенія завоевателей къ завоеваннымъ.

Петръ обратилъ вниманіе на кору, на наружность, но не въ томъ сила, крѣпка ли кора, а въ томъ сила, здорова ли сердцевина.

—
 Петрово преобразованіе полезно развѣ, какъ привитіе оспы.

—
 Колесо Русской Исторіи оборачивается въ 150 лѣтъ.

—
 Холопами назывались дворовые люди относительно помѣщиковъ и служилые люди (бояре и пр.) относительно Государя. Крестьяне, купцы (народъ, земля) холопами не назывались. — Переворотъ удался и потому, что Земля сама по себѣ мирна и безоружна; отдѣлившись рѣшительно отъ Государства, она должна была уступить ему, и великая уже ея побѣда въ томъ, что она сохранилась сама, какъ есть, но она можетъ побѣдить вполне.

—
 Москва вырабатываетъ Русскую мысль.

—
 Въ Новгородѣ не было смертной казни. Киданіе въ Волховъ и умерщвленіе оставалось всегда только убійствомъ, и хотя оно совершалось народомъ, но всегда какъ вещь случайная, а не положенная закономъ.

—
 Замѣчательно очень, что крестьянинъ, не имѣя собственности, часто продаетъ свой участокъ. Онъ говоритъ: *земля моего владѣнія*. Здѣсь продаетъ онъ не собственность, а только право своего владѣнія, свое мѣсто. свое положеніе въ общинѣ, и отноше-

нѣ къ землѣ; онъ передаетъ за деньги свое право, какъ можно передать подрядъ и проч. Частной собственности нѣтъ.

Замѣчательно, что, при своей отъѣздности съ одной стороны, Русская община имѣла въ себѣ много элементовъ подвижности. Это доказывается многими, между прочими и допущеніемъ вотчинниковъ переводить крестьянъ. Это показываетъ право на землю не только общины, но и человѣка: послѣднее въ извѣстномъ смыслѣ, но не въ смыслѣ частной собственности. Это право не становилось частнымъ и неподвижнымъ. Лицо не дѣлалось необходимо, Семень, Петръ, и пр., все равно, а земля необходима, именно такая-то, съ лѣскомъ на право и съ рѣчкою на лѣво. Человѣкъ не могъ быть безъ земли, а какой именно человѣкъ живетъ на этой землѣ, и какая именно земля принадлежитъ этому человѣку, это вовсе не входило въ непремѣнное отношеніе. Общинѣ не было вовсе дѣла, если кто-нибудь изъ ея лицъ продавалъ свой жеребій, т. е. продавалъ свое мѣсто въ общинѣ, и община, проспавшись по утрамъ, вдругъ вмѣсто Семена видѣла Петра, выѣзжающаго на работу. Еслибъ здѣсь не было понятіе о продажѣ, передачѣ *права*, какимъ бы образомъ помѣщикъ могъ продавать свое помѣстье? Такъ и помѣщикъ могъ переводить крестьянъ: крестьяне не могли быть безъ земли, земли онъ лишить ихъ не могъ, — а какой именно — это не входило въ расчетъ; переводъ крестьянъ помѣщикомъ былъ, конечно, ограниченъ волею крестьянской общины. — Одни, и то не вполне, были безземельные крестьяне, — это крестьяне переходные. Въ нихъ перемѣна мѣстности является исключительно и невольно; если онъ могъ переходить, то не могъ остаться на мѣстѣ, когда бы и хотѣлъ. Но укрѣпленіе дало имъ эту возможность, это право, и не болѣе, какъ мы думаемъ.

Устройство государственное было извѣстно всему народу, приобрѣталось не черезъ училище и преподаваніе профессоровъ, но принадлежало къ общенародному вѣденію. *Пословъ ни спкутъ, ни рубяжъ*. Эта пословица, выражая постановленіе государственное, выражала въ тоже время взглядъ народа, собственный взглядъ, которому такъ вѣренъ оставался онъ, по признанію самихъ По-

ляковъ, въ часы возстанія противъ Лжедмитрія. Иное перешло въ игры. Такъ: «*безъ соли—съ солью*» указывало на таможенное положеніе. Такъ наконецъ дѣтская игра: *тѣмъ намъ не судья, намъ судья владыка* (1) указываетъ какъ на общее народное вѣденіе учрежденій и законовъ, такъ въ особенности на то, что это знали сами дѣти. Дѣти, зная права свои, составляли сами какъ бы общину; они могли сказать и почти говорили: *мы, дѣти, не подлежимъ гражданскому сулу, а сулу владыки*.

Вообще замѣчательно значеніе игръ народныхъ. Все то, что является въ жизни, какъ важное дѣло и трудъ, все это игры для дѣтей. Въ дѣтскомъ возрастѣ дѣти уже сближаются и съ грядущими трудами и со всѣмъ порядкомъ общественнымъ. Теряя свою тяжесть, все это обращается въ игру для ребячьяго возраста. Мы уже указали на одну игру. Земледѣльческія работы: *макъ, рѣдька* и др., относятся къ такимъ же играмъ.

Къ пословицамъ, отражающимъ въ себѣ вѣденіе государственнаго устройства, относятся, между прочимъ: *идь рука, тамъ и голова; что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Впередъ не забѣгай, сзади не отставай*.

Говорятъ: какой же результатъ великой эпохи междуцарствія? А Земскія Думы? Ихъ значеніе мы легко принимаемъ. Онѣ имѣли значеніе огромное, въ особенности послѣ эпохи междуцарствія; до того было всего двѣ Земскія Думы: тутъ же онѣ вдутъ почти непрерывно.

Замѣчательно, какъ съ одной стороны народъ ставитъ высоко *міръ*, совѣтъ и пр., — какъ высшее выраженіе ума и жизни вообще; съ другой видитъ въ собраніи людей—*множество* людей, толпу, и въ ней силу стихійную, которая неразумна, почему толпа и можетъ двигаться съ силою, невольно все и всѣхъ увлекающею и часто увлекаемою незнаніемъ. *Міръ судитъ Богъ*, говоритъ народъ, и въ тоже время: *міръ силенъ какъ вода, а глупъ какъ дитя. Міръ уменъ. Міръ глупъ*.

(1) См. Москов. Сборникъ 1852 г., статья А. С. Хомякова: „Примѣчаніе къ Русскимъ пѣснямъ.“

Личность въ Русской общинѣ не подавлена; она только лишена своего буйства, эгонизма, исключительности; пословица говорить: *одинъ въ поле не воинъ, одному и у каши не спору*; и потомъ: *что голова, то и умовъ; свой умъ въ голову*. Личность поглощена въ общинѣ только эгонистическою стороною, но свободна въ ней, какъ въ хорѣ.

Хоровое чувство земли. Личность какъ фальшивая нота въ хорѣ.

Священное значеніе дѣвы изъ самаго имени и другихъ преданій. Судъ Любуши. Въ нашихъ пѣсняхъ дѣвушка гадаетъ. Также изъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ. Также нѣтъ насмѣшки надъ старыми дѣвушками. Также *вѣковыя дѣвушки* (1).

Петербургъ забавень съ своимъ патриотизмомъ. Видно, что это дѣло для него вновь, и какъ всегда бываетъ съ иностранцемъ, желающимъ показать, что онъ Русской, Петербургъ пересаливаетъ. Забавнѣе всего, что Петербургъ упрекаетъ Москву въ недостатокъ патриотизма. Да у насъ и вовсе нѣтъ того патриотизма, какой у него. Но разница въ томъ, что Москва Русской городъ, городъ народный, которому и въ голову не придетъ доказывать свой руссизмъ. Да за нее громко говорить исторія и народъ Русской. О *Sanctpetersbürger* цы! вспомните ваше имя, добровольно вамъ данное и посмотрите, не утверждаетъ ли вашъ патриотизмъ за вами значеніе не Русскаго города?—Петербургъ съ своимъ патриотизмомъ напоминаетъ мнѣ одного Нѣмца, съ которымъ встрѣтился я въ Швейцаріи. Этотъ Нѣмецъ былъ изъ Россіи и Русской подданный: узнавъ, что я Русской, онъ заговорилъ со мною ломанымъ Русскимъ языкомъ и требовалъ, чтобъ я прочелъ Русскіе стихи. Смотри съ любонитствомъ на этотъ Русской патриотизмъ Нѣмца, я прочелъ ему что-то изъ Пушкина. Но Нѣмецъ былъ очень недоволенъ; онъ непремѣнно требовалъ, чтобъ я прочелъ ему такіе стихи, гдѣ есть *любушка* и *матюшка*, и

(1) Вѣковыми дѣвушками называются въ нашемъ народѣ тѣ дѣвушки, которыя обрекаютъ себя на невозможство, садятся на вѣкъ и посвящаютъ себя или ученію дѣтей грамотѣ (какъ въ некоторыхъ селахъ Владимірской губерніи), или уходу за больными, или другимъ благочестивымъ занятіямъ. Это родъ свѣтскаго монашества. Онъ очень уважаются народомъ. *Пр. мѣд.*

конечно, за мой выборъ Пушкина, обвинилъ меня въ недостатокъ патриотизма. Но это былъ по крайней мѣрѣ Нѣмецъ; а Петербургъ не Русской, и даже не Нѣмецъ, а иностранецъ *вообще*.

Въ западныхъ народахъ, на всѣхъ проявленіяхъ общественности, лежитъ печать государственности; нѣтъ простоты жизни, нѣтъ свободы. Вездѣ виѣшнее, условное, искусственное. Митинги, объѣды, общества, собранія, — все условно, все не имѣетъ истинной общественности.

Русской народъ не есть народъ; это человѣчество; народомъ является онъ отъ того, что обставленъ народами съ исключительно народнымъ смысломъ, и человѣчество является въ немъ потому народностью. Русской народъ свободенъ, не имѣетъ въ себѣ государственнаго виѣшняго элемента, не имѣетъ въ себѣ ничего условнаго; даже нѣтъ условнаго восклицанія, восклицанія привѣта или восторга.

Новгородъ какъ бы остался на моментъ призванія. Онъ отдѣлялъ себя отъ Русской земли и иначе относился къ Рюрикову роду. Татары тоже не были для него тѣмъ, чѣмъ для остальной Россіи. На Татаръ онъ смотрѣлъ почти какъ на Половецъ. Новгородъ какъ бы и не замѣтилъ, что между тѣмъ княженія исчезли, вся остальная Русь сплотилась въ одно цѣлое, и въ величавой силѣ явилась передъ нимъ. — Постепенности этого перехода, этого сплоченія Новгородъ не зналъ, не принималъ въ ней участія. Новгородъ, отдѣляя себя, хотѣлъ однакоже, кажется, сохранить свой союзъ съ Русью.

Все значеніе Москвы — это единство, совокупленіе, цѣлость Руси, — значеніе Москвы есть *значеніе вся Русь*. Отсюда многое и все существенное объясняется.

Смысль общій Русскаго человѣка — *свобода*, свобода истинная, и отсутствіе условности всюду. — Придется при этомъ разстаться со многими красивыми приѣмами и заманчивыми штучками свободы виѣшней, политической.

Въ Русской землѣ (народѣ) единство во всѣхъ ея проявленіяхъ; всюду проводится тоже начало и тотъ же образъ: языкъ, одежда, общественное устройство, пѣсня (содержаніе), музыка (напѣвъ), поэтическая рѣчь (стихъ), сказка, пословица, шутка, обычаи, пляска, — однимъ словомъ все проникнуто тѣмъ же духомъ. Чрезвычайно замѣчательны обычаи, гдѣ вся жизнь, не переходя въ міръ искусства, а оставаясь вполнѣ жизнью, проникается духовнымъ свѣтомъ и мыслію, гдѣ слово также просвѣтлено и становится поэтическимъ. Всѣ разговоры, всѣ дѣйствія, все проникнуто значеніемъ высокимъ, внутреннимъ смысломъ жизни.

Бралось за безчестье, и съ одного болѣе, съ другаго менѣе. Это, впрочемъ, объясняется. Личное оскорбленіе—такое дѣло, которое въ языческомъ государствѣ предоставляется личной мести. Въ государствѣ Христіанскомъ — это подвигъ личного прощенія (при искаженіи понятія это иное). Поэтому государство въ эти дѣла не мѣшалось. Какъ же скоро обиженный отвергалъ личный путь и относился къ суду государственному, что было государству дѣлать? Въ личное положеніе оскорбленнаго оно стать не можетъ, не можетъ сдѣлать его дѣло своимъ дѣломъ, да и вообще личного оскорбленія для государства нѣтъ. Если обиженный отвергъ личный путь примиренія, то государство не можетъ за него обидѣться, а должно взвѣсить и цѣнить его обиду, какъ другое нарушеніе порядка. Это не значить, чтобъ въ этомъ постановленіи была оцѣнка *настоящая* личной обиды. Деньгами она не цѣнится; это само собой разумѣется: для личной обиды и путь личный. Какъ же скоро этотъ путь отвергнуть, какъ скоро это доведено до свѣденія государства, то государство цѣнить обиду уже не съ личной точки зрѣнія, а какъ нарушеніе порядка, и класть денежную пеню. При разкладкѣ пени, оно также смотритъ не на личное достоинство лица; это не его судъ и до этого оно касаться смѣть не должно, не должно сдѣлать себя оффиціальнымъ оцѣпщикомъ душевнаго человѣка. Оно смотритъ на то, какое мѣсто занимаетъ обиженный въ распорядкѣ государственномъ, и наказывая какъ оскорбленіе не личное, а съ точки зрѣнія государственной, оно не равную полагаетъ за то пеню.

Въ этомъ случаѣ смотритъ оно на государственное отношеніе лицъ между собою, и по тому соразмѣряетъ наказаніе.

Система пошлинъ, столь многообразная въ Россіи, столь подробная, прямо указываетъ: 1) на финансовыя отношенія власти съ одной стороны, 2) съ другой стороны на то именно, что не было произвола во взысканіи государственныхъ доходовъ, но вездѣ нуженъ былъ предлогъ, нужно было *извиненіе* при сборѣ денегъ. Къ тому же сборъ денегъ, подверженный мелкимъ отгѣнкамъ, могъ быть наиболее справедливъ. Если даже тутъ были придирки, крючки, то даже это самое показываетъ, что не было отношенія произвольнаго, при которомъ крючки и придирки не нужны. Древній крестьянинъ платилъ пошлины своему господину съ суда и пр.; но это самое и показываетъ, что отношенія не были произвольны. Теперь помещикъ не нуждается въ пошлинахъ; онъ увѣренъ, что и крестьянинъ и все крестьянское—его; если онъ не беретъ, то по той случайности, что онъ добръ, что онъ не хочетъ.

Прежде было наружное, формальное униженіе; со времени Петра оно сдѣлалось внутреннимъ. *Холовъ* древнихъ временъ—*мизерный рабъ* Петрова времени. Просто, безъ всякаго внутренняго значенія говорилось первое; это только безстрастная форма. Во второмъ видно, что человѣкъ получилъ вкусъ въ униженіи, смакуетъ его; самое иностранное слово доказываетъ это; теперь тутъ душа.

Крестьянинъ въ народѣ уменъ. умомъ народнымъ. По этому всякой человѣкъ въ народѣ, крупъ онъ или нѣтъ, имѣетъ значеніе и голосъ: глупаго человѣка при народной жизни быть не можетъ.

Мы какъ Евреи, видѣвшіе Египетъ; Палестины мы не увидимъ; но благо, если мы выйдемъ изъ Египта и освободимся отъ Египетской работы, заданной намъ Западомъ!

Конецъ I-го тома.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.

	стр.
1. Объ основныхъ началахъ Русской исторiи	1
2. О томъ же	7
3. О Русской исторiи	17
4. Родовое или общественное явленiе бытъ Изгой	27
5. По поводу I тома Исторiи Россiи г. Соловьева	39
6. О древнемъ бытъ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности	59
7. По поводу VI тома Исторiи Россiи г. Соловьева	125
8. Замячанiя на статью г. Соловьева: «Шлецерь и анти- историческое направление	173
9. По поводу той же статьи г. Соловьева	214
10. По поводу VII тома Исторiи Россiи г. Соловьева	217
11. По поводу VIII тома Исторiи Россiи г. Соловьева	255
12. Краткiй историческiй очеркъ Земскихъ Соборовъ	291

II. ЧАСТНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНIЯ.

О древнихъ вѣрованiяхъ, преданiяхъ, обычаяхъ и о богатырскомъ циклѣ Русскаго народа:

1. О древнемъ бытъ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности, на основанiи обычаевъ, преданiй и пѣсень (язычество; о бракѣ; разбросанныя замѣтки; по поводу Лужицкихъ пѣсень)	311
2. Замячанiя на статью г. Шенинга: Купала и Коляда	325

II

3. О богатыряхъ времянъ Владиміра по Русскимъ пѣснямъ. 331
4. О различіи между сказками и пѣснями Русскими. 369
5. Замѣтка о значеніи Ильи Муромца 409

О крестьянствѣ въ древней Россіи:

1. О состояніи крестьянъ въ древней Россіи 415
2. По поводу Бѣлевской Всплѣоенки, изданной Н. А. Елагинимъ 495

Замѣчанія на лѣтописи, акты и грамоты:

1. Замѣчанія на лѣтописи Нестора по Лаврент. списку. 531
2. Замѣчанія на акты Археографической Экспедиціи (или: Записки о Русской Исторіи, отдѣленіе 1-е). 545

III. РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ СТАТЫИ И ЗАМѢТКИ:

1. Русская Исторія для дѣтей. 558
2. Семисотлѣтіе Москвы. 598
3. Замѣчанія о Псковской рядной записи XIII вѣка. 606
4. Вариантъ къ статьѣ «по поводу VI тома Ист. Рос. г. Соловьева 612
5. Начало Русской Исторіи, рассказъ для дѣтей (написано для племянницы) 615
6. Разныя отдѣльныя замѣтки. 625

patron's name: HALPERIN, CHARLES

title:Polnoe sobrane sochine
author:Aksakov, Konstantin Se
item id:32000006264172
due:12/13/2005,23:59

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

3 2000 006 264 172